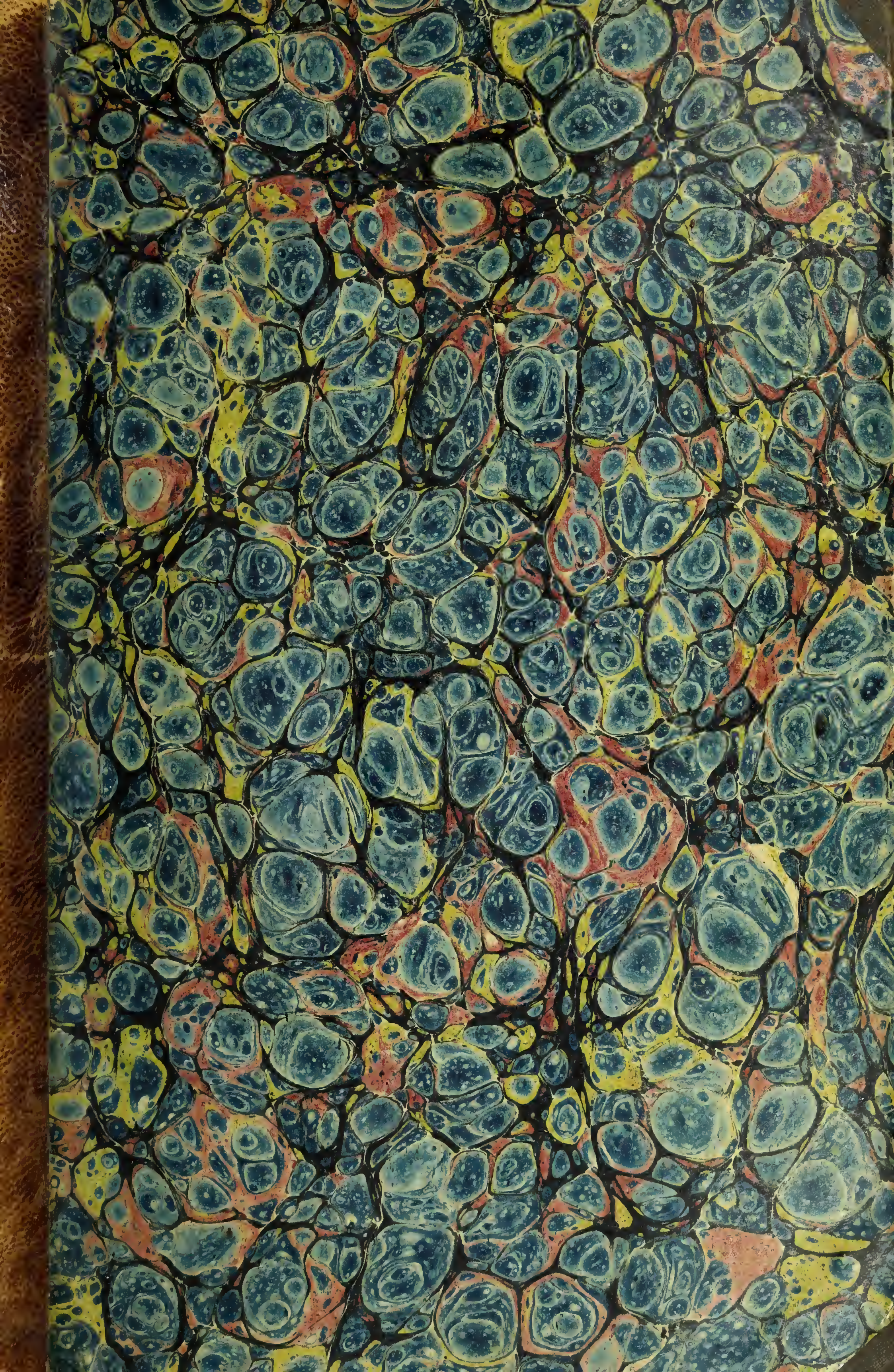
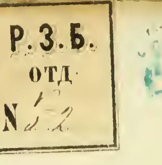
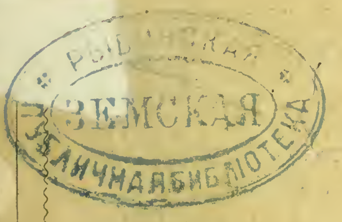

Р. З. Б.
ОТД
N

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

1876

№ 6 ІЮНЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(*См. страницу 3-ю*).

ВЪ АРТЕЛИ.

(Изъ записокъ петербургскаго пролетарія).

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

...Мнѣ снилось, что я стою на распутьи, на краю какой-то пропасти; вдругъ откуда-то является передо мной словоохотливый моралистъ и, показывая одной рукой съ пивнымъ стаканомъ на пропасть, старается другой столкнуть туда меня... Я упираюсь, но напрасно; моя нога скользитъ; я вскрикиваю и въ это время слышу чей-то голосъ, чья-то массивная, широкая ладонь протягивается ко мнѣ на помощь; я схватываю ее—и полупросыпаюсь... Но тяжкій кошмаръ еще давитъ меня, члены не повинуются... Одинъ слухъ освободился изъ оковъ сна; это чувство, кажется, прежде всѣхъ начинаетъ бодрствовать; еще всѣ члены спятъ скованные, но оно уже стоитъ на сторожѣ и, вотъ, по мѣрѣ того, какъ оно воспринимаетъ яснѣе и яснѣе внѣшнія впечатлѣнія, начинаютъ освобождаться отъ цѣпей и другія чувства.

— Вишь, кàкъ его домовикъ-то придушилъ, слышится мнѣ чей-то незнакомый голосъ.—Не ко двору онъ, должно, здѣсь... Нелюбъ онъ *ему*—вотъ *онъ* его и выживаетъ... Пужаетъ... Натко-сь, кàкъ кричалъ... Побудить развѣ бы... Задушитъ — того гляди...

— Не трошь... не задушитъ, останавливалъ кто-то:—разбудишь—хуже... Ему теперь спокой нуженъ... Не доспитъ—заболѣетъ... А крѣпкимъ сномъ все пройдетъ...

— Объ чемъ-то плакалъ!.. замѣтилъ кто-то.

— Заплачешь, коли одна душа одиночка... Людей много, а душѣ близкаго нѣтъ..

— Ну, совсѣмъ, чтò ли? яснѣе слышу я, перебилъ кто-то.

— Совсѣмъ... Выходи, съ Богомъ... Постой, братцы, рукавицы забылъ... Ахъ, чтобъ-те, онучу-то худую обулъ... Того гляди, палецъ прихватитъ на Невѣ-то...

— Да ну ее къ лѣшему!.. Сойдетъ, заговорило разомъ нѣсколько голосовъ.—А морозъ-то крѣпчаетъ!.. Обледенѣешь, братцы, совсѣмъ, мотри... Выходилъ я, и-и студено!.. Вода, не успѣешь донести — замерзаетъ... Н-ну, совсѣмъ... Благослови, отецъ!.. А ты, Ерошка, загаси свѣчку-то, да спать ложись... Рано еще... А даромъ ее жечь не къ чему... Да присмотри за гостемъ-то... Вишь, больной онъ... Можетъ, проснется, за водкой пошлетъ—такъ сбѣгай, возьми у Павла Васильича за артель косушку...

— Ладно...

— Ѣсть захочетъ, такъ тамъ у *матки* спроси...

Разговаривающіе вышли. Я чувствую, ка̀къ въ дверь проползла по полу холодная струя пара и подобралась ко мнѣ, прошла подъ спину и пробѣжала по тѣлу лихорадочной дрожью.

Я открылъ глаза: тепло, свѣчка погашена; кто-то копошится невдалекѣ отъ меня, видимо стараясь закутаться потеплѣе. Обоняніе рѣзко поражается еще носящимся сальнымъ и тлѣлымъ запахомъ долго гаснувшей свѣтильни; затѣмъ, я различаю характерный кислый запахъ «жилья»: тутъ пахнетъ и хлѣбомъ, и полушубкомъ, и по̀томъ.

Я напрасно усиливаюсь понять, гдѣ я... Неужели я остался спать въ типографіи и не пошелъ домой?.. А, можетъ быть, потому, что «дома» хозяйка въ мою комнату уже пустила новаго жильца и сбросила съ кровати мое одѣяло и подушку, перестлала матрацъ, покрыла новой простыней и положила три чистыхъ подушки для новаго жильца, который уже заплатилъ впередъ за мѣсяцъ... Но въ типографіи иначе пахнетъ; пахнетъ плесенью, сыростью, печатной краской, керосиномъ... И въ это время, пока меня вновь начинаетъ одолѣвать дрема, въ моемъ воображеніи рисуется послѣдняя сцена въ типографіи.

Шесть часовъ. Въ большой комнатѣ, установленной кассами, почти темно. Пахнетъ страшной сыростью. На стѣнахъ плесень. Тихо. Наборщики безмолвно стоятъ у кассъ, покачиваясь всѣмъ туловищемъ и бѣгая пальцами за литерами. Мэтранпажъ, съ перекинутымъ черезъ шею моткомъ бичевокъ, возится со сводкой.

— Чортъ ихъ возьми! Скоро ли же засвѣтятъ лампы... Вѣдь, не кошачьи глаза-то, дьяволы! внезапно рычитъ кто-то изъ-за кассъ.

Никто не отвѣчаетъ. Молчаніе. Вотъ мэтранпажъ начинаетъ натирать краску, стучитъ ручной прессъ... Затѣмъ опять тихо.

— Ѳедоръ Иванычъ, опять кто-то злобно относится къ мэтранпажу: — да что̀ же, огонь-то будетъ ли?.. А то я брошу, ей-Богу... Чортъ васъ тутъ возьми совсѣмъ...

— Да знаете, что керосину нѣтъ... Ну, что же орете? Не рожу̀ я его... Ѳедька къ издателю за деньгами пошелъ...

— Тьфу! плюетъ наборщикъ, беретъ шапку и уходитъ.

Другіе смотрятъ ему вслѣдъ и ежатся отъ знобящей сырости...

— Ѳедоръ Иванычъ! а что̀ же, ныньче дадутъ ли денегъ-то?

— Не знаю... Погодите до 11-ти часовъ... Вѣдь, ей-Богу, я пять разъ къ нему ходилъ... Погодятъ, говоритъ:—вотъ мнѣ крышу у дома подрядчикъ переправлялъ, ему заплатилъ... Ну, что̀ же мнѣ дѣлать!..

— Да вѣдь, ужь полмѣсяца прошло... Съ квартиры гонятъ, жрать не даютъ, и то въ съѣстной гороху нажрался; вѣдь эдакъ и холера... Мы, право, откажемся...

— Мы, коли ныньче всѣ къ нему пойдемъ, говоритъ еще кто-то.—Депутатовъ, говоритъ, присылайте, а всѣ не ходите... Да̀! А депутата десять дней за носъ водитъ... Право, ныньче всѣ вломимся...

— Не пуститъ...

— Дверь сломаемъ! храбрятся наборщики.

Опять молчатъ. Темнѣетъ. Наборщики бросаютъ дѣло и ходятъ изъ угла въ уголъ. Закурили папиросы. Входитъ мой сотрудникъ-корректоръ, сѣдой отставной поручикъ.

— Ну, что̀, Ѳедоръ Иванычъ, сводки готовы? спрашиваетъ онъ.

— Одна только...

— Ну, что̀ же это?! Вѣдь это опять до 3-хъ часовъ придется болтаться зря... чуть не плача, взываетъ корректоръ.

— Да видите, керосину нѣтъ... Наборщики бросили...

— Тьфу! А вы, Н. Н., давно здѣсь сидите?..

— Давно.

— Что̀ же вы забрались рано? Какое веселье нашли!..

— Дома не веселѣе...

Два наборщика потихоньку шмыгнули изъ дверей.

Опять все тихо. Но вотъ входитъ Ѳедька и, неторопливо двигая огромнѣйшими сапогами, зажигаетъ лампы, мѣдныя, съ вставленными, вмѣсто стеколъ, осколками, съ абажурами, склеенными изъ каррикатуръ, каждонедѣльно прибавляемыхъ къ газетѣ. Запахло керосиномъ; лампы закоптили... Въ комнатѣ—не то полусвѣтъ, не то полутьма. Проходитъ полчаса. Является помощникъ редактора и уходитъ въ корректурную. Этотъ господинъ бралъ корректуру у издателя въ «аренду», получалъ съ

него большія деньги, а насъ нанималъ отъ себя по 75-ти копеекъ въ ночь.

— Что̀, Павелъ Павлычъ! Принесли деньги? спросилъ мой старикъ.

— Нѣтъ... Погодите, господа... Я и забылъ...

— Да что̀ же это вы съ нами дѣлаете? надорваннымъ голосомъ вскрикиваетъ старикъ; а у меня сжалось сердце...

— Что̀ же мнѣ дѣлать?.. Мнѣ самому онъ не всѣ отдалъ...

— Да вѣдь у меня дѣти, дочери... Ѣсть хотятъ, ѣсть, поймите вы, защитники угнетенныхъ! отчаянно вскрикиваетъ старикъ.—Второй мѣсяцъ въ исходѣ... Я больше не буду читать... Читайте сами...

Старикъ схватываетъ фуражку.

— Куда же вы?.. Погодите!.. Что̀ же вы дѣлаете?.. Наниматься—нанимаетесь, а потомъ уходить... Развѣ можно бросать газету!.. Вы должны предупредить, по условію, за недѣлю...

— Ну, такъ я васъ предупреждаю, говоритъ сердито старикъ и бросаетъ шапку на окно. Я вижу, ка̀къ подергивается его сѣдой усъ, ка̀къ дрожатъ старческія сухія руки.

Нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія.

— Потрудитесь передать. Иванъ Мартынычъ, ножницы, деликатничаетъ редакторъ съ старикомъ.

Начинается вырѣзываніе изъ различныхъ газетъ корреспонденцій и огрызковъ изъ передовыхъ статей, изъ которыхъ тутъ же составляются «собственныя передовыя статьи», и «листокъ» «сшивается», по терминологіи типографіи.... № кое-какъ наполняется чужимъ матеріаломъ.

— Г. Селифонтовъ! кричитъ редакторъ.—Получайте...

Онъ подвигаетъ къ мэтранпажу толстую пачку вырѣзокъ, которыя послѣдній перенумеровываетъ въ надлежащемъ порядкѣ.

— Кажется, столбцевъ двухъ не хватитъ... Наплевать!.. Помѣстите это «воззваніе къ доброхотному жертвованію на монастырь».

— Да вѣдь и такъ это цѣлые полгода печатается...

— Ну, такъ что̀-жь!.. Гдѣ же я вамъ возьму?.. Корреспонденцій нѣтъ завалявшихся?..

— Всѣ ужь, даже прошлогоднія вышли...

— А вновь не получали?..

— Да кто даромъ время тратить станетъ...

— Такъ что̀-жь онъ не платитъ?.. Я своихъ денегъ не стану платить... А цѣлый листъ я тоже не намѣренъ сочинять.... Ну, помѣстите объявленіе о «словарѣ»...

— Это второй годъ...

— Да хоть бы третій!.. крикнулъ редакторъ, бросивъ ножницы, надѣлъ цилиндръ и сказалъ, уходя, намъ:—Опечатокъ много... *Онъ* ругается... Прошу, чтобы не было...

— Когда же деньги?..

Редакторъ скрывается...

Прочитана одна сводка. Другую только еще начали набирать...

— Что̀ вы дрожите? спрашиваетъ меня старикъ.

— Такъ, кажется, холодно...

— Вы нездоровы... Пойдемте въ «погребокъ», что̀ же здѣсь мерзнуть два часа!..

— У меня нѣтъ ни гроша...

— Пойдемте, можетъ быть, повѣритъ мнѣ...

Затѣмъ все покрывается туманомъ. Смутно представляется только: четыре или пять часовъ утра, пронизывающій холодъ, пустыя мертвыя улицы съ кое-гдѣ двигающимися тихо ночными извощиками... Я быстро иду разбитыми ногами къ своей квартирѣ; меня манитъ тепло, кровать «дома»... Но «дома» на моей кровати новый жилецъ подымается и смотритъ на меня недоумѣвающими глазами... Я понялъ все: взялъ подъ мышку одѣяло, подушку и юркнулъ со всѣмъ этимъ въ подземелье одного угольнаго дома, гдѣ помѣщался грязный трактиришка, обязанный быть отпертымъ по ночамъ для извощиковъ...

Дальше уже я ничего не могъ себѣ представить...

I.

Носители артельныхъ традицій.

Я спалъ, должно быть, очень долго; когда проснулся, было уже нетолько совершенно свѣтло, но какіе-то странные, словно заблудшіе, блѣдные и холодные солнечные лучи проскользали сквозь замерзшія сплошь низенькія окна, на стеклахъ которыхъ успѣли они оттаять круглыя лысины. Я осмотрѣлся: большая комната, въ которой я лежалъ, находилась въ подпольномъ этажѣ, что̀ ясно было по промерзшимъ кирпичнымъ угламъ, подернутымъ инеемъ; поперекъ его и вдоль стѣнъ шли широкія нары, съ наваленнымъ «въ головахъ» хламомъ—старыми полушубками, дерюжными мѣшками, набитыми соломой и сѣномъ, какія-то неопредѣлимыя одѣянія; изрѣдка кое-гдѣ виднѣлись подушки съ наволоками изъ кубоваго ситца; изъ подъ наръ глядѣли сундуки, короба и разнообразная обувь: лапти, сапоги кожаные и ва-

леные, здоровые и худые; на вбитыхъ въ стѣнѣ гвоздяхъ висѣли кушаки, шапки, веревки... Я лежалъ на одной изъ наръ, вблизи печки совершенно неопредѣленнаго «стиля»... Я долго не могъ дать себѣ отчетъ по первому наружному виду комнаты, гдѣ я могъ помѣщаться. Сначало мнѣ представилось, что я на почлежномъ дворѣ, но одинъ предметъ, случайно обратившій мое вниманіе, разъяснилъ мнѣ дѣло: на стѣнѣ, не вдалекѣ отъ меня, висѣла мѣховая, овчинная шапка, съ вздернутыми вверхъ и перевязанными веревочкой огромными ушами; она была такъ оригинальна, что я ее сейчасъ же узналъ, а вмѣстѣ съ нею, въ моемъ воображеніи ясно обрисовался образъ водоноса Селифана; съ этимъ Селифаномъ я познакомился у своей квартирной хозяйки, которой онъ въ «неуказное» время умѣлъ доставать водку «съ задняго ходу» изъ погреба, за что̀ пользовался ея расположеніемъ и поднесеннымъ стаканчикомъ; но какъ послѣ этого стаканчика всегда требовалось ему нѣсколько времени поблагодушествовать, просидѣть, покрякать и «почадить», то онъ обыкновенно деликатно заглядывалъ въ мою комнату и покорнѣйше просилъ «одолжить» папироску... Шапка его всегда составляла въ это время предметъ нескончаемыхъ остротъ для петербургскихъ хозяекъ и ихъ прислуги... Такимъ образомъ, мнѣ стало ясно, сопоставивъ шапку Селифана съ смутно слышаннымъ мною ночнымъ разговоромъ, куда занесла меня судьба...

Тому лѣтъ семь, на Васильевскомъ Островѣ существовала артель водовозовъ. Не знаю, существуетъ ли она теперь и въ какомъ видѣ; но, во времена моего съ нею общенія, она состояла изъ двѣнадцати человѣкъ, изъ которыхъ большинство были пришлые крестьяне (бо̀льшею частью, тверяки), здоровые, коренастые, желѣзныхъ мускуловъ, съ несокрушимыми спинами, и только трое-четверо были изъ петербургскаго «сброда»—измученныя, искалѣченныя физически и нравственно личности. Мускульная, здоровая сила этой артели особенно рельефно била въ глаза, когда въ субботній вечеръ, послѣ шабаша на фабрикахъ, наполнялись василье-островскіе кабаки фабричнымъ петербургскимъ людомъ—мелкимъ, худымъ, затомленнымъ, въ плохой одеженкѣ, съ пошибомъ на «цивилизацію», а среди этой «мелюзги» то тамъ, то здѣсь вырисовывались широкія спины въ красныхъ вязаныхъ рубахахъ, огромныя, остриженныя въ скобку головы, могучія ноги, обернутыя въ теплыя онучи, перевязанныя веревками, и въ протертыя лапти, или когда надорванные голоса фабричной мелюзги вдругъ покрывались горластымъ, здоровымъ крикомъ широкой груди или раскатистымъ грохотомъ распутившагося водовоза... Крѣпкая перебранка носится въ это время въ кабац-

кой атмосферѣ, и въ переливахъ этой перебранки вы можете ясно отличить характеръ собравшейся публики: задорно, крикливо, злобно ругается фабричный, добродушно, громко и весело отпарируетъ ему водовозъ.

Артель эта образовалась въ силу особыхъ условій быта петербургскихъ окраинъ: средней или мелкой руки домовладѣльцы не въ состояніи содержать при своихъ домахъ нѣсколько человѣкъ дворниковъ и подручныхъ для разноски жильцамъ воды и дровъ и исполненія тому подобныхъ работъ; обыкновенно, они довольствуются однимъ дворникомъ, который уже отъ себя нанимаетъ водо- и дровоносовъ, само собой разумѣется, за очень низкую плату. Такъ какъ дома на окраинахъ не особенно велики и за получаемую съ одного плату невозможно прокормиться, то здоровый водоносъ, обыкновенно, нанимается носить воду, колоть дрова и проч. для нѣсколькихъ домовъ, получая ряду по количеству квартиръ. При такомъ способѣ найма, конечно, работники не могутъ наниматься «съ харчами и жильемъ», и потому они образовали изъ себя «общежительство». Вся артель помѣщалась въ подвальномъ этажѣ одного большаго дома, примыкавшаго къ рѣкѣ.

Вотъ это «общежительство» и узналъ я теперь. «Но какимъ образомъ Селифанъ могъ оставить свою «папаху» дома? спросилъ я себя. — И въ чемъ онъ теперь воду носитъ: въ картузѣ, или въ обыкновенной шапкѣ?..»

Какъ теперь помню, это была первая ясная мысль, формулированная моимъ сознаніемъ въ тѣ роковыя минуты, когда я стоялъ передъ страшнымъ вопросомъ «тепла и хлѣба!..» Человѣкъ — легковѣрнѣйшее изъ существъ; вѣроятно, это легковѣріе поддерживается въ немъ ничѣмъ несокрушимой прирожденной вѣрой во «всеобщее братство»... Легковѣріе удивительное!.. Какъ бы то ни было, меня занималъ вопросъ о селифановой ушастой шапкѣ, пока я не услыхалъ, какъ кто-то вошелъ въ сосѣднюю комнату, постукивая замерзшими ногами... Въ дверяхъ показался бѣлобрысый малый съ бѣлыми остриженными въ кружокъ и густо намазанными чѣмъ-то волосами, съ курносой физіономіей и безцвѣтными глазами; онъ былъ въ томъ возрастѣ, когда бываетъ стыдно назвать «мальчишкой» и рискованно произвести въ «парни» — словомъ, въ томъ среднемъ состояніи, которое народъ окрестилъ именемъ «подростокъ». Это былъ, по всей вѣроятности, Ерошка, о которомъ упоминалось въ ночномъ разговорѣ. Ерошка взглянулъ равнодушно на меня и, засунувъ одну руку въ карманъ полушубка, а другую за пазуху, помѣстился на противопо-

ложной скамьѣ и сталъ, не сводя съ меня безцвѣтныхъ глазъ, похлопывать одной ногой объ другую.

Ерошка долго смотрѣлъ на меня. Я молча одѣвался.

— Може, водки хочется — велѣно принести, вдругъ сказалъ онъ, очевидно избѣгая личнаго мѣстоименія, и отвернулся къ окну.

— Какъ это я сюда попалъ? спросилъ я, скорѣе себя, чѣмъ Ерошку.

— Попалъ-то? Селифанъ Абрамычъ подобралъ, отвѣтилъ, помолчавъ, Ерошка.

— «Подобралъ?..»

— Знамо, въ безчувствіи... Селифанъ Абрамычъ въ участокъ не тащитъ, объяснялъ мнѣ Ерошка:—прикажетъ ему околодочный пьянаго, который ежали въ безчувствіи, подобрать, по начальству представить, а онъ замѣсто того въ артель тащитъ.. Много изъ-за этого самаго у нихъ непріятностей...

— За что же непріятности-то?

— Не знаю... Я—не здѣшній... Мы здѣсь недавно... Говорятъ такъ, что за это можно очень отвѣтить: потому пьянаго обобрать можно, али онъ умретъ въ артели... Бѣда!.. Тогда всей артели бѣда!.. Ну, а также, слышь, выгоды черезъ это лишаются... самые эти полицейскіе... Такъ водки-то нужно будетъ? круто перебилъ онъ свое объясненіе.—Я, пожалуй, схожу.

— Нѣтъ, не нужно. А сколько теперь часовъ?

— Пушка должна скоро быть... Я, вотъ, все на дворѣ навѣдываюсь—нѣтъ еще, не слыхать... А кто будете вы, сами-то?.. спросилъ онъ.

Но намъ не удалось въ этотъ разъ обстоятельно познакомиться другъ съ другомъ. За дверью послышались голоса.

— Артель идетъ. Обѣдать время, пояснилъ Ерошка.

Дѣйствительно, въ дверь входили одинъ за другимъ водовозы, покрикивали, откашливались, потирали руки и прискакивали на обутыхъ въ лапти и валенки ногахъ.

— Ахъ, въ ротъ-те шило, зашлись совсѣмъ!.. Наткась, наткась, совсѣмъ ледыми стали! говорили нѣкоторые, садясь на нары и быстро распутывая на ногахъ оборы, сбрасывая лапти и онучи.

Другіе уже успѣвали залѣзть въ сухіе валенки и передѣвали полушубки.

Всѣ пришедшіе копошились каждый въ своемъ углу на нарахъ и не обращали на меня никакого вниманія. Между тѣмъ, артели не собралось и трети. У двери не успѣвало разсѣеваться бѣлое, туманное облако: одни входили, другіе, забравъ въ охапку обмерз-

шія и мокрыя обмѣнки: сапоги, лапти, полушубки, вареги и прочія «одѣянія», тащили ихъ на кухню.

Гомонъ усиливался: вся артель говорила разомъ; каждый считалъ своей обязанностью сказать «нелегкое словцо», не обращаясь лично ни къ кому. Я совершенно пропалъ въ этой массѣ двигавшихся, восклицавшихъ, покрякивавшихъ здоровыхъ мужицкихъ тѣлъ. Казалось, эта масса представляла собою совершенно случайный сбродъ ничѣмъ не связанныхъ между собою существъ, изъ которыхъ никому до другого не было никакого дѣла, въ родѣ того, какъ это бываетъ на ночлежныхъ дворахъ, въ вокзалахъ желѣзныхъ дорогъ передъ отходомъ поѣзда: найти что̀-нибудь общее въ этомъ сбродѣ было бы чрезвычайно трудно, несмотря на то, что этотъ сбродъ именовалъ себя «артелью». Съ перваго взгляда—это было такъ.

Но, вотъ, весь этотъ гомонъ десятка голосовъ, гудѣвшихъ въ «вольное горло», покрылся здоровымъ, свѣжимъ и яснымъ окрикомъ женской груди:

— Вытаскивать, что̀-ли, молодцы, чугуны-то? спросила стряпуха-*матка*.

— Тащи, матка, тащи!.. Скоро всѣ соберутся, откликнулась артель.

— Нынче лей больше... Морозъ! замѣтилъ одинъ.

— Не простужай! Чтобъ было чѣмъ животы-то пропарить, подхватилъ другой.

— Жирнѣе лей... Саломъ прохвати!.. Дольше не стынетъ! кричалъ третій.

— Съ саломъ ежели—держись за языкъ только: ожжетъ!.. подхватывалъ четвертый.

— То и важно!

Острота за остротой, пожеланіе за пожеланіемъ раскатились по артели, и опять стоялъ гомонъ.

— Что̀ же вы столъ не собираете? спросилъ кто-то.

— Чей чередъ?

— Чередъ Селифановъ.

— Нужно подождать. Сейчасъ придетъ.

Селифанъ былъ легокъ на поминѣ. Онъ широко распахнулъ дверь и быстро вошелъ въ комнату.

— Всѣ ли живы? крикнулъ онъ, скидая шапку и кладя въ нее рукавицы. Такое общее обращеніе къ артели сдѣлалъ только онъ одинъ; всѣ прочіе входили безъ всякихъ салютовъ.

— Всѣ. Собирай скорѣй столы-то.

— Ну и дѣло, коли живы!..

Онъ на̀скоро перебулъ ноги изъ лаптей въ валеные сапоги и,

обдернувъ красную вязаную рубаху, принялся торопливо разставлять столы и скамьи въ сосѣдней комнатѣ, противъ двери, длинной и узкой, въ которой, однако, наръ не было. Селифанъ, хотя и видѣлъ меня, но не заговаривалъ и только какъ бы мимоходомъ поглядывалъ на меня.

Селифанъ былъ мужикъ такого гигантскаго роста, такихъ здоровыхъ мускуловъ, что на него можно было залюбоваться; душа радовалась, смотря на это воплощеніе здоровой силы и мощи, въ особенности сравнительно съ истрепаннымъ петербургскимъ рабочимъ людомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, это воплощеніе мускульной силы, при видѣ котораго невольно какъ-то представлялись въ умѣ разогнутыя подковы, свернутые въ трубку пятаки, обращаемыя въ дуги оглобли, ни мало не вызывало ощущенія страха— такъ благодушно были устроены его широкое, открытое лицо, его небольшая кудрявая борода, сѣрые глаза и ротъ, вѣчно стремившійся выйти изъ нормальнаго положенія и растянуться до ушей.

«Собираніе» обѣда продолжалось, конечно, очень не долго. Селифанъ Абрамычъ, сдвинувъ вмѣстѣ въ длину два пропитанныхъ саломъ и порыжѣвшихъ стола, поставилъ по обѣимъ сторонамъ лавки, а съ боковъ табуретки, сбѣгалъ на кухню и принесъ два дерюжныхъ сѣрыхъ полотенца, которыя растянулъ по краямъ столовъ, поставилъ двѣ солоницы въ видѣ узорчатыхъ креселъ и «наверсталъ» огромныхъ кусковъ хлѣба во весь коровай. Въ дѣло «собиранія» никто не совался и не помогалъ чередному Селифану.

— Ну, братцы, засаживайся проворнѣй!

Артельные, не торопясь, стали подходить къ столамъ, обдергивая рубахи и поправляя пояса. Они разсаживались, казалось, по заведенному порядку: нѣкоторые поджидали другихъ, которые должны были сѣсть на извѣстное мѣсто, и покрикивали: «Дороѳей, залѣзай, что̀ ли, скорѣй!.. Чего копаешься», и проч. Такимъ образомъ, лишнее мѣсто, приготовленное Селифаномъ въ переднемъ концѣ стола, оставалось незанятымъ. Мужики усѣлись,

— Милый человѣкъ, засаживайтесь, сказалъ мнѣ Селифанъ.

Я было протестовалъ.

— Засаживайтесь безъ церемоніи... Чего тутъ!.. Здѣсь артель...

— Ѣсть всѣмъ нужно, замѣтилъ кто-то.

— Вотъ туда, пробирайтесь... Безъ сомнѣнія...

— Не по шерсти честь, замѣтилъ-было я, намекая на передній уголъ...

— Вы у насъ—гость. Нельзя.

— Какой я гость! Что̀ вы?

— У насъ все одно—честь одинаковая...

Селифанъ убѣжалъ на кухню помогать стряпухѣ... Скоро они вошли вмѣстѣ: стряпуха несла одну чашку со щами, за ней слѣдомъ Селифанъ другую. Надъ столомъ разлился аппетитный паръ. Мужики покрестились и принялись.

— Что̀ жь старики наши запропали?

— Пришлый-то, слышь, въ судъ пошелъ... А нашъ-то—Богъ его вѣдаетъ гдѣ, отвѣтила стряпуха, утирая передникомъ свое красное, вспотѣвшее лицо. Матка была низкаго роста, но коренастая и плотная, съ высокой грудью, одна изъ тѣхъ строго-веселыхъ, бойкихъ и храбрыхъ женщинъ, не лазающихъ въ карманъ за словомъ, умѣющихъ постоять за себя, съ самостоятельнымъ характеромъ, который пріобрѣтается ими отъ постояннаго пребыванія среди мужчинъ.

Я стѣснялся; приниженность и робость пролетарія не оставляли меня и здѣсь. Селифанъ то тѣмъ, то другимъ старался поддержать во мнѣ «бодрость духа»: то онъ шутилъ, то отвлекалъ мое вниманіе отъ наблюденія надъ другими. Но я, все-таки, наблюдалъ. Большинство, замѣтилъ я, относилось ко мнѣ совершенно равнодушно; но двѣ фигуры особенно рѣзко выступали изъ прочихъ и увеличивали мое смущеніе. Одинъ былъ угрюмый, длинный и сухой мужикъ, лѣтъ 45, съ большимъ острымъ носомъ, съ всклокоченной головой и узкой рѣдкой рыжей бородой. Онъ, послѣ каждой ложки, которую подносилъ ко рту срыву, словно ѣлъ по заказу, взглядывалъ сердито и нѣсколько злобно на меня; казалось, отъ моего присутствія, кусокъ у него останавливался въ горлѣ. Другой былъ еще молодой, съ чрезвычайно выразительнымъ и почти красивымъ лицомъ, съ тщательно причесанными черными волосами, съ серьгой въ ухѣ и съ красивой, въ видѣ опушки, бородкой. Онъ сидѣлъ прямо противъ меня и, какъ только я поднималъ на него глаза, онъ вдругъ начиналъ смотрѣть такъ высокомѣрно, такъ нагло, что мнѣ опять становилось не по себѣ. Ѣлъ онъ какъ-то не такъ, какъ всѣ: прочіе ѣли съ «захлебываніемъ», смакуя каждый кусокъ, какъ будто наслаждаясь процессомъ ѣды, но франтъ-водовозъ ѣлъ совершенно равнодушно; онъ объ чемъ-то думалъ, мнѣ казалось—объ самомъ себѣ и объ моемъ статскомъ сюртукѣ, галстухѣ и, хотя помятой, но все же глаженой сорочкѣ.

Сначала всѣ ѣли молча; очевидно, аппетитъ у всѣхъ былъ здоровый. Потомъ начали заговаривать. Одинъ изъ молодыхъ артельщиковъ, съ довольно глупой и широкой физіономіей,

разсказывалъ, какъ въ 38 нумерѣ (одинъ изъ домовъ) били дворникъ съ подручнымъ «стрикулиста».

— Что-жь онъ, укралъ что ли?

— Съ чердака рубаху стащилъ... Н-ну—били! Посмотрѣлъ я... А-хъ, чтобъ ихъ!.. Этотъ стрикулистъ въ сертучишкѣ такъ, словно ужъ, и извивается... Ну и вздули—бани не захочешь!.. А, при эдакомъ морозѣ—и очень ему было полезно... Очень ужь сертучишко-то на нёмъ былъ вѣтромъ подбитый... Нагрѣли!..

Франтъ-водовозъ, при этомъ, особенно нагло обвёлъ меня своими красивыми и умными глазами.

— Бываютъ изъ нашихъ такіе—шибко бьютъ. Словно звѣри, замѣтилъ Селифанъ.

— Какъ ихъ не бить, когда они балуютъ!.. У тебя спина трещитъ подъ полѣнницей, а они по угламъ шныряютъ, да послѣ въ кабакахъ празднуютъ, оборвалъ угрюмый мужикъ...

— Такъ и бить? спросилъ Селифанъ.

— Найди—что лучше...

— Ну, въ этомъ тоже хорошаго немного... Изъ насъ не всѣ бьютъ, обратился ко мнѣ Селифанъ Абрамычъ.—Это—только тѣ, которые у дворниковъ живутъ... А артельные не бьютъ... Тѣ потому бьютъ, что отъ дворниковъ учатся, а дворники ихъ подущаютъ, да хвалятся... А у насъ этой повадки нѣтъ...

— Я, вотъ, братцы, помню одинъ разъ, заговорилъ кто-то...

Разговоръ мало-по-малу дѣлался общимъ, когда въ дверь вошелъ старикъ. Онъ вошелъ тихо, сгорбившись, и, не дойдя до стола, сѣлъ на край лавки... Всѣ замолчали...

— Что, Дементій Иванычъ, съ тобой? спросилъ Селифанъ.

— Плохо!

— Ну?

— И не приведи Богъ!.. Ахъ, братцы, больше не въ мочь... Упалъ нонѣ съ ведрами... во второй итажъ тащилъ... Несъ-несъ—не смогъ... Такъ и упалъ... Бѣда—ослабъ... Тутъ этотъ звѣрь-то напалъ... Ругалъ, ругалъ—да въ загривокъ... Пьяный, стервецъ!.. Кричитъ—зачѣмъ лѣстницу обледѣнилъ... А мнѣ не въ моготу... Ослабъ...

— Ѣшь, садись, сначала... А тамъ поговоримъ...

— Нѣтъ... Совсѣмъ плохо... Ѣшьте съ Богомъ... У меня и позыву нѣтъ.

Старикъ махнулъ рукой.

Всѣ помолчали.

— Простите, братцы, а ужь я больше не могу, заговорилъ больной:—сами видите: моей мочи нѣтъ...

— Знамо, видимъ...

— Возьмите на артель...

Опять всѣ помолчали.

— А ты ка̀къ рядился?

— До масляной... 10 дёнъ теперь осталось—мѣсяцу конецъ.

— Что̀-жь, братцы!.. сказалъ Селифанъ:—очередь уставимъ. Артелью отработаемъ за него... А послѣ на этого ругателя наплюнуть надо... Пущай со стороны нанимаетъ... Эдакому звѣрю артели не слѣдъ поблажать... Уставляй, братцы, очередь! На сегодня я управлю, не въ зачетъ.

— Намъ эдакъ нельзя... У насъ своего дѣла не оберешься, раздались голоса.—Дѣло у всѣхъ не продѣлаешь...

— Для чего-жь артели быть? сказалъ сурово угрюмый мужикъ:—чужихъ по улицамъ подбираемъ, а своихъ гнать будемъ, прибавилъ онъ и рванулъ ложкой ото рта...

— Зачѣмъ гнать? заикнулся туповатый парень:—только что...

— Али еще поясница-то здорова? оборвалъ его угрюмый мужикъ.—Не надорвалась еще?..

Ему не возражали.

— Мы должны знать, каково стариковской спинѣ, продолжалъ онъ обрывистымъ голосомъ:—Онъ—не съ улицы... У тѣхъ—еще подумать надо—трещатъ ли спины-то...

Я чувствовалъ, ка̀къ кровь бросилась мнѣ въ лицо; мнѣ казалось, что всѣ смотрѣли на меня и сравнивали мое барское дармоѣдство съ надорвавшейся стариковской спиной... Общее молчаніе становилось для меня пыткой. Но въ эту минуту Селифанъ толкнулъ меня слегка въ бокъ.

— Глянько-сь, какой у насъ котище важный!.. Бурмистръ!.. показалъ онъ мнѣ важно сидѣвшаго на желтомъ солнечномъ пятнѣ, образовавшемся на полу, щурившагося толстаго дымчатаго кота:—Ва-ась!.. Поди сюда, шельма!.. Онъ у насъ артельный!..

Всѣ почему-то сочли нужнымъ посмотрѣть на Ваську.

— Васька, подь сюда!.. На̀ солонинки!.. Сытъ, стерва!.. Ишь разжирѣлъ на артельномъ-то хлѣбѣ, окаянный!.. расшутились мужики.—Гдѣ тотъ еще дармоѣдъ—Полкашка?.. Не видать...

Селифанъ взглянулъ одобрительно на меня и, довольный тѣмъ, что удачнымъ манёвромъ разогналъ налетѣвшую на артельный обѣдъ тучу, схватилъ чашки и ушелъ на кухню.

Больной старикъ, кряхтя, поднялся и поплелся къ своему мѣсту на нарахъ.

За щами съ саломъ и солониной явилась тѣмъ же порядкомъ и каша, вслѣдъ за которой ворвался въ комнату и Полкашка, уродливѣйшій песъ, съ обгрызанными ушами, обрубленнымъ

хвостомъ и кривой—любимецъ Гаврилы (угрюмаго мужика). Онъ вытащилъ его изъ Невы и притащилъ въ артель. Полкашка вертѣлся около стола и визжалъ, обнюхивая мужицкіе порты.

— Хо, хо! Чоо-ортъ!.. Побродяга!.. Шляешься только.. Радъ, что кормятъ... вашего брата! Ну!.. Венесь-сюда!.. Лапу!.. острили мужики, ласково прохаживаясь своими заскорузлыми руками по мордѣ и шеѣ Полкашки.

— Ну, лапу! кричали мужики.—Здоровайся!.. Ручку-съ!..

И довольный Полкашка лѣзъ обѣими лапами на широкія мужицкія колѣна, а мордой обнюхивалъ имъ бороды...

— Экой—чо-ортъ, водовозъ несуразный!.. Прямо въ морду лѣзетъ!..

— Да чтò вы, братцы!.. Али въ васъ, лѣшихъ, Бога нѣтъ?.. Чать вы, помолившись, ѣсть-то садились... А сами со псомъ возятся, проворчалъ пожилой, широкобородый артельщикъ. — Тьфу, околѣлые!.. Грѣха не знаютъ... Вы его еще въ чашку мордой-то ткните!.. Эко дитятко съ улицы подобрали!..

— Полкашка!.. Поди сюда! крикнулъ Гаврило:—сиди тутъ!.. За него, небойсь—не отвѣтишь, по крайности, прибавилъ онъ.— А человѣка подберешь съ улицы—отвѣтишь... Да еще кàкъ отвѣтишь—и артель-то загубишь!..

Гаврило сердито сталъ размѣшивать кашу.

— Ну-у! сомнѣвался, улыбаясь, Селифанъ. — Ужь ты... приравнялъ... человѣка ко псу...

— Неправду развѣ я говорю? продолжалъ Гаврило.—Не далеко ходить; сегодня Ергуновъ—изъ 1-го участка—говорилъ: «ну, смотри, братцы... не уйти вамъ отъ грѣхà съ побродягами... Участковый, говоритъ, не разъ собирался вашу артель обшарить...» Это вѣрно: таперь, вотъ, изъ-подъ Пскова старика пустили... 80 лѣтъ ему... Умретъ—и не увидишь... Всю артель загубишь!.. Вѣрю!.. А они этому рады!..

— Ну-у! подергивалъ сомнительно головой Селифанъ.

— Чтò—«ну-у»?.. Это вѣрно. Пса намъ безопаснѣй жалѣть, чѣмъ человѣка... Вотъ чтò!.. Тебѣ бы это знать нужно!..

Гаврило бросилъ ложку, вышелъ изъ-за стола, сердито помолился, и крикнулъ: «Полкашка!.. Пойдемъ на кухню!.. Пойдемъ къ маткѣ...»

Скоро и всѣ артельные вылѣзли изъ-за скамей. Всѣ они молились нà-скоро; только одинъ широкобородый старикъ долго и истово крестился, посматривая по сторонамъ, словно онъ боялся, чтобъ въ эти минуты не помѣшалъ кривой Полкашка. Но оказалось, помѣшалъ-то не Полкашка.

Когда вошла *матка* и стала собирать со стола, глуповатый

парень, разнѣжившійся послѣ обѣда, задумалъ съ ней полюбезничать и запустилъ ей широкія ладони подъ мышки.

— Али лобъ зачесался? Идолъ! замахнулась матка толстой, несокрушимой ложкой.

— Ѳедька! закричалъ богобоязненный старикъ:—креста, лѣшій, не дашь положить!.. Али порядки забылъ?.. Ты гдѣ живешь?.. Что̀, про тебя артельные-то порядки не писаны, что̀ ли?.. Вишь въ тебѣ бѣсъ-то гуляетъ!.. Мало на улицѣ дѣвокъ-то!.. А ты къ маткѣ посмѣлъ...

— Хорошенько его, дядя Ѳедотъ! поддержала артель.—Экой, околѣлый!.. Матку забылъ!..

Но туповатый парень до половины не дослушалъ этой рацеи и, ухмыляясь во весь ротъ, повалился на нары, взодравъ къ верху ноги.

Изъ артельщиковъ нѣкоторые, по примѣру Ѳедьки, тоже повалились на нары; другіе почесывались, а большинство принялось набивать трубки или вертѣть «цигаретки». Курить въ артели никакъ не полагалось: всѣ уходили закуривать на кухню, а «чадить» на дворъ.

Я смиренно помѣстился въ углу, у окна: признаться сказать, мнѣ въ первый разъ въ жизни стало совѣстно за свой черный сертучишко, за галстухъ, за манишку, за брюки; за свои худыя и слабыя руки, за свою «барскую комплекцію»... И ка̀къ мнѣ хотѣлось въ эти минуты облечься въ могучую плоть и кровь моихъ «благодѣтелей», почувствовать въ себѣ здоровую мощь желѣзныхъ мускуловъ, чтобы получить санкцію на «равноправность» и «пра̀воспособность» выносить ужасающія тяготы и невзгоды жизни!.. Я даже вытянулъ руку, сжалъ кулакъ, какъбудто я ожидалъ, что въ меня уже влилась свѣжая, новая кровь; но кулакъ былъ слабъ, рука повисла, какъ плеть... Мнѣ сдѣлалось обидно; къ глазамъ подступили слезы.

Въ комнату разомъ вошли Гаврило и Селифанъ. — Гаврило сталъ молиться; онъ забылъ исполнить обрядъ прямо послѣ обѣда; а Селифанъ сталъ копаться въ своемъ сундукѣ подъ одной изъ наръ.

— У васъ этого заведенья нѣтъ? спросилъ меня вдругъ Гаврило, какъ-то бокомъ.

— Какого?

— А артельнаго? Примѣрно, ежали теперь человѣкъ работы рѣшился... Приспособить его общими силами не полагается?

— Нѣтъ, у насъ нѣтъ...

— То-то и есть!.. А съ насъ отвѣтъ требовають... Въ тюрьму

пойдешь еще, заворчалъ онъ и отошелъ къ нарамъ, не глядя на меня...

— Вы, миленькій, его не пужайтесь!.. Онъ не страшенъ! Ха, ха!.. успокоивалъ меня шепотомъ Селифанъ: — это онъ отъ горя... Вы, вотъ, присмотритесь—онъ любящій... Папироску, вотъ... курите здѣсь... Ничего... Одному папироску—ничего... Это, вѣдь, не махрà... Вѣдь, это ежали всѣ зачадятъ—такъ не позволено...

Большинство артели отдыхало: одни лежали вверхъ брюхомъ, закинувъ руки за головы и упорно смотря въ потолокъ; другіе — внизъ, приготовившись спать; иные копошились въ своихъ коробахъ. Кто-то въ одномъ углу разсказывалъ анекдотъ; Селифанъ, Гаврило, водовозъ-франтъ и еще двое-трое ушли «по своимъ дѣламъ». До 3-хъ часовъ вечера артель была свободна. Глуповатый Ѳедька возился съ «артельнымъ Васькой», посадивъ его къ себѣ на брюхо... Скоро разговоры смѣнились храпомъ; Васька подтягивалъ Ѳедькѣ громкимъ мурлыканьемъ. Въ подвалѣ стало душно; воздухъ испортился нестерпимо. Я вышелъ къ воротамъ. Тамъ одинъ изъ артельщиковъ игралъ съ Полкашкой, заставляя его подавать подбрасываемую щепку: «несуразный» Полкашка, какъ теленокъ, со всѣмъ усердіемъ прыгалъ по сугробамъ. Тутъ же стоялъ Ерошка въ своей неизмѣнно-равнодушной позѣ, уставивъ на Полкашку ничего невыражающіе глаза, засунувъ руки въ карманы... Я также безтолково сталъ смотрѣть на собачьи упражненія, которыя, впрочемъ, скоро наскучили и водовозу, и Полкашкѣ.

Я завелъ бесѣду.

— Вы сколько платите за свой подвалъ? спросилъ я.

— Пятнадцать рублевъ въ мѣсяцъ.

— Дорого,

— Не дешево.

— Вы бы за эти деньги могли лучше сыскать. А въ этой гадости заболѣть не трудно.

— Хошь вдвое заплати — не найдешь.

— Чтò такъ?

— Рази насъ куда пустятъ? Селифанъ Абрамычъ присмотрѣлъ-было тутъ однòва—фатерка ничего, за 20 рублей—веселая... И мы не жались... Ну, только узнали, что наша артель — ни подъ какимъ видомъ не пустили... Ни Боже мой!..

— Да чтò же въ васъ такое?

— Народъ грязный...

— Чтò-жь это значитъ?

— Одно слово—водовозъ!.. Хуже насъ никого на счету нѣту... Развѣ, вотъ, золотари еще... Кто съ нами жить будетъ?.. Притомъ

мы—народъ горластый... Политики теперь этой, петербургской, у насъ нѣту... Ходимъ въ лаптяхъ... Помоями воняемъ—выгребной ямой...

Я ему напомнилъ о франтоватомъ красавцѣ-товарищѣ.

— Это—Турка-то? спросилъ онъ: — красивъ, что̀ говорить!.. Только вотъ онъ, того глядишь, либо въ уголовщину попадетъ, либо повѣсится въ сараѣ...

— Отчего такъ?

— А вотъ отъ этого самаго, что съ корявымъ-то рыломъ много способнѣе водовозомъ быть... Спокойнѣе оно, не зазорно, ежали тебѣ въ бороду наплюютъ, да загривокъ наколотятъ...

Я сомнѣвался.

— Не вѣришь?.. Думаешь, что, коли мы лаемся ловко, такъ и храбры?.. У насъ, братецъ, одна защита и осталась, что горло... И околодочный у тебя загривокъ щупаетъ, и городовой щупаетъ, и дворникъ щупаетъ: даромъ, что самъ—мужикъ, а знаетъ, что и ему есть надъ кѣмъ поломаться... Ежали бы мы не лаялись, такъ послѣдній жилецъ въ домѣ помыкалъ бы тобой... Только горломъ и возьмешь... Чѣмъ больше на пса походишь, тѣмъ оно лучше... Еще намъ хорошо: мы артелью крѣпки... Ну, тоже за всякой плюхой не угоняешься, изъ-за всякаго тычка посовѣстишься артель тяготить... Артель у насъ малая, силы въ ней немного... [1] А все же есть помощь...

— А много здѣсь такихъ артелей, какъ ваша?

— Нѣтъ, немного... Знаю я еще одну, а больше-то, пожалуй, и нѣтъ... Нашу-то тверяки *съ собой привезли*, скопомъ они пріѣхали изъ одного мѣста — такъ съ тѣхъ поръ и держатся вмѣстѣ... Ежали кого со стороны принимаютъ, такъ съ выборомъ, туго... А въ другихъ мѣстахъ этого заведенья нѣтъ... Потому дворникамъ эдакъ невыгодно... Имъ вольный наемъ не нравится; имъ сподручнѣе контрактомъ закабалить насъ—тутъ ужь съ нами какъ хочетъ... Бѣда этимъ контрактнымъ!.. Не жизнь — каторга!.. Главное дѣло—очень ужь дворникъ надъ ними издѣвается... Уговорятся такъ, а глядишь — и надулъ... Условится, примѣрно, такъ, чтобы при домѣ двое было насъ, чтобы съ кѣмъ было мѣняться, а глядишь—и надулъ... Оттягиваетъ, говоритъ: то человѣка не подыщешь, то цѣна неподходящая... День за день, ночь за ночь—и прешь одинъ: день-то работаешь до упаду, да и ночь не уснешь: какой сонъ у воротъ! А самъ-то

[1] *Сила* эта предполагается здѣсь матеріальная, денежная, то-есть: артель не настолько богата, чтобы часто брать на свои харчи оставшихся безъ работы членовъ.

дворникъ много, ежели въ хорошую ночь полежитъ въ мѣсяцъ разъ до 2-го часу... Безъ артели нашему брату житье плохое!.. А у насъ вотъ, того гляди, тоже рушится артель-то...

— Что̀ же за причина?.. Вы бы ужь крѣпко держались за нее...

— Чудакъ же ты, братецъ!.. Да развѣ отъ насъ артель-то рушится?.. Рази бы она рушилась, кабы ей хошь малая поддержка?.. А то, вотъ, теперь говорятъ — нужно контракты... Наши дворники тоже столковываются, ка̀къ бы нашу артель разбить: стали всякій сбродъ нанимать съ улицы, потому тотъ съ голоду на всякій рожонъ бросится... Полиція теперь тоже имъ совѣтуетъ, чтобъ вольный наемъ они оставили, а брали по контракту съ харчами на всю зиму... Потому, первымъ дѣломъ говорятъ—присмотру надлежащаго при домѣ нѣтъ... Теперича, околодочному нужно съ дворникомъ и на биліардѣ сыграть въ трактирѣ, и машину послушать, за пивомъ побаловаться, а на улицѣ или при домѣ за порядкомъ смотрѣть и нѐкому... А ежали нашъ братъ въ постоянномъ наймѣ у нихъ — такъ имъ и свободно... Вторымъ дѣломъ—опять смотрятъ на насъ не хорошо, ровно за острожниками: каждый мѣсяцъ обыски, допросы... Говорятъ, мы побродягъ принимаемъ, съ мазуриками знаемся, краденое прячемъ... Съ каждымъ годомъ артели труднѣе держаться!.. Бѣда!.. Гляди, еще протянемъ годъ-два — и нарушимъ... Потому—этого хотятъ... Противъ рожна прать не станешь... Такъ-то, милый человѣкъ!.. Притомъ, и въ артель теперь много народу попорченнаго набралось, отъ артельныхъ порядковъ отвыкшаго—совѣсти у него артельной ужь нѣту... Вотъ, хоть бы теперь—старичекъ заболѣлъ; бывало, у насъ и слова нѣтъ, чтобы отъ очереди отказываться... А теперъ споръ подняли, отнѣкиваться начали... Это ужь—дѣло не хвали!.. Безъ эстого артели не жить!..

Мы помолчали; мой собесѣдникъ повздыхалъ: это былъ, кстати сказать, одинъ изъ тѣхъ толковыхъ, степенныхъ и простыхъ мужиковъ, которыхъ вы много встрѣтите по нашимъ деревнямъ: они умѣютъ вникнуть въ суть дѣла, легко и вѣрно усматриваютъ корень зла, обстоятельно съумѣютъ разъяснить на мірскихъ сходахъ извѣстный порядокъ дѣлъ, но, при всемъ этомъ, они же отличаются наибольшей косностью: когда имъ предложатъ самимъ же примѣнить на дѣлѣ ихъ «обстоятельныя» соображенія, они вдругъ начинаютъ вздыхать, чесать затылки, а послѣ, какъ сдѣлаютъ не такъ, какъ они говорили, любятъ потолковать на тэму: «вѣдь, вотъ мы же сказывали!.. не послушали!»... и т. п.

— А я тебѣ радъ! вдругъ обратился ко мнѣ толковый водовозъ.

— Спасибо.

— Ты мнѣ письмо напишешь женѣ.

— Изволь.

— А то, вотъ, сколько время собирался — нѣтъ, не дается, ровно кладъ... Очень ужь вашъ братъ-грамотникъ надувать здѣсь ловокъ... Съ однимъ мы вотъ тутъ совсѣмъ-было уговорились: купилъ я ему косушку, да бутылку пива... Выпили мы съ нимъ... Онъ и говоритъ: «вотъ, я сейчасъ за бумагой схожу... Золотообрѣзной, говоритъ, я тебѣ принесу... Вотъ ка̀къ!»... Да такъ и до сихъ поръ носитъ... Хлыновцы!..

— А у васъ развѣ граматѣевъ нѣтъ?

— Есть. Ка̀къ не быть!.. Вотъ Турка, али Селифанъ Абрамычъ... Ды, братецъ, очень ужь онъ мужикъ обстоятельный: письмо, ежали теперь ему написать—мѣсяцъ надо времени... Ужь выводитъ это онъ, выводитъ — такъ первая-то страница пожелтѣетъ, пока онъ до конца доведетъ... Извѣстно, тяжело: пальцы у насъ корявые, перо-то не скоро приспособишься межь нихъ помѣстить...

— Ну, а Турка?

— Турка — тотъ письма надлежащаго не напишетъ, ежели почтительнаго, примѣрно, родителямъ, али теперь женѣ постепеннѣе... У него слово съ вѣтру... Онъ больше насчетъ пѣсни, али стихеры...

Со двора понемногу начали выходить артельщики; заговаривали съ нами, «баловались» съ Полкашкой и потомъ расходились въ разныя стороны Васильевскаго Острова. Поднялся и мой собесѣдникъ.

— Э-эхъ! вздохнулъ онъ, потянулся, почесалъ затылокъ и сказалъ:—Полкашка!.. Пойдемъ панель мести, чо-ортъ!.. Хорошо, што ли, дарма̀ жить?..

Водовозъ пошелъ по направленію къ рѣкѣ, а во мнѣ забродили при этомъ горькія, тоскливыя, гнетущія думы... «Одинъ исходъ: или работа, или въ Неву, мрачно думалъ я:—ни опиться, ни замерзнуть, ни съ голоду умереть не дали... И неужели я допущу, чтобы изъ-за меня рисковала артель своимъ и то почти подкошеннымъ существованіемъ!.. Имъ, очевидно, тяжела борьба... Но куда идти?»... Я нахлобучилъ шапку и бездѣльно зашагалъ къ «городу».

Было часовъ 9, когда я вернулся усталый, измученный, измерзшій. Артель была уже вся дома. Должно быть, только-что поужинали. Матка собирала со стола. Сальная свѣчка слабо освѣщала почернѣвшія, съ сизой побѣжалостью, кирпичныя стѣны и постоянно нагорала. Широкобородый, благочестивый водо-

возъ сидѣлъ около нея и, время отъ времени поплевывая на пальцы, снималъ нагаръ. Большинство укладывалось спать: кто-то ворчалъ, кто-то молился вслухъ. Но вообще было тихо. Въ артели, очевидно, было не ладно. У стола сидѣлъ Турка и что̀-то выводилъ карандашомъ на лоскуткѣ бумаги, вѣроятно, «стихеру»; онъ такъ былъ занятъ, что не замѣтилъ, какъ я вошелъ. Но только-что услыхалъ мой голосъ, какъ вдругъ сердито двинулъ столъ, скомкалъ въ карманъ бумагу и, метнувъ на меня загорѣвшимися глазами, ушелъ къ нарамъ. Въ передней же сидѣли молча Селифанъ, расплетая какую-то веревку, мрачный Гаврило, упорно смотрѣвшій въ уголъ, какая-то худая и больная женщина и сѣдой, какъ лунь, съ вылѣзшей бородой, худой и долговязый старикъ, копавшійся въ сумѣ...

На мое: «здравствуйте» — мнѣ предложилъ Селифанъ ѣсть. Я отказался.

— Гаврило Иванычъ, тихо проговорила женщина: — мнѣ пора... Хозяева взыщутся... И то, чай, заждались...

— Ступай! оборвалъ вдругъ Гаврила: — иди!.. извѣстно, заждался, чай, *твой*-то... Ступай!..

— Мучитель ты!..

— Да̀, мучитель я... Вѣрно!.. Ну, еще что̀?.. Звѣрь я сталъ?.. И это вѣрно... Ну?.. Что̀ еще?..

— Обидчикъ...

— Такъ, такъ... Ступай! Иди! заговорилъ, вскочивъ, порывисто Гаврило и началъ толкать женщину къ двери...

— Гаврила Иванычъ, проговорилъ Селифанъ: — не дѣло...

— Ну? Ты что̀ еще, святая душа на костыляхъ?.. Благожелатель!.. Заступникъ!..

Женщина осталась у двери.

— Развѣ она виновата? замѣтилъ Селифанъ.

— Развѣ я виновата? повторила женщина.

— Кто-жь виноватъ?.. Али опять я? закричалъ Гаврила: — я виноватъ, что баба съ мужемъ жить не хочетъ?.. Мнѣ, что̀ ли, за тебя рожать...

— Ды кабы я могла?.. У меня грудь высохла... руки дрожатъ... Рази я на артель могу работать?.. Я горшокъ не поворочу въ печи, не то что чугунъ...

— Врешь!.. А почему мужъ къ тебѣ ходить не можетъ?..

— Что̀-жь, коли обижаются... Мы, вѣдь, мужики... Баринъ говоритъ: часто ходитъ...

— Мужикъ! заревѣлъ Гаврила: — Мужикъ — не человѣкъ!.. Часто ходитъ!.. Врете вы, подлецы... Вы тамъ паскудными дѣлами занимаетесь...

— Кто-жь тебѣ сказывалъ объ этомъ?..

— Кто?.. Рожай мнѣ ребенка!.. Дай мнѣ дитю мово... Повѣрю.

— Обидчикъ...

— А до тѣхъ поръ я—тебѣ не родня... Ступай! Иди!.. Тамъ тебя заждались...

Женщина все еще стояла въ нерѣшимости у двери...

— Кабы я могъ рожать, я бы съ тобой и связываться не сталъ...

— Рази это отъ меня?.. Чать, отъ Бога...

— Врёшь... всѣ родятъ... У всѣхъ ребятишки есть... А я чѣмъ обойденъ?.. Я—такой-же Богу слуга...

— Что̀ же дѣлать, коли мы не купцы? жить вмѣстѣ капиталовъ нѣтъ...

— Врёшь!.. Кабы ты была вѣрная баба, это бы тебѣ не помѣшало... И нищіе родятъ... А ты...

— Обидчикъ—больше тебѣ слова нѣтъ, сказала женщина и отворила дверь.

— Ступай!.. Иди!..

Дверь захлопнулась за женщиной. Немного погодя, вышелъ и Гаврила; слышно было, какъ завизжалъ Полкашка, вѣроятно, получившій пинокъ сапогомъ въ благодарность за несвоевременную ласку.

— Что̀ онъ? спросилъ я Селифана.

— Съ нимъ-то?.. Это—горе, милый человѣкъ, артельное.

— При чемъ же тутъ артель?..

— Артель при чемъ?.. А при томъ, что артель—дѣло рабочее... При артели во всемъ свободу нельзя имѣть... Артель не всему мѣсто даетъ... Вотъ, ежели теперь кто къ семьѣ приверженъ—въ артели тяжело... Въ артель идешь, отъ многаго отрѣшись... Артель—дѣло временное: всѣ мы живемъ въ ней, пока на заработкахъ, а у всякаго семья дома... Мы на двое живемъ, такъ скажемъ!.. Вотъ что̀ милый человѣкъ!

— У насъ и безъ бабъ—грѣха не оберешься, замѣтилъ широкобородый старикъ.

— А съ женами нельзя?

— Нѣтъ, такого и примѣру не бывало... Первое дѣло: грѣха много, сумнѣнія... Второе дѣло: бабы въ артели—бѣда!. Житья не будетъ... Съ бабами артели недѣли не продержаться... Ежали кто съ бабой жить хочетъ—отъ артели откажись... Съ бабой только ежали въ одиночку—самое разлюбезное дѣло!..

— Ка̀къ же Гаврила къ вамъ попалъ, когда онъ къ семьѣ приверженъ?

— Ничего не сдѣлаешь. Нашъ братъ ни на что̀ крѣпко не

надѣйся: вотъ, примѣрно, жена, ребятишки — на что̀ крѣпче; по Божьему, самое близкое дѣло... А нужда и ихъ отниметъ... И ничего, милѣйшій, говорю, не подѣлаешь... Гаврила Иванычъ этотъ пріѣхалъ сюда въ сидѣльцы; годъ прожилъ; основался совсѣмъ; фатерку себѣ приспособилъ — и бабу выписалъ... Легко зажилъ; теперь и не узнаешь — какой онъ былъ... Въ праздникъ пригласитъ насъ — благодать у него, инда зависть возьметъ... Самъ добродушный, веселый... «Все, братцы, хорошо... Только бы, говоритъ, дѣтишекъ — и въ купцы не захочу!..» Ну, все до поры... Случилось это у него съ хозяиномъ непутевое дѣло въ заведеніи... Мѣсяца два безъ дѣла ходилъ — прожился... Пришлось бабу на Никольской вывести... Въ кухарки нанялась, а онъ къ намъ пришелъ... Самъ видишь — какой сталъ...

Вошелъ Гаврила и порывисто сталъ укладываться на нарахъ. Мы замолкли.

— Ну что̀, дѣдъ, нашелъ, что̀ ли? крикнулъ Селифанъ на ухо сѣдому старику, все еще копавшемуся въ мѣшкѣ.

— Ась?..

— Сыскалъ, что̀-ли? еще шибче переспросилъ Селифанъ.

— Нѣту, радѣльникъ... нѣту... Глаза-то при огнѣ плохо видятъ...

— До завтра ужь оставь... Что̀ дѣлать!.. Вотъ — грѣхъ опять, обратился ко мнѣ печально Селифанъ: — паспортъ затерялъ... А можетъ, и не было, можетъ, и совсѣмъ дома забылъ...

— А онъ не изъ вашихъ мѣстъ?..

— Нѣту. Изъ подъ Пскова... Совсѣмъ сторонній... На улицѣ встрѣтилъ... Слышь, цѣлый день земляковъ искалъ — не сыскалъ. Гдѣ слѣпому да глухому по такому городу сыскать!.. Жаль стало, привелъ въ артель... Думаю, въ часть возьмутъ старика за бродягу... А теперь неудовольствіе...

— Зачѣмъ же онъ въ Питеръ попалъ?..

— Правды искать пришелъ... Землю отняли... Жаль старику тоже и сказать-то, что напрасно это онъ... Не много ему жить-то осталось... Пущай лучше въ этой вѣрѣ и умретъ...

— Вѣдь, вамъ за него, пожалуй, отвѣтить придется?..

Селифанъ помолчалъ, насупился; широкая улыбка скрылась съ лица...

— Извѣстно, придется... Всѣ мы говоримъ, замѣтилъ ворчливо широкобородый мужикъ и снялъ со свѣчки: — благо старшимъ выбрали, такъ и слушать не хотимъ...

Старикъ намекалъ на Селифана: онъ былъ въ артели *старшо́й*. Селифанъ молчалъ.

— Чать, поди, тоже безпаспортный? вдругъ спросилъ меня строго старикъ, вылѣзая изъ за стола.

— Нѣтъ, у меня есть...

— Фальшивый, вѣрно... Это—все одно...

— Ты, дядя Петръ, его оставь, сказалъ, поднимаясь, Селифанъ.—Ежали что̀, я—за нихъ отвѣтчикъ...

— Тамъ всѣхъ спросятъ...

— Это вѣрно, что всѣхъ, подтвердилъ, выходя изъ сосѣдней комнаты, глуповатый парень:—а нынче обыскъ безпремѣнно будетъ... Мы на это несогласны...

— Да ты на что несогласенъ-то? крикнулъ на него Селифанъ:—развѣ кто тебя спрашиваетъ?..

— Спросишь и насъ, отвѣчалъ парень, направляясь къ двери, тупо улыбаясь и почесывая животъ.

Изъ комнаты, гдѣ помѣщались нары, вышли еще два-три водовоза: имъ, вѣрно, не спалось, или они еще не ложились—и отъ нѣчего дѣлать желали принять участіе въ разговорѣ.

— Говорятъ, что нынѣшнюю недѣлю облава будетъ, замѣтилъ одинъ.

— И я слышалъ, подтвердилъ другой:—какихъ-то самозванцевъ разыскиваютъ...

— И у насъ бизпримѣнно будутъ. Ты бы, Селифанъ, Абрамычъ... того... Артель бы хоть на время пожалѣлъ...

— Я—отвѣтчикъ за всѣхъ... Такъ и знайте, отвѣтилъ Селифанъ.

— Что̀ же, господа, сказалъ я:—вы меня извините, если чѣмъ я васъ непреднамѣренно стѣснилъ... За вашу хлѣбъ-соль подводить васъ подъ отвѣтственность я не рѣшусь... Мнѣ можно и въ ночлежный сходить. Не великъ баринъ...

— Э-эхъ! закачалъ головой Селифанъ:—совсѣмъ пустяки!

— Зачѣмъ на ночлежный?.. Гдѣ ты теперь его искать будешь? На улицѣ морозъ, заговорили разомъ артельщики:—тебя никто не гонитъ, почтенный...

— Ты что̀, добрый человѣкъ, это надумалъ—меня конфузить? спросилъ, обращаясь ко мнѣ, широкобородый старикъ:—что я тебя о паспортѣ спросилъ, такъ это—дѣло извѣстное, потому такъ и сказалъ... А развѣ я тебя гналъ?..

— Развѣ мы тебя гнали? повторили и прочіе:—мы это напредки опасаемся... А чтобъ гнать, кого разъ приняли—мы этого не сдѣлаемъ... Ты ужь у насъ—гость...

— Ежели что̀ я не такъ сказалъ насчетъ пашпорту—такъ ты извини, сказалъ старикъ:—мало-ли! Со всякимъ бываетъ... И

безъ паспорту—все же человѣкъ... Развѣ можно гнать?.. На морозъ? Чудачёкъ!..

— Ты на насъ этой славы не разноси, проговорилъ мнѣ «толковый» мой собесѣдникъ, тоже выходя изъ сосѣдней комнаты съ всклоченными волосами; вѣроятно, онъ долго вслушивался въ нашъ разговоръ, улегшись уже совсѣмъ спать:—ты объ насъ такъ не думай, коли хочешь въ дружбѣ жить... А ступай, ложись съ Господомъ... Я тебѣ, пожалуй, сказку скажу... А насъ не обижай, что мы людей не умѣемъ распознать... Твое горе мы знаемъ... Ты нашего разговора въ толкъ не взялъ...

— Ты къ намъ еще не приладился, замѣтили другіе:—на насъ, точно, незнающій человѣкъ ни за что̀ обидѣться можетъ .. Грубости у насъ этой много... Ну, ты на насъ, коли что̀, извини... Разъ навсегда говоримъ...

— Извините и вы меня, что я такъ подумалъ...

— Тебя извинять не въ чемъ... Ты—безпризорный: извѣстно, каждое слово тебя колетъ... А ты у насъ живи, пока мѣста не найдешь...

Въ такомъ родѣ каждый относился ко мнѣ и, поправляя поясъ, уходилъ или на дворъ, или опять заваливался на нары...

— Дѣдушка! Полно копаться-то!.. Будетъ тебѣ судебныя-то бумаги просматривать... Глаза попортишь! крикнулъ опять весело Селифанъ сѣдому псковскому старику:—ложись-ко! Утро вечера мудренѣе! Пребывай въ вѣрѣ съ Господомъ! Лучше оно.

— Лу-учше! прошепталъ старикъ:—я только и живъ ей... Такъ до завтра ужь паспортъ-то?

— До завтра. Завтра—что̀ Богъ дастъ!..

— Ну инъ такъ коли!

Сѣдой старецъ, помолившись, сталъ, крехтя, устилаться на скамьяхъ.

Онъ легъ; перекрестился еще разъ истово—и, повидимому, тотчасъ заснулъ: такъ безмятежно и дѣтски наивно было его морщинистое лицо, что, казалось, никакая тревожная мысль не носилась надъ его сѣдой головой. Онъ производилъ на меня какое-то особенно отрадное и умиляющее впечатлѣніе... «Гдѣ источникъ этой непобѣдимой вѣры, этой вѣчно дѣтской наивности, которая не оставляетъ старика и теперь—на восьмидесятомъ году его, полной тяготы и постоянной страды, жизни? гдѣ родникъ этой умиряющей силы, изъ которой почерпаетъ человѣкъ высокое чувство всепрощенія?—Нѣтъ, мнѣ не найти ея, для насъ засоренъ, загроможденъ путь къ этому роднику... Оторванные отъ непосредственнаго общенія съ этимъ родникомъ, мы еще безплодно ищемъ сознательнаго пути къ нему»... Та̀къ

думалось мнѣ и, въ то же время, мнѣ сдѣлалось такъ легко, такъ свѣтло и тепло стало на душѣ: я самъ, хотя смутно, началъ ощущать въ себѣ присутствіе этой вѣры...

— Подышимъ, милѣйшій!.. Да и на боковую... Такъ-ли? Вонъ какъ псковскій старикъ—и умирать бы всѣмъ такъ надо!.. сказалъ Селифанъ, предлагая мнѣ папироску, и его добродушная физіономія снова озарилась широчайшей улыбкой.

Никогда еще не засыпалъ я такъ спокойно, какъ въ эту первую ночь въ водовозной артели...

II.

Рабочія комиссіи и порученія.

Ночь прошла благополучно. Водовозы, какъ вчера, поднялись до свѣту и своей возней разбудили меня. Я проснулся, но не всталъ и смотрѣлъ, какъ они собирались: сходивъ на кухню умыться, они возвращались по одному и молились въ передней, кто вслухъ, кто про себя. Затѣмъ начинали «обряжаться» въ рабочую одежду, которую приносили изъ кухни, гдѣ она сушилась впродолженіи ночи. Дежурный рѣзалъ кусками коровай, нѣкоторые брали по куску на завтракъ и затискивали въ штаны; другіе, тутъ же закусивъ куски, отправлялись съ ними на работу, вѣроятно, предполагая съѣсть ихъ по пути. Широкобородый водовозъ долго молился, а послѣ долго копался въ своемъ сундукѣ, пристально поглядывая въ мой уголъ и на сѣдаго старика, который тоже проснулся и уже копался въ своемъ мѣшкѣ. Я заснулъ снова, а когда меня разбудилъ говоръ, было уже часовъ восемь: говорили Ѳедька, широкобородый мужикъ и Ерошка. Псковскаго старика уже не было. Тутъ мнѣ пришлось познакомиться съ нѣкоторыми характерными чертами моихъ новыхъ знакомыхъ. Такъ, раннее возвращеніе домой Ѳедьки и широкобородаго старика имѣло свое основаніе. Старикъ опять копался и сердито кряхтѣлъ около своего сундука, а Ѳедька возился съ какой-то круглой большой корзиной, переплетенной сверху, вмѣсто крышки, бичевками.

— Безпокойство, ворчалъ старикъ:—Господи, Господи!.. Сколько это грѣха примешь, съ людьми живши!.. Гдѣ тутъ душу сохранишь?.. Гдѣ соблюдешь ее?.. И думать нечего!.. Вотъ, монахамъ—разлюбезное дѣло!.. Молись на единѣ, грѣха и смуты кругомъ тебя нѣтъ... Живи да о душѣ думай...

— И ты бы, Прохоръ Иванычъ, въ монахи, посовѣтовалъ Ѳедька.

— Въ монахи!.. Съ вами, околѣлыми, рази этого удостоишься... Ты вотъ, первымъ дѣломъ, зачѣмъ духовную птицу безпокоишь, басурманамъ продаешь?..

— Да вѣдь они жрутъ ее, не я... Мнѣ-ка что!..

— То-то вотъ и есть: тебѣ-ка что... Ты, вотъ, паскудствомъ занимаешься и меня въ грѣхъ вводишь... Тутъ спасенье плохое!..

Оказалось, что Ѳедька занимался комерціей: онъ прикармливалъ голубей, которыхъ въ этой части острова было не мало, около пристани съ сѣномъ и овсомъ, и ловилъ ихъ не особенно хитрой механикой, состоявшей въ рѣшетѣ, поставленномъ на ребро, съ привязанной къ нему бичевкой, которую держалъ спрятавшійся за уголъ Ѳедька и дергалъ за нее, когда набирались у рѣшета на овесъ голуби, причемъ рѣшето падало, и штуки двѣ-три попадали подъ него; добычу онъ предварительно накоплялъ въ своей шеверенькѣ, а затѣмъ продавалъ нѣмкамъ, содержательницамъ квартиръ и кухмистерскихъ, копеекъ по 7 или 10 за пару. Нѣкоторымъ онъ дѣлалъ правильную поставку этой живности. Вырученныя деньги онъ тотчасъ же прокучивалъ въ портерной на пивѣ и папиросахъ.

По дѣламъ-то этой комерціи такъ рано и вернулся Ѳедька. Богобоязненный же старикъ, Прохоръ Иванычъ, оказался большой руки «шишигой», набивавшимъ и ревниво охранявшимъ кубышку, и его печалованіе о грѣхахъ являлось больше прикрытіемъ безпокойства, извѣстнаго всѣмъ денежнымъ людямъ, принужденнымъ жить въ большомъ обществѣ; недаромъ онъ посматривалъ искоса на насъ съ псковскимъ старикомъ и недаромъ лишній разъ прибѣгалъ съ работы къ своему сундуку.

— Прохоръ Иванычъ, обратился къ нему Ѳедька, положивъ въ другую корзинку двѣ пары голубей:—одолжи 12 копеекъ...

— Сперва Богу помолись, а потомъ проси...

— Я молюсь... Я это помню... А ты развяжи мошну-то... Такъ и быть, косушку куплю—поднесу...

— Ды я отъ тебя и грѣха на душу не возьму — пить-то!.. Вотъ что!.. Поднесу!.. Ты бы сперва спросилъ: буду ли еще отъ тебя, отъ паскудника, пить-то?..

— Ну, я тебѣ сейчасъ же отдамъ... Только вотъ косоглазой нѣмкѣ Шпребертѣ оттащу пару и сейчасъ верну... Ей-Богу...

— Вотъ они, окаянные-то!.. Имъ и закону нѣтъ!.. Съ ними святой, и то согрѣшитъ... Да ты еще спроси, околѣлый—возьму ли я твои эти деньги?.. Ты какой птицей торгуешь? а? Какъ еще артель-то тебя терпитъ, срамника!.. Бога ты не знаешь, съ маткой охальничаешь, духовную птицу...

Но Ѳедька ужь не слыхалъ; онъ взялъ голубей подъ мышку и ушелъ.

Прохоръ Иванычъ еще долго ворчалъ что̀-то очень поучительное, такъ какъ невдалекѣ отъ него стоялъ невозмутимый Ерошка, смотрѣлъ въ сундукъ и, казалось, внимательно слушалъ, но понималъ ли онъ что-нибудь—сомнительно. Въ углу, у печки, поворачивался и охалъ больной водовозъ. Я вышелъ на кухню умываться: здѣсь матка возилась съ дѣйствительно колоссальными двухъ-ведерными чугунами, поворачивая ихъ словно шутя, какъ горшки, и поднимая съ полу на очагъ безъ всякаго видимаго напряженія. Я разговорился съ ней и узналъ, что артель забирала «на книжку» всѣ продукты для варева въ лабазѣ, а приварокъ въ мелочной лавкѣ; что хлѣба она не пекла сама, а брала въ пекарнѣ, что разсчеты велъ за артель съ лавками Селифанъ Абрамычъ еженедѣльно, что жить ей «повадно», такъ какъ артель «степенная»: старшо̀й—человѣкъ хорошій, и она пользуется отъ всѣхъ почетомъ, ея не обижаютъ воды и дровъ ей принесутъ, въ лавки ходятъ «очередные»; что ей вообще не тяжело и время есть на себя «запошить»; живетъ она въ кухнѣ одна, кого хочетъ принимаетъ; иногда отъ артельщиковъ выгода бываетъ — шьетъ имъ рубашки или починяетъ старыя, за это ей платятъ; что она вдова—мужъ ея былъ тоже артельщикъ, да померъ, и, наконецъ, что за нее сватается лавочникъ, да она не хочетъ, «потому, я здѣсь—сама на̀большая, а ему, я знаю, надобно помогать хлѣбы печь, квасы водить, по пятнадцати короваевъ въ день, да по бочкѣ; потому онъ съ пекарями не уживается. Не великъ кладъ, что онъ купецъ!..»

— Ну, а за кого бы вы... васъ ка̀къ величать?..

— Афросинья Трофимовна меня величаютъ.

— А за кого бы, Афросинья Трофимовна, изъ артельныхъ пошли... еслибы къ случаю?..

— Ни за кого.

— Ну, полноте... А, вотъ, Селифанъ Абрамычъ...

Афросинья Трофимовна вся вспыхнула и отвернулась.

— Пошли бы за него?..

— За него, можетъ, пошла бы...

— За чѣмъ же дѣло стало?..

— Нельзя. Она помолчала.—Тогда изъ артели нужно выдти... у насъ артель не отъ хозяина держится... Недовольство будетъ... У насъ артель *старинная* [1].

---

[1] Т. е. основанная на принципѣ чистаго самоуправленія и полной равноправности, въ противоположность артели новѣйшей формаціи, которую можно встрѣтить очень часто, гдѣ властвуетъ кулакъ или хозяинъ, содержащій ар-

— Почему такъ?

— Такъ. Ему старшимъ находиться будетъ нельзя... Да и мнѣ оставаться не пригоже будетъ. Мало ли что̀ думается?.. Усчитывать чтобы старшаго—у насъ этого нѣтъ, у насъ по довѣрію.. А тутъ думать станутъ нехорошо: деньги артельные...

Все это сообщала мнѣ Афросинья Трофимовна, однако, такимъ тономъ, что не особенно вѣрилось въ важность такихъ соображеній; очевидно, она не хотѣла говорить откровенно. Я повелъ рѣчь другой стороной—о характерѣ Селифана.

— Богъ его знаетъ—какой онъ... Эдакихъ рѣдко встрѣтишь... Очень ужь душевный...

— Вы за это ему, должно̀ быть, и предпочтеніе отдаете?..

— Его нельзя не хвалить... За нимъ можно крѣпко жить... Не покинетъ...

— А почемъ вы знаете?

— Да ка̀къ не знать!.. Это всѣ знаютъ... Смѣются даже... Вотъ, у него теперь въ больницѣ дѣвушка при смерти лежитъ... шестой мѣсяцъ... И совсѣмъ ему незаконная... А вотъ меня каждую недѣлю къ ней съ чаемъ посылаетъ, съ саха̀ромъ...

«Да̀, такъ вотъ что̀», подумалъ я.

Вернувшись назадъ въ комнаты, я засталъ въ ней неожиданно Турку: Турка щеголемъ стоялъ по серединѣ, держа въ одной рукѣ небольшое зеркало, а другой что̀-то оправляя у себя на груди. Онъ говорилъ съ Прохоромъ и самодовольно посмѣивался, но, едва я вошелъ, онъ, какъ я и ожидалъ, тотчасъ спряталъ зеркало, взглянувъ на меня убійственнымъ взглядомъ и сдернулъ что̀-то съ груди. Но я все-таки замѣтилъ, что это была длинная и тонкая посеребренная часовая цѣпочка: были ли при ней и часы — не знаю.

— Такъ дашь, что̀ ли? сказалъ Турка Прохору.

— Ну-ка, покажи-ка-сь еще...

— Ну, чего̀ тутъ! Видѣлъ ужь...

Богобоязненный старикъ закряхтѣлъ и полѣзъ опять въ сундукъ.

— Только на завтра... А ежали послѣзавтра не уплатишь, заговорилъ старикъ:—я возьму... Ты та̀къ и знай... Потому это—баловство одно!.. грѣхъ... Кабы ты мой сынъ былъ, я тебѣ за эти форсы надралъ бы вихры-то... Безпутство одно!.. Коли водо-

---

тель *отъ себя,* и въ которой самоуправленіе столь же фиктивно, какъ и самое названіе *артель,* оставшееся безъ всякаго смысла, за этимъ совершенно случайнымъ и неимѣющимъ никакого внутренняго значенія *скопомъ* бѣдняковъ-рабочихъ въ рукахъ предпринимателя.

возъ-мужикъ—такъ и знай это... Трелясы-те эти не пристали къ мусорной ямѣ...

У Турка засверкали глаза не то стыдомъ, не то злобой.

— Ну-ну... ворчи тамъ, пробормоталъ онъ сердито.—Мы свое ѣдимъ, на свое покупаемъ... Своя спина у насъ трещитъ—такъ намъ никто не указъ... Еще мы побольше кого другого въ правѣ...

Все это проворчалъ онъ сквозь зубы скороговоркой, затѣмъ схватилъ поданную ему Прохоромъ рублевую бумажку и быстро вышелъ. Послѣднія его слова̀, очевидно, были брошены на мой счетъ; но̀ загадочный мой щеголеватый врагъ не пугалъ меня больше: я много встрѣчалъ такихъ личностей и знаю ихъ хорошо. Это—жертвы общественнаго неравенства, особенно часто являющіяся въ условіяхъ городской жизни, личности неустойчивыя, при всей видимой солидарности, мелочныя и тщеславныя—продуктъ той культуры, гдѣ особенно развитъ принципъ поощреній, наградъ. Вотъ почему ихъ много среди прислуги, фабричныхъ. Посмотрите, какимъ презрѣніемъ наградятъ онѣ васъ съ перваго взгляда, какой недоступностью смотритъ каждая черта ихъ лица, каждое движеніе, какое, кажется, гордое самосознаніе кроется въ этой натурѣ, но сто̀итъ вамъ польстить имъ, сто̀итъ вамъ показать, что вы отличаете ихъ отъ другихъ, сто̀итъ вамъ нѣсколько спуститься до фамильярности съ ними, позвать ихъ въ трактиръ, угостить пивомъ—и онѣ совершенно удовлетворены; за возможность сблизиться съ вами онѣ пожертвуютъ всѣмъ. А затѣмъ вы дѣлаете изъ нихъ что̀ хотите... Впослѣдствіи, въ томъ же самомъ я имѣлъ случай убѣдиться и на Туркѣ. Въ такихъ натурахъ многіе видятъ задатки прогрессивныхъ стремленій, что, при своемъ недовольствѣ и желаніи выйдти изъ окружающаго ихъ statu quo, онѣ составляютъ силу прогрессивную. Но это нельзя сказать безусловно. Нужно знать, во имя какихъ идеаловъ онѣ «презираютъ» свое положеніе. При современныхъ же условіяхъ, онѣ представляютъ всегда элементъ развращающій. Въ особенности, для нихъ мучителенъ такой строй жизни, какъ артель, гдѣ не признается напускное превосходство одной личности надъ другой и гдѣ никакимъ форсомъ никого не удивишь.

Не успѣлъ уйти Турка, какъ въ комнату вошелъ «обстоятельный» водовозъ.

— А я, братъ, тебѣ дѣло нашелъ! крикнулъ онъ мнѣ, снимая съ бороды сосульки и улыбаясь во весь свой широкій ротъ.

— Вотъ и спасибо. Подходящее ли?

— Подходящее. Дѣло это немудреное.

— Какое же такое?

— Да вотъ что̀: украсть человѣка требовается. Человѣкъ-то очень душевный... Баба, положимъ, да ужь баба-то хороша больно... Такъ ты укради... Будь въ надеждѣ — благодарность получимъ.

Я засмѣялся: мнѣ показалось, онъ шутитъ.

— Чего смѣешься? Съ тобой не шутки шутятъ...

— Да ка̀къ же это такъ? Растолкуй. Въ первый разъ слышу.

— Вотъ то-то и есть! Смѣху тутъ мало. Тутъ, братъ, слеза плачетъ, а не то что смѣхъ... Такъ ты, вотъ, и ступай... Двадцать копеекъ ты отъ меня за это получишь.

— Куда-жь идти и что̀ дѣлать?

— А это—вотъ какъ тебѣ я скажу: на̀, вотъ, тебѣ эту бумажку и напиши ты на ней: Дарья Силова, крестьянка Т—ской Губерніи... Православная... настоящая... Вдова... Написалъ?

— Ну, написалъ.

— Возьми ты эту бумажку въ одну руку, а въ другую я тебѣ полтину дамъ серебромъ. И ступай ты въ адресную контору; увидишь ты тамъ старичка... вызови этого старичка пальцемъ на лѣстницу и отдай ему эту самую записку и деньги: ды, главное, чтобъ никто не видѣлъ... Скажи, чтобъ онъ тебѣ по этой самой бумажкѣ контра-марку отыскалъ съ эстой самой бабой... Скажи и жди... Вынесетъ онъ тебѣ—ты не смотри (потому. ужь этотъ старичокъ справедливый), а скорѣй въ карманъ да вонъ, чтобы, сохрани Богъ, не влопаться. И принеси мнѣ.

— Ну?

— Ну, и больше ничего. Послѣ того, ужь эту самую бабу кто хочетъ ищи—не найдетъ. Потому—ты ее украдешь.

— Да зачѣмъ это нужно?

— А значитъ нужно, коли воруютъ. Объ томъ насъ съ тобой не спрашиваютъ.

— Можетъ быть, преступленіе скрывать—такъ я не могу...

— Да̀, вотъ что̀! Не вѣришь, выходитъ, ты мнѣ. Нѣтъ, мы этимъ не занимаемся... Ты съ Селифаномъ, что̀ ли, благопріятель? Такъ ты его спроси обо мнѣ—онъ скажетъ.

— Я вѣрю и тебѣ. Коли ничего нѣтъ преступнаго, такъ отчего-жь не сказать.

— Чего тутъ преступнаго! Баба-то эта, вотъ видишь, просрочку большую насчетъ паспорту сдѣлала... Ну, такъ штрафъ большой очень потребуютъ... У насъ тутъ на этотъ счетъ порядки тяжелые, по этимъ пашпортамъ... А баба-то и то обѣдняла въ конецъ... больна, къ тому-жь... Вотъ и просила... Ка̀къ тутъ

не согрѣшить?.. Да и грѣха, по нашему, совсѣмъ никакого нѣту! А мы теперь ее, ежели украдемъ, кабысь ее совсѣмъ здѣсь не было, а тамъ, малое время годя, и пропишемъ пріѣзжей, примѣрно, хоть изъ Царскаго.

— Не знаю ужь, съумѣю ли я это сдѣлать.

— Попробуй. Сдѣлай милость... Я бы и самъ, да больно не досугъ. А ты все-жь за бездѣлье доброе дѣло сдѣлаешь...

Скоро послѣ я узналъ, что и всѣ артельщики имѣли каждый какую-нибудь особую спеціальность... Но и, кромѣ того, вся артель сообща, помимо своей постоянной работы, занималась многообразными дѣлами. Въ особенности, она пользовалась извѣстностью у окрестныхъ рабочихъ по части доставленія мѣстъ всему этому нуждающемуся люду, а такъ же и по части сдѣлокъ съ полиціей. Заниматься этимъ имъ было удобно, потому что всѣ они постоянно приходили въ разнообразныя столкновенія ежедневно со всякимъ народомъ и потомъ передавали другъ-другу кому что̀ требуется—въ какомъ домѣ, въ какой квартирѣ. Къ артели, въ силу этого, обращались очень многіе изъ прислуги, изъ мастеровыхъ, изъ рабочихъ, съ просьбой указать — не слышно ли гдѣ въ знакомыхъ имъ домахъ и мастерскихъ о свободныхъ мѣстахъ. Артельщики всегда удовлетворяли просителей съ большимъ удовольствіемъ, и, кажется, безъ всякаго вознагражденія, единственно за то, что, по полученіи мѣста, нанявшійся пилъ съ ними «литки» и оставался добрымъ знакомымъ и на будущее время. А болѣе всего, кажется, изъ «душевнаго удовольствія», такъ какъ мнѣ нерѣдко приходилось наблюдать, съ какимъ сердечнымъ участіемъ относилась артель, когда кто-нибудь, наконецъ, «приспособлялся» къ дѣлу ея стараніями. Къ артели же обращались, между прочимъ, и изъ деревень. Селифанъ Абрамычъ часто получалъ письма, которыя приносилъ какой-нибудь подростокъ, отправленный семьей на заработки въ Петербургъ, съ просьбой принять «малолѣтка» на первое время и пристроить, а также и присмотрѣть за нимъ. Артель въ этомъ никогда не отказывала, принимала малолѣтка на артельные хлѣбы и пріискивала ему мѣсто.

Въ такомъ отношеніи къ артели стоялъ при мнѣ Ерошка, и сегодня же мнѣ пришлось самому принять нѣкоторое участіе въ его дѣлѣ.

За полчаса до обѣда, пришелъ Селифанъ Абрамычъ и, съ обычной своей деликатностью, замѣтилъ, что во мнѣ нужда будетъ. Я, конечно, радъ былъ всякому случаю послужить пріютившимъ меня людямъ.

— Гдѣ это у насъ Ерошка-то запропастился? говорилъ Селифанъ.

Ерошка скоро явился.

— Ну, вотъ, этого самого молодца надо намъ, милый человѣкъ, приспособить... Застрялъ онъ у насъ что̀-то ужь долгонько... Такъ вотъ къ дѣлу его требуется пріучить; человѣчка мы тутъ подъискали... Нельзя, свои просили, деревенскіе. Нельзя не похлопотать... Слышишь, Ерошка, хозяина тебѣ нашелъ.

— Ладно. Что̀-жь!—Ерошка не мигнулъ глазомъ и только почесалъ подъ мышками.

— Ну то̀-то. Такъ ты знай... Сейчасъ этотъ самый рядчикъ придетъ.

— Что̀-жь! Ладно.

— Такъ вотъ, милый человѣкъ, контракту бы намъ написать, обратился ко мнѣ Селифанъ:—значитъ, не въ трудъ, а въ одолженіе.

— Съ удовольствіемъ.

— Только, кажись, у насъ приспособленьевъ-то этихъ нѣтъ. Карандашикъ былъ этто у меня—огрызочекъ, да вѣдь имъ чать не полагается... Хотя и домашнее дѣло, а перомъ-то оно вѣрнѣе.

Стали собираться артельщики къ обѣду; пришелъ и подрядчикъ—маленькій человѣкъ, съ рыжеватой бородкой, постоянно косившій глазами и никакъ не могшій прямо смотрѣть другимъ въ лицо.

— Ну, гдѣ-жь у васъ тутъ малый-то? спросилъ онъ, входя, и затѣмъ уже раскланялся съ артельными, сказавши: «здорово!»

— А ты честь-честью, Ермилъ Петровичъ, садись за столъ— такъ и будемъ говорить. Вотъ, сюда... вотъ, приглашалъ его Селифанъ Абрамычъ въ передній уголъ.

— Что̀-жь! Сядемъ.

Усѣлись и пришедшіе водовозы, успѣвшіе переодѣться передъ обѣдомъ. Ерошка спрятался въ уголъ.

— Ну, вотъ этотъ самый парень будетъ... Вишь какой—сила! показалъ Селифанъ на Ерошку.

— А ты выйди, братецъ, къ свѣту, замѣтилъ подрядчикъ: — чего тамъ прячешься? Деревню-то, братъ, нужно забыть.

— Выдь сюда, стань, какъ надлежитъ, учили водовозы.

Ерошка вышелъ-было, переминаясь, на середину комнаты, но здѣсь ему показалось такъ неловко, что онъ тотчасъ же перешелъ въ другой уголъ и сѣлъ на кончикъ скамьи.

— Этотъ самый? спросилъ подрядчикъ, всматриваясь искоса въ Ерошку.

— Самый этотъ.

— Не расторопенъ.

— Это онъ спервоначалу... Повѣрь... А то парень—шустрый. Всю артель хоть спроси. Такой парень—ни одной бабѣ проходу у воротъ не дастъ.

— На это боекъ?

Артельщики засмѣялись.

— Боекъ! Теперь это опять насчетъ услужливости... Такъ я вамъ скажу лучше не надо!... Парень будетъ при вашихъ дѣлахъ самый сподручный...

— Для насъ это главное, чтобъ какъ можно стараться—воронъ не считать. Великъ очень... тяжелъ будетъ... Намъ бы полегче требовалось, чтобы то-ись въ разгонъ можно было...

— На этомъ не взыщи: каковъ есть — такимъ и принимай. Меньше не сдѣлаешь.

— Эдакъ-то еще лучше, вступились артельщики: — онъ не прытко побѣжитъ, да много повезетъ. Ты гляди—какая у него сила-то. Деревенская сила... Онъ, что̀ твоя ломовая, услужитъ. А то что̀ прыгать безъ толку!

— Знаемъ мы ихъ, ломовиковъ-то этихъ. Намъ тоже времени нѣтъ вокругъ нихъ съ оглоблей ходить да поворачивать.

— У васъ выбѣгается, проворчалъ Гаврило: — сойдетъ мясо-то.

— Намъ учить нѐкогда.

— Небойсь, самъ выучится. Что̀, Ерошка, выучишься бѣгать-то? А?

— Ладно. Что̀-жь!

— Попробуемъ, пожалуй, сказалъ подрядчикъ, подымаясь:—а тамъ что̀ будетъ...

— Нѣтъ, Ермилъ Петровичъ... Это, братъ—не дѣло... Ты намъ скажи—почемъ его принимаешь, а мы тебѣ скажемъ — почемъ отпущаемъ. Ты, вотъ, такъ, при всей артели—потому мы всѣ за него отвѣтчики.

— Да какія тутъ еще условія! Хлѣбомъ буду кормить... Съ голоду не уморю.

— Хлѣбъ, братъ, хлѣбомъ. Безъ хлѣба никто не живетъ. Мы и сами его хлѣбомъ кормимъ.

— Ну, что̀-жь еще ему? сапоги дамъ... одёженку какую...

— Это вѣрно, милый человѣкъ:—и въ счетъ такъ пойдетъ.. Только, вѣдь, все-жь онъ у насъ—работникъ... Еще бы только малость—и мастеръ совсѣмъ.

— А ты—вотъ что̀: хочешь отъ насъ принимать работника, сказалъ порывисто Гаврило, подходя къ столу:—такъ принимай

по-божьему, да по обычаю, какъ у насъ заведено. А то — чего канитель тянуть?.. Проба! Артель тебѣ поручается — вотъ и проба. А обычай у насъ такой — посылай за водкой, выпьемъ, помолимся, да тѣмъ временемъ все и пропишемъ, чтобъ намъ ужь такъ и знать...

— Да чего тутъ прописывать — не великіе какіе подряды!.. Ха, ха! Пара сапогъ да денегъ рубль.

— Всякому свое дорого — такъ-то. Какъ бы это мы съ тобой вдвоемъ — такъ и слова нѣтъ... заговорилъ Селифанъ: — а мы, говорю тебѣ, за него отвѣтственны, по совѣсти... А ты вотъ что̀, почтенный, съ Господо̀мъ кончай... Вотъ, у насъ баринъ здѣсь, Все онъ намъ это выпишетъ, какъ все нужно... А ужь за мальца будь спокоенъ, коли артель порука...

— Это — намъ главное...

— Такъ рожна ли тутъ! Обѣдать пора, замѣтилъ Гаврило.

— Такъ ты, вотъ, посылай за водкой со Христомъ... А мы тѣмъ временемъ столкуемся... А-ахъ, другъ!.. По душѣ-то оно чудесно, шутилъ Селифанъ Абрамычъ.

— Коли толковать, такъ сперва толковать... А тамъ — что̀ будетъ...

— Нѣтъ, ты посылай знай, сказалъ обстоятельный водовозъ: — обычаевъ намъ мѣнять нечего... Вотъ, на столъ поставимъ — и пусть стоитъ... Мы, братъ, не тронемъ, не опасайся... А все-жь оно вѣрнѣе...

Подрядчикъ на минуту задумался, покосился на Ерошку, засунулъ руку въ карманъ — и вдругъ рѣшился.

— Ну, идетъ — такъ идетъ! Только чуръ — не обижать. Кому деньги?

— Давай, давай я оборудую... Мигомъ! предложилъ свои услуги Ѳедька.

Стали сговариваться объ условіяхъ. Начался неизбѣжный споръ. Меня всего болѣе удивляло то, съ какой настойчивостью и опасливостію отстаивала артель совсѣмъ чуждые ей Ерошкины интересы, между тѣмъ какъ послѣдній нетолько не принималъ рѣшительно никакого участія въ этомъ дѣлѣ, но смотрѣлъ такъ, какъ бы все это ни мало не касалось его. Да его, впрочемъ, никто ни объ чемъ и не спрашивалъ.

Принесли четвертную и поставили на столъ; Ѳедька же принесъ изъ кабака перо и чернилъ. Я, какъ настоящій Lohnschreiber, положилъ передъ собою бумагу, написалъ на лоскуткѣ «пробу» и сталъ ожидать. Дѣло предполагалось не особенно сложное и мудреное, судя по началу. А начало состояло въ томъ,

что было поднесено по стакану водки старшому, нанимателю и мнѣ. Старшой и наниматель перекрестились и выпили, съ искреннимъ пожеланіемъ, чтобы все обошлось «согласно». Нѣкоторые артельщики не безъ зависти поглядывали на запрещенную для нихъ четвертную, но «не покушались», а только торопили дѣломъ.

Итакъ, по началу, дѣло, казалось, пойдетъ ходко, легко—такъ благодушно было, по выраженію водовозовъ, «смазано». Но не такъ оказалось въ дѣйствительности. Почти каждый пунктъ контракта, написанный мною, былъ перечеркнутъ, потому что подвергался самымъ бурнымъ обсужденіямъ и исправленіямъ. Въ концѣ я уже не сталъ писать по первому слову Селифана или рядчика, а выжидалъ окончанія дебатовъ. Для примѣра, приведу хотя препирательства по пункту объ одеждѣ.

Контрактъ подвигался уже къ концу, какъ вдругъ подошелъ ко мнѣ «обстоятельный» водовозъ.

— Постой-ка, братъ, сказалъ онъ мнѣ: — ну-ко, прочти вотъ тутъ... гдѣ у тебя? показывалъ онъ мнѣ, деликатно водя пальцемъ по верхъ бумаги и пристально всматриваясь въ написанное, хотя самъ былъ не граматенъ.

— Объ чемъ же тебѣ нужно?

— Ахъ ты, Господи! Все—задержка! сокрушался рядчикъ: — вѣдь, это когда же конецъ-то будетъ? Не радъ, что и связался. Вѣдь, у насъ время-то кипитъ. Не ждутъ насъ!

— Нѣтъ, ты погоди, перебилъ его обстоятельный мужикъ: — гдѣ тутъ у тебя объ одёжѣ-то прописано?

— Вотъ здѣсь.

— Ну-ко, прочти.

Я прочиталъ.

— Ну, такъ и есть! Полушубка-то и нѣтъ!.. Забыли... Развѣ можно, по зимнему времени, безъ полушубка?

— Да какой тебѣ еще полушубокъ... Чтò за моду выдумалъ? Чего лѣзешь? Надумалъ тамъ, сидя у печки!.. Еще чего придумай! Вѣдь сказано—«въ надлежащей одеждѣ»... Ну? И притомъ, вѣдь онъ въ полушубкѣ?..

— Да, вѣдь, это—полушубокъ-то какой! Вѣдь, это—только слава, чтò полушубокъ, а имъ, ежели по-божески говорить, такъ только на огородѣ воронъ пужать... Ты гляди — дырья-то! горячился обстоятельный водовозъ, подходя къ Ѳедькѣ и тыкая пальцемъ въ дырья полушубка.

— Это точно. Нужно прописать, замѣтилъ Селифанъ Абрамычъ.

*

— Вы всякую тряпку ужъ пропишите! Онучи тоже... полотняныя, молъ... перваго сорта, иронизировалъ подрядчикъ.

— Полушубокъ, братъ—не портянка... Онъ вотъ — шесть цѣлковыхъ стòитъ... Да!.. Нѣтъ, ты пропиши.—Всѣмъ словомъ его, полушубокъ-то... Пиши-ка сначала... Вотъ что̀! рѣшительно предлагалъ разсудительный артельщикъ.

— Да это долго ли же будетъ? сердито спросилъ рядчикъ.

— Скоро-то, братъ, не бываетъ споро. Да̀. А мальчишкѣ тоже не по деревнѣ бѣгать въ дырьяхъ то... Здѣсь, вѣдь, Питеръ — вонъ оно чтó! Здѣсь въ одинъ конецъ пробѣжишь — и десять верстъ.

— А вотъ ты тутъ на счетъ бани-то прописалъ-ли? неожиданно спросилъ одинъ изъ артельщиковъ, почти не принимавшій никакого участія прежде.

— Тащи водку назадъ! Подавай деньги! засуетился разсерженный въ конецъ подрядчикъ: — бери!.. Нѣтъ, съ вами тутъ нѣчего... Вотъ, на *Сѣнной* [1] бы намъ съ вами поговорить, такъ мы посмотрѣли бы, послушали... А то еще вы сыты... Съ жиру бѣситесь...

— Намъ торопиться нѣчего... Любо съ нами дѣло имѣть — возьми, не любо—ка̀къ хочешь.

— Подавай рублевку!

— Послушай, милый человѣкъ... Полушубокъ-то, вѣдь, ты все едино далъ бы... Потому, этотъ много что недѣлю на плечахъ продержится, уговаривалъ Селифанъ Абрамычъ: — а голымъ ты его гонять тоже не станешь. Та̀къ ли я говорю?

— Нѣтъ, это, братъ... Да̀!.. Я думалъ, думалъ:—а гдѣ, молъ, полушубокъ-то?.. Анъ и забыли, резонировалъ обстоятельный водовозъ:—тутъ всякое дѣло нужно обдуманно... Чтобы какъ было обстоятельнѣе...

— Постой, оставь ты, перебилъ его Селифанъ:—такъ, Ермилъ Петровичъ, ну самъ посуди—не все ли равно тебѣ, что вписано, что не вписано? А для родителя-то его, Ерошкина, много спокойнѣе... Много это будетъ больше въ удовольствіе ему... Потому, мы по себѣ знаемъ, въ деревнѣ народъ на счетъ Петербурга—оченно мнительный... А тебѣ что̀-жь!

Рядчикъ подумалъ и кинулъ на лавку шапку.

— Пиши, сказалъ онъ мнѣ сердито.

Артельщики подозрительно и боязливо заглянули въ сердито-хитрое лицо рядчика, какъ будто боялись, не заключаетъ ли

[1] Тамъ обыкновенно нанимаютъ рабочихъ.

такая сердитая рѣшимость съ его стороны какой-нибудь скрытой каверзы.

Я снова исправилъ пунктъ объ одеждѣ.

Такія препирательства, едва не кончавшіяся совершенной размолвкой, происходили не разъ во время писанія контракта.

Наконецъ, условіе написано на-черно. Я переспросилъ—все ли они теперь обдумали, какъ нужно. Нѣкоторые, какъ замѣтно было по лицамъ, стали-было опять вдумываться, но Селифанъ, Гаврило и рядчикъ окончательно рѣшили, что всё «согласно». Я принялся переписывать на-бѣло. Селифанъ и рядчикъ хлопнули по рукамъ; раздались восклицанія: «ну, дай Богъ счастливо! Дай Богъ совѣтъ да любовь!.. Парнище онъ—важный... По мастерству вашему, ужь онъ въ Москвѣ состоялъ... Только тебѣ его малую толику къ питерскому обычаю приспособить, и не увидишь—какъ мастеръ первый сортъ будетъ!..» Селифанъ сталъ подносить всѣмъ артельщикамъ по стакану водки. Всѣ выпили.

— Ну, собирайся Ерошка, сказалъ Селифанъ:—не горюй. Къ намъ, коли что, забѣгай...

— Не балуйся, прибавили артельщики.

— Артель, мотри, не конфузь... Помни, мы за тебя поручаемся... Артель—дѣло великое. Артель нашу осрамишь—и въ деревню лучше не вертайся... Отъ отца-матери тогда откажись... Помни это крѣпко... Слышишь, что̀-ли?

— Ладно. Что̀-жь! сказалъ Ерошка, вскидывая за плеча мѣшокъ.

— Н такъ, счастливо!

— Счастливо и вамъ. Будетъ парень хорошъ—не обидимъ раскланивался рядчикъ:—человѣкомъ сдѣлаемъ!.. Такимъ мастеромъ отъ насъ выйдетъ—въ вѣкъ не пропадетъ.

— И дай Господи! За васъ Бога въ деревнѣ помолятъ вотъ ка̀къ... На это надѣйтесь.

Ерошка помолился въ передній уголъ, затѣмъ поклонился въ три пріема всей артели и сказалъ: «за хлѣбъ за соль благодарствуемъ, за неоставленье. Прощайте»...

Ерошка все это про̀дѣлалъ такъ степенно, какъ можетъ продѣлать только самый «обстоятельный» мужикъ; простой народъ вообще любитъ, кажется, всякія незаурядныя явленія, каковы встрѣчи, проводы и проч., обставлять нѣкоторою степенностію, которой не измѣняютъ даже крестьянскіе ребятишки, такъ часто обреченные съ самыхъ малыхъ лѣтъ становиться на одну ногу съ старшими, подвергаться одному и тому же риску—сгибнуть на заработкахъ, на длинной путинѣ...

— Ну, съ Господомъ! провожали артельщики:—артель, смотри, помни!..

— Будемъ помнить.

Дѣло заключенія контракта кончилось. Гаврила сталъ собирать обѣдать. А вечеромъ, Селифанъ Абрамычъ просилъ меня написать въ деревню, къ отцу Ерошки, обо всемъ дѣлѣ «обстоятельно» и приложить копію съ условія, «чтобы имъ тамъ, старикамъ, было безъ смущенья... Да и самихъ себя передъ ними оправить намъ надо... Они, вѣдь, на насъ тамъ крѣпко надѣются»...

Написаніемъ контракта и нѣсколькихъ писемъ въ деревни, которыя, скажу не безъ удовольствія, удостоились отъ всѣхъ самыхъ восторженныхъ похвалъ, я составилъ себѣ сразу репутацію въ артели; а это было для меня тѣмъ важнѣе, что мало-по-малу прекратились между мною и ею тяжелыя натянутыя отношенія человѣка, забравшагося не въ свое мѣсто. Артельщики начали эксплуатировать мое «грамотное бездѣлье» самымъ добродушнымъ образомъ. Предлагая мнѣ взять на себя какое нибудь дѣло, они всегда прибавляли: «глянь, а отъ нечего дѣлать—и доброе дѣло сдѣлаешь, и копейку зашибешь... Такъ-то, почтенный!» А заключали такимъ образомъ, распивая послѣ какой-нибудь исполненной мною комиссіи бутылку пива, причемъ присутствовали: я, отрекомендовавшій меня водовозъ, и иногда тотъ, кого касалось самое дѣло:—Ахъ, милый человѣкъ!.. Какъ Богъ-то, я все думаю, благодушничалъ водовозъ:—не было ничего, анъ глядь и съ выпивкой! Нѣтъ, у насъ, ежели человѣкъ ученый да хорошій—никакъ не пропадетъ... Потому у насъ самыхъ этихъ дѣлъ—во всю жизнь не придѣлаешь».

А дѣлъ или, собственно, «порученій» отъ разныхъ «хорошихъ людей» у артельщиковъ было дѣйствительно много.

На слѣдующее же утро, часовъ въ пять, пришелъ какой-то рабочій и долго говорилъ съ Селифаномъ. По уходѣ его, Селифанъ обратился къ артели.

— Эй, братцы!.. Нѣтъ-ли у кого еще «больнишныхъ»? Не просилъ-ли кто? Вотъ, дуниховскіе принесли, просятъ сходить...

— Есть... У меня есть двое, отозвался Прохоръ.

— Такъ давай... Вотъ кстати и попросимъ барина намъ эти недоимки очистить... Вамъ это, миленькій, будетъ въ пользу. Потому они за благодарностью не постоятъ, обратился онъ ко мнѣ:—дѣло это—немудреное. Они—рабочіе всѣ, такъ срокъ имъ

вышелъ больничныя деньги въ адресную вносить... Ну, и просили: потому имъ, ежали самимъ идти—терять день тоже убыточно...

— Вѣдь, тамъ, кажется, свидѣтельствуютъ всѣхъ—здоровы-ли?

— Ну, это такъ!.. Ежали что̀, такъ можно тамъ столковаться... Ничего... Да они ужь свидѣтельствованы...

Забравъ деньги и контрамарки, я отправился съ порученіемъ въ адресную экспедицію. Я проходилъ, однако, цѣлый день, и нельзя сказать, чтобы было дѣло легкое и «немудреное»—внести за полгода больничныя деньги, всего 60 копеекъ. Во-первыхъ, экспедиція была одна на весь городъ—и мнѣ пришлось отломать съ Васильевскаго Острова на Литейную не малое число верстъ; во-вторыхъ, пришелъ я рано и долженъ былъ ждать у затворенныхъ дверей, на морозѣ, часа два; вокругъ меня собиралось все больше и больше разнаго рабочаго люда:—фабричныхъ, мастеровыхъ, чернорабочихъ, кухарокъ и пр. и пр., которые толпились у зданія экспедиціи.—Все это шумѣло, говорило, кричало, прыгало на замерзавшихъ ногахъ, хлопало руками; у кого были деньги—заходили въ кабаки; тѣ-же, у кого было только въ обрѣзъ 60 копеекъ больничнаго взноса, съ завистью посматривали на кабацкія двери. Когда экспедицію отперли, вся эта масса разомъ устремилась въ отворенную половинку двери и застряла въ ней; начался шумъ, брань, крики—всякому хотѣлось попасть поскорѣе въ «пріемную», чтобы первому сунуть писарямъ, сидѣвшимъ за деревянными перильцами, свою контрамарку, такъ какъ это гарантировало и скорѣйшую выдачу квитанціи. Я, по незнакомству съ дѣломъ, вошелъ послѣ всѣхъ. Узкая, низкая и грязная комната была биткомъ набита народомъ. Было нестерпимо душно; черезъ полчаса со всѣхъ уже лилъ крупными каплями потъ. Выкликаемые и выходившіе, дѣйствуя безцеремонно локтями, производили въ этой сплошной массѣ постоянныя волнообразныя колебанія, которыя никому не давали устоять на ногахъ и переносили меня произвольно съ мѣста на мѣсто; выбраться изъ этихъ живыхъ тисковъ было неимовѣрно трудно. Ближе къ периламъ стояли дворники, въ синихъ сибиркахъ, и, какъ народъ «свой» и знающій, шутили съ писарями и скорехонько получали квитанціи (они тоже, обыкновенно, ходили за нѣсколько человѣкъ рабочихъ, жившихъ въ ихъ домахъ, за что̀ собирали не малые барыши, такъ какъ, бо̀льшею частію, на взятый съ рабочаго «для круглаго счета» рубль не возвращали сдачи). Кто побогаче, протягивалъ руку потихоньку къ писарю, съ зажатой въ ней монетой, и тотъ навѣрно отпускался скоро. Бѣдные терлись у задней стѣны, съ которой сне-

сена была спинами давно уже вся известка. Черезъ два часа, я не могъ уже болѣе стоять и хотѣлъ было какими бы то ни было способами выйти вонъ; но меня предупредили, что я рискую, если меня выкликнутъ въ мое отсутствіе, прогуляться сюда еще разъ завтра, такъ какъ второй разъ выкликать не станутъ. Дѣлать было нечего—я еще ждалъ часъ. Но больше терпѣть оказалось невозможнымъ: мнѣ дѣлалось дурно, голова кружилась, меня тошнило. Попросить же кого-нибудь выкрикнуть за меня «здѣсь!» и затѣмъ увѣдомить меня о выкличкѣ было нельзя, такъ какъ пришлось бы сначала выучить фамиліи и имена всѣхъ моихъ «поручителей». Но я, все-таки, вышелъ на воздухъ. Только теперь я понялъ, ка̀къ тяжело и дорого могутъ обходиться рабочему человѣку всякія формальности. Можно сказать положительно, что «больничнаго сбора» съ петербургскаго рабочаго населенія сходитъ не 60 к. съ души (за полугодіе), а тратится безъ всякаго толку, пропадая безслѣдно, вдвое или даже втрое, если принять во вниманіе трату цѣлаго рабочаго дня или же трату за комиссію, равную половинѣ дневной рабочей платы да еще, непремѣнно, съ выпивкой по исполненіи комиссіи, подачки писарямъ; а при этомъ, цѣлый день безцѣльной толкотни на морозѣ или въ духотѣ—тянетъ въ кабакъ или трактиръ погрѣться, освѣжиться... И вотъ, десятки тысячъ, въ каждое полугодіе, самыхъ кровныхъ, трудовыхъ грошей пролетаютъ въ трубу совершенно непроизводительнымъ образомъ и, что̀ всего болѣе возмутительно, изъ за стѣснительной и врядъ ли резонно оправдываемой, никому не нужной формальности—вносить рабочимъ деньги непремѣнно самимъ (такъ какъ предполагается въ экспедиціи освидѣтельствованіе каждаго—не имѣетъ ли кто либо заразительныхъ болѣзней; «комиссіи» такимъ образомъ являются уже послабленіемъ) и непремѣнно въ *одно* опредѣленное на всю громадную столицу мѣсто. Такъ было раньше—не знаю, какъ теперь. При такихъ-то порядкахъ, артель водовозовъ была истиннымъ благодѣяніемъ для василье-островскихъ рабочихъ, принимая на себя комиссію больничнаго взноса. Селифанъ Абрамычъ обыкновенно скапливалъ у себя нѣсколько контрамарокъ и затѣмъ отправлялъ съ ними въ экспедицію кого-нибудь изъ артели.

Я воротился въ артель уже часовъ въ 6 вечера.

III.

Артельный крестникъ.

Но, кромѣ этихъ обычныхъ и постоянныхъ комиссій и порученій, артели нерѣдко приходилось принимать участіе въ такихъ исключительныхъ и необыденныхъ исторіяхъ, которыя были для нея истинными «комиссіями». При мнѣ случились двѣ такихъ исторіи, которыя я и разскажу, такъ какъ обѣ онѣ имѣли для артели нѣкоторыя характерныя послѣдствія:—одна изъ нихъ, по поводу знакомаго псковскаго старика, разыгралась уже по уходѣ моемъ изъ артели, а потому объ ней въ своемъ мѣстѣ; другая же совершилась такимъ образомъ.

Помню, на четвертый или пятый день моего пребыванія въ артели, съ утра стояла порядочная погода, но къ вечеру пошелъ снѣгъ, загудѣлъ вѣтеръ... Артельщики отобѣдали рано, потому что матка собиралась уйти по своимъ дѣламъ, какъ она говорила, а кажется, больше по порученію Селифана, судя по случайно подслушанному мною между ними разговору наканунѣ. Я вышелъ изъ душнаго подвала на дворъ курить послѣ ужина и подышать свѣжимъ воздухомъ; слышу, въ сѣняхъ разговариваютъ.

— Вѣдь, ужь она совсѣмъ, почесть, мертвая—что̀ мощи, говорилъ женскій голосъ:—все одно—долго-ли, коротко-ли протянетъ, оттуда не выйдетъ больше, какъ на Митрофаньевское...

— Знаю. Самъ видѣлъ, отвѣчалъ другой голосъ.

— Такъ что̀-жь даромъ-то мучаться!.. И меня тоже понапрасну гонять не къ чему... У нея еще отъ того разу осталось, почитай, и не дотронулась до твоихъ гостинцевъ.

— Нѣтъ, ужь ты, Афросинья Трофимовна, сходи... Сдѣлай милость.

— Я, пожалуй, схожу... Что̀-жь!.. Я вѣдь, пожалуй... Развѣ я когда отказывалась... Что̀-жь мнѣ!..

— Да ты объ чемъ же плачешь?.. Ахъ, Афросинья Трофимовна...

— Тебѣ это—грѣхъ, кажись, Селифанъ Абрамычъ...

— Слушай, Афросинья Трофимовна... Я тебя изъ того уважаю, что ты мнѣ не отказывала—за ней ходила, полюбила ее... что ты—сердобольная... Ежали-жь ты ей теперь смерти желать хочешь...

— Ды рази я это говорю, перебила Афросинья:—я смерти никому не желаю... Пущай живетъ!..

— Ну, такъ... сама знаешь—нельзя... Ты меня не обижай... А завтра сходи...

Кто-то тяжело вздохнулъ и громко высморкался.

— Воля ваша, Селифанъ Абрамычъ.

— Полно!.. Сдѣлай милость, полно!.. Не смущай ты меня...

— Ды вѣдь я ничего... Развѣ я смущаю?..

Разговоръ сталъ продолжаться шопотомъ, потомъ кто-то опять вздохнулъ; затѣмъ хлопнула дверь—одна въ кухню, другая въ артельную комнату. Тайна Селифана Абрамыча, такимъ образомъ, мнѣ совсѣмъ открылась. Очевидно, разговоръ шелъ про лежавшую въ больницѣ дѣвушку, которая, по словамъ Афросиньи, была для Селифана «хотя совсѣмъ незаконная, а близкая». Къ ней-то и отправилась матка послѣ обѣда, пока еще погода стояла ясная. Было пять часовъ вечера. Артельщики собрались уже всѣ дома, такъ какъ работать совсѣмъ было невозможно: вьюга разыгралась бѣдовая. Матка все еще не возвращалась. Турка съ Ѳедькой и еще два-три водовоза усѣлись на нарахъ играть въ три листика. Кто просто лежалъ, кто разговаривалъ. Обстоятельный водовозъ все зѣвалъ и крестился, сидя на лавкѣ; Гаврило разсматривалъ тщательно у огня полушубокъ и, конечно, никакъ не предполагалъ, что въ эту ночь суждено произойти исторіи, имѣвшей для него такое важное значеніе.

Я съ Селифаномъ пересыпалъ изъ пустаго въ порожнее: разсказывалъ онъ мнѣ разные анекдоты о квартирныхъ хозяйкахъ-нѣмкахъ.

Вдругъ кто-то стукнулъ кухонной дверью.

— Матка, должно, пришла, замѣтилъ кто-то.

— Наврядъ, парни... Она сначала сюда бы заглянула.

— Можетъ, занесло всю. Отряхнется—войдетъ.

Подождали, но никто не входилъ. Ѳедька пошелъ въ это время за дверь, и ему велѣли заглянуть на кухню.

— Братцы! Тамъ у насъ гостья! закричалъ онъ, вернувшись:— Турка, пойдемъ!

— Кто тамъ?

— Сонька пришла. Знаешь, что̀ у косоглазой нѣмки Шриберши жила...

— Ну? Да зачѣмъ она, шельма, въ эдакую пору?

— Ды пьяная она!.. Страсть! Лыка не вяжетъ... Я ее опрашиваю—молчитъ, сидитъ на лавкѣ да качается... Я говорю: ты что такъ настегалась да сюда пришла?.. Молчитъ. Пойдемъ, Турка! Слышь! У нея чать деньги есть—угоститъ.

Игроки всѣ поднялись и пошли на кухню.

— Ахъ, охальники! Чтобы все, гдѣ на даровщину лѣзутъ... Мало ихъ, околѣлыхъ, бьютъ дворники-то! ворчалъ богобоязненный водовозъ, сидѣвшій у стола и тщательно разсматривавшій у свѣчи воротникъ синей рубахи.

Вбѣжалъ опять Ѳедька.

— Селифанъ Абрамычъ, кричалъ онъ, размахивая руками: — бѣда!

— Что̀ тамъ?

— Сонька-то, вѣдь, умирать пришла! Мы было, шутки для, поднесли ей огарокъ къ носу, а она блѣдная сидитъ, что̀ твое полотно... Упокойникъ настоящій!

— Ахъ, она!.. Что̀ она надѣлала! Гдѣ мѣсто нашла. Вишь до чего догулялась. Да и ка̀къ ее бѣсъ сюда надоумилъ? Нарочно онъ на насъ это смущенье́ напущаетъ, сокрушался богобоязненный мужикъ, свертывая бережно рубаху и засовывая въ свой сундукъ.

Селифанъ Абрамычъ, Гаврило и половина артели уже была на кухнѣ. Пошелъ и я.

На маткиной кровати сидѣла молодая дѣвушка съ миловиднымъ, чистымъ лицомъ, въ короткой шубкѣ, съ бѣличьимъ воротникомъ; на голову накинута была у нея красная шаль, которую она старалась спустить на глаза и закрыть лицо. Дѣвушка судорожно хваталась тонкими пальцами, съ серебряными кольцами, за изголовье кровати. Артельщики смотрѣли на нее, разинувъ рты.

— Софья! Да, что̀ съ тобой подѣлалось? спрашивалъ Селифанъ.

— Гдѣ Афросинья?.. Афросинья гдѣ? шептала дѣвушка.

— Братцы! Ды она тяжелая! крикнулъ Ѳедька: — гляди-ко!. Она рожать пришла.

— Чего ты орешь, окрикнули его артельщики.

— Ахъ, шельма, покачивалъ головой Прохоръ Иванычъ: — ишь нагуляла, ды въ артель на смущенье тащитъ... Нѣтъ у нея дома-то.

— И вѣрно, что нѣтъ. Кабы былъ, небойсь въ экую мятель не побѣжала бы. Вѣдь она у браліанщика живетъ. Мастерская тамъ. А онъ—вдовый, ни одной бабы вокругъ нѣтъ... А она, поди, здѣсь одна одинёшенька...

— Ну, вотъ тебѣ—и поздравься! сказалъ кто-то.

— Матки-то на грѣхъ нѣтъ.

— Тошно мнѣ, голубчики... Тошно, шептала Софья.

— Братцы, уйдемъ... Чего мы ей глаза-то мозолимъ... Тутъ мужикамъ быть не пристало...

— Совсѣмъ грѣхъ, сказалъ Прохоръ и ушелъ.

— Ды ка̀къ уйти-то?... Везти скорѣй надо, въ пріемный покой... Рази мы что̀ можемъ въ этомъ дѣлѣ! Тутъ мы и совсѣмъ ума рѣшимся... Н-ну, оказія!

— Оставь ее! Пусть здѣсь родитъ, обрывисто сказалъ Гаврило.

— Ты, что̀-ли повивать будешь?

Гаврило молчалъ и упорно смотрѣлъ на Софью.

— А ежали бѣда какая будетъ? Ежели умретъ безъ помоги? говорилъ Селифанъ: — Ѳедька, бѣги, ищи извозчика...

— А паспортъ у нея есть?

— Да развѣ ей въ умъ придетъ теперь паспортъ?.. Эхъ, ты!.. Объ этомъ думаютъ, когда ежали въ благополучіи, замѣтилъ кто-то.

— Ну, безъ паспорта тамъ не примутъ. Я однова тоже возилъ-было такъ-то въ родильную больницу, съ горяча, одну тоже дѣвку. Пріѣхали, спрашиваютъ: гдѣ паспортъ? Нечего дѣлать, посадилъ ее на приступочки у крылечка, а самъ бѣгомъ, за паспортомъ...

— Нужно сбѣгать... Здѣсь недалеко.

— Я сбѣгаю, сказалъ Гаврило и ушелъ.

Артельщики помолчали; стали думать, что̀ бы такое предпринять, и ничего не придумали.

— И ччудеса, братцы, ка̀къ это народъ въ Питерѣ нарождается, началъ было кто-то. Но тутъ вошла матка.

— Матка, глядико-сь, что̀ у насъ подѣлалось! крикнули ей: — диво!

— Вы что̀ же тутъ, умники, лясы-то точите? засуетилась матка, наскоро раздѣваясь и сразу понявъ, въ чемъ было дѣло: — рады на женское дѣло глаза пялить?.. Ступайте, ступайте!.. Выбирайтесь вонъ! толкала она водовозовъ въ широкія спины.

— Н-ну, бабы въ свои права̀ вошли! Тутъ съ ними не сладишь! шутили артельщики.

— Везти бы надо, замѣтилъ Селифанъ.

— Чего тутъ везти! Нѣтъ вамъ тутъ дѣла!.. Ступайте въ свое мѣсто, прикрикнула на него матка и захлопнула дверь.

Селифанъ сконфузился.

— Не посмотрѣли, братъ, что старшо̀й! ха, ха! Тутъ, братъ, надъ ними въ эдакомъ разѣ одинъ Богъ—старшо̀й, смѣялись надъ нимъ артельщики: — у нихъ уже тутъ царя нѣту!..

Всѣ мы столпились въ первой артельной комнатѣ и чего-то ждали. Вошла съ засученными рукавами Афросинья Трофимовна: лицо ея было степенно; взглядъ серьёзенъ; щеки раскраснѣлись; во всей ея фигурѣ было что̀-то внушительное и торжественное.

— Почтенные, обратилась она:—потрудились бы вы кто ни то—сходили въ трактиръ за теплой водой... Хоть полведра бы взяли...

— А везти-то?

— А везти теперь некуда... Везти если—на дорогѣ Господь захватитъ... Ужь ей судьба васъ осчастливить...

— Истинно: невидимо Господь награждаетъ!

— Селифанъ Абрамычъ, давай я схожу, сказалъ Ѳедька.

— Ты? А наболтаешь тамъ?

— Дай, дай ему!.. Вишь онъ подслужиться хочетъ!..

Ѳедькѣ, дѣйствительно, хотѣлось чѣмъ нибудь услужить и, въ то же время, чего-то совѣстно было.

— Матка, проговорилъ въ это время изъ другой комнаты больной старикъ-водовозъ:—подь-ка сюда, на минуту...

Матка вошла. Старикъ копалъ у себя въ коробѣ подъ лавкой.

— На-ко, зажги тамъ къ образу... у роженицы-то, сказалъ онъ, протягивая ей дрожащей рукою огарокъ пятачной восковой свѣчки:—легче будетъ... Это—крещенская... Еще отъ крещенья осталась... Можетъ умолитъ за насъ ребячья душа!..

— Спасибо, Софронъ Тихонычъ... Богъ тебя за это не оставитъ.

Матка перекрестилась.

— Ну, хорошо... Ей-бы легче было... Подсади-ко меня.

Старикъ, крестясь и охая, улегся опять.

Матка ушла. Скоро вернулся Гаврило.

— Опоздалъ? спросилъ онъ, отряхая съ себя хлопья снѣга.

— Опоздалъ.

— Такъ и есть!.. Ахъ, черти!.. Искалъ-искалъ ихъ, околѣлыхъ, смучился... А они всѣ, съ хозяиномъ-то, въ портерной сидятъ, пиво пьютъ... Еще не давалъ: ты, говоритъ, кто-такой?.. Говоритъ, надо мастерскую осмотрѣть... У меня вездѣ золото... Можетъ, она скрыться хочетъ... Увезли?

— Нѣту. Тебя на новой матка ждетъ.

Гаврила не обратилъ вниманія на шутку, ушелъ въ сѣни и сталъ прислушиваться.

Прошелъ часъ, а въ артели было тихо. Хотѣла-было молодёжь отъ скуки затѣять опять игру въ три листка, но ее разогналъ богобоязненный Прохоръ Иванычъ. Разговаривали больше, но разговаривали не громко, что̀, казалось, было для водовозовъ нелегко, по привычкѣ давать своему горлу полную свободу. Разсказывали приличные настоящему моменту случаи изъ деревенской жизни: о родахъ на жнитвѣ, на покосѣ; о деревенскихъ повитухахъ, ка̀къ они «робятъ вытряхаютъ», ежели труд-

ные роды бываютъ; о примѣтахъ, относящихся къ родамъ; даже пускались въ философствованіе насчетъ сущности младенческой души и доказывали, что она—«паръ». Вообще вели самую солидную бесѣду. Только Гаврило, съ обычной угрюмостію, которая, впрочемъ, теперь приняла какой-то безпокойный характеръ, часто выходилъ за дверь и все прислушивался.

Вдругъ раздались за стѣной стоны.

— Молись, братцы, вскричалъ, вбѣгая, Гаврило:—должно, самое это время...

Онъ былъ блѣденъ и остановился въ дверяхъ.

— Да не Гаврило ли это, братцы, родитъ? полюбопытствовалъ было Ѳедька.

— Молчи, оглашенный! прикрикнулъ на него Прохоръ Иванычъ.

— Дай Богъ благополучно! проговорили артельщики и многіе перекрестились. Гаврило стоялъ въ дверяхъ и слушалъ.

Время тянулось. Многіе начинали зѣвать, а изъ кухни никакихъ вѣстей не было.

— Ну, ныньче, почтенные, ужъ безъ ужина побудемъ... Для Бога потерпѣть можно, сказалъ Селифанъ.

— Что̀-жь! Это, братъ, всегда такъ бываетъ: коли баба родитъ, мужикъ безъ хлёбова сидитъ: — тутъ ужь мужику такая линія.

— Пойдемъ въ мелочную. Чего ни то въ сухомятку пожуёмъ. А они пущай тутъ родятъ.

— Да, для ради прибыли-то, можно бы и выпить по стаканчику, всей артелью, замѣтили нѣкоторые:—ради, то есть, поздравки... Право!.. Вѣдь, у насъ родины-то не въ частую!..

— Что̀-жь? выпить—такъ выпить!.. Оно же и хлёбова-то по этому случаю нѣтъ. Возьмёмъ четвёртуху.

— Ладно. Та̀къ-такъ, та̀къ. А только, ежели будутъ въ кабакѣ допрашивать, что̀ у насъ за праздникъ, говорилъ Селифанъ Абрамычъ:—скажи, братецъ, что находку нашли...

Артельщики ушли въ кабакъ. Остались—я и Гаврило. Я легъ и скоро заснулъ. На утро, по обыкновенію, я уже не засталъ водовозовъ. Только Прохоръ Иванычъ копался у своего сундука и что̀-то ворчалъ на стоявшаго близь него Гаврилу.

— Десять цѣлковыхъ — и бери сибирку, говорилъ Гаврило.

Прохоръ кряхтѣлъ.

— Дашь, что̀ ли? Такъ не томи...

— Да на кой тебѣ грѣхъ столько денегъ понадобилось?.. Ахъ ты, Боже мой! Вѣдь это—какая махина деньжищевъ... Десять цѣлковыхъ! Вѣдь, это для мужика...

— Ну, растобарывай!.. Дашь, говорятъ, али нѣтъ?

— Совсѣмъ я раззорюсь! сокрушался Прохоръ: — ей-Богу! И зачѣмъ это тебѣ?

Гаврило плюнулъ и хотѣлъ уйти.

— Ну, ну... На. Ды только, чтобы мнѣ рубль лишку... Слышишь? Прохоръ подалъ Гаврилѣ засаленныя бумажки; Гаврило схватилъ и, не считая, пошелъ къ двери.

— Постой-ка-съ, посчитаемъ еще, крикнулъ ему Прохоръ. Но Гаврило уже вышелъ.

— Экій пryткій!.. Прытокъ больно... Какія деньжищи—и безъ счету! Того гляди, парень, обманетъ... Больно ужь народъ ныньче на деньгу̀ смотритъ. Раззоритъ, гляди того, совсѣмъ раззоритъ, ворчалъ артельный ростовщикъ:—ахъ, Господи! И зачѣмъ я ему далъ... И къ чему вдругъ такую махину ему!..

Прохоръ Иванычъ былъ истый русскій растовщикъ —ростовщикъ «богобоязненный», такъ сказать: первое дѣло—онъ никогда не пользуется тяжелымъ положеніемъ ближняго, не эксплуатируетъ легковѣріе загулявшаго малаго, но, напротивъ, любитъ прочитать ему мораль, наставить на путь истинный и вообще любитъ, чтобъ его деньги шли «на пользу», и приходилъ въ большое неудовольствіе, когда его годами скопленные гроши растрачивались кѣмъ-либо самымъ возмутительно-легковѣрнымъ образомъ, какъ, напримѣръ, Ѳедькой на папиросы и пиво, или Туркой—на украшеніе своего туалета, или на угощенія прекраснаго пола; второе дѣло—проценты онъ бралъ не «по-жидовски», а «по-божески, по чести-совѣсти», кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, неувѣренный въ полезномъ употребленіи своей ссуды, онъ рисковалъ и мучался недоумѣніемъ за ея своевременный возвратъ.

Выйдя въ сѣни, я встрѣтилъ матку и узналъ, что «Господь благополучно разрѣшилъ паренькомъ»; что она теперь пригласила къ себѣ на подмогу товарку; что роженица, хотя и встанетъ къ вечеру, но все еще слаба, и что никакъ она не пойметъ, что̀ такое съ Гаврилой дѣлается.

Когда къ обѣду собралась артель, вошла матка съ завернутымъ въ сарафанъ новорожденнымъ на рукахъ; ей, видимо, хотѣлось его показать артельщикамъ, такъ какъ на кухню никого не допускали. При этомъ нужно замѣтить, что нѣкоторые изъ артельныхъ и, кажется, въ особенности, Прохоръ поговаривали о томъ, что нужно бы въ кухню попа позвать съ кропиломъ; что обѣдъ готовить въ кухнѣ теперь не годится, что кухня теперь опоганилась... Прохоръ былъ отчасти раскольникъ. Афросинья Трофимовна, дѣйствительно, не варила сегодня обѣдъ, но, ка-

жется, не по этимъ соображеніямъ, а потому, что было совершенно нѣкогда.

— Ну вотъ—и артельный крестникъ! говорили артельщики. Всѣ они столпились около матки, почесывали самодовольно лохматки, поглаживали бороды и, широко осклабляясь, заглядывали въ лицо красной, безтолково глядѣвшей фигурки.

— Какой здоровякъ, братцы!.. Не даромъ въ артели родился...

— Жалко, отца нѣтъ. Сгинетъ.

— Я такъ думаю—быть ему водовозомъ!

— Счастье не велико!

— И то ищо слава-Богу скажи!.. Пять разъ помреть до того... Вѣдь ему шпитомцемъ быть...

— Конечно, ему въ шпитательный... Это ужъ—такъ!

— Ну, а что̀ мать? Здорова?

— Поправится скоро. Дѣвка крѣпкая.

— Ну, ну!.. Ты ей тамъ чаю завари... Ситнаго возьми, наказывалъ Селифанъ Абрамычъ:—а мы теперь пойдемъ ужъ въ харчевню обѣдать...

— Ну, братцы, теперь лучше въ кабакъ не ходи—сраму изъ-за него не оберешься—задразнятъ, махнулъ рукой Ѳедька.

— Тебя и задразнишь!.. Того и смотри.

— Насъ-то—плевать, заявилъ кто-то:—ты, вотъ, что̀ подумай: дѣвкѣ-то проходу не дадутъ эти оглашенные-фабричные... Артельная жена — только и словъ будетъ... Бѣда они востры на языкъ!..

— Вы ужъ поосторожнѣй насчетъ всего этого... Держи въ секретѣ.

Какой-то бородатый водовозъ захотѣлъ поближе вглядѣться въ ребенка и осторожно отворотилъ корявымъ пальцемъ уголъ одѣяла съ его лица. Ребенокъ закричалъ.

— Экъ, напужалъ его бородищей-то!.. Уставилъ свою-то лопату! крикнули водовозы:—вишь, еще онъ не присмотрѣлся къ нашему-то обличію...

Водовозъ сконфузился и отошелъ.

— Ну, что̀-жь! Живи, мальчуга, живи, заключили водовозы:—Живы будемъ—не забудемъ, коли Богъ дастъ встрѣтиться...

— Ну, это—наврядъ!..

А на другое утро, когда артель ушла на работу, я увидѣлъ въ окно, какъ къ воротамъ подъѣхалъ на извозчичьихъ

санкахъ Гаврило. Онъ какъ-то особенно торопливо спрыгнулъ съ нихъ, оглянулся по сторонамъ и пошелъ во дворъ; затѣмъ, вошелъ въ квартиру, оглянулъ ее всю, мелькомъ посмотрѣлъ на меня, ничего не сказалъ и вышелъ; въ немъ замѣчалось что̀-то порывистое и, въ то же время, опасливое. Я продолжалъ смотрѣть въ окно. Прошло минутъ десять. Смотрю, отъ воротъ къ санкамъ матка вела подъ руку роженицу; стала усаживать; за ними подошелъ Гаврило, держа бережно на своихъ могучихъ рукахъ что̀-то завернутое въ старый нагольный полушубокъ. Онъ озирался по сторонамъ; вдругъ изъ полушубка раздался плачъ; Гаврило вздрогнулъ, какъ будто растерялся на минуту, но тотчасъ же сѣлъ въ сани, рядомъ съ Софьей—и извозчикъ задергалъ возжами. Матка стояла у воротъ и крестилась.

Я заключилъ, что новорожденнаго отправляли въ воспитательный домъ; но странное поведеніе во всей этой «артельной комиссіи» Гаврилы, его необычно-напряженное состояніе я не могъ себѣ объяснить—и пошелъ на кухню.

— Отправили? заговорилъ я съ маткой.

— Отправили.

— Куда же? Въ воспитательный?

— Артель больше нельзя стѣснять, уклончиво отвѣчала матка:—артель—не одинъ человѣкъ.

— А что̀ же Гаврило?.. Разузнали бы теперь, изъ чего онъ безпокоился.

— Что̀-жь! Дѣло это—его... До его души относится... Намъ мѣшать не пристало.

Очевидно, матка не желала быть откровенной, и я больше не разспрашивалъ. Артельщики знали, кажется, относительно этого пункта немного больше меня, но они догадывались, въ чемъ могло быть дѣло, и не говорили объ немъ. Я обратился къ Селифану Абрамычу.

— Всяко въ жизни, милый человѣкъ, случается, сказалъ онъ мнѣ, улыбаясь: — у насъ мужиковъ никакъ впередъ не разочтешь, что̀ будетъ. Мы подъ Богомъ ходимъ.

— А что̀ же случилось?

— Совсѣмъ дѣло простое. Стали мы вчера, я, матка да Софья, разговаривать на кухнѣ, куда теперь ребенка дѣвать... Извѣстно, такимъ робятамъ одна линія — въ воспитательный... Софья на рукахъ мальца-то держала, качала-качала, да вдругъ и расплакалась... Утѣшаемъ мы ее, и не слышимъ, что Гаврило-то въ дверяхъ, въ потемкахъ стоитъ, смотритъ да слушаетъ... «Что̀ плакать, говорю я Софьѣ:—дѣлать нѣчего... Покориться надо—

дѣло наше такое... Гдѣ тебѣ прокормиться съ ребенкомъ? Куда тебя пустятъ?» Софья еще пуще залилась; тихо плачетъ, а у самой такъ грудь и поднимается... Извѣстно, отъ слабости... ну и жалко, тоже—мать... «Не плачь, вдругъ подошелъ тутъ Гаврило:—пойдемъ ко мнѣ на фатеру... Корми ребенка»... Сонька такъ и встрепенулась, обрадовалась... Ну, знамо, она теперь въ такомъ положеніи... Притомъ же, и Гаврилу она прежде знала... Слышимъ, а у него ужь и комнатка гдѣ-то нанята...

Мы ужинали, какъ пришла въ артель больная жена Гаврилы, помолилась, вглядѣлась въ сидѣвшихъ за столомъ и спросила:

— А Гаврилы Иваныча, должно, нѣту?

— Нужно такъ полагать, отвѣчалъ Прохоръ Иванычъ.

— Гдѣ же онъ?

— Гдѣ ни-то да есть.

— Присѣсть, подождать развѣ.

— Присядь, ничего... Отдохни.

Жена Гаврилы присѣла у двери. Молчали. Артель почему-то чувствовала себя неловко. Молчалъ и Селифанъ Абрамычъ и только какъ-то усиленно хлебалъ.

— А скоро онъ придетъ?.. Недосугъ мнѣ очень.

— А этого мы доподлинно не знаемъ, отвѣчалъ все Прохоръ.

— Не случилось ли чего? догадывалась женщина.

— А вотъ что̀ тебѣ, милая, сказать: онъ ужь у насъ, Гаврило-то, больше не жительствуетъ, какъ-то внезапно рѣшившись, вдругъ сказалъ Селифанъ, положивъ ложку.

— Что̀-жь такъ?

— А ужь это такъ Богу угодно, чтобы ему жить на фатерѣ...

— Фатерку онъ себѣ пріискалъ, потому — шпитомца онъ себѣ взялъ, съ матерью, на вскормленье... Вишь, дѣло-то выходило очень душевное... Ну, и для Бога-то очень хорошее!.. Ничего тутъ дурнаго нѣтъ... даже, то есть очень хорошее дѣло... Будь спокойна.

Но женщина, казалось, поняла все. Она заплакала.

— Ды рази я виновата? выговаривала она, сквозь плачъ.

— Нужно полагать, виноватаго тутъ не сыщешь.

— Рази я виновата... что я—больная... что мы въ раззореньи... Я и такъ Бога молила, чтобъ дѣтей не давалъ... Куда намъ съ ними въ такомъ положеніи...

— Убиваться не надо... Можетъ, къ лучшему все... Право! Господь-то, онъ вѣдь невидимо... Можетъ и сойдетъ съ него, черезъ этого самаго паренька, дикость-то его... Вишь, онъ какой у тебя сталъ... Инда страшно было!.. Вы, милая, не горюйте очень-

то... Любящій онъ всегда былъ, а теперь, такъ думать нужно, ему цѣны не будетъ... Сами вы на него не нарадуетесь!..

— Чѣмъ же я-то виновата? всхлипывала женщина.

— И опять скажу: цѣны вашему супругу не будетъ. Будьте, милая, въ надеждѣ. Это, вѣдь, Богъ-то все не даромъ. Такъ ли? обратился Селифанъ за поддержкой къ артели.

— Конешно, не даромъ.

— Онъ все, чтобы какъ на пользу намъ—дуракамъ, поддерживала артель.

Жена Гаврилы вдругъ утерла глаза, поднялась, спросила, гдѣ новая квартира Гаврилы, и, попрощавшись, тихо вышла.

IV.

Именины.

Слѣдующій день сдѣлался неожиданно послѣднимъ днемъ моего пребыванія въ артели. Въ этотъ же день, артель праздновала именины. Именинникъ былъ Турка. Справивъ дѣла̀ по своимъ «нумерамъ» (т. е. домамъ и квартирамъ), Турка рано вернулся на квартиру и сталъ обряжаться. Онъ надѣлъ новые плисовые штаны, смазные сапоги, красную рубаху и бархатную жилетку, по которой распустилъ взятую на прокатъ у Прохора часовую цѣпочку; волосы намазалъ помадой, хранившейся у него въ сундучкѣ, и, довольный, отправился въ ближнюю церковь. Вернулся онъ часамъ къ 11-ти, нѣсколько на̀-веселѣ.

— Ну что̀, Турка, много наславилъ? спросили его завтракавшіе артельщики.

Турка молча разсыпалъ по столу мелкую мѣдную и серебряную монету, которую насбиралъ онъ, ради именинъ, отъ квартирныхъ хозяекъ и домовладѣльцевъ.

— Сто̀итъ говорить! процѣдилъ Турка:—ежели бы... я стыда бы не взялъ шляться по лѣстницамъ!..

— А ты не брыкай, замѣтилъ сердито Прохоръ: — молодъ еще. Вѣдь это—монета царская... Смотри, братъ, обидишь ее — послѣ и захочешь, такъ въ карманъ не зазовешь... Ее, братъ, уважь.

— Карманъ только протрешь.

— А ты брось, сердито предлагалъ Прохоръ.

— Бросить не брошу, а пропить—пропью.

— И пропей!

*

— И пропью.

— Такъ... А тутъ для васъ сберегай, дрожи... «Прохоръ да Прохоръ, дай денегъ»... А не бось, артельнымъ жидомъ прозвать—ваше дѣло... Еще вотъ какъ изъ-за васъ Богу придется отвѣчать.

— На то ты—и заказчикъ.

— На то... Ишь ты!.. Подбери деньги-то, оглашенный!.. Тоска смотрѣть!..

— Да еще, вотъ, и подобрать нѐкуда... Кошелька не соберешься на эти капиталы купить.

Я воспользовался этимъ заявленіемъ и задумалъ закупить расположеніе къ себѣ Турки. Зная его щепетильный характеръ, я выждалъ, когда онъ выйдетъ. На правахъ именинника, Турка не счелъ нужнымъ идти болѣе на работу. По уходѣ товарищей, онъ усѣлся у воротъ на скамейкѣ, растопырилъ ноги и вынулъ изъ кармана штановъ маленькую засаленную книжку, какой-то плохой пѣсенникъ. Едва я подошелъ, онъ, по обыкновенію, тотчасъ спряталъ книгу и отвернулся въ сторону. Я поздравилъ его съ праздникомъ и попросилъ принять отъ меня подарокъ—старенькій порт-моне. Турка вдругъ переконфузился, не смотря, сунулъ подарокъ въ карманъ и сказалъ мнѣ въ полоборота:

— Пива хочете?

Мы пошли въ портерную, сѣли за столъ и разговорились; но Турка говорилъ туго, обрывисто; велъ онъ себя кàкъ-то вычурно-небрежно и гордо: нѐ-хотя лилъ пиво въ стаканы, толкалъ бутылки, кидалъ на полъ пробки и подкидывалъ въ ротъ ржаные насоленые сухари.

— Я замѣчаю, что вы—какой-то недовольный, спросилъ я.

— Нѐчѣмъ.

— Чтò же такъ?

— Какая же въ артели жизнь? Это—такъ... единственно пустое препровожденіе времени.

— Отчего же?

— Первое дѣло—артели эти, хотя и въ столицѣ живутъ, а обычаевъ держатся крестьянскихъ; ежели насчетъ примѣру—ничего такого нѣту. Второе дѣло—ничего нельзя въ предметѣ имѣть.

— То-есть кàкъ же?

— А тамъ: водовозъ есть—водовозомъ и помрешь... Какое можетъ быть повышеніе?

— А если не отъ артели?

— Это—другое дѣло. Тутъ съ главнымъ дворникомъ всегда

можно быть въ расположеніи. Научаешься отъ него... Ну, и хозяинъ тебя видитъ, полицiя тоже присматривается... Можно въ помощники попасть; а тамъ и самому въ дворники... а послѣ...

Турка замолчалъ.

— Что̀ же послѣ?

— Послѣ? Послѣ можно и сертукъ... Послѣ въ управляющіе...

— Вотъ вы куда мѣтите!

— Пока, ежели я трусь въ артели, все это—одни только пустыя мысли...

— Что̀ же васъ держитъ въ артели?

— Мѣста по насъ еще не имѣется. Найдемъ—уйдемъ. Ивану Павлычу почтеніе-съ! сказалъ онъ вошедшему околодочному, толстому, высокому и почтенному полицейскому.

— Вишь ты, братъ, какъ нынче... съ благородными сидишь... и спину не ломаешь...

— Я нынче—имянинникъ-съ...

— Ну, развѣ что...

— Не желаете ли въ биксу... на полдюжинки...

— Или насбиралъ кошель-то?

— На насъ хватитъ.

— А хватитъ—такъ сперва угощай, какъ подобаетъ начальству... Потомъ ужь мы увидимъ, стану ли я съ водовозомъ въ биксу играть...

— Да вы не чинитесь. Мы политику знаемъ.

— Ну-ну. Не разсказывай сороку Якова про всякаго... Что̀ это, я вамъ скажу... Извините! обратился почтенный полисменъ ко мнѣ.

— Садитесь, сдѣлайте милость.

— Что̀ это, я вамъ скажу, за народъ—эта деревенщина, въ особенности молодая... Вотъ, хоть бы теперь возьмите этого молодца: что̀ два года тому назадъ—что̀ теперь... Даже узнать нельзя!.. Деревня былъ, чистая деревня, а теперь въ немъ этого форсу... даже обидно становится!.. Придутъ они къ намъ артелью, въ полушубкахъ бараньихъ, въ лаптяхъ... одно слово—деревенщина... Ну, сначала и Бога помнитъ, черную работу дѣлаетъ, послушенъ, свой обычай хранитъ, все какъ слѣдуетъ... А обосновался ежели здѣсь—бѣда!.. Сейчасъ это на счетъ цивилизаціи ка̀къ бы...

— Что же? это хорошо.

— Гмъ! промычалъ онъ глубокомысленно и посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ставь, что̀ ли, чортова голова! прибавилъ почтенный полисменъ, дружески ударивъ его ладонью вдоль спины. Они по-

дошли къ биксѣ и принялись играть. Турка держалъ себя съ достоинствомъ. Околодочный постоянно обижался и за каждымъ ударомъ награждалъ Турку какимъ-нибудь обидливымъ прозвищемъ. Турка отмалчивался и не обращалъ на это, повидимому, никакого вниманія. Я скоро ушелъ.

До вечера я проходилъ по своимъ дѣламъ, а, когда вернулся, именины въ артели уже были въ пол-пирѣ. Празднованіе шло чинно, степенно, солидно. Въ немъ принимали главное участіе только гости-знакомые Турки, два дворника, одинъ лавочникъ и прикащикъ, троюродные его дядья, съ женами, и почетныя лица артели: Селифанъ Абрамычъ, Прохоръ и обстоятельный водовозъ. Всѣ они сидѣли вкругъ стола, въ первой артельной комнатѣ: на первомъ мѣстѣ—дворники и дядья, далѣе—ихъ жены и, наконецъ, свои, по домашнему. Артель же толпилась по нарамъ въ другой комнатѣ; одни играли въ стуколку, другіе просто лежали; Ѳедька «баловался» съ Полкашкой и артельнымъ Васькой, подымалъ возню, пискъ, лай, за что̀ и получалъ постоянные острастки и колотушки въ спину; нѣкоторые же выходили «къ имянинннику», садились на лавку, вдали отъ стола, на которой помѣщался скрипачъ, съ подбитымъ глазомъ, въ разодранномъ сюртукѣ, Богъ-вѣсть гдѣ добытый Туркой, и слушали степенную бесѣду.—На столѣ передъ гостями стояла четвертная водки и бутылка наливки или вина, лежала нарѣзанная тонкими ломтиками вареная колбаса, чашка огурцовъ и коровай хлѣба. Турка угощалъ, и, когда я вошелъ, онъ пригласилъ меня «за компанію», въ передній уголъ; на мой отказъ забираться въ почетные гости онъ вдругъ замѣтилъ: — Нѣтъ ужь, пожалуйста. Мы вами дорожимъ.

Я залѣзъ за одного изъ дворниковъ, солиднаго и знавшаго себѣ цѣну мужика, и очутился между нимъ и толстой бабой—лавочницей; отъ бабы несло по̀томъ, а отъ дворника жаромъ и какимъ-то неопредѣлимымъ букетомъ. Дворникъ меня особымъ вниманіемъ не удостоилъ. Началось снова угощеніе. Турка началъ съ меня, попорядку. Каждый стаканъ выпивался не вдругъ, съ отказами, проволочками. Бабы, напримѣръ, сначала «пригубливали», затѣмъ выпивали пол-стакана, и уже на третью или четвертую просьбу заканчивали, конфузясь, все. Дворникъ пилъ одну мушкатель, а водкой его, все-таки, подчивали. Угостивъ сидѣвшихъ за столомъ, Турка бралъ въ руки четвертную и отправлялся угощать артель, «по обычаю». Артельщики или молча раскланивались, принимая стаканъ, или поздравляли, или просто крякали, выпивали и, затѣмъ, смиренно подходили къ столу, издалека деликатно стаскивали съ тарелки тоненькіе лом-

тики колбаски, нюхали, закусывали и отправлялись восвояси. Туркѣ участвовать въ бесѣдѣ не было никакой возможности. Едва онъ подносилъ стаканъ послѣднему — музыканту, первые выпившіе начинали уже скучать; требовалось начинать новый кругъ подношеній, подчиваній...

Между почетными гостями велась бесѣда о преимуществахъ булыжной и асфальтовой мостовой. Первенствовалъ въ ней мой сосѣдъ, дворникъ-аристократъ.

— Въ мостовой отличительно нужно знать, поучалъ онъ: — первымъ дѣломъ, касательно копыта... чтобы, то-ись, ему устой былъ...

— Устой, это вѣрно, отзывались слушатели.

— Устой былъ. Второе дѣло—чтобы сшибки подковѣ не было... А притомъ—упругость.

— Вотъ-вотъ! Это вы самое, такъ точно — упругость! Упругость главное, восторгался лавочникъ, откидываясь назадъ и потомъ опять смотря въ глаза дворнику.

— Тутъ уже такой и матеріалъ производится: примѣрно, торецъ, али бы заливка... Все къ своему мѣсту приспособлено... Такъ ли?

— Это что̀ говорить!

— Н-да. Хоша бы теперь возьмемъ, ежали бы кто захотѣлъ у себя бриллiантовую мостовую передъ окнами намостить...

— Ну, ужь!.. Вы! замѣтила гостья—моя сосѣдка:—ихъ и на серьги только развѣ купчихамъ, и то богатымъ, еле хватитъ, бриллiантовъ-то...

— Нѣтъ. Отчего же! Ежали теперь графъ какой... хоть примѣрно Штенбоки али Демидовы... Имъ это можно. У нихъ теперь этого самоцвѣтъ-камня цѣлыя горы. Человѣкъ ихъ мнѣ ящички показывалъ, футлярчики, папиросницы (все—дареные ему)—и все изъ камней склеены, все самоцвѣтъ!

— Т-съ! удивлялись гости: — Ну, коли такъ — отчего-жь! Можно!

— Ну, и что̀-жь они эти горы копаютъ, али такъ по камешкамъ собираютъ? любопытствовали дамы.

— Оставь. Погоди. И чего ты лѣзешь не въ свое мѣсто, остановилъ лавочникъ свою супругу:—тутъ у насъ разговоръ, можно сказать, по инженерной части, а она... Такъ, вотъ, вы сказали, что ежели бы изъ самоцвѣту... Нужно полагать, красиво было бы?

— Дрянь вышло бы... Самое пустое дѣло.

— Что такъ-съ!

— А вотъ и подумайте.

Всѣ начинаютъ думать.

— Петръ Иванычъ! давай, что̀ ли, мушкатель-то! кричалъ между тѣмъ задавшій задачу дворникъ Туркѣ:—Куда-жь ты, братецъ, ушелъ?.. Еще имянинникъ! Ты, по настоящему, съ нами бесѣду веди... У насъ разговоръ хорошій...

— Вѣдь я знаю, Сафронъ Петровичъ, что у васъ пустяковъ въ разговорѣ не будетъ, откликался Турка, торопя артельщиковъ выпивкой:—да вѣдь вотъ ка̀къ же-съ?.. Артель у насъ.— Выкушайте! подчивалъ онъ дворника.

Дворникъ выпилъ и потомъ спросилъ, обведя всѣхъ глазами.

— Не догадались?

— Да, вѣдь, гдѣ-жь! Это, ежали кто съ инженерами знается, замѣтилъ лавочникъ:—вотъ, у меня забиралъ въ долгъ одинъ, значитъ, писарь, изъ этихъ путейскихъ... Такой пьяница—изъ рѣдкихъ!.. Я ему больше и отказалъ по этому изъ кредита... Такъ онъ это разсказывалъ—а-ахъ! про эти про самыя, про краски... Планъ онъ мнѣ приносилъ дороги одной, шосейной, значитъ... Такъ что̀! Картина! Али бы лента генеральская!.. И все—разныя краски...

— А хорошо, кабы гдѣ хоть трухтуарчикъ сдѣлали... изъ самоцвѣтныхъ камней, пожелала лавочница. При нашей бѣдности, можно бы хоть на однѣ сережки попользоваться, али бы вотъ на бусы...

— Вишь вы чего захотѣли! засмѣялся дворникъ:—губа-то у васъ не дура! Ну только въ томъ и дѣло, что это невозможно.

— Ну, ка̀къ не можно? Все можно... Вотъ, вы въ эрмитажѣ были?

— Ка̀къ не быть! Такъ тамъ совсѣмъ другое дѣло... Вотъ вы къ чему приравняли! Къ мостовой! покачалъ головой дворникъ.

— Глупа, братъ, ты, замѣтилъ гостьѣ мужъ, съ соболѣзнованіемъ:—говорилъ я тебѣ: молчи, молчи—и слушай...

— Да отчего-жь! И тамъ самоцвѣтъ...

— А навозъ-то вы и забыли? Ха, ха! Вѣдь на мостовой навозъ предполагается! засмѣялся, торжествуя, дворникъ.

Гостьи сконфузились, а мужчины захохотали.

— Наше-то званіе и забыли! замѣтилъ обстоятельный водовозъ:—а оно тоже отъ Господа свое мѣсто имѣетъ...

— Это что̀ говорить! Какъ кому положено... Его не уничтожишь!..

— Это вы объ чемъ? спросилъ Турка, присаживаясь къ столу.

— А мы, братъ, вотъ насчетъ вашего званія.

— Что̀ наше званіе! И охота вамъ!

— И точно... Совсѣмъ, братъ Петя, не пойму... Ей-Богу! Ка̀къ

это тебѣ, то-ись, при твоемъ, можно сказать, умѣ, при граматности, говоритъ лавочникъ:—и въ эдакомъ занятіи состоять!...

— Радъ бы... Вотъ, на Сафрона Петровича вся мечта.

— Я, братъ, чтò-жь.. Изволь... Какъ вотъ хозяинъ пріѣдетъ... Изволь... Ты—мужикъ чистый... ну, и съ понятіемъ... Тебя взять можно... Зачѣмъ же тебѣ въ молодости въ артели пропадать... Такъ ли, Селифанъ Абрамычъ? говорилъ дворникъ, знавшій себѣ цѣну.

— Парню этому здѣсь ли быть! Ему, конечно, артель тягостна...

— Артель — дѣло подневольное и опять же мужицкое. Вотъ, хотя примѣрно имъ, показалъ на меня дворникъ: — развѣ имъ можно въ артели обосноваться?

— Отчего же? спросилъ я.

— Да какая же вамъ тогда цѣна будетъ? Цѣны вамъ никакой не будетъ. Вы ужь ежели насчетъ чего благороднаго—тутъ приспособленья не сдѣлаете...

— Это чтò говорить! Пустые разговоры, замѣтилъ другой дворникъ:—вели, чтò-ли, Петя, музыканить.

— Григорій! Начинай!

Музыкантъ отхаркнулся, плюнулъ въ кулакъ, какъ-то особенно выворотилъ подбитый глазъ и запилилъ.

— Нѣту, не эту! Ну тебя ко псу! И такъ тоска... Вали веселѣе, приказывалъ все тотъ же дворникъ, чиномъ поменьше, уже значительно повеселѣвшій.

Музыкантъ перетянулъ струны и началъ польку.

— Важно теперь! Заяривай!

Разговоры прекратились, и всѣ стали слушать.

За дверью послышалась возня и смѣхъ.

— Петръ Иванычъ! Пригласи послушать! раздался звонкій голосъ въ полуотворенную дверь; за дверью опять засмѣялись. Турка вышелъ сконфуженный на голосъ и скоро вернулся.

— Ты чтò-жь? сказалъ дворникъ-аристократъ: — Пусть! Ничего!

— Не полагается.

— Пущай! Я, братъ, даромъ, что дядя—не взыщу. Сами, бывало, любили эту дрянь, говорилъ лавочникъ.

— Нѣтъ, не полагается... Зачѣмъ баловаться... Мы въ артели.

— Полно врать!.. Селифанъ Абрамычъ! вѣдь, вретъ онъ?

— Это—точно, не въ обычаѣ, отвѣтилъ Селифанъ.

— Нѣтъ, ужь мы послѣ... Вотъ, когда на своей обставкѣ бу-

демъ... а? шутилъ дворникъ: — тогда можно свободно этимъ дѣломъ заняться...

— Своя обставка — первое дѣло!.. подхватилъ лавочникъ: — Тутъ тебя никто не стѣснитъ... Насчетъ всякаго безобразія самъ себѣ владыка!

Послушавъ немного музыки, гостьи поднялись и стали прощаться. Турка ихъ останавливалъ.

— Не трожь—идутъ, крикнулъ лавочникъ:—только стѣсненье съ ними... Право! Три часа сидимъ, точно панихиду справляемъ!

Гостьи ушли. Почему-то, дѣйствительно, какъ будто стало свободнѣе. Музыкантъ запилилъ камаринскую, послѣ которой всѣ, «по обычаю», отправились, предводительствуемые Туркой, въ трактиръ пить чай, такъ какъ въ артели самовара не заводилось. Къ чаю была приглашена вся артель. Въ трактирѣ Турка занялъ четыре-пять столовъ и заказалъ на всѣ ихъ чаю. Разсѣлись у каждаго стола по-трое, по-четверо. Меня Турка опять усадилъ съ дворникомъ и дядей, хотя ни я къ нимъ, ни они ко мнѣ не чувствовали особаго расположенія. Но «такъ слѣдовало, такъ полагается». Сзади насъ же посадили и музыканта. Тутъ я кстати узналъ, что музыкантъ нашъ былъ на нѣкоторое время лишенъ дара слова; онъ до того спилъ голосъ, что могъ говорить только шопотомъ, и то всѣ членораздѣльные звуки сливались въ сплошную октаву. Начали чайничать. Турка часто уходилъ въ «особое отдѣленіе», за тонкой перегородкой, откуда раздавались женскіе голоса. Музыканту заказали плясовую. Ѳедька стоялъ и слушалъ.

— Что̀-жь, Ѳедоръ, уважь! сказалъ Селифанъ Абрамычъ.

— Плясунъ будетъ? спросилъ дворникъ.

— Первѣйшій.

— Н-ну, была̀ не была—повидалась! крикнулъ азартно Ѳедька, смахнувъ съ плеча полушубокъ.—Турка! Подноси водки! Утѣшу!

— Изволь. Пей!

Ѳедька подошелъ къ стойкѣ, ухарски выпилъ стаканъ, поправилъ рубаху и штаны и пустился въ присядку. Плясалъ онъ, дѣйствительно, хорошо, но какъ-то автоматично. Такъ пляшутъ солдаты: уставивъ неподвижный взглядъ въ одну точку, не шевельнувъ ни однимъ мускуломъ лица, безучастно, повидимому, и къ своему ухарству, и къ восторгу окружающихъ, они выдѣлываютъ свои поразительныя колѣна до изнеможенія, до поту лица, до полнаго, кажется, одурѣнія, до того, что, когда они въ заключеніе гикнутъ, подпрыгнутъ и остановятся какъ вкопанные,

вы не замѣтите въ нихъ и признака чувства, какъ будто ихъ охватилъ столбнякъ. Гости были въ полнѣйшемъ восторгѣ.

— Хорошо пляшетъ у насъ Ѳедька, замѣтили степенные водовозы:—кабы не глупъ, цѣны бы парню не было!

Ѳедька очнулся, наконецъ, и осклабился.

Изъ «особаго отдѣленія», въ щелку двери, выглядывали «барышни».

— Э-э! Да у тебя, братъ, тамъ—машина! вскричалъ дворникъ, замѣтивъ ихъ:—это и намъ по губѣ!

Всѣ дядья отправились въ особое отдѣленіе. Мы остались въ общей комнатѣ. Водовозы у столовъ усердно пыхтѣли надъ чаемъ; выпили они его очень много, половые то и дѣло таскали «кипяточекъ». Да и то сказать, въ трактирѣ, по дороговизнѣ, кромѣ чая ничего «не полагалось». Многіе, во время чая, сходили внизъ, въ кабакъ, выпивали «на свои» и снова возвращались къ своимъ столамъ. Изъ отдѣленія раздавались пискъ, хохотъ.

Чаю напились. Напившіеся благодарили Турку.

— Петръ! Спасибо... за чай-сахаръ! говорили нѣкоторые, осторожно заглядывая въ дверь отдѣленія.

— Ладно, не взыщите!

Другіе просто вставали изъ-за столовъ и кричали:—«Эй, Петръ Иванычъ! благодарствуемъ!»

— Не начѣмъ, говорилъ Турка, и, если голоса принадлежали степеннымъ артельщикамъ, выходилъ и раскланивался.

— Важно! похваливали водовозы, вытирая широкими ладонями потныя лица:—пару въ себя теперь такого запустили, что хотя въ прорубь полѣзай — не озябнешь. Прощайте пока! Ужинать скоро ли?

— Пожалуй, хоть собирайте.

— Ну, ладно. Ты съ нами, что̀-ли, Миколаичъ, обращались ко мнѣ: — али еще здѣсь попразднуешь?.. А то пойдемъ: съ нами веселѣе. Сказки будемъ разсказывать...

Бо̀льшая часть водовозовъ была уже довольно на-веселѣ, въ особенности тѣ, которые успѣли «поздравиться на свои». Длинной вереницей отправились мы тихими стопами изъ трактира на квартиру. Нѣкоторые шли обнявшись и все старались начать какую-то пѣсню, но дѣло не клеилось; другіе два-три пріятеля пріостанавливались, объ чемъ-то разсуждали, снова шли и, въ концѣ-концовъ, вернулись назадъ въ кабакъ еще пропустить малую толику на сонъ грядущій. Ѳедька былъ особенно оживленъ и веселъ. Мало-по-малу, всѣ собрались. Стали ужинать.

Ужинъ пошелъ весело и благодушно. Подтрунивали надъ псковскимъ старикомъ.

— Ну что̀, дѣдко, ка̀къ же насчетъ правды-то?

— Ась?

— Скоро ли, молъ, правду-то обрящешь?

— А вотъ, кормильцы, завтречко въ сёмое мѣсто пойду... По счету, по моему, выходитъ—въ шести мѣстахъ былъ — въ сёмое посылаютъ...

— Ну, должно, конца краю не видать!

— А не вѣдаю, кормилецъ... Попуститъ Господь-царь небесный дастъ вѣку—довижу, не попуститъ—и такъ умру...

— Все-жъ обидно!

— Нѣту. И послѣ меня, кормилецъ, люди будутъ... Я умру—дочь пойдетъ... Нельзя, милой, чтобъ правды въ мірѣ не было...

— Ну, коли та̀къ—будь въ надеждѣ: обрящешь... [1]

Въ пол-ужина отворилась дверь, и вошелъ высокій, съ длинными баками, среди которыхъ едва былъ замѣтенъ полувыбритый подбородокъ, въ нагольномъ полушубкѣ и старой, вытертой боярке на головѣ, одинъ изъ васильеостровскихъ дворниковъ, изъ отставныхъ унтер-офицеровъ—именно тотъ «ругатель», на котораго жаловался больной водовозъ. Его, за разговоромъ, артель не замѣтила.

— Эй, вы! Распустили кадыки-то! крикнулъ онъ:—гдѣ старшо̀й?

— Здѣсь старшо̀й. А ты что̀ по басурмански-то входишь? Али не видишь, что здѣсь люди ужинаютъ, христіане, заворчалъ богобоязненный Прохоръ Иванычъ, этотъ хранитель строгихъ дѣдовскихъ обычаевъ въ артели: — чего лѣзешь въ папахѣ-то татарской? Вѣдь образа, чай, здѣсь...

— Гдѣ старшо̀й? повторилъ дворникъ, не слушая, однако папаху снялъ.

— Что̀ же такое требуется? спросилъ Селифанъ.

— Вы что̀ тутъ еще за моду уставили: что̀ ни день, то новый водовозъ? Рази я со всякой швалью дѣло имѣлъ?

— Да, вѣдь, ты знаешь, что старикъ изъ-за тебя боленъ.

— А ты держи языкъ-то туже... То̀-то! кого ты посылаешь ко

---

[1] При всемъ моемъ «ничего недѣланіи» и искреннемъ желаніи, я ничѣмъ не могъ помочь этому «псковскому старику». Дѣло его касалось такихъ запутанныхъ земельныхъ отношеній, связанныхъ еще съ крѣпостнымъ правомъ, затѣмъ съ удѣльнымъ вѣдомствомъ и, наконецъ, съ министерствомъ государственныхъ имуществъ, что только одна непобѣдимая его вѣра въ «присутствіе правды на землѣ» могла поддерживать въ немъ надежду добиться когда-либо возстановленія своихъ правъ.

мнѣ?.. На смѣхъ, что̀ ли, всякую сволочь... Ведра бить, лѣстницы леденить...

— Ты что̀ лаешься? А? Ты еще спроси: пойду ли я къ тебѣ опять-то, къ ругателю? сорвался съ лавки Ѳедька: — ахъ ты, крупа!.. Больше тебѣ слова нѣтъ...

— Ѳедоръ! оставь, погоди!

— Чего тутъ годить? Братцы!.. Сдѣлайте милость!.. Ды кто изъ васъ пойдетъ къ нему—на вѣкъ жизни дуракъ останется!.. Ей-Богу!..

— Конешно, не пойдемъ... Это вѣрно, что̀ дураки, заговорила разомъ обиженная артель: — еще ему же услуживаемъ, а онъ наткась!.. Ему за больнаго, а онъ—вишь ты!.. Командиръ! Насъ никто такому полковнику не обязывалъ!..

— Ка̀къ не обязаны?

— А ты вотъ что̀, ваше бл—діе, не кричи... А честь честью—садись... У насъ имянинникъ... У насъ праздникъ... Коли ты—человѣкъ хорошій, такъ ты извинись, что нашъ обычай не уважилъ... Вотъ онъ, имянинникъ-то... Ты, вотъ, поздравь его честь-честью! поучалъ Прохоръ Иванычъ, показывая на вошедшаго въ это время Турку.

— Ка̀къ не обязаны? повторялъ дворникъ, охаживая всѣхъ глазами.

— Та̀къ и не обязаны. Заболѣлъ водовозъ — ищи другого... Еще мы съ тобой, дуракомъ, по благородному...

— Кто такой дуракъ?

— Братцы, погодите, оставьте, уговаривалъ Селифанъ.—Вотъ что̀, Пантелей Ѳедорычъ, заговорилъ онъ дворнику:—мы точно не обязаны... Мы тебѣ же хотѣли услужить... Ну, а ты — человѣкъ тяжелый... Извини... Вотъ тебѣ за недѣлю назадъ, что у тебя больной забралъ—получи... Мы бы тебѣ ихъ и раньше отдали, да тебя пожалѣли... Гдѣ, думали, тебѣ пріискать человѣка... Безъ работника тебя оставить не хорошо...

— Какія деньги?.. Ды развѣ вы такъ смѣете—графской домъ безъ воды оставить? а? Кто же ее будетъ носить?

— Самъ поноси...

— Че-ево?

— Поноси, почтенный, поноси... Зажирѣлъ... И лучше тебя дворники носятъ...

— А-ахъ, вы, голопузые...

— Братцы! Что̀ жь это такое?.. Вѣдь, у насъ, кажись, праздникъ, обидѣлся и Турка.

— Ну, не хочешь честью—извини, строго заговорилъ Сели-

фанъ. — Артель обижать нельзя... Артель—не одинъ человѣкъ... Ступай съ Богомъ... Мы завтра поговоримъ...

— Че-ево? оралъ безтолково дворникъ и вдругъ накинулся на меня:—а это у васъ кто? Это—чьи?

— Ступай съ Богомъ, ступай!

— Ладно же. Дворникъ хлопнулъ дверью.

— Ахъ ты, Боже мой, сокрушались артельщики: — какой народъ! Бога забылъ! Людской обычай не уважаетъ!

— Нѣтъ, что̀ онъ со мной сдѣлалъ, волновался Ѳедька:—ка̀къ-было я, братцы, повеселѣлъ, а онъ, то-есть, всякаго удовольствія лишилъ... Ахъ, чортъ, чортъ!

— Развѣ это—жизнь? сомнѣвался Турка.

Долго волновались водовозы. Вошла матка и стала собирать со стола. Какъ вдругъ Ѳедька вскочилъ и схватилъ матку подъ мышки.

— Матка! Обидѣли! крикнулъ онъ, повалилъ ее на нару и сталъ цѣловать. Разсердилась матка. Артель какъ будто пробудилась.

— Ѳедька! что̀ ты, мошенникъ, дѣлаешь? а? закричалъ Прохоръ Иванычъ. — Солдатъ артель обидѣлъ, а ты—что̀?

— А больше ничего: тащи штрафную четверть! Селифанъ Абрамычъ, приказывай! зашумѣла артель.—Ахъ, чортъ необстоятельный! что̀ онъ дѣлаетъ! Вотъ ужь другой разъ на недѣлѣ примѣчаемъ... Что̀ это за порядки!

— Почтенные! Вы этого парня накажите. Чтобы впередъ этого не было, сказала матка, поправляя волоса и платокъ.

— Вѣрно, вѣрно! Тащите четверную!

Артельщики, казалось, были рады этому случаю, чтобы сорвать на Ѳедькѣ сердце и выпить съ горя водки.

— Бѣгите за водкой! Тащите въ его счетъ! Посылай, Селифанъ.

— Ахъ, охальникъ! сокрушался Прохоръ:—постороннiе обижаютъ, а онъ свой Бога забылъ. Нѣтъ, тебя, сорванца, учить нужно Бога-то помнить.

— Вздуть бы его, братцы, кстати!

Ѳедька забился за нары и гоготалъ.

— Ишь, лѣшiй, ка̀къ его разобрало!

Четверть была принесена; всѣмъ поднесено по стакану. Ѳедька продолжалъ гоготать.

Было поздно. Въ артели все успокоилось. Стало все вдругъ какъ-то тихо послѣ гомона десятка голосовъ, послѣ общаго возбужденія. Но, вотъ, я слышу—кому-то не спится, кто-то возится на нарахъ.

— Спишь, что̀ ли? спросилъ меня кто-то шопотомъ — я ощутилъ чье-то дыханіе, отзывавшее водкой.

— Нѣтъ. Это кто?

— Это—я... Лежи, лежи... Я, вотъ, только хотѣлъ... Въ голову, братецъ, мнѣ пришло...

— Что̀ же такое?

— А вотъ что̀... У тебя папироска-то есть?

Я узналъ обстоятельнаго водовоза.

— Почадимъ. Теперь ничего. А я тебѣ вотъ что̀ скажу останься у насъ въ артели.

— Что̀ такъ?

— Такъ. Я тебя полюбилъ. Да и всѣ къ тебѣ привыкать начали... Вотъ, тутъ дуракъ-солдатъ, и тотъ наломался, а ты даромъ, что сюртушникъ, за недѣлю нашъ обычай не презрѣлъ.

— Спасибо. Да что̀-жь я у васъ буду дѣлать?

— Дѣлать-то? А ты годи мало. Я, братъ, объ этомъ думалъ тоже не одинъ день, чтобъ тебя къ настоящему дѣлу приспособить... Годи, утресь я тебѣ скажу... мы ужь это удумали.

— Съ кѣмъ же это ты?

— Ахъ, братецъ! кабы ежали я былъ въ начальствѣ — я бы тебя сейчасъ къ намъ въ село, въ писаря опредѣлилъ! не отвѣчая на вопросъ, мечталъ мой доброжелатель. — Ну, спи съ Господомъ! Дай-ка руку! Такъ жди до завтра. Утро вечера мудренѣе, въ сказкахъ сказываютъ. Извини.

Онъ ушелъ, но тотчасъ вернулся.

— Ты, Миколаичъ, не подумай, что это я съ-пьяна, сказалъ онъ, ища мою руку:—нѣтъ, это ужь у меня давно удумано...

Утромъ, по уходѣ артельщиковъ, ко мнѣ пришелъ одинъ мой знакомый и сообщилъ давно уже тщетно ожидаемую мною вѣсть, что мѣсто для меня открылось и чтобы сегодня же я принялъ его, пока не заняли. Я и обрадывался, и не хотѣлось мнѣ разставаться такъ скоро съ артелью, съ которою у меня начиналась такая дружеская связь. Пріятель ушелъ, а я сталъ прибирать свои пожитки и только дожидался, когда придетъ къ завтраку Селифанъ Абрамычъ и кто-нибудь изъ артельныхъ,

чтобы распроститься съ ними. Первымъ пришелъ обстоятельный водовозъ.

— Ну, а я нарочно торопился. Дѣло-то, что̀ я тебѣ вчера говорилъ, ладится.

— Ну?

— Пра! Дѣло важное. Вотъ видишь: писарь у насъ тутъ одинъ по дворникамъ ходилъ, въ домовыхъ конторахъ книги писалъ. Въ десяти домахъ онъ все такъ-то занимался. Ну, по четыре рубля получалъ съ дому. Вотъ сорокъ рублёвъ, выходитъ, да такъ, съ вѣтру, перепадало. Теперь недѣля, какъ ужь спился онъ... Такъ вотъ! Я уже всѣхъ дворниковъ обѣгалъ—про тебя говорилъ... Хвалилъ! Селифанъ тоже приспособитъ тебя тутъ, при насъ, старается... Вѣдь, хорошо? а? Хорошо?

— Хорошо-то — хорошо, да...

— Да нѣтъ, ты постой... Тутъ я тебѣ еще присмотрѣлъ: у дворника мальца требуется въ науку произвести... Да ты это что̀? вдругъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ онъ на мой узелъ.

— Вотъ, къ своему дѣлу...

Я объяснилъ.

— Опять незадача! Нѣтъ мнѣ, братъ, счастія, печально сказалъ Калистратъ Петровичъ:—всю жизнь, вотъ, такъ-то: полюблю кого, отыщу по душѣ, кажись бы только миловаться — хвать и развели... А я, совсѣмъ одинокій: была семья — въ холеру вся повымерла... Незадача! А я-было думалъ, ка̀къ чтобы пообстоятельнѣе жизнь-то свою пріустроить... Н-да̀! ка̀къ кому что̀ на роду! Отъ своей линіи не уйдешь.

— Полно, Калистратъ Петровичъ, найдешь и еще хорошихъ людей много. Да и мы съ тобой друзьями будемъ.

— Это—такъ... Заходи, заходи... И я когда забреду—не прогонишь?

Пришелъ и Селифанъ, пришли еще двое-трое.

— Не взыщи, Миколай Миколаичъ, говорили артельщики: — чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Коли чѣмъ обидѣли—не обезсудь. Дѣло наше грубое, небогатое... А мы тобой довольны.

— Вѣрьте, братцы, до гробовой доски васъ не забуду...

— Коли что̀, ежели опять не поладится... Всяка бываетъ!.. иди къ намъ прямо, безъ стѣсненія.

— Ну, дай Богъ вамъ счастія, добрые люди!

— Какое ужь счастіе! Хоть бы такъ-то онъ грѣхамъ потерпѣлъ...

Селифанъ и Калистратъ проводили меня до воротъ. Съ добрыми пожеланіями пожали мы другъ другу руки и разстались.

Я видѣлъ, какъ Калистратъ еще долго стоялъ у воротъ и чесалъ свою лахматку, объ чемъ-то раздумывая и недоумѣвая...

Я поселился далеко отъ артели, на противоположномъ концѣ города, и потому долго не встрѣчался ни съ кѣмъ изъ знакомыхъ водовозовъ. Только уже мѣсяца черезъ три я встрѣтилъ Селифана на Литейной. Мы зашли въ портерную и разговорились. Вотъ что̀ сообщилъ онъ о случившемся въ артели послѣ меня.

— Хлопотъ было довольно! Дворникъ этотъ самый—ругатель... Доказалъ... Ну, обыскъ былъ... Нашли того самаго псковскаго старика... А онъ заболѣлъ на ту пору... Не гнать же его?.. Думали, думали—куда его дѣвать?—такъ и порѣшили: коли что̀—все на себѣ снести... Пошли эти опросы... Объ васъ тоже былъ опросъ: ка̀къ, зачѣмъ, по что̀?.. Горя было много... Главное — обиды много!

— Ну, а что̀ Турка? Онъ былъ у меня, просилъ, чтобы я его счету выучилъ.

— Турка ушелъ. Гдѣ-жь ему въ артели быть? у него мысли другія. Отъ насъ ужь такъ-то не одинъ въ Питерѣ уходитъ... Соблазну здѣсь для артели много. Вотъ, теперь тоже опять Прохоръ ушелъ. За деньги сталъ бояться. Гдѣ ужь тутъ съ деньгами у насъ жить! Грѣшить только постоянно... Въ смущеніе притомъ приходитъ, ка̀къ бы-де не украли... Та̀къ, вотъ, отъ насъ народъ-то и уходитъ... Плохо артели.

— Отчего-жь такъ? Дѣло, кажись, хорошее, выгодное, Божье дѣло...

— Вотъ, поди-жь и поразмысли! Народъ, что̀ ли, другой жизнью сбивается — кто-е вѣдаетъ! Теперь нашу артель хоша совсѣмъ рушь... Только слава!.. Времена ужь не тѣ стали.

— Ка̀къ Калистратъ Петровичъ?

— Калистратъ въ больницѣ. Ногу сбѣдилъ... Онъ у васъ, вотъ, тутъ, по близости, въ Маріинской... Забредите... На пожарѣ сбѣдилъ — гоняли насъ...

— Ну, а что̀ вашъ артельный крестникъ?

— Что̀! живетъ, ростетъ... Такой пузырь! Наши не нарадуются.

— А Гаврило?

— Плохъ. Обѣднялъ совсѣмъ. Ну, гдѣ при нашихъ капиталахъ такія дѣла̀ дѣлать? Вѣдь, и добро-то для богатыхъ сподручнѣе... Плохо совсѣмъ! Артелью мы помогали кое-чѣмъ...

Нельзя... Тоже всѣ наши-то нѣтъ-нѣтъ, да и забѣгутъ справиться, ка̀къ онъ тамъ. Всѣ, вѣдь, это дѣло помнятъ, какъ бы оно общее, вишь ты, вышло... Ну, и лестно!

— Ну, а что̀ твоя возлюбленная... умерла?

— Умерла. А ты ка̀къ знаешь?

— Афросинья Трофимовна, поди, рада?

Селифанъ внимательно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Ну, коли знаешь... что̀-жь! сказалъ онъ, протягивая мнѣ ладонь:—пріѣзжай по лѣту ко мнѣ въ деревню пиво пить на свадьбѣ.

И Селифанъ Абрамычъ, по обыкновенію, озарился улыбкой во все свое добродушное лицо.

Н. Златовратскій.

ТѢСНАЯ РАМКА.

ПОВѢСТЬ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

На берегу Чернаго Моря, у Алушты, лежалъ мужчина лѣтъ 25-ти. Его звали Владиміръ Львовичъ Каштановъ. Онъ только-что выкупался и наслаждался ощущеніями здороваго организма. Занимаемое имъ мѣсто было весьма удобно для созерцанія окружающихъ его чудесныхъ картинъ, созданныхъ первоклассною художницей—природой.

Солнце только-что поднялось надъ моремъ, окрасивъ его свѣтлыми, ласкающими глаза переливами цвѣтовъ, а въ одномъ мѣстѣ перебросило отъ горизонта къ берегу сверкающій искрами мостикъ, дрожавшій отъ легкой зыби. На Чатырдагѣ еще толпились ночевавшія на немъ облака, но они рѣдѣли и таяли въ лучахъ солнца. А сосѣдка Чатырдага, красавица Катерина [1], уже скинула ночные облачные покровы и кокетливо рисовалась на синемъ небѣ своими роскошными формами. Въ долинѣ зеленѣли виноградники, а на ихъ свѣтло-зеленомъ фонѣ эффектно выдѣлялись группы серьёзныхъ, элегическихъ кипарисовъ. Свѣжесть южнаго майскаго утра и благоухающій розами воздухъ пріятно щекотали нервы.

Великое наслажденіе—лежать на пескѣ среди такой обстановки послѣ морскаго купанья.

Эта мысль ясно сказывалась выраженіемъ лица Каштанова.

Онъ не былъ поэтомъ, но испытываемыя имъ ощущенія были

---

[1] Демерджи или Катерина-гора. Одна изъ скалъ этой красивой горы напоминаетъ издали бюстъ Екатерины II.

*

тѣ самыя, изъ которыхъ поэтъ создаетъ художественныя страницы романа, увлекательныя лирическія главы. Вѣроятно, вы сами, читатель, испытывали такія ощущенія, когда, казалось, вы были на одинъ только шагъ отъ художественнаго творчества, но ощущенія ваши не воплощались ни въ литературные, ни въ музыкальные образы, и міръ лишался художественнаго романа или дивной симфоніи.

Каштановъ былъ выведенъ изъ поэтическаго забытья солнцемъ, которое начало сильно припекать.

— Надо идти, подумалъ онъ и направился, мимо длиннаго ряда громадныхъ тополей, къ почтовой станціи, гдѣ онъ остановился на нѣсколько дней.

Когда Каштановъ вошелъ на террасу почтовой станціи, гдѣ каждое утро пилъ кофе послѣ купанья, онъ увидѣлъ дѣвушку въ дорожномъ костюмѣ, стоявшую къ нему спиной. Она смотрѣла на горы. Услышавъ шаги, дѣвушка обернулась, и при видѣ Каштанова, обрадовалась, что можетъ подѣлиться съ нимъ своими пріятными ощущеніями. Это—естественное чувство всякаго неискалѣченнаго воспитаніемъ человѣка.

— Ка̀къ здѣсь хорошо! сказала она мягкимъ контральто:—я съ полчаса, какъ пріѣхала, и волнуюсь, такъ пріятно волнуюсь, глядя на эти горы.

— Обаятельныя картины, сказалъ Каштановъ:—особенно для тѣхъ, кто ихъ первый разъ видитъ, какъ и вы, вѣроятно.

— Да̀, я въ первый разъ здѣсь.

— Лидочка, ты бы надѣла платокъ.. трудно ли простудиться? раздался голосъ изъ растворившейся двери почтовой станціи.

Каштановъ увидѣлъ въ дверяхъ женщину, лѣтъ 50, въ добродушномъ лицѣ которой не трудно было замѣтить черты, родственныя съ лицомъ дѣвушки.

— Ахъ, мамочка, не мучьте меня этимъ хоть здѣсь. Какая же простуда въ Крыму, лѣтомъ!..

Мать покачала головой.

— Ну, ка̀къ знаешь, а я тебѣ скажу, что на этой террасѣ сквозной вѣтеръ, объявила она и скрылась за дверью.

А дочь ея была прекрасное существо: все въ ней было просто, начиная отъ дорожнаго платья и кончая разговоромъ и манерами. Она почувствовала потребность высказать свое наслажденіе природой и обратилась къ Каштанову, не заботясь о томъ, что онъ—чужой, что̀ онъ объ ней подумаетъ, что̀ скажетъ... Въ головѣ ея не было мѣста для того соглядатая надъ самимъ собою, который часто заставляетъ щепетильныхъ людей молчать,

сдерживать свои желанія высказать что-либо изъ боязни, не будетъ ли это смѣшно или глупо, не осудитъ ли кто-нибудь.

Лида была блондинка, цвѣтущая здоровьемъ и юностью; ея голубые глаза съ умнымъ взглядомъ, правильныя черты лица и роскошные волосы давали бы право всякой дѣвушкѣ назваться хорошенькой; но Лида казалась красавицей, благодаря рѣдкому качеству между людьми вообще и женщинами въ особенности; это качество — естественность, непремѣнное условіе красоты. У Лиды всѣ слова̀ и движенія были натуральны. Еслибы она была не одна, а окружена нѣсколькими хорошенькими барышнями, то произвела бы впечатлѣніе живой розы, вплетенной въ букетъ изъ прекрасно сдѣланныхъ искуственныхъ розъ.

Каштановъ сходилъ въ кухню смотрителя станціи и, попросивъ сварить ему кофе, вернулся на террасу, гдѣ и усѣлся на скамейкѣ.

Дѣвушка была еще тамъ; она то подходила къ одной сторонѣ террасы, откуда было видно море и зеленая, вдающаяся въ него Кастель-гора, то оборачивалась въ другую сторону, гдѣ на синевѣ неба соперничали красотой Чатырдагъ, Демерджи и многоголовый Бабуганъ.

— Давно я не испытывала такихъ хорошихъ ощущеній, сказала Лида, сѣвъ рядомъ съ Каштановымъ.

Онъ промолчалъ.

— Помните вы одинъ анекдотъ въ путеводителѣ по Крыму Сосногоровой, продолжала дѣвушка нить занимавшихъ ея мыслей:—анекдотъ объ ямщикѣ, который въ первый разъ повезъ проѣзжаго изъ Таушанъ-Базара въ Алушту и, при видѣ внезапно открывшейся панорамы моря и алуштинской долины, вскрикнулъ «Господи!» и выпустилъ возжи. Я понимаю этого ямщика... я его вспомнила сегодня, когда мы ѣхали послѣднюю станцію... Но вы, кажется, равнодушны ко всѣмъ здѣшнимъ прелестямъ.

— О, нѣтъ!.. Онѣ, конечно, нѣсколько присмотрѣлись мнѣ, поэтому не производятъ такого живого восторга, какъ въ первый разъ; но я къ нимъ далеко не равнодушенъ: доказательство, что я живу въ Алуштѣ вторую недѣлю.

— Мы здѣсь проѣздомъ, объявила Лида:—но я уговорю маму прожить нѣсколько дней въ этомъ миломъ уголкѣ.

— У меня явилась мысль предложить вамъ прогулку на Чатырдагъ—испытаете отличныя ощущенія, сказалъ Каштановъ.

— Ахъ, какія у васъ чудныя мысли!.. Конечно, поѣдемъ!.. Только ка̀къ же все это устроить?.. Вы ужъ научите... заволновалась Лида.

— Вы ѣздите верхомъ?..

— Да...

— Больше ничего и не надо; тутъ въ деревнѣ есть татаринъ Халиль, а у него верховыя лошади, и дамское сѣдло есть—онъ говорилъ мнѣ; завтра рано утромъ и поѣдемъ, если хотите.

— Отлично!.. Отлично!.. Ка̀къ я вамъ благодарна за эту мысль.

Дѣвушка пожала руку Каштанову.

Въ это время на террасу вышла ея мать, въ шерстяномъ платкѣ, накинутомъ на плечи.

— Лидушка, тебѣ сюда кофе, или придешь въ комнату? спросила она.

— Конечно, сюда! Знаете ли, что̀? Я поѣду на Чатырдагъ вотъ съ нимъ... постойте, мамочка, я познакомлю васъ... это—господинъ проѣзжій...

— Подскажите какъ дальше, шепнула она Каштанову. Тотъ назвалъ свое имя.

— Владиміръ Львовичъ Каштановъ, повторила Лида, смѣясь.

— Очень рада; а ужь ты успѣла познакомиться, проказница, сказала мать:—вотъ такъ-то она у меня всегда... А не опасно ли будетъ, Владиміръ Львовичъ, на Чатырдагъ-то ѣхать?..

— Нисколько: подъемъ не очень крутой, я ѣздилъ, и лошади у Халиля пресмирныя.

— Я не про то говорю, Владиміръ Львовичъ, а вотъ ка̀къбы она не простудилась; вѣдь тамъ на горѣ-то холодно, говорятъ... и вѣтеръ большой...

— Ахъ мамочка!.. Ка̀къ вы смѣшите меня! воскликнула Лида и, отъ души захохотавъ, обняла мать. Каштановъ тоже разсмѣялся и успокоилъ ее на счетъ простуды.

II.

На вершинѣ Чатырдага есть скала, съ которой путешественники, съ высоты птичьяго полета, любуются крымскими картинами; къ югу эта скала обрывается перпендикулярно; кто рѣшится подойти къ самому обрыву и заглянуть внизъ, въ бездну, въ которой зеленѣетъ алуштинская долина, тотъ испытаетъ жуткое ощущеніе съ замираніемъ сердца. Нѣчто подобное долженъ ощущать воздухоплаватель при взглядѣ на землю изъ своей корзинки, занесенной шаромъ къ облакамъ.

На площадкѣ скалы стояли Лидія, Каштановъ и проводникъ-татаринъ. Ощущенія этихъ трехъ лицъ представляли цѣлую гамму; самая высокая нота этой гаммы принадлежала Лидіи, которая восторгалась, какъ ребёнокъ, на глазахъ ея даже навертывались слезинки.

— Мнѣ хочется заглянуть туда, говорила она, указывая на обрывъ:—но духу не хватаетъ... А посмотрите сюда... Какія это блестящія змѣйки?

— Это—Альма, Бельбекъ и Кача, пояснялъ Каштановъ, тоже наслаждаясь видами; но въ наслажденіи этомъ не было тѣхъ порывовъ, той страстности, какъ у Лиды: оно было тономъ ниже.

А проводникъ-татаринъ никакого наслажденія не испытывалъ: онъ стоялъ у самаго края обрыва и заглядывалъ внизъ также равнодушно, какъ будто съ крыши своей хаты; онъ смотрѣлъ на Чатырдагъ вовсе не съ эстетической точки зрѣнія.

«Хороша ты Палатъ-гора, думалъ онъ, много дала заработать прошлое лѣто; хорошо, если бы и нынѣшнѣе наѣзжало побольше такихъ барышень да кавалеровъ».

Ему скоро наскучило ожидать, пока Лида и Каштановъ устанутъ любоваться природой.

— Барышня, поѣдемъ внизъ, сказалъ онъ:—ѣсть пора... тамъ на полянкѣ привалъ сдѣлаемъ...

— А въ самомъ дѣлѣ, теперь хорошо позавтракать, сказалъ Каштановъ.

Лида согласилась, но, передъ уходомъ со скалы, не вытерпѣла: подошла къ краю обрыва и, заглянувъ внизъ, отскочила, поблѣднѣвъ отъ страха...

— А все-таки заглянула, сказала она, засмѣявшись, и румянецъ опять покрылъ ея щеки.

Черезъ нѣсколько минутъ тріо сидѣло на травѣ за завтракомъ; по полянѣ бѣжалъ ключъ изъ снѣговъ Чатырдага; татаринъ варилъ кофе на маленькомъ кострѣ.

— Сколько наслажденій въ жизни! заговорила Лида:—казалось бы, зачѣмъ скучать и тосковать?

— Да вѣдь наслаждаться-то не многимъ приходится, и притомъ наслажденія прискучаютъ, отвѣтилъ Каштановъ:—вотъ вамъ примѣръ на лицо: посмотрите на нашего проводника: онъ никакого восторга неощущаетъ, и ямщикъ, о которомъ вы вчера разсказывали, послѣ того какъ проѣзжій поколотилъ его за то, что лошади понесли изъ-за его восторга, тоже навѣрное пересталъ быть эстетикомъ.

— Такъ вы заступаетесь за тоскующихъ?..

— Я самъ, пожалуй, изъ этого разряда...

— Скучаете?..

— Теперь, конечно, нѣтъ; потому что сижу за завтракомъ въ прекрасной обстановкѣ и съ живымъ человѣкомъ, а вотъ въ обществѣ живыхъ манекеновъ трудно ухитриться не скучать... А вамъ не знакомо это чувство?..

— Немножко знакомо...

Лида задумалась.

— Знаете что̀, сказала она, через минуту:—мнѣ часто приходитъ въ голову мысль: почему чуть получше, поумнѣе человѣкъ—и скучаетъ?

— Этихъ людей современная жизнь оставляетъ за штатомъ... имъ нѣтъ дѣла, а безъ дѣла всякому скучно...

— Ка̀къ не найти дѣла?..

— Найти-то не трудно; у всякаго есть свой конекъ или призваніе, если хотите; но въ томъ-то и дѣло, что на своемъ конѣ не всякому можно ѣздить.

— Какъ-такъ?.. Я не понимаю...

— Не сто̀итъ теперь объяснять... это длинно и грустно; только настроеніе духа испортишь... послѣ когда нибудь, да и вы сами поживете, такъ узнаете... Вотъ, кажется, и кофе закипѣлъ...

— Такъ вы—заштатный? проговорила Лида задумчиво:—а мнѣ такъ кажется, что это неправда; вы сегодня просто не въ духѣ и потому не вѣрите, что въ жизни для васъ есть хорошая ваканція.

— Вашими бы устами да медъ пить, пошутилъ Каштановъ.

— Кофе готовъ, изволь пить, баринъ и барыня, объявилъ татаринъ.

Послѣ завтрака, поѣхали назадъ и вернулись въ Алушту, когда солнце было уже за горами; долина уже покрылась вечернею тѣнью, но протянувшаяся надъ нею гряда облаковъ горѣла золотомъ.

Мать Лиды—скажу кстати, что ее зовутъ Анна Ильинична—начинала уже безпокоиться.,.

— Ну, что̀ ты, Лидочка? спросила она, когда Лида съ Каштановымъ подъѣхали къ крыльцу почтовой станціи.

— Отлично!.. но я страшно устала, мамочка! лягу и буду отдыхать и разсказывать, а вы мнѣ чаю дайте.

— Ахъ, ты моя путешественница, любовно сказала Анна Ильинична, уходя за дочерью въ комнату. Каштановъ пошелъ пить чай къ станціонному смотрителю.

Лида съ матерью прожили въ Алуштѣ три дня; въ это время Лида и Каштановъ сдружились такъ, какъ будто они были уже давно знакомы. Такъ всегда сближаются хорошіе люди; послѣ перваго разговора они уже узнаютъ своего единовѣрца.

Три дня пробѣжали незамѣтно въ прогулкахъ, въ живыхъ разговорахъ.

Каштанову надо было ѣхать въ Симферополь, Лидѣ съ ма-

терью—въ Ялту; пути ихъ, случайно встрѣтившіеся, расходились въ разныя стороны, какъ двѣ пересѣкшіяся діагонали.

И вотъ къ крыльцу станціи подкатила перекладная.

Каштановъ сталъ прощаться.

— Какъ я хорошо провела съ вами время! сказала Лида: — мнѣ жаль, что намъ ѣхать не въ одну сторону.

— Можетъ быть, и встрѣтимся когда-нибудь, предположилъ Каштановъ.

— Дай Богъ!..

— Только гора съ горой не сходится, сказала Анна Ильинична.

— Ну, такъ я на всякій случай скажу до свиданія, а не прощайте.

— До свиданія, повторила Лида, дружески сжимая руку Каштанова.

— Счастливый путь, прибавила Анна Ильинична.

Телега застучала и скоро скрылась за поворотомъ дороги.

Лида вздохнула...

— Мамочка, мнѣ кажется, я бы его полюбила, еслибы онъ еще пожилъ съ нами, сказала она: — вотъ онъ уѣхалъ, и мнѣ грустно стало, точно вдругъ сумерки сдѣлались.

— Поѣдемъ и мы, сказала Анна Ильинична.

Лида въ раздумьи смотрѣла въ ту сторону, куда уѣхала телега.

А Каштановъ былъ уже версты за двѣ отъ Алушты; извилистое шоссе поднималось все выше и выше, то забѣгая впередъ, то поворачивая назадъ.

«Живой человѣкъ», подумалъ Каштановъ про Лиду, и ему захотѣлось еще разъ увидѣть ея прекрасное, умное лицо. Онъ оглянулся, но станція уже спряталась, за садами видно было только ярко синее море. Каштанову стало жаль проведенныхъ въ Алуштѣ дней; его охватило тоскливое чувство, точно какъ будто въ свѣтлой комнатѣ закрыли вдругъ ставни.

Но ощущеніе это скоро исчезло: его вытѣснили впечатлѣнія горъ, грозно обступившихъ дорогу со всѣхъ сторонъ.

III.

Въ туманной дали прошлыхъ лѣтъ встаютъ иногда въ воспоминаніи Каштанова картины его дѣтства. Помнитъ онъ зимнія сумерки холоднаго дня; небольшая комната въ два окна, незадернутыя ледяными узорчатыми занавѣсками; на лежанкѣ у печи отдыхаетъ его мать; мерцаетъ лампада у образа Спасите-

ля, вѣнчикъ вокругъ его лица блеститъ поэтическимъ ореоломъ; съ улицы изрѣдка доносится визгъ полозьевъ проѣхавшихъ саней, да морозъ иногда, давая знать о себѣ, стукаетъ въ деревянную стѣну...

— Мама, слышишь, какъ стучитъ сердитый морозъ, говоритъ Володя...

— Слышу, мой милый, отвѣчаетъ мать добрымъ, грустнымъ голосомъ:—мы съ тобой счастливы, Володя... у насъ нѣтъ богатства, но все же есть теплый уголъ... а сколько бѣдныхъ страдаютъ теперь отъ холода! Когда ты выростешь, Володя, и будешь богатъ (матери почему-то казалось, что сынъ ея непремѣнно будетъ богатъ), ты не загордись, мой милый... всегда помни о бѣдныхъ. Спаситель велѣлъ помогать имъ... Онъ былъ очень, очень добрый...

Володя взглядывалъ на образъ, освѣщенный мерцающимъ свѣтомъ лампадки. «Пріидите ко мнѣ вси труждающіеся и обремененные и азъ упокою вы...» казалось говорилъ его взглядъ...

Сладкое чувство охватывало душу мальчика; онъ обнималъ мать и чуть не со слезами произносилъ клятвы всегда быть другомъ и помощникомъ бѣдныхъ.

Потомъ завязывался тихій разговоръ, а между тѣмъ, сумерки сгущались все больше и больше; вотъ по полу протянулись двѣ полосы свѣта; это зажгли на улицѣ фонарь, бывшій какъ разъ противъ оконъ; ледяные цвѣты на оконныхъ стеклахъ окрасились красноватымъ цвѣтомъ... вдругъ со скрипомъ отворялась дверь изъ передней, и раздавался добродушный голосъ...

— Наставить самоваръ-отъ, али еще рано?

Каштанову пріятно вспомнить эту картину дѣтства, отъ которой вѣетъ такими отрадными ощущеніями; и ему приходитъ на умъ «вѣтка Палестины», которую онъ заучивалъ въ гимназіи:

Печальный сумракъ, лучь лампады,
Кивотъ и крестъ—символъ святой—
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Но вотъ смѣняются декораціи воспоминаній, и воображеніе рисуетъ иныя сцены, иныя ощущенія.

Каштанову кажется, что онъ стоитъ въ архіерейской церкви во время всенощной; румяная заря видна въ окошко; слышенъ свистъ стрижей, вьющихся вокругъ церковнаго купола.

— Мамочка, будутъ сегодня пѣть по нотамъ, спрашиваетъ Володя шепотомъ.

— Будутъ... молиться надо, а не разговаривать, отвѣчаетъ серьёзно мать.

Гудитъ, какъ контрабасъ, голосъ толстаго протодіакона; колокольчиками заливаются дисканты на высокихъ нотахъ... вдругъ все стихаетъ на нѣсколько секундъ, и затѣмъ начинается pianissimo «свѣте тихій...»

Володя весь обращался въ слухъ, замирая отъ удовольствія: гармонія звуковъ отвѣчала его поэтическимъ инстинктамъ, переносила его въ какой-то невѣдомый міръ, гдѣ живетъ счастье, гдѣ всѣ люди добры и свѣтитъ надъ ними тихій вечерній свѣтъ никогда не потухающей зари.

Религіозное направленіе, данное Володѣ матерью, проникло въ него очень глубоко и во многомъ парализировало его дѣтское развитіе; оно развило въ ребенкѣ преждевременную, не свойственную дѣтямъ серьёзность и привычку къ уединенію, къ созерцательной жизни... Володя былъ весь поглощенъ религіозными обрядами; для него не было принужденіемъ, какъ вообще для дѣтей, простоять длинную церковную службу, ѣсть постное по средамъ и пятницамъ и т. п.; въ исполненіи этихъ обрядовъ онъ находилъ странное удовольствіе, нѣсколько похожее на то, которое видятъ религіозные фанатики въ истязаніи своего тѣла.

Домашнее воспитаніе на религіозной подкладкѣ было причиною того, что Володя не сошелся съ товарищами въ гимназіи; они смѣялись надъ нимъ, называли его святошей, ханжей за то, что онъ не ѣлъ мяснаго въ постные дни и ходилъ къ заутренямъ.

Володя не сердился на нихъ: они казались ему заслуживающими сожалѣнія; когда товарищи начинали смѣяться надъ его религіозностью, Володя не уходилъ, а выслушивалъ ихъ также снисходительно, какъ выслушиваетъ взрослый человѣкъ увѣренія ребенка въ томъ, что солнце ходитъ вокругъ земли.

— Какая же это вѣра, которая не можетъ устоять противъ возраженій! говорилъ онъ:—я вѣрю и не боюсь слушать невѣрующихъ.

Товарищи, конечно, отвѣчали дружнымъ хохотомъ; но какъ насмѣшки, такъ и разсужденія, которыми они иногда старались убѣдить Володю, скользили по его мозгу, не оставляя никакого измѣненія въ его понятіяхъ.

Первымъ ударомъ его дѣтскимъ религіознымъ вѣрованіямъ былъ довольно оригинальный случай...

Володя очень любилъ мать. Слыша иногда, какъ лавочникъ нагло приставалъ къ ней съ требованіемъ уплаты за забранные продукты, видя, какъ однажды она продала еврею разносчику двѣ послѣднія серебрянныя ложки, онъ болѣлъ за нее душой и мечталъ о томъ, что, когда выростетъ, онъ будетъ заработывать

много денегъ и доставитъ матери покойную жизнь... Но рядомъ съ этими мечтами въ головѣ мальчика являлись мысли о томъ, что̀ сдѣлать, чтобы помочь ей не въ будущемъ, а теперь, когда нужда прямо смотритъ въ глаза.

Володя ничего не могъ придумать, кромѣ молитвы: каждый вечеръ, каждое утро онъ молилъ Бога помочь его матери.

Много радости доставило ему предложеніе одного изъ тупыхъ учениковъ гимназіи давать ему уроки алгебры и геометріи.

— Мамочка, милая! вскричалъ онъ, придя домой изъ гимназіи, обнимая и цѣлуя мать: — я для тебя буду заработывать деньги...

Мать, счастливая этой любовью, цѣловала сына, но помощи отъ уроковъ Володи, какъ и самъ онъ это увидѣлъ, конечно, не могло быть. Онъ получалъ по пятиалтынному за урокъ... Грусть покрывала его дѣтское лицо всякій разъ, когда какая-нибудь сцена изъ-за бѣдности вызывала огорченіе для матери. Въ головѣ его была неотступная мысль придумать средство помочь ей, и вдругъ нежданно-негаданно онъ нашелъ это средство.

Однажды, въ сумерки, разговоръ его съ матерью, бо̀льшею частію вращавшійся въ области религіи, коснулся силы вѣры

— Спаситель сказалъ ученикамъ, говорила мать Володѣ: — «если вы будете имѣть вѣру, какъ горчичное зерно, и скажете горѣ: двинься отсюда въ море и не усумнитесь—сбудется по слову вашему».

— Неужели вѣра можетъ и гору сдвинуть съ мѣста? сказалъ Володя, въ головѣ котораго вдругъ сверкнула странная мысль.

— Можетъ... но только не всякій способенъ вѣрить такой вѣрой.

— Знаешь, что̀, милая мама? я могу такъ вѣрить... ты скоро не будешь нуждаться!.. вскричалъ онъ восторженно.

— Богъ милостивъ, можетъ быть, и поправимся, сказала мать.

— Позволь мнѣ скопить за уроки одинъ рубль и истратить его, какъ я хочу...

— Что̀ же ты хочешь купить, мой милый?

— Я послѣ скажу тебѣ... я не истрачу этого рубля на пустяки... мнѣ онъ нуженъ... непремѣнно нуженъ...

— Дѣлай, что̀ хочешь, дорогой мой мальчикъ.

Глаза Володи блестѣли какою-то мыслью... мерцанье лампады никогда не казалось ему такимъ отраднымъ, какъ въ тотъ вечеръ... ликъ Спасителя никогда не глядѣлъ такъ любовно.

Мысль мальчика заключалась въ слѣдующемъ:

Если вѣра дѣйствительно горы сдвигаетъ съ мѣста, разсуж-

далъ ребенокъ: — то моя мать скоро не будетъ нуждаться: я возьму билетъ въ лотереѣ, о которой говорили въ гимназіи, и буду вѣрить, что я выиграю главный выигрышъ, 1,000 рублей— вѣдь, это богатство. Надо только вѣрить такъ, чтобы на волосокъ сомнѣнія не было... И я буду такъ вѣрить, я достигну этого съ помощью Бога; онъ не можетъ не помочь мнѣ; вѣдь онъ велитъ любить родителей, а я не для себя желаю богатства.

Володя накопилъ рубль и взялъ лотерейный билетъ..

Часто по ночамъ мать Володи, проснувшись, слышала всхлипыванія.

Это бѣдный мальчикъ, старавшійся довести себя до помѣшательства, со слезами молился, чтобы Богъ помогъ ему навсегда прогнать сомнѣнія на счетъ возможности выигрыша. Эти мысли ребенокъ приписывалъ бѣсовскимъ навожденіямъ и слезной молитвой, переходившей иногда въ истерику, старался прогнать бѣса-искусителя.

Мало-по-малу, Володя дошелъ до желаемаго состоянія.

То, о чемъ онъ мечталъ, обратилось для него въ грядущую дѣйствительность; бѣсы сомнѣнія уже вовсе не являлись; ребенокъ буквально помѣшался на томъ, что онъ долженъ выиграть въ лотереѣ первый выигрышъ.

— Мамочка, намъ остается не долго ждать, говорилъ Володя матери:—черезъ двѣ недѣли розыгрывается лотерея; ты поѣдешь въ Москву, получишь деньги, заплатишь все, что̀ ты должна.

— Ахъ, ты мой милый, добрый мечтатель, говорила мать: — съ чего это ты взялъ, что ты выиграешь?..

— Я не мечтаю, мама, серьёзно отвѣчалъ Володя:—я вѣрю... вѣрю той вѣрой, которая горы сдвигаетъ съ мѣста...

Говоря это, онъ глядѣлъ на мать расширившимися глазами; въ нихъ блестѣлъ тотъ огонь, который можно наблюдать въ глазахъ помѣшанныхъ, когда они заговариваютъ о своей idée fixe.

— Ты—какой-то странный, Володя, замѣчала мать и старалась замять разговоръ о лотереѣ, но Володя возобновлялъ его, пускался въ разспросы, что̀ мать сдѣлаетъ на 1,000 рублей, ка̀къ она поѣдетъ въ Москву и проч. Мать, не желая огорчать его, поддерживала дѣтскія фантазіи.

Въ день розыгрыша лотереи Володя, здороваясь съ матерью, поздравилъ ее съ выигрышемъ. Она принужденно усмѣхнулась; Володя, своими вѣчными толками о выигрышѣ, тѣмъ тономъ, какимъ онъ говорилъ о немъ, возбуждалъ иногда въ ней мысли о состояніи его здоровья.

Черезъ нѣсколько дней послѣ розыгрыша, пришелъ къ матери Володи сосѣдъ, чиновникъ, по фамиліи Мелкотравчатый, любитель всевозможныхъ лотерей.

— Ни ты, ни я не выиграли тысячи рублей, сказалъ онъ Володѣ: — напрасно надѣялся... развѣ что̀-нибудь изъ мелкихъ выигрышей.

Володя посмотрѣлъ на чиновника съ такимъ удивленіемъ, какъ будто бы тотъ сказалъ какой-нибудь очевидный вздоръ, въ родѣ того, напримѣръ, что у Володи нѣтъ ни ушей, ни носа.

— Не вѣришь? спросилъ Мелкотравчатый:—ну, я тебѣ письмо прочту изъ Москвы, которое я получилъ сегодня отъ брата... Вотъ, слушай: «а что ты пишешь насчетъ лотереи, то я справлялся; главный выигрышъ въ тысячу рублей палъ на № 1662, принадлежащій здѣшнему богатому и именитому купцу Золотобрюхову, который выигрышъ этотъ пожертвовалъ на отлитіе колокола въ новоустроенную церковь святыхъ женъ-мироносицъ, чтобы въ немъ было болѣе серебрянаго звона...» Слышалъ?

— Напишите вашему брату, что онъ ошибся; купецъ Золотобрюховъ не могъ выиграть тысячу рублей, совершенно покойно и серьёзно сказалъ Володя.

— Почему это не могъ, позволь спросить?..

— Потому что я ихъ выигралъ...

Мелкотравчатый такъ и покатился отъ смѣха.

— Марья Васильевна, сынокъ-то вашъ кажись съ ума спятилъ съ этой лотереей.

— Оставьте его, Семенъ Ивановичъ; разскажите лучше, гдѣ вы у обѣдни были, сказала мать Володи.

— Мамаша, ка̀къ мы будемъ смѣяться надъ Семеномъ Ивановичемъ, черезъ нѣсколько дней, когда пришлютъ печатное объявленіе о лотереѣ!.. сказалъ Володя.

— Вотъ чудакъ!. Марья Васильевна, вы бы его право къ доктору сводили, говорилъ Мелкотравчатый.

— Ахъ, охота вамъ, Семенъ Ивановичъ!. Оставьте этотъ разговоръ, умоляла мать.

— Мы, Володичка, непременно посмѣемся надъ Семеномъ Ивановичемъ, если ты выигралъ, сказала она сыну, чтобы замять разговоръ.

Извѣстіе, сообщенное Мелкотравчатымъ, не произвело ни малѣйшаго измѣненія въ помѣшательствѣ Володи; его по прежнему занимали подробности поѣздки въ Москву для полученія выигрышныхъ денегъ.

Наконецъ, наступилъ кризисъ болѣзни, который далъ первый толчекъ умственному развитію мальчика.

Недѣли черезъ двѣ послѣ разговора съ Мелкотравчатымъ, Володя пришелъ въ кондитерскую, гдѣ прежде раздавались лотерейные билеты, и спросилъ, не получены-ли объявленія о тиражѣ.

Ему подали печатный списокъ выигравшихъ билетовъ. Онъ взялъ его совершенно покойно, какъ человѣкъ открываетъ свой бумажникъ, зная, что въ немъ есть столько денегъ, сколько понадобилось. Развернувъ листъ, онъ прочелъ: № 1, 1000 рублей, № билета 1662».

— Должно быть 1661... здѣсь неясно видно... подумалъ Володя, и вдругъ какое-то тревожное чувство охватило его.

Онъ подошелъ къ окну, протеръ глаза... и опять взглянулъ на объявленіе: цифра 2 отпечатана такъ отчетливо, что не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ что это—2, а не 1...

У Володи задрожали руки, а глаза заволокло точно туманомъ.

— Прочтите мнѣ, какой нумеръ выигралъ 1000 рублей, — попросилъ онъ дрожавшимъ голосомъ дѣвушку, продававшую конфекты.

— 1662, прочитала она звонкимъ сопрано:—это—одинъ московскій купецъ выигралъ; намъ писали, добавила она.

Володя поглядѣлъ на нее тоскливымъ взглядомъ.. онъ чувствовалъ, что этотъ звонкій голосъ оборвалъ въ немъ что̀-то; сердце болѣзненно сжалось. Онъ машинально вышелъ изъ кондитерской и пошелъ домой, не видя окружающаго... въ головѣ его пробѣгали отрывочныя мысли, сквозь которыя сквозила одна мрачная мысль, грозившая разрушить все его дѣтское міросозерцаніе.

— Аще вѣру имате и речете горѣ сей... но, вѣдь, я вѣрилъ этой вѣрой... она досталась мнѣ слезами... молитвой... я хотѣлъ денегъ для матери... мать моя—угодная Богу... выигралъ богатый, который не вѣрилъ, какъ я, которому не нужны эти 1000 рублей. Почему это?.

Отвѣта на этотъ вопросъ еще не было, но Володѣ вдругъ показалось, какъ будто что̀ выскальзываетъ у него изъ-подъ ногъ и онъ не знаетъ, не видитъ, за что̀ ухватиться, чтобы не упасть...

Когда онъ пришелъ домой, мать, взглянувъ на него, испугалась...

— Мама, знаешь, что̀ случилось? сказалъ онъ тѣмъ тихимъ, печальнымъ голосомъ, которымъ говорятъ о только-что совершившейся смерти.—Семенъ Ивановичъ правду сказалъ: я точно ничего не выигралъ.

— Ну что̀ же изъ этого... рубля не сто̀итъ жалѣть, мой милый...

— Мнѣ не рубля жаль, мама... мнѣ жаль... мнѣ больно... оттого, что все, что̀ ты говорила о вѣрѣ—неправда...

Володя заплакалъ; мать принялась утѣшать, но слезы лились такъ обильно, что, казалось, конца имъ не будетъ.. Это были уже не дѣтскія слезы... Такъ плачетъ человѣкъ въ тѣ минуты, когда вдругъ обращается въ нуль то, что̀ казалось ему полнымъ великаго значенія, что̀ составляло его жизнь...

Юноша, страстно любившій дѣвушку, узнавши вдругъ, что его идеалъ есть самая жалкая личность, пойметъ эти слезы; пойметъ ихъ и народный вождь, который, въ тотъ моментъ, когда нѣсколько усилій должны-бы привести его къ цѣли, увидѣлъ вдругъ, что всѣ оставили его одного, отступивъ въ позорномъ малодушіи, и что труды цѣлой жизни, направленной къ благу этихъ малодушныхъ, оказались разбитыми однимъ моментомъ.

Володя нѣсколько дней былъ самъ не свой... затѣмъ, дѣтская натура, хотя и изуродованная, взяла свое, но въ немъ явилась перемѣна.. Володя по прежнему ходилъ въ церковь, постился и соблюдалъ всѣ обряды, но это было уже не то, что̀ прежде... Исторія съ лотерейнымъ билетомъ отравляла ему наслажденіе пѣніемъ архирейскихъ пѣвчихъ; невольно припоминалась, когда онъ шелъ къ обѣдни, когда ѣлъ по средамъ картофель, изжаренный на постномъ маслѣ. Въ его религіозности исчезла страстность, замѣнившись привычкою.

IV.

Далеко назади остались крымскія горы; только Чатырдагъ еще видѣнъ, точно облако, вѣчно стоящее на горизонтѣ. Кругомъ степь, покрытая травой, уже начинающей выгорать отъ солнца, несмотря на то, что еще конецъ мая. Утомительное однообразіе впечатлѣнія, притупляющее мысль.

Скучно проѣзжать по степи, не представляющей глазу никакихъ манящихъ къ себѣ предметовъ; напрасно проѣзжій будетъ оглядываться, нѣтъ-ли гдѣ нибудь синѣющей полосы лѣса, не побѣжитъ-ли дорога на горку, за которой, можетъ быть, протекаетъ змѣистая рѣчка; не видать-ли гдѣ нибудь крылатыхъ вѣстниковъ деревенскаго жилья—почернѣвшихъ мельницъ. Ничего этого нѣтъ; вы ѣдете и, въ то же время, не двигаетесь съ мѣста: вы постоянно видите себя въ центрѣ желто-зеленаго круга, подъ синимъ куполомъ неба; за вами остались десятки верстъ, но вы все находитесь въ прежнемъ положеніи среди этого заколдованнаго круга. Мысль, не получая новыхъ возбужденій, невольно обращается къ прошлому, и картины его рисуются яркими красками, являясь какъ-бы маревомъ среди тоскливо однообразной степи.

Каштанову кажется, что передъ нимъ могильная насыпь; она покрыта сочною травой и золотистыми одуванчиками; она уже не такъ ужасна, какъ свѣжая могильная насыпь, въ которой еще не сравнялись комки земли... Возлѣ могилы стоитъ мальчикъ, въ его глазахъ блестятъ слезы... Каштановъ узнаётъ, что этотъ мальчикъ—онъ самъ, что передъ нимъ могила матери... И кажется ему, будто подъ зеленымъ бугромъ кто-то повторяетъ ея предсмертныя слова̀:

— Будь честенъ... не льстись на богатство...

Слезы, давно стоявшія въ глазахъ мальчика, покатились по его щекамъ; нѣсколько слезинокъ упало въ могильную траву.

Каштановъ вздохнулъ при этомъ воспоминаніи, но навѣянная имъ грусть скоро исчезла: она не могла развиться, какъ по отдаленности вызвавшаго ее воспоминанія, такъ и потому, что ярко сіявшій день и синее, какъ море, небо, съ грядами бѣлыхъ блестящихъ облаковъ, столпившихся на горизонтѣ, нисколько не распологали къ печальнымъ размышленіямъ.

Кладбище смѣнилось классной комнатой гимназіи.

Всѣ ученики уже сидятъ на скамьяхъ; давно прозвонилъ колокольчикъ, обозначавшій начало урока словесности. Передъ каждымъ изъ учениковъ—тетрадка съ сочиненіемъ, заданнымъ на произвольную тэму. У Володи тоже тетрадка, и онъ горитъ нетерпѣніемъ услышать, что̀ скажетъ учитель про его сочиненіе, которое онъ съ наслажденіемъ писалъ цѣлую ночь..

И вотъ учитель уже на каѳедрѣ; онъ развернулъ свой журналъ въ коленкоровомъ переплетѣ, высморкался и вдругъ произнесъ:

— Каштановъ!..

У Володи замерло сердце.

— Объ чемъ сочиненіе?. спросилъ учитель..

— Объ обязанности общества помогать бѣднымъ, робко произнесъ Володя и покраснѣлъ.

Сзади кто-то изъ учениковъ фыркнулъ; учитель сдѣлалъ недовольную гримасу.

— Развѣ вы въ попы готовитесь, что выбрали тэму точно для проповѣди? сказалъ онъ.

Товарищи захохотали, а Володя такъ ужасно сконфузился, что счелъ-бы за благополучіе провалиться если не сквозь землю, то хоть въ подвалъ, бывшій подъ классной комнатой.

— Почему-же не хороша эта тэма и что̀ въ ней смѣшнаго?.. спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Не за свое дѣло взялись... сказалъ учитель:—ну-ка, прочтите, послушаемъ, что̀ вы тамъ настрочили.

Володя недоумѣвающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на учителя—объясненіе его неудовлетворило мальчика — и началъ читать свои дѣтскія разсужденія о томъ, что, по евангельскому ученію, богатые обязаны настолько помогать бѣднымъ, чтобы у тѣхъ жизнь дѣлалась лучше, «а между тѣмъ, милостыню подаютъ, а нищіе все-таки ходятъ въ рубищахъ». Сочиненіе оканчивалось картинкой бѣдности, нарисованной съ натуры съ семейства прачки, которая жила въ одномъ дворѣ съ авторомъ.

— Слогъ удовлетворителенъ, сказалъ учитель по окончаніи чтенія: —но толкованіе евангелія превратное, да и тэма вообще не подходящая; къ слѣдующему разу извольте написать, что̀-нибудь въ лирическомъ родѣ.

— Но въ чемъ-же превратное толкованіе?.. спросилъ Володя, красный, какъ зарево.

— Ну, ужъ это ты законоучителя спроси, а мнѣ некогда... Коромысловъ, вы что̀ написали?.

— Восходъ луны въ деревнѣ.

Началось чтеніе «восхода луны», а Володя сѣлъ на скамью сконфуженный и огорченный, недоумѣвая, почему нехороша выбранная имъ тэма.

Володя припоминаетъ, что сочиненіе въ лирическомъ родѣ имѣло еще худшія послѣдствія; оно было съ слѣдующимъ предлиннымъ заглавіемъ: «грустное чувство, которое я испыталъ, видя одинъ случай выдачи товарищей изъ-за трусости».

За такой лиризмъ Володя получилъ нуль и просидѣлъ два дня въ карцерѣ.

Въ естественномъ желаніи мальчика писать о томъ, что̀ произвело на него впечатлѣніе, что̀ составляло интересъ его жизни, учитель нашелъ что̀-то злонамѣренное, преступное...

Не такова-ли участь и современнаго писателя, интересующагося злобой дня, а не архивною пылью или современными пустяками?

Сидя въ карцерѣ въ весьма уныломъ настроеніи духа, Володя былъ утѣшенъ и даже забылъ про свое наказаніе, когда въ щели подъ дверью показался ломоть хлѣба съ говядиной и чей-то голосъ за дверью сказалъ шепотомъ: «ты—молодецъ, Каштановъ; это всѣ товарищи про тебя говорятъ».

Воспоминанія о гимназической жизни вытѣсняются картинами университетской.

При словѣ университетъ, Каштановъ испытываетъ отрадныя впечатлѣнія, и сердце его бьется скорѣе. Да и можетъ-ли быть иначе?. Слѣпецъ, неожиданно прозрѣвшій, долженъ испытывать нѣчто подобное тому, что̀ переживаетъ человѣкъ въ университе-

тѣ; съ его глазъ спадаетъ бѣльмо, образовавшееся отъ домашняго и гимназическаго воспитанія; невесёлая картина открывается прозрѣвшему юношѣ; на ней густыя тѣни, а мѣстами непроглядная тьма; въ ней много страданій, много насилія, вызывающаго къ борьбѣ; враги многочисленны и могущественны, какъ стихійная сила... но малодушіе и трусость еще не закрадываются въ душу юноши.

Иль пасть, иль побѣдить!.. восклицаетъ онъ блистающею во взорѣ энергіей.

Припоминаются Каштанову задушевныя бесѣды съ двумя пріятелями, Косаревымъ и Енотинымъ, за дешевымъ ужиномъ изъ котлетъ или черстваго бифштекса и кружки пива. Чаще всего толковали они о будущей дѣятельности.

И ка̀къ хороша была ея программа!.

— Слушайте, господа, ка̀къ я представляю себѣ будущее, говорилъ бывало Каштановъ:—поселюсь я въ какомъ нибудь губернскомъ городѣ; найму комнату въ семействѣ; подъ окнами палисадникъ съココ сиренями и черемухой; тамъ на скамейкѣ, въ тѣни развѣсистаго клена, сидитъ хозяйская дочь съ книгой, которую я ей далъ... я вижу въ лицѣ ея работу пробуждающейся мысли.

— Не уклоняйтесь отъ существа дѣла, шутливо-серьёзнымъ тономъ замѣчаетъ Косаревъ, копируя предсѣдателей окружного суда, останавливающихъ свидѣтелей, пускающихся въ ненужныя подробности.

— Зачѣмъ ты перебиваешь его?!—возражаетъ Енотинъ:—дѣвушка не мѣшаетъ дѣлу.

— Ну, слушайте же дальше, продолжаетъ Каштановъ:—я познакомлюсь съ міромъ подсудимыхъ того разряда, защищать которыхъ—наша обязанность. Я пройду мимо общественнаго вора, мимо разныхъ богачей, пустившихся въ поддѣлки и подлоги, и остановлюсь возлѣ тѣхъ, которые преступны потому только, что они несчастны, потому только, что на нихъ пала горькая доля изображать козла искупленія за грѣхи общества.

— Но вѣдь и проворовавшійся богачъ—тоже козелъ искупленія... замѣчаетъ Косаревъ.

— Да̀... но я все-таки защищать его не стану; къ нему я могу отнестись только съ прокурорской каѳедры, потому что обвинять такого подсудимаго и защищать тѣхъ, о комъ я говорилъ, значитъ идти къ одной и той же цѣли. Но это все въ скобкахъ. Теперь вообразите, господа, залу какого нибудь окружного суда; засѣданіе затянулось; горятъ свѣчи, освѣщая утомленныя лица публики, несчастную фигуру подсудимаго; зловѣщ

раздается обвинительная рѣчь; изъ нея оказывается, что оправдать моего кліента крайне опасно, потому что тогда могутъ поколебаться основы семьи, государства и проч. и проч. И вотъ, я встаю и начинаю свою рѣчь, положимъ, такъ: «замѣтили-ли вы, господа присяжные, сколько горькой ироніи въ словахъ прокурора: вѣдь, не подсудимый страшенъ для общества, а общество ему страшно, потому что, сгубивъ его, оно не довольствуется этимъ, а еще требуетъ наказанія несчастнаго за чужую вину»... я разсказываю потомъ въ краткомъ очеркѣ исторію преступленія, и передъ присяжными совершается метаморфоза: вмѣсто преступника, оказывается бѣднякъ, заслуживающій помощи, а не тюрьмы и Сибири...

— Не виновенъ!.. въ одинъ голосъ перебиваютъ Каштанова оба собесѣдника.

— Развѣ не великое наслажденіе—услышать эти два слова, вызванныя вашей рѣчью? продолжаетъ Каштановъ, увлекаясь:— вы указали настоящую точку зрѣнія... вы помогли улучшенію законодательства, общественному прогрессу.

— Ну, ужь это ты слишкомъ высоко хватилъ, возражаетъ Косаревъ.

— Нисколько!.. Неужели вы не понимаете меня? Вѣдь эти «не виновенъ» не однимъ только тѣмъ хороши, что освобождаютъ отъ наказанія невиннаго человѣка; вѣдь они постепенно разрушаютъ отжившій свой вѣкъ законъ, указывая на его непримѣнимость. Каждое изъ этихъ «не виновенъ» есть капля, но совокупность капель образуетъ потокъ, который сноситъ гнилыя гати.

Глаза Каштанова блестятъ, въ словахъ его звучатъ сердечныя увлекающія ноты.

— Браво!.. за исполненіе твоихъ желаній!.. кричитъ Енотинъ, чокаясь стаканомъ съ пивомъ.

Косаревъ тоже чокается, но въ лицѣ его нѣтъ того увлеченія съ какимъ Енотинъ провозгласилъ «браво».

— Все это прекрасно, говоритъ онъ:—я отъ души сочувствую твоимъ намѣреніямъ, но дѣло въ томъ, что тебѣ не придется говорить подобныхъ рѣчей.

— Это почему?

— А потому, что тебя десять разъ остановитъ предсѣдатель, и все впечатлѣніе рѣчи пропадетъ.

Возбуждается споръ и долго кипитъ онъ, сверкая шутками, смѣлыми порывами мысли, сердечностью тона...

Приходитъ на память Каштанову и послѣдній вечеръ въ кругу товарищей, проводы университетской жизни... Кàкъ много

было на этихъ проводахъ бравурныхъ молодыхъ рѣчей, заглушавшихъ минорныя фразы, вызываемыя разлукой.

Жизнь манила впередъ, но было и грустно разставаться съ университетомъ; быть можетъ, многіе точно предчувствовали, что они откажутся, какъ Петръ, отъ университетской вѣры и не придутъ для нихъ спасительныя слезы раскаянія...

Разлука близка; всѣ они разъѣдутся, чтобы вступить въ борьбу на полѣ вѣчно неугомонной битвы жизни... Они храбро идутъ въ этотъ огонь, никому изъ нихъ не представляется возможности быть искалѣченнымъ первыми авангардами враждебныхъ силъ; никому не приходитъ въ голову, что большинство ихъ струситъ этихъ авангардовъ и обратится въ позорное бѣгство безъ всякой борьбы или послѣ слабой попытки начать ее; они молоды, полны энергіи, имъ впереди рисуется побѣда.

Туда выносятъ волны
Только смѣлаго душой...

Хоромъ поютъ товарищи, вѣря, что всѣхъ ихъ вынесутъ волны на тотъ берегъ, къ которому стремятся всѣ хорошіе люди.

Въ ряду образовъ прошлаго Каштановъ видитъ тоже лицо молодой женщины, съ которой связаны его воспоминанія объ окончательномъ разрывѣ съ мертвой обрядовой религіозностью.

Сидитъ она въ угловой комнатѣ у окна; у ней черные глаза и манящія розовыя губы; противъ нея влюбленный юноша. Подали чай.

— А что̀ это вы сливокъ не льете? говоритъ она, улыбаясь Каштанову.

— Сегодня—постный день, отвѣчаетъ онъ.

— Что̀ такое?..

— Грѣхъ скоромное ѣсть... точно вы не понимаете... говоритъ Каштановъ, конфузясь.

Раздается звенящій, разсыпчатый смѣхъ, которому кажется конца не будетъ... Каштановъ смотритъ въ полномъ смущеніи, но оно исчезаетъ; юноша позабываетъ, что этотъ смѣхъ надъ нимъ, и видитъ только прекрасное смѣющееся лицо женщины, которая бываетъ такъ нѣжна съ нимъ.

— Такъ сегодня... грѣхъ... со сливками пить?.. говоритъ она, едва выговаривая слова отъ смѣха.

— Конечно, грѣхъ, отвѣчаетъ Каштановъ...

— Ахъ, вы мой милѣйшій мальчикъ! восклицаетъ она, опять заливаясь хохотомъ.

Но вотъ она утомилась, даже слезы показались отъ смѣха.

— Послушайте, я васъ сейчасъ уличу въ большомъ грѣхѣ, говоритъ она серьёзно-лукавымъ тономъ.

— Въ какомъ?

— Если грѣхъ пить молоко, то развѣ не грѣхъ цѣловать женщину, да еще замужнюю.

Каштановъ, сбитый съ позиціи такимъ рѣшительнымъ маневромъ, молчитъ.

— Вотъ видите!.. И такъ, чай со сливками—или будемъ добродѣтельны во всемъ...

И все лицо ея смѣется, такъ прекрасно, такъ задорно смѣется... можетъ ли быть колебаніе въ выборѣ?

Каштановъ наливаетъ сливокъ въ свой стаканъ: чай гораздо вкуснѣе и никакихъ угрызеній совѣсти.

— Браво! восклицаетъ она:—бросьте вы всю эту мертвечину, а то я васъ любить не буду!

Припоминаются Каштанову и горькія минуты, слѣдовавшія за счастьемъ... когда онъ увидѣлъ, что солнце, свѣтившее ему, свѣтитъ уже другому... но это не затмѣваетъ ея образа. Онъ вспоминаетъ о ней съ благодарностью, съ свѣтлымъ чувствомъ. Можно ли винить лѣто за то, что за нимъ слѣдуетъ ненастная осень.

Всякій бы назвалъ глупцомъ человѣка, который бы серьёзно вздумалъ это сдѣлать, а между тѣмъ сколько глупостей, сколько преступленій совершаютъ люди, не понимая того, что столь-же странно винить и наказывать человѣка за то, что въ немъ прошло любовное чувство, котораго не закрѣпятъ ни нотаріальные акты, ни самыя искреннія обѣщанія у алтаря.

Задумавшійся Каштановъ вдругъ увидѣлъ не вдалекѣ станціонный домишко; воспоминанія стушевались; ихъ замѣнила мысль о томъ, ка̀къ отлично выпить чаю на станціи.

V.

Оставимъ на время безъ отвѣтовъ вопросы, куда и зачѣмъ ѣдетъ Каштановъ, и заглянемъ въ губернскій городъ Высоковъ, въ которомъ онъ жилъ до этой поѣздки.

Вы подъѣзжаете къ Высокову по прекрасной широкой рѣкѣ. Взгляните на верхъ—какая тамъ славная картина!

Берегъ круто спускается съ синяго неба къ синей рѣкѣ... онъ изрѣзанъ оврагами, въ нихъ пріютились утренніе туманы; блестятъ желтые обрывы, зеленѣютъ вѣковыя деревья и мелкій кустарникъ... Бѣлый монастырь стоитъ среди деревьевъ, какъ мертвецъ въ саванѣ, у самаго обрыва. Нельзя предсказать ему долговѣчнаго существованія: гора замѣтно осыпается; въ одну прекрасную весну горные потоки подмоютъ основанія монасты-

ря, и торжествующая природа похоронитъ этого мертвеца въ рѣчной могилѣ.

А вотъ и самый городъ: съ рѣки видны только фасады домовъ на набережной, прерываемые зеленью, церковь съ сверкающимъ крестомъ и зеленыя террасы превосходной набережной...

Подъѣзжающій на пароходѣ съ наслажденіемъ смотритъ на эту картину, и, если онъ молодъ, то ему кажется, что хорошо должно быть жить въ этомъ зеленомъ городѣ и дышать его горнымъ воздухомъ. Не придетъ ему въ голову, что и болото, поросшее травою, представляется издали прелестнымъ лугомъ и что сама жизнь похожа на обманчивое болото...

Но вотъ пріѣзжій поселился въ самомъ городѣ и хочетъ войти въ его жизнь, ознакомиться съ обывателями.

На первый разъ его встрѣчаютъ, повидимому, такъ радушно, что онъ и не замѣчаетъ того, что радушіе это есть только проявленіе любопытства. Пріѣзжій имѣетъ для туземцевъ города Высокаго такое же значеніе, какъ пожаръ, вывозъ преступника на эшафотъ, крестный ходъ и т. п. случаи.

— Хоть бы пожаръ, что̀ ли, случился или хоть-бы нелегкая принесла кого нибудь—нерѣдко говорятъ скучающіе до одурѣнія высоковцы.

Обрадовавшись пріѣзжему, они угощаютъ его на первыхъ порахъ пирогами и любезностями въ маниловскомъ вкусѣ, а затѣмъ подвергаютъ строгому экзамену; у нихъ есть особый масштабъ, который они прикидываютъ къ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ пріѣзжаго; если тѣ и другія подходятъ къ той чертѣ масштаба, на которой написано «посредственность», то обыватели радостно восклицаютъ: «нашего полка прибыло!», и тогда пріѣзжій можетъ быть увѣренъ, что его ожидаетъ полное счастье, возможное въ городѣ Высоковѣ: расположеніе начальства, крестикъ къ празднику пасхи, пріятныя пульки, полная готовность дѣвицъ на удовольствія законной любви, незаконныя интрижки съ дамами, выпивка и жирные обѣды съ слѣдующимъ за ними храповицкимъ.

Но горе пріѣзжему, если онъ оказался хоть немного (и чѣмъ больше, тѣмъ хуже, конечно) выше черточки посредственности!

Если таковы его нравственныя качества, то онъ скоро прослыветъ чудакомъ, и умъ его потеряетъ всякій кредитъ у обывателей.

— Дуракъ, дуракъ и дуракъ!.. будутъ говорить про него высоковцы то съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, то съ добродушною жалостью.

Еще хуже будетъ пріѣзжему, если мѣрка посредственности не придется къ его умственному развитію...

Его постигаэтъ тогда величайшее изъ человѣческихъ несчастій—полное одиночество; его будутъ чуждаться, какъ недобраго человѣка. Хоръ обывателей не потерпитъ того, что пришлецъ поетъ тономъ выше ихъ. Высоковцевъ оскорбляетъ все, что̀ выше уровня ихъ низкорослыхъ понятій; несогласный съ ними есть ихъ личный обидчикъ; съ высоковцами немыслимъ споръ, потому что они считаютъ это слово синонимомъ ссоры.

Напрасно пріѣзжій будетъ спасаться отъ одиночества, изъ своей квартиры, въ клубъ, на бульваръ, въ знакомые дома: онъ встрѣтитъ тамъ много народа и, все-таки, будетъ одинокимъ, какъ иностранецъ, языкъ котораго не только не понятенъ для туземцевъ, но еще кажется имъ оскорбительнымъ.

Провинціальныя красавицы не подарятъ такого пріѣзжаго своею симпатіей.

— Съ нимъ скучно: говоритъ съ дѣвицами точно съ мужчинами...

— Это — злой насмѣшникъ, подальше отъ него.

Таковы будутъ отзывы провинціальныхъ красавицъ. А мужчины отзовутся еще хуже:

— Ни съ кѣмъ не сходится — значитъ, человѣкъ неблагонамѣренный, скажутъ они.

Но самая горькая участь постигаетъ пріѣзжаго въ Высоковѣ въ томъ случаѣ, когда по городу пройдетъ молва, что онъ сотрудничаетъ въ какомъ-нибудь журналѣ или газетѣ. Его тогда начинаютъ бояться, какъ «шпіона»; при входѣ его въ общество прекращается разговоръ; начальники на него косятся и зорко слѣдятъ, нельзя ли его какъ-нибудь упечь подъ судъ или удалить изъ города.

Драматично положеніе развитаго человѣка въ русской провинціи; я не преувеличу, если скажу, что такой человѣкъ—парія мѣстнаго общества.

Страшное, драматическое положеніе... Ему предлагается на выборъ одно изъ двухъ: или понизиться до мѣрки посредственности, или жить особнякомъ, въ ожиданіи встрѣтить подобную же парію... но эти встрѣчи рѣдки и случайны, какъ появленія кометъ.

Таковъ городъ Высоковъ, прекрасный только до тѣхъ поръ, пока вы любуетесь имъ съ парохода.

Въ этомъ городѣ Каштановъ поселился, окончивъ университетскій курсъ.

VI.

Надъ русскимъ человѣкомъ тяготѣетъ какой-то странный фатумъ, недопускающій его идти по своей дорогѣ, выбирать себѣ дѣло по душѣ. Этой участи не избѣжалъ и Каштановъ.

Не чувствуя стремленія сдѣлаться современемъ судьей или прокуроромъ, онъ, однако, поступилъ на юридическій факультетъ. Правда, что его увлекала роль защитника, но это и было только увлеченіе; серьёзной же привязанностью его были литературныя занятія, за которыя ему немало доставалось еще въ гимназіи отъ учителя словесности за неумѣнье выбирать тэмы для сочиненій. Каштановъ не имѣлъ влеченія къ романамъ или стихамъ; его влекло къ публицистикѣ.

— Никогда изъ васъ не выйдетъ настоящаго литератора, говорилъ бывало Каштанову учитель словесности: — вы все норовите на разныя обыденныя тэмы... бьете на пользу отъ сочиненія... развѣ это—настоящая литература!

— Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, писать?.. спрашивалъ Каштановъ.

— Зачѣмъ? У васъ все зачѣмъ, да почему... Терпѣть не могу этихъ вопросовъ, говорилъ раздражительный учитель: — а вы, я думаю, должны бы знать зачѣмъ... или ужь позабыли Пушкина!?

И учитель съ сверкающими глазами начиналъ декламировать:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

— Вотъ зачѣмъ!.. Чувствуете вы это, или нѣтъ?..

— Нѣтъ, не чувствую... и не умѣю писать стиховъ.

— То-то вотъ и есть... ясно, что вы — не литераторъ...

Несмотря на этотъ рѣшительный приговоръ, охота Каштанова къ писательству нетолько не проходила, а, напротивъ, усиливалась, чѣмъ болѣе передъ нимъ открывались картины жизни; при видѣ несправедливостей, мальчику казалось, что писатель своимъ словомъ можетъ помочь уничтоженію ихъ.

Часто повѣрялъ онъ свои дѣтскія мечты на эту тэму своему пріятелю Енотину, гуляя съ нимъ гдѣ-нибудь за городомъ.

На выпускномъ гимназическомъ экзаменѣ одинъ изъ почетныхъ экзаменаторовъ задалъ для сочиненія слѣдующую тэму: «Какую пользу я думаю принести отечеству?»... Каштанову эта тэма пришлась какъ нельзя болѣе по душѣ, и онъ, весь по-

краснѣвъ отъ волненія, подалъ экзаменатору скоро-исписанный имъ листъ.

— На ложной дорогѣ находитесь, молодой человѣкъ, сказалъ экзаменаторъ, прочитавъ его сочиненіе: — вы хотите приносить пользу словомъ, а Россія нуждается въ людяхъ дѣла... да̀-съ...

Каштановъ хотѣлъ что̀-то возразить, но экзаменаторъ строго прибавилъ:

— Довольно... и сталъ экзаменовать слѣдующаго.

Въ бытность въ университетѣ, Каштановъ писалъ много статей, изъ которыхъ были напечатаны весьма немногія... всѣ онѣ были отзывомъ на различные факты общественной жизни, и, отличаясь искренностью и полнымъ желаніемъ помочь дѣлу, онѣ, въ то же время, были недостаточно серьёзны и указывали на крайнюю юность автора, на его незнаніе существа тѣхъ фактовъ, о которыхъ онъ писалъ.

Знакомство съ жизнію и чтеніе, быстро развившія способности Каштанова, освѣтили ему печальнымъ свѣтомъ ноябрскаго утра картину русской жизни; никогда роль писателя не казалась ему столь полезной, какъ въ то университетское время; но, однако, заниматься литературой было нѣкогда: приближалось окончаніе курса, надо было готовиться къ экзамену.

Каштановъ усердно занимался изученіемъ законовъ.

«Знаніе законовъ, думалъ онъ:—необходимо для моихъ литературныхъ занятій; оно укажетъ мнѣ, что̀ дурно въ законахъ, что̀ забраковано жизнію. Законы, это — неистощимый матеріалъ для писателя. И какая великая роль быть помощникомъ законодателя, способствовать къ замѣнѣ состарѣвшагося закона новымъ, отвѣчающимъ требованіямъ общества!»

Такъ мечталъ Каштановъ, какъ будто бы онъ жилъ въ Нью-Йоркѣ, а не въ русскомъ губернскомъ городѣ.

Но вотъ выпускной университетскій экзаменъ оконченъ. Сыграна блестящая фантастическая увертюра, но вопросъ въ томъ: разовьются ли ея прекрасные мотивы въ многочисленныхъ актахъ жизни, или она исказитъ эти мотивы до такой степени, что пѣснь, начатая за здравіе, сведется на похоронную?

Каштановъ началъ очень удачно адвокатскую практику въ высоковскомъ окружномъ судѣ; онъ защищалъ въ свой дебютъ отставнаго солдата, укравшаго «со взломомъ» пару старыхъ сапогъ у хозяина; взломъ заключался въ томъ, что солдатъ снялъ испорченный замо̀къ съ пробоевъ двери, привѣшивавшійся къ чулану только для вида; въ провинціальныхъ городахъ вы нерѣдко можете встрѣтить такое запираніе дверей «для вида»,

чтобы люди только видѣли, что замо̀къ виситъ... А иногда вмѣсто замко̀въ употребляютъ веревочки; сто̀итъ только бѣдняку перерѣзать такую веревочку, и выйдетъ «взломъ», и всѣ наказанія мирового судьи уже не будутъ въ состояніи удовлетворить правосудіе; оно потребуетъ его, какъ важнаго преступника, въ высшее судилище, хотя бы сумма украденнаго составляла одну гривну.

Рѣчь Каштанова не была блестящей рѣчью; въ ней не было адвокатскихъ эффектовъ и фокусовъ краснорѣчія, но зато она была такой душевной логикой, что присяжнымъ, и публикѣ стало ясно, что обвинить подсудимаго можетъ только сама несправедливость; напрасно предсѣдательское резюме, напирая на обвиненіе, пространно объясняло безнравственное и важное значеніе взлома — солдата оправдали, а по городу пошли толки о новомъ адвокатѣ.

Послѣ вычурныхъ рѣчей высоковскихъ Жюль-Фавровъ, защита Каштанова произвела такой же эффектъ, какъ задушевно-пропѣтый романсъ послѣ безсодержательной трескотни какого-нибудь «morceau de salon».

Каштановъ пережилъ нѣсколько счастливыхъ минутъ; но когда онъ вернулся изъ суда въ свою квартиру, его встрѣтили не особенно пріятныя ощущенія.

Онъ нанималъ комнату со столомъ у вдовы-чиновницы Курицыной. Подъ окномъ его комнаты не было, какъ онъ когда-то мечталъ, палисадника съ сиренями и черемухами; оно глядѣло въ заборъ, передъ которымъ была помойная яма.

Про хозяйку можно сказать, что она была покойная хозяйка, жильцамъ не надоѣдаетъ, да и на счетъ платы за квартиру снисходительна; не получивъ 1-го числа денегъ отъ Каштанова, она рѣшила не безпокоить жильца, потому что слышала, что онъ будетъ черезъ два дня кого-то защищать въ судѣ — значитъ, думала она, получитъ деньги и отдастъ мнѣ...

Сіяющее, довольное лицо, съ которымъ Каштановъ пришелъ изъ суда, убѣдило Курицыну, что онъ получилъ деньги за защиту.

— Оправдали, Марья Семеновна! сказалъ Каштановъ, принимаясь за супъ, который докторъ не назвалъ бы питательнымъ.

— Ну, и слава Богу, отвѣтила хозяйка: — значитъ, и вамъ, и мнѣ радость: денежки за квартиру отдадите...

— Подождите, Марья Семеновна, знаю, что неаккуратенъ; вотъ получу на-дняхъ и отдамъ...

— Да, вѣдь, вы сегодня получили деньги?

— Какія деньги?

— А за то, что человѣка въ судѣ оправдали...

Каштановъ разсмѣялся.

— Вотъ что̀!.. Да у него, добрѣйшая Марья Семеновна, гроша нѣтъ.

У Курицыной явилась-было мысль, что жилецъ ее обманываетъ, но затѣмъ эта мысль исчезла, и ее замѣнило недоумѣніе.

— Такъ вы задаромъ защищали? спросила она.

— Поймите же, что у него нѐчѣмъ заплатить мнѣ...

— А зачѣмъ же вы брались за такое дѣло?

— Ка̀къ зачѣмъ! Да, вѣдь, если всѣ будутъ такъ разсуждать, такъ бѣдный человѣкъ останется безъ защитника...

— Такъ-то—такъ, только-что себя-то зачѣмъ обижать... Вѣдь, если вы все бѣдняковъ будете защищать, такъ сами съ голода умрете.

— Этого-то, положимъ, не будетъ... а на счетъ платы за квартиру вы не безпокойтесь—отдамъ на этихъ дняхъ...

— Я вамъ вѣрю... мнѣ ничего и подождать... а вы бы лучше какого-нибудь богатаго защитили, чѣмъ голяковъ... Себя обижать не слѣдуетъ...

Хозяйка покачала головой и вышла изъ комнаты, потерявъ значительную долю уваженія къ уму жильца.

— Я думала, что онъ—дѣльный малый, а онъ глупенекъ еще; все это, впрочемъ, отъ неопытности—поживетъ, одумается.

Таковы были ея выводы изъ разговора съ жильцомъ. А Каштанова этотъ разговоръ навелъ на размышленія объ адвокатской профессіи; въ головѣ его пробѣгали такія мысли.

«Вѣдь, чтобы профессія эта удовлетворяла нравственную сторону человѣка, являясь средствомъ содѣйствовать общественному развитію, необходимо ограничить кругъ своихъ кліентовъ людьми бѣдными, которые, конечно, за защиту ничего заплатить не могутъ—слѣдовательно, придется трудиться даромъ. Но, вѣдь, человѣкъ жить хочетъ, и, если онъ приноситъ пользу обществу, то имѣетъ право на вознагражденіе, пропорціонально этой пользѣ... Почему же прокуроръ, служа правосудію, получаетъ хорошее вознагражденіе, а защитникъ, такой же слуга правосудія, можетъ пріобрѣсти гораздо больше, чѣмъ прокуроръ, если будетъ дѣйствовать противъ правосудія, защищая, напримѣръ, богача-вора... Утѣшительная логика, нѐчего сказать»...

Каштановъ вздохнулъ...

«Однако, надо приниматься за работу, подумалъ онъ: — хозяйкѣ деньги надо платить».

И онъ сѣлъ къ раскрытому карточному столу, замѣнявшему письменный столъ, и началъ писать статью для газеты.

VII.

Недѣли черезъ двѣ послѣ оправданія въ судѣ солдата, Каштановъ, доѣдавшій свой обѣдъ, вдругъ услышалъ за спиной торжественный голосъ хозяйки.

— Владиміръ Львовичъ, васъ спрашиваетъ Семенъ Семеновичъ.

Лицо Курицыной изображало благоговѣніе квартальнаго передъ полицеймейстеромъ.

— Какой это Семенъ Семеновичъ? спросилъ Каштановъ.

— Ахъ, Боже мой, неужто не знаете Семенъ Семеновича Кологривова?.. Это—богачъ здѣшній, въ земствѣ служитъ... говорила Курицына таинственнымъ шепотомъ.

— Пускай идетъ, очень интересно, зачѣмъ я ему понадобился, сказалъ Каштановъ.

Курицына суетливо исчезла.

Вошелъ красивый мужчина крупной породы, съ черными баками.

— Позвольте познакомиться съ вами, произнесъ онъ, вѣжливо поклонившись:—бывшій предсѣдатель здѣшней земской управы, Семенъ Семеновичъ Кологривовъ, а теперь подсудимый, прибѣгающій къ вашей помощи.

Каштановъ попросилъ гостя сѣсть...

Кологривовъ оглядѣлъ комнату: невзрачная обстановка произвела на него хорошее впечатлѣніе.

«Этотъ не слупитъ много», подумалъ онъ.

— Я слышалъ васъ въ судѣ, заговорилъ Кологривовъ:—ваша рѣчь превосходна, безъ всякихъ комплиментовъ говорю... здѣшнему обер-защитнику Грецкому до васъ также далеко, какъ рѣпѣ до крымскаго яблока; повторяю, что говорю это безъ всякой лести... вы, вѣдь—не женщина, чтобы я вамъ зубы заговаривалъ...

Гость засмѣялся и закурилъ папиросу.

Каштановъ ожидалъ, что̀ будетъ дальше.

— Вашъ дебютъ на нищемъ-солдатѣ, хоть вы ни гроша за защиту, конечно, не получили — дѣлаетъ честь вашему практическому уму, продолжалъ Кологривовъ:—даровой эту защиту не считайте: она вамъ реноме составила въ нашемъ городѣ; теперь смѣло можете приняться за насъ грѣшныхъ, которые умѣютъ цѣнить трудъ адвоката.

— Разскажите, въ чемъ ваше дѣло, если угодно предложить мнѣ его защиту въ судѣ, сказалъ Каштановъ, на котораго гость произвелъ непріятное впечатлѣніе.

— Видите ли, въ чемъ дѣло... какъ говорится, не длиненъ и не новъ разсказъ. Жили мы здѣсь очень покойно... исправляли земскія дороги, чинили мосты... хотѣли даже освѣщеніе устроить въ главныхъ селахъ здѣшняго уѣзда... однимъ словомъ, служили обществу по мѣрѣ силъ... только, знаете, недавно затесался въ нашу компанію человѣкъ, которому ни съ того, ни съ сего не понравилась моя физіономія... сталъ онъ придираться, явилась мелкая подозрительность... плебейскій контроль... вдругъ вздумалъ повѣрять денежные отчеты, кассу, чего прежде никогда и не дѣлалось; однимъ словомъ—полное безобразіе... и представьте себѣ: этотъ вредный для общества человѣкъ, по своимъ тенденціямъ, увѣрилъ всѣхъ, будто бы я укралъ 14,000 рублей земскихъ денегъ, которыхъ не оказалось при ревизіи; члены точно бѣлены объѣлись, составили актъ—и вашъ покорнѣйшій слуга очутился подъ судомъ... Ка̀къ вамъ это понравится...

— Куда же дѣлись эти 14,000? спросилъ Каштановъ.

— Ну, на это довольно трудно дать точный отвѣтъ, сказалъ Кологривовъ, засмѣявшись:—да, я думаю, это васъ и не особенно интересуетъ; вы, несомнѣнно—человѣкъ умный; слѣдовательно, поняли меня. И такъ, позвольте мнѣ надѣяться быть съ этой минуты вашимъ кліентомъ.

Кологривовъ протянулъ руку Каштанову, но тотъ ея не взялъ.

— Не могу исполнить вашего желанія, сказалъ Каштановъ.

— Не можете? протянулъ гость съ удивленіемъ.—Гм... почему же это?

— Не въ моемъ вкусѣ такія дѣла̀.

— Вѣрю... но, вѣдь, если моя защита будетъ для васъ пилюлей, то весьма и весьма подслащенной...

— Я не боленъ и въ пилюляхъ не нуждаюсь.

— Ломается, подумалъ Кологривовъ:—всѣ они сначала либерализмомъ хвастаются, чтобы цѣну себѣ набить. Надо прямо къ цифрамъ перейти.

— Я буду откровененъ, сказалъ онъ вслухъ:—5,000 рублей за «невиновенъ»; 10% задатку сейчасъ же... А что я буду «невиновенъ» послѣ вашей рѣчи—это такъ же вѣрно, что я—Семенъ Семеновичъ Кологривовъ.

— Я уже сказалъ, что не могу взять вашего дѣла; вы напрасно тратите время на уговариванье.

Кологривовъ всталъ въ изумленіи.

«Можетъ быть, мало 5,000?» мелькнула у него мысль.

— Позвольте узнать: вашъ отвѣтъ рѣшительный, или онъ можетъ измѣниться при другихъ условіяхъ?

— Рѣшительный, сказалъ Каштановъ.

Кологривовъ промолчалъ нѣсколько секундъ. Лицо его приняло насмѣшливое и злое выраженіе.

— Скажите, пожалуйста... кàкъ это либерально, произнесъ онъ:—ну, прощайте, не взыщите, если я припомню вашъ отказъ, когда буду «невиновенъ»... Я вамъ же хотѣлъ услугу сдѣлать, не угодно—какъ угодно... воздадимъ сторицею за вашу нелюбезность.

Кологривовъ ушелъ, оставивъ Каштанова съ прегадкими ощущеніями.

«Вотъ она, торная дорога способнаго адвоката! думалъ онъ:—даровая защита какого-нибудь бѣдняка для составленія реноме и, затѣмъ, нечистыя дѣлà съ крупными кушами за «невиновенъ».

— Кàкъ гадко!..

Каштановъ такъ взволновался посѣщеніемъ Кологривова, что не замѣтилъ, кàкъ въ комнату вошла Курицина и остановилась, изобразивъ собою статую провинціальнаго любопытства.

— Ну, чтò онъ вамъ сказалъ? произнесла она полушепотомъ.

— Предлагалъ 5,000, чтобы оправдать его въ воровствѣ.

— 5,000!.. Да, вѣдь это—цѣлый капиталъ, Владиміръ Львовичъ! воскликнула Курицына:—вѣдь вы тогда, пожалуй, и съ этой квартиры съѣдете?

— Не съѣду, потому что я отказался отъ защиты.

— Отказались отъ 5,000 рублей?!

— Чему вы удивляетесь, Марья Семеновна? Вѣдь, вы не станете подлости дѣлать за деньги? Ну, и я этого не хочу; дѣло очень простое.

— Такъ-то такъ, только, чтò вы, чудотворецъ какой-то, съ позволенія сказать: вѣдь не вы, такъ другой возьмётъ.

— И пускай его беретъ, а мнѣ не нужно.

Курицына покачала головой и ушла съ глубокимъ сожалѣніемъ, что жилецъ ея—хорошій, повидимому, человѣкъ, но совершенно не понимаетъ своей пользы.

VIII.

Каштановъ познакомился со всѣми кружками высоковскаго общества; но то, чтò онъ нашелъ въ своихъ новыхъ знакомыхъ, не обрадовало его, а они, въ свою очередь, имъ остались недовольны.

Обыватели скоро поняли, что Каштановъ чужаго прихода, и

первоначальное радушіе быстро превратилось въ мертвый индеферентизмъ, въ которомъ, однако, незамѣтно стали развиваться враждебные элементы.

Высоковцы были правы: Каштановъ велъ себя вовсе не симпатично для нихъ. Мужчины задавали ему слѣдующіе вопросы:

— Въ преферансъ съ котломъ и митральёзой играете?

— Ни въ какую игру не играю, отвѣчалъ Каштановъ.

— Ну, а на счетъ чарочки?

— Пью очень мало.

— Такъ, значитъ, на счетъ дамочекъ будете прохаживаться?

— Не умѣю ухаживать.

— Такъ, что̀ же вы за человѣкъ послѣ этого?! Коптитель неба!.. восклицали обыватели въ одинъ голосъ, съ искреннимъ сожалѣніемъ.

— Вамъ остается одно: познакомиться съ Бедрягинымъ; у него интеллигентные вечера бываютъ, совѣтовали Каштанову.

Бедрягинъ былъ членъ окружнаго суда, имѣлъ жену, влюбленную, по ея собственному признанію, въ юридическіе вопросы.

Бедрягины встрѣтили Каштанова очень радушно.

— Вотъ, душа моя, сказалъ Бедрягинъ женѣ:—человѣкъ, не играющій въ карты... нашего лагеря;

— Ахъ, ка̀къ пріятно встрѣтить такого человѣка! вскрикнула Бедрягина, приглашая Каштанова сѣсть въ кресло.

— Не правда ли, ка̀къ пріятно побесѣдовать вечеркомъ объ умственныхъ интересахъ? сказала она черезъ нѣсколько секундъ, совершенно такимъ же тономъ, какъ въ другихъ гостиныхъ говорили Каштанову: не правда ли, какая прелестная погода?

Каштанову вдругъ почему-то показалось, что онъ пришелъ въ магазинъ купить серебряную ложку, а ему подвернули мельхіоровую.

— Вы несогласны съ этимъ? спросила хозяйка, не получивъ немедленнаго отвѣта.

— Почему же нѣтъ? проговорилъ онъ, усмѣхнувшись.

— Въ такомъ случаѣ, милости просимъ къ намъ по субботамъ; у насъ собирается небольшой кружо̀къ здѣшней интеллигенціи; читаемъ, толкуемъ о прочитанномъ, иногда музыкой занимаемся.

Какое-то смутное предчувствіе говорило Каштанову, чтобы онъ не поддавался на приглашеніе; но желаніе познакомиться съ высоковскою интеллигенціей заставило его «во едину отъ субботъ» позвонить у крыльца квартиры Бедрягиныхъ.

Комфортно меблированная гостиная, при его входѣ, представляла слѣдующій видъ.

На диванѣ сидѣла хозяйка, рядомъ съ нею какая-то дама, передъ ними стояли стаканы съ чаемъ на маленькихъ салфеточкахъ; въ трехъ креслахъ важно развалились передовики мѣстной интеллигенціи: учитель гимназіи, Руденко, двое судейскихъ: Казицынъ и Бурда. Каштановъ познакомился со всѣми; произошло пожатіе рукъ, повтореніе «очень пріятно»; затѣмъ всѣ усѣлись.

— А мы сейчасъ анализировали вашъ поступокъ, сказала хозяйка Каштанову.

— Какой поступокъ? спросилъ онъ.

— Вашъ отказъ защищать Кологривова.

— Ужь это стало извѣстно? удивился Каштановъ.

— На то провинція... пояснила Бедрягина какъ бы съ сожалѣніемъ, хотя, въ сущности, она была очень довольна этимъ свойствомъ провинціи.

— Ну, и что̀ же рѣшили? полюбопытствовалъ Каштановъ.

— Конечно, поступокъ прекрасный; но вотъ Юлія Ивановна возбудила вопросъ: имѣли ли вы право, какъ защитникъ, замѣтьте, какъ защитникъ, а не какъ человѣкъ, отказаться отъ защиты Кологривова? И, затѣмъ, мы всѣ пришли къ тому заключенію, что вы не имѣли на это права.

Каштановъ засмѣялся; такъ курьёзно показалось ему такое заключеніе, да еще въ обществѣ представителей мѣстной интеллигенціи.

— Интересно послушать, ка̀къ вы пришли къ такому выводу? сказалъ онъ.

— А вотъ ка̀къ-съ, началъ медленно и монотонно Илья Ильичъ Бурда: — всякій подсудимый долженъ имѣть защитника — такъ-съ? вообразите же, что всѣ защитники поступили бы такъ же, какъ вы—подсудимый былъ бы лишенъ права, предоставленнаго ему закономъ, права защиты, и этого права лишилъ бы не судъ, не прокуроръ, а представитель защиты...

— Случай, совершенно недопускаемый духомъ судебныхъ уставовъ, пояснилъ Руденко.

— Справедливо, замѣтилъ Казицынъ.

— Поэтому, продолжалъ Бурда:—хотя, съ человѣческой точки зрѣнія, вашъ поступокъ безукоризненный, такъ какъ дѣло Кологривова, дѣйствительно, очень нечисто, но, съ другой стороны, съ юридической точки зрѣнія, онъ не выдерживаетъ самой снисходительной критики.

— Я совершенно согласна съ этимъ, подтвердила рѣшительно хозяйка.

Гостья кивнула головой, неизвѣстно—въ знакъ ли согласія, или просто машинально.

Каштановъ былъ изумленъ; потомъ ему стало просто смѣшно.

— Ваши слова̀ напоминаютъ мнѣ газетныя передовыя статьи, сказалъ онъ:—«надо сознаться, хотя нельзя не признаться»...

Илья Ильичъ поднялъ глаза, вооруженные очками, на Каштанова и произнесъ тѣмъ же ровнымъ, точно машиннымъ голосомъ.

— Насмѣшка не есть возраженіе.

— Это правда, согласилась хозяйка:—представьте лучше намъ логическіе доводы противъ мнѣнія Ильи Ильича, чтобы можно было всесторонне обсудить вопросъ.

— Мнѣ кажется, тутъ нѐчего и обсуждать—такъ дѣло просто, сказалъ Каштановъ:—если вы признаёте, что какой-нибудь поступокъ хорошъ съ человѣческой точки зрѣнія, то какая надобность примѣрять, будетъ ли онъ хорошъ по судебному или полицейскому масштабу. Какая цѣль этой примѣрки?.. Развѣ отъ нѐчего дѣлать...

Илья Ильичъ съ пренебреженіемъ пожалъ плечами. Руденко переложилъ лѣвую ногу на правую, хозяйка немного сконфузилась, хозяинъ явился на помощь.

— У всякаго барона своя фантазія, сказалъ онъ, заканчивая разговоръ.

Прошла неловкая для всѣхъ пауза; хозяйка придумывала, что̀ сказать.

— Ахъ, да̀, господа, придумала она: — скажите, отчего вы такъ строго приговорили бабу, которую вчера судили, когда я была на засѣданіи... мнѣ ее такъ стало жаль, когда она заплакала.

— Взломъ-съ, важно произнесъ Бурда.

— Но, что̀ такое взломъ? бросила свой вопросъ гостья.

— И въ самомъ дѣлѣ, господа, что̀ такое взломъ? переспросила хозяйка.

Я долженъ сказать, что, задавая этотъ вопросъ, хозяйка не интересовалась отвѣтомъ, потому что вопросъ «о взломѣ» уже неоднократно возбуждался въ ея гостиной передъ тѣми же самыми собесѣдниками.

— Взломъ есть несомнѣнный признакъ значительнаго развитія преступной воли, медленно заговорилъ Бурда:—укравшій со взломомъ гораздо безнравственнѣе укравшаго безъ взлома.

— Ну, это—еще вопросъ! сказала хозяйка.

— Наше законодательство давно уже разрѣшило его, разграничивъ наказанія за простую кражу и за сопровождаемую или, вѣрнѣе сказать, предшествуемую взломомъ.

— Но, кромѣ практическаго разрѣшенія вопроса, на которое указалъ Андрей Николаевичъ, вступился въ разговоръ Казицынъ:—онъ и теоретически разрѣшается въ томъ же смыслѣ. Человѣкъ, идущій къ какой-либо цѣли и не останавливающійся передъ препятствіями, сильнѣе желаетъ достигнуть этой цѣли, чѣмъ тотъ, который не рѣшится переступить черезъ препятствія.

— Вѣдь такъ-съ?.. обратился онъ къ дамамъ.

— Конечно, сказала хозяйка, немножко подумавъ.

— Но что̀ же изъ этого слѣдуетъ? быстро проговорила гостья.

— То, что̀ и требовалось доказать, усмѣхнулся Казицынъ и погладилъ свои красивыя бакенбарды.

— Господа, неужели вамъ и въ судѣ не надоѣли взломы сказалъ Руденко:—потолкуемте лучше о другомъ: вы читали статейку объ экономическомъ положеніи русскаго рабочаго? Выразительная картинка!..

— Дѣльная статья!.. процѣдилъ Бурда.

Бедрягина вдругъ заволновалась.

— Знаете, когда я прочитала эту статью, заговорила она:—мнѣ едва не сдѣлалось дурно! Бѣдные, несчастные люди! Ка̀къ они живутъ! Это непостижимо!..

Бедрягина вздохнула, сдѣлала серьёзное лицо и задумалась.

— Ужасно!.. сказала гостья.

— Но вѣдь общество должно имъ помочь! Вѣдь не безчувственные же мы всѣ, въ самомъ дѣлѣ?.. встрепенулась вдругъ Бедрягина отъ раздумья.

— Вы справедливо сказали, что общество должно помочь, мѣрно заговорилъ Бурда:—но на пути къ достиженію этой цѣли оно встрѣчаетъ неумолимый законъ исторической необходимости.

Бурда разразился такимъ длиннымъ монологомъ объ исторической необходимости, что Бедрягина, показывавшая видъ, что внимательно слушаетъ, зѣвнула искуснымъ гостиннымъ зѣвкомъ.

— Но, все-таки, положеніе бѣдняковъ ужасно, что̀ вы ни говорите, ужасно!.. произнесла она по окончаніи монолога и глубоко вздохнула.

Гостья покачала головой и тоже вздохнула, меланхолически проговоривъ: несчастные люди!..

*

— Что же вы ничего не скажете по такому серьёзному вопросу? неужели вы ему не сочувствуете? — сказала Бедрягина Каштанову, которому, во время разговора, вздыхающія барыни и поучающій ихъ юристъ казались весьма комичными; онъ чувствовалъ, что эти глубокіе вздохи не выражаютъ даже самаго маленькаго страданія чужимъ горемъ.

— Сколько мнѣ кажется, сказалъ онъ:—здѣсь, хотя и много говорилось, но весьма мало сочувствовалось рабочему человѣку...

— Я?! изумилась Бедрягина, эффектно откинувшись на спинку дивана.

— Да, въ вашихъ словахъ и вздохахъ, какъ мнѣ показалось, не было дѣйствительнаго страданія чужимъ горемъ... да и не могло его быть: оно вамъ совершенно чуждо... вы его знаете только по газетнымъ статьямъ.

— Скажите, пожалуйста, вы психологію изучали?.. не безъ ироніи сказала Бедрягина.

— Зачѣмъ же тутъ психологія? по голосу слышно, кто дѣйствительно страдаетъ и кто только говоритъ о страданіяхъ.

Бедрягина обидѣлась, но, съ ловкостью предсѣдательницы гостиной, поспѣшила прекратить разговоръ, выскочившій изъ колеи либеральной «causerie».

— Судъ неправый и немилостивый — сказала она, засмѣявшись.

Гостья поддержала этотъ смѣхъ; собесѣдники тоже усмѣхнулись, иронически посмотрѣвъ на Каштанова.

А ему вдругъ стало очень, очень скучно.

— Вотъ тебѣ и интеллигентный кружокъ... подумалъ онъ.

— Не играете-ли вы въ шахматы?—раздался надъ нимъ голосъ Бедрягина, ходившаго все время изъ угла въ уголъ и изрѣдка вставлявшаго короткое замѣчаніе въ разговоръ.

— Играю, обрадовался Каштановъ случаю, освобождавшему его отъ либеральной болтовни.

IX.

— У насъ—среды, не забывайте, говорилъ Каштанову «душа общества», Долгово, отдавая ему визитъ.

— Не забуду, обѣщалъ Каштановъ.

Среды у Долгово собирали какъ въ фокусѣ вогнутаго зеркала, всю скуку высоковскаго общества.

Скучали гости, скучали хозяева на этихъ вечерахъ, но вечера, все таки, повторялись каждую недѣлю.

— Опять среда, какая скука!.. говорила каждую недѣлю Агнеса Михайловна Долгово своему супругу за утреннимъ чаемъ.

— Чтò-жь дѣлать? — надо соединять общество, отвѣчалъ супругъ: — а скучаете вы всѣ потому, что сами виноваты: не хотите выучиться играть въ карты

Къ ½ седьмаго, Агнеса Михайловна, точно чиновникъ на службу, мѣняла домашнее платье на черное шелковое, горничная зажигала лампы въ залѣ и гостиной и курила монашенками. Въ ½ осьмаго раздавался звонокъ.

— Это, навѣрное — противные аяксы, говорила хозяйка, направляясь въ гостиную.

А тамъ уже стояли два брата Васюткиныхъ, служившіе въ губернаторской канцеляріи, весьма похожіе другъ на друга; ихъ лица сіяли гримасами, которыми предполагалось выразить удовольствіе при видѣ хозяйки.

— Здравствуйте, господа, садитесь, чтò новенькаго? говорила Агнеса Михайловна тономъ дежурнаго чиновника, спрашивающаго просителя, чтò ему угодно.

Аяксы сѣли; одинъ изъ нихъ погладилъ свои бакенбáрды, другой потянулъ свой длинный усъ.

— Ничего нѣтъ новаго... сказалъ первый со вздохомъ.

— Дà съ .. все по старому, по прежнему, по прошлогоднему, добавилъ другой и засмѣялся.

— Нé будь вашихъ soirées, мы бы просто пропали со скуки, произнесъ первый.

— Ужь это извѣстно, что вы всегда льстите, сказала хозяйка.

Раздался новый звонокъ. Вошелъ «великолѣпный мужчина» — такъ прозвали высоковскія дамы прокурора окружнаго суда Барабанова; а между мужчинами онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ «краеугольный камень»; названіе это пріобрѣло такую популярность, что прокурора рѣдко называли настоящей фамиліей. Поводомъ къ этому прозвищу послужили обвинительныя рѣчи Барабанова, изъ которыхъ ни одна не обходилась безъ указанія присяжнымъ, что оправдать подсудимаго значитъ желать подкопать краеугольный камень государства.

Барабановъ былъ, дѣйствительно, великолѣпенъ съ точки зрѣнія русскихъ барынь; вообразите фигуру статнаго гвардейскаго кирасира въ черномъ сюртукѣ. Барабановъ прежде служилъ въ кавалеріи, потомъ вышелъ въ отставку и вдругъ какими-то судьбами сдѣлался прокуроромъ, да еще не просто прокуроромъ, а провинціальной знаменитостью.

Занявъ это мѣсто, Барабановъ сильно возмечталъ о себѣ: ему

почему-то вообразилось, что онъ, отправляя подсудимыхъ въ разныя «отдаленныя и не столь отдаленныя мѣста», является, въ нѣкоторомъ родѣ, спасителемъ отечества, героемъ. Изъ этого самообольщенія возникли у него довольно курьёзные взгляды. Такъ, напримѣръ: защитникъ, который осмѣливался указать присяжнымъ на промахъ въ его рѣчи, представлялся Барабанову не иначе, какъ врагомъ отечества, что̀ онъ и доказывалъ присяжнымъ въ своемъ возраженіи.

Краеугольный Камень слылъ въ Высоковѣ первымъ ораторомъ; краснорѣчіе его, заставлявшее дамъ пріѣзжать въ судъ, гдѣ приставъ очищалъ для нихъ первыя мѣста, было очень своеобразно: оно представляло смѣшеніе армейскихъ остротъ съ извѣстными цвѣтами судебной риторики.

— Я имѣю смѣлость полагать, господа присяжные, воскликнулъ однажды Барабановъ:—что защитникъ напрасно говоритъ, что подсудимаго любила женщина; взгляните на него: что̀ это за рожа... неужели можно въ него влюбиться?..

Всѣ описанныя качества нисколько не помѣшали Барабанову пріобрѣсти въ Высоковѣ репутацію «умнѣйшаго и прекраснѣйшаго человѣка».

Войдя въ гостиную Долговс, Краеугольный Камень солидно поклонился Агнесѣ Михайловнѣ и величественно подалъ руку аяксамъ.

— Скучно, Ліодоръ Николаевичъ, сказала хозяйка:—хоть бы вы интересное дѣльце устроили, а то я какъ-то заглянула въ судъ—такая канитель: все однѣ кражи, да кражи.

— А вотъ, въ будущій вторникъ пожалуйте, будетъ дѣло, такъ сказать, по женскому вопросу... троемужницу судить будемъ...

— Вы обвиняете?

— Я.

— Ахъ, ка̀къ это прелестно! Вы мнѣ пришлите, пожалуйста, два билета; я съ Настасьей Андреевной пріѣду; она въ восторгѣ отъ вашихъ рѣчей.

Барабановъ поклонился съ пріятною улыбкой.

— Непремѣнно пришлю два билета, сказалъ онъ.

Опять звонокъ.

Вошли два земца—члены управы; оба имѣли видъ необыкновенно солидный; «вотъ мы такъ дѣло дѣлаемъ», написано было на ихъ физіономіяхъ.

— Ну, господа, встрѣтила ихъ Агнеса Михайловна:—къ вамъ въ управу я никогда не пріѣду. Вообразите, Ліодоръ Николаевичъ, обратилась она къ прокурору:—они меня звали... я пріѣ-

хала... и что же? чуть не заснула отъ скуки... разсуждаютъ о холерѣ... я не дождалась конца и уѣхала.

— Что-же дѣлать, Агнеса Михайловна? Мы не такъ счастливы, какъ Ліодоръ Николаевичъ; мы не можемъ быть занимательными при исполненіи служебныхъ обязанностей; наша дѣятельность требуетъ глубокаго вниманія, сосредоточенности, проникновенія въ сокровенныя причины народныхъ бѣдствій, сказалъ одинъ изъ земцевъ, желая уязвить Барабанова.

— Я позволю себѣ замѣтить, что вы несправедливы, Агнеса Михайловна, къ земской управѣ; вы напрасно не досидѣли до конца засѣданія, сказалъ прокуроръ съ ядовитою улыбочкой...

— А что?

— Конецъ былъ очень интересный; земское собраніе взглянуло на холеру съ оригинальной точки зрѣнія: а именно—съ религіозно-экономической.

— Какъ такъ!! засмѣялась хозяйка.

— Да-съ!.. Рѣшили, что, такъ какъ холера отъ Бога, то и всякія мѣры противъ нея есть только непроизводительный расходъ и что гораздо раціональнѣе обратить вниманіе крестьянъ на исполненіе религіозныхъ обрядовъ.

— А что-же вы думаете, Ліодоръ Николаевичъ, серьёзно возразилъ одинъ изъ земцевъ:—вы находите такой взглядъ нераціональнымъ?..

— Я только констатировалъ фактъ, отвѣтилъ Барабановъ, сообщая Агнесѣ Михайловнѣ рѣшеніе земской управы.

Хозяйка пошла на встрѣчу новымъ гостямъ.

Черезъ полчаса, зала и гостиная наполнились избранною публикой.

Около трехъ миловидныхъ барышень лебезилъ мѣстный Жюль-Фавръ Попрыгунчиковъ.

— Неправда! вы этого не можете доказать, тараторила блондинка съ громаднымъ шиньономъ.

— Не могу?! усмѣхался Попрыгунчиковъ: — а я вамъ скажу, что можно все, что вамъ угодно, доказать.

— Но это будетъ нелогично, возражала барышня.

— А зачѣмъ вамъ логичность? позвольте васъ спросить.

— Какъ зачѣмъ!.. Странный вопросъ!

— Нисколько... Вамъ кажется, что въ логикѣ заключается что-то такое хорошее... Ничего въ ней хорошаго нѣтъ... Все хорошее не имѣетъ логики... Самая жизнь человѣка есть олицетворенная нелогичность... Логика только мѣшаетъ жить человѣку.

— Значитъ, ваши дѣйствія вообще нелогичны?

— Совершенно вѣрно; даже въ настоящую минуту, разговаривая съ вами, я дѣлаю величайшее преступленіе противъ логики.

— Ка̀къ-же это?

— Очень просто. По логикѣ здраваго смысла, я, какъ человѣкъ, посвящающій себя на службу ближнимъ, долженъ избѣгать всякой опасности, которая можетъ остановить или мѣшать моимъ занятіямъ... и что̀ же? зная это очень хорошо, я нахожусь въ обществѣ трехъ прелестнѣйшихъ существъ, которыя могутъ заставить меня позабыть всѣ статьи закона, всѣхъ подсудимыхъ на свѣтѣ...

Барышни стали хихикать.

Недалеко отъ нихъ шумѣло нѣсколько человѣкъ учащейся молодежи.

— А Стропилкинъ, вѣдь—молодецъ!.. Какое важное мѣсто схватилъ! Обвиняетъ любо-дорого слушать.

— У него протекція была.

— Послушай, дружище—это вовсе непрактично: ну какого чорта получишь ты на словесномъ факультетѣ?

— Но у меня призваніе къ этимъ предметамъ, робко возражалъ семиклассникъ.

— Призваніе! это, братъ—слово, неимѣющее теперь смысла. Какія тамъ призванія? получи хорошее мѣсто—вотъ, ты и призванъ на пиръ жизни.

Гостямъ разнесли чай; явился хозяинъ съ распечатанной колодой картъ; бо̀льшая часть мужчинъ засѣли за зеленые столы. Юристы устроили бостонъ по маленькой.

— Это — чрезвычайно умная игра, говорили они на вопросъ: что̀ имъ за охота воскрешать старину?

Около играющихъ пристроилось нѣсколько гостей съ цѣлью смотрѣть на розыгрыши.

— Все-таки, знаете, здѣсь веселѣе, посвободнѣе, а тамъ, въ гостиной, сиди себѣ болваномъ да выжимай слова̀ изъ головы, когда говорить-то не о чемъ, отвѣчали они, когда ихъ спрашивали: неужели имъ не скучно смотрѣть на чужую игру?

Въ женской компаніи остался юноша, только-что испеченный прапорщикъ, ухаживавшій за одною изъ барышень, два аякса и кое-кто изъ учащейся молодёжи.

Ка̀къ ни старалась хозяйка развить разговоръ, придать одушевленіе своему кружку̀, это ей положительно неудавалось; двѣ-три фразы... дешевенькая острота... маленькое хихиканье барышень, гамма искуственнаго смѣха мужчинъ, и опять предлинная пауза скуки. Скоро эти паузы сдѣлались такъ неприлично

длинны, что Агнеса Михайловна поспѣшила пригласить гостей къ музыкальному угощенію. Какой-то баритонъ пропѣлъ себѣ подъ носъ «прости на вѣчную разлуку»; затѣмъ, послѣ долгихъ упрашиваній, запѣла одна изъ барышень, взвизгивая на всѣ комнаты; серьёзные игроки въ преферансъ съ неограниченнымъ котломъ и митральёзой, засѣдавшіе въ кабинетѣ, притворили къ себѣ дверь при первыхъ звукахъ этого взвизгиванія. Неигравшіе въ карты усѣлись въ уголку на диванѣ и сладко зѣвали...

Одинъ изъ гостей все время безмолвно сидѣлъ въ креслѣ, пересматривая альбомы; съ десяти часовъ онъ, черезъ каждые десять минутъ, вставалъ и, подходя къ двери столовой, осторожно, какъ бы нечаянно, пріотворялъ ее и справлялся—не накрываютъ ли тамъ на столъ.

Остальные гости, изъ числа неигравшихъ въ карты, были менѣе откровенны и ничѣмъ не выражали своего желанія поскорѣе поужинать и уѣхать домой.

Ужинъ представлялъ наиболѣе естественный эпизодъ вечера: гости ѣли и пили съ удовольствіемъ и потому оживлялись; на одномъ концѣ стола, гдѣ помѣщалась хозяйка и юристы, составлявшіе ея страсть, какъ она выражалась, составлялся какъ бы конкурсъ остроумія подъ предсѣдательствомъ Барабанова: усердно ловили другъ друга въ неточности выраженій и щеголяли двусмысленностями; игроки разсказывали о необыкновенныхъ «дѣленіяхъ»; баритонъ завелъ съ пѣвицей безконечный разговоръ объ операхъ Сѣрова; прапорщикъ разсказывалъ барышнямъ что-то о церемоніальномъ маршѣ.

Но вотъ хозяинъ переглянулся съ Агнесой Михайловной... она встала, и пошли благодарности гостей. Нѣкоторые изъ нихъ, непосредственно послѣ ужина, ухватились за шляпы, другіе присѣли выкурить папироску; игроки пошли доканчивать пульку. Минутъ черезъ пять, дамы начали цаловать Агнесу Михайловну и этими прощальными поцалуями подали сигналъ къ общему отступленію.

Въ гостиной остались Агнеса Михайловна и ея супругъ.

— Слава Богу!.. Наконецъ-то всѣ ушли!.. произнесла, потягиваясь и отъ души зѣвая, Агнеса Михайловна.

— Что же дѣлать, душа моя? надо-же соединять общество, сказалъ ея мужъ.

Агнеса Михайловна не спросила, зачѣмъ нужно это искуственное соединеніе общества, напоминающее русскія супружества, и молча пошла въ спальню.

— И на среды такъ же не стоитъ ходить, какъ и на субботы, рѣшилъ Каштановъ, выйдя на улицу.

X.

Невозможность найти компанію по душѣ, составить кружокъ «своихъ» тяготила Каштанова.

Придя домой, послѣ занятій у присяжнаго повѣреннаго, онъ съѣдалъ обѣдъ, приготовленный хозяйкою, потомъ ходилъ по комнатѣ, читалъ или писалъ статью въ газету.

Однообразіе ощущеній жизни было нарушено случайною поѣздкой въ Крымъ, для защиты одного дѣла въ судѣ. Чудныя картины прелестной природы и встрѣча съ Лидой запечатлѣлись въ его памяти; но это было уже прошлое, которое можетъ наполнять только старческую жизнь. Настоящее же было такого же сѣраго цвѣта, какъ заборъ, тянувшійся отъ квартиры Каштанова до угла улицы.

Любимое занятіе Каштанова, литературная, публицистическая работа, все болѣе и болѣе теряла для него свою прелесть: онъ убѣждался въ томъ, что страстной рѣчи о близкихъ всѣмъ предметахъ нѣтъ мѣста на страницахъ газетъ, что требуется только безцвѣтная литературная болтовня.

Во время отдыха отъ занятій Каштанову было тоже не лучше. Естественно приходило желаніе общества. Но куда идти?

На улицѣ пустынно; въ противуположномъ домѣ, у окна, двѣ чиновницы пьютъ чай съ блюдечка; во дворѣ мычитъ корова.

— Нѣтъ, такъ нельзя жить! я зачахну безъ людей; пойду хоть къ хозяйкѣ до вечера, потомъ въ клубъ или куда глаза глядятъ, рѣшалъ Каштановъ.

— Я къ вамъ, Марья Семеновна, пришелъ посидѣть: скука одолѣла, сказалъ Каштановъ, войдя на хозяйскую половину.

— Милости просимъ... Сейчасъ чайку выпьемъ... А насчотъ скуки я вамъ доложу, что сами вы виноваты въ ней.

— Ка̀къ же это такъ?

— А такъ, что живете не по людски... Посмотрите ка̀къ другіе живутъ... да на вашемъ мѣстѣ всякій другой и не подумалъ бы о скукѣ. Вы—человѣкъ молодой... какую невѣсту я бы на вашемъ мѣстѣ подцѣпила: и съ приданымъ, и красавицу! Вотъ, хоть бы Авилова дѣвица или Езеранцева, или Панова?

— Что̀ же дѣлать, если я не въ одну не влюбился, да и онѣ въ меня тоже...

— Объ нихъ-то нѐчего говорить: только предложеніе сдѣлайте, и влюбится... А вамъ-то чего влюбляться понадобилось; влюбитесь—та̀къ проведутъ, что и моргнуть не успѣете, а на лбу рога выростутъ, да и приданаго не досчитаетесь.

— Ну, вотъ видите, зачѣмъ же и жениться, коли только и смотри, чтобы тебя не надули. Да я вовсе не хочу жениться.

— Ну, это — дѣло другое... Въ такомъ случаѣ, за барышнями ухаживайте, купите стеклышко къ глазу, вотъ, какъ у нашего прокурора, да модный галстучекъ...

— Барышнямъ скучно со мной, да и мнѣ тоже: объ чемъ я съ ними буду толковать?

— Нѣтъ, вы какой-то чудной, не въ обиду будь сказано. Вотъ, я вамъ разскажу про моего жильца, который въ вашей комнатѣ у меня жилъ. Пріѣхалъ онъ тоже изъ Петербурга безъ ничего; какую онъ должность занималъ—не знаю, только все въ судъ ходилъ, въ канцеляріи чѣмъ-то занимался... Только онъ, знаете, велъ себя не такъ, какъ вы. Сдѣлалъ всѣмъ визиты во фракѣ, какъ слѣдуетъ, оказалъ всякому почтеніе, ка̀къ кому нужно; съумѣлъ начальникамъ понравиться, скоро его слѣдователемъ сдѣлали; мастеръ онъ былъ на всѣ руки: въ карты игралъ, танцовалъ и закружилъ нашихъ барынь... Одна такъ даже сама къ нему пріѣзжала. А онъ, знаете, барыни барынями, да и за барышнями примѣчалъ: намѣтилъ, которая побогаче; родителямъ, что̀ называется, въ душу влѣзъ, а потомъ предложеніе сдѣлалъ. Отдали: потому видятъ человѣкъ въ гору пойдетъ. И точно, теперь въ судѣ съ золотымъ воротникомъ сидитъ и въ Сибирь ссылаетъ. А живетъ та̀къ, что всякій позавидуетъ.

На дворѣ щелкнула калитка у воротъ... Хозяйка выглянула въ окно.

— Лукинична идетъ, сказала она:—новостей пораскажетъ.

Лукинична была представительница той профессіи, которая многимъ даетъ существованіе въ провинціальныхъ городахъ.

Лукинична, это—мѣстная ходячая газета, не отстающая, пожалуй, и отъ столичныхъ газетъ въ искуствѣ пусканія утокъ, сплетень и куренія ѳиміама передъ благодѣтелями.

Лукинична—агентъ по всевозможнымъ дѣламъ, преимущественно свадебнымъ. Она вездѣ встрѣчается съ удовольствіемъ, потому что мастерица точить лясы и всегда принесетъ какую-нибудь новость. Хотя новости эти нерѣдко имѣютъ невѣроятный характеръ и потомъ оказываются вымышленными Лукиничной, но это нисколько не портитъ ея репутаціи: во-первыхъ, высоковцы склонны вѣрить всему неестественному, а во-вторыхъ, se non è vero è ben trovato. Лукинична, вѣчно говорящая, вѣчно критикующая—настоящій кладъ для высоковцевъ, задыхающихся отъ скуки.

Въ семейные дома̀ Лукинична приходитъ обыкновенно утромъ,

когда мужей нѣтъ дома и жены могутъ поговорить съ нею по душѣ. Эти разговоры начинаются съ сообщенія новостей и кончаются гаданіемъ на картахъ; семейныя отношенія обывателей составляютъ обыкновенно главную тэму разговоровъ по душѣ съ Лукиничной. Мужья обыкновенно подтруниваютъ надъ бесѣдами женъ съ Лукиничной, но жены напрасно не догадаются оборвать ихъ возраженіемъ, что они сами состоятъ въ близкомъ родствѣ съ Лукиничной. И, въ самомъ дѣлѣ, Лукинична и многодумающіе о своемъ развитіи представители высоковской интеллигенціи, живя внѣ общественныхъ интересовъ, и не могутъ ни о чемъ другомъ разговаривать, кромѣ личныхъ дѣлишекъ сосѣдей.

— Здравствуй, Марья Семеновна, сказала Лукинична, войдя въ комнату и перекрестившись.

— Здравствуйте... садись... чайку выпьемъ; не знаю, что̀ Акулина самоваръ не несетъ.

— Не закипѣлъ еще... я шла, такъ видѣла въ сѣняхъ... еще не готовъ.

Лукинична сѣла и покосилась на Каштанова.

— А вы—жилецъ здѣшній? обратилась она къ нему:—я, кажись, видала васъ у окошка, все съ книжкой сидите...

— Да̀... я здѣсь живу.

— Невѣсту ему нужно—пошутила хозяйка...

Лукинична оживилась.

— Сколько угодно предоставлю! А позвольте узнать, ходкое ли вы мѣсто занимаете...

— Какое это ходкое мѣсто? спросилъ Каштановъ.

— Да, вотъ, теперь судейскія—ходкія мѣста... при желѣзной дорогѣ, при подземельныхъ банкахъ...

— У меня не ходкое мѣсто, сказалъ Каштановъ.

Ему стало противно, и онъ взялся за фуражку.

— Куда же это вы? спросила хозяйка.

— Пройдусь куда-нибудь; я къ вамъ только не надолго зашелъ.

— Ну, ка̀къ хотите.

Каштановъ вышелъ на улицу въ прескверномъ настроеніи духа.

— Права хозяйка, подумалъ онъ:—не по-людски живу, оттого и скучаю; но вѣдь, чтобы жить по-людски, надо не быть человѣкомъ, а это тоже не весело.

Онъ зашелъ въ клубъ: его тянуло въ общество. Было еще 7 часовъ; въ игорной комнатѣ, впрочемъ, уже составилась одна пулька; въ библіотекѣ сидѣлъ старикъ, отставной военный, и про-

сматривалъ первый листъ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ были напечатаны «производства и назначенія».

— Большое производство, сказалъ онъ, зажмуривая глаза и поздоровавшись съ Каштановымъ.

— Что̀ вамъ за удовольствіе читать списокъ чиновъ и фамилій?

— Ну, не говорите такъ... нѣтъ, нѣть, да и встрѣтишь знакомую фамилію... родственника какого-нибудь или бывшихъ сослуживцевъ, или однофамильца — все, знаете, пріятно.

Въ библіотеку вошло тріо: Долгово, помощникъ прокурора Кротиковъ и Попрыгунчиковъ.

— Въ ожиданіи четвертаго, займемтесь, господа, литературой, сказалъ Долгово: — Иванъ Петровичъ, прочитайте-ка что̀-нибудь, обратился онъ къ Попрыгунчикову.

— Не хотите ли, господа, производство? предложилъ старичекъ.

— По министерству юстиціи? спросилъ помощникъ прокурора.

— Нѣтъ, по военному.

— Ну, его къ чорту!.. Новостей какихъ-нибудь дайте!..

— Слушайте, господа, содержаніе номера, началъ Попрыгунчиковъ: — статья по женскому вопросу.

— Мимо! возразилъ Долгово.

— Никакого женскаго вопроса не должно быть, важно произнесъ помощникъ прокурора; это — одинъ нигилизмъ и больше ничего.

— Почему же это не должно быть? спросилъ Каштановъ, которому надоѣло молчаніе.

Помощникъ прокурора насмѣшливо взглянулъ на него.

— Будто не знаете? Экій наивный человѣкъ, подумаешь...

— Не знаю, серьёзно сказалъ Каштановъ

— А штука не хитрая: мы и теперь умираемъ отъ скуки, а если еще женщинамъ всѣ эти права̀ дать, такъ ужь тогда прямо въ петлю полѣзай. Ты ее ущипнешь, а она тебѣ объ уваженіи брякнетъ... ты съ ней поиграть захочешь; а она: — я, дескать — не игрушка; я теперь — человѣкъ...

Послѣднія слова̀ помощникъ прокурора произнесъ, подражая женскому голосу!

Всѣ захохотали... Попрыгунчиковъ крикнулъ: браво! и захлопалъ въ ладоши; старичекъ, положивъ газету, осклабился...

— Что̀ скажете на это, милѣйшій Владиміръ Львовичъ? спросилъ Кротиковъ, добродушно усмѣхаясь.

— Какой тутъ женскій вопросъ въ обществѣ орангъ-утанговъ! отвѣтилъ Каштановъ.

— Не обижаюсь вашей шуткой, ибо человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ передовой, и съ Дарвинымъ имѣю честь быть знакомымъ...

— Господа, корреспонденція изъ Высокова, провозгласилъ Попрыгунчиковъ.

— Ну-ка, валяйте!..

— Въ нашемъ городѣ есть публичная библіотека; по послѣднему отчету... ну, это не стоитъ читать... сколько тамъ книгъ, сколько читало... нисколько не интересно... А вотъ дальше, слушайте: въ окружномъ судѣ опять было «интересное» дѣло... прокуроръ, по обыкновенію, прогуливался насчетъ краеугольныхъ камней и острилъ; хотя остроты имѣли казарменно-балаганный характеръ, но публикѣ нашей онѣ очень понравились.

— Какая это каналья пишетъ? сказалъ Кротиковъ:—я уже сколько разъ говорилъ Ліодору Николаевичу, чтобы онъ возбудилъ судебное преслѣдованіе; вѣдь, какъ хотите, а это—оскорбленіе, предусмотрѣнное второй половиной 286 статьи уложенія о наказаніяхъ.

— Какой статьи? спросилъ Долгово.

— 286-й... второй половины... Вѣдь, эта корреспонденція написана вслѣдствіе того, что Семенъ Семеновичъ говорилъ обвинительную рѣчь, т. е. исполнялъ служебную обязанность: значитъ, его оскорбили вслѣдствіе исполненія служебной обязанности...

— Всеконечно, согласился Попрыгунчиковъ:—но не стоитъ мараться со всякою дрянью; знаете пословицу: не тронь...

Въ дверяхъ появилась довольная физіономія молодаго человѣка.

— Здравствуйте, Тишкинъ!.. что поздно?.. Изъ-за тебя до сихъ поръ теряемъ драгоцѣнное время.

— Въ управѣ засѣданіе... Измучили разными вопросами. Ну, идемъ, что ли?..

— Идемъ!..

— Попрыгунчиковъ запѣлъ изъ Орфея «мы идемъ»... и, подхвативъ одной рукой Долгово, а другой Кротикова, потащилъ ихъ изъ библіотеки.

— Веселый народъ! сказалъ старичекъ, затѣмъ поправилъ очки и опять погрузился въ чтеніе чиновъ и фамилій.

Каштановъ просмотрѣлъ газету и пошелъ въ игорную комнату.

Тамъ уже кипѣла обычная жизнь: игра была въ разгарѣ.

— Положеніе хуже африканскаго! восклицалъ какой-то толстякъ, купившій двѣ семерки.

— А у меня вистъ американскій, острилъ его визави.

Остальные партнеры усердно ржали, хотя остроты эти слышали аккуратно каждый день по нѣскольку разъ.

— Транспортъ съ кушемъ! кричалъ усачъ-капитанъ и сопровождалъ свою ставку площаднымъ выраженіемъ.

Публика одобрительно смѣялась, и капитанъ еще громче повторялъ, ни къ селу, ни къ городу, свое ругательство.

— Безъ двухъ на котлѣ въ 3,000! раздался вдругъ залпъ нѣсколькихъ голосовъ... и покрылся гуломъ смѣха...

Каштановъ велѣлъ подать себѣ стаканъ чаю и усѣлся на диванъ; къ нему вскорѣ присосѣдился учитель мѣстной гимназіи, Лапинъ, не игравшій въ карты.

— А вы рѣдко посѣщаете нашъ клубъ? сказалъ онъ Каштанову.

— Да... нѣчего дѣлать; въ карты не играю, читаю въ общественной библіотекѣ; разговаривать не съ кѣмъ: всѣ дѣломъ заняты.

— Я тоже не играю... и читать, по правдѣ сказать, не люблю; телеграммы, впрочемъ, всегда просматриваю, а въ клубѣ непремѣнно каждый разъ бываю.

— Что̀ же вы дѣлаете?

— Да такъ... Походишь, къ одному столу подойдешь, посмотришь ка̀къ кому везетъ, потомъ къ другому... Смотришь, тамъ кто-нибудь обремизится... Иногда очень интересно бываетъ... Вотъ, сейчасъ Ивана Петровича безъ двухъ обремизили на огромномъ котлѣ.

— Да вѣдь, вамъ отъ этого ни тепло, ни холодно.

— Все же, знаете, хоть посмотрѣть интересно, кто заберетъ такой котёлъ. Утромъ-то тянешь, тянешь учительскую лямку... Вечеромъ, не грѣхъ—поразвлечься.

— Хорошее развлеченіе! подумалъ Каштановъ.

— Лѣзу въ хомутъ! раздался зычный голосъ...

— Это значитъ подгоняютъ Ивана Петровича, пояснялъ учитель:—у него, видите ли, простая игра, а Петръ Петровичъ, покупаетъ съ ничѣмъ, чтобы загнать на семерную игру Ивана Петровича.

Въ глазахъ учителя было видно оживленіе; онъ не утерпѣлъ и подошелъ къ столу, за которымъ играли Иванъ Петровичъ и Петръ Петровичъ.

— Въ хомутѣ, въ хомутѣ!.. раздалось вдругъ, послѣ короткой паузы...

— Дѣленіе хуже африканскаго! Два самъ-четверта, одинъ противъ другого.

Учитель вернулся къ Каштанову.

— Загнали въ хомутъ, безъ одной остался, сказалъ онъ съ соболѣзнованіемъ, точно, какъ будто его самаго обремизили.

— Вы какой предметъ преподаете? спросилъ Каштановъ.

— Латынь проклятую, между нами будь сказано... Знаете, по совѣсти сказать, жаль становится мальчиковъ мучить разными герундіями, а вотъ уже десятый годъ занимаюсь этимъ дѣломъ.... и больно иной разъ бываетъ, а все дѣлаешь.

Учитель вздохнулъ.

— Вѣдь, это—тоже хомутъ, продолжалъ онъ:—надѣлъ его случайно: потому, какъ кончилъ курсъ, другой вакансіи учителя, кромѣ латинскаго языка, не было; попалъ въ эту колею, да и корпишь съ тѣхъ поръ.

— Невесело, замѣтилъ Каштановъ.

— Вы скажете: если дѣло не нравится, брось его, противъ совѣсти не поступай; да что̀ же дѣлать-то, коли за это поступленіе противъ совѣсти хоть прожить можно! у меня жена, дѣти есть, а по совѣсти-то пойдешь, смотришь—тебя и за штатомъ оставили, а другой и прыгнулъ на твое мѣсто.

Лапинъ замолчалъ и усиленно затянулся папиросой.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ же здѣшняя интеллигенція коротаетъ свои вечера? сказалъ Каштановъ.

— А все здѣсь же... Нѣкоторые, впрочемъ, въ «Англіи» бываютъ. То, знаете—нашъ аристократическій клубъ, а это—нашъ дворянскій клубъ, «благородкой» по-просту называется; въ Англіи большую игру ведутъ. Вотъ, за тѣмъ столомъ, у колонны, видите красивый брюнетъ и другой съ бородкой, это—наши молодые учителя... Умный народъ!.. И ка̀къ отлично въ карты играютъ! пріятно смотрѣть, какъ они разыгрываютъ.

— Будто ужь они ничего лучшаго не нашли, кромѣ картъ?

— А что̀ вы прикажете дѣлать по вечерамъ? Дома все за книгами сидѣть скучно, хочется въ общество, а пришли въ общество—дѣлай то, что̀ другіе, а то та̀къ вотъ сиди въ углу, какъ мы съ вами теперь сидимъ.

— Ура! раздалось за однимъ изъ столовъ.

Затѣмъ послышались ожесточенныя восклицанія.

— Лаптеплётъ! Вы бы лучше подлецомъ обругали меня, чѣмъ эдакій ходъ сдѣлать... Вѣдь, вы поймите какой ремизъ былъ!.. Это—чортъ знаетъ, что̀ такое!

Учитель пошелъ посмотрѣть къ кричавшимъ, постоялъ тамъ минуты двѣ и вернулся.

— Семенъ Семеновичъ отыгралъ короля Ивану Петровичу, тотъ и вышелъ, а въ котлѣ было 1,000 фишъ.

— А вотъ здѣсь болѣе скромная пулька—юридическая, прибавилъ учитель шепотомъ:—посмотрите, ка̀къ у нихъ все чинно, въ порядкѣ—точно въ судѣ.

— Имѣю смѣлость полагать, что вы безъ одной... донеслось изъ-за стола.

— Совершенно вѣрно...

— А знаете, Николай Андреевичъ, этотъ новый судебный слѣдователь, кажется—не надежный... солидности нѣтъ... пренебреженіе къ формамъ... ему предпишешь, а онъ въ препиранiе входитъ. Надо бы осадить его какъ-нибудь.

— Погодите... круто наступать не слѣдуетъ... тамъ увидимъ... и спѣсь пособьемъ... Вамъ сдавать.

— Позвольте замѣтить вамъ, милостивый государь, что вы напрасно перечеркнули мой кушъ, раздался зловѣщій голосъ съ того стола, гдѣ игралъ усачъ-капитанъ.

— Что̀ вы сказали?

— А то, что это подло—приписывать!..

Вслѣдъ затѣмъ раздался звонъ подсвѣчника объ полъ и разбившейся розетки.

Всѣ вскочили съ мѣстъ, кромѣ юристовъ, которые только обратили глаза къ мѣсту скандала.

Поднялся крикъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, кромѣ вырывавшихся восклицаній.

— Подлецъ!.. Надо, господа, актъ составить! Клубъ оскорбленъ!.. Штрафъ за скандалъ въ пользу кассы! и пр.

Каштанову стало противно, и онъ ушелъ изъ «благородки».

XI.

Проходя изъ клуба черезъ городской садъ, Каштановъ услышалъ густой басъ, звучавшій изъ-за ограды, отдѣлявшей ту часть сада, въ которой играла по воскресеньямъ музыка и прозванную «загономъ», что весьма шокировало высоковскихъ дамъ.

Басъ напѣвалъ изъ второго акта Вильгельма Телля: «О родина святая». Голосъ срывался, какъ у пьянаго, но въ немъ дрожали ноты, звучавшія тяжелой грустью.

— Не Диковъ ли? подумалъ Каштановъ, вспомнивъ разговоры высоковцевъ о пьяницѣ Диковѣ, и изъ любопытства завернулъ въ «загонъ»; музыки въ тотъ день не было. За однимъ столикомъ какой-то толстякъ ѣлъ бифштексъ и запивалъ пивомъ; за другимъ, находившимся у самой дорожки, сидѣлъ ши-

рокоплечій мужчина-брюнетъ; передъ нимъ стоялъ значительно опорожненный графинъ съ водкой, рюмка и тарелка съ закуской.

Увидя Каштанова, толстякъ пересталъ пѣть.

— Садитесь, что̀ ли, произнесъ онъ вдругъ:—говорятъ, будто вы—несовсѣмъ подлецъ, и я вѣрю этому и потому приглашаю выпить вмѣстѣ...

Каштановъ сѣлъ.

Диковъ былъ уже сильно пьянъ; лицо его горѣло, глаза посоловѣли, но въ нихъ не трудно было замѣтить угнетенную мысль и страдавшую душу,

— Кажется, я не ошибусь, предполагая, что случай знакомитъ меня съ Диковымъ, сказалъ Каштановъ.

— Не ошибетесь, отвѣтилъ Диковъ: — вы обо мнѣ, навѣрно, слышали; я объ васъ тоже слыхалъ: значитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, незнакомые знакомцы... О, родина святая!..

Диковъ сталъ наливать рюмку и чуть-чуть не уронилъ графина.

— Что̀ вамъ за охота напиваться? сказалъ Каштановъ.

Диковъ поставилъ рюмку, которую уже подносилъ ко рту, и взглянулъ на собесѣдника самымъ юмористическимъ взглядомъ.

— Вы пошутили этимъ вопросомъ? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, не шутилъ.

— Страанно!.. Значитъ, городили чушь про васъ, будто вы съ соображеніемъ человѣкъ... Ужь будто вы не знаете, что пьянство есть судьба, отъ которой не уйдешь... Умный человѣкъ волей-неволей долженъ быть или пьяницей, или подлецомъ.

— Неутѣшительная дилемма, если вамъ вѣрить, проговорилъ Каштановъ.

— Если вамъ вѣрить, передразнилъ Диковъ: — мнѣ-то, пожалуй, не вѣрьте, а жизни-то нельзя не вѣрить. Вы вотъ говорите дилемма...

Диковъ точно немного отрезвѣлъ отъ разговора.

— А ну-ка скажите, что̀ дѣлать умному человѣку, если у него, на пагубу ему, душа есть?

— Служить обществу... это—такое широкое, охватывающее дѣло, что пить не захочется.

Диковъ захохоталъ, какъ сумасшедшій, съ какимъ-то визгомъ; эхо передразнило его въ темной аллеѣ...

— Смѣюсь... крѣпко смѣюсь, заговорилъ онъ:—чувствую, что вы отъ души сказали, а все-таки, смѣюсь... отъ жалости надъ вами... и сами вы засмѣетесь надъ собой... погодите... Служить

обществу... ха, ха, ха! Смѣшной вы человѣкъ!.. Такой службы у насъ еще и не водится.

— Кто хочетъ, тотъ найдетъ ее.

— А его за это въ шею; не открывай, молъ, кладовъ, которымъ еще тысячу лѣтъ въ землѣ лежать надо. Да̀-съ... вы еще неопытны, какъ я вижу. Сказать вамъ, почему я пьяница? Потѣшная исторія... только вы велите еще водки подать...

— Да вы мнѣ не раскажете, если еще выпьете...

— Я-то не разскажу?.. Да теперь, чѣмъ больше я буду пить, тѣмъ больше трезвѣть буду, потому вы за живое меня задѣли, и хмѣль теперь ничего не подѣлаетъ... Всю ночь буду говорить.

Каштановъ велѣлъ подать водки и сталъ слушать.

— Можете себѣ представить, какая у меня судьба, началъ Диковъ басовыми хрипящими нотами: — сначала я былъ прокуроромъ, потомъ меня сдѣлали сумасшедшимъ; я пріѣхалъ въ здѣшній городъ—здѣсь въ уѣздѣ у меня имѣньишко было—и изъ сумасшедшаго вдругъ превратился сначала въ умнаго человѣка, а потомъ въ члены земской управы... потомъ опять попалъ въ сумасшедшіе и, наконецъ, честь имѣю рекомендоваться—пьяница.

— Интересно, ка̀къ вы обвиняли, будучи прокуроромъ...

— А что̀, вы думаете, говорить не умѣю?! Разъ судили такого же молодца, каковъ Кологривовъ, обворовалъ рабочихъ... Я такую рѣчь сказалъ, что обвинили... Хотя, впрочемъ, даромъ зарядъ пропалъ... Откопали какое-то нарушеніе, въ родѣ того, что свидѣтель во время присяги два раза руку опускалъ. . Кассировали—и въ новый составъ... Дали добраго прокурора и оправдали. На меня косились за эту рѣчь... Бездушникомъ называли: у Кологривова, молъ, жена, дѣти... Хороши гуси!..

Надъ деревьями сверкнула молнія, въ вершинахъ тополей начался тихій шепотъ.

— Ну-съ, а ка̀къ бы вы думали, за что̀ меня сумасшедшимъ сдѣлали? За то, что я, по совѣсти, долженъ былъ пользоваться 718 й ст. судебныхъ уставовъ... Разъ отказался отъ обвиненія—ничего, даже хорошая слава пошла и въ корреспонденціи про мою гуманность кто-то настрочилъ... Другой разъ отказался... третій... Судьи стали коситься. Пріѣхалъ прокуроръ судебной палаты ревизовать дѣла̀: «много, говоритъ, оправдательныхъ приговоровъ и отказовъ отъ обвиненія...» Говорю, что невиноватъ въ томъ, что судебное слѣдствіе такіе факты представляетъ, что я долженъ исполнять 718-ю статью уставовъ. Посмотрѣлъ, усмѣхнулся и ничего не сказалъ, только пожалъ плечами... Ну, я послѣ того еще полгода прокурорствовалъ; стали рѣже поручать обвиненіе; товарищи смотрѣли какъ-то странно и прозвали

меня прокуроро-защитникомъ, придавая этому прозвищу какое-то обидное значеніе. Потомъ-съ, представьте себѣ, какая штука вышла...

По саду пробѣжалъ вѣтеръ; темныя дорожки все чаще и чаще стали освѣщаться молніями.

Диковъ выпилъ рюмку и налилъ новую.

— Потомъ-съ... объявили, что я—сумасшедшій и что моя idée fixe—оправдывать во что̀ бы то ни стало... Уволили, конечно... сумасшедшихъ на службѣ не полагается. И, представьте себѣ, что добрые люди повѣрили моему сумасшествію и сожалѣли обо мнѣ... Разъ я прохожу по улицѣ, у окна сидѣла какая-то блондинка съ матерью-старухой... Только-что я прошелъ, слышу старуха говоритъ дочери: «Знаешь, кто это прошелъ? Диковъ—помѣшанный прокуроръ». Я остановился. «На чемъ же онъ помѣшался, мамаша?»—«На какой-то статьѣ изъ закона, зачитался этой статьи, какъ сынъ Ѳедора Ѳедоровича апокалипсиса зачитался».—«Ахъ, ка̀къ жаль! у него такое доброе лицо». Показать бы теперь этой блондинкѣ доброе лицо... Сказала бы, что разбойникъ.

Каштановъ взглянулъ на Дикова, блеснула молнія и освѣтила большую голову съ растрепанными черными волосами, небритое лицо и красные пьяные глаза, въ которыхъ, однако, вспыхивалъ огонекъ мысли.

Каштанову стало жаль Дикова; у него мелькнула мысль, что вѣдь и онъ самъ ничѣмъ не гарантированъ отъ того сумасшествія, которымъ одержимъ Диковъ.

— Пойдемте домой, доро̀гой доскажете, а то дождь обольетъ, сказалъ Каштановъ.

— Это—вздоръ, когда грозовымъ дождемъ хватитъ... а вотъ, какъ жизнь помоями обольетъ... это гадко!.. А коли хотите, пойдемте: мнѣ все равно, если вы только чувствуете да понимаете, что̀ я вамъ говорю.

— Понимаю, сказалъ Каштановъ и позвалъ лакея расплатиться за водку.

Они пошли къ выходу изъ сада, Диковъ покачивался; аллея была темная, надъ головами ихъ шумѣли деревья, скоро открылся видъ на часть города, забившуюся въ котловину; надъ ней подвигались тучи съ молніями.

Диковъ остановился.

— Смотрите, сказалъ онъ:—мы вышли, какъ Бертрамъ, на кладбище.

«Вотъ тѣ мѣста—на нихъ печать проклятья!..» запѣлъ онъ изъ Роберта, указывая на спящій Выселковъ.

Въ эту минуту весь городъ вспыхнулъ синеватымъ огнемъ, и тотчасъ же загудѣлъ громъ.

— Эффектная картина, чортъ возьми! сказалъ Диковъ.

— Да̀, хорошая! согласился Каштановъ.

Начали падать крупныя дождевыя капли.

— Ко мнѣ, произнесъ Диковъ:—пока дождь перейдетъ: вамъ, можетъ быть, далеко идти, а до моихъ аппартаментовъ десять шаговъ.

Диковъ остановился у калитки, среди длиннаго забора; она была заперта.

— Стучать не сто̀итъ, сказалъ онъ:—теперь никакой лѣшій не пойдетъ отпирать.

Съ этимъ словомъ онъ полѣзъ черезъ заборъ.

— Смотрите, упадете, говорилъ Каштановъ.

— Часто приходится практиковаться въ этой гимнастикѣ—наловчился, отвѣтилъ Диковъ уже со двора и, отодвинувъ деревянный засовъ, отворилъ калитку.

— Идите за мной, сказалъ онъ.

Они прошли по діагонали двора къ какому-то бревенчатому строенію. Диковъ отворилъ дверь, пришлось наклониться, чтобы войти въ нее. Сальный огарокъ, зажженный Диковымъ, освѣтилъ его аппартаменты, состоявшіе изъ двухъ комнатъ: предбанника и бани.

— Вы въ банѣ живете? спросилъ съ удивленіемъ Каштановъ.

— Лѣтомъ въ банѣ: дешевле берутъ; это, вотъ—моя кровать, указалъ онъ на поло̀къ:—а вы, если хотите прилечь, на скамейку ложитесь...

— Нѣтъ, я посижу, пока гроза пройдетъ, а вы мнѣ доскажите вашу исторію.

— Исторія веселая, надо досказать, говорилъ Диковъ раздѣваясь.

Онъ улегся на поло̀къ и сталъ разсказывать.

— Послѣ того, какъ меня сдѣлали сумасшедшимъ и всѣ въ городѣ стали жалѣть, я изъ такого добраго города уѣхалъ сюда... тутъ у меня имѣньице было въ уѣздѣ. Познакомился, всѣ приняли, какъ умнаго человѣка, и выбрали въ управу. Тутъ я опять началъ чудить, про̀слылъ спорщикомъ, а чудачества мои были такого сорта: говорятъ, напримѣръ, надо ассигновать земскихъ денегъ на постройку шоссе къ дачѣ предсѣдателя; я замѣчаю, что на это не идетъ тратить земскія деньги; разѣваютъ глаза отъ удивленія.—Учредимъ, говорятъ, классическую гимназію на земскія деньги; опять, говорю, и этого не слѣдуетъ дѣ-

лать... И что̀ ни засѣданіе, то я долженъ былъ возражать. «Что̀ вамъ за охота? говорятъ мнѣ другіе члены:—вѣдь деньги не ваши! зачѣмъ вооружать всѣхъ противъ себя?» Смѣшные люди! Видятъ, что на ихъ сторону не перехожу—стали сердито глядѣть. А тутъ вдругъ кто-то изъ добрыхъ людей пріѣхалъ сюда изъ Трущобска, гдѣ я прокуроромъ былъ; къ слову, разсказали ему обо мнѣ, фамилію назвали. «Да вѣдь это, говоритъ—сумасшедшій». Обрадовались здѣшніе-то: «Ка̀къ, сумасшедшій?» — «А такъ, молъ, и такъ». И понесъ добрый человѣкъ ахинею. Меня и выпихнули, деликатнымъ, конечно, манеромъ, изъ управы. И тогда я шлепнулъ себя по лбу и воскликнулъ: «Эврика! ты долженъ быть пьяницей!» И согласитесь сами, коли въ сумасшедшіе производятъ за такіе поступки, какъ мои, то что̀ остается дѣлать? Пулю въ лобъ—не хочу, люблю жизнь, когда смотришь на нее послѣ десятой рюмки. И вотъ, лежу я здѣсь, на полкѣ, и не чувствую, что здѣсь очень жестко. Пою изъ разныхъ оперъ и таракановъ пугаю. А вотъ завтра баню будутъ топить, буду спать въ саду, въ малинникѣ. Такъ вотъ-съ! вы, въ нѣкоторомъ родѣ, попали въ гости въ сумасшедшій домъ. Не думали, не гадали?.. И я не думалъ, не гадалъ, что попаду въ сумасшедшіе... А знаете, ка̀къ хорошо... послѣ десятой рюмки!..

Диковъ вдругъ замолчалъ и началъ храпѣть

Каштанову стало страшно въ этой мрачной банѣ; онъ какъ бы чувствовалъ въ ней присутствіе какого-то противнаго чудовища, которое, какъ осьминогъ, охватываетъ человѣка и дѣлаетъ его сумасшедшимъ или пьяницей.

Онъ погасилъ свѣчу и вышелъ изъ бани. Дождь пересталъ; туча была уже за городомъ, ее догоняли обрывки черныхъ облаковъ; между ними выглядывали уже звѣзды. Возлѣ тротуаровъ бѣжали потоки воды. Въ воздухѣ была отрадная свѣжесть, которую производитъ гроза; пахло цвѣтущей липой.

Каштановъ жадно вдыхалъ этотъ воздухъ; онъ былъ особенно пріятенъ послѣ тѣхъ ощущеній, которыя Каштановъ испыталъ, слушая исторію Дикова.

XII.

Отказавъ Кологривову въ защитѣ его дѣла въ судѣ, Каштановъ наживалъ себѣ врага. Кологривовъ ушелъ отъ него взбѣшенный своей неудачей и далъ себѣ слово «проучить мальчишку», какъ только самъ выкрутится изъ бѣды.

Онъ долженъ былъ отправиться къ Попрыгунчикову. Высоковскій Жюль-Фавръ встрѣтилъ его съ необыкновенной любез-

ностью, въ которой, однако, проглядывала нѣкоторая насмѣшливость. Попрыгунчиковъ зналъ, что Кологривовъ обращался къ Каштанову и что тотъ отказалъ ему.

— Съумѣете ли вы оправдать меня? спросилъ Кологривовъ.

— Съумѣете ли вы оцѣнить оправданіе? переспросилъ, вмѣсто отвѣта, Попрыгунчиковъ, усмѣхаясь и предлагая гостю папиросу.

— 5,000 за невиновенъ. Полагаю, что гонораріи хорошій.

— Бываютъ гораздо лучше, почтеннѣйшій Алексѣй Семеновичъ; но, по знакомству съ вами, я этимъ удовольствуюсь, а насчетъ способности моей оправдать васъ я вамъ вотъ что̀ скажу: ваше дѣло такого рода, что, еслибы за него взялся Каштановъ, то, ка̀къ бы онъ краснорѣчиво ни говорилъ, васъ бы обвинили.

— Это почему вы такъ думаете?

— Въ вашемъ дѣлѣ нужно не краснорѣчіе, а своего рода военныя хитрости, до которыхъ вашъ хваленый Каштановъ еще не додумался.

— Не понимаю... поясните, сказалъ Кологривовъ.

— Глупъ тотъ адвокатъ, который надѣется на одно свое краснорѣчіе. Адвокатура требуетъ умѣнья подтасовывать обстановку процесса, произнесъ Попрыгунчиковъ съ увлеченіемъ:— въ вашемъ дѣлѣ, напримѣръ, нужна подтасовка присяжныхъ засѣдателей... Понимаете?

— Несовсѣмъ.

— Ну, вы вообразите, что составъ присяжныхъ образовался изъ мужиковъ, какого-нибудь учителя съ старшиною, въ родѣ хоть Каштанова. Самъ богъ краснорѣчія не съумѣлъ бы васъ оправдать передъ такими присяжными. Теперь вообразите другой случай, что стараніями вашего покорнѣйшаго слуги (Попрыгунчиковъ поклонился при этомъ):—въ числѣ присяжных преобладаютъ чиновники, а старшину ихъ изображаетъ кто-нибудь изъ вашихъ благопріятелей... Каждый изъ нихъ—человѣкъ, понимающій суть дѣла; знающій, что украсть у частнаго человѣка подло, а взять на сохраненіе казенныя деньги или земскія (это для нихъ все равно) есть поступокъ неизбѣжный, требуемый незначительностью вашего содержанія, невозможнос ью придать вамъ ту представительность, которой требуетъ ваше положеніе и проч., и проч. Тутъ самый косноязычный адвокатъ выиграетъ дѣло. Такъ, вѣдь?

— Такъ-то, такъ, но какимъ образомъ вы подберете такихъ присяжныхъ? спросилъ Кологривовъ заискивающимъ тономъ.

Ему ясно представилась зала окружнаго суда въ моментъ

произнесенія предсѣдателемъ словъ: «объявляю васъ по суду оправданнымъ», шумныя поздравленія знакомыхъ; онъ предвкушалъ ощущенія торжества надъ безсиліемъ членовъ земской управы, открывшихъ его преступленіе.

Попрыгунчиковъ тоже торжествовалъ, услышавъ заискивающій тонъ фразы.

— На то я—защитникъ, Алексѣй Семеновичъ, сказаль онъ самодовольно:—а не какой-нибудь фантазёръ, въ родѣ Каштанова. Будьте покойны.

— И такъ, по рукамъ; съ этой минуты я—вашъ кліентъ.

— Очень радъ; но, извините, я, какъ юристъ, долженъ попросить васъ заключить письменное условіе и получить пятую часть вознагражденія на расходы и за труды по изученію дѣла.

Кологривовъ немного подумалъ.

— Извольте, я согласенъ.

Кологривовъ вышелъ отъ Попрыгунчикова въ очень хорошемъ настроеніи духа.

Въ городѣ уже наступали сумерки, солнце было подъ горизонтомъ, темно-багровая лента окаймляла, точно бордюромъ, стоявшую на западѣ тучу.

Воображеніе рисовало Кологривову различныя сцены въ день его суда; ему казалось, что судъ непремѣнно оправдаетъ его; вдругъ онъ вспомнилъ о своемъ неудачномъ визитѣ къ Каштанову, желчь поднялась отъ этого воспоминанія и испортила благодушное настроеніе.

— Я не спущу этому молокососу. Дайте только мнѣ оправдаться—запоетъ онъ у меня другую пѣсню.

И Кологривовъ сталъ обдумывать планъ, какъ бы отплатить Каштанову, но, прежде чѣмъ онъ сформировался, очутился у воротъ собственнаго дома, давно переведеннаго на имя жены.

XIII.

Попрыгунчиковъ сдержалъ свое обѣщаніе о подтасовкѣ присяжныхъ для кологривовскаго дѣла. Онъ такъ усердно вычеркивалъ неподходящихъ присяжныхъ изъ списка, что засѣданіе суда по дѣлу Кологривова откладывалось два раза до слѣдующей сессіи.

Наконецъ, Попрыгунчиковъ добился вожделѣннаго состава присяжныхъ; въ числѣ судей Кологривова оказались: нѣсколько чиновниковъ, въ томъ числѣ бывшій секретарь прежняго гражданскаго суда, котораго хотя и принимали всюду очень ра-

душно, но заочно говорили, что онъ разжился взятками; два купца и нѣсколько отставныхъ военныхъ; старшиною выбрали нѣкоего Гладкова, мѣстнаго туза, пользовавшагося большимъ почетомъ въ высоковскомъ обществѣ, хотя всѣ говорили про него, будто онъ разбогатѣлъ въ крымскую кампанію на счетъ солдатскаго пайка.

Кологривовъ гордо сидѣлъ на скамьѣ подсудимыхъ, съ видомъ оскорбленной невинности.

Краеугольный Камень, должно быть, былъ, что̀ называется, не въ ударѣ и сказалъ весьма вялую рѣчь; противъ обыкновенія, онъ даже не пугнулъ присяжныхъ внушеніемъ, что оправдательный приговоръ можетъ пошатнуть основы государства.

Попрыгунчиковъ построилъ свою рѣчь на извѣстной теоріи, изобрѣтенной княземъ Урусовымъ и гласящей, что кража общественныхъ денегъ не есть кража, а оказаніе пособія самому себѣ; нѣкоторые изъ присяжныхъ осклаблялись отъ удовольствія, слушая, ка̀къ Попрыгунчиковъ развивалъ эту теорію.

Когда предсѣдатель прочелъ «невиновенъ», Кологривовъ перекрестился, а въ публикѣ (это была избранная публика, впущенная по билетамъ) раздались аплодисменты. Кологривова окружила толпа знакомыхъ съ поздравленіями. Онъ вышелъ изъ суда среди овацій, гордо, величественно.

Черезъ нѣсколько дней, у Кологривова былъ обѣдъ по случаю оправдательнаго приговора.

— Ловкая каналья—этотъ Кологривовъ, сухъ вышелъ изъ воды, говорилъ Краеугольный Камень предсѣдателю суда, идя съ нимъ вмѣстѣ на обѣдъ.

— Благопріятный составъ присяжныхъ, произнесъ предсѣдатель.

— Я, впрочемъ, очень радъ, что его оправдали: славный малый; жаль было-бы, если-бы его упрятали въ «мѣста отдаленныя»...

— Конечно, проговорилъ предсѣдатель.

Недалеко отъ дома Кологривова собесѣдниковъ обогнали дрожки съ правителемъ губерна̀торской канцеляріи и секретаремъ земской управы.

— Туда?.. крикнули съ дрожекъ два голоса.

— Туда! отвѣтилъ Краеугольный Камень.

Въ гостиной Кологривова было уже много гостей; самъ хозяинъ, въ бѣломъ галстухѣ, который, можетъ быть, изображалъ эмблему его невинности, любезничалъ съ дамами.

Попрыгунчиковъ сіялъ самодовольствомъ и выслушивалъ ком-

плименты отъ краснощекой блондинки—жены Кологривова. Въ залѣ суетилась прислуга вокругъ обѣденнаго стола.

Ждали вице-губернатора.

— Замѣшкался на прогулкѣ, сказалъ Кологривовъ предсѣдателю суда.

— Да̀, ужь Ѳеофилактъ Онисимовичъ—педантъ; какъ сказалъ ему докторъ, ходить часа два передъ обѣдомъ, такъ ужь онъ одной минуты не прома̀нкируетъ.

— Ѳеофилактъ Онисимовичъ!.. съ почтительнымъ шепотомъ проговорилъ Аяксъ-младшій.

Въ комнату медленно вкатился шарообразный человѣкъ съ краснымъ лицомъ и съ орденской ленточкой въ петличкѣ сюртука; улыбка обливала все его лицо.

— Здравствуйте, невиновный и по суду оправданный, произнесъ онъ добродушнѣйшимъ тономъ...

— Лестно слышать отъ васъ, многоуважаемый Ѳеофилактъ Онисимовичъ, такое поздравленіе.

— А все—судъ правый и милостивый... не правда ли, Николай Григорьевичъ? обратился вице-губернаторъ къ предсѣдателю суда.

— Да̀-съ... проговорилъ тотъ съ едва замѣтной усмѣшечкой...

— А его-то вы зачѣмъ пригласили? вѣдь онъ обвинялъ васъ... шутилъ вице-губернаторъ, указывая на Краеугольный Камень.

— Ліодора Николаевича я глубоко уважаю, сказалъ Кологривовъ:—онъ долженъ былъ исполнить свой долгъ и исполнилъ его вполнѣ гуманно.

— Дружба—дружбой, а служба—службой? Такъ, что̀-ли, Ліодоръ Николаевичъ?..

— Совершенно справедливо изволили замѣтить, сказалъ Краеугольный Камень.

Вице-губернаторъ пошелъ къ дамамъ и началъ имъ разсказывать про свою прогулку.

— Маша, проси дамъ въ залу, шепнулъ Кологривовъ женѣ.

— Господа, обратился онъ къ мужчинамъ:—прошу васъ въ залу... ваше превосходительство, пожалуйте.

Вице-губернаторъ подалъ руку женѣ одного изъ членовъ суда и повелъ ее въ залу.

— Эмблема дружныхъ отношеній администраціи и суда, говорилъ онъ, смѣясь, и отъ смѣха смѣшно тряслись его красныя щеки.

— Не совсѣмъ вѣрная, кокетничала судейская дама:—потому что между мною и вами бываютъ и пререканія...

— Хи... хи... хи... но я ихъ всегда разрѣшаю въ вашу пользу, отвѣтилъ старикъ, трясясь отъ смѣха.

Обѣдъ представлялъ картину, достойную современнаго художника... Центръ картины занималъ самъ хозяинъ; на лицѣ его выражалось величіе и гордость; и дѣйствительно, онъ имѣлъ полное право наслаждаться и гордиться своею силой. Рядомъ съ нимъ сидѣли: администрація, въ лицѣ толстяка вице-губернатора, и говорила ему, что общество надѣется, что онъ, не оставитъ общественной дѣятельности; слѣва Краеугольный Камень въ шутливой формѣ какъ бы извинялся въ томъ, что онъ, по обязанности службы, долженъ былъ обвинять его; дамы щебетали поздравленія и жали ему руки... мужчины кричали ура.

Къ концу обѣда, изліянія чувствъ дѣлались все болѣе и болѣе трогательными; Попрыгунчиковъ поцѣловалъ его... Краеугольный Камень, сильно повеселѣвшій и обладавшій очень мягкимъ сердцемъ, тоже облобызалъ хозяина.

— Не яко Іуда, но яко благопріятель... съострилъ вице-губернаторъ.

— Господа, пульку кому угодно... А кому нравится понтернуть или въ палки, пожалуйте въ кабинетъ.

— Можно!.. Отличное дѣло!.. сказали гости, а нѣкоторые только крякнули отъ удовольствія.

Началась игра; дамы въ гостиной тоже затѣяли рамсъ. Не играли только хозяинъ да правитель губернаторской канцеляріи.

Это былъ довольно странный человѣкъ... Про него разсказывали, будто-бы онъ вовсе не переживалъ юности, а прямо изъ мальчика превратился въ солиднаго молодаго человѣка.

— Скажите, отчего вы не пригласили Каштанова защищать себя? спросилъ Пряжкинъ.

— Мнѣ онъ не нравится!.. Ка̀къ хотите, а въ немъ есть что̀-то отталкивающее.

— Много думаетъ объ себѣ, но вѣдь спѣсь-то и сшибить можно.

— А вамъ онъ тоже не нравится? обрадовался Кологривовъ.

— Мнѣ-то все равно; мнѣ съ нимъ вѣдь не дѣтей крестить; а насчетъ спѣси я сказалъ потому, что разъ на бульварѣ онъ встрѣтился съ его превосходительствомъ и прошелъ мимо, какъ ни въ чемъ не бывало, даже прямо въ лицо взглянулъ.

— Да̀, онъ—дерзкій и невѣжа.

— Его превосходительство обратилъ на это вниманіе и спрашивалъ меня: кто это такой.

— Такъ его превосходительству это непонравилось? съ живостью спросилъ Кологривовъ.

У него мелькнула мысль о планѣ отплатить Каштанову за отказъ отъ защиты.

— Его превосходительство имѣютъ, какъ всѣмъ извѣстно, необычайно добрую душу, а потому извинили его дерзость.

— Хоть-бы его къ чорту изъ нашего города удалить... произнесъ Кологривовъ полу-вопросительно.

— Худую траву изъ поля вонъ, сказалъ Пряжкинъ.

— Что̀ онъ человѣкъ вредный—въ этомъ я могу поручиться... Я даже знаю кое-какія дѣлишки, за которыя его не похвалятъ... Такъ вы, милѣйшій Андрей Потаповичъ, готовы способствовать къ искорененію худой травы?

Пряжкинъ поднялъ глаза на Кологривова и, казалось, понялъ его мысль.

— Это—моя обязанность, сказалъ онъ равнодушнымъ тономъ и взглянулъ на часы.

— Пора къ его превосходительству на службу на зеленомъ полѣ.

— Не смѣю удерживать въ виду этой причины.

Кологривовъ проводилъ Пряжкина до передней и вернулся къ гостямъ въ очень хорошемъ расположеніи духа.

XIV.

Высоковскій помпадуръ Трегуловъ былъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ помпадуровъ: онъ былъ добродушенъ и любилъ миръ и тишину. Крутыя мѣры казались ему невыносимыми; когда онѣ были неизбѣжны, онъ сваливалъ ихъ на вице-губернатора; всякія столкновенія онъ старался примирять и даже крутыя мѣры рекомендовалъ приводить въ исполненіе мягкимъ манеромъ; онъ желалъ только одного, чтобы ему не мѣшали покойно играть въ ералашъ и читать газеты.

Когда ему докладывали, что Каштановъ пишетъ въ газеты и осуждаетъ дѣйствія высоковской администраціи, онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Ахъ, господа, что̀ вамъ за охота обращать на это вниманіе?.. я читалъ эти статьи... правду пишетъ, и пускай его—фамилій вѣдь не называетъ...

— Но, ваше превосходительство, все-таки многимъ обидно... Фамиліи нѣтъ, но въ городѣ всѣ поймутъ про кого говориться...

— Ну и пускай понимаютъ... Я вижу, господа, что вы жить не умѣете, покоя не любите... Ужь кажется, я больше всѣхъ васъ могъ-бы обижаться тѣмъ, что̀ онъ пишетъ, а я не обижаюсь... «да ну ихъ, говорю». Право, такъ-то лучше... На вся-

кое чиханье не наздравствуешься... Пойдемте-ка лучше въ ералашикъ съиграемъ.

Но Кологривовъ смотрѣлъ на дѣло иначе; къ его мнѣнію присоединился и предсѣдатель окружнаго суда и Краеугольный Камень, послѣ того какъ прочли нѣсколько газетныхъ статей объ окружномъ судѣ, не похожихъ на тѣ панегирики, которые печаталъ въ мѣстной газетѣ редакторъ неоффиціальнаго отдѣла.

— Экая баба у насъ губернаторъ, говорили они въ своемъ кружкѣ:—его ругаютъ, а онъ молчитъ... Другой бы давно—фить, и духа-бы не осталось въ городѣ отъ этаго пасквилянта.

— Надо, господа, дѣйствовать рѣшительнѣе, сказалъ Кологривовъ:—а то мы сами тоже, какъ бабы, только жалуемся.

— Но что̀ же дѣлать?

— Выпороть на всѣ четыре корки... предложилъ полицеймейстеръ...

Всѣ засмѣялись.

— Какая же изъ этого польза? Вы его выпорете; а онъ, все-таки, писать будетъ; да еще скандалъ выйдетъ! Пожалуй, такой процессъ, что на весь міръ славу пріобрѣтемъ, возразилъ предсѣдатель суда.

— Н-ну, не говорите такъ, заступался за свой проектъ полицеймейстеръ:—процесса тутъ не можетъ быть, потому свидѣтелей не будетъ... да и кто самъ скажетъ, что его высѣкли?

— Нѣтъ, гораздо лучше его совсѣмъ изъ города спровадить, сказалъ Кологривовъ:—и я берусь уладить это, если вы будете помогать мнѣ... Надо только на нашу бабу хорошенько повести аттаку, она и уступитъ.

Въ слѣдующій четвергъ (по четвергамъ у губернатора была пулька), недовольные повели на Трегулова дружную аттаку.

— Ваше превосходительство, сказалъ Кологривовъ:—читали послѣднюю статью нашего адвоката?

— Опять объ немъ? Неужели нѣтъ ничего лучшаго для разговора.

— Извините, ваше превосходительство, но я позволилъ себѣ сказать объ этомъ въ виду тѣхъ послѣдствій, какія могутъ быть отъ этихъ статей.

— Послѣдствій? Какихъ это?..

— Могутъ быть запросы... ревизіонная коммисія.

Трегуловъ поднялъ на Кологривова испуганные глаза: ему живо представилось, ка̀къ эти запросы и коммисіи могутъ нарушить миръ его жизни.

— Ужь и коммисія?.. проговорилъ онъ—охота вамъ выдумывать эти непріятности!

— Предположеніе не лишено основательности, замѣтилъ предсѣдатель суда.

— Васъ могутъ упрекнуть, ваше превосходительство, въ бездѣйствіи власти, прибавилъ Краеугольный Камень.

— Часъ отъ часу не легче!.. Но, что̀-же мнѣ дѣлать, господа?.. Кончимте скорѣе этотъ непріятный разговоръ и пойдемте въ гостиную.

— Худую траву изъ поля вонъ, ваше превосходительство... сказалъ Кологривовъ.

— То есть, это ка̀къ-же вонъ? вывезти съ жандармомъ, что̀-ли? Это не въ моемъ вкусѣ, вы хорошо знаете...

— Можно и безъ крутыхъ мѣръ обойтись, ваше превосходительство... если бы вы ему сказали, онъ и самъ бы уѣхалъ... понялъ бы; человѣкъ—не дуракъ, произнесъ предсѣдатель суда, тоже не желавшій крутыхъ мѣръ.

— Вотъ это—мысль!.. радостно воскликнулъ Трегуловъ, и въ головѣ его создался планъ миролюбиваго исхода.

— Пригласите его въ понедѣльникъ ко мнѣ, обратился онъ къ правителю канцеляріи:—только, знаете, въ мягкой, вѣжливой формѣ... Даю вамъ слово, господа, что я улажу дѣло миролюбиво... Пойдемте къ дамамъ.

Вслѣдствіе этого разговора, Каштановъ получилъ черезъ разсыльнаго губернаторской канцеляріи слѣдующую записку.

«Его превосходительство проситъ васъ пожаловать къ нему въ понедѣльникъ въ 11 часовъ утра по дѣлу, васъ касающемуся».

— Это еще что̀ такое?.. подумалъ Каштановъ.

Трегуловъ принялъ его очень любезно.

— Присядьте, молодой человѣкъ, сказалъ онъ какимъ-то печально-вѣжливымъ тономъ.

Каштановъ сѣлъ и сталъ ожидать.

— Видите-ли, молодой человѣкъ, всѣ здѣсь противъ васъ вооружены за ваши статьи; мнѣ просто покою нѣтъ отъ недовольныхъ... Упрекаютъ меня, что я васъ не удаляю изъ города... А я этого не могу сдѣлать... во-первыхъ, потому, что̀ я не нахожу, чтобы вы дѣлали что нибудь дурное; а во-вторыхъ, я люблю миръ, тишину...

Трегуловъ замолчалъ и закурилъ папиросу.

— Курите? предложилъ онъ Каштанову.

Каштановъ тоже закурилъ папиросу и съ любопытствомъ ожидалъ узнать, чего хочетъ отъ него губернаторъ.

— Я лично противъ васъ ничего не имѣю, продолжалъ Трегуловъ:—читалъ ваши статьи и вижу, что онѣ отъ души напи-

саны, не то, что изъ злобы на кого нибудь... Вотъ, вы и меня задѣвали въ нихъ, хотя и косвенно конечно... но я не сержусь; хотя винить меня и нельзя, по правдѣ сказать: я уже не молодъ, мнѣ покой нуженъ... гдѣ мнѣ за всѣмъ услѣдить!.. Согласитесь сами, что нуженъ хорошій подборъ помощниковъ, чтобы все шло какъ слѣдуетъ... одинъ ничего не сдѣлаешь, будь хоть самъ генералъ-губернаторъ...

Трегуловъ замолчалъ.

— Чего же вы хотите отъ меня? спросилъ Каштановъ.

— Хочу миролюбиваго соглашенія съ вами... хочу просить васъ оставить нашъ городъ.

— Я не имѣю этого желанія, сказалъ Каштановъ.

Слова̀ губернатора показались ему крайне обидными: выпроваживаютъ точно прокаженнаго, мелькнуло въ его головѣ.

Трегуловъ вздохнулъ и покачалъ головой.

— Послушайте, молодой человѣкъ; позвольте мнѣ дать вамъ совѣтъ, какъ старику: вы говорите, что не имѣете желанія уѣхать отсюда; а посмотрите хорошенько на свое положеніе, и вы не захотите лишняго дня пробыть здѣсь... Вѣдь, вы въ нашемъ городѣ—всѣмъ чужой, на васъ косятся; намъ вы портите жизнь, а вамъ отъ этого тоже невесело; наша жизнь вамъ не нравится, а компаніи себѣ вы не подберете... всегда одинъ, какъ перстъ, будете... Съ волками жить—по волчьи выть, а вы не хотите этого—ну, и что̀ же остается вамъ, какъ не бѣжать отъ волковъ, а то они васъ съѣдятъ?

— Это еще вопросъ... могутъ они и не одолѣть въ борьбѣ.

— Еслибы была борьба, молодой человѣкъ?.. Но никакой борьбы не будетъ... въ томъ-то и дѣло... Ну, вы вообразите, что васъ взяли и перевели въ другой городъ... тутъ и борьбы никакой не можетъ быть... судитесь потомъ, если есть охота... Теперь вообразите, что вы здѣсь остались и что я не захочу злоупотреблять своей властью... Вы только здоровье можете потерять... Идете вы ночью домой, васъ окружаютъ маски и избиваютъ до полусмерти... и что̀ вы сдѣлаете? Жаловаться прокурору... На кого? Да и не захотите скандала... А пожалуетесь, такъ въ слѣдующую ночь васъ опять изобьютъ. Вотъ я въ газетахъ недавно читалъ, ка̀къ въ какомъ-то городѣ избили корреспондента до полусмерти... Развѣ это пріятно... и развѣ не лучше самому предупредить эти непріятности... Развѣ это неправда?

Каштановъ не могъ не согласиться.

— Теперь возьмите, продолжалъ губернаторъ, увлекаясь:—что̀ вы выиграете, если останетесь и перенесете всѣ непріятности:

вы, все-таки, будете всѣмъ чужой... Карьеры вы здѣсь не составите... замужъ за васъ здѣшнія барышни не пойдутъ, потому что вы положенія въ свѣтѣ не имѣете; чего же вамъ ждать здѣсь? Уѣзжайте въ Петербургъ: тамъ, если писать будете, все-таки, безопаснѣе; личность ваша хоть сколько-нибудь ограждена, а здѣсь плохо вамъ будетъ... повѣрьте мнѣ...

Словà губернатора привели Каштанова въ самое скверное настроеніе духа.

— Если вы не имѣете средствъ уѣхать, я помогу вамъ... говорю это отъ души и надѣюсь, что вы поймете меня, сказалъ Трегуловъ.

— Денегъ мнѣ не надо, отвѣтилъ Каштановъ: — а о вашихъ словахъ я подумаю... Конечно, надо позаботиться о своей безопасности.

— И такъ, желаю вамъ успѣха, молодой человѣкъ... не поминайте меня лихомъ; вòйдите въ мое положеніе, я всегда заступался за васъ, но что̀ же дѣлать? всѣ противъ васъ... одинъ въ полѣ—не воинъ.

Въ передней Каштановъ встрѣтился съ Кологривовымъ; онъ взглянулъ на него торжествующимъ взглядомъ...

— Вотъ-съ, вы говорите крутыя мѣры... крутыя мѣры... встрѣтилъ Кологривова губернаторъ: — никакихъ крутыхъ мѣръ не надо... все можно миролюбиво уладить... Самъ уѣдетъ...

— И слава Богу!.. намъ остается только благодарить васъ...

— Дà-съ, Алексѣй Семеновичъ... мягкостью надо дѣйствовать... мягкостью... разговоромъ по душѣ... а не крутыми мѣрами... повторялъ губернаторъ, наслаждаясь своимъ успѣхомъ.

XV.

Каштановъ сошелъ съ губернаторскаго крыльца, какъ человѣкъ, котораго нетолько больно обидѣли, но и отняли возможность отвѣтить на обиду... «Вы, вѣдь—всѣмъ чужой», повторялось въ его воображеніи, и горькое чувство одиночества точно сдавливало горло... Онъ пошелъ не домой, а къ набережной: онъ чувствовалъ потребность свѣжаго воздуха. Улица, по которой онъ шелъ, была пустынна; изъ оконъ одного деревяннаго дома раздавалось часто прерываемое духовное пѣніе—варварскіе пѣвчіе разучивали концертъ къ храмовому празднику; во многихъ домахъ апатично бренчали на фортепіано, какъ бы отбывая службу починовнически... Изъ воротъ голубаго дома вышла на улицу толпа куръ; къ ихъ компаніи пристала утка, но

куриное общество отнеслось къ ней недружелюбно; то та, то другая курица выказывала покушеніе клюнуть ее, а пѣтухъ, замѣтивъ это и желая угодить своимъ женамъ, налетѣлъ съ гоготаньемъ на утку и клюнулъ ее... утка должна была оставить компанію и поплелась искать свою братію.

«Чужая имъ такъ же, какъ и я въ здѣшнемъ городѣ — насильно милъ не будешь», подумалъ Каштановъ.

Мысль эта развивалась въ его головѣ; варьяціи принимали самые мрачные тоны и сливались въ безотрадную тэму.

Каштановъ вышелъ на набережную: разомъ открылась передъ нимъ чудная панорама...

За голубою рѣкою было раздолье... Луга, сверкая мѣстами озерами, разстилались безконечнымъ зеленымъ ковромъ; вправо блестѣли желтые, песчаные холмы... влѣво на горизонтѣ синѣлъ лѣсъ... съ рѣки вѣялъ прохладный вѣтерокъ, которымъ отъ глубины души вздохнулъ Каштановъ, и, казалось, съ этимъ вздохомъ улетѣла часть давившихъ его непріятныхъ ощущеній...

Широкій пейзажъ, освѣщенный солнцемъ, произвелъ пріятное впечатлѣніе...

«Конечно, надо уѣхать отсюда, свѣтъ не клиномъ сошелся», подумалъ Каштановъ.

Онъ сѣлъ на скамейку подъ кустами запыленной жимолости; высоко надъ рѣкою пронеслась къ югу стая дикихъ утокъ...

«Въ лучшія мѣста летятъ, гдѣ теплѣе, подумалъ Каштановъ, слѣдя за ихъ полетомъ: — и мнѣ надо послѣдовать ихъ примѣру».

Онъ рѣшилъ непремѣнно уѣхать изъ Высокова, и какъ только возможно скорѣе.

Найдя исходъ, ощутивъ въ себѣ надежду отыскивать лучшія мѣста, онъ сталъ относиться къ своему положенію болѣе объективно...

«Въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся... съ волками жить—по волчью выть... неотразимыя истины... И почему я самъ не пришелъ къ тому выходу, на который указалъ губернаторъ... Думалъ жить по своему, бороться съ безобразіями... Но, вѣдь, никакая борьба немыслима... вотъ что̀ ужасно!.. и, притомъ, самая жизнь по своему уже возмущаетъ обывателей... они не могутъ помириться съ тѣмъ, кто не находитъ для себя удобной ихъ тѣсную рамку жизни».

Каштановъ сталъ обдумывать подробности своего отъѣзда. Прежде всего, надо было рѣшить вопросъ, куда ѣхать.

Петербургъ часто манилъ его къ себѣ и въ данномъ случаѣ явился исходнымъ пунктомъ.

«Тамъ есть кое-кто изъ моихъ товарищей, думалъ Каштановъ:—надо написать Косареву и Енотину... На дорогу денегъ хватитъ, а тамъ что̀ будетъ—неизвѣстно... знаю только, что будетъ лучше, чѣмъ здѣсь... Да и, притомъ, если гонятъ, артачиться нѐчего... это—не трусость, не нежеланіе борьбы, а просто удаленіе отъ стада цивилизованныхъ дикарей...

Каштановъ вернулся домой съ облегченнымъ сердцемъ.

«Буду тамъ работать въ какой-нибудь честной газетѣ, встрѣчу порядочныхъ, развитыхъ людей, мечталъ Каштановъ. — Можетъ быть, и Лидію Васильевну встрѣчу», мелькнула вдругъ новая мысль—и лазурь неба, и зелень луговъ, и извивы голубой рѣки точно вдругъ освѣтились отъ этой мысли; а вверху опять явилась новая стая дикихъ утокъ, смѣло эмигрировавшихъ въ края, гдѣ теплѣе живется.

Каштановъ вернулся домой съ облегченнымъ сердцемъ.

— Уѣду отъ васъ, Марья Семеновна, объявилъ онъ квартирной хозяйкѣ, сидѣвшей на крыльцѣ съ чулкомъ въ рукахъ.

— Не угодила чѣмъ-нибудь? спросила она, испугавшись, и спустила петлю.

— Нѣтъ, Марья Семеновна, я вашей квартирой и столомъ доволенъ; я совсѣмъ уѣзжаю изъ города въ Петербургъ.

— Жаль!.. такого покойнаго, хорошаго жильца нескоро найдешь... вотъ жилъ передъ вами офицеръ... такъ все время меня въ страхѣ держалъ—только и думаешь, ка̀къ бы онъ чего не изломалъ, да ка̀къ бы куръ не затравилъ собакой.

Каштановъ прошелъ въ свою комнату, а хозяйка задумалась, скоро ли наймутъ квартиру, да какой жилецъ попадется.

— Надо билетъ къ воротамъ прибить, рѣшила она и опять принялась за вязанье чулка.

Каштановъ не сталъ откладывать поѣздки въ долгій ящикъ... Черезъ недѣлю послѣ разговора съ губернаторомъ, онъ былъ уже готовъ къ отъѣзду.

Онъ сходилъ проститься только съ раздольными волжскими картинами, которыя доставляли ему нѣкоторое облегченіе отъ тяжести одиночества, да въ высоковскій лѣсъ, въ тѣни котораго такъ отрадно дышалось послѣ атмосферы клубной залы или либеральной гостиной.

До желѣзной дороги надо было проѣхать 15 верстъ.

И вотъ уже насталъ моментъ отъѣзда; перекладная въѣхала во дворъ Курицыной; ямщикъ положилъ въ телегу чемоданъ, прикрылъ рогожкой кучу сѣна для сидѣнья, положилъ сверху

подушку Каштанова, прихлопнулъ ее и сказалъ, что будетъ ладно.

Каштановъ простился съ хозяйкой и пожелалъ ей хорошаго жильца.

— Дай Богъ!.. трудно хорошаго жильца найти... не поминайте лихомъ... говорила Курицына.

Ямщикъ хлестнулъ пѣгую пару, собака Дружокъ бросилась съ визгливымъ лаемъ за телегой, къ ней присоединился желтый Волчокъ и Чернавка. Они провожали телегу съ отчаяннымъ лаемъ до слѣдующей улицы и затѣмъ вернулись на свой дворъ, а телега поѣхала по главной улицѣ къ заставѣ...

Вотъ домъ Кологривова; въ окнѣ мелькнуло чье-то лицо.

«Обрадуется, когда узнаетъ, что меня благороднымъ манеромъ выгнали изъ города», подумалъ Каштановъ.

Вотъ и окружной судъ; съ крыльца его сходилъ Краеугольный Камень съ какимъ-то другимъ чиновникомъ; онъ взглянулъ сквозь пенсне на Каштанова и что-то сказалъ, должно быть, смѣшное, потому что его спутникъ расхохотался и взглянулъ на перекладную

Вотъ изъ-за густой зелени липъ выглянули окна губернаторскаго дома.

«Какъ ты комиченъ съ твоими мягкими мѣрами! подумалъ Каштановъ:—вмѣсто убирайся къ чорту — сдѣлайте одолженіе, уѣзжайте, а не то мы васъ къ чорту пошлемъ»...

Какое-то горькое ощущеніе явилось вслѣдъ за этой мыслью.

Городской прудъ, покрытый плѣсенью, далъ знать о себѣ ужаснымъ зловоніемъ; надъ прудомъ раздавались стоны лягушекъ.

Телега перестала прискакивать, кончилась убійственная мостовая, пошла Ямская Улица съ натуральной мостовой и незврачными домиками мѣщанъ и мастеровыхъ, потянулся заборъ, длинный, какъ часъ скуки; вотъ онъ кончился, и телега выѣхала за городъ.

Точно тяжелая ноша свалилась съ плечъ Каштанова, и вдругъ ему стало такъ легко, такъ отрадно, и цѣлый рой свѣтлыхъ упованій прилетѣлъ вмѣстѣ съ полевымъ вѣтромъ изъ той дали, которая открывалась передъ глазами.

Каштановъ почувствовалъ радостное волненіе и невольно вскрикнулъ: «пошелъ», точно ему хотѣлось какъ можно скорѣе заглянуть въ ту даль будущаго, которая казалась ему такой заманчивой.

Можетъ быть, и вы, читатель, испытали это чувство въ мо-

ментъ выѣзда изъ того города, гдѣ вы ничего не оставили, кромѣ горькихъ воспоминаній.

Ямщикъ крикнулъ, и лошади проскакали съ полверсты, но затѣмъ побѣжали обычной, лѣнивой рысцой; ямщикъ апатично сталъ помахивать кнутомъ, и живое, радостное впечатлѣніе, охватившее Каштанова въ моментъ выѣзда изъ города, скоро ослабѣло и исчезло.

XVI.

Дорога шла по однообразной печальной мѣстности, похожей на характеръ русской жизни. Широкій горизонтъ, полосы хлѣба, выросшаго какъ Богъ помогъ, прерываемыя черными полосами земли, вспаханной для озими, или кустарникомъ... между хлѣбами вьется проселочная дорога, углубляясь въ лощину, мелькаютъ васильки и головки краснаго мака; бурьянъ часто заявляетъ о своемъ успѣхѣ въ борьбѣ за существованіе съ ячменемъ и рожью; въ лощинѣ стоятъ сѣрыя хаты убогой деревни; колеса перекладной прыгаютъ по бревенчатому мосту.

— Осторожнѣй, замѣчаетъ ямщику стоящій на мосту сторожъ:—на томъ концѣ дыра есть.

— Нешто не знаемъ... обиженно отвѣчаетъ ямщикъ.

Телега въѣзжаетъ въ деревню: избы разбросаны безъ всякой системы, какъ попало... Вотъ здѣсь скучены три избы, одна изъ нихъ съ сильно покосившейся крышей и заколоченными окнами; дальше пустырь саженъ въ 100, за нимъ опять избы... деревянная церковь смотритъ плаксиво, около нея нѣсколько поломанныхъ могильныхъ крестовъ и полуразрушенныхъ памятниковъ. Дальше валяются обгорѣлыя бревна и куча мусора; два черные столба указываютъ мѣсто бывшихъ воротъ, а груда камней обозначаетъ разрушенный пожаромъ домашній очагъ, около котораго мужъ ругалъ и училъ жену, а жена учила колотушками ребятишекъ. На пепелищѣ роются дѣти и двѣ женщины... Чего онѣ ищутъ? кажется, терять имъ было нѣчего... А вотъ и новенькая изба, но она не радуетъ взора... Она—совершенное подобіе своей старой сосѣдки; пройдетъ годъ—смочутъ ее дожди, и она такъ же посѣрѣетъ, какъ сосѣдка; окна у ней такія же слѣпыя, такія же маленькія: точно спрятавшаяся за ними бѣдность стыдится свѣта, боится потока чистаго воздуха.

— Какъ похожа эта новенькая изба на реформу, пропитанную старымъ духомъ! подумалъ Каштановъ.

На краю стояла изба съ заколоченными окнами, ветхая, какъ

сидѣвшій возлѣ нея старикъ-нищій; на избѣ висѣла на одномъ гвоздѣ доска, гласившая, что тутъ была школа.

Воображеніе Каштанова нарисовало исторію этой несчастной школы.

Пріѣхалъ посредникъ, собралъ сходку... «Собирайте, ребята, деньги на школу!.. Вездѣ мужики школы заводятъ, должны и вы тоже сдѣлать!..»—Ослобони, отецъ родной.—«Ахъ, вы невѣжи!.. Для вашей же пользы стараюсь!»

Нѣчего дѣлать, коли начальство приказываетъ; собрали пятаки, да гривны на жалованье учителю, рѣшили посылать дѣтей по наряду, по очереди; на краю деревни хата была, никто уже въ ней не жилъ—подъ школу ее назначили... Посредникъ въ городѣ вывѣску заказалъ... отслужили молебенъ... попъ сказалъ проповѣдь... въ газетѣ напечатали корреспонденцію—«мы были свидѣтелями отраднаго явленія въ селѣ Гнилушкахъ, указывающаго на пробудившееся въ народѣ сознаніе необходимости просвѣщенія», и т. д.

Посредникъ уѣхалъ... отставной вахмистръ-учитель прогналъ трехъ-четырехъ ребятишекъ, пришедшихъ по наряду, объявилъ имъ, что они дома нужны, а самъ отправился въ кабакъ.

Такъ и осталась школа съ одной вывѣской. Любуйся, проѣзжій губернскій статистикъ; заноси въ свою книжку, что въ селѣ Гнилушкахъ есть школа, да и печатай въ сборникѣ мѣстнаго статистическаго комитета.

Деревня кончилась; влѣво стояло нѣсколько мельницъ, только у одной изъ нихъ были цѣлы всѣ крылья; вотъ опять убійственный мостъ черезъ оврагъ, а за нимъ горизонтъ заслоняется пригоркомъ.

— Что-то будетъ за этимъ пригоркомъ? Можетъ быть, какой-нибудь свѣтлый пейзажъ вытѣснитъ то невеселое впечатлѣніе, какое произвела оставшаяся позади деревня.

Ямщикъ крикнулъ, взмахнулъ кнутомъ, и телега очутилась на пригоркѣ. Опять безконечная равнина съ унылыми полями, нѣтъ ни грандіозныхъ горъ въ отдаленіи, ни богатой растительности... ни красивыхъ участковъ культированной земли, какіе вы видите за-границей. Пустынно... Попалась толпа ребятишекъ, тянувшихъ на разные голоса «Христа-а-а-ра-ади». Вотъ идетъ пахарь съ бороной, кляча часто останавливается и получаетъ за то удары; непечатная ругань пахаря раздается надъ нивой; въ этой ругани слышны такія ноты, отъ которыхъ больно сжимается сердце у всякаго человѣка съ доброй душой. Опять дорога свернула въ лощину, на днѣ ея лѣниво ползетъ рѣченка; возлѣ нея опять сѣрая деревня, на главной улицѣ толпа на-

рода; раздается чей-то звучный голосъ, точно команда на полковомъ ученьи.

Каштановъ велѣлъ остановиться, чтобы узнать въ чемъ дѣло.

— Что̀ это у васъ? спросилъ онъ одного крестьянина, отдѣлившагося отъ толпы.

— Кабаки закрывать велятъ, отвѣчалъ онъ сумрачно.

— Ка̀къ закрывать?

— А такъ... отъ начальства приказъ такой, чтобы приговоры по деревнямъ составлять.

— Это точно, подтвердилъ ямщикъ: — теперь это вездѣ пошло... прежде больше напирали, чтобы школы заводить, а теперь, чтобы кабаки закрывать... Ну, пошли, что̀ ли! крикнулъ онъ, и телега запрыгала.

— Вишь, и исправникъ тутъ! указалъ ямщикъ кнутомъ на толпу.

Въ серединѣ ея Каштановъ замѣтилъ голову въ военной фуражкѣ, энергично приказывавшую почувствовать вредъ пьянства.

И показалось Каштанову, что у него въ рукахъ одна изъ столичныхъ «пѣнкоснимательницъ», и онъ читаетъ въ ней: «Крестьяне села Волчій Долъ, проникнувшись сознаніемъ того, какой вредъ приноситъ ихъ хозяйству водка, единогласно составили приговоръ—упразднить всѣ 10 кабаковъ, имѣющихся въ Волчьемъ Долѣ».

— Что̀ ни говорите, господа пессимисты, а въ народѣ пробуждается сознаніе, прочтите: это—не одиночный случай... изъ Тульской Губерніи пишутъ то же, изъ Рязанской — то же, съ юга тоже; это, какъ хотите, отрадные факты... народъ пробуждается... вспомнились Каштанову неразъ слышанныя имъ разсужденія.

— Шуты гороховые, подумалъ онъ.

— А вотъ и машина... сказалъ ямщикъ.

Впереди виднѣлось станціонное зданіе, дымился локомотивъ, тянулась линія телеграфныхъ столбовъ.

— Ну, слава Богу, подумалъ Каштановъ.

Черезъ 15 минутъ, онъ уже сидѣлъ въ вагонѣ 3-го класса.

XVII.

Иванъ Петровъ Косаревъ, университетскій товарищъ Каштанова, торопливо надѣвалъ пальто въ свѣтлой передней своей квартиры, когда кто то позвонилъ. Косаревъ отперъ дверь и встрѣтился лицомъ къ лицу съ Каштановымъ.

— Неужто Каштановъ! вскрикнулъ онъ.

— Онъ самый!.. здравствуй, коллега!

Пріятели поцѣловались.

Университетскія вспоминанія, воскресшія въ Косаревѣ при видѣ Каштанова, придали душевный колоритъ неожиданной встрѣчѣ, но настоящее холодно напомнило о себѣ.

— Очень радъ! сказалъ Косаревъ, но уже безъ всякой душевности:—только извини, теперь оставляю... не сердись... дѣлъ по глотку... пофланируй по Петербургу, а къ 5-ти часамъ обѣдать ко мнѣ... Хорошо?

— Буду, отвѣтилъ Каштановъ, которому стало немного непріятно, что Косаревъ четверти часа не хочетъ опоздать изъ-за встрѣчи съ человѣкомъ, которому онъ въ первую минуту такъ искренно обрадовался.

— Смотри же непремѣнно...

Они пожали другъ другу руки и вмѣстѣ вышли на улицу. Косаревъ взялъ извощика и, уѣзжая, привѣтливо кивнулъ головой Каштанову.

Каштановъ въ раздумьи пошелъ по тротуару. Это была Большая Морская... Суетливо бѣжалъ чиновный и рабочій людъ, какой-то худенькій чиновникъ чуть не лбомъ стукнулся съ Каштановымъ, который шелъ тихонько, по провинціальному... Гулъ экипажей, на который петербуржецъ не обращаетъ вниманія, непріятно шумѣлъ въ головѣ Каштанова.

— Отыщу Енотина, подумалъ онъ и, остановивъ перваго попавшагося извощика, велѣлъ ѣхать въ адресный столъ.

Енотинъ оказался на жительствѣ на Садовой. Каштановъ розыскалъ по адресу домъ и позвонилъ.

Отперла молодая женщина, съ пріятнымъ лицомъ, въ которомъ, однако, было слишкомъ много блѣдности.

— Дома Енотинъ?

— Нѣтъ, но онъ скоро будетъ.

— Такъ я зайду... моя фамилія Каштановъ.

— Каштановъ, повторила молодая женщина:—я васъ знаю по разсказамъ мужа... не уходите... вмѣстѣ подождемъ Александра Павловича.

Каштановъ вошелъ въ уютно-меблированную комнату.

— Будете со мной кофе пить? спросила хозяйка.

— Съ удовольствіемъ.

— Такъ посидите, я сейчасъ приду.

Енотина улыбнулась очень ласково и исчезла за дверью.

Каштановъ осмотрѣлъ комнату и заглянулъ въ сосѣднюю — кабинетъ хозяина: впечатлѣнія были пріятныя; отъ всей обста-

новки, начиная съ цвѣтовъ на окнахъ и кончая маленькимъ столикомъ подъ узорчатой салфеткой съ стоявшей на немъ рабочею корзинкой, вѣяло духомъ семейнаго очага, возлѣ котораго не происходитъ обычныхъ между супругами ссоръ. Двѣ картины на стѣнахъ изображали пейзажи: на одномъ были горы, залитыя розовымъ свѣтомъ, на другомъ—неподвижное море съ луной въ облакахъ.

Вошла Енотина съ той же ласковой, теплой улыбкой.

— Что̀ вашъ мужъ подѣлываетъ? спросилъ Каштановъ.

— Здоровъ и, кажется, доволенъ жизнью... меньше злится, покойнѣе сталъ... ровнѣе.

— Это ваше вліяніе вѣроятно?

— Онъ говоритъ, что да̀.

По лицу ея пробѣжала горделивая улыбка.

— Онъ вѣдь бросилъ казенную службу и теперь въ частной конторѣ служитъ. Онъ все не ладилъ... огорчался... прислуживать не хотѣлъ, хлопоталъ объ общей пользѣ... надъ нимъ смѣялись; потомъ разныя непріятности пошли...

Горничная принесла подносъ съ кофейникомъ. Енотина стала наливать кофе въ стаканъ.

— Сливки плохи... не то, что̀ въ деревнѣ, сказала она, подвигая молочникъ къ Каштанову:—а вы надолго въ Петербургъ пріѣхали?

— Ка̀къ случится... не знаю еще, ка̀къ улажу свою жизнь въ Петербургѣ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Неужели это мужъ? Такъ рано! сказала Енотина и побѣжала въ переднюю.

— Здравствуй, душа моя; сегодня я раньше отдѣлался, раздался мужской голосъ.

— А у насъ твой товарищъ Каштановъ, отвѣтило мягкое сопрано.

— Что̀ ты!

Затѣмъ застучали торопливые шаги, и въ комнату вошелъ средняго роста мужчина съ добрѣйшими глазами.

— Здравствуй, дружище! вскричалъ онъ.

— Енотинъ! Саша!..

Послѣдовала теплая сцена пріятельской встрѣчи съ лобзаніями.

— Похудѣлъ и въ лицѣ что̀-то желчное, сказалъ Енотинъ, глядя на Каштанова:—Маша, дай-ка и мнѣ, голубчикъ, кофе.

— Сейчасъ будетъ, отозвалась жена изъ сосѣдней комнаты.

— Ну, а ты, судя по лицу, счастливъ и съ разлитіемъ желчи незнакомъ, сказалъ Каштановъ.

— Ну, этого не говори... я и теперь злюсь, возмущаюсь общественными безобразіями: иной разъ прочитаешь внутреннія извѣстія въ газетѣ, такъ просто злость беретъ; но со мной теперь умиротворяющій ангелъ-жена, въ этихъ случаяхъ она отбираетъ отъ меня газету, и злость смиряется отъ ея словъ, какъ дикій звѣрь передъ укротителемъ.

— Вотъ моя жизнь, указалъ онъ на входившую въ комнату жену съ стаканомъ кофе въ рукахъ.

Теплые лучи разсыпались изъ ея добрыхъ глазъ.

Каштановъ почувствовалъ вѣяніе счастья.

— Но неужели въ этомъ все содержаніе жизни, подумалъ онъ.

— А что̀ ты теперь дѣлаешь? спросилъ онъ Енотина.

— Что̀ дѣлаю? Зарабатываю деньги и больше ничего... никакими высшими цѣлями не задаюсь; подвернется случай помочь кому—помогаемъ по мѣрѣ силъ, а всѣ эти широкія стремленія, желанія облагодѣтельствовать все человѣчество, это, братъ—мечты, утопіи и больше ничего.

Въ тонѣ голоса Енотина стала высказываться раздражительность.

— Да̀, вѣдь «наше время—не время широкихъ задачъ», сказалъ Каштановъ насмѣшливо.

— Ты напрасно смѣешься надъ этой фразой, заволновался Енотинъ, какъ будто обидѣлся:—если ты поторопился родиться на свѣтъ Божій и хочешь жить, такъ ты не долженъ смѣяться надъ ней; это—мудрое изреченіе; въ немъ правда и условія счастья. А не признаешь его, такъ сходи со сцены.

— Изъ-за чего-жь ты волнуешься? развѣ нельзя покойно разговаривать? кротко замѣтила жена, и изъ глазъ ея потянулись умиротворяющіе лучи.

— Ну, я не буду. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему мальчишиться! будемъ разсуждать, какъ взрослые люди.

— Будемъ, повторилъ Каштановъ съ едва замѣтной усмѣшкой.

— Я, братъ, знаю, что̀ ты теперь думаешь обо мнѣ... вотъ, молъ, измѣнилъ своимъ университетскимъ убѣжденіямъ... такъ, вѣдь? спросилъ Енотинъ.

— Ты угадалъ... я это подумалъ.

— Ну, вотъ видишь, а я тебѣ скажу, что эта измѣна непреступна; вѣдь ребенкомъ ты непремѣнно хотѣлъ достать луну, а какъ увидѣлъ, что это невозможно, и отказался отъ своихъ намѣреній. Такъ и мы въ университетѣ думали, что жизнь есть общественная служба и т. д., а какъ жизнь показала, что это—

только въ родѣ мечтанія достать луну, такъ я и отказываюсь отъ него и устраиваю свое счастье изъ другого матеріала...

— Прекрасно, но проченъ ли этотъ матеріалъ? Не будетъ ли такое счастье зданіемъ на пескѣ?

— Проченъ ли? Прочна ли наша любовь? Слышишь, Маша, что̀ онъ говоритъ?

— Вѣроятно, Владиміръ Львовичъ не любилъ еще, кротко отвѣтила жена.

— Именно такъ, подхватилъ Енотинъ:—жить для живого существа, для него трудиться — вотъ истинное счастье человѣка... оно наполняетъ всю жизнь.

— А если она умретъ или измѣнитъ, подумалъ Каштановъ:— что̀ тогда будетъ съ зданіемъ счастья?

Онъ, конечно, не высказалъ этой мысли, а Енотинъ продолжалъ.

— Когда мы кончили курсъ въ университетѣ, вѣдь и я, дружище, говорилъ то же, что̀ и ты; думалъ, что для личнаго благополучія необходимо горячее участіе въ общественной дѣятельности. А какъ увидѣлъ, что горячаго-то участія не требуется, а нужно только «чиновническое усердіе», такъ и остался я на бобахъ... И такія братъ мысли скверныя лезли въ голову, и желчь разливалась; желтѣть было началъ, какъ лимонъ. И не знаю, что̀ бы со мной было, еслибы не встрѣча съ ней. Точно я прозрѣлъ тогда и почувствовалъ, что прежде всего надо съумѣть устроить личное благополучіе, а потомъ уже заботиться о другихъ.

— Когда человѣкъ счастливъ, ему естественно хочется, чтобы и другимъ вокругъ него было хорошо, сказала Енотина.

Каштановъ взглянулъ на нее, и въ лицѣ ея увидѣлъ столько маниловскихъ благихъ желаній, что ихъ хватило бы для облагодѣтельствованія всего человѣчества.

— Это вѣрно, подтвердилъ Енотинъ, допивая послѣдній глотокъ кофе.

— Хочешь еще? спросила его жена.

— Нѣтъ, довольно... А ты обѣдаешь у насъ? обратился онъ Каштанову.

— Сегодня, нѣтъ; обѣщалъ обѣдать у Косарева.

— Ты его видѣлъ? Ну, каковъ онъ по твоему?

— Я съ нимъ столкнулся въ дверяхъ... онъ куда-то торопился; каковъ онъ—я и разглядѣть не успѣлъ, кромѣ того, что толще и солиднѣе сталъ.

— Не нравится онъ мнѣ, сказалъ Енотинъ:—полезъ въ гору... и изъ-за чего?.. Какое-то честолюбіе, приправленное либерализмомъ... Женился не почеловѣчески...

— То есть, ка̀къ же это не почеловѣчески? засмѣялся Каштановъ.

— А такъ... Любовь не любовь, а чортъ знаетъ что̀ такое... красивую декорацію для дома пріобрѣлъ — вотъ и все. Онъ — добрый малый, а только не нравится мнѣ... душевности у человѣка нѣтъ... онъ, хоть и добрый, да сухой... вотъ что̀... Да, впрочемъ, самъ увидишь сегодня—нечего разсказывать.

— Ну, а ка̀къ твои дѣла?

— Не красивы... Выгнали изъ города благороднымъ манеромъ.

— Какъ та̀къ—выгнали?.. Это интересно.

Каштановъ кратко разсказалъ свой разговоръ съ высоковскимъ помпадуромъ.

— А что̀? вотъ видишь! точно обрадовался Енотинъ, какъ будто бы онъ въ разсказѣ Каштанова нашелъ подтвержденіе своей теоріи человѣческаго счастія. — Ну, а здѣсь что̀ ты будешь дѣлать?

— Буду писать.

— Предписанія и отношенія, какъ Косаревъ?

— Въ дѣльномъ журналѣ пристроюсь.

— Ну, братъ, не долго ты тамъ посидишь... посмотри, что твоихъ статей, ка̀къ ты ихъ хорошо ни напиши, ни за что̀ не напечатаютъ... Вѣдь, я знаю тебя... Не въ твоемъ вкусѣ ходить кругомъ да около и толковать о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ. А теперь только это и требуется.

— Посмотримъ...

— Да ужь вѣрно, что и ты отъ луны откажешься, или пулю въ лобъ пустишь отъ гейневской болѣзни. А чтобы предохранить себя отъ этой глупости, совѣтую тебѣ послѣдовать нашему примѣру.

— Вы еще не любили? спросила Енотина мягкимъ, печальнымъ голосомъ.

— На желѣзной дорогѣ чуть не влюбился въ сосѣдку... пошутилъ Каштановъ.

— Ахъ, это не то.. Это—не любовь... И только?

— Кажется, только... впрочемъ, нѣтъ, въ Алуштѣ встрѣтилъ замѣчательную дѣвушку... До сихъ поръ помню и ея голосъ, и разговоръ. Можетъ быть, это — настоящая любовь?.. смѣялся Каштановъ.

— Ка̀къ тебѣ не стыдно смѣяться надъ любовью, точно какой нибудь изжившійся волокита! сказалъ Енотинъ.

— Съ чего ты взялъ, что я смѣюсь надъ любовью... Я вовсе не прочь отъ этого благополучія... бѣда только въ томъ, что любить-то почти нѣкого.

— То есть, такихъ подругъ жизни, которыя бы вмѣстѣ съ тобой бредили достать луну, конечно, ты не найдешь, да и слава Богу. А хорошихъ, честныхъ, любящихъ женщинъ нетрудно встрѣтить. Женись, братъ—хорошее дѣло: жить тогда начнешь, а фантазіи бросишь.

— Точно сваха заманиваетъ, засмѣялся Каштановъ:—тебѣ посчастливилось, а вѣдь это не на всякаго приходится. Ну, вообрази, что я послѣдовалъ твоему совѣту и построилъ свое благополучіе на любви къ женѣ... А вдругъ она меня разлюбила?

— Съ какой-же стати она тебя разлюбитъ? спросилъ Енотинъ, расширивъ зрачки.

— Истинная любовь не проходитъ, сказала Енотина.

— А кàкъ-же это кругомъ видимъ примѣры охлажденія самой горячей любви и даже переходъ ея въ ненависть?

— Это значитъ, что была не истинная любовь, пояснила Енотина.

— Это—не любовь, а чортъ знаетъ, чтò такое! вскричалъ Енотинъ.

— Ну, а кàкъ ее различить, истинную-то отъ неистинной любви?.. по моему, если человѣкъ не лжетъ, говоря «люблю», такъ это и значитъ истинная любовь, а такой любви иногда очень не надолго хватаетъ. Слѣдовательно, мнѣ твой совѣтъ не приходится исполнять.

— Кàкъ знаешь... А посмотри, что вспомнишь его.

Каштановъ, замѣтивъ, что разговоръ попалъ на такую шаткую почву, въ которой можно только увязнуть, перевелъ его въ повѣствовательный жанръ...

Онъ сталъ разсказывать про свое житье въ Высоковѣ; Енотинъ перебивалъ его сообщеніями о своей женитьбѣ, которую онъ называлъ своимъ возрожденіемъ любовью; жена его начала какое-то вязанье и, по временамъ, поднимая глаза на собесѣдниковъ, обливала ихъ ласкающими лучами.

Такъ незамѣтно прошло два часа:

— Пора къ Косареву... сказалъ Каштановъ.

— Ну, такъ до свиданія; завтра у насъ обѣдаешь?

— Приходите, прибавила жена.

Каштановъ далъ обѣщаніе и вышелъ изъ квартиры любящихъ супруговъ.

XVIII.

Совсѣмъ другимъ воздухомъ пахнýло на Каштанова, когда онъ вошелъ въ гостиную Косарева, когда хозяинъ, пожавъ ему руку,

представилъ (именно представилъ, а не познакомилъ) своей женѣ, роскошной женщинѣ съ эффектнымъ шиньономъ, возлежавшей на диванѣ съ французской книгой въ рукахъ.

Она величественно подала Каштанову руку и любезно улыбнулась.

Улыбка эта была прекрасна, но Каштановъ не нашелъ въ ней той ласковости, которая являлась характеристичною чертой въ улыбкѣ Енотиной.

— Какими судьбами ты попалъ къ намъ въ Петербургъ? спросилъ Косаревъ.

— По волѣ начальства.

— Получилъ здѣсь мѣсто?! Вотъ молодецъ!

— Напрасно похвалилъ, засмѣялся Каштановъ:—я тебѣ разскажу весьма комичную исторію.

Каштановъ почувствовалъ, что разсказывать въ этой гостиной случившееся съ нимъ въ серьёзномъ, негодующемъ тонѣ было бы неумѣстно.

— Кушать готово, объявилъ вошедшій элегантный лакей.

Тріо перешло въ столовую.

Изящная сервировка и, вообще, обстановка квартиры свидѣтельствовали о солидныхъ средствахъ Косарева.

Хозяйка пригласила Каштанова сѣсть противъ нея; онъ сталъ разсказывать исторію своего отъѣзда изъ Высокова.

— C'est comique! сказала хозяйка, разсмѣявшись гостиннымъ смѣхомъ.

— Помпадуръ великолѣпенъ, хохоталъ Косаревъ:—воображаю его фигуру... Однако, братъ, какая еще дичь наша провинція!.. Хорошо, что ты уѣхалъ оттуда, а то съѣли бы тебя совсѣмъ, какъ Кука какого-нибудь. Ну, а что̀ ты здѣсь съ собой будешь дѣлать?

— Займусь литературой...

Косарева взглянула на гостя не то съ удивленіемъ, не то съ жалостью

Косаревъ, при словѣ «литература», сдѣлалъ едва замѣтную гримасу...

— Занятіе почтенное, сказалъ онъ:—только, братъ, оно хлѣба не дастъ и карьеры тебѣ не составитъ... Если хочешь, я тебя познакомлю съ двумя редакторами большихъ газетъ—мои пріятели, люди съ головой и практическимъ тактомъ... Ты въ какомъ родѣ пишешь?

— Въ публицистическомъ. Объ чемъ же и писать, чтобы быть полезнымъ обществу, какъ не о текущихъ вопросахъ!

— Злоба дня!.. Понимаю!.. ну, это, братъ—не совсѣмъ удоб-

ный жанръ... придется тебѣ вертѣться, какъ бѣлкѣ въ колесѣ. А, впрочемъ, попробуй. Хотя мой совѣтъ—поступить въ коронную службу.

— Что же она мнѣ дастъ?

— А, вотъ, посмотри на меня... мнѣ всего 32 года, а я уже—не послѣдняя спица въ административной машинѣ... Содержаніе получаю хорошее, связи блестящія, карьера обезпечена.

— Но какой цѣной это все покупается? Надо, прежде всего, отказаться отъ нашего университетскаго идеала жизни.

— Ошибаешься! не отказаться, а только придать ему осуществимыя формы.

— Почему же и не отказаться, если этотъ идеалъ недостижимъ? сказала Косарева:—это—прямой разсчетъ всякаго благоразумнаго человѣка.

Сухимъ вѣтромъ пахнули на Каштанова эти слова, произнесенныя прекраснымъ голосомъ.

Онъ взглянулъ на Косареву и не хотѣлъ было возражать: въ лицѣ ея ему показалось то выраженіе сознанія собственной непогрѣшимости, которое не могутъ разбить самыя сильныя батареи логики.

Она, пожалуй, подумаетъ, что я согласился съ нею, мелькнуло въ головѣ Каштанова.

— Даже и не разсчетъ отказаться отъ своего идеала, возразилъ онъ:—невыгодно.

— Я васъ не понимаю, величественно изрекла хозяйка.

— Очень просто... отказаться отъ того, что для меня дорого—весьма непріятно, а слѣдовательно, невыгодно... полезность не всегда можно измѣрять матеріальными средствами.

— Это что-то слишкомъ идеально, и я, простая смертная, не пойму этого, отвѣтила Косарева и насмѣшливо сжала губы, по щекамъ ея тоже пробѣжала насмѣшливая улыбка.

— Она—матеріалистка, сказалъ Косаревъ, желая замять разговоръ, чтобы изъ легкой causerie не образовался серьёзный споръ:—я съ нею невполнѣ согласенъ; повторяю тебѣ, что отказываться отъ идеаловъ не слѣдуетъ, надо только достигать ихъ путемъ уступокъ.

— Но вѣдь эти уступки неизбѣжно ведутъ къ полному примиренію съ тѣмъ, что было прежде ненавистно.

— Эге, братъ, ты я вижу крайнимъ идеалистомъ остался... Плохое дѣло!.. Налей-ка себѣ лафиту.

— А, можетъ быть, вы бѣлаго хотите? любезно предложила хозяйка.

Каштановъ налилъ себѣ въ рюмку вина изъ ближайшей

бутылки и запилъ только-что съѣденный кусокъ ростбифа съ англійскими пикулями.

— Не правда ли, хорошій лафитъ? радушно спрашивалъ Косаревъ, прихлебнувъ изъ своей рюмки.

— Позвольте вамъ положить пирожнаго, сказала хозяйка.

Но, несмотря на очевидную ласковость и радушіе хозяевъ, Каштановъ не испытывалъ удовольствія отъ вкуснаго обѣда, потому что чувствовалъ, что онъ—чужой за этимъ столомъ, что онъ и его университетскій товарищъ съ великолѣпной женой находятся въ положеніи людей, строившихъ вавилонскую башню, послѣ смѣшенія языковъ.

Послѣ обѣда, Косаревъ увелъ Каштанова въ свой кабинетъ; они закурили сигары; ароматный дымъ, мягкое кресло и сытый желудокъ располагали хозяина къ благодушеству.

— А вѣдь хорошо жилось въ университетѣ? произнесъ онъ, прищуривъ глаза, какъ сытый котъ.

— Жилось-то хорошо, но что̀ осталось отъ нашихъ свѣтлыхъ надеждъ и благихъ намѣреній? Одни воспоминанія.

— А что̀ же, братъ, дѣлать?.. время такое. Ты думаешь, я не пытался, въ началѣ моей службы, примѣнить къ практикѣ наши университетскія мечтанія о долгѣ служенія обществу и пр., и проч. Пытался, братъ, также, какъ и ты...

Косаревъ замолчалъ, потянувшись на диванѣ.

— Ну, и что̀ же? спросилъ Каштановъ.

— А то, что я скоро убѣдился, что это глупо, потому что на рынкѣ жизни нѣтъ спроса на тѣ услуги обществу, которыя мы думали ему предложить. А изъ этого ясно слѣдуетъ, что нѣчего и соваться съ тѣмъ, чего не требуется, и что надо приспособить себя къ окружающей средѣ, чтобы не погибнуть въ борьбѣ за существованіе. Изъ-за чего я буду распинаться, когда всѣ эти страданія пропадутъ даромъ?

— Ну, это несовсѣмъ такъ... твои усилія облегчатъ побѣду слѣдующему поколѣнію.

— Знаю, но это, братъ—не утѣшеніе... Что̀ мнѣ за радость, что моя идея восторжествуетъ, когда я гнію на смоленскомъ. Я понимаю служеніе гражданскимъ добродѣтелямъ въ какой-нибудь Америкѣ, что̀ ли, гдѣ всякій видитъ результаты своихъ трудовъ, гдѣ это служеніе ему даетъ и средства къ жизни, и почетъ. Живи я въ Америкѣ, и я былъ бы американцемъ. А роль мученика убѣжденій куда ка̀къ некрасива.

— Но, вѣдь, еслибы всѣ такъ приспособлялись къ окружающей средѣ, такъ никакого прогресса никогда бы не было.

— Но онъ есть! фанатики страдаютъ, а мы потомъ, люди жиз-

ни, таскаемъ ихъ руками каштаны изъ печи. Такова жизнь... Не гуманна... Ну, да что же дѣлать? таковъ дарвиновскій законъ. Ты, вотъ, скажи мнѣ: сталъ ли бы ты съ любовью заниматься какимъ-нибудь дѣломъ, зная навѣрное, что цѣли его ты не достигнешь?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, значитъ, я правъ... Я поступилъ такъ же... Что мнѣ оставалось дѣлать... изнывать безъ дѣла и перебиваться изо дня въ день? Не хочу!.. Я нашелъ и занятія, и обстановку жизни устроилъ.

— И не скучаешь?

— Скучать!.. Зачѣмъ?.. У меня столько развлеченій... Служба, конечно, надоѣдаетъ; ну, да вѣдь эту лямку нельзя не тянуть: она даетъ и вотъ этотъ диванъ, и сигару, и театръ-Буффъ. Кстати, пріѣзжай сегодня въ буффъ или въ балетъ.

— Я—не любитель задиранія ногъ.

— Чудакъ, чудакъ! засмѣялся Косаревъ.

Прошла пауза.

— Недалекъ вышелъ, совсѣмъ еще ребенокъ, подумалъ про себя Косаревъ про товарища.

— Поклонился тельцу златому, подумалъ про Косарева Каштановъ.

— Такъ ты познакомь меня съ редакторомъ, какъ обѣщалъ, сказалъ онъ, немного помолчавъ, и всталъ, чтобы уходить.

— Хорошо, хорошо!.. заходи въ субботу, вмѣстѣ и поѣдемъ къ нему... Куда же ты?

— Къ себѣ... въ меблированные покои Анны Карловны.

— Ну, до свиданія, жаль, что скоро уходишь.

Но Косареву вовсе не было жаль; эта фраза высказалась просто по привычкѣ быть любезнымъ.

XIX.

Было уже темно, когда Каштановъ возвращался въ свою квартиру на Офицерской.

— Два счастливыхъ человѣка, думалъ онъ про Енотина и Косарева:—и ни тому, ни другому нельзя позавидовать. Одинъ отвернулся отъ общественной дѣятельности и весь ушелъ въ семейную жизнь; другой—дѣлецъ, отказавшійся отъ своего «я», ради комфорта жизни.

Счастье Енотина—все равно, что домъ на вулканѣ; измѣнитъ жена или умретъ—и вотъ оно лопнуло, какъ мыльный пузырь.

Счастье Косарева — попрочнѣе, но нужна особенная способность, чтобы удовлетворяться имъ.

Мысли Каштанова переходили въ мрачный тонъ, когда онъ отворилъ дверь въ корридоръ, по сторонамъ котораго размѣщались жильцы Анны Карловны; вотъ и его комната, надъ дверью написано № 7. Еще скучнѣе стало Каштанову, когда онъ вошелъ въ свой нумеръ, мрачно освѣтившійся зажженной имъ свѣчкой. За стѣной шелъ оживленный и даже нѣсколько озлобленный юридическій споръ; раздавались слова «кассація», «кассаціонный департаментъ», «обжалованіе» и т. п. перлы юридическихъ споровъ. За другой стѣной женскій голосъ напѣвалъ «я до гроба твоя Перикола»... Въ корридорѣ кто-то неистово кричалъ: «Христина! Христина!»

— Христины нѣтъ, за сухарями пошла, раздался умиротворяющій голосъ хозяйки.

Нумера Анны Карловны раздѣлялись на нижніе и верхніе; въ нижнемъ—комнаты и обстановка ихъ были довольно сносныя, а двѣ изъ нихъ имѣли даже претензію на комфортъ. Верхніе же нумера, всѣ занятые учащимся юношествомъ, были точно нарочно приспособлены къ тому, чтобы жильцы ихъ постоянно казнились за бѣдность.

Когда жильцы жаловались на то, что хозяйка не топитъ у нихъ печей, Анна Карловна отвѣчала имъ, что нѐзачѣмъ даромъ дрова жечь, потому что печка только дымитъ, а грѣть не грѣетъ. Для бо̀льшей убѣдительности она предложила сдѣлать немедленно опытъ топленія печки въ верхнихъ нумерахъ, окончившійся ея торжествомъ.

Хозяинъ комнаты, въ которой производился опытъ, зажмуривая глаза отъ дыма, просилъ Анну Карловну не повторять такихъ опытовъ и объявилъ, что ужь лучше сидѣть въ пальто, чѣмъ прокапчиваться дымомъ.

Надежда на согрѣвательную способность пальто была, впрочемъ, очень неосновательна, такъ какъ пальто принадлежало къ числу тѣхъ, о которыхъ говорятъ, что они вѣтромъ подбиты.

Меблировка верхнихъ нумеровъ состояла изъ стола, двухъ стульевъ и дрянной кровати. Стѣны навѣвали уныніе мрачнымъ видомъ загрязненныхъ обоевъ и огромными пятнами отъ сырости; однимъ словомъ, въ нумерахъ была та ужасная обстановка, которая какъ бы старается доказать справедливость первой половины пословицы «корень ученія горекъ». Относительно второй половины пословицы жизнь, какъ извѣстно, не даетъ удостовѣреній.

Въ верхнихъ нумерахъ Анны Карловны жили студенты университета и технологическаго института.

Отчего же Каштанову было такъ грустно, когда онъ пришелъ въ свой нумеръ?

Отъ тѣхъ мыслей, которыя являлись насчетъ возможности устроить свое благополучіе по тому масштабу, который удовлетворялъ бы его требованіямъ.

«Нѣтъ прочнаго счастья безъ участія въ работѣ для общественнаго развитія, разсуждалъ Каштановъ:—моя роль—быть полезнымъ словомъ... Посмотрѣть кругомъ—всюду полное непониманіе настоящихъ причинъ всякихъ золъ; неумѣніе связать слѣдствіе съ причиной; совершенное невѣдѣніе того, чѣмъ помочь дѣлу... Все это долженъ объяснять современный писатель; это—его священный долгъ. Но почему же газеты наполнены пустой болтовней? Почему въ нихъ вмѣсто живой рѣчи—чиновничьи разсужденія? Вѣдь не одинъ я такъ понимаю обязанности литератора. Почему же другіе молчатъ?

Наблюденіе фактовъ жизни подсказывало Каштанову, что они молчатъ потому, что нѣтъ запроса на живую рѣчь, которая среди всеобщей скучной канители праздной болтовни является диссонансомъ, пугливымъ людямъ кажется чѣмъ-то возмущающимъ ихъ сонливое спокойствіе.

— Не мѣшайте намъ спать и сопѣть во всю носовую завертку, говорятъ они.

Вспомнилъ Каштановъ одного гувернёра-француза въ гимназіи, который всякій бойкій разговоръ считалъ преступленіемъ и идеаломъ поведенія мальчиковъ выставлялъ молчаніе, прерываемое зубрёжкой урока. Silence! кричалъ этотъ гувернёръ, какъ только начинался живой разговоръ.

И казалось Каштанову, что стòитъ только начать ему статью для газеты о предметѣ близкомъ всѣмъ и каждому, какъ этотъ гувернёръ закричитъ silence, отниметъ у него листъ бумаги и перечеркнетъ его сверху до низу краснымъ карандашемъ.

Вотъ она дѣйствительность, требующая, чтобы человѣкъ, сдѣлавшійся взрослымъ, все-таки оставался ребенкомъ и слушался начальническаго silence.

Но молодость не скоро убѣждается въ узаконеніи жизнью какихъ-либо ненормальныхъ правилъ: они долго кажутся ей исключеніями, а молодая энергія ума и сердца тѣшитъ человѣка сладкою надеждой, что его труды будутъ способствовать устраненію этихъ исключеній.

Такъ было и съ Каштановымъ. Изъ своей газетной практики и знакомства съ содержаніемъ нашей журналистики онъ видѣлъ,

что живыя слова̀ являются въ ней рѣдко и скоро замолкаютъ; но онъ все-таки надѣялся приложить къ дѣлу свои способности, да и не могло быть иначе: это была его потребность, удовлетвореніе которой составляло необходимое условіе его счастья; а къ счастью всякій стремится такъ или иначе.

Каштановъ вынулъ изъ кармана пальто нумеръ газеты, купленный имъ по дорогѣ у разнощика.

«Розничная продажа нумеровъ воспрещена» бросилось ему, прежде всего.

— Silence... точно раздался вдругъ въ комнатѣ голосъ гувернёра.

Въ газетѣ была огромная передовая статья.

Каштановъ началъ читать и скоро зѣвнулъ.

«Пользуясь драгоцѣннымъ правомъ, дарованнымъ русской литературѣ, гласила статья, обсуждать законопроекты, мы позволяемъ себѣ высказать нѣкоторыя замѣчанія по поводу обнародованнаго на-дняхъ закона...»

Слѣдовавшія затѣмъ замѣчанія напомнили Каштанову одинъ анекдотъ изъ военнаго быта, который, впрочемъ, можетъ быть и не анекдотомъ.

Въ полкъ пріѣхалъ неожиданно ревизоръ и засталъ хозяйство полка въ прескверномъ состояніи: пища солдатъ была дрянная, обувь съ дырками, въ казенномъ ящикѣ недочетъ суммъ и проч. Все пришло въ страхъ и трепетъ; ожидали грознаго приговора. Ревизоръ уѣхалъ и черезъ нѣсколько времени прислалъ приказъ, въ которомъ оказался слѣдующій критическій отзывъ о состояніи полка: «при произведенной мною ревизіи, оказалось весьма большое упущеніе: клеймы на шинеляхъ солдатъ, означающія время, когда онѣ шиты, сдѣланы недостаточно отчетливо, за что̀ сдѣлаю командиру полка строгое замѣчаніе; все остальное найдено въ отличномъ состояніи, за что̀ объявляю командиру полка мою душевную благодарность».

Каштановъ перешелъ къ внутреннимъ извѣстіямъ.

«Нашъ собственный корреспондентъ» грозно уличалъ дворниковъ за недостаточную чистоту на улицахъ и базарныхъ торговокъ - за найденную у нихъ гнилую воблу.

— Это—тѣ же клейма на шинеляхъ, недостаточно отчетливыя, подумалъ Каштановъ.

Пожары... невѣжество... нищенство... самодурство... таково было впечатлѣніе «разныхъ извѣстій».

Каштановъ пробѣжалъ фёльетонъ, онъ напомнилъ ему либеральную болтовню въ гостиной у Бедрягиной.

*

— Прочелъ его и все равно, что не читалъ, подумалъ Каштановъ.

Ему еще стало скучнѣе; онъ оставилъ газету и принялся за статью. Отсутствіе живой рѣчи въ огромномъ листѣ прочитанной имъ газеты, возбудило въ немъ желаніе приняться за работу.

XX.

— Привезъ вамъ полумолодую силу, полунасмѣшливо, полушутливо сказалъ Косаревъ Архалукову, редактору «Безцвѣтныхъ Вѣдомостей», входя въ его кабинетъ вмѣстѣ съ Каштановымъ.

Архалуковъ что̀-то промычалъ, въ родѣ «очень радъ» или «очень пріятно», подалъ обоимъ руки и попросилъ сѣсть.

— Вотъ вы, Дмитрій Степановичъ, жалуетесь, что ваши сотрудники не умѣютъ передовыхъ статей писать, а канитель тянутъ, такъ что читать тошно... вотъ вамъ передовикъ, который не будетъ растягивать изъ-за пятачковъ, сказалъ Косаревъ.

— Очень радъ познакомиться, а вы изъ провинціи? спросилъ Архалуковъ.

— Изъ Высокова.

— Д-да̀?.. Я припоминаю, что въ «Пустопорожней Газетѣ» печатались прекрасныя корреспонденціи изъ Высокова.

— Это—мои, сказалъ Каштановъ.

— Прекрасныя корреспонденціи... знаете, живыя; а то вѣдь «наши собственные корреспонденты» такіе рапорты пишутъ, точно канцелярскіе чиновники.

— У меня чиновникъ и получше напишетъ, замѣтилъ Косаревъ.

— Правда-съ... надо сознаться, хотя и больно.

Архалукову вовсе не было больно сдѣлать это сознаніе.

— Представьте себѣ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Косареву: — ка̀къ подкузмилъ меня одинъ изъ моихъ «собственныхъ корреспондентовъ»; присылаетъ онъ длинное описаніе, въ которомъ разсказываетъ романическое убійство: и ядъ, и кинжалъ, и похищеніе жены, и прямо съ именами и фамиліями валяетъ. Прочиталъ я: вижу, корреспонденція интересная—и пустилъ ее: всѣ газеты перепечатали—вдругъ отъ исправника отношеніе; вломился въ амбицію, пишетъ, что никакого романическаго убійства не было и что въ городѣ у него «благодать Божія», а мнимоубитый живъ и здоровъ.

— Попались, Дмитрій Степановичъ, сказалъ Косаревъ.

— Да̀-съ... долженъ былъ напечатать опроверженіе.., вотъ ка-

кова роль русскаго редактора: нельзя вѣрить собственному корреспонденту; ему нечего писать, онъ иной разъ и выдумаетъ что-нибудь, а потомъ опроверженія, да смѣхъ газетъ надъ тѣмъ, что утокъ выпускаешь.

— Ну, однако, я васъ оставляю; потолкуйте съ нимъ, будетъ вамъ полезенъ, сказалъ Косаревъ, взявшись за шляпу.

— Будете въ четвергъ? сказалъ Архалуковъ, подавая руку.

— Буду. До свиданія.

Архалуковъ опять развалился въ креслѣ.

— А почему вы оставили сотрудничество въ «Пустопорожней Газетѣ», спросилъ онъ.

— Искажаютъ статьи, да и не платятъ еще въ добавокъ.

— Да ужь у него нравъ такой... что̀ прикажете дѣлать... не любитъ выдавать денегъ. Судя по вашимъ корреспонденціямъ, я долженъ буду благодарить Косарева за то, что онъ познакомилъ меня съ вами... Только видите-ли, въ чемъ дѣло. Знакомы-ли вамъ пріемы современнаго публициста?.. безъ нихъ весь вашъ талантъ пропадетъ подъ спудомъ.

— Какіе это пріемы? спросилъ Каштановъ.

— Умѣнье приспособляться, умѣнье говорить такъ, чтобы ваша мысль не очень бросалась въ глаза.

— Незавидное умѣнье, замѣтилъ Каштановъ:—да и къ чему тогда писать, если трудно будетъ понять мою мысль.

— А что̀ же дѣлать?.. Но ужь лучше пріобрѣсти это умѣнье, чѣмъ вовсе молчать.

— Я вамъ пришлю на-дняхъ статью... Вотъ тогда и судите.

— Очень будетъ пріятно, а насчетъ вознагражденія у меня обычная норма—5 к. за строку.

Каштановъ согласился.

Архалуковъ замолчалъ.

Подрядъ новаго рабочаго сдѣланъ—о чемъ еще больше толковать? и взглядъ Архалукова говорилъ: «все, что̀ нужно, сказано, и я васъ больше не задерживаю».

— До свиданія, сказалъ Каштановъ.

— До пріятнаго свиданія, любезно произнесъ Архалуковъ, довольный тактомъ гостя, понявшаго, что ему уже пора браться за шляпу.

Былъ сѣренькій петербургскій день безъ дождя. Каштановъ пошелъ въ свою квартиру; настроеніе его духа соотвѣтствовало сѣренькому дню; перспектива жизни казалась ему одѣтой такимъ-же сплошнымъ туманомъ, какой стоялъ надъ городомъ, угрожая опуститься и покрыть скользкой противной сыростью

панели. На каланчѣ у думы болтались два шара. Пѣшеходы бѣжали по улицѣ съ обычной суетой.

Визитъ къ редактору произвелъ на Каштанова сильное впечатлѣніе.

— Точно подрядчикъ на базарѣ, подумалъ онъ про Архалукова:—и ка̀къ онъ равнодушно говоритъ, пишите: дескать, такъ, чтобы васъ понять нельзя было... давайте хоть и плохаго, да ходкаго товара.

Каштановъ повернулъ въ Мѣщанскую. Съ удовольствіемъ остановились его глаза на проясняющемся горизонтѣ: тамъ не было еще голубаго неба и солнца, но не было также и сплошной сѣрой тучи. Бѣлыя облака, рѣдѣя, разбѣгались въ стороны, теряя все болѣе свой грязный цвѣтъ; мелькнула полоса лазури между ними, и дождемъ золотыхъ лучей облились верхніе этажи домовъ.

Каштановъ взглянулъ на проѣхавшаго извощика съ двумя дамами, и вдругъ радость охватила его широкимъ потокомъ.

— Кажется, это—Лидія съ матерью, подумалъ онъ, и вдругъ, вмѣсто петербургскаго сѣраго̀ дня, передъ нимъ точно встало роскошное утро въ Алуштѣ, синее море и синія горы.

— Лидія Васильевна! крикнулъ онъ.

Она не обернулась: голосъ его затерялся въ обычномъ гулѣ петербургской уличной жизни. А дрожки удалялись.

Мелькнувшая радость готова была исчезнуть. Каштановъ не зналъ фамиліи Лиды, а упустить этотъ случай встрѣчи значило, пожалуй, и вовсе не встрѣтиться.

Онъ вскочилъ на проѣзжавшія извощичьи дрожки и велѣлъ погонять, что̀ есть силы.

Кляча заскакала весьма неграціознымъ галопомъ; вотъ миновала она нѣсколько дрожекъ, вотъ и тѣ, на которыхъ ѣхала Лидія съ матерью.

— Догоняй этого извощика на сѣрой лошади, сказалъ Каштановъ.

Кляча получила усиленную порцію ударовъ; дрожки поровнялись и чуть-чуть не столкнулись.

— Куда лѣзешь, лѣшій .. огрызнулся извощикъ, котораго догоняли.

— Лидія Васильевна! крикнулъ Каштановъ.

Дѣвушка обернулась и смотрѣла вопросительно. Мать ея тоже озиралась.

— Вспомните Алушту!

— Это вы! Ка̀къ я рада!.. Мамаша, это—Владиміръ Львовичъ! помните, въ Алуштѣ?

— Кàкъ же, помню... сказала мать Лиды, обернувшись къ Каштанову.

Дрожки ѣхали рядомъ.

— Хотите теперь же къ намъ? возобновимъ знакомство, сказала Лида.

— Хочу и ѣду за вами.

Отъ улыбки, которой освѣтилось лицо Лиды, когда она обрадовалась встрѣчѣ, Каштанову вдругъ стало весело, какъ ребенку.

А небо между тѣмъ быстро прояснялось; облака бѣжали стремительно, точно боясь запоздать и отстать другъ отъ друга.

XXI.

— Я сейчасъ приду, только раздѣнусь, сказала Лида Каштанову, когда они вошли въ ея квартиру.

Каштановъ остался одинъ въ небольшой комнатѣ, изображавшей гостиную; у одной стѣны стояло піанино, на немъ развернутъ былъ Фаустъ «Гуно» на дуэтѣ третьяго акта; въ окнахъ зеленѣли молодыми побѣгами олеандры и плющъ.

Пріятныя ощущенія волновали Каштанова, когда онъ осматривалъ комнату, въ которой, казалось, все глядѣло такъ же ласково и свѣтло, какъ глаза ея милой хозяйки.

Лида не заставила долго ждать.

Она вошла въ черномъ платьѣ, сіяющая радостью; по румянымъ щекамъ и губамъ перебѣгала ея обычная свѣтлая улыбка.

— Еще разъ, здравствуйте! мы тамъ на улицѣ не кàкъ слѣдуетъ поздоровались, сказала она, подавая руку Каштанову:— садитесь и будемъ говорить... мы тогда мало наговорились въ Алуштѣ.

Они сѣли одинъ противъ другаго.

— Постойте... прежде всего, вопросъ: вы здѣсь не проѣздомъ, какъ въ Алуштѣ?

— Нѣтъ, а чтò?

— Я не хочу, чтобы наша нынѣшняя встрѣча была такъ же коротка, какъ первая. Вы во мнѣ оставили очень пріятное впечатлѣніе.

— Значитъ, мы квиты, потому что я могу про васъ сказать то же самое. Я васъ увидѣлъ сегодня въ то время, когда прояснилось небо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мое настроеніе духа.

— А вы хандрите? какъ тогда? Чтò вамъ за охота? Отчего не быть веселымъ, счастливымъ?

Каштановъ взглянулъ на Лиду.

Она смотрѣла такими ясными, живыми глазами, что хандра убѣжала бы съ позоромъ, еслибы она была въ то время возлѣ Каштанова.

— Отчего бы и не быть счастливымъ? повторилъ онъ:—однако вмѣсто того, тоска о счастьи.

— Неумѣете взять его, или не хотите!.. а иначе я непонимаю.

Ироническая усмѣшка проскользнула по губамъ Каштанова.

— Каждый изъ насъ многого непонимаетъ, Лидія Васильевна, сказалъ онъ.

— А вы мнѣ объясните... я буду внимательна и постараюсь понять, только не теперь, не сегодня; это, навѣрно—что̀-нибудь серьёзное, а я теперь не въ такомъ настроеніи духа; хочу скакать съ одного предмета на другой.

Вошла Анна Ильинична.

— Вотъ не ожидала васъ встрѣтить сегодня, сказала она Каштанову:—я даже испугалась, когда вы Лидочку по имени окликнули. А ты, милая моя, раскраснѣлась, уже не простудилась-ли? Я говорила, что надо было платокъ подъ тальму надѣть.

— Что̀ вы, мамочка!.. я просто рада, что съ Владиміромъ Львовичемъ встрѣтилась... хотя одинъ хорошій знакомый будетъ.

— А развѣ у васъ ихъ нѣтъ? спросилъ Каштановъ.

— Нѣтъ... знакомыхъ много и неглупые, и хорошіе, повидимому, но не по душѣ...

— Чѣмъ же они вамъ не нравятся?

— Ка̀къ вамъ сказать! Всѣ они—точно дѣланные какіе, на себя не похожіе; своего у нихъ нѣтъ такого, что̀ шло бы прямо изъ сердца... Разсказываютъ, напримѣръ, что̀-нибудь, возмущаются какой-нибудь подлостью, повидимому, сильно, энергично, а между тѣмъ, слышишь что̀-то такое фальшивое и, кажется, какъ будто подлость ихъ вовсе не такъ возмущаетъ, какъ они говорятъ,

— Что̀ же это чутье вамъ подсказываетъ?

— Именно чутье; когда мамаша спрашиваетъ, почему я имъ не вѣрю, то объяснить я не могу. Или, напримѣръ, говорятъ о какой-нибудь пьесѣ, о чувствахъ героя и героини такъ картинно, эффектно, но на меня никакого эффекта не производятъ... въ этихъ разговорахъ о чувствахъ столько же чувства, сколько въ шарманкѣ.

— Но тебѣ, все-таки, надо быть осторожнѣе... помнишь, ка̀къ обидѣлся Семенъ Кириловичъ, когда ты его назвала шарманкой, сказала Анна Ильинична.

— Кому не нравится искренность, тотъ пусть не ходитъ къ намъ... а для меня нестерпима эта вѣчная ломка; думай одно, говори другое... каждое слово на аптекарскихъ вѣсахъ взвѣшивай. Вѣдь, я же не сержусь, когда мнѣ въ глаза говорятъ, что я что̀-нибудь гадко дѣлаю, или смѣшно. Напротивъ, я это очень люблю.

— Не у всякаго же такой вкусъ, замѣтила мать.

— Не нравится, не ходи... лучше одна буду сидѣть, а теперь и скучать не буду: вотъ Владиміръ Львовичъ будетъ ходить.

— Непремѣнно, сказалъ Каштановъ.

— Вотъ я теперь чувствую, что это «непремѣнно»—дѣйствительно настоящее непремѣнно, а не мельхіоровое. Можно вамъ «Фауста» сыграть?—сдѣлала она неожиданный вопросъ.

— Сыграйте... я эту оперу люблю, сказалъ Каштановъ.

— Я ее сегодня все утро играла, сказала Лида, садясь къ піанино.

— Видно ужь сегодня мнѣ придется чай приготовить, сказазала Анна Ильинична.

— Да̀, ужь, мамочка, сдѣлайте милость.

Она подбѣжала къ матери и два раза звонко поцѣловала ее.

— Слушайте прелюдію. Она вамъ должна нравиться. Это—хандра, мрачныя мысли.

Тягучіе, глухіе аккорды плавно зазвучали послѣ вступительнаго fortissimo; безотрадныя мысли Фауста передавались мрачными басовыми фразами, но вотъ сверкнули примиряющія, свѣтлыя ноты; полилась успокоительная мелодія и разрѣшилась тремя величественными аккордами.

— Это—уже успокоеніе, сказала Лида, а вотъ и просвѣтленіе.

Она перевернула нѣсколько страницъ и заиграла дуэтъ 3-го акта.

Каштановъ слушалъ, переживая отрадныя впечатлѣнія встрѣчи съ Лидой; прояснившееся сѣрое небо, сладкая мелодія Гуно, все это набѣжало неожиданною волной, охватившей его своею свѣжестью.

Лида кончила и обернулась, а Каштановъ молчалъ.

— Браво, Лидія Васильевна, она захлопала въ ладоши:—вы сегодня хорошо сыграли!—Правда?

— Очень хорошо, сказалъ Каштановъ, точно очнулся отъ пріятнаго сна.

— И знаете, почему я себѣ аплодировала?.. потому что, когда я кончила, вы молчали!.. вы не сказали этихъ противныхъ словъ: «ка̀къ это прекрасно... очаровательно»... которыя

обыкновенно говорятъ гости, не испытывая никакого очарованія.—Брависсимо, Лидія Васильевна!

Она засмѣялась и опять сѣла за піанино.

— Довольно музыки... знаете, куда она привела мою мысль? Попробуйте угадать.

— Можетъ быть, къ алуштинскимъ горамъ и шумящему морю?

— У васъ удивительное чутье. Я не думала, чтобы вы угадали. Эти горы съ бродящими по нимъ облаками теперь точно передо мной. А воздухъ-то! Я непремѣнно хочу подышать имъ. Уговорю маму уѣхать на весну въ Алушту.

— Лидочка, зови гостя чай пить... раздался голосъ Анны Ильиничны изъ сосѣдней комнаты.

— Пойдемте, сказала Лида.

Каштановъ просидѣлъ почти до полночи.

— Вы нашъ частый гость, или нѣтъ? спросила Лида, прощаясь съ нимъ.

— Частый, отвѣтилъ Каштановъ.

Онъ вышелъ на улицу въ очень хорошемъ настроеніи духа.

— Неужели любовь начинается? явилась вдругъ неожиданная мысль.

Каштановъ вспомнилъ Енотина, увѣрявшаго, что только любовь можетъ быть краеугольнымъ камнемъ благополучія человѣка, и отвѣтилъ на вопросъ ироническою усмѣшкой, но анализировать своихъ чувствъ не сталъ, а взялъ извощика, предался пріятнымъ ощущеніямъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на звѣзды, которыя, казалось, лукаво и ласково подмигивали ему съ темнаго неба.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ВЪ С. АМЕРИКѢ.

Очерки изъ исторіи Соединенныхъ Штатовъ.

II.

Штемпельный билль.

Недаромъ Виргинія, самая обширная между южными колоніями, гордится своимъ прозвищемъ «Стараго Владѣнія» (Old Dominion). Она, дѣйствительно, начала населяться изъ Европы прежде другихъ земель Сѣверной Америки, а именно, еще въ началѣ семнадцатаго столѣтія. Она гордится, впрочемъ, нетолько относительною древностью своихъ поселеній, но еще болѣе тѣмъ, что была родиной многихъ даровитыхъ поборниковъ за независимость сѣвероамериканскихъ колоній. Среди благодатной природы ея воспитались и зрѣли славные вожаки революціи.

Раскинувшись отъ атлантическаго поморья на западъ за Аллегэнскимъ хребтомъ, гдѣ ничѣмъ еще не ограничивались предѣлы колоніальныхъ земель, и занимая, такимъ образомъ, пространство, равное чуть ли не цѣлому европейскому королевству, вродѣ Италіи, Виргинія сто лѣтъ тому назадъ вмѣщала въ себѣ всего около двухъ-сотъ тысячъ жителей. Изъ нихъ немногіе развѣ занимались ремеслами или иными промыслами. Самая большая часть состояла изъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, занимавшихся воздѣлкою дѣвственной почвы при помощи невольниковъ негровъ. По обширному краю, на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, разсыпаны были плантаціи, большею частью табачныя. Значительныхъ городовъ въ колоніи не было. Главнымъ средоточіемъ администраціи края и законодательнаго собранія служилъ Вильямсбургъ, состоявшій изъ небольшаго числа деревянныхъ домовъ.

Плантаторы, воздѣлывая кукурузу, пшеницу и особенно табакъ, единственный источникъ ихъ доходовъ, проводили жизнь

въ семейномъ кружкѣ, среди пустыннаго уединенія чуть ли не первобытнаго края. Они, конечно, рады были, когда представлялся случай оказать гостепріимство издалека забредшему къ нимъ пришельцу. Тѣмъ болѣе, что сообщеніе по немногимъ колесами телегъ проторенньмъ дорогамъ было крайне затруднительное, а мѣстами въ экипажѣ и вовсе не было проѣзда. Такъ что жители, и богатые и бѣдные, мужчины и женщины, всѣ отъ мала до велика, отправлялись обыкновенно въ дальній путь не иначе, какъ верхомъ. Виргинцы всегда питали особенное пристрастіе къ верховой ѣздѣ. Въ ихъ городахъ до сихъ поръ еще вездѣ, у тротуаровъ, стоятъ чугунныя тумбочки съ приспособленными къ нимъ желѣзными кольцами, къ которымъ пріѣзжающіе издалека всадники, заходя въ какой-нибудь домъ, привязываютъ обыкновенно своихъ лошадей на улицѣ.

Находясь довольно далеко отъ тропиковъ, подъ одною широтою съ южной Италіей, Виргинія пользуется хотя и теплымъ, однако не развивающимъ нѣгу и лѣнь климатомъ. Здѣсь, конечно, не знаютъ ни морозовъ, ни снѣговъ холоднаго пояса, а всетаки переходы отъ дневнаго зноя къ ночной свѣжести бываютъ довольно рѣзки. Поселенцы съ своими семьями на уединенныхъ плантаціяхъ любили коротать долгіе зимніе вечера, сидя передъ большимъ костромъ, пылавшимъ въ обширномъ, незатѣйливо устроенномъ каминѣ. Нескончаемыя первобытныя дебри изобиловали самыми разнообразными породами чернолѣсья: тутъ росли высокія, орѣховыя деревья, каштаны, вѣковые дубы и между ними—красота здѣшнихъ лѣсовъ, великоцвѣтная магнолія. Въ этихъ нетронутыхъ еще топоромъ бѣлаго человѣка дебряхъ водилось много всякой красной дичи. Поселяне охотились здѣсь за оленемъ, индюкомъ, преслѣдовали также волковъ и медвѣдей. Скитаясь по пустыннымъ лѣсамъ, предпріимчивые колонисты подвигались все далѣе на западъ и, поднимаясь по отлогостямъ горныхъ отраслей Аллегановъ, залагали тамъ невѣдомыя для тогдашняго образованнаго міра поселенія. Тамъ, далеко за предѣлами цивилизаціи, они сталкивались съ краснокожими дикарями, то и дѣло нападавшими на крайнія поселенія бѣлыхъ людей. Въ непрерывной борьбѣ за свое существованіе, закалялись самостоятельныя, цѣльныя натуры, не знавшія никакихъ стѣсненій и шутя преодолѣвавшія всякія препятствія.

Понятно, что личности, выросшія среди такой обстановки, представляли много своеобразныхъ особенностей; онѣ, на самомъ дѣлѣ, отличались нетолько отъ европейскихъ современниковъ своихъ, но даже отъ потомковъ пуританъ въ Новой Англіи, съ которыми борьба за независимость связала ихъ тѣсными узами.

Домашній бытъ виргинцевъ той эпохи извѣстенъ болѣе или менѣе по разсказамъ лѣтописца объ образѣ жизни и воспитанія нѣкоторыхъ изъ сподвижниковъ народнаго движенія.

Внутри края, въ дальнемъ разстояніи отъ атлантическаго побережья, на плантаціи, разведенной среди дѣвственныхъ лѣсовъ, провелъ свои отроческіе годы Мадисонъ, бывшій впослѣдствіи президентомъ молодой республики. Отрокомъ онъ учился, какъ самъ разсказывалъ, на мѣдныя деньги, въ школѣ какого-то шотландскаго философа. Подозрѣваемый въ соучастіи въ политическихъ смутахъ на родинѣ, этотъ учитель бѣжалъ въ Америку отъ преслѣдованій полиціи и открылъ тамъ учебное заведеніе для дѣтей плантаторовъ. Мадисонъ изъ отцовскаго дома по пустыннымъ полямъ каждый день ѣздилъ въ школу верхомъ на своемъ пони. Пристрастившись къ наукамъ, онъ на восемнадцатомъ году отправился въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Новой Англіи, гдѣ и докончилъ свое школьное образованіе. Въ самой Виргиніи, въ то время, школы находились вообще въ весьма плохомъ состояніи. Причиною отчасти была укоренившаяся тамъ язва невольничества, оказавшая съ самаго начала свое пагубное вліяніе на весь общественный строй въ колоніи. Богатые виргинцы нерѣдко посылали своихъ дѣтей въ европейскіе университеты, съ тѣмъ чтобы довершить тамъ высшее образованіе. Менѣе же достаточные отправлялись обыкновенно на сѣверъ въ Новую Англію, а не то доучивались коекакъ сами у себя дома, пользуясь случайными средствами, какими надѣляла ихъ судьба.

Возвратившись изъ Новой Англіи въ Виргинію, Мадисонъ ревностно принялся за изученіе юридическихъ и богословскихъ наукъ, въ которыхъ онъ впослѣдствіи считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ въ штатахъ. Ему, по преимуществу, республика одолжена господствующей въ ней самой широкой свободой въ отношеніи религіи. И дѣйствительно, въ 1776 году, при составленіи акта независимости на конгрессѣ, одинъ изъ членовъ предложилъ внести въ конституцію особую статью о вѣротерпимости. Мадисонъ, по этому поводу, справедливо замѣтилъ, что вѣротерпимость не есть еще полная свобода религіознаго культа, потому что она предполагаетъ господствующую въ государствѣ религію, какъ бы изъ снисхожденія оказывающую терпимость къ другимъ уклоняющимся отъ нея культамъ; вслѣдствіе этого онъ предложилъ внести въ конституцію такое постановленіе: «всѣ граждане пользуются одинакимъ правомъ свободнаго вѣроисповѣданія согласно съ указаніями своей совѣсти». Впослѣдствіи онъ довершилъ начатое имъ дѣло, настоявъ на совершенномъ

устраненіи какого бы то ни было вмѣшательства правительственной власти въ церковныя дѣла̀. Благодаря отчасти такому рѣшительному отдѣленію церкви отъ правительства, Соединенные Штаты навсегда избавлены отъ религіозныхъ смутъ, которыя сто̀или Европѣ несмѣтныхъ жертвъ, гибшихъ цѣлыми милліонами въ нескончаемыхъ войнахъ, въ застѣнкахъ и на кострахъ инквизиціи.

Въ той же Виргиніи провелъ дѣтство и юность Джефферсонъ, даровитый авторъ акта американской независимости, избранный впослѣдствіи также въ президенты Штатовъ. Отецъ его, въ качествѣ землемѣра, ходилъ въ дальнія поселенія на западъ для разверстки незанятыхъ еще земель. Сопровождая его, молодой Джефферсонъ дни своей юности провелъ бо̀льшею частью на самыхъ окраинахъ тогдашняго цивилизованнаго міра. Пытливый умъ его и тутъ нашелъ средства ознакомиться съ лучшими писателями и учеными древнихъ и новыхъ временъ и обогатиться обширными историческими и философскими познаніями. Такой образъ жизни повліялъ, конечно, на складъ его ума, и впослѣдствіи, предостерегая своихъ согражданъ отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла̀, онъ писалъ:

«Если наука, какъ часто случается въ Европѣ, изъ поборниковъ своихъ дѣлаетъ подлыхъ наемниковъ власти, орудіе произвола и застоя, то для насъ въ Америкѣ было бы лучше, еслибъ мы удалились отъ такого умственнаго образованія и скрылись въ наши дремучіе лѣса. Тамъ, далеко отъ такихъ пагубныхъ вліяній цивилизаціи, станемъ жить для свободы, для неприкосновенной самостоятельности человѣка!..»

Въ краю болѣе населенномъ, ближе къ берегамъ океана и впадающаго въ него Потомака, въ той же Виргиніи родился Джоржъ Уашингтонъ, главнокомандующій американскими войсками въ ихъ борьбѣ съ англичанами и первый президентъ возникшей потомъ республики. Онъ учился въ одной изъ первоначальныхъ школъ, чѣмъ почти и ограничилось его школьное образованіе. Изучивъ потомъ на практикѣ межеваніе, юный Джоржъ шестнадцати лѣтъ занялся разверсткою земель одного изъ лордовъ, переселившихся въ Америку. Проведя въ этомъ занятіи нѣсколько лѣтъ къ ряду, онъ закалилъ и тѣло и духъ свой въ постоянной борьбѣ съ препятствіями всякаго рода и опасностями среди первобытныхъ лѣсовъ, по сосѣдству съ враждебными племенами краснокожихъ дикарей. Во время межевыхъ работъ онъ усвоилъ себѣ отличное знаніе мѣстныхъ условій и необыкновенную сноровку пользоваться ими при всякомъ удобномъ случаѣ,

что̀ и дало ему впослѣдствіи возможность съ скудными средствами одолѣть сильнаго врага.

Итакъ, изъ первыхъ четырехъ президентовъ Соединенныхъ Штатовъ трое, Уашингтонъ, Джефферсонъ и Мадисонъ, были уроженцами Стараго владѣнія, Виргиніи; только одинъ, именно Джонъ Адамсъ, второй президентъ республики, былъ родомъ изъ Массачузетса.

Старше годами названныхъ трехъ виргинцевъ былъ сподвижникъ и землякъ ихъ, Патрикъ Генри, одинъ изъ передовыхъ бойцовъ за народное дѣло. Онъ воспитывался въ школѣ, открытой его отцомъ, гдѣ пріобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ элементарныхъ наукахъ. Но Патрикъ, какъ разсказываетъ біографъ, отрокомъ болѣе всего любилъ бродить съ ружьемъ по лѣсамъ, удить рыбу или рыскать верхомъ по пустыннымъ полямъ. Такъ что, несмотря даже на отцовскую школу, молодой Генри, въ отношеніи естественности и первобытности натуры, могъ бы служить скорѣе всего живымъ олицетвореніемъ Эмиля, созданнаго творческою фантазіей Руссо и такъ сильно увлекавшаго тогда современниковъ. На шестнадцатомъ году отецъ пристроилъ Патрика къ торговому дѣлу; но юный питомецъ природы оказался плохимъ торговцемъ. Потерпѣвъ неудачу на коммерческомъ поприщѣ, онъ принялся-было за сельское хозяйство, и съ такимъ же скуднымъ успѣхомъ. Тогда, съ свойственной американскимъ колонистамъ упругустью нрава, онъ задумалъ сдѣлаться адвокатомъ. Изучивъ на-скоро самыя необходимыя отрасли законовѣдѣнія, онъ, на двадцать четвертомъ году отъ роду, выдержалъ кое-какъ испытаніе, которому подвергались юристы въ колоніяхъ, и получилъ разрѣшеніе заняться адвокатурой. Эта цѣльная натура являла собою такъ часто встрѣчающійся въ Америкѣ типъ самоучки, развившагося своими собственными силами, безъ всякой посторонней помощи.

Молодой адвокатъ, появившійся изъ пустыннаго лѣса въ малонаселенномъ городкѣ, ничѣмъ еще не успѣлъ заявить себя на первыхъ порахъ и потому пользовался весьма ограниченною практикой. Но добродушный, симпатичный нравъ его, простая прямота и задушевность въ обращеніи съ людьми какого бы то ни было званія невольно привлекали къ нему всѣхъ сходившихся съ нимъ поселянъ. Когда открылось законодательное собраніе виргинской колоніи въ Вильямсбургѣ, то жители округа, гдѣ находился Патрикъ, за неимѣніемъ другого лица, выбрали въ представители своего юнаго адвоката.

Случилось это именно въ то самое время, когда англійскій парламентъ издалъ столь знаменитый по своимъ послѣдствіямъ

штемпельный актъ, по поводу котораго необходимо войти здѣсь въ нѣкоторыя разъясненія.

Англійскій парламентъ, какъ мы уже знаемъ, постоянно изъискивалъ всѣ возможныя средства, какъ бы извлечь изъ колоній доходы для пополненія королевской казны. Король Георгъ III-й хотѣлъ во что̀ бы то ни стало обложить налогами своихъ подданныхъ въ Америкѣ, а раболѣпные министры его, заботясь о томъ, ка̀къ бы удержаться на своихъ доходныхъ мѣстахъ, старались привести въ исполненіе всѣ требованія короля. Они успѣли даже склонить на свою сторону легковѣрную публику, увѣривъ ее, будто, вслѣдствіе обложенія податью заатлантическихъ колоній, съ подданныхъ въ самой Англіи снимется немалая доля обременительныхъ налоговъ. Такія обѣщанія министровъ никогда, конечно, не приводились въ исполненіе. Мало того, они настаивали, сверхъ того, на необходимости содержать въ Америкѣ, по примѣру европейскихъ державъ, постоянное войско, хотя никакой внѣшній врагъ не угрожалъ колоніямъ.

Но привычные къ самостоятельной жизни американцы понимали дѣло по своему. Постоянное войско, говорили они, содержимое на счетъ податныхъ, можетъ стать опаснымъ орудіемъ деспотической власти парламента, давая ему возможность еще болѣе обременять народъ всякими тягостями. Колоніи, впрочемъ, не отказывались внести съ своей стороны нѣкоторую дань въ государственную казну. Они готовы были уплатить, и не разъ уже уплачивали, даже свыше того, что̀ съ нихъ требовалось въ качествѣ подати. Они хотѣли только сдѣлать это по своей доброй волѣ, не иначе, какъ черезъ посредство своихъ же законодательныхъ собраній, гдѣ подобныя дѣла̀ рѣшались избранными народомъ представителями. Англійскій же парламентъ, по иниціативѣ короля, настаивалъ на своемъ исключительномъ правѣ облагать колоніи налогами по своему собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, оказывается, что борьба въ настоящемъ случаѣ возникла, въ сущности, не изъ-за грошей, на которые не поскупились бы американцы, а изъ-за правъ той и другой стороны. Въ парламентѣ, конечно, сознавали это вполнѣ, хотя министры и старались прикрыть свои поползновенія высшими, будто бы, заботами о народномъ и государственномъ благѣ.

Когда назначенная, года четыре до того, пошлина на сахаръ, вслѣдствіе извѣстнаго уже намъ протеста бостонскихъ купцовъ, не принесла метрополіи ожидаемыхъ выгодъ, то министры не переставали изощряться въ новыхъ проектахъ, въ

какой бы болѣе благовидной формѣ обязать колоніи ко взносу постоянныхъ податей. На этотъ конецъ въ парламентѣ предложили ввести штемпельный налогъ. И, дѣйствительно, послѣ повторявшихся нѣсколько разъ преній, въ началѣ 1765 года, парламентомъ окончательно утвержденъ столь роковой для Америки штемпельный билль. Въ томъ же году, во всѣ главные города тринадцати колоній отправлены особые чиновники съ порученіемъ продавать американцамъ штемпельную бумагу или марки, которыя предписывалось наклеивать на счета и росписки торговцевъ, на контракты, условія, свидѣтельства—словомъ, на всякія бумаги, касавшіяся разныхъ оборотовъ и сношеній въ общественномъ быту. Штемпельной таксѣ подлежали также всѣ изданія печати, научныя и учебныя книги, газеты, даже афиши и всякаго рода объявленія. Такимъ образомъ, каждый изъ гражданъ, начиная отъ богача-банкира и кончая поденщикомъ, кàкъ бы скудны ни были его добытки, поневолѣ вносилъ бы свою лепту въ королевскую кассу. Въ Европѣ такіе поборы, конечно, не возбудили бы въ публикѣ никакого особеннаго движенія, но въ колоніяхъ, гдѣ каждая община искони распоряжалась сама своими расходами, гдѣ законодательное собраніе обязано было отдавать отчетъ о каждомъ пенни, взимаемомъ съ гражданъ, тамъ подобная мѣра произвела небывалое волненіе въ средѣ мирныхъ поселянъ. Чуткіе на этотъ счетъ американцы не безъ причины опасались, что штемпельная такса грозитъ нетолько ихъ мошнѣ, но еще болѣе ихъ личной свободѣ.

Однако, въ Англіи никто и не подозрѣвалъ, что колонисты осмѣлятся поднять голосъ противъ новаго устава. Тѣмъ болѣе, что многіе изъ американцевъ, жившихъ въ Лондонѣ въ качествѣ коммерческихъ агентовъ своихъ колоній, не предполагали даже, чтобы ихъ соотечественники въ Америкѣ въ состояніи были оказать какое-нибудь противодѣйствіе предпринятой мѣрѣ, обойти которую не предвидѣлось уже никакой возможности. Самъ многоопытный Франклинъ, бывшій тогда агентомъ Пенсильваніи, тотчасъ по выходѣ штемпельнаго билля, писалъ своимъ друзьямъ:

«Теперь, конечно, для насъ закатилось солнце свободы; но утѣшьтесь, мы можемъ еще зажечь свѣчи. Постараемся, хоть при ихъ свѣтѣ, трудолюбіемъ и бережливостью наверстать, по мѣрѣ силъ, наши утраты. Тунеядство и заносчивость облагаютъ людей еще болѣе тяжкою данью, нежели короли и парламенты. Когда успѣемъ избавиться отъ первыхъ, то намъ легче будетъ вынести и послѣднихъ».

Такъ въ долготерпѣніи своемъ выражалъ тогда Франклинъ свой пассивный протестъ. Но одинъ изъ его менѣе терпѣливыхъ друзей въ Америкѣ тогда уже отвѣчалъ ему:

«Боюсь, какъ бы вамъ, вмѣсто свѣчей, о которыхъ вы упоминаете въ вашемъ письмѣ, не пришлось бы скоро услышать о подвигахъ мрака».

И, дѣйствительно, народъ въ Америкѣ оказался рѣшительнѣе своихъ агентовъ въ Лондонѣ. На этотъ разъ, Виргинія первая подала знакъ къ протесту. Извѣстіе о штемпельномъ биллѣ пришло туда въ то самое время, когда въ городѣ Вильямсбургѣ засѣдало законодательное собраніе, въ которомъ, какъ мы уже знаемъ, однимъ изъ представителей былъ Патрикъ Генри.

Прочитавъ пришедшій изъ Лондона билль, члены собранія унылымъ, малодушнымъ молчаніемъ своимъ какъ бы изъявили уже согласіе на введеніе въ колоніи штемпельнаго налога. Въ залѣ господствовала зловѣщая тишина. Пользуясь охватившимъ всѣхъ смущеніемъ, младшій изъ всѣхъ присутствовавшихъ тутъ представителей, Патрикъ Генри, всталъ съ своего мѣста, какъ всегда, невозмутимо спокойный, неуклюжій съ виду, настоящій неотесанный питомецъ первобытныхъ лѣсовъ. Въ отвѣтъ на представленный билль, онъ тутъ же предложилъ собранію постановленія слѣдующаго рода:

1) Виргинцы искони пользовались гражданскими правами наравнѣ съ британскими подданными.

2) Право облагать самихъ себя податью—есть одинъ изъ существенныхъ признаковъ британской свободы.

3) Виргинія всегда пользовалась самоуправленіемъ, правомъ распоряжаться своими дѣлами и облагать себя податью.

4) Она никогда не поступалась этимъ правомъ, которое, напротивъ того, всегда признавалось за нею королями.

А потому:

5) Колоніальное собраніе одно только вправѣ и властно облагать виргинскихъ гражданъ податью какого бы то ни было рода, и всякое покушеніе снабжать такою властью иныя личности есть посягательство на свободу британскихъ и американскихъ гражданъ.

И наконецъ:

6) Виргинія не обязана подчиняться какому бы то ни было уставу, облагающему ее податью помимо ея законодательнаго собранія. И всякій, кто вздумалъ бы устно или письменно утверждать противное, да будетъ объявленъ врагомъ американскихъ колоній.

Ни кѣмъ нежданныя предложенія какъ новизною, такъ и

смѣлостью своею поразили членовъ, и нетолько приверженцевъ англійскаго парламента, но также друзей и сторонниковъ Патрика. Господствовавшая тишина тотчасъ же смѣнилась бурными преніями. Все собраніе взволновалось. И съ той, и съ другой стороны посыпались угрозы. Болѣе умѣренные члены, сочувствуя втайнѣ Патрику, но подчиняясь благоразумной осторожности, всячески старались умѣрить пылкія и рѣзкія выходки. Прокуроръ, какъ представитель королевской власти, одинъ изъ самыхъ опытныхъ юристовъ въ колоніяхъ, ревностно отстаивалъ права̀ парламента. Но всѣми своими доводами онъ вызвалъ только Патрика на болѣе рѣшительныя объясненія. Разбивъ вѣскими доказательствами доводы прокурора, онъ подтвердилъ, что облагать податью жителей колоніи, безъ согласія ихъ представителей, можно развѣ въ силу деспотической власти, и король, узаконивъ штемпельный билль, является деспотомъ своихъ подданныхъ. Намекая на участь, постигшую подобныхъ деспотовъ, Патрикъ закончилъ свою рѣчь словами:

— Тарквиній и Цезарь обрѣли каждый своего Брута, Карлъ I-й своего Кромвеля; а Георгу III-му...

— Это—государственная измѣна! прервалъ его предсѣдатель.

— Измѣна! мятежъ! вторили ему голоса приверженцевъ парламента.

Невозмутимый Патрикъ, устремивъ спокойный взглядъ на предсѣдателя, заключилъ твердымъ голосомъ:

— Георгу III-му не мѣшало бы воспользоваться такими уроками. А если это, по вашему—измѣна, то примите мѣры противъ нея.

Несмотря на робкую осторожность нѣкоторыхъ изъ членовъ, собраніе, находясь еще подъ обаяніемъ рѣчей Патрика, приняло его предложенія, но—большинствомъ одного только голоса.

Въ это время, разсказываетъ лѣтописецъ, въ смежномъ съ залою корридорѣ случайно находился молодой Джефферсонъ, съ нетерпѣніемъ выжидавшій исхода засѣданія. Когда кончилось собираніе голосовъ, то ошеломленный неудачею прокуроръ, проходя мимо Джефферсона, проговорилъ:

— Я готовъ бы дать пятьсотъ золотыхъ за одинъ голосъ въ пользу парламента.

Считая дѣло окончательно порѣшеннымъ, Патрикъ Генри, вечеромъ того же дня, отправился, по обыкновенію, верхомъ къ себѣ домой. На другой день, пользуясь его отсутствіемъ, противники успѣли-таки убѣдить собраніе удержать одни только четыре первыя предложенія, а остальныя исключить изъ протокола. Губернаторъ, съ своей стороны, поспѣшилъ закрыть собра-

ніе. Но было уже поздно. Всѣ шесть предложеній, вмѣстѣ съ рѣчами Патрика, появились уже въ газетахъ безъ всякихъ выпусковъ и быстро разошлись по остальнымъ колоніямъ. Когда тамъ узнали, что старшее владѣніе подняло свой голосъ противъ билля, то всякимъ дальнѣйшимъ колебаніямъ разомъ былъ положенъ рѣшительный конецъ.

И, дѣйствительно, граждане въ остальныхъ колоніяхъ сначала сильно колебались по поводу штемпельнаго налога. Даже избранный представитель «друзей свободы», Отисъ, предался, на этотъ разъ, непонятному, безвыходному отчаянію. «Слезы—единственное мое утѣшеніе, говорилъ онъ, когда въ Бостонъ дошла вѣсть о штемпельномъ биллѣ.—Какъ бы то ни было, а всѣ мы должны смириться и безропотно подчиниться рѣшеніямъ высшей и законной власти. Изъ тысячи колонистовъ врядъ ли найдется хотя одинъ, который вздумалъ бы оказать сопротивленіе нашему королю и парламенту. Они, конечно, вправѣ облагать колоніи налогами. Отъ всей души гнушаюсь мыслью протестовать по поводу этого вопроса».

Не вѣрится, въ самомъ дѣлѣ, чтобы такъ говорилъ тотъ самый Отисъ, который, какъ мы видѣли, поднялъ въ Бостонѣ сильную бурю по поводу другихъ, даже менѣе важныхъ вопросовъ. Но мы не вправѣ не довѣрять лѣтописцу, по словамъ котораго Отисъ, вообще, легко подчинялся настроенію минуты и не разъ, въ подобныхъ случаяхъ, проявлялъ шаткость и непослѣдовательность въ мнѣніяхъ. Вызвавъ бурю въ своихъ согражданахъ, онъ самъ какъ бы убоялся неотразимыхъ ея послѣдствій. Въ этомъ отношеніи Отисъ представлялъ собою прямую противоположность съ цѣльною натурою Патрика Генри, хотя оба они неуклонно и равно безкорыстно стремились къ одной и той же цѣли—къ народному благу.

Сторонники парламента съ самодовольнымъ презрѣніемъ указывали на Отиса, осмѣивая причудливыя фантазіи и противорѣчія этого сумасброда, какъ они называли его. Но сограждане, несмотря на случавшіяся по временамъ колебанія Отиса, были вполнѣ убѣждены, что онъ, въ сущности, былъ человѣкомъ, «дерзавшимъ горячо любить свое отечество и остаться бѣднымъ до конца жизни», какъ выразился одинъ изъ современниковъ его. Они называли его своимъ вдохновеннымъ пророкомъ, мощнымъ и вѣщимъ, когда онъ отдавался обаянію своего свободнаго чувства, но, по временамъ, слабымъ и шаткимъ, когда подчинялся болѣе осторожнымъ юридически-ученымъ выводамъ.

Общество друзей свободы въ Бостонѣ порицало, правда, своего вожака за малодушную уступчивость, за подобное отрече-

ніе отъ своихъ правъ; но, увѣренное въ неизмѣнной готовности Отиса жертвовать собою для общаго дѣла, оно, все-таки, не отнеслось къ нему враждебно и, какъ вскорѣ окажется, не разъ еще пользовалось проблесками его даровитой натуры. И, въ самомъ дѣлѣ, до Бостона не успѣла еще дойти вѣсть о виргинскихъ предложеніяхъ Патрика Генри, какъ тотъ же Джэмсъ Отисъ подалъ плодотворную, по своимъ великимъ послѣдствіямъ, мысль созвать всеобщій американскій конгрессъ. На такой конецъ представители Бостона разослали воззванія ко всѣмъ колоніямъ, приглашая ихъ, къ октябрю текущаго года, выслать въ Нью-Йоркъ депутатовъ для совмѣстнаго совѣщанія по поводу штемпельнаго акта. Послѣдній, какъ предполагалось, имѣлъ вступить въ дѣйствіе съ 1-го ноября того же года. По предложенію Отиса, конгрессу надлежало составить отъ всѣхъ колоній коллективное прошеніе къ королю объ отмѣнѣ ненавистнаго для американцевъ билля. Времени впереди оставалось немного: всего четыре-пять мѣсяцевъ, что̀, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія въ ту эпоху и при отдаленности другъ отъ друга крайнихъ колоній, было срокомъ весьма ограниченнымъ. Тѣмъ еще болѣе, что многіе изъ колонистовъ, запуганные сторонниками парламента и желавшіе, во что̀ бы то ни стало, сохранить спокойствіе и порядокъ, уже готовы были безпрекословно подчиниться новому штемпельному налогу и потому, пожалуй, не скоро рѣшились бы отвѣтить на смѣлое воззваніе Бостона.

При такихъ-то смутныхъ обстоятельствахъ, въ колоніяхъ распространились изъ одного конца въ другой составленныя Патрикомъ предложенія. Они, подобно набатному звону, подняли тревогу въ народѣ во всѣхъ даже самыхъ дальнихъ захолустьяхъ рѣдко населенной страны. Если, говорили поселенцы, наше старшее владѣніе рѣшилось воспротивиться такому уставу парламента, то намъ всѣмъ не слѣдуетъ ограничиваться одними словпреніями; пора рѣшиться на какое нибудь дѣло. Поднялось сильное броженіе умовъ, сопровождаемое притомъ народными движеніями; такъ что, въ четырехмѣсячный промежутокъ до собранія конгресса, событія, вызванныя злосчастнымъ биллемъ, быстро смѣнялись одни другими.

Теперь движеніе охватило уже не одну какую нибудь колонію, какъ то было въ первый разъ по поводу таможенныхъ пошлинъ. И понятно: послѣднія ложились гнетомъ на однѣ только сѣверныя области, участвовавшія во внѣшней торговлѣ, тогда какъ важныя плантаторскія колоніи, понятно, вовсе не занимались ею. Но штемпельному налогу подвергались въ одинаковой мѣрѣ не только всѣ области, но и всѣ слои общества безъ ис-

ключенія; ни одна промысловая, ни общественная дѣятельность не могла миновать этого новаго налога. Потому и неудивительно, что все населеніе, подъ вліяніемъ разнесенныхъ газетами рѣчей Патрика, взволновалось, словно море послѣ затишья. Но какъ прежде, такъ точно и теперь, главною причиною дружнаго протеста былъ не столько штемпельный уставъ самъ по себѣ, сколько, скорѣе, произвольный, беззаконный способъ введенія его парламентомъ помимо согласія на то законодательныхъ собраній въ Америкѣ.

«Парламенту стòитъ только разъ сдѣлать починъ такого рода, предостерегали въ Бостонѣ друзья свободы: — а тамъ и конца не предвидится его требованіямъ».

«Уступите ему только первый шагъ, говорили, въ свою очередь, землевладѣльцы: — и парламентъ, того и смотри, наложитъ еще поземельную подать на всю Америку».

Даже болѣе робкіе, осторожные дѣловые люди разсуждали, «Не ясно, развѣ, что министры покушаются на наши деньги, на нашу собственность? отъ нихъ только и слышишь: давай, да давай! но никогда не скажутъ они: довольно!»

Торговцы, въ свою очередь, не ограничились одними словами. Въ отместку британскому правительству, они перестали покупать англійскіе товары и такимъ образомъ окончательно лишили его всякихъ таможенныхъ доходовъ. А потребители, съ своей стороны какъ въ городахъ, такъ и селахъ принялись за выдѣлку домашняго сукна и полотна. Жены богатыхъ гражданъ подавали собою примѣръ, одѣваясь въ платья домашняго издѣлія, отказываясь даже носить трауръ, лишь бы не покупать необходимыя для того англійскія матеріи. Поселенцы рѣшились не употреблять въ пищу баранины, съ цѣлью добыть побольше шерсти для домашнихъ издѣлій.

Въ самый разгаръ расходившихся такимъ образомъ народныхъ страстей, изъ Англіи прибыли чиновники съ цѣлыми кипами штемпельной бумаги, назначенной въ продажу. Въ августѣ, были обнародованы имена продавцевъ. Англійскій министръ, думая задобрить колонистовъ, намѣренно назначилъ на эту должность урожденныхъ американцевъ. Но его хитроумная мѣра еще сильнѣе раздражила народъ и подала поводъ къ разнымъ насильственнымъ поступкамъ со стороны невоздержной въ подобныхъ случаяхъ толпы.

Такъ, между прочимъ, одинъ изъ назначенныхъ продавцевъ штемпелей вздумалъ-было публично оправдаться передъ своими согражданами, говоря: «Развѣ вамъ не пріятнѣе, если налогъ

будетъ взиматься вашими-же земляками, а не чужими пришельцами?»

«Нѣтъ, злодѣй! намъ это нисколько не пріятнѣе, возразили ему изъ собравшейся тутъ публики.—Если твой отецъ осужденъ на казнь, и ты же самъ казнишь его, то палачова плата тоже останется въ семьѣ; но развѣ ты—не тотъ же отцеубійца послѣ этого? Все равно и тутъ: если нашлись люди, готовые грабить твое отечество, развѣ ты, получая долю съ добычи—не тотъ же измѣнникъ?»

Однако, общество друзей свободы въ Бостонѣ видѣло, что времени терять нечего и необходимо приступить къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ. И вотъ, въ ночь съ 13 на 14 августа, собралась небольшая шайка, состоявшая изъ наборщика, маляра, двухъ мѣдниковъ и нѣсколькихъ другихъ ремесленниковъ. Пробираясь тишкомъ по городу, они направились къ извѣстному уже намъ городскому лугу, къ коммону, среди котораго стоялъ тогда широковѣтвистый вязъ. Онъ и до сихъ поръ еще красуется среди разросшихся съ той поры молодыхъ деревьевъ на лугу, и горожане не такъ еще давно обвели его чугунной рѣшеткой съ надписью на ней: «старый вязъ». Когда на коммонѣ не было еще никакого парка, то старое дерево было уже въ полномъ ростѣ.

Подъ нимъ-то и остановилась ночная шайка ремесленниковъ. Еще до зари вывѣсили они на сукѵ принесенную съ собою фигуру въ человѣческій ростъ, походившую на главнаго штемпельнаго чиновника, и разукрасили ее разными символическими изображеніями, намекавшими на ненавистныя личности министровъ, по настоянію которыхъ изданъ штемпельный билль.

Съ ранняго утра, обыватели, проходя по коммону, невольно застаивались передъ небывалымъ зрѣлищемъ, и вскорѣ вокругъ вяза собралось болѣе тысячи человѣкъ.

«Что̀ это значитъ?» спрашивали они, недоумѣвая, другъ друга.

Въ отвѣтъ молодые ремесленники поясняли:

«Вязъ этотъ да будетъ нашимъ деревомъ свободы! Знать не хотимъ штемпелей; не будемъ платить налога. Пусть наше дерево служитъ залогомъ нашей независимости и да будетъ проклятъ, кто срубитъ его!»

Провѣдавъ о такой позорной для штемпельнаго чиновника выходкѣ, губернаторъ послалъ на коммонъ своихъ людей, приказавъ имъ снять вывѣшенныя фигуры.

«Не троньте ихъ! кричала толпа, отгоняя посланныхъ.—Убирайтесь отсюда; мы въ свое время и безъ васъ снимемъ ихъ съ дерева».

Встревоженный губернаторъ собралъ въ ратушѣ на совѣтъ своихъ приверженцевъ. Опасаясь еще болѣе раздражить возбужденный народъ, они не рѣшались приступить къ крутымъ мѣрамъ и весь день провели въ безплодныхъ совѣщаніяхъ. Когда стемнѣло, то сгустившаяся вокругъ дерева свободы толпа сняла фигуры, положила ихъ на носилки и въ длинной торжественной процессіи, при свѣтѣ факеловъ, понесла ихъ по главнымъ улицамъ города. Проходя мимо ратуши, гдѣ все еще засѣдалъ губернаторъ съ своими растерявшимися совѣтниками, толпа дружно отгрянула:

«Свобода и собственность! Долой штемпеля!»

Потомъ процессія свернула по улицѣ, на которой строился уже деревянный домъ, назначенный для распродажи штемпельной бумаги. Ремесленники духомъ разобрали его по бревнамъ, вытащили ихъ на ближайшій холмъ и сложили большой костеръ. На него взвалили принесенную фигуру штемпельнаго чиновника и все вмѣстѣ предали пламени при грозныхъ возгласахъ народа, кричавшаго:

«Такъ да погибнетъ всякій, кто вздумаетъ продавать намъ штемпельную бумагу!»

Губернаторъ послалъ, наконецъ, за начальникомъ городской полиціи и велѣлъ ему бить тревогу. Послѣдній, однако, уклонился отъ приказа, сказавъ: «моихъ барабанщиковъ не соберешь теперь: они ушли съ народомъ.»

Между тѣмъ, толпа на холмѣ, потушивъ въ полночь костеръ, спокойно разбрелась по домамъ. Губернаторъ до того перепугался, что на другой же день перебрался въ укрѣпленіе, выстроенное для защиты гавани. А штемпельный чиновникъ поспѣшилъ заявить всенародно, что онъ отрекается отъ своей должности. Когда, по требованію публики, онъ, скрѣпя сердце, подтвердилъ подписью свое обѣщаніе нигдѣ и никому не продавать штемпельной бумаги, то народъ отпустилъ его на всѣ четыре стороны, не причинивъ ему никакой обиды. Достигши такимъ образомъ своей цѣли, молодые ремесленники, вечеромъ, на томъ же холмѣ зажгли потѣшные огни, и долго за полночь раздавались по городу радостные клики неугомонной толпы.

Этимъ не ограничились однако бурныя выходки народа. Нѣсколько дней послѣ того, очередь дошла и до предсѣдателя суда, Гёдчипсона. Бостонцы не могли еще забыть, какъ, года четыре назадъ, по его проискамъ, судъ, послѣ извѣстной намъ рѣчи Отиса, отмѣнилъ свое рѣшеніе по дѣлу таможенныхъ сборовъ. Вообще, Гёдчинсона давно уже и не даромъ подозрѣвали въ тайныхъ козняхъ въ ущербъ народу. Ужъ не онъ-ли, чего

добраго, и на этотъ разъ присовѣтовалъ правительству ввести штемпеля?—думалъ народъ, считая предсѣдателя за отъявленнаго доносчика. Нашлись вожаки, поджигавшіе еще болѣе раздраженную толпу.

Въ такомъ то возбужденномъ настроеніи она ворвалась ночью въ домъ предсѣдателя. Гёдчинсонъ съ семьею едва успѣлъ спастись бѣгствомъ въ заднее крыльцо. Ворвавшіеся взломали двери и шкапы, разбросали по комнатамъ посуду, платье, книги и уничтожили всѣ попавшіяся имъ рукописи, подозрѣвая, что въ нихъ-то и заключаются доносы и извѣты на жителей города. Къ разсвѣту, буйная толпа покинула домъ, ничего впрочемъ не похитивъ изъ него, и разбрелась.

Такія буйства возмутили, однако, благонамѣренныхъ горожанъ, и на другой же день они, на общей сходкѣ, всенародно заявили свое негодованіе по поводу подобныхъ безцѣльныхъ насилій. Друзья свободы, съ своей стороны, обязались впредь подавлять каждый разъ всякое подобнаго рода самоуправство, хотя бы и пришлось для того прибѣгнуть къ оружію. Собраніе гражданъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выразило свое полное сочувствіе событіямъ, совершившимся въ ночь съ 13 на 14 августа, и тутъ же торжественно признало за старымъ вязомъ на коммонѣ данное ему прозвище «дерева свободы».

Въ остальныхъ городахъ и колоніяхъ народъ дѣйствовалъ также дружно и настойчиво, и кончилось тѣмъ, что чиновники, назначенные продавать штемпельную бумагу, вездѣ сами спѣшили подать въ отставку; а народъ, съ своей стороны, всякій разъ сопровождалъ свою побѣду возгласомъ: «Свобода и собственность!»

Слова̀ эти служили, въ нѣкоторомъ родѣ, лозунгомъ общаго возстанія гражданъ. Въ произвольномъ назначеніи парламентомъ штемпельнаго налога общество справедливо видѣло явное посягательство на его собственность. А гдѣ съ такимъ произволомъ нарушается право частной собственности, говорили граждане, тамъ не можетъ быть и ручательства за личную свободу: одна неразрывно связана съ другой. Такимъ образомъ, во всей предстоящей драмѣ американской независимости борьба за свободу необходимо обусловливалась борьбою за собственность.

Однако, совершавшіяся въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ нестройныя, разрозненныя движенія колонистовъ необходимо было привести къ согласному единству; иначе возстаніе не достигло бы настоящей своей цѣли. Такому требованію отвѣчалъ предложенный Отисомъ конгрессъ всѣхъ тринадцати колоній. Несмотря на то, что люди болѣе осторожные не ожидали ничего путнаго отъ

подобнаго собранія и многіе изъ нихъ относились къ нему даже съ презрѣніемъ, называя его выдумкой увлекавшихся сумасбродовъ, несмотря также на то, что губернаторъ Нью-Йорка объявилъ конгрессъ незаконнымъ, какъ не получившимъ прямого разрѣшенія отъ правительства—все-таки, въ началѣ октября, въ Нью-Йоркѣ собрались депутаты изъ девяти колоній. Виргинія, давшая первый толчокъ всеобщему движенію, поневолѣ не выслала депутатовъ, оттого что губернаторъ ея, какъ мы уже знаемъ, поспѣшилъ закрыть законодательное собраніе. Никто, однако, не сомнѣвался въ сочувствіи къ общему дѣлу передового стараго владѣнія. Затѣмъ, безъ представителей остались еще три колоніи. Впрочемъ, впослѣдствіи онѣ также заявили свое согласіе на рѣшенія конгресса; такъ что предстоящее собраніе, по всей справедливости, считается первымъ всеобщимъ конгрессомъ сѣвероамериканскихъ колоній.

Самыя рѣшенія его были уже, можно сказать, подготовлены и ясно предопредѣлены народными движеніями, предшествовавшими собранію депутатовъ. Такъ что имъ предстояло, собственно, только выразить въ болѣе опредѣленномъ и точномъ видѣ заявленное съ такою настойчивостью и такимъ единодушіемъ общее настроеніе и облечь его въ надлежащую юридическую форму. И конгрессъ, этотъ зародышъ будущихъ Соединенныхъ Штатовъ, исполнилъ свое дѣло, сверхъ всякаго ожиданія, удовлетворительно.

Не легко было, въ самомъ дѣлѣ, согласить между собою столь разнородные интересы колоній, сѣверныхъ и южныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ, надѣленныхъ, сверхъ того, отъ англійскихъ королей, въ разныя эпохи и на различныхъ основаніяхъ, льготными граматами съ бòльшими или мèньшими правами и преимуществами. По такому поводу, съ самаго открытія засѣданія, и возникъ вопросъ: на какомъ основаніи отстаивать правà народа, на защиту котораго теперь собрался конгрессъ: на основаніи ли льготныхъ граматъ, выданныхъ порознь каждой изъ колоній, или на иномъ? Преніямъ по поводу такого важнаго вопроса положилъ конецъ даровитый представитель Южной Каролины, по имени Гадсденъ:

«Намъ всѣмъ, сказалъ онъ:—слѣдуетъ теперь стать на единую общую почву естественнаго права, которое всѣ мы одинаково признаёмъ, которому равно причастенъ каждый изъ насъ, не только какъ потомокъ англичанъ, но, прежде всего, какъ человѣкъ. А иначе льготныя граматы могутъ стать для насъ яблокомъ раздора и опасными ловушками въ рукахъ правительства, заставляя каждую изъ колоній дѣйствовать порознь въ

такомъ важномъ дѣлѣ; и тогда для насъ все погибло. На материкѣ Америки не должно быть ни бостонцевъ, ни нью-йоркцевъ, ни виргинцевъ: здѣсь мы всѣ безразлично—*американцы*».

Принявъ такое рѣшеніе, конгрессъ сразу отрѣшился отъ всѣхъ королевскихъ привилегій и тѣмъ самымъ положилъ прочную основу будущей независимости колоній. Впервые всенародно заявленное здѣсь названіе «американцы» такъ навсегда и осталось за жителями англійскихъ колоній или будущихъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Въ другихъ республикахъ западнаго материка встрѣчаются и мексиканцы, и бразильцы, и перуанцы; но только жители Соединенныхъ Штатовъ по преимуществу называли и называютъ себя просто американцами, какъ бы признавая самихъ себя настоящими передовыми представителями всего западнаго материка.

Ставъ такимъ образомъ на широкомъ основаніи общенародныхъ правъ, конгрессъ приступилъ къ вопросу о штемпельномъ налогѣ. Въ этомъ отношеніи ему послужили руководствомъ извѣстныя уже намъ виргинскія рѣшенія Патрика Генри. Согласно съ ними, конгрессъ составилъ четырнадцать резолюцій, въ которыхъ, между прочимъ, заявлено, что англійскій парламентъ не имѣетъ никакого права облагать податью американскія колоніи, потому именно, что онѣ не имѣютъ въ немъ своихъ представителей. Всякія подати подобнаго рода сокращаютъ народное богатство и служатъ лишь къ раззоренію страны. Одни только состоящія изъ представителей народа законодательныя собранія въ каждой изъ колоній властны назначать налоги по своему усмотрѣнію.

Сверхъ того, въ тѣхъ же резолюціяхъ за каждой изъ колоній признано право на самостоятельный судъ присяжныхъ, а за законодательными собраніями подтверждена власть назначать по своему усмотрѣнію жалованье всѣмъ должностнымъ лицамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выражено желаніе устранить монопольную систему, столь обременительную и вредную для американской торговли и промышленности.

Выразивъ, такимъ образомъ, въ своихъ резолюціяхъ заявленныя уже на самомъ дѣлѣ, въ томъ или другомъ видѣ, требованія народа, конгрессъ составилъ изъ нихъ три документа, которые, въ формѣ прошеній, отправилъ въ Лондонъ для сообщенія королю, верхнему и нижнему парламентамъ.

Джэмсъ Отисъ, въ качествѣ депутата отъ Массачузетса, и на этотъ разъ, также былъ душою собранія, созваннаго по его же инціативѣ. Дѣло не обошлось, конечно, безъ жаркихъ преній и даже явныхъ противорѣчій между членами. Но тутъ-то и об-

наружился во всей силѣ здравый смыслъ собравшихся народныхъ представителей. Какъ мнѣнія болѣе умѣренныхъ членовъ ни противорѣчили требованіямъ крайнихъ радикаловъ, но и тѣ, и другіе всегда сходились въ одномъ отношеніи, а именно—въ томъ, чтобы отстоять независимость народа отъ всякаго деспотическаго произвола. Подъ народомъ же разумѣлось здѣсь не одно какое-нибудь сословіе; а напротивъ—всѣ слои бѣлокожаго населенія, начиная отъ потомка переселившагося въ Виргинію лорда и до прибывшаго недавно изъ Европы поденщика. Утвердившись разъ навсегда на этой общей почвѣ, каждый изъ членовъ отрѣшался уже, такъ сказать, на время отъ своихъ личныхъ побужденій и взглядовъ, подчиняя свое мнѣніе рѣшенію большинства.

«Вся сила наша, выразился одинъ изъ нихъ по такому поводу: — заключается въ единодушіи. Благодаря такому дружному единодушію, тринадцать колоній только и могутъ совмѣстными усиліями образовать изъ себя несокрушимый союзъ».

Исполнивъ такимъ образомъ свое дѣло, депутаты разъѣхались въ разные концы Америки и предоставили уже самому народу отстаивать своими собственными средствами разосланныя по всѣмъ колоніямъ рѣшенія конгресса, этого перваго зародыша будущаго союза.

Народъ, въ свою очередь, постоянно поддерживалъ своихъ представителей сочувственными заявленіями. Когда конгрессъ былъ еще въ полномъ сборѣ, распространился слухъ, что въ Нью-Йоркъ прибылъ изъ Англіи корабль съ кипами штемпельной бумаги. При этой вѣсти, всѣ корабли, стоявшіе въ гавани, въ знакъ глубокой печали, спустили свои флаги. А въ наступившую затѣмъ ночь, на дверяхъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и на улицахъ, по перекресткамъ, появились объявленія, въ которыхъ прямо грозили народной карой всякому, кто вздумалъ бы продавать или пускать въ ходъ штемпельную бумагу. «Будьте увѣрены, говорилось въ предостереженіи штемпельнымъ чиновникамъ:—духъ Брута и Кассія еще не вымеръ».

Наступилъ наконецъ роковой день, 1-го ноября 1765 года, назначенный для распродажи штемпелей. Но на это дѣло не оказалось на лицо ни одного чиновника. Народъ всюду заставилъ ихъ отказаться отъ своей должности. А между тѣмъ, въ силу изданнаго парламентомъ штемпельнаго акта, никакія дѣла, ни торговыя сдѣлки, ни судебные приговоры, никакія условія не могли совершаться безъ штемпелей. Положеніе было въ высшей степени затруднительное, своеобразное. Въ исторіи не было еще примѣра, чтобы народныя массы, эта многоголовая

чернь, разсѣянныя на столь огромномъ протяженіи съ сѣвера на югъ, отдаленныя другъ отъ друга обширными пустынными, не вездѣ удобопроходимыми пространствами, подчиненныя столь разнороднымъ интересамъ — дѣйствовали съ такимъ единодушіемъ, какъ то было въ Америкѣ въ настоящемъ случаѣ.

Съ разсвѣтомъ перваго ноября, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, начиная съ самой сѣверной колоніи Нью-Гэмпшира до крайнихъ южныхъ поселеній въ Георгіи, всюду разносился зловѣщій сдержанный гулъ колоколовъ. Здѣсь и тамъ раздавались пушечные выстрѣлы, слѣдуя другъ за другомъ въ продолжительныхъ, томительныхъ промежуткахъ. Флаги въ гаваняхъ были спущены въ полъ-мачты. Во многихъ мѣстахъ ораторы говорили рѣчи праздно собиравшимся на площадяхъ толпамъ, прославляя свободу и совѣтуя народу сплотиться въ дружные союзы. Толпы отвѣчали возгласами: «Общій союзъ или смерть! Свобода и собственность! Долой штемпеля!»

Извѣстный уже намъ Джонъ Адамсъ, поддерживая народное негодованіе, говорилъ своимъ соотечественникамъ: «Вамъ принадлежатъ права̀, которыя предшествовали всякому правительству на землѣ; никакіе человѣческіе уставы не властны ни нарушать, ни ограничивать этихъ правъ вашихъ: они завѣщаны вамъ высшимъ законодательствомъ всего міра».

День былъ будничный, а между тѣмъ, за неимѣніемъ штемпельной бумаги, всѣ суды были закрыты; биржи и рынки опустѣли, ни одинъ корабль не смѣлъ выйти изъ гавани, оттого, что безъ штемпеля нельзя было выдать разрѣшенія на выходъ. Словомъ, весь правительственный и гражданскій организмъ пришелъ въ застой, какъ бы замеръ до поры до времени.

Изъ такого общаго бездѣйствія прежде всѣхъ вышли редакторы газетъ. Они первые рѣшились подвергнуться административной карѣ, и нѣкоторые изъ нихъ, въ тотъ же день, выпустили нумера свои безъ всякихъ штемпелей.

«Печать есть пробный камень всякой правды, писалъ одинъ изъ публицистовъ: — она служитъ самой надежной охраной общественнаго блага, самой вѣрной стражей свободы, и народъ не долженъ поступаться ею ни подъ какимъ видомъ».

Опасаясь сопротивленія со стороны празднощатавшагося народа, ни одинъ изъ губернаторовъ не покусился преслѣдовать смѣлыхъ представителей общественнаго мнѣнія.

Торговцы, въ то же время, протестовали на свой ладъ. Нью-йоркскіе купцы, съ общаго согласія, рѣшили не посылать въ Англію никакихъ заказовъ на товары и вообще не принимать послѣднихъ до тѣхъ поръ, пока не отмѣнятъ штемпельнаго

устава. Такъ нанесенъ былъ немалый ущербъ торговлѣ и мануфактурной промышленности въ Англіи. Въ тоже время главная гавань при Атлантическомъ Океанѣ, одно изъ средоточій американской торговли, отказалась отъ всякихъ прибыльныхъ коммерческихъ оборотовъ, лишь бы отстоять прежде всего свою гражданскую свободу.

Отисъ въ Бостонѣ, недавно еще, какъ мы видѣли, убѣждавшій своихъ согражданъ подчиниться парламентскому постановленію, теперь самъ сталъ во главѣ народнаго сопротивленія.

«Если они не возьмутъ назадъ своего штемпельнаго билля, говорилъ онъ:—то мы сами отмѣнимъ его».

По его совѣту, изъ Бостона вскорѣ вышелъ въ океанъ американскій корабль съ большимъ грузомъ, но безъ узаконенныхъ штемпелей. Поданному, такимъ образомъ, примѣру послѣдовали многія суда изъ другихъ портовъ.

Въ нью-йоркской гавани, въ то время, стояла англійская военная флотилія. Начальникъ ея намѣревался-было задержать насильно нѣсколько кораблей готовыхъ пуститься въ море безъ штемпельныхъ бумагъ. Народъ сталъ собираться густыми толпами и грозилъ на насиліе отвѣтить насиліемъ. Тогда, по настоятельному требованію самого губернатора, начальникъ флотиліи открылъ путь изъ гавани Нью-Йорка, и корабли безпрепятственно выходили въ море обычнымъ порядкомъ со свидѣтельствами, но только безъ штемпелей.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, стали обнаруживаться важныя неудобства и даже неурядицы вслѣдствіе прекращенія судопроизводства. Граждане города Бостона составили комиссію изъ выбранныхъ юристовъ, съ тѣмъ чтобы положить конецъ такому небывалому, ненормальному положенію. Главными дѣятелями въ комиссіи были опять тотъ же Джэмсъ Отисъ, молодой адвокатъ Джонъ Адамсъ и родственникъ его, Самуилъ Адамсъ, одинъ изъ самыхъ стойкихъ и даровитыхъ поборниковъ за американскую независимость.

Комиссія представила губернатору заявленіе о настоятельной необходимости открыть суды, хотя бы и безъ примѣненія штемпельной бумаги.

«Штемпельный уставъ, говорилъ Джонъ Адамсъ въ качествѣ докладчика:—недѣйствителенъ; онъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ считаться нашимъ уставомъ: мы никогда не давали на него своего согласія. А парламентъ, въ которомъ нѣтъ нашихъ представителей, не имѣлъ никакого права издавать подобный уставъ. Потому судьямъ слѣдуетъ обойти его, какъ мѣру, про-

тиворѣчащую нашимъ естественнымъ правамъ и постановленiямъ».

Губернаторъ далъ комиссiи уклончивый отвѣтъ. Тогда Отисъ предложилъ обратиться къ губернатору съ требованiемъ созвать по этому поводу законодательное собранiе; если же онъ и тутъ откажетъ, то пригласить именемъ самой комиссiи собраться всѣмъ представителямъ для рѣшенiя предстоящаго вопроса, хотя бы даже помимо королевскаго на то согласiя.

«Въ силу нашихъ постановленiй, пояснялъ Отисъ:—король есть источникъ всякаго права. Онъ и обязанъ быть намъ оплотомъ. Покровительство съ его стороны и подданство съ нашей—взаимно обусловливаются. Если же король лишаетъ насъ своего покровительства, тогда и мы увольняемся отъ подданства. Правительственныя узы, въ такомъ случаѣ, расторгнуты и престолъ упраздненъ».

«Если король, присововупилъ Отисъ:—допускаетъ неурядицу и смуты въ средѣ своего государства, то такой поступокъ его, въ сущности, равносиленъ отреченiю, и если, затѣмъ, дѣла̀ не устроятся надлежащимъ порядкомъ, то должно наступить освобожденiе подданныхъ отъ всякихъ обязательствъ относительно короля».

Послѣ такихъ рѣшительныхъ заявленiй со стороны комиссiи, постоянно поддерживаемой сочувствiемъ народныхъ сборищъ, губернаторъ убѣдился въ невозможности противиться долѣе открытiю судовъ. Такимъ образомъ, къ концу года не только въ Массачузетсѣ, но также и въ остальныхъ колонiяхъ, судебныя дѣла̀ стали производиться обычнымъ порядкомъ, безъ штемпелей. Съ наступленiемъ же новаго года, и всѣ остальныя дѣла вездѣ урядились сами собой, и все опять пошло по прежнему, не встрѣчая никакого сопротивленiя со стороны губернаторовъ, опасавшихся, въ виду дружнаго протеста, доводить народъ до крайности. Штемпельнаго билля какъ будто и не бывало: онъ остался мертвою буквой.

Но для того, чтобы протестъ комиссiи также не остался мертвою буквой, народъ, въ свою очередь, продолжалъ дѣйствовать согласно заявленному рѣшенiю своихъ представителей. Въ Нью-Йоркѣ друзья свободы обязались по первому призыву двинуться, въ случаѣ нужды, на помощь той изъ колонiй, которой будетъ угрожать какое-либо насилiе по поводу штемпельнаго акта. Хотя губернаторъ и могъ располагать военнымъ англiйскимъ отрядомъ, стоявшимъ временно въ Нью-Йоркѣ, хотя войнолюбивые офицеры британскаго полка и горѣли нетерпѣнiемъ выказать свою храбрость на безоружныхъ гражданахъ; но, въ виду силь-

наго негодованія, обуявшаго народъ во всѣхъ колоніяхъ, губернаторъ не рѣшался прибѣгнуть къ военной силѣ. Онъ былъ увѣренъ, что, еслибъ ему и удалось, на первыхъ порахъ, одержать верхъ надъ горажанами, то весь народъ встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и вооружившись, все-таки изгонитъ, наконецъ, изъ Америки небольшое находившееся тамъ войско.

Въ это самое время, въ гавань Нью-Йорка прибылъ изъ Лондона корабль съ десятью свѣжими кипами штемпельной бумаги. Шайка молодыхъ людей отправилась ночью на корабль, отобрала всѣ кипы и на лодкахъ перевезла ихъ къ верфямъ. Тамъ зажгли смоляныя бочки и съ торжествомъ предали огню ненавистныя бумаги.

Въ иныхъ мѣстахъ городскія вѣдомства сами взялись охранять штемпельную бумагу отъ неистовства толпы, и губернаторы поневолѣ дозволяли складывать ее въ подвалы городскихъ ратушей. Народъ же, увѣренный, что изъ подваловъ штемпеля не поступятъ уже въ продажу, оставлялъ ихъ тамъ до поры до времени подъ спудомъ.

А между тѣмъ, губернаторъ Бостона, не желая лишиться своего выгоднаго мѣста, письменно донесъ парламенту въ Лондонъ обо всемъ происшедшемъ, прибавляя отъ себя, что необходимо употребить въ дѣло всѣ зависящія отъ парламента мѣры, лишь бы скорѣе подавить возстаніе, и что уступчивость со стороны короля можетъ повести къ ущербу его власти.

«Это зло, писалъ онъ:—посѣяли нечестивые адвокаты, завзятые вожаки и руководители возстанія; они до того успѣли отравить умы простолюдиновъ, что послѣдніе совсѣмъ обезумѣли. Народъ съ заносчивостью толкуетъ о своихъ правахъ и о сопротивленіи. Но все это—одни только пустые толки»...

Губернаторъ втайнѣ совѣтывалъ министрамъ прислать побольше войска, такъ чтобы задушить возстаніе въ самомъ корнѣ «и чтобы народъ не только на словахъ, но и на самомъ дѣлѣ, узналъ, что надъ нимъ есть начальство».

Губернаторъ, какъ видно, готовъ былъ дѣйствовать совершенно въ духѣ господствовавшаго въ ту эпоху деспотизма въ европейскихъ государствахъ. Но, на бѣду, у него не было тѣхъ средствъ подъ руками, а, при сравнительной медленности тогдашняго мореходства, много воды утекло до тѣхъ поръ, пока донесеніе его, черезъ океанъ, дошло до Лондона. Во всякомъ случаѣ, намъ необходимо перенестись теперь на время на мѣсто дѣйствія въ самую Англію, потому уже, что собственно тамъ и разрѣшался окончательно вопросъ о штемпеляхъ. Тѣмъ еще болѣе, что и въ Лондонѣ также дѣйствующими лицами на арену выступили не

только англичане, какъ друзья, такъ и недруги Америки, но даже и американскіе уроженцы, сподвижники въ борьбѣ за независимость.

Получивъ, еще подъ исходъ 1765 года, нежданно-негаданно извѣстіе о возникшемъ сопротивленіи въ колоніяхъ, король и друзья его, эти птенцы—какъ называли ихъ сами англичане—демонскаго гнѣзда въ Карльстонскомъ Дворцѣ, пришли въ немалое смущеніе. Министры, поздно познавъ оплошность свою, готовы были бы отмѣнить, даже вопреки волѣ короля, ненавистный и столь чреватый бѣдами уставъ; но ка̀къ же было приступить къ этому, не уронивъ своего высокаго достоинства въ глазахъ презрѣнной народной черни, дерзавшей ослушаться!. Неужели сознаться явно и всенародно въ своемъ промахѣ и безсиліи? Королю же и друзьямъ его ни въ какомъ случаѣ не хотѣлось бы успустить изъ рукъ столь соблазнительное средство обогатить королевскую казну новыми доходами.

Въ январѣ наступившаго затѣмъ года, король, при открытіи парламента, въ тронной рѣчи обратилъ особенное его вниманіе на смуты и неурядицы въ Америкѣ. Въ палатѣ лордовъ, по такому поводу тотчасъ же поднялись горячія пренія. Нѣкоторые изъ ораторовъ предлагали предать самый уставъ совершенному забвенію и тѣмъ сразу и просто прекратить все дѣло. Другіе, и особенно сказанные друзья изъ демонскаго гнѣзда, настаивали, напротивъ, на строжайшемъ исполненіи штемпельнаго акта во что̀ бы то ни стало. Въ самый разгаръ преній, взоры всѣхъ присутствовавшихъ вдругъ обратились къ дверямъ залы. Туда входилъ только-что вставшій съ одра болѣзни Вилльямъ Питтъ, «великій коммонеръ», какъ называлъ народъ своего доблестнаго поборника. Когда онъ занялъ свое обычное мѣсто, то ораторъ, бывшій на очереди, продолжалъ свою рѣчь, отстаивая штемпельный актъ и доказывая, что парламентъ опозоритъ себя на всегда, если поступится теперь своею властью. «Хотя съ штемпельнаго налога и нельзя ожидать значительнаго дохода для казны, закончилъ онъ:—однако въ настоящемъ случаѣ даже ничтожное горчичное зерно, въ связи съ признаннымъ правомъ, дороже всѣхъ милліоновъ безъ послѣдняго».

Затѣмъ всталъ Питтъ, и присутствовавшіе въ палатѣ американцы устремили, полные надеждъ, взоры на маститаго, шестидесятилѣтняго оратора, едва оправившагося отъ продолжительнаго недуга.

«Давно уже не приходилось мнѣ быть въ парламентѣ, началъ онъ.—Когда здѣсь порѣшили обложить Америку налогомъ, я лежалъ больной. Но и тогда уже я до такой степени былъ взвол-

нованъ, что, еслибъ у меня хватило силъ перебраться сюда, хотя бы даже на своемъ ложѣ, то я попросилъ бы кого-нибудь изъ друзей своихъ перенести меня въ палату, съ тѣмъ чтобы поднять голосъ свой противъ столь злополучной мѣры».

Доказывая всю несостоятельность парламентскихъ распоряженій, Питтъ сказалъ:

«Такъ какъ колоніи не посылаютъ своихъ представителей въ парламентъ, то было бы противно законамъ, противно здравому смыслу требовать, чтобы онѣ подчинялись какому ни на есть налогу въ пользу нашего правительства. Право назначать налоги не входитъ въ составъ парламентской власти; налоги—ни что иное, какъ доброхотная дань, приносимая съ согласія гражданъ. Наша палата представляетъ собою гражданъ Великобританіи. Итакъ, если въ этой палатѣ мы назначаемъ налогъ, то приносимъ въ дань его величеству собственность, намъ принадлежащую. Но развѣ можемъ мы здѣсь назначать въ доброхотную дань королю собственность его подданныхъ въ Америкѣ? Да тутъ въ самихъ словахъ уже явное противорѣчіе!—Посылая представителей въ законодательное собраніе колоній, американскіе подданные всегда пользовались законнымъ правомъ назначать денежную дань нашему правительству не иначе, какъ съ общаго согласія. И они были бы достойны имени рабовъ, еслибъ не отстаивали свое право. До тѣхъ поръ, пока Америка не пользуется представительствомъ въ парламентѣ, я не могу признать законнымъ взиманіе съ нея какихъ бы то ни было внутреннихъ налоговъ».

Одинъ изъ министровъ, возражая Питту, утверждалъ: такъ какъ правительство Великобританіи обороняетъ колоніи отъ внѣшнихъ враговъ, то онѣ обязаны повиноваться ему безпрекословно. Метрополія, тратясь на содержаніе войска, вошла въ долги, и теперь, когда она требуетъ отъ американцевъ внести свою лепту на покрытіе общихъ издержекъ, они хотятъ отдѣлиться отъ метрополіи, оскорбляютъ королевскихъ чиновниковъ и обнаруживаютъ явное сопротивленіе. Потомъ, намекая на рѣчи Питта и его приверженцевъ, говорившихъ противъ штемпельнаго билля, министръ прибавилъ:

«Источникъ мятежнаго духа въ колоніяхъ скрывается въ разногласіи, господствующемъ въ самой палатѣ нашей. Здѣсь во всеуслышаніе разглашалось, что подъ нами шаткая почва; отсюда подстрекали даже къ сопротивленію, отсюда подавали, такимъ образомъ, прямой совѣтъ американцамъ возстать противъ закона. Ихъ упорство явно усиливалось надеждою на поддержку друзей въ нашей палатѣ».

Едва министръ успѣлъ договорить свой гнусный намекъ, какъ снова поднялся Питтъ:

«Господа! воскликнулъ коммонеръ, сверкая отъ негодованія взорами. — Сэръ! оправился онъ, вспомнивъ, что по, обычаю, слѣдуетъ обратиться къ предсѣдателю:—здѣсь обвиняютъ членовъ, будто они подстрекали американцевъ къ возстанію. Эти члены честно, прямодушно высказали свое мнѣніе противъ злополучнаго устава, и такое честное прямодушіе вмѣняется имъ теперь въ преступленіе. Мнѣ больно, что въ нашей палатѣ обвиняютъ людей за свободу слова; но меня не устрашитъ такое обвиненіе. Я въ полной мѣрѣ хочу воспользоваться нашей свободой рѣчи... Вотъ, этотъ господинъ говоритъ намъ, что Америка упорствуетъ, что Америка подняла знамя бунта. Я радъ этому бунту въ Америкѣ»...

Въ палатѣ пронесся смутный гулъ; лорды дрогнули отъ охватившаго ихъ ужаса при послѣднихъ словахъ.

«Да̀, я радъ, что Америка возстала, наконецъ! А иначе, еслибы милліоны ея жителей отупѣли къ чувству свободы до такой степени, что согласились бы подчиниться игу рабства, то они же, эти милліоны, были бы самыми послушными орудіями власти и помогли бы ей обратить въ такихъ же рабовъ всѣхъ остальныхъ гражданъ... Въ нашей палатѣ не мало говорилось о боевыхъ силахъ Англіи сравнительно съ Америкой. Не мѣшало бы осторожнѣе касаться этого предмета. Въ правдивомъ дѣлѣ, на твердой законной почвѣ, боевыя силы нашего правительства въ состояніи въ пухъ и прахъ разнести Америку. Иное дѣло, на скользкой почвѣ штемпельнаго устава. Въ такомъ противозаконномъ дѣлѣ даже побѣда можетъ обратиться на нашу пагубу. Еслибъ Америкѣ пришлось пасть, то она пала бы, подобно Самсону: охвативъ столпы государства, она вмѣстѣ съ собою повергла бы въ прахъ и самую конституцію нашу!»...

«Такъ вотъ онъ, вашъ многопрославляемый миръ! Вмѣсто того, чтобы вложить мечъ въ ножны, вы вонзаете его въ грудь вашихъ братьевъ-американцевъ. Сопротивляясь вамъ, они не разъ, конечно, выходили изъ предѣловъ благоразумія и умѣренности. Но не вы ли сами своими незаконными требованіями довели ихъ до такой степени негодованія? И теперь вы же хотите карать ихъ за безуміе, вами вызванное! Подайте сами первый примѣръ разумной умѣренности. И, я ручаюсь, Америка послѣдуетъ вашему примѣру».

«Выскажу въ короткихъ словахъ свое мнѣніе, прибавилъ въ заключеніе Питтъ.—Штемпельный уставъ слѣдуетъ отмѣнить безусловно, вполнѣ и немедля. И причиной такой отмѣны слѣдуетъ

признать откровенно то, что онъ основанъ на ложномъ началѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пускай парламентъ съ твердостью выкажетъ свою верховную власть надъ колоніями, сдерживая ихъ торговлю, ограничивая ихъ мануфактурное производство; но да не посмѣетъ онъ безъ ихъ согласія брать деньги изъ ихъ кармановъ».

Въ заключительныхъ словахъ оратора отразился отчасти взглядъ европейцевъ на колоніальную политику тогдашней эпохи вообще. Даже Питту, этому безупречному борцу за народныя права въ Англіи, нисколько не казались несообразными всякаго рода стѣсненія торговли и промышленности въ колоніяхъ, и онъ, въ такомъ случаѣ, признавалъ за метрополіей неотъемлемое право самовластно вмѣшиваться въ экономическія отношенія Америки. Напрасно Адамъ Смитъ тогда же указывалъ на всю несостоятельность и явный вредъ для государственныхъ финансовъ отъ подобнаго вмѣшательства парламента въ торговыя дѣла колоній. Высказанные имъ теоретическіе выводы не примѣнялись на практикѣ правителями, тѣмъ болѣе, что послѣдніе тогда развѣ поощряли промыслы въ народѣ, когда представлялась возможность извлечь изъ нихъ непосредственный доходъ для правительственной казны. Но, если въ Европѣ народъ безпрекословно подчинялся подобнымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, то колонисты въ Америкѣ никакъ не могли примириться съ такими произвольными распоряженіями своей метрополіи. Вообще, въ колоніяхъ давно уже накипало неудовольствіе по этому поводу, и штемпельный уставъ былъ крупною каплею, переполнившею чашу народнаго негодованія. Питтъ чуялъ это, и потому онъ такъ настойчиво предостерегалъ свое правительство отъ упорнаго примѣненія къ дѣлу штемпельнаго акта, допуская, притомъ, разнаго рода стѣсненія въ торговлѣ и промыслахъ.

Благому совѣту его болѣе всего сопротивлялся самъ король, добиваясь, во что бы то ни стало, доходовъ съ Америки; карльстонскіе же друзья его въ парламентѣ изо всѣхъ силъ старались отстоять ненавистный для американцевъ уставъ. Когда, наконецъ, въ январѣ мѣсяцѣ, прибыли изъ Америки извѣстныя уже намъ прошенія нью-йоркскаго конгресса, поданныя королю и парламенту, то Питтъ тутъ же заявилъ, что прошенія, составленныя, какъ выразился онъ, съ такою сдержанностью и съ такимъ умомъ, слѣдуетъ уважить, какъ вполнѣ разумное требованіе колоній, выразившихъ готовность положить конецъ всякимъ дальнѣйшимъ недоразумѣніямъ съ метрополіей.

Отвергая рѣшительно предложеніе Питта, какъ несовмѣстное съ достоинствомъ парламента и даже оскорбительное для него,

одинъ изъ друзей короля, въ пылу возраженія, сказалъ, намекая на извѣстную намъ рѣчь великаго коммонера:

«У нашего члена парламента по настоящему вопросу вырвались намедни слова̀, отъ которыхъ кровь леденѣетъ въ жилахъ. Онъ здѣсь, въ парламентѣ, во всеуслышанье возбуждалъ къ возстанію. За такія рѣчи, въ иное время, этого члена отвели бы изъ палаты въ другое мѣсто, гдѣ онъ успѣлъ бы одуматься на досугѣ».

Не отвѣчая ни словомъ на такую гнусную выходку, Питтъ взглянулъ только на оратора съ улыбкой глубокаго презрѣнія и птенецъ карльстонскаго гнѣзда, покраснѣвъ самъ отъ своихъ словъ, до того растерялся, что тутъ же просилъ предсѣдателя взять его подъ свою защиту.

Жаркія пренія продолжались еще въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій. Рабски потворствуя королю, палата лордовъ огромнымъ большинствомъ поддерживала штемпельный уставъ. На сторонѣ Питта было всего два-три члена, и между ними командующій войсками, престарѣлый генералъ *Говардъ*. Когда самые рьяные изъ друзей короля заявили, что американцевъ слѣдуетъ понудить къ принятію штемпельнаго акта вооруженною силою, то маститый генералъ не могъ долѣе сдержать свое правдивое негодованіе и въ полномъ собраніи палаты лордовъ онъ выразился такъ:

«Я содрогаюсь отъ одной мысли о такомъ гнусномъ предложеніи. Надѣюсь, что оно не состоится, и мнѣ не будетъ поручено привести его въ исполненіе. Если же, паче чаянья, мнѣ данъ будетъ подобнаго рода приказъ, то я обнажу мечъ свой, но не съ тѣмъ, чтобы обагрить руки въ крови моихъ вольнолюбивыхъ согражданъ, а съ тѣмъ, чтобы вонзить его въ собственную грудь».

Къ крайнему неудовольствію нетерпѣливаго короля, рѣшеніе вопроса затянулось въ парламентѣ. Къ счастью для американцевъ, въ Лондонѣ находился тогда Франклинъ, занимавшій должность торговаго агента нѣсколькихъ колоній. Онъ, въ эту пору на шестидесятомъ году своей жизни, исполненной столь разнородной дѣятельности, пользовался уже всесвѣтною славой, особенно за свои важныя ученыя изслѣдованія объ электричествѣ и открытіе громоотводовъ. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ являлъ собою цѣльный типъ американца, одолженнаго и своимъ достояніемъ, и своимъ развитіемъ единственно самому себѣ. Этотъ сынъ бостонскаго мыловара, исторгшій, по выраженію Д'Аламбера, молнію съ небесъ и скипетръ изъ рукъ державцевъ, былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и вліятельныхъ двигателей

американской борьбы. Какъ истый янки, онъ долгіе годы въ тиши и терпѣливо лелѣялъ мысль о независимости своей родины, когда еще никому и въ голову не приходило поднимать этотъ вопросъ, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ, такъ сказать, исподоволь, пользовался всякимъ представлявшимся случаемъ для достиженія своей завѣтной цѣли, прибѣгая для того къ типографскому станку, который завелъ въ Америкѣ, издавая газету и печатая свои общепонятныя народныя сочиненія. Владѣя большимъ запасомъ знанія, пріобрѣтеннымъ на досугѣ, между дѣломъ, въ самую трудную пору борьбы за насущное пропитаніе, здоровымъ практическимъ умомъ и рѣдкою проницательностію, онъ обладалъ необыкновеннымъ, вообще американцамъ присущимъ даромъ излагать самые трудные для пониманія предметы ясно и просто, такъ что они дѣлались доступными и привлекательными для всѣхъ. Сатирическія выходки свои по поводу даже жгучихъ вопросовъ дня онъ нерѣдко смягчалъ самымъ добродушнымъ, но всегда къ дѣлу идущимъ, меткимъ юморомъ.

Въ февралѣ 1766 г., Франклинъ, по приглашенію министровъ, все еще колебавшихся по поводу штемпельнаго вопроса, явился въ парламентъ для объясненій. Министры предлагали ему вопросы, между прочимъ, въ такомъ родѣ:

«Не думаете ли вы, что американцы согласятся заплатить штемпельный налогъ, если мы рѣшимся понизить его?»

«Нѣтъ, никогда! былъ рѣшительный отвѣтъ Франклина: — для этого вамъ пришлось бы прибѣгнуть, пожалуй, къ вооруженной силѣ».

«Но есть ли надежда, при помощи войска, заставить колонистовъ признать штемпельный уставъ?»

«Никоимъ образомъ: вы никого не можете заставить покупать ваши штемпеля. Ваше войско въ Америкѣ не застанетъ никакого возстанія, но оно можетъ вызвать его однимъ своимъ появленіемъ».

«Нельзя ли измѣнить уставъ такъ, чтобы онъ пришелся по нраву американцамъ?»

«Признаюсь, я и самъ думалъ о такомъ измѣненіи, отвѣтилъ съ лукавой улыбкой Франклинъ.—Если вы согласитесь на это, то уставъ можетъ остаться во всей своей силѣ, и американцы не возропщутъ. Стòитъ только измѣнить одну цифру, а именно: вмѣсто *тысяча* семьсотъ шестьдесятъ пятаго года, поставить *двѣ тысячи* семьсотъ шестьдесятъ пятый, и тогда, я увѣренъ, все уладится».

Послѣ этой шутливой выходки, министры продолжали допрашивать:

«Пострадаетъ ли торговля отъ штемпельнаго устава»?

«Непремѣнно. Если этотъ уставъ не отмѣнится, то колонисты не будутъ покупать никакихъ товаровъ изъ Англіи».

«Развѣ почтовыя марки—не такіе же штемпеля? развѣ плата за нихъ—не такой же налогъ?»

«Нѣтъ, вовсе не такой же: плата за почтовую марку—нечтò иное, какъ вознагражденіе за оказанную услугу, то-есть за доставку письма по адресу».

«Если мы отмѣнимъ штемпельный уставъ, то согласится ли американское собраніе отмѣнить свое рѣшеніе относительно права парламента облагать колонистовъ податью?»

«Никогда».

«Развѣ нельзя ихъ понудить силою?»

«Развѣ можно кого-нибудь силою понудить отказаться отъ своего мнѣнія?»

«Какой образъ жизни вели до сихъ поръ американцы?»

«Они до сей поры вообще подражали англичанамъ и въ домашнемъ быту снабжались издѣліями вашихъ фабрикъ».

«А въ настоящее время?»

«Теперь они донашиваютъ свои старыя платья до нельзя и будутъ носить ихъ, пока не сошьютъ себѣ новыхъ изъ произведеній собственныхъ фабрикъ».

Такого рода показанія Франклина сильно подвинули впередъ рѣшеніе вопроса, такъ долго мучившаго лордовъ; тѣмъ еще болѣе, что показанія его, какъ нарочно, слово въ слово подтверждались прибывшими изъ Америки, довольно, впрочемъ, запоздалыми и намъ уже давно извѣстными новостями. Губернаторы колоній, одинъ за другимъ, извѣщали парламентъ о своемъ безсиліи пустить въ ходъ штемпеля, о единодушномъ сопротивленіи американцевъ и о своемъ одинокомъ положеніи среди одолѣвающаго ихъ народнаго волненія.

Подъ напоромъ такихъ обстоятельствъ, министры, наконецъ, поколебались. Насталъ знаменательный день 20-го февраля, когда надлежало рѣшить одно изъ двухъ: или отмѣнить злополучный актъ, или отстоять его силою оружія. Публика съ ранняго утра уже тѣснилась въ палатѣ депутатовъ, гдѣ, на этотъ разъ, разбирался вопросъ. Несмотря на тяжкій недугъ, Питтъ кое-какъ, въ носилкахъ, закутанный въ теплую одежду, добрался туда же.

По открытіи засѣданія, Конвей, одинъ изъ сторонниковъ ве-

ликаго коммонера, внесъ билль о рѣшительной отмѣнѣ штемпельнаго устава.

«Вслѣдствіе этого устава, сказалъ ораторъ: — прекратились торговые обороты Англіи съ Америкой, поколебался кредитъ британскаго купечества, цѣлая треть манчестерскихъ фабрикъ остановила свои работы, и тысячи людей бѣдствуютъ отъ недостатка занятій... А колоніи, тѣмъ временемъ, могутъ открыть свои собственныя фабрики. Зачѣмъ же, прибавилъ въ заключеніе ораторъ: — рисковать всѣми нашими благами изъ-за такого ничтожнаго акта?»

Питтъ поддержалъ Конвея, убѣждая собраніе не доводить дѣло до кроваваго разрыва съ Америкой.

Однако, друзья короля, напрягши свои силы, все еще упорно отстаивали штемпеля, опираясь притомъ болѣе всего на ложное чувство мелкаго самолюбія.

«Если отмѣнимъ уставъ, говорилъ одинъ изъ нихъ: — то колоніи могутъ подумать, будто метрополія, испугавшись ихъ угрозъ, сознала свою несостоятельность... При нѣкоторой твердости съ нашей стороны, мы сможемъ подавить мятежный духъ въ колоніяхъ... Пускай Америка узнаетъ, что къ Кесарю нельзя обращаться съ просьбами путемъ строптивости и возстаній».

Далеко за полночь продолжались жаркія пренія. Наконецъ, приступили къ голосованію. Въ это время, въ корридорахъ за дверьми палаты, сотни представителей лондонскаго купечества, сильно заинтересованнаго въ окончаніи вопроса, съ нетерпѣніемъ ждали исхода голосованія, долженствовавшаго рѣшить ихъ коммерческую участь. Когда, на разсвѣтѣ уже, объявили, что парламентъ огромнымъ большинствомъ отмѣнилъ уставъ, то своды палаты огласились восторженными кликами обрадованной толпы.

Когда двери палаты отворились и оттуда вышелъ Конвей, внесшій билль, то публика встрѣтила его громкими заявленіями благодарности. Вслѣдъ затѣмъ, вышелъ, хромая, больной Питтъ. Всѣ присутствовавшіе, молча, въ знакъ глубокаго уваженія сняли шляпы. Усадивъ больнаго въ носилки, толпа благословляла Питта, проводила его до самаго дома. Недовольны были только король и друзья карльстонскаго гнѣзда.—«Мы побѣждены, сказалъ одинъ изъ нихъ, утѣшая товарищей: — но мы храбро держались до конца».

Итакъ, борьба, возникшая на почвѣ коммерческихъ интересовъ, рѣшилась на этотъ разъ, благодаря тѣмъ же двигателямъ торговли. Но за такими корыстными, на первый взглядъ, цѣлями и осужденіями скрывались, конечно, болѣе высокіе интересы народа.

Когда, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ колонію пришла вѣсть о подписанной королемъ отмѣнѣ штемпельнаго устава, то, на первыхъ порахъ, американцы беззаботно предались радостному веселію. Въ Бостонѣ народъ собрался торжествовать побѣду вокругъ того же самаго стараго вяза, подъ которымъ былъ положенъ почипъ возстанію. Дома по сосѣдству съ лугомъ украсились флагами. Къ вечеру, городъ былъ иллюминованъ, и всѣ сучья и вѣтки дерева свободы освѣтились цвѣтными фонарями. На радостяхъ, граждане Бостона, устроивъ складчину, освободили всѣхъ арестованныхъ по тогдашнимъ уставамъ несостоятельныхъ должниковъ.

На площадяхъ и въ церквахъ любимые народомъ проповѣдники говорили восторженныя рѣчи, укрѣплявшія въ гражданахъ сознаніе человѣческаго достоинства. И тогда, какъ въ Европѣ считали чернь способною лишь на безотвѣтное труженичество въ угоду высшаго класса общества, въ то же время, въ Америкѣ Отисъ пророчески возвѣщалъ своимъ соотечественникамъ: «гражданское равенство людей—не пустая химера!»

Между тѣмъ, какъ въ передовой странѣ тогдашняго цивилизованнаго міра, во Франціи, реформатскихъ священниковъ, дерзавшихъ говорить въ церквахъ какія бы то ни было проповѣди, законъ осуждалъ на галеры, въ то же время, въ Бостонѣ, проповѣдникъ Іонатанъ Майю сказалъ своимъ прихожанамъ теплое слово, не лишенное, правда, мѣстами высокопарныхъ реторическихъ оборотовъ, свойственныхъ краснорѣчію той эпохи.

«Въ дни моего нѣжнаго дѣтства, говорилъ онъ:—я развивался подъ вліяніемъ ученія о гражданской свободѣ. Ученіе это возвѣщали міру уже Платонъ, Демосѳенъ и другія древнія знаменитости, а въ новѣйшее время—Сидней, Мильтонъ и Локе. Я остался вѣренъ ему всю мою жизнь, какъ единственно разумному ученію. Потомъ, по священному писанію, я еще сильнѣе убѣдился въ томъ, что всѣ мудрые, доблестные и добродѣтельные люди всегда были друзьями свободы. Въ зрѣломъ возрастѣ, свобода являлась мнѣ еще въ болѣе лучезарномъ свѣтѣ. Какова же была моя скорбь при наступленіи того роковаго дня прошлаго года — мрачнаго дня, что слѣдовало бы исключить изъ числа другихъ дней! Свободу хотѣли навѣки изгнать изъ Америки и замѣнить ее злою фуріей, рабствомъ, этимъ тлетворнымъ порожденіемъ гнуснаго сатаны... Но вотъ, какой восторгъ! свобода снова возвратилась къ намъ съ сіяющей улыбкой на лицѣ, прелестная и лучезарная, какъ дщерь Божія, перворожденная на небеси послѣ сына Его. Пріютись же межъ нами навсегда, божественная свобода, отрада мудрыхъ, добрыхъ и доблестныхъ людей; поборни-

ца невинныхъ противъ неправды и гнета; заступница наукъ, искуствъ, всякой истины, разумной законности и вѣры. И если наступитъ день, когда отчаятся злополучные народы на материкѣ и островахъ Европы и, разбитые роскошью и сладострастіемъ, захотятъ выйти изъ собственной своей юдоли, изъ своего рабства, то даруй имъ здѣсь, въ нашей Америкѣ спасительное убѣжище подъ сѣнью крилъ твоихъ, какъ даровала ты его отцамъ нашимъ!»

Такимъ всеобщимъ восторгомъ и повсемѣстнымъ ликованіемъ во всѣхъ колоніяхъ завершился этотъ второй актъ народной американской драмы, и въ Америкѣ, повидимому, все пришло въ прежнее состояніе, дѣла приняли обычный свой ходъ. Одни только штемпельные чиновники были въ сильномъ затрудненіи, не вѣдая, что̀ начать съ грудами привезенныхъ изъ Лондона штемпелей. Правительство приказало, наконецъ, препроводить ихъ назадъ въ Англію. Долго еще послѣ того посѣтители Лондона могли любоваться нагроможденными кипами штемпельныхъ бумагъ, гнившихъ въ подвалахъ казначейства.

ВѢЧНЫЙ ЖИДЪ.

ПОЭМА

(Изъ Ленау).

Я одиноко брелъ среди нѣмой долины,
Кругомъ—одни пески, да сосны-исполины...

Въ горахъ беззвучная царила тишина;
Съ днемъ умирающимъ боролась ночь одна.

Долинѣ сумрачной міръ первобытный цѣлый,
Казалось, завѣщалъ свой духъ окаменѣлый...

Я видѣлъ коршуна. Перелетая лѣсъ,
Мелькнулъ онъ, точно мысль о смерти, и—исчезъ.

Вдругъ полилъ сильный дождь... Когда онъ льется ровно
По голой груди скалъ, все небо плачетъ, словно,

И грустно небесамъ, что отъ потоковъ слезъ
Не просыпается безжизненный утесъ.

Такъ отъ безсильнаго рыданія людскаго
Развалины страстей не оживаютъ снова,

И, смертью скованы, не молодятъ насъ вновь
Надежды, сладость мукъ и первая любовь.

Одинъ еще металлъ изъ нѣдръ земли громадной
Мы можемъ выманить огнемъ у смерти жадной,

Чтобъ перелить его, чтобъ въ звукахъ ожилъ онъ
И дрогнули сердца подъ колокольный звонъ...

— «Они ушли, ушли дни счастья!.. Сердцу больно...
Вокругъ меня темно», воскликнулъ я невольно:

«Когда бъ хоть умереть съ лучемъ послѣднимъ дня!..»
И раны старыя открылись у меня.

А дождь пошелъ сильнѣй. Проснувшись, вѣтеръ бурный
На тучу тучу гналъ пустынею лазурной.

Такъ горе новое рождается и вдругъ
Возобновляетъ боль давно затихшихъ мукъ.

Въ долинѣ мракъ густѣлъ, и съ ропотомъ гремучимъ
Потоки бѣшено неслись по горнымъ кручамъ;

Тоскливо вѣтеръ нылъ въ ущельяхъ мрачныхъ скалъ.
Чу! громъ—но коршуна я больше не видалъ.

Гдѣ жъ коршунъ и куда вѣщунъ зловѣщій скрылся?
Онъ, вѣрно, въ трещинѣ утеса пріютился,

Внимая грохоту небесъ во тьмѣ ночной:
Въ своихъ мученіяхъ такъ любитъ жизнь больной.

Лишь въ мірѣ я одинъ все въ мірѣ ненавижу,
Чужой всему, что̀ въ немъ встрѣчаю, слышу, вижу,

Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я принужденъ блуждать
И милліоны лѣтъ напрасно смерти ждать.

Въ уединеньи горъ я былъ бы радъ пріюту —
Вдругъ дымомъ на меня пахнуло въ ту минуту,

Какъ будто бы суля въ лѣсу радушный кровъ
Въ убогой хижинѣ, гдѣ ужинъ мнѣ готовъ.

Смотрю—вотъ огонёкъ мелькнулъ въ угрюмой чащѣ,
Я слышу голоса, забилось сердце чаще,

Дверь въ хату отперта̀, но на единый мигъ
Подъ кровлей низкою къ окошку я приникъ.

Въ углу сидѣлъ старикъ. По облику, по складу,
Узналъ лѣсничаго по первому я взгляду.

Казалось, вспоминалъ онъ, молчаливъ и тихъ,
О похожденіяхъ охотничьихъ своихъ.

Его красивый сынъ винтовку чистилъ. Лося
Онъ снесъ бы на себѣ, его на плѐчи взброся.

Взглядъ юноши суровъ, рука его тверда,
Какъ у охотника, безстрашнаго всегда.

У очага же мать, семьѣ готовя ужинъ,
Зоветъ къ нему дѣтей, а имъ давно онъ нуженъ:

Они за нимъ слѣдятъ, и все въ нихъ говоритъ
Про дѣтскій, молодой, здоровый аппетитъ.

И думалъ я, той сценой умиленный,
Ка̀къ счастливъ человѣкъ, любовью окруженный,

И ка̀къ онъ одинокъ, ка̀къ жалокъ онъ въ своей
Безумной гордости, въ волненіяхъ страстей!..

Уютно въ хижинѣ. Семейные подарки
На по̀лкахъ и въ шкафахъ: стаканы, чашки, чарки,

А съ чистыхъ стѣнъ глядятъ съ лампадой образа...
Нужда открытая не мечется въ глаза.

Прекрасна бѣдность скромной чистотою,
Когда она идетъ, какъ дѣва, подъ фатою,

Стараясь скрыть отъ насъ лохмотья нищеты,
И блещетъ дѣвственнымъ ру̀мянцемъ красоты.

Я въ хижину вошелъ, гдѣ принятъ былъ радушно;
Мнѣ руку протянулъ хозяинъ добродушно

И, мѣсто предложивъ у жаркаго огня,
Остаться ночевать упрашивалъ меня.

Я голодъ утолилъ кускомъ хорошей дичи.
Мнѣ подали плоды охотничьей добычи:

Медвѣжій окорокъ и мясо дикихъ козъ —
Все, что̀ добыть въ лѣсу охотой удалось.

Стрѣлокъ мнѣ показалъ ружье и похвалялся,
Что съ нимъ его отецъ за сернами гонялся,

Когда былъ юношей. Затѣмъ, старуха-мать
Наивно торопилась показать

Мнѣ кучу разныхъ женскихъ бездѣлушекъ,
Но болѣе всѣхъ бусъ, колецъ и побрякушекъ.

Монетою одной былъ пораженъ мой взглядъ:
Какъ листъ, затрепеталъ я, ужасомъ объятъ.

Какъ око въ смертный часъ, казалось, мнѣ мигала
Монета темная. Она изображала

Спасителя въ тотъ мигъ, когда вели Христа
Къ Голгоѳѣ и онъ палъ подъ тяжестью креста.

О, не единое еще произведенье
Картинныхъ галлерей, гдѣ блещетъ вдохновенье,

Меня не трогало, какъ видъ монеты той,
Кàкъ дивный образъ тотъ, скорбящій и святой!..

Тогда взошла луна, разсѣявъ мракъ гнетущій.
Молитву прошепталъ старикъ на сонъ грядущій,

И дѣтямъ сонъ смежилъ усталые глаза.
Въ лѣсу настала тишь и замерла гроза.

Смотря на кроткій ликъ, сіявшій подъ луною,
Мнѣ чудилось, что онъ вдругъ ожилъ предо мною,

Какъ будто духъ его меня куда-то звалъ,
И очутился я въ краю пустынныхъ скалъ.

Надъ головой моей пѣлъ жаворонокъ звонко;
Я видѣлъ въ облакахъ парящаго орлёнка

И серну робкую надъ бездной, и стрѣлка
Съ винтовкою въ рукѣ. Вотъ поднялась рука,

И выстрѣлъ прогремѣлъ: съ горы упала серна,
Но эхо горъ она не слышала навѣрно,

Отзывно грянувшихъ, лишь страшенъ былъ испугъ
Ея трепещущихъ, смутившихся подругъ.

Пока ущелья горъ гремѣли, оживая,
Поднявши голову и ноздри раздувая,

Все стадо зàмерло, не зная, гдѣ бѣда,
Гдѣ нужно спрятаться и убѣжать куда.

Вдругъ, молніи быстрѣй, оно умчалось въ горы,
Быть можетъ, затаивъ безсильные укоры,

Несправедливостью людской возмущено
И вѣчно трепетать за жизнь осуждено.

А серна, со скалы упавшая подъ меткой
Свинцовой пулею, добычей стала рѣдкой

Охотника. Съ собой понесъ ее стрѣлокъ:
Еще въ ея зубахъ торчалъ травы клочекъ...

Съ своею ношею тяжелой и съ винтовкой
Тропинкой тайною побрелъ охотникъ ловкій;

Вдругъ хворостъ затрещалъ подъ тяжкою стопой:
На встрѣчу путнику шелъ тою же тропой

Старикъ—почти гигантъ. Глаза его смотрѣли
Изъ подъ сѣдыхъ бровей, густыхъ, какъ вѣтви ели.

Былъ на утёсъ похожъ весь обликъ старика,
Какъ бы изваянный изъ одного куска.

Онъ громко крикнулъ: «стой!» Въ горахъ, стрѣлку казалось,
Такого грохота еще не раздавалось:

Отъ страха много козъ попадало со скалъ,
Старикъ же булавой тяжелой потрясалъ

Съ безумной яростью и полный силы львиной ,
Путь преградивъ стрѣлку, съ приподнятой дубиной,

Онъ, словно, ждалъ, когда, смущеніе свое
Охотникъ поборовъ, зарядитъ вновь ружье.

Рукою правою оружьемъ угрожая,
А лѣвой на груди хламиду разрывая:

— «Стрѣляй сюда, мнѣ въ грудь!» воскликнулъ исполинъ:
«Иль гибель для тебя и смерть—исходъ одинъ»...

Въ глазахъ охотника—туманъ и помраченье,
Но всякое теперь опасно промедленье.

Онъ пулю шомполомъ вогналъ въ ружейный стволъ,
Насыпалъ пороху, курокъ винтовки взвелъ,

Прикладъ прижалъ къ плечу, и громкій выстрѣлъ грянулъ,
Но отъ груди свинецъ, какъ отъ стѣны, отпрянулъ

И пуля безъ вреда скатилась на песокъ —
Зато отъ ужаса свалился самъ стрѣлокъ,

Но видѣлъ, какъ прошелъ старикъ чудесный мимо,
Смерть укорялъ за то, что смерть неумолима,

И долго слышались еще издалека
Проклятья, и мольбы, и стоны старика.

И плакалъ Вѣчный Жидъ: «Нигдѣ, лишенъ прощенья,
«Я не могу найти покоя и забвенья...

«О, ка̀къ бы я желалъ уснуть, стереться въ прахъ,
Исчезнуть, какъ мой вопль, затерянный въ горахъ!

«Я—собственная тѣнь, лишенная могилы,
Я—эхо собственной, давно угасшей силы,

«Прикованной къ скалѣ; подъ вѣчной тьмою тучь
Безсмертный стебель я, окаменѣлый лучь...

«О, горе мнѣ! Могу-ль забыть о ликѣ кроткомъ?..
Ка̀къ онъ меня молилъ объ отдыхѣ короткомъ,

«Поруганный людьми, усталый, чуть живой!..
И я его прогналъ въ часъ этотъ роковой...»

Когда утихло все среди пустыни горной,
Согнувшись и ползкомъ достигъ стрѣлокъ проворный

До мѣста, гдѣ стоялъ таинственный старикъ,
И сплюснутый свинецъ нашелъ онъ въ тотъ же мигъ,

И подалъ мнѣ его, смущенъ находкой этой:
Та пуля сдѣлалась свинцовою монетой

И съ трепетомъ на ней я увидалъ тогда
Картину вѣчныхъ мукъ для Вѣчнаго Жида.

Какъ око въ смертный часъ, казалось мнѣ мигала
Монета старая. Она изображала

Спасителя въ тотъ мигъ, когда вели Христа
Къ Голгоѳѣ и онъ палъ подъ тяжестью креста.

Тутъ былъ разбуженъ я семьей гостепріимной,
Но изъ своей руки монеты этой дивной

Я все не выпускалъ и, озаренъ луной,
Какъ будто ожилъ вновь ликъ кроткій предо мной.

Дмитрій Минаевъ.

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ.

ПРИВѢТЪ.

Мы мчались на всѣхъ парàхъ по направленію изъ Кёнигсберга въ Вержболово. Вотъ Вѣлàу, вотъ Инстербургъ, вотъ Гумбиненъ...! скоро, теперь скоро! Сердце робѣло, какъ бы припоминая старую привычку болѣть; саднящая тревога распространялась по всему организму; глаза закрывались, словно боясь встрѣтиться съ неожиданностью.

Собственно говоря, впереди не было ничего ни неизвѣстнаго, ни неожиданнаго—напротивъ! Но сложилась на свѣтѣ какая-то особаго рода извѣстность, которую, кàкъ ни вертись, нельзя назвать иначе, какъ извѣстностью неизвѣстности. Чтò проку въ томъ, что впереди все до послѣдней нитки извѣстно, если въ чревѣ этой извѣстности нельзя найти ничего другого, кромѣ пословицы: извѣстно, что всѣ мы подъ Богомъ ходимъ. Ахъ! это—самая безсовѣстная, самая унизительная пословица! смыслъ ея горчѣе всякой горькой несправедливости, жесточе самой жестокой кары.

Нехорошо жить тому, кто не можетъ даже опредѣлить для себя: виноватъ онъ, или не виноватъ; не имѣетъ руководящей нити, чтобы угадать, чтò его ждетъ впереди — награда, или кара. Посреди этой смуты представленій настоящаго и будущаго, конечно, самое разумное, это—довести свой искъ къ жизни до минимума, т. е. сказать себѣ: удобнѣе всего быть ни виноватымъ, ни невиноватымъ, не заслуживать ни кары, ни награды; я, дескать, самъ по себѣ, я ничего не требую, ничего не ищу и претендую только на то, что имѣю право жить. Согласитесь, что это немного. Но тутъ-то именно изнуренное прирожденнымъ плѣномъ воображеніе и отъискиваетъ всякаго рода загвоздки. Во-первыхъ, чтò это за чинъ такой: «самъ по себѣ»? во-вторыхъ, какое такое «право жить»? право существовать, то-есть? право ходить по стрункѣ? право жить въ той мѣрѣ...

Мнѣ было стыдно. Я смотрѣлъ на долину Прегеля и весь

горѣлъ. Не страшно было, а именно стыдно. Меня охватывала безпредметная тоска, желаніе метаться, биться головой объ стѣну. Что-то въ родѣ безсильной злобы склава, который всю жизнь плясалъ и пѣлъ пѣсни, и вдругъ, въ одну минуту, всѣмъ существомъ своимъ понялъ...

Очевидно, сердце припоминало старую боль. Я слишкомъ долгое время чувствовалъ себя чужимъ среди чужихъ, и потому отвыкъ болѣть. Но намъ это необходимо, намъ нужна ноющая сердечная боль, и покамѣсть это, все таки—лучшій modus vivendi изъ всѣхъ, которые предлагаетъ намъ дѣйствительность.

Но истинный склавъ имѣетъ впечатлительность скоропреходящую; потому-то именно онъ—и склавъ, что не можетъ сосредоточить свою мысль ни на какомъ ощущеніи. Вспышки совѣсти въ немъ часты, но минутны. Блужданіе между нравственной анеміей и безпорядочнымъ раскаяніемъ — вотъ единственная форма, въ которой воплощаются тѣ проблески общечеловѣческихъ основъ, которые безсильна заглушить даже безпощадная рабская дисциплина. И чѣмъ сильнѣе вспышки самосознанія, тѣмъ рѣзче слѣдующій за ними общій упадокъ силъ. Даже раскаяніе, эта податливѣйшая изъ всѣхъ формъ внутренняго человѣческаго самосуда, слишкомъ тяжеловѣсно, чтобы плечи раба могли выносить его бремя.

Склавъ не перестаетъ быть склавомъ даже въ тѣ минуты, когда у него болитъ сердце. Охваченный бунтующею совѣстью, онъ умиротворяетъ ее не дѣйствительнымъ удовлетвореніемъ ея законныхъ требованій, а тѣмъ, что старается обойти, замять, поработить. Онъ изобрѣтателенъ на всякія уловки—это одна изъ прерогативъ его званія — и потому безъ труда отъискиваетъ противовѣсъ пробудившемуся сознанію въ готовыхъ представленіяхъ о неизбѣжности и коловратности. И вотъ, крики боли начинаютъ мало-по-малу стихать, и недавній вопль: унизительно, стыдно, больно! смѣняется другимъ: лучше не думать! Затѣмъ, человѣкъ уже дѣлается разсудительнымъ; въ умѣ его постепенно образуется представленіе о неизбѣжномъ рокѣ, о гнетущей силѣ обстоятельствъ, противъ которой безполезно или, по малой мѣрѣ, рискованно прать, и, наконецъ, какъ достойное завершеніе всѣхъ этихъ недостойностей, является краткій, но имѣющій рѣшающую силу афоризмъ: надо же жить!

Да̀, надо жить! Надо нести иго жизни съ осторожностью, благоразуміемъ и даже стойкостью. Склавъ—дипломатъ по необходимости; онъ долженъ какъ можно чаще повторять себѣ: жить! жить надо! потому что въ этихъ словахъ заключается отпуще-

ніе его совѣсти, потому что въ нихъ утопаютъ всевозможныя жизненныя программы, начиная свободой и кончая рабствомъ.

Мало-по-малу, мой стыдъ пропалъ, и его мѣсто заняло смутное желаніе «увидѣть вновь». Я не объяснялъ себѣ, что̀ предстоитъ увидѣть; я именно твердилъ только эти слова̀:—«увидѣть вновь». А такъ какъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что я «увижу вновь» непремѣнно и не дальше, какъ вслѣдъ за симъ, то мысли мои невольно начали принимать направленіе дѣловое, реальное, которое немало помогло окончательному умиротворенію потугъ стыда. Я началъ вслушиваться, всматриваться и, мало-по-малу, вполнѣ допустилъ завладѣть собой мелочамъ обыденной, чередовой жизни.

Насъ сидѣло въ купѐ четыре человѣка, все русскіе. Мы выѣхали изъ Берлина наканунѣ, въ восемь часовъ вечера, но, по русскому обычаю, разсѣлись по угламъ, помолчали и, наконецъ, заснули, ка̀къ кто могъ. Только утромъ, товарищи мои начали вглядываться другъ въ друга и испускать какіе-то предварительные звуки, которые обнаруживаютъ поползновеніе вступить въ разговоръ. Но въ Кёнигсбергѣ, за завтракомъ, общественное положеніе моихъ спутниковъ объяснилось вполнѣ. Всѣ трое были представителями русской культурности: одинъ, Василій Иванычъ, ѣхалъ изъ Парижа; другой, Павелъ Матвѣичъ—изъ Ниццы; третій, Сергѣй Ѳедорычъ—изъ Баденъ-Бадена, въ соотвѣтствующіе города: Навозный, Соломенный и Непросыхающій. Всѣ трое были женаты; жены ихъ провели ночь вмѣстѣ, въ особомъ вагонѣ для некурящихъ, и довольно близко между собой познакомились. И немудрено: у нихъ былъ общій и очень существенный интересъ. У каждой было по нѣскольку кусковъ матерій, которые надлежало утаить отъ таможеннаго надзора, а это, какъ извѣстно, составляетъ предметъ неистощимѣйшихъ разговоровъ для всякой свободно-мыслящей русской дамы, которая, пользуясь всѣми правами культурнаго срамословія, потому только не мнитъ себя кокоткою, что освобождается отъ взятія желтаго билета. За кофеемъ послѣдовало взаимное представленіе мужей, а когда поѣздъ тронулся, то знакомство уже стояло на прочномъ основаніи, и между новыми пріятелями, безъ задержки, полилась вольная русская рѣчь.

Покуда мнѣ было стыдно, я не обращалъ вниманія на происходившій около меня разговоръ; теперь, когда стыдъ мой прошелъ, я, какъ уже сказано выше, началъ вслушиваться. Спутники мои, за исключеніемъ Сергѣя Ѳедорыча, были, очевидно, истыми представителями и ревнителями интересовъ русской культурности, изъ числа тѣхъ, которые помнили времена, когда

*

еще существовали культурные люди, «не позволявшіе себѣ на ногу наступить». Теперь, когда наступаніе на ноги, за всесословнымъ его распространеніемъ, пріобрѣло уже до такой степени обычный характеръ, что никого не заставляетъ даже краснѣть, домашнее дѣло этихъ господъ, т. е. защита интересовъ культурности, до такой степени упростилось, что они увидѣли передъ собою пропасть празднаго времени, которое и рѣшились наполнить безцѣльнымъ шатаніемъ по безчисленнымъ заграничнымъ stations de santé, гдѣ праздность находитъ для себя хоть то оправданіе, что доставляетъ занятіе и хлѣбъ безконечному сонмищу комиссіонеровъ, пактрэгеровъ и динстмановъ. И Василій Иванычъ, и Павелъ Матвѣичъ были люди вполнѣ утробистые, съ тою, однакожь, разницею, что у перваго животъ расплывался въ ширь, въ видѣ обширнаго четырехугольника, приподнимавшагося только при очень обильномъ насыщеніи; у втораго же животъ былъ собранъ клубкомъ, такъ что со стороны можно было подумать, что у него въ штанахъ спрятана бомба. Василій Иванычъ выглядѣлъ джентльменомъ: одѣтъ былъ щеголевато, лицо имѣлъ чистое, матовое, доказывавшее, что періодическое омовеніе уже вошло въ его привычки; напротивъ того, Павелъ Матвѣичъ глядѣлъ замарашкой: одѣтъ былъ неряшливо, въ бѣльѣ рыжеватаго цвѣта, лицо имѣлъ пористое, покрытое противною маслянистою слизью, какъ у человѣка, который нѣсколько сутокъ сряду спалъ, лежа въ тарантасѣ, на протухлой подушкѣ Василій Иванычъ обнаруживалъ нѣкоторое знакомство съ европейскими манерами, т. е. говорилъ резонно и свободно, дышалъ ровно и совсѣмъ не курилъ; напротивъ, Павелъ Матвѣичъ говорилъ отрывисто, почти-что мычалъ, не дышалъ, а сопѣлъ и фыркалъ, курилъ вонючія папиросы, одну за другой, и при этомъ какъ-то неистово захлебывался! Что̀ же касается до Сергѣя Ѳедорыча, то это былъ малый низенькій, вертлявый и поджарый, что̀ прямо обнаруживало, что прикосновенность его къ культурности очень недавняя и, притомъ, сомнительная. Очевидно, онъ былъ когда-то исправникомъ или становымъ, и лишь въ послѣднее время, за общимъ запустѣніемъ, очутился представителемъ интересовъ культурности. Даже фамилія у него была совсѣмъ некультурная—Курицынъ, тогда какъ Василій Ива̀нычъ былъ Спальниковъ, а Павелъ Матвѣичъ—Постельниковъ.

— А вѣдь это было когда-то все наше! говорилъ Василій Иванычъ, указывая рукой на долину Прегеля.

Павелъ Матвѣичъ устремилъ въ окно непонятливый взоръ, какъ будто хотѣлъ что̀-то разглядѣть сквозь туманъ, хотя, въ

дѣйствительности, никакого тумана не было, кромѣ того, которымъ сама природа застилала его глаза.

— Когда же? заёрзалъ на мѣстѣ господинъ Курицынъ.

— Да ужь тамъ когда бы то ни было, хоть при царѣ Горохѣ, а все наше было. И это, и дальше все. Отцы наши тутъ жили, мощи нашихъ угодниковъ почивали. Кёнигсбергъ-то Королевцемъ назывался, а это ужь послѣ его нѣмцы въ Кёнигсбергъ перекрестили.

Матвѣй Иванычъ зѣвнулъ и произнесъ:

— Пущай ихъ! у насъ и своихъ болотъ дѣвать нѐкуда!

— Однакожь! возразилъ Василій Иванычъ:—довольно не довольно, а все-таки своего всякому жалко.

— Ду неужто это правда? встревожился Сергѣй Ѳедорычъ.

— Вѣрно говорю, все наше было. Самъ покойный Михаилъ Петровичъ мнѣ сказывалъ: поѣдешь, говоритъ, за-границу, не забудь Королевцу поклониться: нашъ, братецъ, былъ! И Данцигъ былъ нашъ—Гданскомъ назывался, и Лейпцигъ—Липовецъ, и Дрезденъ—Дрозды, все наше! И Поморье все было наше, а теперь нѣмцы Помераніей называютъ! Больно, говоритъ. Да чтѐ тутъ еще толковать! и по сейчасъ одинъ рукавъ Мемеля Русью зовется, и мѣстечко при устьѣ его—тоже Русь! Вотъ она гдѣ, наша Русь православная была!

— Странно! кàкъ же мы это такъ... оплошали!

— Объ томъ-то я и говорю, что сротозѣйничали. Не будь этого... ишь-ишь-ишь! сколько аистовъ по полямъ бредетъ!

Павелъ Матвѣичъ взглянулъ въ окно, но только почесалъ носъ.

— Все бы наше было, и аисты наши были бы!

— Не корыстная птица, замѣтилъ Павелъ Матвѣичъ: — я слышалъ, мышами питается.

— Чтò-жь, гадовъ выводитъ—и за то спасибо! Вотъ у насъ этой птицы нѣтъ, оттого и гаду много! Какъ переѣхалъ за Эйдкуненъ—ау, аисты! Ворòна пошла.

— Въ одномъ мѣстѣ аисты, въ другомъ—ворòна: гдѣ чему водъ!

— Да, вотъ здѣсь крыши черепицей кроютъ, а у насъ—соломой!

— Соломой-то проще! да вѣдь и то сказать: у другого крыша хоть и соломенная, да зато подъ крышею...

— По-одъ кры-ы-шею! зѣвнулъ во весь ротъ Павелъ Матвѣичъ:—фу-ты, разоспался! Отъ самаго отъ Берлина въ себя придти не могу! Вы откудова ѣдете?

— Мы—изъ Парижа. Каждый годъ ѣздимъ, поживемъ, закупки сдѣлаемъ—и домой!

— А я изъ Ниццы. Море...

— Я цѣлую зиму въ Баден-Баденѣ прожилъ, отозвался и Сергѣй Ѳедорычъ:—всѣмъ хорошо, только праздникъ Христовъ тяжело на чужой сторонѣ встрѣчать!

— Па-а-сха! опять зѣвнулъ Павелъ Матвѣичъ.

— Дà, побыли, погуляли, а теперь вотъ домой ѣдемъ, дѣломъ займемся, оброки соберемъ. А зимой, ежели захочемъ—и опять за-границу! разсудилъ Василій Иванычъ.

— Хорошо-хорошо за-границей, а дома лучше.

— Дома—чего лучше!

— Пасха пресвята-а-а-я! затянулъ Павелъ Матвѣичъ.

Всѣ трое на минуту смолкли. Павелъ Матвѣичъ повернулся бокомъ къ окну и смотрѣлъ непонятливыми глазами вдаль; остальные двое покачивались.

— Дома—святое дѣло! началъ, наконецъ, Василій Иванычъ:—это такъ только говорятъ, что заграницей хорошо, а кàкъ же возможно сравнить? Вотъ хоть бы насчетъ ѣды: у насъ ли ѣда, или за-границей?

— Вотъ! именно это я всегда и женѣ говорилъ! помилуй, говорю, у насъ ли ѣда, или въ этой Ниццѣ проклятой! съ какою-то жадностью воскликнулъ Павелъ Матвѣичъ. Онъ весь оживился, и даже непонятливые его глаза какъ будто блеснули.

— Мнѣ, доложилъ, въ свою очередь, Сергѣй Ѳедорычъ:—какъ я за-границу отправлялся, губернаторъ говорилъ: счастливецъ ты, Сергѣй Ѳедорычъ! будешь тюрбò ѣсть! А я ему: это еще, говорю, ваше превосходительство, бабушка на двое сказала, кто счастливѣе: тотъ ли, который тюрбò будетъ ѣсть, или тотъ, у кого подъ руками и осетринка, и стерлядка, и севрюжка — словомъ, все?

— Дà, надъ этимъ еще задумаешься! отозвался Павелъ Матвѣичъ и утеръ ладонью носъ.

— Съ однимъ тюрбò, хоть онъ растюрбò будь—далеко тоже не уѣдешь! согласился и Василій Иванычъ.

— Вотъ въ Ниццѣ и много рыбы, да чорта ли въ ней!

— То ли дѣло наша стерлядь!

— Одна ли стерлядь! вы возьмите: судакъ! вѣдь это—какая рыба! куда хотите, туда ее и поверните! и а ля-рюссъ, и съ провансаломъ, и съ кисленькимъ соусомъ—всяко!

— А молодые судачки—на жаркое!

— Вотъ это—такъ рыба! настоящая рыба!

— Осетрина, бѣлужина, севрюжка, бѣлорыбица, сазанъ, налимъ!

— А лещь-то! лещь! тёшку леща зажарить да съ кашей!

— Ну, я вамъ скажу, ежели линя тоже приготовить! хоть и не видная, деревенская это рыба, а ежели подъ краснымъ соусомъ приготовить, да лучку подпустить!

— А про лососину-то и забыли!

— Ну, лососина, пожалуй, и у нихъ есть. У насъ въ Баден-Баденѣ...

— Чтò въ Баден-Баденѣ! Бывалъ я и въ Баден-Баденѣ! форель—только и свѣту въ окнѣ! Ну, еще лососина, пожалуй... кусочекъ съ горошину подадутъ... Нѣтъ, вы про сига нашего вспомните! нѣтъ нашего сига! нигдѣ нашего сига нѣтъ!

— Какого тутъ сига искать! щуку ѣдятъ, назовутъ «брошè»—и ѣдятъ!

— А у меня щуку люди не станутъ ѣсть. При крѣпостномъ правѣ ѣли, а теперь—бàста! Попы—тѣ и сейчасъ щукъ ѣдятъ.

— Тюрбò да тюрбò! а его только и можно ѣсть, что подъ бѣлымъ соусомъ!

Дойдя до такого почти безнадежнаго результата, спутники мои чувствуютъ, однако, что зашли слишкомъ далеко. Поэтому, въ мнѣніяхъ ихъ происходитъ минутная реакція, выразителемъ которой, къ удивленію, является Павелъ Матвѣичъ.

— Ну, положимъ, и не одно тюрбò! говоритъ онъ, не безъ хитрости подмигивая однимъ глазомъ:—вспомните-ка!

— Конечно, не одно тюрбò, уступаетъ и Василій Иванычъ:—ежели все-то вспомнить, такъ и у нихъ рыба есть—кàкъ рыбѣ не быть!

— Тоже народъ живетъ — пить-ѣсть надо! присовокупляетъ Сергѣй Θедорычъ.

— Соль, барбю—это, вѣдь, въ своемъ родѣ...

— Соусы-съ!

— Соусы—это вѣрно, что соусы. Я и самъ сколько разъ гарсону въ кафè Ришъ говорилъ: чтò ты меня, Филиппъ, все соусами кормишь! Съ соусомъ-то я тебѣ перчатки свои скормлю! а ты настоящее дѣло подавай!

Это замѣчаніе опять настраиваетъ мысли на патріотическій ладъ.

Соусъ? чтò такое соусъ? Есть ли это настоящая пища, или только тàкъ, какое-то мнимое, недостигшее преосуществленія антремè?

— Ѣлъ я ихъ пресловутую буйль-абессъ, говоритъ таинственно Павелъ Матвѣичъ:—это у нихъ вмѣсто нашей ухи!

— Ну, ужь! куда ужь!

— У насъ уху-то подадутъ—а?! Со стерлядью да съ налимьими печенками... зо-ло-та-а-я! Да растегаи къ ней...

— Что̀ ужь!

— У меня коли уху готовятъ: сперва изъ мелкихъ стерлядей бульонъ сдѣлаютъ, да луку головку туда бросятъ, потомъ сквозь чистое полотенце процѣдятъ да въ этомъ-то бульонѣ ужь и варятъ настоящую стерлядь! Такъ она, каналья, такъ на зубахъ и брызжетъ!

— Что̀ ужь!

— А то буйль-абессъ! А они даже ее-то только по праздникамъ ѣдятъ—диковина!

— И опять-таки: буйль-абессъ эта—совсѣмъ не уха, а соусъ!

— Все соусы! за что̀ ни возьмись—все соусъ!

— Зато они въ соусахъ — мастера! то есть, впрочемъ, французы только... мастера̀, бестіи, соусы приготовлять!

— Еще бы! субизъ, морнѐ, беарнезъ, борделезъ... пальчики оближешь!

— Хитёръ народъ! настоящей провизіи нѣтъ, такъ на соусахъ выѣзжаютъ!

— Настоящей провизіей только у насъ, въ матушкѣ Россіи, и можно разжиться!

— Только у насъ — это вѣрно! Насчетъ чего другого, а насчетъ провизіи—къ намъ пріѣзжай!

Всѣ трое затихаютъ и погружаются въ себя, словно отъискивая въ тайникахъ души какую-нибудь новую провизію для сравненія. Надо, впрочемъ, сказать, что Сергѣй Ѳедоровичъ, вообще, принималъ довольно ограничённое участіе въ этомъ разговорѣ. Какъ человѣкъ новый, въ нѣкоторомъ родѣ мѣщанинъ во дворянствѣ, онъ, во-первыхъ, опасался компрометировать себя какимъ-нибудь слишкомъ простымъ кушаньемъ, а во-вторыхъ, находилъ, что ему предстоитъ единственный, въ своемъ родѣ, случай поучиться у настоящихъ культурныхъ людей, чтобы потомъ, по пріѣздѣ въ Непросыхающій, сдѣлать соотвѣтствующія примѣненія, которыя доказали бы его знакомство съ послѣдними результатами европейской культуры.

— Сравните, теперь нашего цыплёнка съ ихнимъ пулѐ! начинаетъ Павелъ Матвѣичъ.

— Велика Ѳедора да дура! отзывается Василій Иванычъ.

— Нашъ ли цыплёнокъ, или ихній? Нашъ цыплёнокъ—робёнокъ! его съ косточками, съ головой, совсѣмъ проглотить можно! У него и жиръ-то робячій! Запонируютъ это въ сухарикахъ, да въ сливочномъ маслѣ заколеруютъ—такъ это что̀!

Опять легкая пауза, впродолженіи которой всѣ трое сопятъ.

— У насъ цыплёнка гречневой кашей, да творогомъ, да бѣлымъ хлѣбомъ, да яйцомъ кормятъ—ну, онъ и цыплёнокъ! А у

нихъ чѣмъ кормятъ? Былъ я въ жарденъ дакклиматасьонъ — тамъ за деньги кормленіе-то это показываютъ — срамъ смотрѣть!

— Однако, и у нихъ бываютъ... жирные бываютъ пулè!

— Еще бы не жирные! будешь жиренъ, какъ стервятиной да дохлятиной кормить будутъ! Да и вообще... развѣ это цыплёнокъ! Подадутъ дылду на столъ, двоимъ врядъ убрать, и говорятъ: пулè!

— Пулярка — это правильнѣе.

— Коли пулярка, такъ и говори, что пулярка, а пулè, молъ, пожалуйте въ Россію кушать. Да опять и пулярка: наша ли пулярка, или парижская — объ нѣмецкихъ ужь и не говорю! Наша пулярка, хоть небольшая, да нѣжная, тонкая, ароматъ у ней есть! а тамошняя пулярка — большая, да прѣсная — чорта ли въ ней, въ этой прѣснятинѣ! Только говоритъ: савёръ да савёръ! а савёру-то именно и нѣтъ!

— Ну, положимъ, пулярки у нихъ все-таки еще бываютъ; а вотъ вы мнѣ чтò скажите: гдѣ у нихъ наша дичь?

При этомъ вопросѣ, собесѣдники сначала изумленно переглядываются, потомъ безнадежно махаютъ руками.

— Нашъ рябчикъ, нашъ тетеревъ, нашъ дупель — гдѣ они?

— Утица наша... да кряковная! неосторожно вмѣшивается Сергѣй Өедорычъ и тотчасъ же стыдливо потупляетъ глаза.

По холодному блеску глазъ, которыми взглянулъ на него Василій Иванычъ, онъ убѣждается, что сдѣлалъ какой-то непозволительный промахъ. Утица да еще кряковная... чтò такое утица? Филè де-каннетонъ — это еще, пожалуй! это, быть можетъ, даже на дѣло похоже! Крррякo-вная! Даже Павелъ Матвѣичъ, и тотъ какъ-то добродушно сконфузился при этомъ напоминаніи.

— Тетерева-то, коли въ кострюлькѣ да на чухонскомъ маслѣ зажарить, спѣшитъ Павелъ Матвѣичъ перемѣнить разговоръ: — да подрумянить... да чтобы онъ въ кострюлькѣ-то хорошенько вздохнулъ... вѣдь это — чтò-жь!

— Да коли онъ не лежалый, да ароматъ этотъ въ немъ... вѣдь это — чтò!

— А рябчика-то на вертелѣ... да перчикомъ, да перчикомъ... бочкà-то, бочкà!

— У насъ тетеревъ, рябчикъ, дуппель, вальдшнепъ, куропатка, а у нихъ — кайль да кайль!

— А по нашему, кайль-то — перепёлка!

— У насъ дроздъ, а по ихнему гривъ. Думаешь, и Богъ знаетъ чтò подаютъ — анъ дроздъ простой!

— Ну, есть у нихъ и пердрò. Это, вѣдь тоже недурно, особливо коли ежели...

— А вы попробуйте-ка каждый день зарядить пердрò да пердрò, такъ оно у васъ, батюшка, вѣ горлѣ застрянетъ! Нѣтъ, у насъ — кàкъ можно! сегодня рябчикъ, завтра тетеревъ, послѣ завтра, пожалуй, пердрò... Господи! а поросёнокъ-то! объ поросёночкѣ-то и позабыли!

И всѣ вдругъ засмѣялись, но тàкъ любовно, какъ будто блуднаго сына обрѣли.

— Поросенка за-границей днемъ съ огнемъ не отыщешь! съ знаніемъ дѣла заявилъ Сергѣй Ѳедорычъ.

— Имъ поросёнокъ невыгоденъ. Я не одинъ разъ у Филиппа спрашивалъ: отчего у васъ, Филиппъ, поросёнка не подаютъ? А отъ того, говоритъ, что для насъ поросёнокъ невыгоденъ; мы его затѣмъ воспитываемъ, чтобъ изъ него свинья или боровъ вышелъ—тогда и бьемъ!

— А того не понимаетъ, что свинья—сама по себѣ, а поросёнокъ—самъ по себѣ.

— Поросёночка да молочненькаго, да ежели съ недѣлю еще сливочками подкормить... Это—что̀ же такое!

— Кожица-то у него, ежели онъ жареный... заслушаешься, какъ она на зубахъ-то хруститъ!

— А я, признаться, больше люблю варенаго... Да тепленькаго, да чтобъ сметанки съ хрѣнкомъ...

— Въ англійскомъ клубѣ, въ Москвѣ, въ прежнія времена поваръ былъ... ахъ, хорошо, бестія, поросятъ подавать умѣлъ!

Опять пауза; всѣ трое смотрятъ въ землю, словно подавленные воспоминаніями. Наконецъ, Павелъ Матвѣичъ восклицаетъ:

— Ахъ, заграница! заграница!

Я думалъ, что этимъ восклицаніемъ кулинарныя воспоминанія исчерпаются; но, видно, много накипѣло въ душѣ у этихъ людей, и это многое не могло уже держаться подъ спудомъ въ виду скораго свиданія съ родиной.

— Баранина у нихъ—вотъ это тàкъ! А что̀ касается до говядины, до телятины—все у насъ лучше!

— Крысы у нихъ хороши въ Парижѣ; во время осады, говорятъ, все крысами питались.

— Ну, я, кажется, озолоти меня—не стану крысу ѣсть.

— Однако! смотря потому...

— Съ голоду лопну, а не стану!

— А французъ ѣстъ; соусцемъ приправитъ, перчикомъ сдобритъ и ѣстъ. Можетъ, и мы когда-нибудь въ Парижѣ кошку за лапена съѣли.

— И съѣли.

— Вотъ оно, что̀ соусъ-то значитъ!

— Велико дѣло—соусъ!

— У насъ этихъ соусовъ нѣтъ, потому что наша ѣда — настоящая.

— Кàкъ же возможно! наша ли ѣда, или заграничная!

Всѣ трое разомъ зѣвнули и потянулись: знакъ, что сюжетъ начиналъ истощаться, хотя еще ни однимъ словомъ не было упомянуто объ ветчинѣ. Меня они, повидимому, совсѣмъ не принимали въ соображеніе: или имъ все равно было, есть ли въ вагонѣ посторонній человѣкъ или нѣтъ, или же они принимали меня за иностранца, непонимающаго русскаго языка. Сергѣй Ѳедорычъ высунулся изъ окна и съ минуту вглядывался впередъ.

— Чтò? видно? спросилъ его Василій Иванычъ.

— Богъ знаетъ! видно чтò-то да не разберу!

— Дà, мудрена Россія-матушка! не скоро ее разберешь!

Павелъ Матвѣичъ только махнулъ рукой и сильнѣе прежняго затянулся папиросской.

— И прежде трудно было, сказалъ онъ:—а теперь, какъ вездѣ наслѣдили слѣдовъ, пожалуй, и совсѣмъ не разберешь! Вездѣ для тебя дорога написана, и нигдѣ тебѣ дороги нѣтъ!

— Имянно. У меня, въ Навозномъ, дѣло завелось, самъ-то я заграницу уѣхалъ, такъ ходоку поручилъ—представьте! пишетъ, что четвертый мѣсяцъ начальства ищетъ, не можетъ найти!

— Кàкъ такъ?

— Да тàкъ вотъ. Исправникъ нынче никакихъ дѣлъ не принимаетъ, а мировые—одинъ въ отставку вышелъ, другой, по болѣзни, не правитъ, а третій по уѣзду ѣздитъ, поймать нигдѣ нельзя. Нѣтъ начальства—хоть вòлкомъ вой!

— А вотъ французы, у нихъ начальства даже по закону не положено, а живутъ!

— Спросили бы вы, кàкъ живутъ-то! тоже вѣдь, какъ и мы, грѣшные, горе мыкаютъ! Голоштанники да республиканцы—тѣ, конечно, рады! а хорошихъ людей спросите — ой-ой, какъ морщатся!

— Кàкъ можно безъ начальства! безъ начальства—мàтъ!

— И хоть бы свобода была! Республика да республика, а посмотришь да поглядишь—право, у насъ свободнѣе!

— Кàкъ же возможно! у насъ—просторъ!

— У насъ, коли ты сидишь смирно, да ничего не дѣлаешь, такъ, никто тебя не тронетъ—Христосъ съ тобой, хоть два вѣка смирно сиди!

— А захотѣлъ разговаривать—такъ не прогнѣвайся!

— И дѣльно—потому, молчи!

— Насмотрѣлся таки я на ихнюю свободу, и въ ресторанахъ побывалъ, и въ театрахъ вездѣ былъ, даже въ палату депутатовъ однажды пробрался—никакой свободы нѣтъ! Въ ресторанъ, коли ты до пяти часовъ пришелъ, ни за что̀ тебѣ обѣдать не подадутъ! послѣ восьми—тоже! Обѣдай между пятью и восемью! Въ театръ взялъ билетъ—такъ ужь не прогнѣвайся! ни шевельнуться, ни ноги протянуть—сиди, какъ приговоренный! Во время представленія—жара, въ антрактахъ—сквозной вѣтеръ. Свобода!

— Да̀, посидишь въ тискахъ — запросишь простору! А впрочемъ, правду надо сказать: бестіи эти француженки, можно для нихъ и въ тискахъ посидѣть! Насчетъ, это, лямуру или ляшозу...

— Ка̀къ вамъ сказать! вѣдь, и насчетъ лямуру онѣ больше у насъ распоясываются. Знаетъ, что денегъ у русскихъ много— ну, и откалываетъ. А въ Парижѣ и половины тѣхъ штукъ не выдѣлываютъ, что̀ у насъ.

— Говорятъ, Мак-Магонша лямуру не любитъ.

— Да̀, и она. Много она для Франціи полезнаго сдѣлала, а частичка тоже и вреда есть. Главное дѣло—иностранцевъ отъ Парижа отвадила. Возьмемъ хоть бы насъ, русскихъ: кабы настоящимъ-то манеромъ, какъ при Евгеніи, лямуръ выдѣлывали, да насъ бы, кажется, и не отодрать оттолѣ!

— Кричатъ: республика! а свободы не даютъ!

Скажите, однакожь: я слышалъ, что картинки такія въ Парижѣ продаются... интересныя, будто бы, картинки пріобрѣсти можно?

— Это для стереоскопа, что̀ ли? Я цѣлую охапку съ собой захватилъ!

— Интересны?

— Отдай все, да и мало!

— Тсс...

— Да у нихъ еще то ли есть! Въ модныхъ магазинахъ показываютъ, ка̀къ барыни платья примѣриваютъ! Пріѣдетъ это дама—и все изъ большаго свѣта!—раздѣнется декольтѐ, а изъ сосѣдней комнаты кавалеръ на нее сквозь щелочку смотритъ.

— Ишь ты! а она, сердешная, и не знаетъ?

— Иныя и знаютъ, нарочно знакомиться съ кавалерами пріѣзжаютъ. Повертывается она декольтѐ передъ зеркаломъ, а изъ засады—кавалеръ: же лоннёръ... Большіе съѣзды бываютъ.

— И наши, чай, барыньки...

— Чего ужь!

Каждый смотритъ на каждаго вопрошающимъ взглядомъ, словно хочетъ сказать: а что̀, братъ, ужь не твоя ли?

— Ахъ, дамочки наши! дамочки! вздыхаетъ Сергѣй Ѳедорычъ.

— Такъ вы и въ палатѣ депутатовъ побывали? любопытствуетъ Павелъ Матвѣичъ.

— Былъ, въ самый разъ попалъ, амнистію обсуждали. Галдятъ, а толку нѣтъ. Знаютъ, что придетъ Наполеонъ, и всѣмъ имъ одно рѣшеніе выйдетъ—въ Кайенну ушлютъ.

— Вотъ и этого у насъ нѣтъ!

— Зачѣмъ намъ! У насъ, коли ты сидишь смирно, да ничего не дѣлаешь—живи! У насъ все чередомъ дѣлается. Вотъ, пріѣдемъ въ Вержболово—тамъ насъ разсортируютъ, да всѣхъ по своимъ мѣстамъ и распредѣлятъ.

— Турки-то! турки-то! тоже конституціи запросили! ахъ, прахъ ихъ побери!

— Смѣхота!

— То-то оно и есть! даже у турокъ взбѣленились, а у насъ—спокой!

— Намъ конституціевъ не надо! Мы и безъ нихъ проживемъ! Разъѣдемся теперь по деревнямъ, аммуницію долой—спокой!

Всѣ трое заговорили разомъ:—«У насъ ка̀къ возможно! У насъ—тишина! спокой! какихъ еще тамъ конституціевъ! долой аммуницію—чего лучше!» Гулъ стоялъ въ отдѣленіи вагона отъ восклицаній, лишенныхъ подлежащаго, сказуемаго и связки.

— Нѣтъ, вы только сообразите, сколько у нихъ, у этихъ французовъ, изъ-за пустяковъ времени пропадаетъ! горячился Василій Иванычъ:—ему надо землю пахать, а его въ окру̀гу гонютъ: ступай, говорятъ, голоса̀ подавать надо! Смотришь, анъ полосато такъ и осталась непаханная!

— И ни̇̀што имъ! пущай безъ хлѣба сидятъ!

— За то у насъ мужичка никто ужь нетронетъ: паши̇̀ себѣ да паши̇̀!

— Развѣ съ подводой выгонятъ, такъ вѣдь безъ этого тоже нельзя!

— Подвода—дѣло! а у нихъ что̀!

— Ахъ, французы! французы! жаль ихъ! дѣльный народъ, а на счетъ язычка—слабеньки!

— А вы думаете, что они сами этого не чувствуютъ? не чувствуютъ, что̀-ли, что, если Россія имъ хлѣба не дастъ, такъ имъ ма̀тъ? Чувствуютъ, да еще и ахъ ка̀къ чувствуютъ!

Опять завопили всѣ разомъ: — чувствуютъ! да еще ка̀къ чувствуютъ! Ма̀тъ! именно ма̀тъ!

— А позвольте спросить, вдругъ надумался Сергѣй Ѳедорычъ:—вотъ вы на счетъ Турціи изволили говорить, будто тамъ конституціи требуютъ; стало быть, это дѣйствительно такъ?

— Чего вѣрнѣе, во всѣхъ газетахъ написано.

— Да̀! заварили турки кашу! придется матушкѣ Россіи опять ихъ уму-разуму учить!

— А позвольте еще спросить: — дворяне у нихъ есть... турецкіе?

Вопросъ этотъ сначала словно ошеломилъ собесѣдниковъ, такъ что послѣдовала короткая пауза, во время которой Павелъ Матвѣичъ, чтобъ скрыть свое смущеніе, поворотился бокомъ къ окну и попробовалъ засвистать. Но Василій Иванычъ, повидимому, довольно твердо помнилъ, что главная обязанность культурнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы выходить съ честью изъ всякаго затрудненія, и потому колебался не долго.

— Ка̀къ, чай, дворянамъ не быть, отвѣтилъ онъ:—только доку̀ментовъ у нихъ настоящихъ нѣтъ, а по ихнему — все-таки дворяне.

— Помилуйте! да у меня въ Соломенномъ и сейчасъ турецкій дворянинъ живетъ, и фамилія у него турецкая—Амурадовъ! обрадовался Павелъ Матвѣичъ: — дѣдушку его Потемкинъ простымъ арапченкомъ вывезъ, а впослѣдствіи сто душъ ему подарилъ, да чинъ коллежскаго ассесора выхлопоталъ. Внукъ-то, когда еще выборы были, три трехлѣтія исправникомъ по выборамъ прослужилъ, а потомъ три трехлѣтія подъ судомъ состоялъ—лихо̀й!

— И бѣлый... изъ лица, то есть?

— Немножко какъ будто съ точечками, а впрочемъ, какъ есть—русскій: — и въ церковь нашу ходитъ, и ругается по нашему.

— У насъ дворяне—жалованные, а у нихъ—та̀къ! пояснилъ Василій Иванычъ: — у нашихъ — права̀, а у ихнихъ — право̀въ нѣтъ!

— Сегодня онъ — дворянинъ, а завтра—опять халуй!

— Завтра его подрѣжутъ, да евнухомъ въ гаремъ опредѣлятъ!

— Тсс... а что̀, кабы у насъ такъ?

— Вотъ еще что̀ вздумали! у насъ этого нельзя, у насъ — законъ!

— У насъ чего лучше! у насъ, ежели ты по закону живешь, никто тебя и пальцемъ не тронетъ! Ну, а коли ежели не по закону—ау, братъ!

Спутники мои, очевидно, начинали повторяться: знакъ, что скудный запасъ разговора приближается къ концу. Всѣ отяжелѣли: Василій Иванычъ вытянулъ руки вверхъ и съ наслажденіемъ сибарита шевелилъ лопатками; Павелъ Матвѣичъ просто-на̀-просто завывалъ, зѣвая; одинъ Сергѣй Ѳедорычъ ёрзалъ на

мѣстѣ, но не для того, чтобъ спросить еще что̀-нибудь, а какъ бы ища куда-нибудь половчѣй примазаться. Еслибъ не близость Вержболова, навѣрное, эти люди черезъ минуту заснули бы тѣмъ тревожнымъ, захлебывающимся сномъ, отъ котораго у русскаго культурнаго человѣка стискиваются зубы и лицо, въ самое короткое время, покрывается глянцовитымъ тукомъ. Однако, я былъ убѣжденъ, что еще далеко не все сказано. Не можетъ быть, думалось мнѣ, что они такъ-таки и позабыли о ветчинѣ! И дѣйствительно, предчувствіе не обмануло меня: хотя и окольнымъ путемъ, но они пришли, однакоже, къ ветчинѣ.

— Обѣдать, что̀-ли, въ Вержболовѣ будемъ? спросилъ Павелъ Матвѣичъ.

— Сперва на страшный судъ сходимъ, а потомъ и отобѣдаемъ!

— Да̀, скажите пожалуйста—я, вѣдь, за границей-то въ первый разъ—что̀ съ нами, собственно говоря, въ Вержболовѣ дѣлать будутъ? поинтересовался Сергѣй Ѳедорычъ.

— Ничего, голову сперва снимутъ, а потомъ отпустятъ! пошутилъ Василій Иванычъ.

— Нѣтъ, вы серьёзно... поучите! въ первый вѣдь разъ!

— А вотъ увидите. Сперва, на одинъ страшный судъ поведутъ—таможенные обшарятъ; потомъ, на другой страшный судъ представятъ—жандармы пачпорта̀ осматривать будутъ.

— Посмотрятъ и отдадутъ?

— Ну, тамъ, гля̀дя по человѣку. Ежели человѣкъ въ книгѣ живота не записанъ—простятъ, а ежели чего паче чаянія—въ пастухи опредѣлятъ, вмѣстѣ съ Макаромъ телятъ пасти велятъ.

— Однако!

— Въ другихъ земляхъ вотъ этого нѣтъ!

— Въ другихъ земляхъ нѣтъ, а у насъ—порядокъ! Я въ полгода всю Европу объѣхалъ—нигдѣ задержекъ не было; а у насъ нельзя! Ни въѣхать, ни выѣхать у насъ безъ спросу нельзя, всѣ мы подъ сумленіемъ состоимъ: можетъ быть, злоумышленникъ!

— И дѣльно.

— Спокойнѣе. Да ежели и есть задержка—развѣ она велика? Коли я ничего не сдѣлалъ, да пачпортъ у меня чистъ—да хоть до завтра его смотри! Я даже съ удовольствіемъ!

— Еще для меня спокойнѣе. Коли хорошенько пачпортъ-то у меня проэкзаменуютъ, такъ и мнѣ легче. По крайности, увѣренность есть, что ни въ чемъ незамѣченъ.

— Ну, насчетъ увѣренности—это еще бабушка на двое сказала. Начальство—оно тоже съ умомъ: иногда нарочно повадку

даетъ, чтобъ ты въ увѣренности былъ, а само, между тѣмъ, примѣчаетъ!

— Что̀-жь, и это дѣльно! будь въ страхѣ! оглядывайся! Кабы мы не оглядывались, да насъ бы...

— Вообще, у насъ порядку больше. Лишняго не позволятъ, да за то и въ яму упасть не дадутъ.

— А коли по правдѣ-то говорить, такъ вѣдь это-то настоящая свобода и есть!

— Чего свободнѣе! Просторъ одинъ у насъ какой! зима-то наша! зима-то! Велишь-это тройку въ сани заложить — покатывай!

— Да колокольчикъ у коренной подъ дугой заливается, да пристяжныя бубеньчиками погромыхиваютъ, да кучеру пѣсни пѣть велишь... и-ахъ! и-ухъ!

— Въ цѣломъ свѣтѣ такого раздолья не найдешь!

— Опять же насчетъ провизіи! наша ли ѣда, или ихняя!

— Я и сплю и вижу, какъ въ Вержболово пріѣдемъ! сейчай же ветчинки кусочекъ спрошу!

— Вота! давича перечисляли-перечисляли ѣду всякую, а про ветчину-то и позабыли!

— А ветчина, между тѣмъ... знаете-ли, ѣдалъ я ихнюю ветчину, и вестфальскую, и ліонскую, и итальянскую, всякую попробовалъ—ну, нѣтъ, противъ нашей тамбовской куда жиже!

— Помилуйте! наша ли свинья, или ихняя! наша свинья—чистая, хлѣбная, а ихняя—что̀! Стервятиной свинью кормятъ, да еще требуютъ, чтобъ она вкусомъ вышла! А ты сперва свинью какъ слѣдуетъ накорми, да потомъ ужь съ нея и спрашивай!

— Трихинъ-то, трихинъ-то, чай, сколько въ ихней ветчинѣ!

— Пожалуй, что, окромя̀ трихинъ, ничего другаго и нѣтъ. Признаться, я все время, какъ былъ за-границей, какъ отъ огня, отъ ихней свинины бѣгалъ. Вотъ, стало быть, и еще одинъ предметъ продовольствія изъ реестрика исключить приходится.

— Да и предметъ-то какой!

— Чего еще! Коли безъ опасенія свинину употреблять—хоть на сто манеровъ ее приготовляй! Ветчины захотѣлось: хо̀шь провѣсную, хо̀шь копченую—любую выбирай! Свѣжая свинина по вкусу пришлась—буженину заказывай, котлетки жарь, во̀ щи свининки кусочекъ припусти! Буженина, да ежели она въ соку вѣдь это что̀! Опять, колбасы, сосиськи — сколько сортовъ ихъ однихъ наберется! сосиськи въ мадерѣ, сосиськи съ чесночкомъ, сосиськи на сливкахъ, сосиськи съ кислой капустой, сосиськи... э, да что̀ тутъ!

Разговоръ внезапно оборвался. Эти перечисленія до того взволновали моихъ спутниковъ, что глаза у нихъ заблестѣли зловѣщимъ блескомъ и лица обозлились и осунулись, словно подъ гнетомъ сильнаго душевнаго изнуренія. Мнѣ показалось, что еще одна минута—и они совершенно созрѣютъ для преступленія. Къ счастью, въ эту самую минуту, поѣздъ нашъ началъ мало-по-малу уменьшать ходъ, и всѣ сердца вдругъ забились въ виду чего-то рѣшительнаго.

Мы пріѣхали въ Эйдкуненъ, откуда, послѣ короткой остановки, поѣздъ медленно и какъ-то торжественно повлекъ насъ въ Вержболово. Казалось, Европа сдавала насъ по принадлежности съ какою-то попечительною благосклонностью: вотъ, молъ, они! берите и распредѣляйте ихъ! невинными я ихъ отъ васъ приняла и невинными же сдаю вамъ! А ежели и случился съ ними какой грѣхъ, то виновата въ этомъ я одна, а ихъ — простите! Каюсь, я нетолько открыла имъ доступъ во всѣ рестораны и модные магазины, но многимъ даже развязала языки; однакожь, я увѣрена, что дома, у себя, они съумѣютъ и помолчать! Не правда-ли, mesdames et messieurs?

— Помилуйте! да мы! да никогда! да упаси Боже! слышались мнѣ воображаемые голоса соотечественницъ и соотечественниковъ, съ готовностью и съ чистымъ сердцемъ устремляющихся на «страшный судъ».

Но на дѣлѣ, никакихъ голосовъ не было. Напротивъ того, во время минутнаго переѣзда черезъ черту, отдѣляющую Россію отъ Германіи, мы всѣ какъ будто остепенились. Даже дамы, которыя въ Эйдкуненѣ пересѣли въ наше отдѣленіе, чтобы предстать на страшный судъ въ сопровожденіи своихъ мужей, даже и онѣ сидѣли смирно и, какъ мнѣ показалось, шептали губами обычную короткую молитву культурныхъ людей: пронеси, Господи!

— Что̀! притихла, небось! обратился Василій Иванычъ къ своей женѣ, высокой и статной брюнеткѣ, которая даже въ Парижѣ, этомъ всесвѣтномъ сборномъ пунктѣ красивыхъ кокотокъ, не осталась незамѣченною.

Но красавица ничего не отвѣтила и продолжала шевелить губами.

— Матерію-то куда спрятала? приставалъ Василій Иванычъ.

Легкая краска, которою покрылось красивое лицо барыни, да какой-то загадочный жестъ внутрь себя, сдѣланный почти безсознательно, послужили отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Дѣйствительно, въ эту минуту красавица показалась мнѣ гораздо полнѣе, вальяжнѣе, нежели въ Кёнигсбергѣ за завтракомъ.

— Чай, аршинъ съ тридцать кругомъ себя обмотала? подмигнулъ Василій Иванычъ своимъ собесѣдникамъ: — а вотъ изъ Вержболова выйдемъ—разматываться начнемъ. Ахъ, барыни! барыни!

Павелъ Матвѣичъ и Сергѣй Ѳедорычъ только махнули руками въ сторону своихъ дамъ, которыя, тоже, послѣ Кёнигсбергской остановки, замѣтно пополнѣли.

Вержболово... свершилось!

Насъ попросили выйти изъ вагоновъ, и, надо сказать правду, именно только *попросили*, а отнюдь не вытурили. И при этомъ не употребляли ни огня, ни меча—такъ это было странно! Такая ласковость подѣйствовала на меня тѣмъ болѣе отдохновительно, что передъ этимъ у меня положительно подкашивались ноги. Въ головѣ моей даже мелькнула нахальная мысль: да что̀-жь они объ страшномъ судѣ говорили! какой же это страшный судъ!—или, быть можетъ, онъ *послѣ* будетъ?

Но и послѣ никакого страшнаго суда не было. Таможенный чиновникъ съ такою изысканностью обозрѣлъ наши чемоданы что дамамъ оставалось только пожалѣть, зачѣмъ онъ ихъ хорошенько не обыскалъ. Жандармскій офицеръ величаво исполнилъ обрядъ обрѣзанія надъ нашими паспортами, но исполнивши, съ улыбкой заявилъ, что, въ сущности, это—пустая формальность, и что по этой статьѣ, какъ и по всѣмъ прочимъ, ожидается реформа въ самомъ ближайшемъ времени. Даже жандармскій унтер-офицеръ Тарара — и тотъ широко улыбался, словно всѣмъ своимъ лицомъ говорилъ:

— Наши! наши пріѣхали!

Я повеселѣлъ окончательно и, въ порывѣ радости, навѣянной свиданіемъ съ родиной, готовъ былъ даже потребовать отъ Василія Иваныча строгаго отчета:

— Гдѣ же, милостивый государь, тотъ страшный судъ, которымъ вы изволили насъ стращать?

Но онъ предупредилъ мой вопросъ. Въ рукахъ его была паспортная книжка, на которую онъ смотрѣлъ съ какимъ-то недоумѣніемъ, словно ему казалось страннымъ, что послѣдній листокъ, заключающій отмѣтку о возвращеніи, вдругъ исчезъ.

— Ну, теперь, братъ, крѣпко! проговорилъ онъ вслухъ: — теперь, братъ, ау! ужь никуда не убѣжишь!

Н. Щедринъ.

ЖАКЪ.

СОВРЕМЕННЫЕ НРАВЫ.

Альфонса Додэ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

VII.

Ночное путешествіе по полямъ.

Онъ не тотчасъ пустился бѣжать. Ему не хотѣлось походить на человѣка, спасающагося бѣгствомъ.

Напротивъ того, онъ шелъ спокойною походкой равнодушно прогуливающагося фланёра, хотя глаза его были постоянно на сторожѣ, а ноги такъ и просились показать свою прыть. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ бульвару Гауссмана, его подталкивало впередъ безумное желаніе бѣжать, и маленькіе шаги удлиннялись противъ его воли, тогда какъ нетерпѣніе прибыть на мѣсто усиливалось подъ вліяніемъ чувства мучительнаго безпокойства.

Что̀ найдетъ онъ на бульварѣ? Быть можетъ, запертой домъ. И, если Гиршъ и Лабассендръ ошиблись, если его мать еще не возвращалась, что̀ тогда будетъ съ нимъ? Мысль вернуться въ гимназію даже не приходила ему въ голову. Еслибы онъ и подумалъ объ этомъ, то воспоминаніе о глухихъ ударахъ и о жалобныхъ стонахъ, которые онъ однажды послѣ полудня долго слышалъ въ той комнатѣ, гдѣ были заперты мулатъ и Маду, наполнило бы его ужасомъ и заставило бы отказаться отъ этого плана.

*

«Она тамъ!» сказалъ себѣ ребенокъ въ порывѣ радости, увидавъ, что всѣ окна отеля отворены, а ворота раскрыты настежъ какъ въ то время, когда его мать собиралась выѣзжать. Онъ бросился впередъ, чтобы поспѣть прежде, чѣмъ выѣдетъ карета. Но уже въ сѣняхъ видъ этого дома показался ему необыкновеннымъ.

Онъ былъ наполненъ народомъ и очень оживленъ.

Къ крыльцу сносили разную мёбель; кресла и канапе, обитыя матеріею нѣжныхъ цвѣтовъ и предназначенныя для будуарнаго полумрака, казались не на своемъ мѣстѣ при уличномъ свѣтѣ. Зеркало, окруженное амурами, опиралось на холодныя плиты подъѣзда; тутъ же были навалены жардиньерки съ увядшими растеніями, снятыя занавѣсы, небольшая люстра изъ горнаго хрусталя. Лѣстница была наполнена пышно разодѣтыми женщинами, маленькія ножки которыхъ часто встрѣчались на мягкомъ коврѣ съ толстыми башмаками коммисіонеровъ, сносившихъ внизъ различную мёбель.

Пораженный Жакъ поднялся наверхъ вмѣстѣ съ толпою и съ трудомъ могъ узнать квартиру среди царствовавшаго тамъ безпорядка. Онъ думалъ, что грезитъ, видя въ своемъ домѣ эту толпу людей, изъ которыхъ онъ не зналъ никого, и расхаживая тамъ незамѣченнымъ, какъ какой-нибудь посторонній.

Но гдѣ же его мать?

Онъ попытался войти въ залу, но тамъ тѣснилась толпа, смотрѣвшая на что̀-то, находившееся въ глубинѣ комнаты. Жакъ былъ слишкомъ малъ, чтобы разсмотрѣть что̀-нибудь; онъ слышалъ только, ка̀къ выкрикивали какія-то цифры и затѣмъ раздавались рѣзкіе удары молотка.

«Дѣтская кроватка съ балдахиномъ, позолоченная, съ тюфякомъ, набитымъ шерстью».

Жакъ видѣлъ, ка̀къ грязныя руки пронесли мимо его маленькую кроватку, которая была подарена ему его «нашимъ другомъ» и на которой ему снились самые милые сны. Онъ хотѣлъ крикнуть: «Да, вѣдь, это—моя кроватка! Я не хочу, чтобы ее уносили!» Но его удержало чувство стыда, и онъ бродилъ, смущенный, растерянный, разыскивая по комнатамъ свою мать, среди безпорядочной обстановки этой раскрытой настежъ квартиры куда доносился шумъ и ослѣпительный свѣтъ бульвара, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то тронулъ его за руку.

— Ка̀къ, мсьё Жакъ! Развѣ вы уже оставили пансіонъ?

Это была Констанъ, горничная его матери—Констанъ, принарядившаяся по праздничному, въ чепцѣ съ розовыми лентами, очень красная и имѣвшая дѣловой и весьма важный видъ.

— Гдѣ мамà? тихо проговорило дитя такимъ безпокойнымъ, взволнованнымъ голосомъ, что толстая домоправительница почувствовала себя растроганной.

— Вашей матери здѣсь нѣтъ, бѣдное дитя.

— Гдѣ-жь она? Чтò такое случилось? Зачѣмъ здѣсь всѣ эти люди?

— Они собрались по случаю аукціона. Но не оставайтесь здѣсь, мсьё Жакъ. Сойдемте въ кухню—тамъ намъ будетъ удобнѣе разговаривать.

Внизу было большое общество: Августинъ, кухарка и другія лица изъ сосѣдней прислуги. Шампанское было въ сильномъ ходу на томъ засаленномъ столѣ, гдѣ когда-то рѣшилась судьба Жака. Появленіе ребенка произвело сильное впечатлѣніе: онъ былъ окруженъ и обласканъ прежнею прислугою этого дома, которая, въ сущности, сожалѣла о снисходительной хозяйкѣ, необращавшей никакого вниманія на счеты. Опасаясь, что его отвезутъ въ гимназію, Жакъ умолчалъ о своемъ побѣгѣ и разсказалъ о какомъ-то воображаемомъ отпускѣ, которымъ онъ воспользовался, чтобы навѣстить свою мать.

— Ея здѣсь нѣтъ, мсьё Жакъ, сказала Констанъ, напуская на себя скромный видъ:—и я не знаю, должна ли я...

Но вдругъ, поддавшись благородному порыву, она воскликнула:

— Ну, все равно! Не могу же я скрыть отъ этого ребенка, гдѣ находится его мать?

Затѣмъ она сообщила маленькому Жаку, что ея госпожа живетъ въ окрестностяхъ Парижа, въ деревнѣ Этіоль. Ребенокъ попросилъ повторить нѣсколько разъ это названіе: Этіоль, Этіоль... пока оно не удержалось въ его памяти.

— Чтò, это—далеко отсюда? спросилъ онъ небрежно.

— Восемь добрыхъ льё, отвѣчалъ Августинъ.

Но пикардійка, жившая когда-то въ услуженіи недалеко отъ Корбейля, сдѣлала поправку въ нѣсколько километровъ. Послѣдовалъ длинный споръ о томъ, какой дороги слѣдуетъ придерживаться на пути въ Этіоль, и Жакъ слушалъ его съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ онъ уже рѣшился совершить пѣшкомъ это длинное путешествіе. Нужно было пройти черезъ Берси, Шарантонъ, Вильнёвъ Сен-Жоржъ, оттуда, повернувъ вправо, оставить дорогу въ Ліонъ и идти по дорогѣ въ Корбейль, по берегу Сены и по сенарскому лѣсу вплоть до Этіоля.

— Именно, именно такъ, говорила Констанъ. — Госпожа жи-

ветъ у самой рощи... Небольшой, хорошенькій домикъ, надъ воротами котораго написано что-то по-латыни.

Жакъ весь обратился въ слухъ и старался удержать въ своей памяти эти названія, въ особенности названіе начальнаго пункта отъ Парижа—Берси и того мѣста, куда онъ шелъ — Этіоль. Эти мѣста являлись въ его умѣ двумя свѣтлыми точками, между которыми пролегалъ длинный путь, исполненный мрака и неизвѣстности.

Разстояніе не пугало его. «Я буду идти всю ночь, говорилъ онъ самъ себѣ. — Кàкъ ни малы мои ноги, но въ это время я все же могу пройти восемь льё». Затѣмъ онъ сказалъ громко: «Пора идти... мнѣ нужно вернуться въ гимназію»... Ему сильно хотѣлось предложить еще одинъ вопросъ, который готовъ былъ сорваться съ его языка: въ Этіолѣ ли д'Аржантонъ? Встрѣтитъ ли онъ снова между собой и своей матерью этого человѣка съ его вліяніемъ, зловѣщій характеръ котораго онъ предугадывалъ? Но онъ не осмѣлился спросить объ этомъ Констанъ. Не сознавая истиннаго положенія вещей, онъ чувствовалъ, что здѣсь скрывается слабая сторона въ жизни его матери, и не сказалъ ни слова.

— Ну, прощайте, мсьё Жакъ.

Служанки заключили его въ свои объятія, кучеръ крѣпко пожалъ его руку; затѣмъ онъ очутился въ сѣняхъ среди суматохи, послѣдовавшей за окончаніемъ аукціона. Не задумываясь надъ этимъ необъяснимымъ фактомъ, между тѣмъ, какъ то гнѣздо, гдѣ онъ думалъ найти себѣ пріютъ, разносилось во всѣ концы города, одинокій, выброшенный на улицу ребенокъ предпринималъ длинное путешествіе, которое должно было привести его къ его единственному убѣжищу.

Берси!

Жакъ вспомнилъ, что онъ былъ тамъ незадолго передъ тѣмъ, вмѣстѣ съ Моронвалемъ, когда они разыскивали Маду. Дорога туда не была затруднительна: стòило только дойти до Сены и идти по берегу вверхъ по теченію. Это было далеко, и даже очень далеко! но страхъ снова попасть въ руки мулата ускорялъ его шаги. Ему ежеминутно приходили въ голову новыя сомнѣнія: то видѣлись ему большія поля шляпы Моронваля, тѣнь отъ которыхъ какъ будто отражалась на стѣнѣ, то онъ слышалъ за собою настигающую его погоню. Инквизиторскіе взгляды полицейскихъ повергали его въ ужасъ, и въ тысячѣ криковъ, оглашавшихъ Парижъ, въ шумѣ проѣзжавшихъ каретъ, въ разговорахъ прохожихъ, въ этомъ дыханьи большого, оживленнаго города ему постоянно слышались тысячу разъ повто-

раемыя слова: «держите, держите его»... Чтобы избавиться отъ этихъ тягостныхъ представленій, онъ спустился къ набережной и во весь духъ бросился бѣжать по узкой, опрятной мостовой, идущей по берегу рѣки.

Приближался вечеръ. Желтыя, высоко-поднявшіяся отъ дождей волны мѣрно ударялись объ арки мостовъ. Женщины выходили изъ прачешныхъ со связками мокраго бѣлья; рыболовы съ удочками и корзинками въ рукахъ поднимались отъ рѣки, сталкивалось съ лошадьми, которыхъ вели съ водопоя; землекопы дожидались у дверей тѣхъ маленькихъ конторъ, гдѣ имъ платятъ жалованье, и все рѣчное населеніе, судорабочіе, выгрузчики со своими согнутыми спинами и шерстяными капишонами, толпилось на берегу, перемѣшанное съ другой подозрительной и страшной расой рѣчныхъ бродягъ, способныхъ вытащить васъ изъ воды за пятнадцать франковъ и столкнуть туда за пять. Иногда кто-нибудь изъ толпы оборачивался, чтобы посмотрѣть на этого школьника, который такъ торопился куда-то и казался такимъ крошечнымъ среди грандіозной картины, представляемой берегами Сены.

Затѣмъ вдругъ начинала чувствоваться близость моря: повсюду были навалены разнаго рода товары и виднѣлись пароходы съ короткими, недымившимися трубами. Въ воздухѣ пріятно пахло дегтемъ, каменнымъ углемъ и путешествіемъ. Затѣмъ мѣстность съуживалась, и группа огромныхъ деревьевъ купала въ водѣ свои старые корни, такъ что можно было подумать, что находишься за двадцать льё отъ Парижа или живешь тремя столѣтіями раньше.

Съ этого мѣста городъ принималъ особенный характеръ. Дома казались больше на всю глубину своего отраженія; на мостахъ и на набережной виднѣлся цѣлый рядъ людей, лѣниво облокотившихся на парапетъ. Можно было подумать, что сюда со всѣхъ концовъ Парижа сошлись праздные, скучающіе и несчастные люди для того, чтобы безмолвно созерцать эту воду, измѣнчивую, какъ сонъ, и однообразную, какъ самая грустная жизнь. Жакъ иногда останавливался, чтобы перевести дыханіе, но ему казалось, что всѣ эти люди слѣдятъ за нимъ, и онъ снова принимался бѣжать.

Наступила ночь.

Наконецъ, онъ очутился на широкой набережной, находившейся въ одной плоскости съ улицей, которая отдѣлялась отъ нея только нѣсколькими тротуарными тумбами. Здѣсь, при свѣтѣ газа, видны были нагруженныя телеги, въѣзжавшія въ большія ворота, подъ которыми слышался шумъ перекатываемыхъ бочекъ.

Отъ этихъ огромныхъ воротъ, отъ складовъ, отъ погребовъ, отъ тысячи бочекъ, разставленныхъ въ рядъ по набережной, распространялся запахъ винныхъ осадковъ, смѣшанный съ непріятнымъ, затхлымъ запахомъ сырого дерева.

Это было Берси. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, наступила ночь. Жакъ не тотчасъ замѣтилъ это.

Шумъ и свѣтъ набережной заставлялъ его обманываться насчетъ этого, уже поздняго часа; притомъ его маленькое воображеніе, возбужденное усиленной ходьбой, было подавлено страхомъ, что его не пропустятъ въ городскія ворота. Онъ думалъ, что всѣ уже извѣщены о его побѣгѣ, и эта мысль вполнѣ поглощала его.

Но когда онъ прошелъ заставу безъ всякаго затрудненія, когда, согласно совѣту Августина, повернувъ влѣво отъ рѣки, онъ очутился въ длинной улицѣ, на которой мигали все болѣе и болѣе рѣдко разставленные фонари, сердце его сжалось подъ вліяніемъ ночнаго холода и мрака, и онъ почувствовалъ лихорадочную дрожь. Пока онъ сознавалъ себя въ городѣ, среди толпы, онъ испытывалъ сильный страхъ, что его узнаютъ, отвезутъ обратно; теперь же, онъ опять чувствовалъ страхъ, но этотъ страхъ имѣлъ уже другой характеръ: это была безсознательная боязнь, возраставшая вслѣдствіе полной тишины и одиночества.

Однако, онъ не былъ еще за городомъ. По обѣимъ сторонамъ улицы шли дома, которые впрочемъ становились все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того, какъ ребенокъ подвигался впередъ. Кое-гдѣ виднѣлись еще фабрики съ низкими крышами, протягивавшія къ свинцовому небу свои высокія трубы. Хотя было не болѣе восьми часовъ, но эта длинная, терявшаяся во мракѣ улица была совершенно безмолвна и имѣла почти пустынный видъ. Прохожіе попадались рѣдко, и только иногда тишина нарушалась лаемъ собакъ на дворахъ опустѣвшихъ фабрикъ.

Жакъ былъ очень взволнованъ. Съ каждымъ шагомъ онъ удалялся отъ Парижа, отъ его шума, отъ его огней и все далѣе и далѣе углублялся въ область мрака и безмолвія. Въ эту минуту онъ проходилъ мимо послѣдней лачужки; это была винная лавочка, еще освѣщенная и бросавшая на дорогу свѣтлую полосу, которая показалась ребенку границею обитаемаго міра.

Затѣмъ наступила неизвѣстность и тьма.

Жакъ колебался переступить эту черту.

— Что̀, если бы я вошелъ сюда и распросилъ о дорогѣ, сказалъ онъ самъ себѣ, заглядывая въ лавочку. Къ сожалѣнію, у него не было ни одного су въ карманѣ. Хозяинъ храпѣлъ за

своею конторкою. За хромоногимъ столомъ сидѣло двое мужчинъ и одна женщина; они пили вино и вполголоса разговаривали между собою. Когда ребенокъ пріотворилъ дверь, они подняли головы и посмотрѣли въ его сторону. Это были испитыя, зловѣщія лица; въ особенности женщина въ красной кофтѣ, съ сѣткой на головѣ, имѣла ужасный видъ.

— Этому чего еще нужно? сказалъ кто-то надорваннымъ голосомъ.

Одинъ изъ мужчинъ поднялся съ своего мѣста; но Жакъ въ ужасѣ бросился назадъ и въ одинъ прыжокъ перескочилъ свѣтлую полосу, слыша за собою цѣлый градъ ругательствъ и рѣзкій стукъ захлопываемой двери. Бросившись безъ оглядки въ эту область мрака, которая сдѣлалась для него убѣжищемъ, онъ побѣжалъ изо всѣхъ силъ, и, когда, долго спустя послѣ того, наконецъ, остановился, онъ былъ уже совершенно внѣ города:

По обѣ стороны простирались поля, казалось, оканчивающіяся у самаго горизонта.

Однообразіе картины нарушалось только невысокими новенькими домиками огородниковъ, бѣлѣвшимися среди непроницаемаго мрака. Вдали еще виднѣлся Парижъ, озаряя часть неба красноватымъ отблескомъ.

Ребенокъ стоялъ тамъ неподвижный, растерянный. Онъ впервые въ жизни былъ такъ поздно за городомъ и совершенно одинъ. Къ тому же, онъ ничего не ѣлъ съ самаго утра и томился сильною, невыносимою жаждою. Только теперь онъ начиналъ сознавать страшную трудность предпринятаго имъ подвига. Быть можетъ, онъ сбился съ пути и шолъ въ противуположную сторону отъ этой прекрасной страны—отъ Этіоля, страны такой желанной и отдаленной. Если даже допустить, что онъ на вѣрной дорогѣ, сколько силъ нужно потратить, чтобы достигнуть цѣли!

Вдругъ ему пришла мысль улечься въ одной изъ канавъ, шедшихъ по обѣ стороны дороги, и уснуть тамъ, въ ожиданьи разсвѣта. Но подойдя ближе, онъ услыхалъ тяжелое, усиленное дыханіе. Въ канавѣ лежалъ человѣкъ, опиравшійся головою на груду камней и имѣвшій видъ безпорядочной кучи лохмотьевъ на бѣловатомъ фонѣ каменистой почвы.

Жакъ остановился въ страшномъ испугѣ. Ноги его дрожали и отказывались двинуться съ мѣста. Къ довершенію ужаса, это существо въ лохмотьяхъ вдругъ начало шевелиться, стонать и медленно потягиваться во снѣ.

Весь окружающій мракъ наполнился для Жака страшными призраками: они выползали изъ канавъ и преграждали ему путь. Ему казалось, что, если только онъ протянетъ руку, то непре-

мѣнно коснется котораго нибудь изъ нихъ. Боже! Это жалкое существо въ лохмотьяхъ можетъ проснуться, броситься на него, а у него недостанетъ силы даже для того, чтобы закричать.

Показавшійся на дорогѣ свѣтъ и послышавшіеся за тѣмъ голоса вывели его изъ этого оцѣпенѣнія. Офицеръ, спѣшившій возвратиться въ свой фортъ, одинъ изъ маленькихъ фортовъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Парижа, шолъ вмѣстѣ со своимъ ординарцемъ, который несъ впереди его фонарь по случаю особенно темной ночи.

— Добрый вечеръ, господа! сказалъ ребенокъ тихимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Солдатъ съ фонаремъ въ рукахъ, поднялъ его въ томъ направленіи, откуда послышался голосъ.

— Ну, мой милый, ты выбралъ плохой часъ для прогулки, сказалъ офицеръ.—Далеко ли ты идешь?

— О, нѣтъ сударь, не далеко. Два шага отсюда, отвѣчалъ Жакъ, опасаясь проговориться о своей отчаянной вылазкѣ.

— Ну, такъ мы можемъ пойти вмѣстѣ. Я иду въ Шарантонъ.

Какое счастье для ребенка идти впродолженіе цѣлаго часа вмѣстѣ съ этими славными солдатами, приноравливая свой шагъ къ ихъ шагу, и двигаться впередъ при свѣтѣ этого благодѣтельнаго фонаря, разстилавшаго по обѣ стороны мракъ, который, внѣ освѣщеннаго пространства, казался еще гуще и ужаснѣе! Кромѣ того, у него явилась увѣренность, что онъ идетъ куда слѣдуетъ, такъ какъ названія мѣстностей были тѣ самыя, о которыхъ упоминалъ Августинъ.

— Ну вотъ, мы и пришли, сказалъ офицеръ, вдругъ остановившись.—Добрый вечеръ, мой милый. Въ другой разъ поостерегись бродить по полямъ въ такое позднее время. Окрестности Парижа не совсѣмъ надежны.

И солдаты съ своимъ фонаремъ повернули въ маленькій переулокъ. Жакъ снова остался одинъ въ самомъ началѣ улицы Шарантона. Онъ увидалъ фонари, такіе-же какъ въ Берси, и покосившіеся кабаки, изъ которыхъ слышались сердитые голоса и пьяное пѣніе. На церковной башнѣ пробило девять часовъ. Затѣмъ онъ очутился на какой-то набережной и перешелъ мостъ, казалось, переброшенный черезъ пропасть, до такой степени ночь была темна. Онъ хотѣлъ бы постоять здѣсь, прислонившись къ парапету, но только что слышанное имъ пѣнье теперь уже раздавалось по улицамъ, все ближе и ближе отъ него, и, объятый новымъ ужасомъ, мальчикъ опять пустился бѣжать, чтобы ско-

рѣе достигнуть открытаго поля, гдѣ страхъ вызывался одними грезами.

Это уже не было парижское предмѣстье, гдѣ часто встрѣчались фабрики. Онъ шелъ мимо фермъ, мимо хлѣвовъ, откуда слышался шорохъ соломы и доносился острый запахъ шерсти и навоза. Затѣмъ дорога расширялась, а по сторонамъ ея снова шли безконечныя канавы и лежали симметрически расположенныя груды камней.

Жакъ продолжалъ свой путь... Что̀ это за человѣкъ стоитъ не поворотѣ дороги? Одинъ, два, три... Нѣтъ, это деревья: высокіе тополи съ трепещущей листвой и съ незгибающейся верхушкой; за ними вязы, старые французскіе вязы, огромные, густолиственные, съ неправильными стволами.

— Что̀ если бы я спѣлъ что нибудь для смѣлости?

Подъ вліяніемъ окружавшей темноты, ему пришла въ голову ночная пѣсенка, которою мать когда-то убаюкивала его въ его маленькой комнаткѣ, когда огонь былъ потушенъ:

Взгляни, моя малютка,
Я въ красныхъ башмачкахъ....

Онъ вдругъ замолчалъ... Къ нему приближалось что̀-то страшное, что̀-то еще болѣе черное, чѣмъ окружающая тьма. Какъ будто подвигалась какая-то мрачная пропасть, готовая поглотить ребенка.

Сначала послышались крики, странные человѣческіе крики, напоминавшіе рыданье или вой; затѣмъ—глухіе удары, смѣшанные съ шумомъ страшнаго ливня, какъ будто среди этой мрачной ночи, къ нему приближалась буря съ проливнымъ дождемъ. Вдругъ раздался ужасный ревъ. Это—быки, цѣлое стадо быковъ, сжатое на узкомъ пространствѣ дороги и со всѣхъ сторонъ охватившее маленькаго Жака. Они кидаются, толкаютъ его, онъ чувствуетъ влажный паръ отъ ихъ ноздрей, удары ихъ мощныхъ хвостовъ, теплоту ихъ тѣла и характеристическій запахъ скотнаго двора. Стадо проносится какъ вихрь, подъ охраною пары сильныхъ собакъ и двухъ погонщиковъ громаднаго роста, полупастуховъ, полу-мясниковъ, которые бѣгутъ за дикими, неприрученными животными, подгоняя ихъ своими палками и глухимъ воемъ.

Отупѣвшій отъ страха ребенокъ не смѣлъ тронуться съ мѣста. Это стадо прошло, но вѣдь можетъ явиться другое. Куда идти? Что̀ дѣлать?.. Пойти по полямъ? но онъ собьется съ дороги, и, притомъ, ночь такъ темна. Онъ плачетъ, падаетъ на колѣни, онъ желалъ бы умереть. Шумъ экипажа и привѣтный свѣтъ двухъ фонарей, показавшихся вдали на дорогѣ, тотчасъ выво-

дять его изъ этого оцѣпенѣнія. Страхъ придаетъ ему смѣлости, и онъ кричитъ:

— Постойте, постойте!..

Кабріолетъ останавливается; изъ-подъ его верха показывается голова въ большомъ картузѣ съ наушниками, которая наклоняется, чтобы узнать, кому принадлежитъ этотъ робкій голосъ, раздавшійся такъ низко, почти у самой земли.

— Я очень усталъ, говоритъ Жакъ, дрожа всѣми членами:— позвольте мнѣ сѣсть ненадолго къ вамъ въ кабріолетъ.

Большой картузъ колеблется, но изъ-подъ верха кабріолета лышится женскій голосъ: «Ахъ, бѣдный малютка! Пусть его сядетъ».

— Куда вы идете? спрашиваетъ картузъ.

Ребенокъ отвѣчаетъ не сразу; какъ и всѣ бѣглецы, опасающіеся погони, онъ тщательно скрываетъ цѣль своего путешествія.

— Въ Вильнёвъ-Сен-Жоржъ, говоритъ онъ, наконецъ.

— Ну, садитесь.

Вотъ онъ и въ кабріолетѣ, укутанный теплымъ дорожнымъ одѣяломъ, между толстымъ господиномъ и плотною дамой, которые, при свѣтѣ фонарей, съ любопытствомъ разсматриваютъ этого маленькаго школьника. Но куда же онъ идетъ, одинъ и такъ поздно? Жаку очень хотѣлось сказать имъ всю правду. Но нѣтъ! онъ слишкомъ боялся, что его опять отвезутъ къ Моронвалю. И онъ разсказалъ цѣлую исторію... Его мать очень заболѣла въ деревнѣ у своихъ знакомыхъ. Онъ узналъ объ этомъ только вечеромъ и тотчасъ же пустился въ путь пѣшкомъ, такъ какъ у него не хватило терпѣнья дожидаться утренняго поѣзда.

— Я это понимаю, сказала дама, имѣвшая видъ очень добродушной и наивной особы. Картузъ съ наушниками тоже понималъ это; но онъ сдѣлалъ нѣсколько весьма дѣльныхъ замѣчаній о томъ, какъ неосторожно для ребенка такихъ лѣтъ бродить по дорогамъ въ такую позднюю пору. Здѣсь онъ можетъ встрѣтить всевозможныя опасности... И картузъ, нѣсколько склонный къ поученіямъ — онъ такой теплый и удобный — съ удовольствіемъ перечислилъ эти опасности своему молодому другу. Затѣмъ, онъ спросилъ, гдѣ живутъ знакомые его матери въ Вильнёвѣ.

— Это совсѣмъ на краю деревни. Послѣдній домъ на правой рукѣ.

Хорошо, что была ночь и что краска, бросившаяся ему въ лицо, была незамѣтна подъ верхомъ кабріолета. Къ несчастію,

разспросы еще не кончились. И мужъ, и жена были очень любопытны, какъ, вообще, всѣ болтуны, съ которыми нельзя пробыть пяти минутъ, не узнавъ обо всѣхъ ихъ дѣлахъ. Они торговали сукномъ въ улицѣ Бурдонне и каждую субботу ѣздили въ деревню подышать чистымъ воздухомъ. Ихъ дѣла идутъ хорошо и скоро позволятъ имъ совсѣмъ переселиться въ этотъ зеленый уголокъ, Суасй подъ Этіолемъ.

— А далеко ли это отъ Этіоля, спросилъ Жакъ, вздрогнувъ.

— О, нѣтъ... Это совсѣмъ подлѣ, отвѣчалъ картузъ, дружелюбно постегивая бичемъ свою лошадь.

Какое роковое совпаденіе!

И такъ, еслибы онъ не солгалъ, еслибы онъ прямо сказалъ, что отправляется въ Этіоль, онъ могъ бы совершить весь путь въ удобномъ экипажѣ, при успокоительномъ свѣтѣ его фонарей. Онъ могъ бы протянуть свои маленькія ножки и уснуть, закутавшись въ шаль этой дамы, которая безпрестанно спрашивала: хорошо ли ему сидѣть, не озябъ ли онъ? О, еслибы у него достало смѣлости сказать: «Это неправда! Я солгалъ. Мнѣ нечего дѣлать въ Вильнёвъ Сен-Жоржъ. Я отправляюсь дальше—туда же, куда и вы. Но это значило бы подвергнуться презрѣнію и вызвать недовѣріе въ этихъ добрыхъ людяхъ, такихъ милыхъ, такихъ откровенныхъ, и онъ желалъ лучше снова испытать всѣ тѣ ужасы, отъ которыхъ они его избавили. Но услыхавъ, что они уже подъѣзжали къ Вильнёву, ребенокъ не могъ удержаться и зарыдалъ.

— Не плачьте, мой милый, говорила дама.—Ваша мать, вѣроятно, не такъ больна, какъ бы думаете. Ей станетъ лучше, когда она увидитъ васъ.

Кабріолетъ остановился у послѣдняго дома.

Жена поцаловала его, мужъ пожалъ ему руку и помогъ выйти изъ экипажа.

— Вамъ можно позавидовать, что вы уже дома. Намъ остается еще четыре добрыхъ льё.

Ему также предстояло пройти эти четыре добрыхъ льё.

Это было ужасно.

Онъ подошелъ къ воротамъ, какъ будто для того, чтобы позвонить.

— Покойной ночи! крикнули ему его друзья.

— Покойной ночи, отвѣчалъ онъ прерывающимся отъ слезъ голосомъ. И кабріолетъ повернулъ направо, обрисовывая своими фонарями свѣтлый кругъ среди темнаго пространства.

Ему вдругъ пришла въ голову безумная мысль, что онъ могъ

бы догнать этотъ спасительный свѣтъ и слѣдовать за нимъ бѣгомъ, не упуская его изъ виду. Онъ бросился впередъ въ порывѣ какого-то бѣшенства; но его ноги, еще болѣе ослабѣвшія послѣ отдыха, совершенно отказывались двигаться; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ принужденъ былъ остановиться, снова попробовалъ бѣжать, но силы совершенно измѣнили ему, и онъ упалъ на землю въ какомъ-то нервномъ припадкѣ и заливаясь слезами. Вотъ онъ лежитъ у края дороги. На дворѣ такъ холодно, земля вся пропитана сыростью. Ничего! Усталость скоро беретъ верхъ надъ всѣмъ, и онъ крѣпко засыпаетъ, убаюкиваемый вѣтромъ и шорохомъ листьевъ.

Онъ вдругъ пробуждается отъ страшнаго шума. Что̀ это еще такое? Въ нѣсколькихъ метрахъ отъ себя Жакъ видитъ что̀-то ужасное, чудовищное: къ нему съ ревомъ и свистомъ приближается какой-то страшный звѣрь съ огромными круглыми глазами кроваваго цвѣта и съ большими черными кольцами, которыя развертываются, извергая изъ себя искры. Чудовище съ шумомъ несется среди ночной тьмы. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно проходитъ, мракъ прерывается, мелькаютъ освѣщенные столбы и группы деревьевъ, но тотчасъ же все снова исчезаетъ подъ непроницаемымъ покровомъ ночи. И только, когда это видѣнье уже далеко, когда отъ него осталось только мелькающее вдали зеленоватое пламя, ребенокъ догадывается, что онъ видѣлъ ночной курьерскій поѣздъ.

Который теперь часъ? Гдѣ онъ? Сколько времени онъ проспалъ? Онъ не знаетъ ничего этого, но сонъ не подкрѣпилъ его. Онъ проснулся весь продрогшій, съ окоченѣвшими членами, съ тоскливо сжавшимся сердцемъ. Онъ видѣлъ во снѣ Маду. Подъ вліяніемъ окружавшей сырости, ему снилось, что онъ лежитъ на кладбищѣ, рядомъ съ маленькимъ королемъ. Онъ и теперь еще чувствуетъ дрожь при этомъ воспоминаніи, видитъ фигуру Маду, чувствуетъ прикосновеніе его холоднаго тѣла. Чтобы заглушить свой страхъ, онъ поднимается на ноги, но на просохшей за ночь дорогѣ, его шаги раздаются такъ громко, что звукъ каждаго шага представляется ему двойнымъ, усиливаемымъ другими шагами сзади его. Маду идетъ за нимъ.

И безумный бѣгъ возобновляется.

Жакъ подвигается впередъ среди мрака и тишины. Онъ проходитъ погруженное въ сонъ селеніе, колокольню, съ которой вдругъ раздаются рѣзкія, дрожащія ноты. Бьетъ два часа. Другое селеніе... пробило три. Голова его кружится, ноги горятъ... онъ все идетъ и идетъ. Онъ боится остановиться, чтобы снова

не увидать свой сонъ, тотъ ужасный сонъ, впечатлѣніе котораго изглаживается понемногу, благодаря движенію.

Но вотъ и другой путешественникъ собирается пуститься вмѣстѣ съ нимъ въ дорогу, путешественникъ, приближеніе котораго слышится въ пѣніи пѣтуховъ, въ тихомъ кваканьи лягушекъ на берегу рѣки. Это—день, день, который уже бродитъ подъ тучками, какъ бы не рѣшаясь, какой ему избрать путь. Ребенокъ чувствуетъ его близость и раздѣляетъ со всею природою нетерпѣливое ожиданіе новаго дня.

— Далеко ли отсюда до Этіоля? спрашиваетъ Жакъ у землекоповъ, проходящихъ мимо его, безмолвными, полусонными групами, съ мѣшками на перевязяхъ.

— Нѣтъ, недалеко. Нужно идти все прямо, около лѣса.

Небо все свѣтлѣетъ и свѣтлѣетъ. Ребенокъ уже не идетъ: онъ тащится, съ трудомъ волоча свои ноги. Ему на встрѣчу попадается старуха въ лохмотьяхъ, съ злымъ выраженіемъ въ лицѣ, которая ведетъ козу.

— Далеко ли до Этіоля? спрашиваетъ онъ еще разъ.

Старуха смотритъ на него свирѣпо и молча указываетъ на каменистую дорожку, узкую и прямую, которая поднимается въ гору по опушкѣ лѣса. Солнце взошло и начинаетъ уже пригрѣвать. Жакъ чувствуетъ, что онъ близко. Онъ идетъ согнувшись, пошатываясь, спотыкаясь о камни, катящіеся изъ-подъ его ногъ, но все же идетъ.

Наконецъ, онъ видитъ на горѣ колокольню, возвышающуюся надъ потонувшими въ массѣ зелени крышами. Еще одно последнее усиліе: надо подняться туда. Но силы оставляютъ его. Онъ падаетъ, поднимается на ноги, снова падаетъ и вдругъ замѣчаетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя небольшой домикъ, весь закрытый виноградными и розовыми кустами, съ маленькою башенкой, выдѣляющеюся розовымъ цвѣтомъ своихъ новыхъ кирпичей. Надъ дверью, подъ переливающеюся тѣнью уже распустившейся сирени, виднѣется надпись золотыми буквами: «*Parva domus, magna quies*».

О! какой это хорошенькій домикъ, весь залитой яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Все еще заперто въ немъ, однако, тамъ уже не спятъ: оттуда слышится свѣжій, радостный женскій голосъ, который напѣваетъ:

«Взгляни, моя малютка,
Я въ красныхъ башмачкахъ».

Этотъ голосъ... Эта пѣсенка!.. Жакъ думаетъ, что онъ грезитъ. Но обѣ половинки рѣшетчатыхъ ставней съ шумомъ ударяются о стѣну, и въ окнѣ показывается женщина, въ бѣломъ

утреннемъ неглиже, съ заплетенными волосами, еще не вполнѣ очнувшаяся послѣ пробужденія.

— Мама... мама... зоветъ Жакъ слабымъ голосомъ.

Женщина умолкаетъ, осматривается въ недоумѣніи, щурясь отъ восходящаго солнца; вдругъ она замѣчаетъ это маленькое существо, истомленное, грязное, оборванное, умирающее.

У нея вырывается отчаянный крикъ: Жакъ!..

Въ то же мгновеніе, она уже подлѣ него и, призвавъ на помощь всю теплоту своего материнскаго сердца, старается отогрѣть этого ребенка, полумертваго отъ всѣхъ ужасовъ, страданій, холода и мрака этой мучительной ночи.

VIII.

Parva domus, magna quies.

— Нѣтъ, мой Жакъ, нѣтъ милое дитя мое, не бойся! ты не возвратишься въ эту проклятую гимназію. Бить моего ребёнка! Они осмѣлились бить моего ребёнка! Ты хорошо сдѣлалъ, что убѣжалъ. Этотъ мерзкій мулатъ поднялъ на тебя руку! Онъ, стало быть, не знаетъ, что̀, по своему рожденію, не говоря уже о цвѣтѣ кожи, ты имѣлъ бы право его колотить. Надо было сказать ему: «у мамаши мулаты были лакеями». Ну полно же; не смотри на меня такими грустными глазами; я сказала, что ты больше не поѣдешь туда. Во-первыхъ, я теперь не хочу, чтобы ты покидалъ меня. Я устрою тебѣ славную, маленькую комнатку. Ты увидишь, ка̀къ хорошо въ деревнѣ. У насъ есть всякія домашнія животныя: куры, кролики, и коза, и осликъ. Этотъ домъ—настоящій ноевъ ковчегъ. Кстати: я вспомнила, что еще не кормила нынче своихъ курочекъ. Твое появленіе такъ взволновало меня. О! когда я замѣтила тебя стоящаго тамъ на дорогѣ, въ такомъ видѣ... Лягъ, отдохни немножко, засни. Я тебя разбужу къ обѣду; но сначала я дамъ тебѣ холоднаго бульону. Ты слышалъ, что̀ сказалъ докторъ Ривальсъ: тебѣ нужны только отдыхъ да пища. Бѣдненькій! Когда я только подумаю, что, между тѣмъ какъ я спала, ты бѣжалъ одинъ по дорогамъ... это ужасно! Слышишь, меня зовутъ мои куры? Я пойду: спи спокойно.

Она вышла на цыпочкахъ, легкая, счастливая, какъ всегда, хорошенькая, хотя нѣсколько загорѣвшая отъ свѣжаго воздуха, и слишкомъ нарядная, въ своемъ модномъ, дачномъ костюмѣ изъ суроваго полотна, съ чорной бархатной отдѣлкой, и

въ шляпкѣ изъ итальянской соломы, съ падавшими цвѣтами. Болѣе дитя, чѣмъ когда-либо, она играла «въ деревню».

Жакъ не могъ заснуть. Нѣсколько часовъ отдыха, ванна, бульонъ и, главное, молодость — сдѣлали свое. Онъ почти уже не чувствовалъ утомленія и осматривался вокругъ себя, наслаждаясь тишиной этого уютнаго уголка.

Здѣсь не было роскоши, царившей на бульварѣ Гаусмана, мягкой, атласной, стёганой, душной... Просторная комната, гдѣ онъ находился, была обита свѣтленькимъ ситцемъ; въ ней стояла мебель стиля Людовика XVI: бѣлая съ сѣрымъ, безъ малѣйшей позолоты. Внѣ дома все дышало полнымъ деревенскимъ спокойствіемъ, только вѣтви деревьевъ шуршали подъ окнами, да ворковали голуби, да на скотномъ дворѣ слышалось: «цыпъ, цыпъ, цыпъ» матери Жака, сопровождаемое разнообразными криками, которые обыкновенно раздаются вокругъ разсыпанной горсти овса. Жакъ, слушая этотъ легкій шумъ, нарушавшій окружающую его тишину, былъ счастливъ; онъ отдыхалъ... Одно смущало его: портретъ д'Аржантона, висѣвшій противъ него, надъ кроватью. Поэтъ изображенъ былъ въ изысканной деспотической позѣ, съ рукой на раскрытой книгѣ, съ тусклымъ и жосткимъ взглядомъ.

«Гдѣ онъ? гдѣ онъ живетъ? почему я его не видѣлъ?» спрашивалъ себя ребенокъ. Наконецъ, тревожимый этимъ взглядомъ, преслѣдовавшимъ его, какъ вопросъ или упрекъ, онъ всталъ и пошелъ къ своей матери. Она кормила своихъ птицъ; съ элегантной неловкостью, въ перчаткахъ до локтей, приподнявъ кверху мизинчикъ. Подобранное сбоку платье выставляло на видъ полосатую юбку и ботинки на высокихъ каблукахъ. Тётка Аршамбо, жена лѣсного сторожа, занятая устройствомъ конурки для кроликовъ, подсмѣивалась надъ ея неловкостью. Эта тётка Аршамбо приходила готовить кушанье и хозяйничать въ Ольховку. Такъ прозвали въ тѣхъ мѣстахъ домикъ, гдѣ жила мать Жака, потому что въ концѣ сада была посажена группа маленькихъ ольхъ.

— Господи! какой хорошенькій мальчикъ! вскричала въ восторгѣ крестьянка при появленіи Жака.

— Не правда ли, тётушка Аршамбо? Вѣдь я вамъ говорила.

— Дà-а! На мамашу-то онъ больше походитъ, чѣмъ на папашу: это вѣрно. Здравствуй, дружочекъ. Дай-ка я тебя поцалую...

И черноглазая дикарка, вся пропитанная запахомъ капусты, которой она угощала кроликовъ, прижала лицо ребенка къ своей старушечьей кожѣ. При словѣ «папаша» Жакъ поднялъ голову.

— Если тебѣ не хочется спать, такъ пойдемъ, я тебѣ покажу домъ, сказала мать, которой скоро надоѣдало всякое занятіе. Она поправила свое платье и повела ребенка въ это оригинальное жилище, находившееся на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ деревни и осуществлявшее мечту, лелѣемую всѣми поэтами—мечту о комфортѣ въ уединеніи, которая, однакоже, всего чаще приводится въ исполненіе лавочниками.

Главный жилой корпусъ состоялъ изъ стариннаго охотничьяго павильона, принадлежавшаго когда-то къ большому зàмку временъ Людовика XV, какихъ много въ этой сторонѣ; къ каменному зданію пристроена была новая башенка съ голубятней и флюгеромъ, придававшая этому домику видъ реставрированной дворянской дачи. Они осмотрѣли конюшни, сараи, фруктовый садъ, огромный, примыкавшій къ Сеннарскому Лѣсу, и кончили башней. Витая лѣстница, освѣщенная маленькими окошечками съ цвѣтными стеклами, вела въ большую круглую комнату, гдѣ находилось нѣсколько художественныхъ рѣдкостей: старинные баулы изъ дубоваго дерева, венеціанское зеркало, старинные обои и высокая каѳедра съ деревяной рѣзьбой, временъ Генриха II, поставленная, какъ кресло, передъ огромнымъ рабочимъ столомъ, заваленнымъ бумагами. Вдоль стѣнъ тянулся полукруглый, мягкій диванъ, обитый алжирской матеріей. Комната освѣщалась четырьмя большими стрѣльчатыми окнами, и со всѣхъ сторонъ открывался великолѣпный видъ на лѣса, долины, рѣку...

— Здѣсь *онъ* работаетъ, произнесла мать, на порогѣ, съ благоговѣніемъ.

Жаку незачѣмъ было спрашивать, кто этотъ *онъ*.

И она продолжала въ полголоса, какъ въ святилищѣ, не глядя на своего сына:

— Теперь онъ въ отсутствіи... онъ возвратится черезъ нѣсколько дней. Я напишу ему, что ты пріѣхалъ. Онъ будетъ очень радъ, потому что, несмотря на свой строгій видъ, это—добрѣйшій изъ людей. Онъ очень тебя любитъ, и ты долженъ тоже любить его, милый Жакъ, иначе я, между вами двоими, буду очень несчастлива.

Говоря это, она созерцала портретъ д'Аржантона, висѣвшій на стѣнѣ, въ глубинѣ комнаты, и писанный масляными красками; фотографія, которую Жакъ видѣлъ внизу, была только воспроизведеніемъ этого портрета. Образъ поэта повторялся въ каждой комнатѣ, не говоря о бюстѣ изъ флорентинской бронзы, стоявшемъ на лужайкѣ, при входѣ въ фруктовый садъ, и—замѣчательная особенность—во всемъ домѣ, кромѣ портрета д'Аржантона, никакого другаго не было.

— Ты обѣщаешь мнѣ, милый мой Жакъ, что будешь любить его? повторяла безумная женщина передъ этой суровой усатой физіономіей.

Ребёнокъ опустилъ голову и съ усиліемъ отвѣчалъ: «обѣщаю».

Тогда она затворила дверь, и они безмолвно спустились внизъ. Это было единственное облачко этого памятнаго дня.

Имъ было такъ хорошо вдвоёмъ, въ большой столовой залѣ, уставленной фаянсомъ, и гдѣ густыя, дымящіяся щи казались какой-то аристократической прихотью. Слышно было, какъ старуха Аршамбо торопилась мыть тарелки на кухнѣ. Вокругъ дома молчаніе, доброе молчаніе деревни бродило, какъ таинственный сторожъ. Жакъ не переставалъ любоваться своей матерью. Она тоже находила, что онъ похорошѣлъ, выросъ и довольно плотенъ для своихъ одиннадцати лѣтъ. И они, послѣ каждаго проглоченнаго куска, цѣловались, какъ влюбленные. Вечеромъ, у нихъ были гости. Старикъ Аршамбо пришелъ, по обыкновенію, за женой. Его усадили въ столовой.

— Стаканчикъ винца, дядюшка Аршамбо! Выпейте-ка за здоровье моего мальчика. Неправда ли, что онъ у меня премиленькій?.. Вѣдь, вы будете его брать, иногда, съ собой въ лѣсъ?

— Разумѣется, буду, госпожа д'Аржантонъ.

Нашего друга Жака нѣсколько коробило, когда его мать называли этимъ именемъ; но, такъ какъ онъ не имѣлъ точнаго понятія о достоинствѣ, объ обязанностяхъ жизни, то дѣтскій умъ его заняли вскорѣ другія мысли, объ охотѣ на бѣлокъ, которую обѣщалъ ему, уходя, лѣсной сторожъ.

Потомъ явился докторъ Ривальсъ; возвращаясь домой, послѣ своего обычнаго объѣзда, онъ завернулъ узнать о своемъ маленькомъ паціентѣ. «Ну, что̀! я вамъ говорилъ, что это не болѣе, какъ усталость? Здравствуй, дитя мое!»

Жакъ смотрѣлъ во всѣ глаза на это широкое, румяное лицо; на этого маленькаго коренастаго, сутуловатаго человѣчка, въ длиннополомъ сюртукѣ, бившемъ его по пяткамъ, съ сѣдой всклокоченной гривой, и покачивающагося со стороны на сторону — походка, явившаяся у него, вслѣдствіе двадцати-лѣтняго пребыванія на морѣ въ качествѣ доктора. Какой у него былъ добрый и честный видъ и какое это было счастье чувствовать себя среди такихъ искреннихъ, славныхъ людей, вдали отъ ужаснаго мулата и гимназіи Моронваля! Когда докторъ уѣхалъ, ворота заперли на запоръ, и мать съ сыномъ ушли въ свою комнату спать. Тамъ, уложивъ Жака, она принялась писать письмо къ своему д'Аржантону, извѣщая его о прибытіи сына и, стараясь

смягчить его, пробудить въ немъ сочувствіе къ судьбѣ этого маленькаго существа, ровное и спокойное дыханіе котораго она слышала подлѣ себя, за занавѣсками кровати.

Только два дня спустя, она нѣсколько успокоилась на этотъ счетъ, получивъ изъ Оверни отвѣтъ отъ поэта. Письмо, хотя и наполненное разнаго рода внушеніями и намёками на материнскую слабость и на непокорный характеръ ребёнка, было, однакоже, не столь грозно, какъ можно было бы этого ожидать. Въ сущности, д'Аржантонъ давно уже находилъ, что воспитаніе мальчика въ гимназіи Моронваля обходится черезъ-чуръ дорого и, хотя не одобрялъ побѣга, но соглашался, что большой бѣды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ заведеніе находилосъ въ полнѣйшемъ упадкѣ (съ тѣхъ поръ, какъ онъ не училъ тамъ); что же касается будущности ребенка, то онъ позаботится о ней; и по возвращеніи своемъ, т. е. черезъ недѣлю, подумаетъ, что предпринять.

Никогда Жаку, въ теченіи всей его жизни — ни въ дѣтствѣ ни въ зрѣломъ возрастѣ — не случалось уже снова переживать такихъ прекрасныхъ, счастливыхъ, полныхъ дней, какъ эта недѣля. Мать, принадлежавшая ему безраздѣльно, лѣсъ, птичій дворъ, охота... Онъ могъ по десяти разъ на день взбѣгать на лѣстницу, по слѣдамъ своей Иды, смѣяться, когда она смѣется, самъ не зная чему—словомъ, испытывать счастье, состоящее изъ тысячи маленькихъ, не передаваемыхъ радостей. А затѣмъ новое письмо, и... «онъ будетъ завтра».

Хотя д'Аржантонъ и писалъ, что онъ не прочь увидѣть ребенка и что будетъ къ нему добръ и снисходителенъ, но мать, однакожь, чувствовала нѣкоторое безпокойство и хотѣла подготовить встрѣчу; она не позволила Жаку сѣсть съ ней вмѣстѣ въ кабріолетъ, который долженъ былъ привезти ожидаемаго поэта со станціи. Она прочла ему наставленіе, запутанное и тяжелое для обоихъ, словно они были сообщниками въ какой-то непростительной винѣ; «оставайся въ глубинѣ сада... понимаешь?.. не выбѣгай на встрѣчу... жди... я тебя позову».

Жакъ провелъ этотъ часъ ожиданія, гуляя по фруктовому саду и посматривая на узкую кремнистую дорогу; при первомъ стукѣ колесъ, онъ убѣжалъ и спрятался за смородиннымъ кустомъ; онъ слышалъ, какъ входили въ домъ, слышалъ строгій, беззвучный голосъ поэта и голосъ матери, еще болѣе тихій, нежели обыкновенно:—«Да, другъ мой; нѣтъ, другъ мой». Наконецъ, отворилось окно, посреди листвы. — «Жакъ! ступай скорѣй; ты можешь войти».

Маленькое сердце его билось, когда онъ бѣжалъ по лѣстницѣ, столько же отъ поспѣшности, сколько отъ страху. При входѣ, онъ почувствовалъ, что недостаточно подготовился къ такому важному свиданію; его испугала эта блѣдная голова, выдѣлявшаяся на темной рѣзьбѣ каѳедры; смутило замѣшательство его матери, не протянувшей даже руки его дѣтской застѣнчивости. Однакожь, онъ кое-какъ поздоровался и ждалъ Рѣчь была коротка, почти привѣтлива. Поэту понравилось, что мальчикъ стоялъ передъ нимъ, какъ подсудимый. Притомъ же, онъ былъ доволенъ, что съ его «милымъ директоромъ» сыграли такую штуку.

— Жакъ, сказалъ онъ, кончая:—нужно быть серьёзнымъ, нужно работать. Жизнь—не романъ. Я охотно готовъ вѣрить твоему раскаянію; и, если ты будешь уменъ, я, конечно, полюблю тебя; и мы всѣ трое будемъ жить счастливо. И потому, вотъ чтò я предложу тебѣ. Каждый день я стану удѣлять на твое воспитаніе и развитіе часъ или два изъ того времени, которое я посвящаю своей страшной артистической борьбѣ. Если ты хочешь работать, то я берусь сдѣлать изъ тебя—легкомысленнаго и непокорнаго ребенка—человѣка, подобнаго мнѣ, т. е. закаленнаго для битвы.

— Ты слышишь, Жакъ, сказала мать, которую молчаніе ея сына начинало тревожить:—ты понимаешь, не правда-ли? какую великую жертву нашъ другъ приноситъ ради тебя!

— Дà, мамаша... пробормоталъ Жакъ.

— Подожди, Шарлотта, возразилъ д'Аржантонъ.—Надо сперва узнать нравится ли ему мое предложеніе. Неволить я, разумѣется, никого не желаю.

— Ну чтò же, Жакъ?

Жакъ, озадаченный тѣмъ, что его мать называютъ Шарлоттой, не зналъ чтò отвѣчать и такъ долго подыскивалъ чего нибудь особенно краснорѣчиваго и нѣжнаго, чѣмъ бы можно было достойно отплатить за все это великодушіе, что, наконецъ, зарылъ свою благодарность въ глубокое молчаніе. Видя это, мать толкнула его въ объятія поэта, который удостоилъ мальчика настоящимъ театральнымъ поцѣлуемъ, холоднымъ и звучнымъ, все еще какъ будто дѣлая надъ собой усиліе, чтобы подавить въ себѣ чувство отвращенія...

— Ахъ, милый! кàкъ ты великъ, кàкъ ты добръ, говорила несчастная женщина, между тѣмъ какъ мальчикъ, котораго отпустили, торопился сбѣжать съ лѣстницы, для того чтобы скрыть свое волненіе.

Въ сущности, пребываніе мальчика въ этомъ домѣ должно было служить развлеченіемъ для поэта. Когда первая радость новоселья миновала, общество Иды, которую онъ теперь называлъ Шарлоттой, въ честь героини Гёте и отчасти потому что не хотѣлъ ей оставить ничего отъ прежней Иды де-Баранси, скоро ему наскучило. Съ ней онъ чувствовалъ себя одинокимъ—до такой степени подчинилось вліянію его деспотической личности, это бѣдное существо съ ограниченнымъ умомъ и ничтожнымъ характеромъ. Она повторяла его слова̀, проникласъ его идеями, разводила его парадоксы въ нескончаемой болтовнѣ, такъ что оба они составляли одно, и это единство, которое можетъ казаться идеаломъ счастья при извѣстныхъ условіяхъ жизни, сдѣлалось настоящей пыткой для д'Аржантона. Это былъ спорщикъ, любившій задоръ, полемику, а потому постоянное одобреніе не могло удовлетворить его.

Теперь ему было, по крайней мѣрѣ, кому досаждать, кого направлять и школить; вотъ почему онъ ухватился за воспитаніе Жака, внеся въ это дѣло свою обычную натянутую пунктуальность, методическую торжественность, безъ которыхъ не могъ обходиться ни на шагъ этотъ вѣчно священнодѣйствовавшій господинъ. На другой же день, Жакъ, проснувшись въ своей маленькой комнаткѣ, увидалъ на стѣнѣ пандкарту, написанную красивымъ, безукоризненнымъ почеркомъ поэта. Въ заглавіи стояло выведенное крупными буквами слово: *Правила*.

Это было росписаніе уроковъ, и резюме всего образа жизни. День былъ раздѣленъ на множество маленькихъ клѣточекъ, переполненныхъ занятіями. Въ шесть часовъ вставать. Отъ шести до семи завтракъ. Отъ семи до восьми чтеніе стиховъ. Отъ восьми до девяти... и т. д.

Дни, росписанные такимъ образомъ, походили на окна, спущенныя занавѣски которыхъ пропускаютъ сквозь свои плотныя складки, лишь столько воздуха и свѣта, сколько необходимо для того, чтобъ дышать и видѣть. Обыкновенно эти росписанія составляются только за тѣмъ, чтобы ихъ сейчасъ же измѣнили; но д'Аржантонъ былъ мелочно-взыскателенъ, и не терпѣлъ никакой неаккуратности. Къ этому присоединялась доходившая до маніи страсть къ системѣ, чего бывшій профессоръ гимназіи Моронвиля, естественно, не могъ избѣжать.

Система д'Аржантона состояла въ томъ, чтобы перемѣшать въ головѣ начинающаго, самыя разнообразныя познанія: латинскій, греческій, нѣмецкій языки, алгебру, геометрію, анатомію, синтаксисъ, со всѣми необходимыми элементарными свѣдѣніями; а

тамъ пускай природа разбирается въ этомъ хаосѣ, распредѣляетъ и размѣщаетъ все, какъ слѣдуетъ.

Система была, можетъ быть, превосходная, но потому ли, что̀ она оказалась слишкомъ обширной для интеллигенціи ребенка, или потому, что профессоръ не умѣлъ хорошенько примѣнить къ дѣлу своей теоріи, но только Жакъ не воспользовался ею; хотя онъ зналъ для своихъ лѣтъ довольно много и былъ, несмотря на всю безсвязность своего воспитанія, гораздо развитѣе нежели бо̀льшая часть дѣтей въ этомъ возрастѣ. Все, что̀ было смутнаго, сбивчиваго въ эти первые годы обученія, усложнялось еще новой обременительной системой; и потомъ на Жака наводилъ страхъ его новый учитель; а главное, природа слишкомъ сильно дѣйствовала на него, поглощала его всецѣло. Перенесенный вдругъ съ маленькаго, грязнаго двора гимназіи Моронваля, изъ отвратительнаго переулка двѣнадцати домовъ, прямо въ деревню, онъ не могъ не поддаться обаянію природы, съ которой находился теперь въ непрерывномъ соприкосновеніи. Въ открытыя о̀кна неслось благоуханіе весны... зеленый лѣсъ волновался, и Жакъ, отрываясь отъ своего урока, слѣдилъ за вспорхнувшей птицей, за бѣлкой, мелькавшей въ темной листвѣ орѣшника... Какая му̀ка склонять на нѣсколькихъ языкахъ слово rosa, la rose, die Rose... между тѣмъ какъ опушка лѣса освѣщалась до половины нѣжнымъ отблескомъ дикаго шиповника. Жакъ только и думалъ объ этомъ; онъ рвался на вольный воздухъ, на солнце...

— Этотъ ребёнокъ—идіотъ! восклицалъ д'Аржантонъ, когда Жакъ отвѣчалъ на его вопросы, на его аргументы, съ испуганнымъ видомъ, словно спрыгнувъ для отвѣта съ вершины дерева, на которое только-что смотрѣлъ, или съ легкаго облачка, что плыло тамъ въ далекѣ, на западъ... Его длинный ростъ, придавалъ ему еще болѣе озадаченный видъ, и вся строгость поэта приводила только къ тому, что ставила его еще больше въ тупикъ, связывая усилія его слишкомъ обремененной памяти.

Спустя мѣсяцъ, д'Аржантонъ объявилъ, что онъ отказывается отъ него; что онъ только напрасно тратитъ съ нимъ драгоцѣнное время, отрываясь отъ болѣе серьёзныхъ занятій. Въ сущности, онъ и самъ былъ не прочь отдѣлаться отъ безчисленныхъ требованій этого желѣзнаго «росписанія» поработившаго его, сдѣлавшаго изъ него узника точно также, какъ и изъ Жака. Съ своей стороны Ида, или скорѣй Шарлотта, безъ труда согласилась съ мыслью, что Жакъ былъ тупой, неспособный мальчикъ. Лучше ужь было, въ самомъ дѣлѣ, согласиться, нежели слушать

прискорбныя сцены, видѣть гнѣвъ, слезы, которыми кончались эти уроки. Она прежде всего любила спокойствіе и хотѣла, чтобъ всѣ вокругъ нея были довольны. Она никогда не смотрѣла дальше настоящаго дня, и никакое будущее въ ея глазахъ не стòило того, чтобы платить за него спокойствіемъ настоящей минуты.

Вы можете себѣ представить, кàкъ счастливъ былъ Жакъ, не видя болѣе передъ собой неумолимаго росписанія: отъ шести до семи—завтракъ, отъ семи до восьми — чтеніе и т. д. Очень хорошо понимая изъ того уже, кàкъ мать цѣловала его и какимъ тономъ говорила съ нимъ при д'Аржантонѣ, что онъ всѣхъ стѣсняетъ въ домѣ, онъ убѣгалъ на цѣлые дни и совсѣмъ забывалъ о часахъ, какъ всѣ дѣти и фланёры.

У него были два большіе друга: лѣсъ и лѣсной сторожъ. Онъ уходилъ рано утромъ и являлся въ домикъ Аршамбо, когда жена сторожа передъ тѣмъ, какъ идти хозяйничать къ «Парижанамъ», накрывала своему мужу завтракъ въ чистенькой комнаткѣ, съ свѣтло-зелеными обоями, гдѣ изображенъ былъ разъ сто къ ряду одинъ и тотъ же охотникъ, выслѣживавшій одного и того же зайца. Оттуда шли на псарню, наполненную собаками, которыхъ дрессировалъ Аршамбо и которыя съ визгомъ, лаемъ и прыжками тѣснились у рѣшотки, пока ее не отпирали, и всѣ эти короткія и длинныя, тупыя и острыя морды, эти торчавшія кверху и висячія, бахромчатыя уши не разсыпались по всѣмъ угламъ двора въ первомъ порывѣ радости и свободы. Тутъ были и огромные датскіе псы, смирные, скоро покоряющіеся, и грифоны съ длинной, безпорядочной шерстью, нависшей на глаза, и геральдическія борзыя. Дядя Аршамбо съ важностью муштровалъ своихъ воспитанниковъ при помощи плётки, ошейника или просто крика и суроваго взгляда, такъ дѣйствовавшихъ на иное животное, что оно, испуганное и дрожащее, съ визгомъ ползало у ногъ его. Жакъ, смотря иногда на какого-нибудь непокорнаго пса, думалъ: «онъ тоже не понимаетъ системы». И ему хотѣлось увести его съ собой въ лѣсъ, сдѣлать его участникомъ своихъ безпечныхъ, веселыхъ экскурсій, придававшихъ ему самому столько жизни. Маленькій Жакъ былъ такъ доволенъ, что могъ сопровождать сторожа въ лѣсъ, идти рядомъ съ этимъ страшнымъ человѣкомъ, грозой окрестныхъ контрабандистовъ, и который съ своимъ ружьемъ на перевязи имѣлъ такой воинственный видъ. Съ нимъ онъ видѣлъ особенный лѣсъ, живой и населенный, неизвѣстный профанамъ, гдѣ не слышалось боязливаго шума въ листвѣ, гдѣ человѣческіе шаги не пу-

гали животныхъ и они не пробирались украдкой въ зеленой чащѣ, а спокойно шли себѣ по своимъ дѣламъ и предавались своимъ удовольствіямъ; самка фазана, окруженная своими цыплятами, отыскивала въ муравейникахъ бѣлыя яички, величиной съ жемчужное зерно, которыхъ такое множество подъ деревьями. Зайцы пробирались опушкой на вспаханную землю; потомъ куропатки, кролики... Сторожъ уничтожалъ вредныхъ животныхъ, ехиднъ, сорокъ, бѣлокъ, кротовъ; ему платили съ головы или съ хвоста за этихъ разрушителей, и каждые полгода онъ относилъ въ су-префектуру цѣлую коллекцію высушенныхъ останковъ, которыми онъ ежедневно наполнялъ свой мѣшокъ.

Деревья свои дядя Аршамбо любилъ еще больше животныхъ. «Козлёнокъ умретъ, его можно замѣнить; фазанъ умретъ, весной родится тысяча другихъ. Но срубленное дерево — скоро ли оно выростетъ!» И кàкъ онъ ухаживалъ за ними; слѣдилъ за ихъ малѣйшими болѣзнями. Въ особенности огорчали его какіе-то маленькіе черви, неизвѣстно откуда являвшіеся и цѣлыми милліардами нападавшіе на сосну, выбирая обыкновенно самое красивое, крѣпкое, здоровое дерево. Для борьбы съ этимъ непріятелемъ, у дерева была только смола; и, сопротивляясь имъ, оно лило на нихъ цѣлые потоки ея, и иногда ему удавалось спастись. Но чаще всего это обиліе вытекающей смолы истощало его: оно сохло и, въ нѣсколько дней, колоссъ, дававшій въ вѣтвяхъ своихъ пріютъ тысячѣ существованій, на вершинѣ котораго звучали веселыя пѣсни птицъ, около котораго съ жужжаньемъ летали пчелы—принималъ видъ дерева, пораженнаго громомъ, и, наконецъ, падалъ, оставляя тамъ, на высотѣ, посреди волнующагося моря вершинъ пустоту пропасти... У бука были другіе враги, въ родѣ долгоносиковъ, почти незамѣтные и такіе многочисленные, что каждый листъ дерева носилъ своего червячка, который окрашивалъ его въ яркій красный цвѣтъ. Издали, эта часть лѣса, эти вѣтви съ колоритомъ преждевременной осени, ранней смерти, имѣли видъ болѣзненнаго румянца, оживляющаго лицо чахоточнаго юноши. Аршамбо смотрѣлъ на нихъ съ грустнымъ покачиваніемъ головы, какъ докторъ на больного, въ которомъ онъ отчаявается.

Во время этихъ прогулокъ, сторожъ и ребенокъ не говорили между собой. Великая симфонія лѣсовъ поглощала ихъ. Дыханіе и жалобы вѣтра измѣнялись, смотря по существу деревьевъ, вѣтви которыхъ онъ колыхалъ. Въ соснахъ—это былъ гулъ и ропотъ морскихъ волнъ; въ березахъ и осинахъ—какой-то дрожащій металлическій звукъ, оставлявшій вѣтви недвижимыми и

только проходившій по листьямъ. По берегамъ прудовъ, многочисленныхъ въ этой части лѣса, слышался тихій шелестъ: то шуршали тростники, наклоняя другъ къ другу свои длинные атласистые стволы. А вверху стрекотала сорока, зеленый дятелъ стучалъ клювомъ о дерево, меланхолически кричала кукушка. Всѣ эти звуки, весь этотъ гулъ непрестанно раздавались въ ушахъ Жака. Онъ любилъ ихъ.

Возвращаясь домой, Жакъ заставалъ свою мать въ кухнѣ, вполголоса разговаривающей съ женой сторожа. Тяжелое молчаніе царило въ домѣ; только маятникъ большихъ часовъ мѣрно стучалъ въ столовой. Мальчикъ бросался цѣловать свою мать; но она дѣлала ему знакъ рукой:

— Тссъ... Молчи... *Онъ* на верху... *Онъ* занимается.

Жакъ садился на стулъ и начиналъ смотрѣть, кàкъ кошка выгибала спину на солнцѣ, кàкъ тѣнь отъ бюста поэта, величественно удлиннялась на лужайкѣ. Съ неловкостью ребенка, которому хочется шумѣть, потому что это запрещено, онъ безпрестанно ронялъ, опрокидывалъ чтò-нибудь, стучалъ столомъ, задѣвалъ часовыя гири. «Да перестанешь ли ты», повторяла Шарлотта; и старуха Аршамбо, усердная, неловкая, тяжелая, накрывая на столъ, принимала всякія предосторожности: ходила на ципочкахъ своихъ толстыхъ ногъ, не имѣвшихъ никакихъ «ципочекъ», съ усиліемъ сгибая свою широкую спину, чтобъ не обезпокоить барина, который «занимается».

Онъ занимался. Слышно было, кàкъ наверху, въ башенкѣ, онъ измѣрялъ правильными шагами свою мечтательность или скуку, двигалъ столомъ, кресломъ. Онъ началъ свою «Дочь Фауста» и запирался на цѣлый день, съ этимъ заглавіемъ, когда-то сорвавшимся у него съ языка, но которое до сихъ поръ еще не оправдалось ни одной строчкой.

А между тѣмъ, у него подъ рукой было все, о чемъ онъ такъ давно мечталъ: досугъ, уединеніе, деревня, отличный рабочій кабинетъ. Когда ему наскучалъ лѣсъ и этотъ зеленый отблескъ на окнахъ, то ему стоило только повернуть свое кресло, и онъ видѣлъ передъ собой разнообразные оттѣнки голубого цвѣта... рѣку, небо, даль. Все благоуханіе лѣсовъ, вся свѣжесть рѣки неслись прямо къ нему. Ничто его не развлекало, не тревожило; только надъ нимъ, разгуливали по крышѣ, воркуя, голуби.

— Боже! кàкъ хорошо здѣсь работать! восклицалъ поэтъ.

И онъ тотчасъ же брался за перо, открывалъ чернильницу. Но ничего... ни строки; ни словъ, ни идей... Бумага оставалась чистой... и заранѣе выставленныя названія главъ—манія загла-

вій его преслѣдовала—смотрѣли, какъ нумерованные шесты въ полѣ, забытомъ сѣятелемъ. Ему было слишкомъ хорошо; вокругъ него было слишкомъ много поэзіи. Онъ задыхался отъ избытка идеальнаго благосостоянія. Подумайте только: жить въ павильйонѣ Louis XV, у опушки лѣса, въ этомъ прекрасномъ Этіоллѣ, съ которымъ воспоминаніе о Помпадуръ связано розовыми лентами и брилліантовыми застежками; имѣть все, что нужно для того, чтобы сдѣлаться поэтомъ и великимъ поэтомъ: прелестную любовницу, къ которой такъ шло это романическое имя Шарлотты; кресло временъ Генриха II-го, способствующее серьёзнымъ, сосредоточеннымъ занятіямъ; маленькую бѣлую козочку, называвшуюся Дальти и слѣдовавшую за нимъ въ его прогулкахъ, и, для того чтобы считать часы этихъ счастливыхъ дней—старинные куранты съ эмалью, густой и пріятный звонъ которыхъ, словно выходившій изъ глубины прошлаго, вызывалъ меланхолическіе образы исчезнувшихъ вѣковъ.

Этого было слишкомъ много, и несчастный стихотворецъ чувствовалъ себя столь же чуждымъ вдохновенія, столь же безплоднымъ, какъ и въ то время, когда онъ, возвращаясь съ уроковъ, которые давалъ весь день, запирался вечеромъ въ своей «мёблированной комнатѣ». О! эти долгіе часы куренья трубки, лежанья на диванѣ, смотрѣнья въ òкна, скуки...

Когда шаги Шарлотты раздавались на лѣстницѣ, онъ поспѣшно садился къ столу съ серьёзной, сосредоточенной физіономіей, со взоромъ, чуждымъ всякаго выраженія, чтò могло быть, впрочемъ, принято за мечтанье.

— Войди, отвѣчалъ онъ на робкій стукъ въ дверь. Она входила свѣжая, веселая, съ широкими рукавами, обнажавшими ея прекрасныя руки, и такая «деревенская», что даже рисовая пудра на лицѣ ея, казалась мукòй, которой ее обсыпали на какой-нибудь мельницѣ, изъ комической оперы.

— Я пришла навѣстить моего поэта, говорила она, входя.

Она какъ-то особенно произносила слово поэтъ, вмѣсто котораго у ней выходило «пуатъ»; д'Аржантона это сильно коробило.

— Ну, кàкъ? идетъ ли на ладъ? Доволенъ ли ты?

— Доволенъ ли? Развѣ въ этомъ страшномъ литературномъ ремеслѣ, представляющемъ непрерывное усиліе ума, можно быть когда-нибудь довольнымъ?

Онъ раздражался; тонъ его становился ироническимъ.

— Это, конечно, мой другъ... но я только хотѣлъ узнать о твоей «Дочери Фауста»...

— Ну, что̀ о моей «Дочери Фауста»? Знаешь ли ты, сколько времени Гёте работалъ надъ своимъ «Фаустомъ»? Десять лѣтъ! Да еще, притомъ, живя постоянно въ интеллектуальной средѣ, въ общеніи съ художниками... Онъ не былъ осужденъ, какъ я, на одиночество мысли, самое худшее изъ всѣхъ одиночествъ, приводящее тебя къ бездѣйствію, къ созерцательной жизни, убивающее всякую идею...

Бѣдная женщина не отвѣчала. Слыша отъ д'Аржантона постоянно однѣ и тѣ же фразы, она поняла, наконецъ, какіе упреки заключаются въ нихъ. Въ тонѣ поэта слышалось: «не ты, несчастная дура, можешь замѣнить ту среду, которой недостаетъ мнѣ». Дѣло въ томъ, что онъ, дѣйствительно, находилъ ее глупой и скучалъ съ ней, точно такъ же какъ и оставаясь одинъ.

Его плѣнила, хотя онъ самъ хорошенько не сознавалъ этого, та рамка, въ которой онъ увидѣлъ эту женщину, окруженную поклоненіемъ: роскошь отеля на бульварѣ Гауссмана, лакеи, карета, наконецъ зависть, которую возбуждало въ другихъ неудачникахъ обладаніе такой любовницей. Теперь, когда онъ зналъ, что она принадлежитъ одному ему, когда онъ ее передѣлалъ, преобразилъ—она потеряла для него половину своей прелести. И, однакожь, она была очень хорошенькая; она даже еще роскошнѣе расцвѣла въ поляхъ. Но къ чему служитъ хорошенькая любовница, если никто не видитъ, какъ вы идете съ ней подъ руку? Притомъ, она ничего не смыслила въ поэзіи, предпочитая ей болтовню и мѣстныя сплетни — словомъ, въ ней не было того, что̀ могло бы возбудить этого безсильнаго поэта, разсѣять ту безпредѣльную скуку, въ бездну которой праздность и одиночество окончательно его ввергли.

Нужно было видѣть, ка̀къ онъ сторожилъ, по-утру, почтальйона, приносившаго ему тѣ три или четыре газеты, на которыя онъ подписывался; съ какой поспѣшностью срывалъ съ нихъ разноцвѣтныя бандероли. Словно онъ надѣялся найти тамъ что̀-нибудь, относящееся къ нему, какъ, напримѣръ, разборъ пьесы, хранившейся у него въ портфёлѣ, или отчетъ о книгѣ, которую онъ замышлялъ написать. И онъ прочитывалъ свои газеты, не пропуская ни одной строчки, до объявленій, до типографской фирмы включительно. И всегда онъ находилъ въ нихъ поводъ къ раздраженію, предметъ для банальныхъ, продолжительныхъ разговоровъ за завтракомъ.

«Другимъ везло. Ихъ пьесы играли, и какія пьесы! Ихъ книги печатали, и что̀ за книги!» Между тѣмъ какъ онъ все ждетъ

да ждетъ. Всего хуже то, что сюжеты въ воздухѣ, каждый ихъ вдыхаетъ въ себя, воспроизводитъ, и первый, кого напечатали, уничтожилъ труды всѣхъ остальныхъ. Не проходило недѣли, чтобы кто-нибудь не укралъ у него мысли.

— Знаешь, Шарлотта. Вчера давали въ «Theatre Français» новую пьесу г. Эмиля Ожье. Это—совершенно мои «Яблоки Аталанты».

— Но вѣдь это—гнусность... Украсть у тебя твои «Яблоки Аталанты»? Да я напишу къ этому г-ну Ложье, говорила бѣдная Лолота, не шутя возмущенная.

— Вотъ что̀ значитъ не быть тамъ, присовокуплялъ онъ съ горечью.—Всѣ могутъ занять твое мѣсто.

Онъ, казалось, упрекалъ ее, какъ будто имѣть свое гнѣздо въ деревнѣ не было мечтой всей его жизни. Несправедливость публики, продажность критиковъ, всѣ претензіи безсильныхъ онъ формулировалъ въ педантическихъ, холодныхъ фразахъ.

Во время этихъ обѣдовъ Жакъ не говорилъ ни слова; онъ сидѣлъ смирно, какъ бы желая, чтобы о немъ позабыли. Но, по мѣрѣ того, какъ росло раздраженіе д'Аржантона, пробуждалась и глухая антипатія его къ ребенку. Дрожаніе рукъ его, когда онъ наливалъ мальчику пить; нахмуренныя брови его, когда онъ смотрѣлъ на него—все говорило маленькому Жаку о ненависти, которая ждала только случая, чтобы вырваться наружу.

IX.

Первое появленіе Белизера.

Однажды, послѣ обѣда, когда д'Аржантонъ и Шарлотта, уѣхали въ Корбейль, побуждаемые той потребностью къ передвиженію, которая преслѣдуетъ всѣхъ праздныхъ людей, Жакъ, оставшись одинъ съ тетушкой Аршамбо, долженъ былъ отказаться отъ прогулки въ лѣсъ, потому что собиралась гроза. По жаркому іюльскому небу плыли тяжелыя, чорныя облака, и глухіе раскаты грома ужь слышались въ отдаленіи. Долина безмолвная, опустѣвшая, въ одномъ мѣстѣ совершенно темная, полна была неподвижнаго ожиданія, всегда наступающаго при перемѣнахъ атмосферы. Старухѣ Аршамбо надоѣло смотрѣть, [ка̀къ мальчикъ бродитъ около нея, безъ всякаго дѣла, и, взглянувъ на небо, она сказала Жаку.

— Знаете ли что̀, г. Жакъ? Пока еще нѣтъ дождя, пошли

бы вы да нарвали мнѣ немножко травки для моихъ кроликовъ. Это было бы съ вашей стороны очень мило». Ребенокъ, обрадованный тѣмъ, что онъ можетъ быть полезенъ, взялъ корзину и тотчасъ же отправился по дорогѣ къ Корбейлю, проходившей внизу, отыскивая по оврагамъ цвѣты богородской травки и другія тощенькія растенія, любимыя кроликами. Большая дорога тянулась безъ конца, покрытая тонкой жгучей пылью, окрашивавшей въ сѣроватый цвѣтъ густую листву толстыхъ вязовъ и всю лѣсную опушку. Она была пустынна—эта дорога; ни прохожаго, ни экипажа не виднѣлось на ней; и отъ этой безлюдности она казалась еще больше. Жакъ, съ усиленной дѣятельностью предаваясь своимъ поискамъ на днѣ одного оврага, въ виду приближающейся грозы, вдругъ услышалъ около себя рѣзкій и монотонный голосъ, выкрикивавшій:

— Шляпы, шляпы, шляпы! и потомъ гораздо тише:

— Панама, панама, панама!

Это былъ одинъ изъ разнощиковъ, обходящихъ деревни съ своимъ товаромъ. Онъ тащилъ на спинѣ, какъ шарманку, огромную корзину, наполненную шляпами изъ простой соломы, насаженными одна на другую, очень высоко. Онъ трудно, съ усиліемъ переступалъ своими кривыми ногами, обутыми въ грубые жолтые башмаки, и имѣлъ страдальческій видъ раненаго.

Замѣчали-ли вы, какое грустное зрѣлище представляетъ пѣшеходъ на большой дорогѣ? Куда онъ бредетъ? Какой пріютъ пошлетъ ему на ночь судьба? Гдѣ онъ приклонитъ голову? Для крестьянина, этотъ прохожій—всегда «чужой», всегда подозрительный человѣкъ; онъ съ недовѣрчивостью слѣдитъ за нимъ, провожаетъ его глазами до самой околицы, и тогда только успокоится, когда незнакомецъ, который непремѣнно долженъ быть злоумышленникомъ, снова очутится на большой дорогѣ, зорко охраняемой жандармами.

«Шляпы! шляпы! шляпы»!

Для кого кричалъ этотъ бѣдняга? Никакого жилья не было въ виду. Для этихъ межевыхъ столбовъ? Для птицъ, испуганныхъ приближеніемъ грозы и боязливо пріютившихся въ листвѣ вязовъ?

И, не переставая кричать, онъ сѣлъ на груду каменьевъ, вытирая себѣ лобъ рукавомъ, между тѣмъ Жакъ, съ другой стороны дороги, смотрѣлъ на это безобразное лицо, земляное и грустное, съ моргающими глазами, съ безжизненными губами, покрытыми жесткою бородой и остроконечными, рѣдкими, какъ волчьи клыки, зубами. Но особенно поражало въ этой физіономіи

выраженіе большаго страданія, нѣмая жалоба этихъ тусклыхъ глазъ, этого рта, всего этого недоконченнаго лица, уродливаго, казавшагося какимъ-то образчикомъ доисторическихъ временъ. Несчастный, вѣроятно, сознавалъ свою дурноту, потому что, замѣтивъ смотрѣвшаго на него съ нѣкоторымъ безпокойствомъ мальчика, онъ привѣтливо улыбнулся ему. Отъ этой улыбки лицо его сдѣлалось еще хуже, потому что около рта, около глазъ, появилась у него тысяча маленькихъ морщинокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, однакоже, когда онъ улыбался, у него былъ такой добродушный видъ, что Жакъ тотчасъ же успокоился и продолжалъ рвать свою травку.

Вдругъ ударъ грома, очень близкій, потрясъ небо и всю долину. По дорогѣ поднялась пыль; зашумѣли листья. Разнощикъ всталъ, съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на тучи и, обратясь къ Жаку, котораго ударъ грома заставилъ тоже вскочить, спросилъ его, далеко ли до деревни?

— Около четверти часа ходьбы, отвѣчалъ ребенокъ.

— Ахъ ты, Господи! сказалъ бѣднякъ:—никакъ не уйдешъ отъ дождя. Всѣ шляпы мои измокнутъ! Ужь очень много я ихъ набралъ. Парусина-то у меня слишкомъ мала, не закроетъ всего...

У Жака, при видѣ этого горя, явилось доброе движеніе; притомъ же, его знаменитое ночное путешествіе сдѣлало его сострадательнымъ ко всѣмъ пѣшеходамъ, странствующимъ по большой дорогѣ.

— Разнощикъ! разнощикъ! крикнулъ онъ незнакомцу, который ужь уходилъ торопливо, дѣлая надъ собой невѣроятныя усилія, хотя кривые, какъ серпъ, ноги, плохо повиновались ему.

— Не хотите ли зайдти къ намъ? нашъ домъ тутъ по близости; вы, по крайней мѣрѣ, укроете отъ дождя ваши шляпы.

Бѣднякъ принялъ предложеніе съ благодарностью. Товаръ его былъ такой нѣжный! И они оба пустились въ путь, спѣша уйдти отъ грозы.

— Вамъ больно? спросилъ Жакъ, видя какого труда стоило разнощику поспѣвать за нимъ и какъ онъ подымалъ на каждомъ шагу ноги, словно камешки на дорогѣ были раскаленные.

— О! да... очень... это отъ башмаковъ. У меня, видите ли, ноги слишкомъ велики, и я не могу найдти для нихъ обуви. Вотъ почему мнѣ такъ трудно идти. Если я когда-нибудь разбогатѣю, я закажу пару башмаковъ, для себя нарочно... такую, чтобъ были совсѣмъ по моей мѣркѣ...

И онъ шелъ, потѣя, подпрыгивая, отъ времени до времени повторяя, по привычкѣ, свой меланхолическій крикъ: «шляпы, шляпы, шляпы»!

Пришли въ Ольховку. Разнощикъ помѣстилъ въ сѣняхъ свою ношу и стоялъ почтительно. Но Жакъ повелъ его въ столовую.

— Садитесь, садитесь, пожалуйста. Выпейте стаканчикъ вина и позавтракайте...» Тотъ не хотѣлъ, сопротивлялся. Но, наконецъ долженъ былъ согласиться и съ доброй улыбкой сказалъ:

— Ну, ужь ежели вамъ непремѣнно угодно... я не откажусь... хоть я сегодня утромъ и заморилъ червячка въ Дравелѣ...

Тетка Аршамбо, чувствовавшая, въ качествѣ крестьянки и жены лѣснаго сторожа, отвращеніе къ бродягамъ, сдѣлала гримасу; но, однако-жь, поставила на столъ большой круглый хлѣбъ и кружку вина.

— Теперь еще ветчинки, скомандовалъ Жакъ.

— Вы знаете, что баринъ не любитъ, когда трогаютъ окорокъ, сказала Аршамбо.

— Ну, ладно, ладно, отвѣчалъ маленькій Жакъ, который не прочь былъ разъиграть роль хозяина дома:—а вы, все-таки, принесите.

Аршамбо повиновалась, но потомъ гордо удалилась въ кухню, заявляя тѣмъ свой протестъ. Поэтъ, дѣйствительно, былъ большой лакомка, и въ буфетномъ шкапу всегда хранились куски, предназначавшіеся исключительно для него, которые ему откладывали.

Разнощикъ, поблагодаривъ, принялся уплетать ветчину съ большимъ аппетитомъ. Мальчикъ прислуживалъ ему, подчивалъ его виномъ, смотрѣлъ, ка̀къ онъ рѣзалъ хлѣбъ огромными ломтями, которые цѣликомъ пихалъ себѣ въ ротъ, какъ-то наискось, чтобы они могли войти туда.

— Что̀, хороша ветчина?

— Отмѣнная!

А на дворѣ дождь хлесталъ въ окна; гроза гремѣла. Гость и мальчикъ разговаривали между собой, чувствуя себя въ томъ хорошемъ настроеніи духа, которое сообщается человѣку сознаніемъ, что у него есть убѣжище. Разнощикъ разсказалъ, что его зовутъ Белизеромъ, что онъ—старшій въ многочисленной семьѣ. Они жили въ Парижѣ, въ улицѣ Евреевъ, онъ, отецъ его, три брата и четыре сестры. Всѣ работали соломенныя шляпы для лѣта и фуражки для зимы. Когда товаръ былъ готовъ, одни обходили съ нимъ предмѣстья, другіе отправлялись въ провинцію и разносили его по деревнямъ.

— И вы далеко идете? спросилъ Жакъ.

— До Нанта. Тамъ у меня сестра есть... Я пойду черезъ Монтаржисъ, Орлеанъ, Турэну, Анжу...

— Это должно очень утомлять васъ. Вы съ такимъ трудомъ ходите.

— Это правда... Я только и чувствую облегченіе вечеромъ, когда сниму эти несчастные башмаки... да и то мое удовольствіе отравляется мыслью, что на другой день опять придется надѣвать ихъ.

— Почему же ваши братья не ходятъ вмѣсто васъ?

— Они еще молоды... да и потомъ нашъ старинушка Белизеръ ни за что̀ не разстался бы съ ними... Это бы слишкомъ его огорчило. Я—другое дѣло.

Онъ, повидимому, находилъ совершенно естественнымъ, что его братьевъ любили болѣе, чѣмъ его. И, грустно поглядывая на свои широкіе, желтые башмаки, прибавлялъ:

— Еслибъ я только могъ заказать себѣ пару по своей мѣркѣ...

Гроза, между тѣмъ, усиливалась. Дождь, вѣтеръ, громъ производили такой страшный шумъ, что не слыхать было словъ, и Белизеръ молча оканчивалъ свой завтракъ, когда сильный стукъ въ дверь, тотчасъ же повторенный, заставилъ маленькаго Жака поблѣднѣть.

— Ахъ! Боже мой! воскликнулъ онъ:—они пріѣхали!

Это возвращались д'Аржантонъ и Шарлотта. Ихъ ожидали назадъ только ночью, но, испугавшись грозы, они поспѣшили вернуться. Ливень, однакожь, засталъ ихъ на дорогѣ, и поэтъ находился въ ужасномъ настроеніи. Онъ боялся схватить простуду

— Скорѣй, скорѣй затопить каминъ, Лолотта...

— Сейчасъ, мой другъ.

Но, между тѣмъ какъ они снимали съ себя верхнюю одежду, съ которой струилась вода и разставляли въ сѣняхъ раскрытые зонтики, д'Аржантону бросилась въ глаза масса соломенныхъ шляпъ.

— Это—что̀? спросилъ онъ, ошеломленный такимъ явленіемъ.

О! еслибы Жакъ могъ провалиться въ эту минуту сквозь землю вмѣстѣ съ своимъ страннымъ гостемъ и накрытымъ столомъ! Во всякомъ случаѣ, онъ не успѣлъ бы, потому что поэтъ мгновенно вошелъ въ комнату и, обведя залу холоднымъ взглядомъ, все понялъ

Ребёнокъ пробормоталъ извиненіе, но тотъ не слушалъ его.

— Шарлотта, поди сюда, посмотри... Ты мнѣ не сказала, что у г. Жака сегодня гости, что онъ принимаетъ... угощаетъ своихъ друзей.

— Жакъ! Жакъ! съ упрекомъ повторяла мать.

— Не браните его, сударыня, попытался-было сказать Белизеръ:—это—я... Но д'Аржантонъ въ ярости отворилъ дверь и, указывая на нее оборванцу, съ благороднымъ жестомъ произнесъ:

— *Васъ* я прежде всего попрошу замолчать и убираться отсюда, господинъ бродяга, а не то я васъ упрячу въ тюрьму, чтобы вы не смѣли втираться въ домà...

Белизеръ, котораго его ремесло пріучило ко всѣмъ униженіямъ, не протестовалъ; онъ поспѣшно навьючилъ на себя свои шляпы и бросилъ грустный взглядъ на оконныя стекла, всѣ мокрыя отъ дождя; другимъ взглядомъ онъ поблагодарилъ маленькаго Жака, изогнулся, чтобы почтительно поклониться, и въ этомъ согбенномъ положеніи переступилъ порогъ, за которымъ дождь и градъ принялись хлестать его злосчастныя «панамы». Даже на дворѣ онъ не подумалъ выпрямиться, но, подставивъ свою спину всѣмъ невзгодамъ судьбы и разъяреннымъ стихіямъ, протяжно механически началъ выкрикивать подъ ливнемъ: шляпы, шляпы, шляпы!

Въ залѣ нѣсколько минутъ длилось молчаніе, во время котораго жена лѣсника затопляла каминъ, Шарлотта сушила платье поэта, а самъ онъ, въ одномъ жилетѣ, прохаживался по комнатѣ, исполненный достоинства и величія. Глухая злоба кипѣла въ немъ.

Вдругъ, проходя мимо стола, онъ замѣтилъ окорокъ—его окорокъ, въ которомъ ножъ разнощика, побуждаемаго свирѣпымъ аппетитомъ, произвелъ глубокія выемки и зіящія отверстія, подобныя тѣмъ пещерамъ, чтò образуетъ море въ часы прилива и которыя не знаешь, гдѣ оканчиваются.

Онъ поблѣднѣлъ. Подумайте только, что этотъ окорокъ былъ священный, какъ вино поэта, какъ его горчица, какъ его минеральная вода...

— Ого! Да я этого и не замѣтилъ... да это было настоящее пиршество... Кàкъ? и окорокъ тоже?

— Они тронули окорокъ? спросила Шарлотта, выпрямляясь, озадаченная, возмущенная подобной смѣлостью.

Аршамбо прибавила:

— Ну, вотъ! Я говорила, что не надо давать ветчины этому цыгану, что баринъ будетъ сердиться; не понимаетъ! Малъ еще.

Жакъ, который не находился уже теперь подъ вліяніемъ доброй, морщинистой улыбки и чувства состраданія, понялъ, какое онъ совершилъ преступленіе. Дрожащій, смущенный, онъ пробормоталъ: «Простите!».

Оскорбленный въ своей гордости, въ своемъ обжорствѣ, д'Аржантонъ излилъ все, что̀ накипѣло у него въ душѣ, противъ этого ребенка—всю ненависть свою къ этому таинственному прошлому женщины, которую онъ любилъ немножко, нисколько, не уважая.

Онъ вышелъ изъ себя, что̀ случалось съ нимъ довольно рѣдко, и, схвативъ Жака за руку, встряхивалъ это длинное, отроческое тѣло, приподымалъ его, какъ бы для того, чтобы показать ему его слабость.

— Ка̀къ ты осмѣлился дотронуться до этого окорока? Съ какого пра̀ва? Вѣдь ты зналъ, что̀ онъ—не твой? Здѣсь ничего нѣтъ твоего. Постелью, въ которой ты спишь, хлѣбомъ, который ты ѣшь—всѣмъ ты обязанъ моимъ благодѣяніямъ. И я, тоже, глупъ, что благодѣтельствую тебѣ. Развѣ я тебя знаю? кто ты? Откуда ты явился? Бываютъ минуты, когда ранняя испорченность твоихъ инстинктовъ заставляетъ меня содрагаться за твое происхожденіе!

Онъ остановился, замѣтивъ отчаянный жестъ Шарлотты, указывавшей ему на Аршамбо, черные, удивленные глаза которой вопросительно, съ любопытствомъ смотрѣли на эту сцену.

Въ той сторонѣ ихъ считали за мужа и жену. Жакъ слылъ за сына г-жи д'Аржантонъ отъ перваго брака.

Принужденный остановиться и сдержать потокъ оскорбленій, душившій его, д'Аржантонъ, усталый и мокрый, какъ лошадь, возящая омнибусъ, быстро взбѣжалъ къ себѣ наверхъ и захлопнулъ за собою дверь. Жакъ стоялъ уничтоженный, съ ужасомъ смотря на отчаяніе матери, которая ломала свои прекрасныя руки, снова спрашивая у Бога: что̀ она такое сдѣлала и чѣмъ заслужила подобное существованіе? Это былъ ея единственный рессурсъ во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Какъ и всегда, вопросъ остался безъ отвѣта; но надо полагать, что за ней было много провинностей, если Богъ судилъ ей увлечься до ослѣпленія такимъ существомъ и сдѣлаться его спутницей.

Присоединившаяся къ скукѣ, къ тоскѣ одиночества, болѣзнь еще болѣе омрачила нравъ поэта. Д'Аржантонъ, какъ и всѣ, кто долго питался чѣмъ ни попало, имѣлъ плохой желудокъ. Кромѣ того, онъ былъ мнителенъ и изнѣженъ и, какъ говорится, «прислушивался къ себѣ», чему не мало способствовала тишина, царствовавшая въ Ольховкѣ. Болѣзнь была также отличнымъ предлогомъ для объясненія безплодности его мозга, безпрестаннаго спанья на диванѣ и той апатіи, которая его удру-

чала. Отнынѣ знаменитое: «онъ занимается», «баринъ занимается» было замѣнено другимъ выраженіемъ «у барина припадокъ». Припадки, впрочемъ, не мѣшали ему по нѣскольку разъ на день ходить на ферму и каждый разъ съѣдать тамъ огромный ломоть мягкаго хлѣба съ масломъ и сыромъ. Но, за исключеніемъ этого, у него были всѣ признаки больного человѣка: вялая, утомленная походка, дурное настроеніе духа, требовательность, капризы... Добрая Шарлотта сожалѣла о немъ, ухаживала за нимъ, лелѣяла его. Всякая женщина—немножко сестра милосердія; у ней же, этому чувству состраданія служила подкладкой глуповатая сантиментальность, вслѣдствіе которой ея поэтъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ захворалъ, сталъ для нея вдвое дороже. И чего она только не изобрѣтала для того, чтобы развлечь, облегчить его. Она клала подъ скатерть шерстяное одѣяло, для того, чтобы тарелки и серебро не стучали о столъ; придумала для прямой деревянной спинки кресла временъ Генриха II цѣлую систему подушекъ. Потомъ шли фланели, настойки и проч.—словомъ, вся та обстановка, среди которой мнимые больные усыпляютъ свою энергію, ослабляютъ даже звукъ своего голоса. Правда, бѣдная женщина, въ порывѣ шумной веселости, которая на нее подъ часъ находила — сразу обращала въ ничто всѣ свои добродѣтели сидѣлки, возвращаясь къ своей прежней болтливости и только тогда останавливаясь въ смущеніи, когда поэтъ говорилъ ей страдальческимъ голосомъ: «Замолчи, ты меня утомляешь...» Эта болѣзнь д'Аржантона привлекала въ домъ постояннаго посѣтителя, доктора Ривальса, котораго на пространствѣ десяти льё сторожили обыкновенно на всѣхъ углахъ, на всѣхъ перекресткахъ его многочисленные паціенты; онъ входилъ съ своимъ добрымъ, веселымъ и румянымъ лицомъ; съ вьющимся бѣлымъ шелковымъ руномъ, служившимъ волосами, съ карманами длиннаго сюртука, набитыми книжками, которыя онъ всегда читалъ дорогой, въ кабріолетѣ или идя пѣшкомъ. Шарлотта, встрѣчая его, принимала соболѣзнующій видъ.—«Ахъ, докторъ, идите скорѣй! еслибъ вы знали въ какомъ положеніи нашъ бѣдный поэтъ!»

— Перестаньте! Ему нужно только развлеченіе.

И дѣйствительно, д'Аржантонъ, который сначала говорилъ съ докторомъ слабымъ, плаксивымъ голосомъ, былъ такъ счастливъ, видя передъ собой новое лицо, которое могло внести элементъ разнообразія въ его монотонную жизнь—что забывалъ свою болѣзнь: говорилъ о политикѣ, литературѣ, пускалъ пыль въ глаза добрѣйшему доктору, своими разсказами о парижской жизни,

о разныхъ извѣстностяхъ, которыхъ онъ, будто бы, зналъ и которымъ сказалъ какое-нибудь «жестокое слово». Докторъ, очень наивный, очень искренній, не имѣлъ никакихъ причинъ сомнѣваться въ справедливости этой холодной рѣчи; притомъ же, онъ не былъ наблюдателенъ. Въ домѣ ему нравилось: онъ находилъ поэта умнымъ, оригинальнымъ; жену—хорошенькой; ребенка—восхитительнымъ и не замѣчалъ, какъ замѣтилъ бы это умъ болѣе тонкій, какія случайныя узы связывали эти три существа между собой и съ помощью какихъ булавокъ, дурно приколотыхъ и больно колящихся, они составили семью.

Сколько разъ, пріѣхавъ около полудня и привязавъ у изгороди свою лошадь, добрякъ поздно засиживался у Парижанъ, потягивая грогъ, приготовленный Шарлоттой, и разсказывая о своихъ путешествіяхъ въ Индо-Китай на кораблѣ «Bayonnaise». Жакъ сидѣлъ тутъ же, въ уголкѣ, молчаливый, внимательный, горя страстью къ приключеніямъ, живущей во всѣхъ дѣтяхъ, но которую жизнь своимъ монотоннымъ уравниваньемъ и постепеннымъ съуживаніемъ горизонта—увы! заглушаетъ такъ рано...

— Жакъ! грубо восклицалъ д'Аржантонъ, указывая ему на дверь.

Но докторъ вступался.

— Оставьте его. Такъ весело видѣть около себя ребятишекъ. У нихъ удивительное чутьё. Я увѣренъ, что вашъ сейчасъ догадался, что я люблю дѣтей до безумія и что я—дѣдушка...

И онъ начиналъ разсказывать про свою внучку Сесиль, которая была двумя годами моложе Жака; распространяясь о ея совершенствахъ, еще съ бо̀льшей подробностью, нежели о своихъ путешествіяхъ.

— Зачѣмъ вы ее не привезете сюда, говорила Шарлотта... имъ было бы такъ весело вдвоёмъ.

— О! нѣтъ, сударыня; бабушка ни за что̀ не отпуститъ. Она никому не довѣритъ ребенка и сама никуда не ходитъ со времени нашего несчастья.

Это несчастье, о которомъ докторъ часто упоминалъ, была утрата дочери и зятя, умершихъ въ первый годъ своего брака, вскорѣ послѣ рожденія Сесили. Какая-то тайна окружала эту двойную катастрофу. Съ д'Аржантонами признанія доктора ограничивались всегда только одной фразой: «со времени нашего несчастія». Старуха Аршамбо, знавшая эту исторію, также говорила о ней въ весьма неопредѣленныхъ выраженіяхъ. «Да̀, да̀! эти люди натерпѣлись горя...» И, однакожь, судя по ожив-

ленію и веселому виду доктора, никакъ нельзя было предположить этого. Можетъ быть на него дѣйствовалъ грогъ, приготовляемый Шарлоттой—отличный, темный грогъ, который г-жа Ривальсъ, еслибъ она увидѣла его, непремѣнно разбавила бы водой. Какъ бы то ни было, добрякъ не скучалъ у парижанъ; онъ нѣсколько разъ вставалъ, говоря: «мнѣ еще нужно въ Рисъ, въ Тижери, въ Морсанъ...» и потомъ опять продолжалъ начатый разговоръ, до тѣхъ поръ, пока его лошадка, нетерпѣливо бившая копытами у воротъ, не обращала его въ бѣгство. Наскоро простившись съ поэтомъ, онъ въ дверяхъ повторялъ Шарлоттѣ, озабоченной своимъ больнымъ, всегда одно и то же: «развлекайте его».

Развлекайте! Хорошо ему было говорить это. Она ужь не знала, что̀ и придумать. Они по цѣлымъ часамъ заняты заказомъ обѣда или уѣзжали, въ тележкѣ, въ лѣсъ, съ завтракомъ, съ сачкомъ для ловли бабочекъ, со связкой книгъ и газетъ. Онъ все скучалъ.

Онъ купилъ себѣ лодку. Но и это не помогло. Напротивъ того, оставаться посреди рѣки, съ глазу на глазъ, казалось, этимъ двумъ существамъ, ни слова не говорившимъ другъ другу, еще невыносимѣе, потому что уединеніе было здѣсь полное, обязательное, насильственное; и, закидывая въ воду удочки, они находили въ этомъ занятіи предлогъ, извиненіе своему вѣчному молчанію. Вскорѣ лодка была заброшена и стояла въ камышахъ, залитая водой и засыпанная падавшими листьями.

Потомъ у поэта явились еще болѣе странныя фантазіи. Онъ принялся за стройку, сталъ ремонтировать стѣну, воздвигать наружную лѣстницу къ башнѣ, дѣлать итальянскую террасу, о которой давно мечталъ, съ низенькими столбиками, обвитыми виноградной зеленью, но и терраса не излечила его отъ скуки.

Однажды, когда онъ вздумалъ, для исправленія фортепьяно, на которомъ изрѣдка брянчалъ какія-то польки, выписать къ себѣ настройщика, человѣкъ этотъ — странный изобрѣтатель— предложилъ ему устроить на крышѣ дома эолову арфу: большой открытый ящикъ, вышиною въ пять футовъ, съ натянутыми струнами неравной длины, издававшими при вѣтрѣ, жалобные, гармоническіе аккорды. Д'Аржантонъ принялъ это съ энтузіазмомъ. Какъ только снарядъ поставили, началось нѣчто ужасное: при малѣйшемъ дуновеніи слышались стоны, модуляціи, жалобные крики, завыванье — у-у-у-у! Жакомъ овладѣвалъ по ночамъ такой страхъ, что онъ прятался съ головой подъ одѣяло, чтобъ не слыхать этихъ звуковъ. Можно было съума сойти отъ тоски, которую они наводили.

— Эта арфа невыносима! Довольно, довольно... кричалъ поэтъ, приходя въ отчаяніе.

Нужно было разстроить весь механизмъ, унести эолову арфу въ глубину сада, зарыть ее, чтобъ она замолкла. Но и подъ землей она продолжала звучать. Тогда, наконецъ, порвали струны; затоптали ее, забросали каменьями, какъ бѣшеное животное, которое не хочетъ умирать.

Не зная, что̀ бы еще такое изобрѣсти для того, чтобы развлечь этого несчастнаго, Шарлотта напала, наконецъ, на великодушную мысль: не пригласить ли мнѣ друзей его?

Это было настоящее самопожертвованіе; потому что она хотѣла бы, чтобы онъ принадлежалъ ей одной. Но радость поэта, когда онъ узналъ, что Лабассендръ и Гиршъ посѣтятъ его, вознаградила ее. Онъ давно уже мечталъ о какой-нибудь перемѣнѣ, но не смѣлъ высказывать этого, послѣ всѣхъ своихъ напыщенныхъ фразъ о блаженствѣ уединенія и о жизни вдвоемъ.

Нѣсколько времени спустя, Жакъ, возвращаясь однажды къ обѣду, услышалъ въ домѣ какое-то необычайное движеніе; на новой террасѣ раздавались крики, смѣхъ, звонъ стакановъ, на дворѣ кололи дрова, въ кухнѣ стучали кострюлями. Подойдя ближе, онъ узналъ голоса бывшихъ профессоровъ гимназіи. Сердце ребенка сжалось при мысли, что онъ увидитъ опять эти лица, напоминавшія ему такое тяжелое время, и, въ ожиданіи обѣда, онъ юркнулъ въ садъ.

— Господа! не угодно ли садиться за столъ? сказала Шарлотта, появляясь на террасѣ свѣжая, веселая, въ бѣломъ передникѣ до самаго подбородка, одѣтая хозяйкой, которая, въ случаѣ надобности, умѣетъ заворотить свои кружевные рукава и приняться за печеніе пироговъ. Общество поспѣшило перейти въ столовую, гдѣ оба профессора обошлись съ Жакомъ очень ласково. Всѣ усѣлись за столъ. Обѣдъ былъ вкусный, сочный; въ отворенныя двери глядѣлъ садъ, сливавшійся вдали съ лѣсомъ. Косые лучи заходящаго солнца ударяли въ стекла, и къ собесѣдникамъ доносилось чириканье засыпавшихъ птичекъ...

— Чортъ побери! ка̀къ у васъ хорошо, дѣти мои! воскликнулъ Лабассендръ, послѣ того какъ миска супу была опорожнена съ большимъ аппетитомъ и каждый опять свободно предался своимъ мыслямъ.

— Да̀, мы очень счастливы! сказалъ д'Аржантонъ, пожимая руку Шарлотты, которую онъ находилъ гораздо красивѣе и привлекательнѣе, съ тѣхъ поръ какъ онъ не одинъ смотрѣлъ на нее. И онъ принялся описывать ихъ семейное счастье; разска-

зывалъ о прогулкѣ на лодкѣ, объ экскурсіяхъ въ лѣсъ, о завтракахъ на чистомъ воздухѣ или въ какой-нибудь старой живописной гостинницѣ, на берегу рѣки... Ему такъ хорошо работалось посреди этой лѣтней тишины... А осенью, когда вечера становились свѣжѣе, они проводили ихъ вдвоёмъ у камина, гдѣ весело трещалъ огонёкъ...

И онъ вѣрилъ въ эту минуту тому, что̀ говорилъ. Ей тоже казалось, что она жила этой идеальной жизнью и не испытывала той смертельной, невыносимой скуки, отъ которой оба они не знали куда уйти въ послѣднее время. Гости слушали ихъ съ гримасой удовольствія, восхищенія, зависти... съ какой-то горечью въ тусклой улыбкѣ; такъ что привѣтливое, заискивающее выраженіе глазъ и судорожно искаженныя досадой губы странно противорѣчили другъ другу.

— Тебѣ повезло, дружище, сказалъ Лабассендръ.—Когда я подумаю только, что завтра, въ этотъ самый часъ, между тѣмъ какъ вы будете обѣдать на этомъ самомъ мѣстѣ, мнѣ придется задыхаться отъ чаду въ какой-нибудь грязной харчевнѣ Дюваля.

— И еслибъ еще можно было разсчитывать на постоянный обѣдъ хоть у Дюваля-то, пробормоталъ Гиршъ.

— Кто же вамъ мѣшаетъ провести нѣсколько дней здѣсь? сказалъ д'Аржантонъ, въ порывѣ великодушія. Домъ помѣстительный... вина въ погребѣ довольно...

— Конечно, поспѣшила прибавить Шарлотта... Останьтесь... Это будетъ превесело... Мы станемъ гулять...

— А опера-то? возразилъ Лабассендръ, у котораго каждый день была репетиція.

— Но вы, г. Гиршъ, вѣдь вы не играете въ оперѣ?

— Я очень радъ, графиня, принять ваше предложеніе... У меня, въ настоящую минуту, нѣтъ никакого дѣла... всѣ мои паціенты разъѣхались по деревнямъ.

Паціенты доктора Гирша — разъѣхались! Это было очень потѣшно. Но, однакожь, никто не разсмѣялся. Между неудачниками принято извинять другъ другу всякія странности.

— Ну, рѣшайся, сказалъ д'Аржантонъ.—Во-первыхъ, ты мнѣ окажешь услугу. Мое здоровье разстроено, и ты можешь мнѣ быть полезенъ своими совѣтами.

— Если такъ, то я готовъ. Я въ мѣсяцъ поставлю тебя на ноги... Ривальсъ совсѣмъ не понимаетъ твоей болѣзни.

— А гимназія-то, а Моронваль? вскричалъ Лабассендръ, взбѣшенный тѣмъ, что Гиршу предстоитъ удовольствіе, котораго онъ самъ не могъ раздѣлить.

— Чортъ съ ней! Я сытъ по горло и гимназіей, и методой Дэкостеръ.

И докторъ Гиршъ, заручившись кровомъ и пищей, не находилъ уже нужнымъ щадить питавшее его заведеніе». Моронваль былъ спекулянтъ; онъ никогда не платилъ; у него не было ни копейки. При томъ же, всѣ его оставляютъ. Исторія Маду сильно повредила ему». Другіе вторили Гиршу и Моронвалей искрошили въ мелкіе кусочки. Дошли до того, что даже похвалили Жака за его побѣгъ, который привелъ мулата въ такое бѣшенство, что у него разлилась желчь.

Попавши на эту дорогу, пріятели уже не останавливались; весь вечеръ они только и дѣлали, что «кололи сахаръ», по ихъ выраженію.

Лабассендръ кололъ его на головѣ первыхъ сюжетовъ оперы,—безголосныхъ, бездарныхъ фигляровъ, на головѣ своего директора, дававшаго ему только второстепенныя роли, а почему? потому что всѣмъ извѣстны его соціалистическія убѣжденія; что онъ былъ работникомъ, вышелъ изъ народа и любилъ народъ.

— Ну, да̀, я люблю народъ! воскликнулъ пѣвецъ, воодушевляясь и стуча по столу кулакомъ. Ну, и что̀-жь? Что̀ имъ до этого? Развѣ это мѣшаетъ мнѣ обладать моей нотой... кажется, она еще у меня не пропала. Послушайте-ка, дѣти мои... И онъ началъ пробовать, выводить свою ноту съ самоуслажденіемъ.

Потомъ пришла очередь д'Аржантона: онъ «кололъ свой сахаръ» методически, холодно, маленькими, безпощадными, сухими ударами. Директорамъ театровъ, книгопродавцамъ, авторамъ, публикѣ—всѣмъ досталось. И между тѣмъ какъ Шарлотта, съ помощью Жака, приготовляла кофе, а въ окна глядѣлъ прекрасный лѣтній вечеръ эти господа, облокотясь на столъ, изливали свой ядъ на всѣхъ и на вся, для сваренія желудка.

Появленіе доктора Ривальса окончательно оживило бесѣду. Обрадовавшись многочисленному и веселому обществу, добрякъ придвинулся къ столу.

— Вы видите, г-жа д'Аржантонъ, сказалъ онъ:—что нашему больному нужно было только развлеченіе.

Глаза доктора Гирша сверкнули за своими очками.

— Я не раздѣляю вашего мнѣнія, возразилъ онъ рѣзко, опершись подбородкомъ на ладонь и готовый къ бою.

Старикъ Ривальсъ не безъ удивленія взглянулъ на эту странную фигуру, грязную, въ бѣломъ галстукѣ и съ лысой головой.

— Я имѣю честь говорить съ докторомъ?...

Д'Аржантонъ поспѣшилъ избавить своего пріятеля отъ необходимости солгать.

— Докторъ Гиршъ, докторъ Ривальсъ, сказалъ онъ, представляя ихъ другъ другу.

Они раскланялись, какъ два противника на мѣстѣ поединка, которые прежде, чѣмъ скрестить шпаги, измѣряютъ другъ друга взглядомъ. Добрякъ Ривальсъ, думая, что передъ нимъ какая-, нибудь парижская извѣстность, какой-нибудь геніальный чудакъ, сначала держалъ себя скромно; но вскорѣ замѣтилъ, что въ головѣ у этого господина — неимовѣрный сумбуръ. Тогда и онъ возвысилъ голосъ, въ отвѣтъ на презрительный, насмѣшливый тонъ доктора Гирша.

— Я позволю себѣ замѣтить, любезный собратъ...

— Нѣтъ! извините, любезный собратъ...

Это была точно сцена изъ Мольера. Споръ шелъ изъ-за болѣзни д'Аржантона, и положеніе поэта было при этомъ весьма комическое. Хотя онъ, съ одной стороны, былъ несовсѣмъ доволенъ Ривальсомъ, относившимся къ нему, какъ къ мнимому больному, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могъ удержаться отъ гримасы, слушая ужасную номенклатуру тѣхъ многочисленныхъ, сложныхъ болѣзней, которыя подозрѣвалъ въ немъ Гиршъ.

— Оставимъ этотъ разговоръ, сказалъ Гиршъ, вставая.—Дайте мнѣ листъ бумаги и карандашъ... хорошо... теперь я, съ помощью плессиметра, нарисую вамъ болѣзнь нашего несчастнаго друга... сдѣлаю съ нея снимокъ.

Вынувъ изъ своего жилета маленькую буковую дощечку, называемую плессиметромъ, онъ подозвалъ къ себѣ поблѣднѣвшаго д'Аржантона, быстро разстегнулъ ему сюртукъ и, наложивъ листъ во всю его ширину на грудь поэта, сталъ водить по бумагѣ плессиметромъ, аускультируя и чертя карандашемъ какія-то линіи. Потомъ онъ разложилъ на столѣ свои іероглифы, походившіе на географическую карту, нарисованную ребёнкомъ.

— Будьте судьями, господа. Вотъ это—печень нашего друга, нарисованная точнѣйшимъ образомъ, снятая съ натуры... Развѣ она походитъ на печень? Вотъ, гдѣ ей слѣдовало быть, и вотъ, гдѣ она находится... И замѣтьте, что она приняла эти гигантскіе размѣры въ ущербъ всѣмъ другимъ о̀рганамъ. Подумайте-же, что̀ должно происходить около... какія огромныя поврежденія...

И онъ размашисто набросалъ на бумагѣ нѣсколько зигзаговъ, которые должны были изображать поврежденія.

— Это ужасно! восклицалъ д'Аржантонъ, съ отчаяніемъ смо-

трѣвшій на этотъ рисунокъ и изъ блѣднаго сдѣлавшійся желтымъ.

Глаза Шарлотты наполнились слезами.

— И вы всѣ этому вѣрите, разразился, наконецъ, старикъ Ривальсъ.—Да это—медицина дикарей... надъ вами смѣются!

— Позвольте, любезный собратъ...

Но Ривальсъ уже ничего не слушалъ; онъ закусилъ удила, и битва завязалась страшная. Стоя другъ противъ друга съ поднятыми кулаками, они забрасывали одинъ другаго именами докторовъ, заглавіями греческихъ, латинскихъ, скандинавскихъ, китайскихъ, индійскихъ, кохинхинскихъ книгъ. Гиршъ выѣзжалъ на цитатахъ длиною въ аршинъ и которыхъ, разумѣется, никто не въ состояніи былъ провѣрить; но докторъ Ривальсъ заглушалъ его своимъ звонкимъ голосомъ, бралъ верхъ энергіей и картинностью своего діалога, замѣняя аргументы угрозами «вышвырнуть своего противника за̀ бортъ!»

Ни Жака, ни Шарлотту не пугалъ этотъ жаркій споръ. Они слыхали и не такіе въ гимназіи. Что̀ же касается до Лабассендра, то выведенный изъ терпѣнья тѣмъ, что онъ не могъ вставить въ споръ ни одного своего слова, онъ ушелъ на террасу и тамъ, меланхолически облокотясь на перила, будилъ заснувшее эхо лѣсовъ своей густой, потрясающей нотой. Вся окрестность всполошилась. Въ вѣтвяхъ зашумѣли крылья, и павлины сосѣднихъ за̀мковъ, трусливые, нервные павлины, отвѣчали пронзительнымъ крикомъ, которымъ они оглашаютъ воздухъ, въ лѣтніе дни, передъ грозой. Сосѣдніе крестьяне также проснулись въ своихъ хижинахъ и высунулись изъ оконъ, между тѣмъ какъ луна освѣщала маленькій, бѣлый фасадъ, на которомъ выдѣлялись золотыя буквы девиза: Parva domus, magna quies... Маленькій домикъ, большое спокойствіе.

X.

Сесиль.

— Куда это вы такъ рано? спросилъ Гиршъ, лѣниво сходившій съ лѣстницы, у Шарлотты, увидѣвъ ее въ парадномъ туалетѣ, съ молитвенникомъ въ рукѣ и въ сопровожденіи Жака, котораго она опять одѣла въ любимый костюмъ лорда Пимбока, нѣсколько удлиненный для этого случая, но все еще короткій.

— Мы идемъ къ обѣднѣ. Я сегодня подношу освященный хлѣбъ. Развѣ вамъ д'Аржантонъ не сказалъ? Поторопитесь, нынче всѣ должны быть въ церкви.

Это было 15-го августа, праздникъ Успенія; какъ только отблаговѣстили, г-жа д'Аржантонъ, польщенная оказаннымъ ей почетомъ, отправилась съ своимъ сыномъ въ церковь и помѣстилась на скамьѣ, отведенной ей около хора. Церковь была освѣщена, убрана цвѣтами, смотрѣла торжественно, вся залитая солнцемъ. Пѣвчіе были въ бѣлыхъ стихаряхъ, чистыхъ и выглаженныхъ; передъ налоемъ, на маленькомъ деревенскомъ столикѣ возвышались золотистыми столбами просфоры. Для довершенія картины всѣ лѣсные сторожа въ зеленой одеждѣ, съ охотничьимъ ножомъ за поясомъ, съ карабиномъ у ноги, явились также слушать молебенъ, къ великому удовольствію браконьеровъ и всѣхъ, кто воровалъ лѣсъ.

Ида де-Баранси очень бы удивилась годъ тому назадъ, еслибы кто-нибудь сказалъ ей, что она будетъ участвовать въ хорѣ деревенской церкви подъ именемъ виконтесы д'Аржантонъ, съ смиреннымъ видомъ и пользуясь почетомъ замужней женщины. Эта новая роль занимала ее. Она смотрѣла за Жакомъ, набожно перелистывала свой молитвенникъ и опускалась на колѣни, весьма назидательно, шумя юбками.

Во время церемоніи поднесенія хлѣба, швейцаръ, вооруженный аллебардой, позвалъ Жака и, наклонясь къ его матери, спросилъ, которую изъ маленькихъ дѣвочекъ она желаетъ выбрать для сбора денегъ. Шарлотта колебалась съ минуту; она почти никого не знала между прихожанами; тогда швейцаръ указалъ ей на маленькую дочь доктора Ривальса, прелестнаго ребенка, сидѣвшаго на другой сторонѣ, рядомъ съ очень пожилой дамой въ черномъ.

И дѣти пошли за величественной аллебардой, Сесиль съ кошелемъ, слишкомъ широкимъ для ея пальцевъ, а Жакъ со свѣчей, украшенной атласомъ и дѣланными цвѣтами. Оба они были очень милы; онъ въ своемъ англійскомъ костюмѣ, въ которомъ онъ казался еще выше, она совсѣмъ простенькая, съ волосами, заплетенными въ косы, съ блѣдно-матовымъ личикомъ, съ сѣрыми глазками. Она улыбалась; Жакъ былъ серьёзенъ. Держась за руку, они ходили между скамейками.

— Славная парочка! сказала жена лѣсника и потомъ прибавила вполголоса, такъ что ее едва можно было разслышать:— бѣдняжка! Она будетъ еще красивѣе своей матери. Только бы съ ней не приключилось того же...

По выходѣ изъ церкви, на маленькой площадкѣ, гдѣ каски пожарныхъ и карабины лѣсниковъ блистали на солнцѣ посреди пестрыхъ нарядовъ, г-жа Ривальсъ подошла къ д'Аржантону и попросила у него позволенія увести къ себѣ Жака на цѣлый день; Шарлотта покраснѣла отъ удовольствія; она поправила мальчику галстухъ, взбила его прекрасные волосы, поцаловала его и сказала: «будь уменъ». И дѣти снова пошли вмѣстѣ, какъ въ церкви во время сбора—впереди старушки, которая едва могла поспѣвать за ними.

Съ этого дня, если Жакъ не бывалъ дома, то на вопросъ: «гдѣ онъ?» не отвѣчали уже, какъ прежде: «въ лѣсу», а можно было сказать навѣрное: «онъ у Ривальсовъ».

Докторъ занималъ одноэтажный домикъ, довольно похожій на всѣ крестьянскіе домà и отличавшійся отъ нихъ развѣ только мѣдной дощечкой, прибитой около двери надъ пуговкой, съ надписью: «ночной звонокъ». Онъ казался старымъ; стѣны его почернѣли; но нѣкоторыя новѣйшія украшенія, остававшіяся недоконченными, показывали, что его хотѣли-было подновить, реставрировать, но что какая-то катастрофа помѣшала этому. Такъ, надъ крыльцомъ начатъ былъ навѣсъ; на дворѣ, усаженномъ деревьями, виднѣлся недостроенный павильонъ съ пробитыми дверями и окнами.

«Несчастіе» постигло этихъ добрыхъ людей въ то время, когда начались перестройки; это было восемь лѣтъ тому назадъ, и съ той поры все оставалось въ этомъ видѣ. Суевѣріе, понятное всѣмъ, кто любитъ, не дозволяло потомъ возобновить прерванныя работы. Эта неоконченность придавала всему жилищу физіономію человѣка, подавленнаго горемъ, которому ни до чего нѣтъ дѣла и который по поводу всего говоритъ себѣ: «къ чему?»

Садъ былъ запущенъ; дорожки поросли травой; фонтанъ не билъ и басейнъ былъ засыпанъ листьями. И сами обитатели дома имѣли тотъ же печальный видъ, чтò и неодушевленные предметы. Начиная съ г-жи Ривальсъ, восемь лѣтъ не снимавшей траура по дочери, до маленькой Сесили, дѣтское личико которой поражало серьёзнымъ, меланхолическимъ выраженіемъ, несоотвѣтствовавшимъ ея возрасту, до старой служанки, тридцать лѣтъ жившей у этихъ отличныхъ людей и переносившей часть ихъ тяжелаго бремени—всѣ жили подъ однимъ и тѣмъ же гнётомъ нѣмой, затаенной на днѣ души скорби...

Одинъ докторъ избѣжалъ общаго вліянія. Его безпрестанные разъѣзды, разнообразныя впечатлѣнія дороги, чистый воздухъ,

а можетъ быть, и философія человѣка, часто видящаго смерть, дополнили природныя наклонности очень подвижнаго, расположеннаго къ веселости темперамента.

Для г-жи Ривальсъ присутствіе Сесили, походившей лицомъ на мать свою, было непрерывнымъ возобновленіемъ ея траура. Къ доктору, напротивъ, по мѣрѣ того, какъ ребенокъ выросталъ, напоминая ему все болѣе и болѣе дочь, которую онъ утратилъ, возвращалось его веселое настроеніе. Когда онъ, бывало, проѣздивъ весь день, оставался послѣ обѣда вдвоемъ съ своей внучкой, между тѣмъ какъ жена его занята была по хозяйству, на него находили минуты какой-то юношеской, безумной веселости: онъ громко распѣвалъ пѣсни, когда-то пѣтыя на кораблѣ, и только когда входила жена его, вдругъ останавливался, читая въ глазахъ ея безмолвный упрекъ. Ея взглядъ, казалось, говорилъ ему: «Вспомни», какъ будто въ этомъ несчастіи, обрушившемся надъ ними, и самъ онъ былъ нѣсколько виноватъ...

Этого простаго напоминанія было достаточно для того, чтобы онъ притихалъ; и потомъ онъ уже только игралъ молча локонами дѣвочки.

Въ этой средѣ дѣтство Сесили проходило очень грустно. Она проводила все свое время въ саду или въ большой комнатѣ, наполненной сушившимися травами и корнями и носившей названіе «аптеки». Ея никогда не посылали въ школу, какъ будто не хотѣли, чтобъ она имѣла сношенія съ другими дѣтьми въ деревнѣ. Ея маленькое тѣло было утомлено излишнимъ бездѣйствіемъ. Ей не доставало этого шума и гама, этого безпричиннаго крика, этой сумасшедшей бѣготни и топотни, которые возможны только между дѣтьми, когда ихъ не стѣсняютъ ни выговоры, ни насмѣшки серьёзныхъ людей.

Нужно ее развлекать, говорилъ докторъ женѣ своей:—маленькій д'Аржантонъ—почти ей ровесникъ. Это—премилый мальчикъ... и который ужь навѣрное не станетъ болтать...

— Да̀, но что̀ это за люди... Откуда они? Никто ихъ не знаетъ, отвѣчала г-жа Ривальсъ, всегда подозрительная.

— Отличные люди, душа моя:—мужъ, правда, большой оригиналъ, но ты понимаешь... поэтъ... жена немножко глуповата... но славная женщина. Что же касается до честности, то ужь я отвѣчаю...

Г-жа Ривальсъ качала головой; она не вѣрила въ проницательность своего мужа...

— О! ужь ты...

И она вздыхала, между тѣмъ, какъ во взглядѣ ея выражался упрекъ.

Старикъ Ривальсъ опускалъ голову, какъ виноватый. Однакожь, онъ настаивалъ на своемъ.

— Смотри! говорилъ онъ:—дѣвочка такъ скучаетъ, что захвораетъ, пожалуй. И притомъ, что̀ же можетъ случиться? Сесиль—дитя; Жакъ—тоже...

Наконецъ бабушка согласилась, и Жакъ сдѣлался постояннымъ гостемъ Сесили.

Для него настала новая жизнь. Сначала онъ ходилъ рѣдко, потомъ сталъ ходить нѣсколько чаще, и, наконецъ—каждый день. Г-жа Ривальсъ скоро полюбила эту дѣтскую натуру, нѣжную и скромную. Она замѣтила, что онъ въ загонѣ, что у него всегда недостаетъ пуговицы на курточкѣ, что онъ цѣлые дни свободенъ, не имѣетъ никакихъ занятій, никакихъ обязанностей.

— Ты не ходишь въ школу, дружокъ мой?

— Нѣтъ, сударыня.

И онъ прибавлялъ—потому что въ дѣтскомъ сердцѣ часто таятся сокровища деликатности—«Мнѣ мамаша показываетъ»...

«Показывать» было бы очень затруднительно для бѣдной Шарлотты съ ея птичьимъ мозгомъ. Притомъ же, весьма легко было убѣдиться, что никто не занимается имъ дома.

— Это невѣроятно! говорила г-жа Ривальсъ мужу:—они оставляютъ этого ребенка бродить съ утра до вечера безъ всякаго дѣла.

— Что̀ ты хочешь! отвѣчалъ Ривальсъ, желая извинить друзей своихъ.—Онъ не хотѣлъ работать или не могъ... у него голова немножко слаба.

— Да̀, голова немножко слаба, и потомъ отчимъ не любитъ его. Эти дѣти отъ перваго брака—всегда какіе-то паріи.

Жакъ нашелъ въ этомъ домѣ истинныхъ друзей. Сесиль обожала его, не могла безъ него обойтись. Они вмѣстѣ играли въ саду, если погода была ясная, а если нѣтъ—то въ аптекѣ. Г-жа Ривальсъ была всегда тутъ. Такъ какъ въ Этіоллѣ не было аптеки, то она дѣлала, по указанію мужа, простыя лекарства. Занимаясь этимъ въ теченіи двадцати лѣтъ, она пріобрѣла большую опытность, и многіе даже, въ отсутствіе ея мужа, приходили къ ней за совѣтомъ. Дѣтей занимали эти посѣщенія. Они научились разбирать на стклянкахъ латинскія слова̀, вырѣзывали ножницами ярлычки, клеили изъ бумаги мѣшочки: онъ съ неловкостью мальчика, Сесиль съ серьёзнымъ вниманіемъ дѣвочки, изъ которой выйдетъ полезная, приготовленная ко всѣмъ лишеніямъ трудовой жизни женщина. Передъ глазами у ней былъ примѣръ бабушки. Независимо отъ аптеки, она вела книги мужа,

записывала рецепты, слѣдила за поступленiями, отмѣчая, сколько мужъ сдѣлалъ визитовъ въ теченiи дня.

— Гдѣ ты былъ сегодня? спрашивала она доктора, по его возвращенiи.

Добрякъ всегда забывалъ половину визитовъ, и намѣренно или ненамѣренно, всегда уничтожалъ часть ихъ, потому что былъ столько же разсѣянъ, сколько великодушенъ. Нѣкоторые счета валялись у него по двадцати лѣтъ. Какой хаосъ былъ бы у него въ домѣ, еслибы не жена! Она кротко выговаривала ему. Отмѣривала грогъ, занималась малѣйшими подробностями его туалета. И ужь дѣвочка, когда онъ выѣзжалъ изъ дому, говорила ему очень серьёзно:—Поди-ка сюда, дѣдушка, я посмотрю, все ли на тебѣ въ порядкѣ.

Доброта этого человѣка была необычайная. Она читалась въ его дѣтскомъ, невинномъ и ясномъ взорѣ; онъ много странствовалъ по свѣту, видѣлъ много земель и людей, но наука сохранила его наивнымъ. Доброта его распространялась на все живущее—на животныхъ, какъ на людей. Такъ, чтобы не утомлять своей лошади—вѣрнаго товарища, служившаго ему двадцать лѣтъ—онъ, на всякой крутизнѣ, выходилъ изъ кабрiолета и шелъ пѣшкомъ, не обращая вниманiя ни на дождь, ни на зной.

Величайшимъ удовольствiемъ для доктора было теперь брать съ собой дѣтей, во время своихъ разъѣздовъ по окрестностямъ Этiоля. Кабрiолетъ былъ широкъ. Трое могли усѣсться свободно; и, какъ только добрякъ видѣлъ себя между этими двумя смѣющимися личиками, грустное настроенiе, навѣянное на него его домомъ, немедленно испарялось. Онъ самъ веселился, какъ ребенокъ, съ этими дѣтьми. Жакъ былъ въ полномъ восторгѣ. «Отгадай, что̀ тамъ посѣяно, говорила ему Сесиль, когда они проѣзжали полями:—рожь, пшеница, ячмень?» Жакъ всегда ошибался; это возбуждало смѣхъ, шутки, радость.

— Дѣдушка! онъ принялъ это за ячмень!

Вездѣ, куда призывали доктора, дѣтей принимали необыкновенно ласково. То они прiѣзжали на ферму, и, пока докторъ ходилъ къ больному, дѣтямъ показывали, ка̀къ доятъ коровъ, ка̀къ вынимаютъ хлѣбъ изъ печи; то—на одну изъ мельницъ, построенныхъ на рѣкѣ и похожихъ на какой-нибудь старинный за̀мокъ; и тамъ они по цѣлымъ часамъ слушали, ка̀къ шумитъ вода, слѣдили за движенiями мельничнаго колеса; или смотрѣли, ка̀къ на запруженной рѣчкѣ, темной отъ растущихъ по берегу ивъ, полоскались утки.

Удивительная вещь — болѣзнь въ этихъ крестьянскихъ семействахъ. Ничему она не мѣшаетъ, ничего не останавливаетъ. Скотина выходитъ и возвращается въ обычные часы. Если мужчина боленъ, женщина замѣняетъ его на работѣ, не имѣя даже времени посидѣть съ нимъ, позаботиться о немъ, огорчиться. Земля не ждетъ и скотина тоже. Хозяйка работаетъ весь день; а вечеромъ падаетъ отъ усталости и тяжело засыпаетъ. Несчастный больной, лежащій вверху надъ стойломъ, гдѣ мычатъ быки, или надъ помѣщеніемъ, гдѣ съ трескомъ дѣйствуетъ жерновъ, это—раненый, упавшій во время боя. Имъ не занимаются; его только положатъ куда-нибудь къ сторонкѣ, около дерева, въ овражкѣ; между тѣмъ какъ битва, требующая всѣхъ рукъ, продолжается. Вокругъ молотятъ, пѣтухи орутъ во всю глотку.. Шумъ, движеніе, непрерывная дѣятельность; а хозяинъ, съ лицомъ, обращеннымъ къ стѣнѣ, покорный, безмолвный, твердый, ждетъ, что догорающій вечеръ или близкій разсвѣтъ унесетъ его недугъ или жизнь...

Вотъ почему дѣти, въ этихъ домахъ, куда они ѣздили, не видѣли печали. Ихъ баловали. Для нихъ всегда находилась лепешка, для бабушки корзинка съ плодами, для лошади торба овса...

Докторъ былъ такъ любимъ, такъ добръ, такъ мало заботился о своихъ интересахъ. Крестьяне его обожали и надували тоже.

— Вотъ добрая душа! говорили они:—вотъ кто могъ бы разбогатѣть, еслибы захотѣлъ.

Но, несмотря на это, они, все-таки, старались отлынуть отъ платежа по счету, что̀ было очень легко при характерѣ доктора. Когда онъ выходилъ изъ какого-нибудь дома, его окружала шумная, густая толпа.

— Г. Ривальсъ, что̀ мнѣ дать своей дѣвочкѣ? Нѣтъ ли у васъ еще лекарства, у меня все вышло? Это вы порошокъ дали, г. докторъ, принимать или натираться? А что̀ же, моему муженьку-то такъ ничего и не дадите?

Докторъ отвѣчалъ всѣмъ; смотрѣлъ языки, щупалъ пульсъ, раздавалъ мѣшечки съ травой, стклянки съ хиннымъ виномъ, коробочки съ порошками, все что у него было, и уѣзжалъ съ опустошенными карманами, посреди привѣтствій и благословеній всѣхъ этихъ людей сохи, которые утирали себѣ одинъ глазъ, восклицая растроганнымъ голосомъ: «Достойный человѣкъ!», а другимъ глазомъ лукаво подмигивали, какъ бы говоря: «Простакъ».

Во время этихъ поѣздокъ Ривальсъ убѣдился въ любознательности маленькаго д'Аржантона, въ его умѣ, сосредоточенномъ, но глубокомъ, въ которомъ немногія знанія, пріобрѣтенныя имъ, оставили много слѣдовъ. Видя, что бѣдный ребенокъ заброшенъ своими, докторъ рѣшился заняться имъ, вознаградить его за ихъ равнодушіе. Онъ сталъ каждый день, послѣ завтрака, посвящать ему часъ, который до того времени посвящалъ отдыху. Жакъ принялся за дѣло съ большимъ рвеніемъ. Сесиль присутствовала при всѣхъ его урокахъ и была въ полномъ восхищеніи, когда дѣдушка, разсматривая тетради своего ученика, говорилъ:— хорошо, очень хорошо!

Матери Жакъ не говорилъ о своихъ занятіяхъ. Онъ хотѣлъ впослѣдствіи доказать ей побѣдоносно, что поэтъ ошибся съ своей непогрѣшимой діагностикой. Этотъ маленькій заговоръ между докторомъ и Жакомъ тѣмъ легче было сохранить втайнѣ, что обитатели parva domus все меньше и меньше занимались ребенкомъ. Онъ приходилъ, уходилъ, когда хотѣлъ, являлся только къ обѣду и садился на концѣ стола, который съ каждымъ днемъ увеличивался, вслѣдствіе прибытія новыхъ собесѣдниковъ.

Д'Аржантонъ открылъ свой домъ для всѣхъ неудачниковъ. И, однакожь, поэтъ не любилъ бросать деньги за окно; онъ былъ даже скупъ, и, каждый разъ, когда Шарлотта робко говорила ему: «у меня нѣтъ денегъ, мой другъ», онъ отвѣчалъ ей восклицаніемъ: уже! сопровождавшимся гримасой весьма неободряющаго свойства. Но тщеславіе брало у него верхъ надъ всѣмъ остальнымъ; удовольствіе выказать свое счастье, явиться въ роли хозяина дома, возбудить зависть во всѣхъ этихъ бѣднякахъ восторжествовали надъ всякими разсчетами.

Въ мірѣ неудачниковъ знали, что здѣсь—прекрасное мѣстечко, свѣжій воздухъ, хорошій обѣдъ, и даже, въ случаѣ нужды, если, напримѣръ, опоздаешь на поѣздъ, спокойный ночлегъ. Въ пивныхъ то и дѣло слышалось: кто ѣдетъ къ д'Аржантону? И, собравъ съ великимъ трудомъ деньги на путешествіе, пріѣзжали бандой, внезапно, безъ предувѣдомленія.

Шарлотта бѣгала, сломя голову:

— Скорѣй, мадамъ Аршамбо, сверните шею кролику, двумъ кроликамъ, да сдѣлайте яичницу, двѣ яичницы, три яичницы...

— Ого-го-го! что народу-то, что народу-то привалило! Господи—твоя воля! говорила изумленная сторожиха.

Каждый разъ прибывали все новыя лица. И какія бороды, какіе волосы, какіе костюмы!

Д'Аржантонъ не уставалъ показывать всѣмъ прибывающимъ

домъ. Онъ водилъ ихъ по всѣмъ уголкамъ и закоулкамъ, и всегда съ одинаковымъ чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія. Потомъ эти гамены съ сѣдыми бородами разсыпались по дорогамъ, по берегу рѣки, по лѣсу, съ веселымъ ржаньемъ, съ неистовыми прыжками старыхъ лошадей, пущенныхъ на подножный кормъ.

Ѣда собирала весь этотъ народъ; столъ былъ накрытъ почти весь день, такъ что нѐкогда было стряхнуть крошекъ въ промежуткѣ между завтракомъ и обѣдомъ. Собесѣдники по цѣлымъ часамъ пили, курили, спорили.

Это была пивная посреди лѣсовъ.

По воскреснымъ днямъ, Шарлотта принимала женъ неудачниковъ—этихъ самоотверженныхъ созданій, безъ устали работающихъ всю недѣлю и которыхъ мужья всемилостивѣйше удостоиваютъ отъ времени до времени взять съ собой за городъ. Передъ ними Шарлотта нѣсколько разыгрывала роль шатленки, называла ихъ «моя милочка» и щеголяла передъ ними пеньюрами Louis XV.

Но обычными посѣтителями Ольховки были, все-таки, Лабассендръ и Гиршъ. Этотъ послѣдній, поселившійся тамъ сначала на нѣсколько дней, жилъ цѣлые мѣсяцы, и домъ д'Аржантона какъ бы сдѣлался его домомъ. Онъ принималъ и подчивалъ гостей, носилъ бѣлье поэта и его шляпы, въ которыя подкладывалъ бумажки, потому что голова этого чудака была чрезвычайно маленькая, такая маленькая, что смотря на него, вы невольно спрашивали себя: какъ это ему удалось втиснуть туда столько познаній? и васъ уже не удивлялъ, послѣ этого, неслыханный безпорядокъ, царствовавшій въ этомъ загроможденномъ складѣ.

Д'Аржантонъ не могъ обойтись безъ него. Хотя онъ не довѣрялъ его медицинѣ и не исполнялъ ни одного изъ его предписаній, но присутствіе его успокоивало поэта, имѣвшаго въ немъ внимательнаго слушателя, которому можно было безконечно разсказывать о своихъ воображаемыхъ недугахъ.

— Я! я поставилъ его на ноги, восклицалъ тотъ съ апломбомъ. И Ривальсъ съ тѣхъ поръ значительно утратилъ авторитетъ свой въ домѣ д'Аржантона.

Такъ проходили дни и мѣсяцы. Жакъ очень выросъ и усердно работалъ. Въ десять мѣсяцевъ, онъ, безъ всякихъ «системъ», сдѣлалъ удивительные успѣхи и зналъ гораздо больше многихъ школьниковъ его возраста.

— Вотъ что̀ я сдѣлалъ изъ него въ годъ, съ гордостью го-

ворилъ д'Аржантону доктору Ривальсъ.—Теперь отдайте его въ какой-нибудь лицей, и я вамъ ручаюсь, что изъ этого мальчугана кто-нибудь выйдетъ.

— Ахъ, докторъ, докторъ! ка̀къ вы добры, восклицала Шарлотта, нѣсколько пристыженная, потому что въ этой заботливости посторонняго человѣка объ ея ребенкѣ скрывался упрекъ ея равнодушію. Но д'Аржантонъ отнесся къ словамъ доктора холоднѣе. Онъ отвѣчалъ, что посмотритъ, подумаетъ, что воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ представляетъ значительныя неудобства. Оставшись наединѣ съ Шарлоттой, онъ излилъ все свое неудовольствіе.

— Что̀ онъ вмѣшивается? Каждый знаетъ свои обязанности; не думаетъ ли онъ указывать мнѣ мои? Занимался бы лучше своей медициной, этотъ деревенскій цирюльникъ.

Въ сущности, его самолюбіе было глубоко уязвлено. Съ этой минуты онъ часто повторялъ съ важнымъ видомъ: «докторъ правъ, надо заняться этимъ мальчикомъ!» И, дѣйствительно, занялся.

— Поди-ка, поди-ка сюда, мальчуганъ, крикнулъ однажды Жаку пѣвецъ Лабассендръ, прохаживавшійся по саду съ Гиршемъ и д'Аржантономъ. Повидимому, у нихъ происходило какое-то совѣщаніе. Ребенокъ подошелъ нѣсколько смущенный, потому что ни поэтъ, ни его друзья никогда не разговаривали съ нимъ.

— Кто сдѣлалъ эту ловушку для бѣлки — тамъ, подъ большимъ орѣшникомъ, въ глубинѣ сада?

Жакъ поблѣднѣлъ, ожидая выговора, но онъ не умѣлъ лгать и отвѣтилъ: «Я».

Сесиль пожелала имѣть живую бѣлку, и Жакъ ухитрился, съ помощью проволокъ и веревокъ, устроить довольно искусный механизмъ; и хотя бѣлка еще не попалась туда, но, дѣйствительно, могла легко попасться.

— И ты выдумалъ это самъ, безъ модели?

Онъ отвѣчалъ робко:—Самъ, г. Лабассендръ, безъ модели.

— Удивительно! необычайно!.. повторялъ толстый пѣвецъ, обращаясь къ своимъ двумъ пріятелямъ:—этотъ ребенокъ родился механикомъ. Это положительно. У него это въ пальцахъ... Что̀ вы хотите! Инстинктъ... даръ.

— А! вотъ онъ—даръ-то! произнесъ поэтъ, гордо поднявъ голову.

Докторъ Гиршъ также вторилъ:

— Въ этомъ все, чортъ побери! все; даръ!..

И, не занимаясь больше ребенкомъ, они продолжали прохаживаться по саду, медленно, важно, съ величавыми жестами, и останавливаясь, когда кто-нибудь изъ нихъ имѣлъ сообщить нѣчто особенно важное.

Вечеромъ, на террасѣ, происходили оживленныя пренія.

— Да̀, графиня, говорилъ Лабассендръ, обращаясь къ Шарлоттѣ, какъ бы желая ее убѣдить въ справедливости идеи, которую они уже обсуждали ранѣе.—Будущее принадлежитъ работнику. Дворянство отжило свое время; буржуазіи также остается жить всего нѣсколько лѣтъ. Теперь пришелъ черёдъ работника. Презирайте его мозолитыя руки, но черезъ двадцать лѣтъ—онъ поведетъ за собой міръ!

— Лабассендръ правъ, съ важностью произнесъ д'Аржантонъ; а маленькая головка Гирша энергично кивала въ знакъ одобренія.

Странное дѣло. Жакъ, привыкшій въ гимназіи къ разглагольствованіямъ пѣвца о соціальномъ вопросѣ и никогда ихъ не слушавшій, находя, что они очень скучны, на этотъ разъ чувствовалъ какое-то необъяснимое волненіе, словно онъ зналъ къ какой цѣли были направлены эти отрывочныя фразы и чью жизнь должны были разбить.

Лабассендръ рисовалъ восхитительную картину рабочей жизни.

— И когда я подумаю только, что имѣлъ глупость бросить эту независимую, прекрасную жизнь... О! еслибы можно было начать жить сначала!

И онъ разсказывалъ имъ о томъ времени, когда онъ былъ кузнецомъ на фабрикѣ въ Эндрѣ и назывался просто Рудикъ, потому что «Лабассендръ» было имя его родной деревушки: La Basse Indre (Нижняя Эндра), на берегахъ Луары. Онъ вспоминалъ эти отрадные часы, проведенные у пылающаго огня кузницы, гдѣ, по поясъ голый, онъ, бывало, мѣрно стучалъ молотомъ о наковальню посреди своихъ честныхъ, добрыхъ товарищей.

— Да, вотъ что̀ я вамъ скажу. Вы знаете, кажется, какой успѣхъ я имѣлъ на сценѣ?

— Еще бы не знать! отвѣчалъ Гиршъ съ нахальствомъ.

— Знаете, сколько мнѣ было поднесено вѣнковъ, медалей, табакерокъ... Но, ка̀къ ни дороги для меня эти воспоминанія, ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ тѣми...

Обнаживъ до самаго плеча свою толстую, мохнатую, какъ медвѣжья лапа, руку, пѣвецъ показалъ на ней большой татуированный знакъ, красный и синій, изображавшій два кузнечныхъ молота, окруженныхъ дубовыми листьями, съ надписью въ видѣ

гирлянды: «Трудъ и свобода». Издали это походило на огромный слѣдъ кулака, и несчастный умалчивалъ о томъ, что этотъ знакъ, упорно сопротивлявшійся всякимъ втираніямъ и помадамъ, составлялъ отчаяніе всей его театральной жизни, препятствуя ему заворачивать рукава и лишая его, такимъ образомъ, возможности участвовать въ Фенеллѣ, или Геркуланумѣ, гдѣ онъ могъ бы изображать героевъ солнечныхъ странъ и производить эффектъ своими мышцами.

Такъ какъ Лабассендру не удалось вывести своего знака, то онъ носилъ его, выставлялъ на видъ, какъ знамя. «Будь проклятъ, говорилъ онъ:—директоръ нантскаго театра», услышавшій однажды на фабрикѣ голосъ его, когда онъ пѣлъ въ пользу одного раненаго товарища; будь проклята и эта несравненная нота, которой природа одарила его горло. Еслибъ его не совратили съ настоящей дороги, онъ завѣдывалъ бы теперь, какъ его братъ Рудикъ, мастерскими въ Эндрѣ, получая огромное жалованье, квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ и былъ бы обезпеченъ подъ старость лѣтъ рентой.

— Конечно, скромно возражала Шарлотта:—конечно, это очень хорошо, но все же нужно имѣть силу для того, чтобы переносить подобное существованіе. Вы сами говорили, что это—очень трудное, очень тяжелое ремесло.

— Тяжелое, положимъ; но, въ данномъ случаѣ, кажется, нѣчего безпокоиться. Субъектъ, о которомъ идетъ рѣчь, крѣпкаго сложенія.

— Отличнаго сложенія! сказалъ докторъ Гиршъ.—Я отвѣчаю за это.

Ужь если онъ отвѣчалъ за это, то значитъ нѣчего было и разговаривать.

Но Шарлотта попыталась-было, однакоже, сдѣлать еще кой-какія возраженія. По ея мнѣнію, человѣческія натуры не походили одна на другую. Нѣкоторыя были нѣжнѣе, аристократичнѣе и чувствовали отвращеніе отъ извѣстныхъ занятій.

При этихъ словахъ, д'Аржантонъ всталъ, взбѣшонный.

— Всѣ женщины одинаковы! вскричалъ онъ грубо:—вотъ одна, которая проситъ меня заняться этимъ господиномъ, и Господь Богъ видитъ, что это не доставляетъ мнѣ особеннаго удовольствія, потому что субъектъ весьма неинтересный, и, однакожь, я занимаюсь имъ, тревожу для него друзей своихъ, а теперь мнѣ говорятъ, что я лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не вмѣшивался.

— Но я этого вовсе не говорю... сказала Шарлотта, огорченная тѣмъ, что не угодила своему властелину.

— Нѣтъ... Она этого не говоритъ; повторили другіе, и бѣдная женщина, видя, что ее поддерживаютъ, что за нее вступаются, разчувствовалась, какъ прибитый ребенокъ, который тогда только осмѣливается заплакать, когда его защитятъ. Жакъ быстро ушелъ съ террасы. Видѣть, какъ плачетъ его мать, и не схватить за шиворотъ злого человѣка, который мучилъ ее, было выше силъ его.

Въ слѣдующіе дни, уже ничего не говорили. Только ребенку казалось, что онъ замѣчаетъ нѣкоторую перемѣну въ обращеніи съ нимъ матери. Она смотрѣла на него, чаще цаловала его, удерживала при себѣ; въ объятіяхъ и поцалуяхъ ея сказывалась та нѣжность, которую мы чувствуемъ къ существамъ, съ которыми должны скоро разстаться. Все это тѣмъ болѣе тревожило его, что онъ слышалъ, ка̀къ д'Аржантонъ говорилъ Ривальсу съ нехорошей улыбкой:

— О вашемъ ученикѣ заботятся, докторъ. На-дняхъ вы узнаете кое-что̀, и надѣюсь, что останетесь довольны.

Добрый Ривальсъ, возвратясь домой, говорилъ женѣ своей съ радостнымъ видомъ:

— Видишь, ка̀къ хорошо я сдѣлалъ, что открылъ имъ глаза.

Г-жа Ривальсъ покачивала головой.

— Ка̀къ знать? Я не довѣряю этому безжизненному взгляду. Онъ ничего добраго для ребенка не предвѣщаетъ... Если о васъ заботится врагъ, то лучше было бы, чтобъ онъ сидѣлъ сложа руки и ничего не дѣлалъ.

Жакъ былъ того же мнѣнія.

XI.

Жизнь—не романъ.

Однажды утромъ, въ воскресенье, нѣсколько времени спустя послѣ прибытія десятичасоваго поѣзда, который привезъ Лабассендра и цѣлую ватагу неудачниковъ, Жакъ подстерегалъ бѣлку около знаменитой ловушки, когда мать позвала его.

Голосъ выходилъ изъ рабочаго кабинета поэта, изъ этой священной лабораторіи, откуда метались громы негодованія, сыпались разныя внушенія и упреки. Выраженіе ли материнскаго голоса или нервы, столь чуткіе у нѣкоторыхъ существъ, предупредили ребенка, но только онъ сказалъ себѣ: «значитъ, сегодня»... и, дрожа, поднялся на верхъ по винтовой лѣстницѣ.

Десять мѣсяцевъ не былъ онъ въ этомъ святилищѣ. Ему показалось, что оно смотрѣло уже не такъ торжественно. Обои значительно полиняли отъ солнца и закоптѣли отъ табачнаго дыма; алжирскій диванъ былъ прорванъ; дубовый столъ изрѣзанъ въ нѣскольких мѣстахъ; запачканыя чернильницы, притупленныя перья—все говорило, что споры и безцѣльное шатанье неудачниковъ внесли сюда безпорядочность кофейни. Д'Аржантонъ сидѣлъ, по обыкновенію, на своемъ тронѣ, который одинъ, посреди этого разрушенія сохранилъ свое несокрушимое величіе. Лабассендръ и Гиршъ стояли по бокамъ, какъ два служителя правосудія, между тѣмъ какъ праздничные посѣтители, племянникъ Берцеліуса и еще двѣ, три сѣдыя бороды развалились на диванѣ, окруженные облаками табачнаго дыма.

Жакъ, въ одно мгновеніе ока, обозрѣлъ всё: трибуналъ, судью, свидѣтелей и мать свою, стоявшую у открытаго окна и пристально смотрѣвшую вдаль, какъ будто для того, чтобъ уклониться отъ отвѣтственности и отвлечь свое вниманіе отъ того, что̀ будетъ происходить.

— Подойди сюда, мальчикъ, сказалъ поэтъ такимъ жосткимъ, деревяннымъ голосомъ, что можно было подумать, что это говоритъ само кресло временъ Генриха II:—я часто говорилъ тебѣ, продолжалъ онъ:—что жизнь—не романъ. Ты могъ понять это при видѣ моихъ страданій, моей упорной литературной борьбы... въ которой я не щадилъ ни своихъ силъ, ни своего времени. Я могъ уставать порой, но никогда не былъ побѣжденъ; и, несмотря на всѣ невзгоды, снова бросался въ бой. Теперь—очередь за тобой. Изъ ребенка ты сталъ мущиной...

Бѣдному Жаку было только двѣнадцать лѣтъ!

— Ты сталъ мущиной.—И долженъ доказать намъ, что сталъ имъ не только по лѣтамъ и росту, но что въ груди твоей бьется и сердце мущины. Я оставлялъ твой умъ и твои мускулы свободно развиваться посреди природы... нѣкоторые ставили мнѣ въ упрёкъ, что я не занимаюсь тобой... Рутина! Я, напротивъ того, слѣдилъ за тобой, изучалъ тебя, не упускалъ тебя изъ виду ни на шагъ. Благодаря этой долгой, кропотливой работѣ, благодаря, въ особенности, той безошибочной методѣ наблюденія, которой, какъ мнѣ кажется, я обладаю, я достигъ того, что хорошо узналъ тебя, твои инстинкты, твои способности, твой темпераментъ. Я понялъ, въ какомъ смыслѣ нужно дѣйствовать съ наибо̀льшею пользою для тебя, и, представивъ свои соображенія твоей матери, дѣйствовалъ.

На этомъ мѣстѣ своей проповѣди д'Аржантонъ остановился;

и Лабассендръ, и Гиршъ принялись поздравлять его; что̀ же касается племянника Берцеліуса и прочихъ неудачниковъ, молчаливо сосавшихъ свои длинныя трубки, то они только кивали головами, какъ куклы, и повторяли съ комическимъ видомъ: «это такъ, это вѣрно».

Жакъ тщетно усиливался разобрать что̀-нибудь въ этой непонятной фразеологіи, а Шарлотта продолжала смотрѣть въ окно, заслоняя себѣ глаза рукой и стараясь что̀-то различить въ отдаленіи...

— Перейдемъ къ дѣлу, сказалъ вдругъ поэтъ:—письмо, которое ты услышишь, объяснитъ тебѣ всё. Лабассендръ! читай.

Пѣвецъ, съ важнымъ видомъ, какъ аудиторъ въ военномъ судѣ, вынулъ изъ кармана грубо сложенное и запечатанное письмо, не то крестьянское, не то рекрутское, и прочелъ, два-три раза промычавъ предварительно свое обычное ба-а-а.

«Плавильня, въ Эндрѣ (Нижняя Луара). Любезный братъ! Согласно тому, какъ я писалъ тебѣ недавно, я имѣлъ разговоръ съ директоромъ о молодомъ человѣкѣ твоего пріятеля; хотя этотъ молодой человѣкъ еще очень молодъ и находится не въ тѣхъ условіяхъ, которыя требуются отъ ученика, но директоръ позволилъ мнѣ принять его ученикомъ. Онъ будетъ жить и обѣдать у насъ; и я обѣщаю тебѣ сдѣлать изъ него, въ четыре года, хорошаго работника. У насъ всѣ здоровы. Жена и Зинаида кланяются тебѣ. Племянникъ и я тоже.

Рудикъ».

— Слышишь ли, Жакъ? сказалъ д'Аржантонъ, восторженно:— черезъ четыре года, ты будешь хорошимъ работникомъ, т. е. тѣмъ, что̀ есть самаго прекраснаго и гордаго въ этомъ мірѣ рабства! Черезъ четыре года, ты будешь святой вещью, называющейся: «хорошій работникъ».

Жакъ очень хорошо слышалъ: «работникъ», но несовсѣмъ понималъ это и старался объяснить себѣ: въ Парижѣ мальчикъ иногда видѣлъ рабочихъ; въ переулкѣ Двѣнадцати Домовъ жило ихъ нѣсколько; и около самой гимназіи находилась фабрика маяковъ, откуда ежедневно, около шести часовъ, выходила толпа людей, въ блузахъ, залитыхъ масломъ; съ черными, загрубѣлыми, обезображенными работой руками.

Мысль, что онъ будетъ носить блузу, прежде всего поразила его. Онъ вспомнилъ, какимъ презрительнымъ тономъ его мать говорила бывало: «это—рабочіе, блузники», и ка̀къ боялась, при встрѣчѣ съ ними, на улицѣ, чтобъ они не запачкали своими блузами ея платья. Прекрасныя фразы Лабассендра о на-

значенiи и влiянiи работника въ XIX вѣкѣ, правда, противорѣчили этимъ смутнымъ воспоминанiямъ или смягчали ихъ въ умѣ его.

Но всего яснѣй понималъ онъ, что придется уѣхать, оставить лѣсъ, зеленыя вершины котораго онъ видѣлъ отсюда; домъ Ривальсовъ и, наконецъ, свою мать, такъ горячо имъ любимую и съ которой соединиться опять, стòило ему столькихъ усилiй.

Но чтò же это съ ней? Зачѣмъ она все стоитъ у этого окна, не обращая вниманiя на то, чтò говорится вокругъ нея? Она вся дрожитъ, и рука, которую она держитъ надъ глазами, опускается какъ бы для того, чтобы скрыть слезы. Вѣроятно, она увидѣла чтò-нибудь очень грустное тамъ, въ поляхъ, на горизонтѣ, гдѣ исчезаютъ дни, уносящiе съ собой столько мечтанiй, иллюзiй, нѣжности, страсти...

— Значитъ, я долженъ буду уѣхать отсюда?... спросилъ ребенокъ глухимъ голосомъ, почти машинально. При этомъ наивномъ вопросѣ, члены судилища переглянулись съ улыбкой сожалѣнiя. Но у окна послышалось рыданiе.

— Мы уѣдемъ черезъ недѣлю, дружище,отрѣзалъ Лабассендръ:— я давно ужь не видѣлъ своего брата. Это, кстати, доставитъ мнѣ случай погрѣться у огня моей старой кузницы!

Д'Аржантонъ, не терявшiй изъ виду той, которая плакала, стоя у окна, и сильно хмурившiй брови, сказалъ ребенку:

— Ты можешь идти, Жакъ, и готовиться къ отъѣзду черезъ недѣлю.

Жакъ сошелъ съ лѣстницы, ошеломленный, озадаченный, повторяя самъ себѣ: «черезъ недѣлю, черезъ недѣлю!» Дверь на улицу была отворена, и онъ, какъ былъ, съ открытой головой, побѣжалъ черезъ Этiоль къ друзьямъ своимъ. Встрѣтивъ доктора, выходившаго изъ дома, онъ разсказалъ ему въ двухъ словахъ обо всемъ, чтò произошло. Ривальсъ пришелъ въ негодованiе.

— Кàкъ? Они хотятъ сдѣлать изъ тебя работника? Такъ это-то они называютъ позаботиться о твоемъ будущемъ. Подожди, подожди; я самъ поговорю съ нимъ, съ твоимъ отчимомъ.

Крестьяне, видѣвшiе, кàкъ они проходили деревней—докторъ громко разговаривая и жестикулируя; маленькiй Жакъ, безъ шляпы, и задыхаясь отъ скорой ходьбы—говорили между собой: «кто-нибудь занемогъ въ Ольховкѣ».

Но тамъ не было больныхъ. Когда явился докторъ, общество садилось уже за столъ; всѣ смотрѣли весело, и даже слышно было, какъ Шарлотта, спускаясь съ лѣстницы, чтò-то напѣвала.

— Мнѣ нужно сказать вамъ двà слова, г. д'Аржантонъ, произнесъ докторъ.

Губы его дрожали. Поэтъ, крутя свои большіе усы, отвѣчалъ:

— Прежде всего, садитесь, докторъ; вамъ подадутъ приборъ и вы мнѣ скажете свои два слова за завтракомъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не голоденъ. И, притомъ, я желалъ бы поговорить съ вами и съ г-жей д'Аржантонъ (онъ поклонился входившей Шарлоттѣ) безъ свидѣтелей.

— Я угадываю, что̀ привело васъ, сказалъ д'Аржантонъ, неимѣвшій ни малѣйшей охоты объясняться наединѣ съ докторомъ.—Дѣло идетъ о мальчикѣ, не правда ли?

— О немъ, дѣйствительно.

— Въ такомъ случаѣ, вы можете говорить. Эти господа знаютъ все; я привыкъ дѣйствовать честно и безкорыстно, а потому не боюсь свѣта.

— Но, другъ мой... вмѣшалась-было Шарлотта, которую это объясненіе ужасало по многимъ причинамъ.

— Вы можете говорить, докторъ, сказалъ холодно д'Аржантонъ.

Тотъ, стоя на противоположномъ концѣ стола, началъ:

— Жакъ сейчасъ сообщилъ мнѣ, что вы намѣрены отправить его въ Эндре учиться кузнечному ремеслу. Неужели вы говорили это серьёзно...

— Совершенно серьёзно, любезный докторъ.

— Смотрите... продолжалъ Ривальсъ, сдерживаясь:—ребенокъ этотъ не былъ воспитанъ для такого суроваго ремесла. Вы рискуете его жизнью, его здоровьемъ, бросая его, въ періодъ полнаго роста, въ новую сферу. Онъ недовольно силенъ...

— Позвольте, любезный собратъ, прервалъ докторъ Гиршъ.

Ривальсъ пожалъ плечами и, даже не взглянувъ на него, продолжалъ.

— Я вамъ говорю, сударыня (онъ обращался преимущественно къ Шарлоттѣ, которую это воззваніе къ ея подавленнымъ чувствамъ приводило въ большое смущеніе).—Вашъ ребенокъ не вынесетъ такого существованія. Вы его хорошо знаете; вы—мать. Вы знаете, какой онъ слабенькій, нѣжный. Онъ безсиленъ противъ усталости. А я говорю здѣсь только о физическихъ трудностяхъ. Но неужели вы думаете, что ребенокъ, такъ щедро одаренный отъ природы, умъ котораго достаточно приготовленъ къ воспринятію всякихъ знаній, не будетъ испытывать тысячи мукъ посреди этого умственнаго застоя, этого насильственнаго сна всѣхъ интеллектуальныхъ способностей, на который вы его обрекаете?

— Вы ошибаетесь, докторъ, сказалъ д'Аржантонъ, начинавшій раздражаться:—я знаю этого мальчика лучше, чѣмъ кто-нибудь. Я занимался съ нимъ. Онъ годенъ только къ ручной работѣ. Вотъ гдѣ его призваніе. И, когда я даю ему средства къ развитію этой способности, даю возможность научиться превосходному ремеслу, вмѣсто того, чтобы благодарить меня, онъ бѣжитъ жаловаться на меня своимъ покровителямъ, чужимъ людямъ...

Жакъ хотѣлъ-было протестовать, но докторъ избавилъ его отъ этого труда.

— Онъ не жаловался мнѣ; онъ только сообщилъ мнѣ о вашемъ рѣшеніи. И я сказалъ ему то, что̀ повторяю теперь при васъ: Жакъ, другъ мой, не соглашайся; бросься на шею твоимъ роднымъ, умоляй ихъ, умоляй твою мать, которая тебя любитъ, твоего отчима, который изъ любви къ ней долженъ любить тебя; спроси ихъ, что̀ ты такое сдѣлалъ, въ чемъ вина твоя, за что̀ они хотятъ унизить тебя?

— Докторъ! вскричалъ Лабассендръ, ударивъ кулакомъ по столу, такъ что все на немъ задрожало: — рабочія орудія не унижаютъ человѣка; они облагораживаютъ его. Они возродятъ міръ. Спаситель десяти лѣтъ владѣлъ стругомъ...

— Вѣдь, это, однакожь—правда, вымолвила вполголоса Шарлотта, воображенію которой въ эти минуты представился ея Джэкъ, одѣтый отрокомъ-Христомъ, съ маленькимъ стругомъ въ рукахъ и участвующій въ какой-нибудь праздничной церковной процессіи...

— Да не слушайте вы этихъ фразъ, вскричалъ докторъ въ отчаяніи:—сдѣлать изъ вашего сына работника значитъ удалить его навсегда отъ васъ. Пошлите его хоть на край свѣта, вы, все-таки, будете ближе къ нему умомъ и сердцемъ, потому что у васъ останутся еще эти средства къ сближенію, допускаемыя разстояніемъ, но которыя соціальными различіями уничтожаются навсегда. Вы увидите, вы увидите. Настанетъ день, когда вы будете стыдиться его, когда вы найдете, что руки его жостки, рѣчь груба, чувства противоположны вашимъ, когда онъ будетъ стоять передъ вами, своей матерью, какъ передъ чужой, которая, по общественному положенію, выше его, чувствуя себя униженнымъ, оскорбленнымъ...

Жакъ, который не говорилъ до сихъ поръ ни слова и только внимательно слушалъ, забившись въ уголъ, былъ такъ пораженъ этой мыслью о возможности охлажденія между нимъ и его матерью, что выступилъ вдругъ впередъ и твердымъ голосомъ произнесъ:

— Я не хочу быть работникомъ.

— О! Жакъ... прошептала Шарлотта, изнемогая.

Тогда заговорилъ д'Аржантонъ.

— А! Въ самомъ дѣлѣ? Такъ ты не хочешь быть работникомъ? А ѣсть ты хочешь? Не правда ли? Одѣваться, спать, гулять хочешь? Ну, такъ я тебѣ объявляю, что не стану больше терпѣть тебя здѣсь, маленькій паразитъ. Довольно съ меня. Если ты не желаешь работать, то я отъ тебя отступаюсь.

Онъ вдругъ остановился и, перейдя отъ безумнаго гнѣва къ своей обычной холодности, прибавилъ:

— Ступай къ себѣ въ комнату. Я подумаю, что̀ мнѣ остается дѣлать...

— Я вамъ скажу, любезный д'Аржантонъ, что̀ вамъ остается дѣлать...

Но Жакъ уже не слышалъ окончанія фразы Ривальса. Онъ былъ въ своей комнатѣ. До него долеталъ снизу смутный шумъ голосовъ, въ которомъ трудно было разобрать что̀-нибудь, потому что всѣ говорили вмѣстѣ, и только изрѣдка удавалось ему уловить всплывавшіе клочки фразъ:

— Вы лжете!

— Господа, господа...

— Жизнь—не романъ!

Наконецъ, громовой голосъ Ривальса раздался на крыльцѣ...

— Я позволю себя повѣсить, если когда-нибудь нога моя будетъ въ этомъ домѣ.

Потомъ дверь съ шумомъ захлопнулась, и въ столовой водворилось молчаніе, прерываемое стукомъ ножей и вилокъ, дѣятельно работавшихъ. Общество принялось завтракать.

«Вы хотите его унизить». Эта фраза осталась въ памяти ребенка, и онъ чувствовалъ, что таково было, дѣйствительно, намѣреніе его врага.

— Такъ нѣтъ же, тысячу разъ нѣтъ! Я не хочу быть работникомъ.

Дверь отворилась, вошла его мать. Она много плакала, настоящими слезами, тѣми слезами, которыя оставляютъ на лицѣ морщины. Въ первый разъ, въ этой женщинѣ съ хорошенькимъ личикомъ явилась мать, страдающая, измученная.

— Послушай, Жакъ, сказала она, стараясь быть строгой:—я должна серьёзно поговорить съ тобой. Ты очень огорчаешь меня, открыто сопротивляясь истиннымъ друзьямъ твоимъ и отказываясь отъ положенія, которое они тебѣ предлагаютъ. Я знаю, что это новое существованіе...

Говоря, она избѣгала этого дѣтскаго взгляда, укоряющаго, исполненнаго такой глубокой печали, что она не въ силахъ была бы устоять противъ него.

....Что это новое существованіе, ожидавшее тебя, повидимому, совершенно противорѣчитъ той жизни, которую ты велъ до сихъ поръ; я сама сначала была испугана... Но, вѣдь, ты слышалъ, что̀ тебѣ говорили? Положеніе рабочихъ теперь уже не то, какое было прежде.. Совсѣмъ, совсѣмъ не то. Ты знаешь, что теперь пришла очередь работника... Буржуазія отжила свое время. Дворянство также... хотя, конечно, дворянство, все-таки... И наконецъ, въ твои лѣта всего лучше положиться на людей опытныхъ, которые тебя любятъ...

Рыданія ребенка прервали слова ея.

— И ты, и ты тоже выгоняешь меня!

На этотъ разъ, мать не выдержала. Она порывисто, страстно обняла его.

— Я?.. Я тебя выгоняю? И ты это думаешь? Развѣ это возможно? Полно же, полно, не дрожи, не огорчайся такъ... Ты знаешь, ка̀къ я тебя люблю... И, еслибъ все зависѣло отъ меня, я никогда бы съ тобой не разсталась. Но надо быть разсудительнымъ и подумать о будущемъ... Увы! наше будущее очень мрачно.

И она пыталась объяснить Жаку, съ разными недомолвками и колебаніями, свое положеніе...

— Вотъ видишь ли, мой голубчикъ, ты еще малъ... Есть вещи, которыхъ ты еще не можешь понять... Впослѣдствіи, когда выростешь, я тебѣ открою тайну твоего рожденія... Это—цѣлый романъ, мой другъ... Я тебѣ скажу имя твоего отца; ты узнаешь, ка̀къ мы съ тобой сдѣлались жертвами роковыхъ обстоятельствъ... Но пока, ты долженъ узнать... долженъ понять, что у насъ съ тобой нѣтъ ничего своего, бѣдное дитя мое! что мы вполнѣ зависимъ отъ... отъ *него*. Ка̀къ я могу сопротивляться твоему отъѣзду, когда я знаю, что *онъ* отправляетъ тебя, для твоей же пользы. Я не могу ничего просить у него... Онъ и такъ много сдѣлалъ для насъ; да и самъ онъ не очень богатъ... Эта артистическая карьера поглощаетъ у него такъ много денегъ. Онъ не въ состояніи былъ бы платить за твое воспитаніе. Надо же на что̀-нибудь рѣшиться... О, еслибъ я могла поѣхать вмѣсто тебя въ этотъ Эндре! Подумай, что вѣдь у тебя будетъ ремесло. Развѣ ты самъ не желалъ бы жить независимо, ни въ комъ не нуждаться... имѣть свой собственный кусокъ хлѣба?

Въ глазахъ мальчика вспыхнулъ огонь; она поняла, что задѣ-

ла его за живое; и нѣжнымъ, ласковымъ, проникающимъ въ душу голосомъ, какой бываетъ только у матерей, продолжала:

— Сдѣлай это для меня, мой Жакъ. Постарайся поскорѣй добывать себѣ хлѣбъ. Кàкъ знать... Можетъ быть, мнѣ самой придется когда-нибудь прибѣгнуть къ тебѣ, какъ къ единственному другу, къ единственной опорѣ въ жизни.

Искренно ли она говорила? Было ли это предчувствіе, одно изъ тѣхъ откровеній, обнажающихъ передъ вами до дна всю вашу судьбу, все ваше неудавшееся существованіе, или она просто увлечена была вихремъ фразъ, порывомъ сантиментальности? Но, кàкъ бы то ни было, ничего лучшаго нельзя было придумать для того, чтобы побѣдить это маленькое великодушное сердце. Эффектъ былъ мгновенный. Мысль, что мать можетъ нуждаться въ немъ, что онъ будетъ помогать ей, тотчасъ же заставила его рѣшиться. Онъ посмотрѣлъ ей прямо въ глаза.

— Поклянись мнѣ, что ты всегда будешь любить меня, что ты не будешь меня стыдиться, когда у меня будутъ черныя руки?

— Буду ли я любить тебя, мой Жакъ!

Вмѣсто всякаго отвѣта, она осыпàла его ласками, скрывая подъ страстными поцѣлуями свое смущеніе, упрёки совѣсти; потому что съ этой минуты совѣсть не переставала упрекать несчастную женщину всю жизнь ея; и никогда не могла она вспомнить о сынѣ, не почувствовавъ ударъ ножа въ сердце. Но онъ, словно понимая сколько подъ этими ласками таілось стыда, непостоянства и страха, вырвался изъ ея объятій и побѣжалъ внизъ.

— Пойдемъ, пойдемъ, мамаша; я хочу сказать ему, что я согласенъ.

Неудачники еще сидѣли за столомъ. Всѣ были поражены серьёзнымъ и рѣшительнымъ видомъ вошедшаго Жака:

— Простите меня, сказалъ онъ д'Аржантону:—я былъ неправъ, отказавшись сей часъ отъ того, что̀ вы мнѣ предлагали. Я принимаю и благодарю васъ.

— Это хорошо, мальчикъ, произнесъ поэтъ торжественно:—я не сомнѣвался, что размышленіе должно было побѣдить твое упрямство. Я радъ, что ты признаешь искренность и прямоту моихъ намѣреній. Благодари нашего друга Лабассендра. Ты обязанъ ему этимъ счастьемъ; онъ отворяетъ передъ тобой настежъ двери будущаго.

Пѣвецъ протянулъ свою огромную руку, въ которой рука Жака совсѣмъ исчезла.

— По рукамъ, старина! сказалъ онъ и съ этой минуты не иначе говорилъ съ Жакомъ, какъ тѣмъ фамильярнымъ и грубоватымъ тономъ, какимъ говорятъ между собой рабочіе.

Въ эту послѣднюю недѣлю, Жакъ только и дѣлалъ, что бродилъ по лѣсамъ и дорогамъ. Онъ посѣтилъ всѣ свои любимые уголки. Но его глубоко огорчало, что онъ не можетъ проститься съ Ривальсами. На всѣ мольбы его мать повторяла, что, послѣ той сцены, которая произошла у нихъ, это было неловко.

Наконецъ, наканунѣ отъѣзда, торжествующій д'Аржантонъ, согласился отпустить мальчика къ его друзьямъ. Онъ пришелъ къ нимъ вечеромъ. Никого въ сѣняхъ; никого въ аптекѣ; занавѣски спущены. Только въ библіотекѣ былъ свѣтъ; библіотекой назывался огромный чердакъ, заваленный лексиконами, атласами, медицинскими сочиненіями—большими томами, съ красными корешками. Докторъ находился тутъ, укладывая книги въ ящикъ.

— А! вотъ и ты, сказалъ онъ ребенку:—я былъ увѣренъ, что ты уѣдешь, не простившись со мной. Они тебя не пускали, а? Это—немножко моя вина. Я погорячился. Жена ужъ бранила меня. Кстати, ты знаешь, что она вчера уѣхала съ дѣвочкой. Я ихъ послалъ въ Пиренеи провести мѣсяцъ у сестры моей. Сесиль захворала. Я имѣлъ глупость, не приготовивъ ее, брякнуть ей прямо, что ты уѣзжаешь. Ахъ! эти дѣти... думаешь, что они не чувствуютъ иныхъ вещей... а вдругъ окажется, что ихъ горе еще сильнѣе нашего...

Онъ говорилъ съ Жакомъ, какъ съ взрослымъ. Всѣ говорили теперь съ нимъ, какъ съ взрослымъ. Но этотъ взрослый, при мысли, что его маленькая подруга занемогла изъ-за него и что онъ больше не увидитъ ея, готовъ былъ расплакаться, какъ ребенокъ.

Онъ смотрѣлъ на книги, разбросанныя по полу, на эту унылую комнату, плохо освѣщенную свѣчей, стоявшей на столѣ, рядомъ съ грогомъ и бутылкой водки. Докторъ, пользуясь отсутствіемъ жены, возвратился къ своимъ морскимъ привычкамъ, а потому глаза его блестѣли и онъ съ какой-то особенной живостью перебиралъ книги, сдувая съ нихъ пыль и откладывая нѣкоторыя въ ящикъ.

— Знаешь ли, что̀ я дѣлаю?

— Нѣтъ, г. Ривальсъ.

— Выбираю для тебя книги, хорошія, старыя книги, которыя ты увезешь съ собой и будешь читать. Слышишь! читай непремѣнно, какъ только выдастся свободная минута. Запомни, дитя

мое, что истинные друзья—это книги. Къ нимъ можно обращаться во всѣ трудныя минуты жизни... Они никогда не измѣнятъ. Еслибъ не мои книги, при томъ несчастіи, которое надо мной обрушилось, меня бы давно не было. Взгляни-ка на этотъ ящикъ. Тутъ ихъ порядочная кипа! а? Я не поручусь, что ты всѣ ихъ поймешь теперь. Но это ничего. Все-таки, нужно читать ихъ. Даже тѣ, которыя ты не поймешь, оставятъ кое-что̀ въ умѣ твоемъ. Обѣщай мнѣ, что ты будешь читать ихъ.

— Обѣщаю, г. Ривальсъ.

— Вотъ и готово. Можешь ли ты унести съ собой ящикъ? Нѣтъ; слишкомъ тяжело. Я тебѣ завтра пришлю. Ну, подойди ко мнѣ, я прощусь съ тобой.

И добрякъ, взявъ его за голову своими широкими руками, два или три раза крѣпко поцаловалъ его.

— Это я за себя и за Сесиль, прибавилъ онъ съ своей доброй улыбкой. Уходя, мальчикъ слышалъ, ка̀къ докторъ, затворивъ за нимъ дверь, произнесъ тихо: — бѣдный, бѣдный ребенокъ!

То же самое, что̀ и въ Вожирарѣ, у отцовъ! Но только теперь Жакъ зналъ, почему о немъ сожалѣютъ.

На другой день, по случаю отъѣзда, въ Ольховкѣ было большое движеніе. Носили и укладывали вещи въ тележку, стоявшую у крыльца. Лабассендръ, въ какомъ-то необычайномъ костюмѣ, словно онъ отправлялся въ экспедицію въ пампасы, въ высокихъ штиблетахъ, въ зеленой бархатной курткѣ, въ сомбрѐро, съ кожанной дорожной сумкой черезъ плечо, ходилъ туда и сюда, пробуя свою ноту. Поэтъ былъ важенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостенъ; важенъ, потому что сознавалъ себя исполняющимъ гуманитарную, соціальную обязанность; радостенъ, потому что этотъ отъѣздъ доставлялъ ему большое удовольствіе. Шарлотта цаловала Жака, цаловала опять, смотрѣла, все ли ему положили.

— Вы позаботитесь о немъ, г. Лабассендръ?

— Какъ о своей нотѣ, сударыня.

— Жакъ!

— Мамаша!

Они обнялись въ послѣдній разъ. Ребенокъ сдерживалъ свое волненіе. Мысль, что онъ будетъ работать для матери, придавала ему силъ. Выѣхавъ на дорогу, онъ обернулся, чтобы еще разъ взглянуть на лѣсъ, на домъ, на женское лицо, улыбавшееся ему сквозь слезы, и унести все это въ глубинѣ своего взгляда...

— Пиши намъ чаще, Жакъ! кричала мать.

— Жакъ! помни, жизнь—не романъ! торжественно воскликнулъ поэтъ.

Жизнь—не романъ; но для этого негодяя, однакожь, она была романомъ, и, чтобъ удостовѣриться въ томъ, стоило только посмотрѣть на него, когда онъ стоялъ на порогѣ своего маленькаго дома, съ латинскимъ девизомъ, опираясь на Шарлотту, посреди розовыхъ кустовъ, окружавшихъ фасадъ, въ изысканной позѣ, какъ литографированная виньетка на нотахъ романса, и до такой степени сіялъ радостью вслѣдствіе удовлетвореннаго эгоизма, что, позабывъ даже свою ненависть, посылалъ рукой прощальный привѣтъ и отеческое благословеніе ребенку, котораго выгналъ изъ дому.

А. П.

КОНЕЦЪ 1-Й ЧАСТИ.

БОРЬБА ЗА ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ.

СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

IV.

СЕМЬЯ.

(*Окончаніе*).

«Нравственное самообузданіе» Мальтуса.—Объясненіе Лекки. — «Дисгармоническіе періоды» г. Мечникова.—Избытокъ любви.—Творческое начало семьи и ея смерть, какъ организма.—Несоразмѣрность потребностей съ условіями удовлетворенія. — Вольница и подвижники. — Гетеры и іогины. — Антагонизмъ индивидуальности и генезиса.—Заключеніе.

Безъ малаго восемдесять лѣтъ тому назадъ, появилось первое изданіе знаменитаго трактата Мальтуса о народонаселеніи, и во всѣ эти восемдесять лѣтъ, можно сказать, не умолкали ожесточеннѣйшіе споры за и противъ теоріи. Очень хорошо понимая, какимъ нетерпѣніемъ готовъ встрѣтить иной читатель новыя разсужденія на эту старую тэму, спѣшу предупредить, что здѣсь у насъ не будетъ рѣчи о теоріи Мальтуса по существу. Если мы и придемъ въ концѣ главы къ нѣкоторымъ результатамъ, освѣщающимъ самыя основанія теоріи, то они будутъ получены попутно. Не въ нихъ пока наша цѣль.

Въ такъ-называемой теоріи Мальтуса слѣдуетъ различать двѣ стороны: теоретическую и практическую. Первая утверждаетъ только, что, при данныхъ условіяхъ, населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ средства пропитанія. Какъ ни грубо выразилъ первоначально этотъ фактъ Мальтусъ, но это—фактъ несомнѣнный, и всѣ возраженія противъ него порождены недоразумѣнія-

ми. Возраженія получаютъ силу только съ того момента, какъ ими отрицается неизбѣжный, роковой характеръ разъясненнаго Мальтусомъ несоотвѣтствія. Если признать несоотвѣтствіе роста размноженія съ ростомъ средствъ пропитанія фатальнымъ, роковымъ, то тѣмъ самымъ, разумѣется, устраняется всякая почва для какого бы то ни было практическаго рѣшенія: выхода нѣтъ. Такъ именно и поставленъ былъ вопросъ въ первомъ изданіи «Опыта» Мальтуса. Но затѣмъ онъ ввелъ «нравственное самообузданіе», какъ панацею противъ изображенныхъ имъ золъ. Перебравъ «различныя системы, предложенныя или принятыя обществомъ противъ бѣдствій, порождаемыхъ закономъ народонаселенія», Мальтусъ приходитъ къ заключенію, что всѣ они радикально неудовлетворительны и что вся надежда должна быть возложена на самообузданіе. Панацея эта была встрѣчена возгласами негодованія и упреками въ лицемѣріи, въ двусмысленности. И надо сказать правду, что въ этихъ упрекахъ было и остается, несмотря на разныя недоразумѣнія, много вѣрнаго. Былъ ли Мальтусъ врагъ народа, котораго одна французская пѣсня сороковыхъ годовъ справедливо попрекала:

Qu'attendez vous, enfants du prolétaire,
Quand vous n'avez ni travail, ni crédit?
Celui qui chôme est de trop sur la terre,
Allez vous en, les malthusiens l'ont dit,

или онъ, напротивъ, былъ, какъ говорятъ его послѣдователи, лучшій другъ рабочаго люда, доброжелательно рекомендовавшій ему воздержаніе отъ любви—это было бы намъ, пожалуй, все равно. Но что̀ собственно значитъ «нравственное самообузданіе»? Прямаго, откровеннаго отвѣта на этотъ вопросъ вы не найдете ни у самого Мальтуса, ни у Милля, который именно по этому поводу замѣтилъ, что «общественныя болѣзни, подобно физическимъ, не могутъ быть предупреждаемы или излечиваемы, если не говорить о нихъ прямо и ясно» («Основанія политич. экон.», кн. II, гл. XIII), ни у Гарнье, который посвятилъ цѣлый трактатъ спеціально разъясненію недоразумѣній, порожденныхъ теоріей Мальтуса. Прочитавъ труды столповъ теоріи съ полнымъ вниманіемъ и безъ всякаго предубѣжденія, вы, все-таки, не знаете: дѣйствительно ли они предлагаютъ извѣстной части населенія обратиться въ аскетовъ? вѣрятъ ли они сами въ возможность такого превращенія? или они желали бы видѣть какія-нибудь искуственныя ограниченія количества рождающихся дѣтей? или, наконецъ, что̀-нибудь въ общественныхъ учрежденіяхъ должно служить резервуаромъ, куда отведется избытокъ естественной потребности любви? Потому что не надо забывать

этой стороны дѣла: при наличныхъ условіяхъ, существуетъ избытокъ любви. Когда людямъ предлагаютъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, просто взять да и заморить одну изъ элементарнѣйшихъ и сильнѣйшихъ потребностей, то невольно должно придти въ голову, что предлагающій либо лицемѣритъ, либо держитъ за пазухой какой-нибудь камень двусмысленности. Правда, столпы теоріи съ негодованіемъ отвергаютъ «безболѣзненное удушеніе» новорожденныхъ, кастрацію и тому подобныя мѣры, предложенныя Маркусомъ, Вейнгольдомъ и другими эксцентриками мальтузіанской идеи. Но отъ такого отрицанія еще далеко до положительнаго разъясненія двусмысленнаго термина «нравственное самообузданіе». Я приведу только два примѣра того, какъ путаются и увертываются столпы теоріи.

Въ своемъ сочиненіи «Du principe de population» (P. 1857) Іосифъ Гарнье, относительно одного изъ враговъ теоріи — Прудона, замѣчаетъ, что, несмотря, дескать, на неосновательность этого писателя, въ сочиненіяхъ его есть страницы, подъ которыми обѣими руками подписался бы самый завзятый мальтузіанецъ. Онъ ссылается при этомъ на Дю-Пюйнода, который также укоряетъ Прудона въ томъ, что онъ, будучи, собственно говоря, самъ чуть что не мальтузіанецъ, громитъ Мальтуса и его школу. И похвалы Гарнье, и упреки Дю-Пюйнода представляютъ результатъ просто путаницы понятій и неясности собственныхъ взглядовъ. Прудонъ полагалъ, что способность дѣторожденія и самая любовь должны ослабѣть подъ вліяніемъ извѣстныхъ измѣненій общественнаго строя; что воздержность въ половыхъ сношеніяхъ явится, при иныхъ экономическихъ условіяхъ, сама собой, какъ результатъ равновѣсія личныхъ и общественныхъ силъ. Между тѣмъ, Мальтусъ посвятилъ много страницъ своего труда на доказательство, что никакіе общественные порядки не въ силахъ предотвратить пагубныя послѣдствія «закона народонаселенія». Мало того: онъ доказываетъ, что «системы равенства» (такъ Мальтусъ называлъ современныя ему доктрины Годвина, Валласа, Кондорсе, Оуена), обезпечивая каждому возможность безбѣднаго существованія, тѣмъ самымъ дали бы, еслибы могли осуществиться, только новый толчокъ размноженію. Ясно, что Прудонъ и Мальтусъ—антиподы. Одинъ топчетъ свойства человѣческой природы, рекомендуя немедленно приступить къ самообузданію; другой ждетъ равновѣсія силъ въ будущемъ, какъ результата извѣстнымъ образомъ направленной исторіи, притомъ, такимъ именно образомъ, который въ глазахъ перваго есть нелѣпость. Если же Гарнье, Дю-Пюйнодъ, Молинари утверждаютъ, что это—одно и то же, то, конечно, только по-

тому, что либо сами не понимаютъ, чего они хотятъ, либо умышленно напускаютъ туману.

Иначе нельзя характеризовать и поведенiе самого Мальтуса. Знаменитая четвертая книга «Опыта», въ которой трактуется о нравственномъ самообузданiи, поражаетъ своей запутанностью и противорѣчiями. Напримѣръ: «Страсть эта (любовь), если смотрѣть на нее съ самой широкой точки зрѣнiя, присоединяя къ ней любовь родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ, безъ сомнѣнiя, есть одно изъ могущественнѣйшихъ условiй для счастiя. Тѣмъ не менѣе, намъ хорошо извѣстно изъ опыта, что эта же самая страсть становится источникомъ бѣдствiй, если она дурно направляется. *Правда, что въ итогѣ эти бѣдствiя ничтожны, сравнительно съ благотворнымъ дѣйствiемъ добродѣтельной любви;* но сами по себѣ, они, несомнѣнно, весьма значительны. Образъ дѣйствiя въ этомъ отношенiи правительствъ и даже налагаемыя ими наказанiя говорятъ, что страсть, о которой идетъ рѣчь, не вызываетъ такихъ страшныхъ бѣдствiй или, по крайней мѣрѣ, не причиняетъ такого непосредственнаго вреда обществу, какъ нарушенiе права собственности, какъ противозаконное удовлетворенiе желанiя обладать тѣмъ, что̀ принадлежитъ другому. Тѣмъ не менѣе, когда, при изслѣдованiи этой страсти, представишь себѣ важныя слѣдствiя необузданнаго ея проявленiя, то невольно чувствуешь себя готовымъ на большiя жертвы, чтобы уменьшить ея силу или даже совсѣмъ заглушить. *Но это значило бы или отнять у человѣческой жизни всю прелесть и сдѣлать ее безцвѣтной, или отдать ее на произволъ дикаго и неукротимаго звѣрства*». Итакъ, бѣдствiя, причиняемыя любовью, ничтожны сравнительно съ ея благотворнымъ значенiемъ; лишить ея людей значитъ обезцвѣтить ихъ жизнь или обратить ихъ въ звѣрей. И, однако, нравственное самообузданiе, все-таки, рекомендуется. Точно также Мальтусъ вполнѣ понимаетъ всю непобѣдимую силу половаго влеченiя и ставитъ его, по общности и могуществу, непосредственно вслѣдъ за голодомъ и, тѣмъ не менѣе, повторяетъ свой припѣвъ обузданiя. Онъ представляетъ себѣ дѣло такъ, что женщины должны выходить замужъ лѣтъ 28—30, а слѣдовательно, супружескiй возрастъ мужчины отводится годамъ къ 40. Онъ настаиваетъ на томъ, что воздержанiе до этого возраста должно быть строго-нравственнымъ, т. е. не формальнымъ только, а дѣйствительнымъ цѣломудрiемъ, и рисуетъ идиллическую картину общества, въ которомъ практикуются такiе нравы: молодые люди находятся до брачнаго возраста въ близкихъ, но вполнѣ цѣломудренныхъ отношенiяхъ, имѣютъ возможность коротко узнать другъ друга

и затѣмъ не тяготиться уже дѣтьми, происходящими отъ ихъ позднягo союза. Идиллію эту онъ развиваетъ такъ далеко, что предсказываетъ даже въ концѣ раскрываемой имъ перспективы исчезновеніе войны. Конечно, онъ долженъ былъ очень хорошо понимать, что все это—пустяки. Какой же, въ самомъ дѣлѣ, серьёзный человѣкъ можетъ думать, что воздержаніе до 40-лѣтняго возраста возможно, какъ общее правило. Возраженіе это до такой степени настойчиво вызывается теоріей, что Мальтусъ не могъ его не предвидѣть, и отвѣтилъ такъ: «Если кто-либо предлагаетъ кодексъ нравственности или полную теорію нашихъ обязанностей, то это вовсе не доказываетъ, чтобы онъ обольщалъ себя безумной надеждой, ка̀къ бы онъ ни былъ убѣжденъ въ неизмѣнной необходимости для людей подчиненія его законамъ, что послѣдніе будутъ исполняться всѣми или даже бо̀льшею частью людей». Зачѣмъ же было огородъ городить? Но этого мало: Мальтусу очень хорошо извѣстно, что даже, въ томъ случаѣ, если его огородъ гороженъ не напрасно, изъ его проекта не можетъ выдти ничего, кромѣ изуродованія человѣческой жизни.

Всѣ эти противорѣчія, недомолвки, двусмысленности объясняются очень просто, если вспомнить исторію происхожденія теоріи Мальтуса. Русскій переводъ «Опыта о законѣ народонаселенія» оканчивается словами: «Практическая цѣль, которую, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду авторъ, какія бы ошибки ни сдѣланы были имъ, состояла въ улучшеніи положенія и въ увеличеніи счастія низшихъ классовъ общества». Въ позднѣйшихъ изданіяхъ Мальтусъ дѣйствительно много говорилъ на эту тэму, но совсѣмъ не такова была его первоначальная цѣль. Извѣстно, что онъ хотѣлъ только противопоставить законъ народонаселенія демократическимъ и революціоннымъ идеямъ, нахлынувшимъ въ его время изъ Франціи во всю Европу; онъ хотѣлъ доказать, что никакія политическія и соціальныя реформы не въ силахъ уничтожить бѣдствія значительнѣйшей части человѣчества, которыя являются, такимъ образомъ, зломъ неизбѣжнымъ, роковымъ, установленнымъ Провидѣніемъ. Во второмъ изданіи онъ много смягчилъ свои положенія и выводы и, кромѣ того, ввелъ панацею самообузданія. Любопытны слѣдующія его слова̀ въ предисловіи ко второму изданію: «Что̀ же касается того, что̀ я говорю о будущихъ успѣхахъ общества (т. е. самообузданіи), то надѣюсь, что слова̀ мои не будутъ опровергнуты опытомъ прошлаго. Если найдутся люди, которые будутъ настаивать, что всякое препятствіе для размноженія населенія представляетъ бо̀льшее зло, чѣмъ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ оно спасаетъ, то они

несомнѣнно примутъ, во всей силѣ, всѣ послѣдствія, представленныя мною въ первомъ изданіи этого опыта. Если принять это мнѣніе, то на нищету и бѣдствія низшихъ классовъ народа нельзя смотрѣть иначе, какъ на неисправимое зло». Слѣдовательно, и впослѣдствіи, уже по изобрѣтеніи самообузданія, Мальтусъ охотно готовъ былъ видѣть въ бѣдствіяхъ «низшихъ классовъ народа» «неисправимое зло». Понятно, что онъ не могъ, при такомъ условіи, придавать серьёзное значеніе самообузданію, и это-то естественное невѣріе въ рекомендуемое имъ самимъ средство породило всю массу его противорѣчій и двусмысленностей. Къ нему лично вовсе не могутъ быть обращены наши вопросы: дѣйствительно ли онъ вѣрилъ въ возможность самообузданія? или онъ предполагалъ отлить избытокъ любви въ какой-нибудь особый резервуаръ? и т. п. Всѣ эти вопросы и при жизни его проходили мимо его ушей, да и теперь отскакиваютъ отъ его теоріи, которая, въ основаніи своемъ, состоитъ въ «неисправимости зла» какими бы то ни было средствами, въ томъ числѣ и самообузданіемъ. Другое дѣло—его послѣдователи. Между ними есть, безъ сомнѣнія, люди искренніе и не столь враждебно относящіеся къ тому, съ чѣмъ враждовалъ Мальтусъ. Какъ же они разумѣютъ практическую сторону доктрины своего учителя? Едва ли не вѣрнѣе всего будетъ сказать, что они просто не хотятъ ея знать, хотя много говорятъ о ней. Дѣло въ томъ, что большинство мальтузіанцевъ—экономисты, т. е. люди, объектъ науки которыхъ есть собственно не человѣкъ, а существо купующее, воздѣлывающее и поѣдающее. Положимъ, что въ исходной точкѣ они признали его таковымъ чисто въ видахъ логическаго и методологическаго удобства. Но, не имѣя силъ удержаться на этой отвлеченной высотѣ, они отождествили своего абстрактнаго человѣка съ человѣкомъ конкретнымъ, дѣйствительно существующимъ. Сдѣлать это безъ ущерба для логики было, конечно, невозможно, потому что на каждомъ шагу обнаруживается, что дѣйствительный человѣкъ нетолько воздѣлываетъ, покупаетъ, продаетъ, поѣдаетъ, а обладаетъ и другими склонностями и способностями, напримѣръ, склонностью и способностью половой любви и дѣторожденія. Нелогичный, но, при данной путаницѣ, неизбѣжный выходъ изъ затрудненія — отвернуться отъ любви, *игнорировать* ее. Отсюда поразительная небрежность въ отношеніяхъ мальтузіанцевъ къ вопросу о любви. Слѣдующее маленькое разсужденіе «отъ противнаго» можетъ быть лучше всего выяснитъ читателю свойства ошибки экономистовъ. Политическая экономія построена на той гипотезѣ, что человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ управляется исключительно жаждою пріобрѣтенія.

Это построеніе совершенно законно, пока не выходитъ изъ предѣловъ гипотезы. Точно также могутъ быть построены и другія отвлеченныя науки. Мы можемъ взять какое-нибудь очень общее и очень могущественное свойство человѣческой природы, уединить его, отвлечь отъ другихъ свойствъ и условно, въ видахъ удобства изслѣдованія, предположить, что человѣкъ руководится въ своей дѣятельности исключительно мотивами, соотвѣтствующими выдѣленному нами свойству. Любовь представляетъ мотивъ, достаточно общій и могущественный для такого построенія. Слѣдовательно, можно представить себѣ науку, удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ отвлеченной науки и, такъ сказать, вполнѣ параллельную политической экономіи, которая отвѣтитъ на вопросъ: каковы были бы законы послѣдовательности и сосуществованія явленій въ обществѣ, разсматриваемомъ исключительно съ точки зрѣнія половыхъ отношеній его членовъ? Безъ сомнѣнія, въ примѣненіи къ жизни, законы этой науки подлежали бы гораздо бо̀льшимъ поправкамъ, чѣмъ законы политической экономіи, потому что основаніе послѣдней можетъ быть сведено къ мотиву, болѣе общему и элементарному, чѣмъ любовь. Величайшую ошибку сдѣлалъ бы представитель этой несуществующей науки любви или ка̀къ бы она ни называлась, еслибы отождествилъ объектъ ея, отвлеченнаго человѣка, проникнутаго исключительно половымъ стремленіемъ, съ человѣкомъ дѣйствительнымъ. Вѣроятнымъ слѣдствіемъ этой ошибки представителей науки любви было бы предложеніе людямъ заглушить въ себѣ нѣкоторыя коренныя свойства человѣческой природы, мѣшающія неограниченному воцаренію любви въ жизни. Такова именно позиція экономистовъ-мальтузіанцевъ. Они, конечно, какъ и всякій взрослый человѣкъ, понимаютъ, что вполнѣ нравственное самообузданіе, какого желалъ на словахъ Мальтусъ, есть утопичнѣйшая изъ утопій; что, съ точки зрѣнія ихъ теоріи, дѣло— совсѣмъ не въ самообузданіи, а въ устраненіи естественнаго финала половыхъ отношеній, т. е. дѣторожденія. Но прямо указать на какую-нибудь мѣру въ этомъ родѣ они не рѣшаются, потому что боятся оскорбить утвердившіяся понятія о нравственности. Очутиться въ такомъ неловкомъ положеніи можетъ всякій робкій мыслью человѣкъ. Но стоять въ немъ съ такимъ упорствомъ могутъ только экономисты. Необходимую для этого слѣпоту они почерпаютъ въ отождествленіи конкретнаго человѣка жизни съ отвлеченнымъ человѣкомъ экономической науки, т. е. съ идеей человѣка, занятаго только производствомъ, обмѣномъ и потребленіемъ богатствъ. Нѣчего, слѣдовательно, и искать у экономистовъ разъясненія дѣйствительнаго смысла и значенія практической

части ученія Мальтуса. Отвѣтовъ на вышепоставленные вопросы, т. е. настоящихъ, прямыхъ отвѣтовъ, слѣдуетъ требовать у мальтузіанцевъ не-экономистовъ.

Такіе есть. Вотъ, напримѣръ, Лекки, историкъ и моралистъ, безстрашно доводящій мысль учителя до нѣкоторыхъ ея логическихъ результатовъ. Лекки излагаетъ и развиваетъ ученіе Мальтуса слѣдующимъ образомъ. Естественная потребность любви сильнѣе, чѣмъ то требуется благосостояніемъ человѣчества. Еслибы удовлетвореніе ея въ формѣ брака сдѣлалось всеобщимъ, то это было бы величайшимъ несчастіемъ. Хотя природа совершенно недвусмысленно побуждаетъ людей къ раннимъ бракамъ, но цивилизація, по мѣрѣ своего поступательнаго движенія, должна все сильнѣе противоборствовать этому естественному стремленію. «При обсужденіи этого вопроса, продолжаетъ Лекки:—моралистъ долженъ имѣть въ виду преимущественно слѣдующіе два пункта: естественный долгъ каждаго мужчины заботиться о дѣтяхъ, которыхъ онъ произвелъ на свѣтъ, и охраненіе домашняго очага отъ ущерба и позора. Семья есть центръ и прототипъ государства, и счастіе, и благосостояніе общества всегда въ высокой степени зависятъ отъ чистоты домашней жизни. Исключительная, по своей сущности, любовь мужчины и естественное желаніе каждаго быть увѣреннымъ, что вскормленный имъ ребенокъ есть дѣйствительно его ребенокъ, дѣлаютъ изъ вторженія въ семью противузаконныхъ страстей причину величайшихъ страданій. Несмотря на это, чрезмѣрная сила страстей дѣлаетъ, кажется, эти вторженія и неизбѣжными, и частыми. При такихъ-то условіяхъ, возникаетъ въ обществѣ печальнѣйшая и во многихъ отношеніяхъ ужаснѣйшая фигура, какую только можетъ встрѣтить взоръ моралиста» (Sittengeschichte Europas von Augustus bis auf Karl den Grossen. Uebers. v. Jolowicz, II, 231 и слѣд.) Дѣло идетъ о проституціи, которой чистенькій, высоконравственный англичанинъ вынужденъ, скрѣпя сердце, печатно пѣть восторженные благодарственные гимны въ прозѣ. Лекки останавливается передъ проституціей съ ужасомъ, но и съ почтеніемъ, какъ передъ зломъ неизбѣжнымъ, какъ передъ спасительной отдушиной, охраняющей, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые семейные очаги. Выводъ этотъ особенно знаменателенъ въ устахъ Лекки, который въ своихъ основныхъ соображеніяхъ признаетъ пожизненную связь мужчины и женщины нормальнымъ типомъ половыхъ отношеній и считаетъ недостаточнымъ утилитарный принципъ въ ученіи о нравственности. Какъ бы то ни было, но у него хватило смѣлости и честности не вилять, подобно экономистамъ-мальтузіанцамъ и само-

му Мальтусу, по двусмысленной дорожкѣ вполнѣ нравственнаго, истинно цѣломудреннаго самообузданія. Онъ, по крайней мѣрѣ, отчасти раскрываетъ дѣйствительный смыслъ практической части ученія Мальтуса, переводя туманное слово самообузданіе словомъ проституція. Лекки не знаетъ удовлетворительнаго въ нравственномъ отношеніи выхода изъ заколдованнаго круга дѣйствій «закона народонаселенія» и прямо заявляетъ это.

Чрезвычайно замѣчательна у Лекки самая постановка вопроса. Хотя онъ ссылается на Мальтуса, но въ развитіи своихъ мыслей значительно уклоняется отъ него, нетолько въ практическомъ отношеніи, разбивая фантомъ самообузданія, а и въ теоретическомъ. Съ точки зрѣнія Лекки, вопросъ не исчерпывается несоотвѣтствіемъ силы размноженія съ ростомъ средствъ пропитанія: дѣло въ избыткѣ силы любви, въ чрезмѣрной напряженности половаго стремленія, даже совершенно независимо отъ количества рождающихся дѣтей. Лекки представляетъ себѣ дѣло такъ: пожизненный моногамическій бракъ есть наилучшая форма супружескихъ отношеній, но, какъ доказалъ Мальтусъ, полное господство этой формы повело бы ко многимъ пагубнѣйшимъ послѣдствіямъ, и потому оно не желательно; въ виду этой отрицательной цѣли, если можно такъ выразиться, цивилизація постепенно отодвигаетъ брачный возрастъ или же прямо сокращаетъ число браковъ. Остается, слѣдовательно, извѣстный осадокъ любви, такъ сказать, нерастворимый въ правильномъ бракѣ. Куда онъ дѣвается, какъ удовлетворяется и каковы вообще послѣдствія его существованія? Въ отвѣтъ Лекки указываетъ на грубую и грязную поддѣлку любви въ видѣ проституціи и на нарушеніе семейнаго счастія, на «ущербъ и позоръ домашняго очага». Но если такъ, то гроза виситъ совсѣмъ нетолько надъ «низшими классами народа», какъ полагалъ Мальтусъ, и вообще нетолько надъ людьми, не имѣющими средствъ содержать семью. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, она собирается, напротивъ, преимущественно надъ головами людей обезпеченныхъ, имѣющихъ мальтузіанское право на семейную жизнь. Именно въ эту семейную жизнь вторгнется осадокъ любви, нерастворимой въ правильномъ бракѣ, и производитъ въ ней массу страданій. Лекки согласенъ лучше на проституцію.—Вотъ полный кругъ относящихся къ нашему предмету идей Лекки. Очевидно, что его взгляды далеко логичнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ближе къ тревогамъ жизни, чѣмъ деревянная теорія самообузданія. Однако, и у Лекки мы замѣчаемъ двѣ весьма существенныя прорѣхи. Во-первыхъ: исчерпываются ли послѣдствія избытка любви проституціей и вторженіемъ «противозаконныхъ» страстей въ закон-

ную семейную жизнь? Конечно, нѣтъ. Послѣдствія эти несравненно многообразнѣе, какъ знаетъ всякій, если не по опыту, то изъ «судебнаго отдѣла» газетъ и краткихъ извѣщеній о самоубійствахъ, сумасшествіяхъ и т. п. Во-вторыхъ, причиною избытка любви Лекки, все-таки, признаетъ, главнымъ образомъ, только указанное Мальтусомъ несоотвѣтствіе. Но такъ ли это? Опять-таки, конечно, нѣтъ. Надо замѣтить, что въ главѣ о положеніи женщинъ Лекки почти исключительно занятъ явленіями супружескихъ и вообще любовныхъ отношеній въ высшихъ и среднихъ классахъ европейскихъ обществъ. Здѣсь, именно среди людей обезпеченныхъ, находитъ онъ наиболѣе обильный матеріалъ для изслѣдованія вліянія позднихъ браковъ, отсутствія браковъ и вторженія въ чужую брачную жизнь. Значитъ, люди избѣгаютъ брака и наносятъ «ущербъ и позоръ домашнему очагу» своего сосѣда, нетолько потому, что имъ нечѣмъ прокормить собственную семью, а и по другимъ причинамъ. Изъ нихъ Лекки указываетъ только на одну: на убѣжденіе въ грѣховности плотской любви. Но очевидно, что эта причина объясняетъ лишь очень немногое. Что, въ извѣстныя эпохи, нѣкоторые члены общества воздерживаются отъ брака по побужденіямъ мистико-религіозным—это справедливо. Но само по себѣ это явленіе отражается, такъ или иначе, только на личной жизни воздерживающихся. Правда, что, обращаясь, какъ въ католическомъ духовенствѣ, въ голую формальность, принципъ безбрачія очень хорошо уживается съ фактическимъ вторженіемъ въ чужую семейную жизнь и съ проституціей. Но бѣда была бы еще не очень велика, еслибы всѣ трудности вопроса любви вертѣлись около католическаго духовенства.

Итакъ, ни причины, ни слѣдствія избытка любви не обнаружены Лекки съ достаточною полнотою. Эти два пробѣла отчасти пополнитъ, отчасти, по крайней мѣрѣ, выяснитъ намъ г. Мечниковъ, о замѣчательномъ изслѣдованіи котораго («Возрастъ вступленія въ бракъ») я уже имѣлъ случай говорить. Напомню главные выводы г. Мечникова. Анализъ разнообразнаго статистическаго и этнографическаго матеріала приводитъ автора къ такому заключенію: «Половая зрѣлость (pubertas), общая физическая зрѣлость (nubilitas) и брачная зрѣлость (возрастъ вступленія въ бракъ) составляютъ три важныхъ момента въ жизни человѣка, имѣющихъ одну и ту же цѣль: удовлетвореніе стремленій къ поддержанію вида (размноженіе). Въ однихъ случаяхъ (большинство первобытныхъ народовъ), эти три момента совпадаютъ или почти совпадаютъ другъ съ другомъ; въ другихъ же случаяхъ, они раздвигаются, между ними появляются

промежутки, тѣмъ болѣе длинные, чѣмъ дольше совершается развитіе, и потому наиболѣе ощутительные у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Эти промежутки, означающіе неравномѣрное и, слѣдовательно, неодновременное развитіе аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли, составляютъ доказательство дисгармоніи въ развитіи человѣка». «Дисгармоническіе періоды», какъ называетъ г. Мечниковъ упомянутые промежутки, у цивилизованныхъ народовъ длиннѣе, чѣмъ у первобытныхъ; у высшихъ классовъ длиннѣе, чѣмъ у низшихъ: у мужчины длиннѣе, чѣмъ у женщины. Они сопровождаются увеличеніемъ смертности, преступленій, самоубійствъ и сумасшествій. Такъ какъ эти печальныя явленія, вмѣстѣ съ культурнымъ развитіемъ, съ цивилизаціей, все усиливаются, то г. Мечниковъ считаетъ себя вправѣ выразить предположеніе, что само культурное развитіе служитъ источникомъ смерти народовъ—все равно, какъ смерть отдѣльныхъ индивидовъ есть только конецъ жизни.

Оставляя, пока, это послѣднее заключеніе въ сторонѣ, сосредоточимъ свое вниманіе на другихъ сторонахъ изслѣдованія г. Мечникова. Постановка вопроса у него—та же самая, что̀ у Лекки. Онъ исходитъ изъ того факта, что цивилизація постоянно отодвигаетъ брачный возрастъ, хотя возрастъ половой зрѣлости остается при этомъ неподвижнымъ. Фактъ этотъ является у г. Мечникова болѣе осязательнымъ, чѣмъ у Лекки, потому что обставленъ статистическимъ матеріаломъ. Напримѣръ, возрастъ половой зрѣлости русскихъ крестьянъ, англійскихъ пэровъ, бароновъ и проч., и нѣмецкихъ принцовъ одинъ и тотъ же—около семнадцати лѣтъ. Но женятся русскіе крестьяне, среднимъ числомъ, въ 20,79 лѣтъ, англійскіе пэры и бароны въ 29,63, а нѣмецкіе принцы въ 30,5. Такимъ образомъ, весь промежутокъ между физическою возможностью вступленія въ бракъ и самымъ вступленіемъ равняется у русскихъ крестьянъ тремъ годамъ, у англійскихъ пэровъ и бароновъ—двѣнадцати, а у нѣмецкихъ принцевъ—тринадцати годамъ. Эти годы распадаются па два отдѣльные дисгармоническіе періода: первый тянется отъ проявленія половой зрѣлости до наступленія полной физической зрѣлости, второй—отъ этого послѣдняго момента до собственно брачнаго возраста. Итакъ, цивилизація удлинняетъ дисгармоническіе періоды и тѣмъ самымъ порождаетъ, слѣдовательно, относительный избытокъ потребности любви, потому что потребность эта просыпается раньше, чѣмъ физіологическими и культурными условіями допускается ея безнаказанное удовлетвореніе. Каковы причины и послѣдствія этого факта? Возьмемъ сначала послѣдствія, потому что они должны, между прочимъ, слу-

жить болѣе нагляднымъ выраженіемъ самаго факта. При этомъ, я позволю себѣ болѣе или менѣе значительныя отступленія отъ г. Мечникова, вѣрнѣе сказать, нѣкоторыя дополненія къ его соображеніямъ.

Что̀ касается перваго дисгармоническаго періода, т. е. промежутка между моментомъ половой зрѣлости и моментомъ общей зрѣлости организма, то его значеніе вполнѣ ясно и не подлежитъ особенно пространнымъ толкованіямъ. Онъ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, для женщинъ. Половая зрѣлость, т. е. потребность любви, проявляется у женщинъ извѣстными характерными признаками, дающими возможность съ достаточною точностью отнести этотъ моментъ, напримѣръ, для англичанокъ къ шестнадцатому, для француженокъ—къ пятнадцатому году. Но ростъ тазовыхъ костей, обусловливающихъ правильные роды, завершается только около двадцати лѣтъ; поэтому, до наступленія этого выраженія общей зрѣлости организма, удовлетвореніе такъ рано пробуждающейся потребности любви сопровождается усиленною смертностью въ родахъ. Здѣсь, значитъ, избытокъ любви прямо и просто ведетъ къ смертной казни. Нѣтъ, къ сожалѣнію, прямыхъ доказательствъ, что первый дисгармоническій періодъ все раздвигается съ развитіемъ цивилизаціи (ихъ нѣтъ и у г. Мечникова); но мы знаемъ, однако, что, во-первыхъ, напримѣръ, наши крестьянки выходятъ замужъ раньше женщинъ высшихъ классовъ, и что, во-вторыхъ, рожаютъ онѣ легче. Можно, поэтому, думать—что̀ подтверждается и нѣкоторыми дедуктивными соображеніями — что развитіе тазовыхъ костей и, вообще, общая зрѣлость организма замедляется у цивилизованныхъ женщинъ ихъ образомъ жизни, лишеннымъ физическихъ упражненій. Можно бы было, конечно, рекомендовать женщинамъ воздержаніе или, говоря словами Мальтуса, нравственное самообузданіе. Оно отчасти и практикуется нетолько въ первомъ, а и во второмъ дисгармоническомъ періодѣ. Если наиболѣе цивилизованныя націи, а въ нихъ наиболѣе обезпеченные и культурные классы, отличаются поздними браками, то изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы факты эти служили показателемъ усиленія цѣломудрія. Но относительно женщинъ это, до извѣстной степени, справедливо. Старая дѣва—это несчастное, осмѣянное, озлобленное существо — не миѳъ. Для цивилизованныхъ женщинъ оффиціальная статистическая цифра возраста вступленія въ бракъ сплошь и рядомъ служитъ дѣйствительнымъ выраженіемъ количества лѣтъ нравственнаго обузданія. Слишкомъ извѣстны результаты этого явленія: «между 144 душевными больными женскаго пола, находившимися въ клиникѣ

Эскироля, было не менѣе 88 случаевъ, причиной которыхъ предполагалось воздержаніе. Маудсли считаетъ это обстоятельство одной изъ главныхъ причинъ помѣшательства у особъ женскаго пола». Но это—только наиболѣе яркіе результаты, которые, подобно шилу, слишкомъ ужъ далеко вылѣзаютъ изъ мѣшка и кровавыми уколами даютъ о себѣ знать. Взвѣсьте всю ту массу страданій, которая приводитъ старыхъ дѣвъ и вѣрныхъ памяти мужа вдовъ къ умопомѣшательству, прибавьте сюда страданія, не доводящія до камеры въ клиникѣ душевныхъ болѣзней, но постоянно держащія субъекта у ея порога—и вы ужаснетесь передъ этимъ избыткомъ любви, которой дѣваться некуда и которая бурлитъ, какъ чрезмѣрное количество пара въ паровикѣ, пока его не разорветъ. Если дисгармоническимъ періодамъ предстоитъ постоянное удлинненіе, то, значитъ, будетъ все рости и эта страшная лавина страданій.

Мужчинѣ не приходится выдерживать такой борьбы съ позывами любви, потому что ни природа, ни общество не возложили на него отвѣтственности за половыя сношенія, хотя бы приблизительно равной той, какую несетъ женщина. Возможны, конечно, въ видѣ рѣдкихъ исключеній, случаи нравственнаго самообузданія мужчинъ, но это — такая капля въ морѣ, о которой говорить не стóитъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдствія воздержанія для мужчинъ тѣ же, что и для женщинъ. Главная масса страданій мужчинъ, порождаемыхъ дисгармоническими періодами, мотивируется совсѣмъ иначе. Къ услугамъ мужчинъ является, во-первыхъ, проституція. Сюда уходитъ огромная доля избытка ихъ потребности любви. Результаты извѣстны: болѣзни (далеко не одинъ сифилисъ), распущенность всякаго рода. Я бы желалъ только обратить вниманіе читателя на тѣ второстепенныя, повидимому, и рѣдко кѣмъ принимаемыя въ соображеніе стороны этого рода половыхъ сношеній, которыя отзываются непосредственно на нравственномъ характерѣ мужчины. Уже одна привычка смотрѣть на человѣка (на проститутку), какъ на вещь, которая продается и которую можно купить, ложится на привыкшаго пятномъ, неизбѣжно расплывающимся по всей его нравственной физіономіи. Но дѣло не останавливается на этомъ. Связи съ «погибшими, но милыми созданіями», купля и продажа любви являются въ глазахъ одной части общества дѣломъ грязнымъ и презрѣннымъ, которое должно быть поэтому скрываемо; между тѣмъ, существуютъ и такія сферы, гдѣ купля и продажа любви, притомъ ея особенно извращенные виды, составляютъ своего рода подвиги, удаль, молодечество. Понятно, что и то, и другое должно самымъ пагубнымъ образомъ отражаться

на нравственномъ характерѣ людей, захваченныхъ этой мутной волной. Въ первомъ случаѣ, лицемѣріе въѣдается въ плоть и кровь, во второмъ—цинически извращаются самыя элементарныя требованія добропорядочнаго поведенія и уваженія къ человѣческой личности. Я не могу здѣсь дольше остановиться на этихъ явленіяхъ. Читатель можетъ самъ ихъ обдумать, и если онъ приметъ въ соображеніе весь обширный кругъ золъ, связанныхъ съ проституціей (даже оставляя въ сторонѣ судьбу женщины-проститутки), всѣ наносимые ею ущербы физическому, умственному и нравственному здоровью, онъ пойметъ, что около проституціи групируется чрезвычайно значительная доля пагубныхъ слѣдствій дисгармоническихъ періодовъ. Сюда, безъ сомнѣнія, должны быть отчасти занесены и тѣ усиленныя склонности неженатыхъ мужчинъ къ болѣзнямъ, смертности, преступленіямъ, самоубійствамъ и сумасшествіямъ, о которыхъ трактуетъ г. Мечниковъ. Говорю: *отчасти*—потому что всѣ эти явленія, несомнѣнно тѣсно связанныя съ сферою половыхъ отношеній, вовсе, однако, не такъ ужь зависятъ собственно отъ безбрачной жизни, какъ думаетъ г. Мечниковъ. Вообще, вопросъ этотъ поставленъ у него крайне грубо, крайне эмпирически. Статистики пришли къ заключенію, что на долю холостыхъ выпадаетъ бо̀льшая смертность, бо̀льшее количество преступленій, самоубійствъ и сумасшествій, чѣмъ на долю женатыхъ. Однако, на этомъ чисто эмпирическомъ обобщеніи ни социологъ, ни антропологъ не имѣютъ права строить никакихъ теорій. Дѣло въ томъ, что достаточно разработанныя статистическія данныя имѣются только для странъ съ приблизительно одинаковою культурою вообще и, что̀ особенно важно, съ одною и тою же господствующею, оффиціально признанною, формою брака: пожизненною моногаміей, обставленною извѣстными условіями. Статистика знаетъ только количество законныхъ церковныхъ или гражданскихъ браковъ. Всѣхъ, незапесенныхъ въ этого рода списки, статистикъ обязанъ считать холостыми. Но ихъ не можетъ признать таковыми антропологъ или соціологъ. Онъ долженъ разложить эмпирическій законъ, найденный статистикой, на его простѣйшіе элементы и оперировать уже надъ ними. Матеріалъ для этого можетъ быть отчасти доставленъ тою же статистикою. Таковы, напримѣръ, свѣдѣнія о количествѣ незаконныхъ дѣтей, сдаваемыхъ и не сдаваемыхъ въ воспитательные дома, о количествѣ разводовъ, о количествѣ холостыхъ, умирающихъ въ больницахъ и въ отцовскомъ или вообще родственномъ домѣ и т. п. Никакихъ такого рода свѣдѣній г. Мечниковъ не собралъ, а это обстоятельство значительно колеблетъ всю его характеристику второго дисгар-

моническаго періода, которому онъ придаетъ особенно важное значеніе. Напримѣръ, въ числѣ предполагаемыхъ причинъ большей смертности холостыхъ онъ упоминаетъ объ отсутствіи семейнаго ухода. Но семейнымъ уходомъ могутъ пользоваться и холостые, потому что у нихъ могутъ быть отецъ, мать, дядя, сестры и проч., и, наооборотъ, семейный человѣкъ, сплошь и рядомъ, по разнымъ обстоятельствамъ, заболѣваетъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ и умираетъ въ больницѣ. Ясно, что положеніе вещей можетъ быть освѣщено только побочными, дополнительными статистическими данными, а безъ нихъ присутствіе или отсутствіе извѣстныхъ брачныхъ церемоній является чѣмъ-то, самостоятельно и таинственно вліяющимъ на судьбу людей. Чрезмѣрное значеніе, придаваемое нашимъ авторомъ статистикѣ брачнаго возраста, весьма дурно повліяло и на его главный общій выводъ. Позднее занесеніе въ оффиціальные брачные списки является у него однимъ изъ признаковъ «неравномѣрнаго и, слѣдовательно, неодновременнаго развитія аппаратовъ, служащихъ для одной и той же цѣли размноженія». Какой же такой новый «аппаратъ» развивается въ человѣкѣ въ моментъ брачной церемоніи? Если тутъ разумѣть собственно половое сближеніе, такъ вѣдь этотъ «аппаратъ», составляя, въ большинствѣ случаевъ, новость для женщины, объ чемъ было говорено выше, отнюдь не новъ для мужчины. Далѣе, изъ словъ г. Мечникова можно заключить, что, при вступленіи въ бракъ, всякія дисгармоніи какъ бы прекращаются, и человѣкъ входитъ, наконецъ, въ тихую пристань безмолвнаго житія, по крайней мѣрѣ въ сферѣ половыхъ отношеній. Можно сказать, ежедневно развертывающіяся передъ нами семейныя драмы показываютъ, что такое заключеніе было бы далеко не вѣрно. Положимъ, что анализъ этихъ драмъ не входилъ въ программу г. Мечникова, предѣльный пунктъ которой есть «возрастъ вступленія въ бракъ». Но его способъ выраженій и изложенія, все-таки, даетъ поводъ недоразумѣнію. Онъ такъ рѣзко подчеркиваетъ моментъ закономъ признаннаго вступленія въ бракъ и такъ опредѣлительно говоритъ о продолженіи дисгармоническаго періода «отъ сюда и до сюда», что поневолѣ приходится думать о брачной и семейной жизни вообще, какъ о чемъ-то вполнѣ гармоническомъ. Мы знаемъ, что это не такъ. Разсчитываютъ, что на 100 браковъ приходится 10 завѣдомо счастливыхъ, 30 безразличныхъ, основанныхъ на привычкѣ, 40 колеблющихся и 20 завѣдомо несчастныхъ. Сомнѣваюсь, чтобы разсчотъ этотъ былъ вѣренъ, но думаю, что отношеніе крайнихъ цифръ, выражающихъ число за-

вѣдомо счастливыхъ и завѣдомо несчастныхъ браковъ, весьма близко къ дѣйствительности. Относящіеся сюда факты до такой степени общеизвѣстны, что объ нихъ нѣсколько даже странно говорить. Часть ихъ непосредственно примыкаетъ къ второму дисгармоническому періоду г. Мечникова. Какой-нибудь англійскій баронъ, въ продолженіи тринадцати лѣтъ дисгармоническихъ періодовъ успѣетъ, вѣроятно, значительно истаскаться и не въ состояніи будетъ отвѣтить пылкой любви своей невѣсты, которая, если она тоже баронесса, выходитъ замужъ, среднимъ числомъ, въ 23 года, оставаясь до этого возраста въ полномъ воздержаніи. Ясно, что со стороны жены въ этомъ бракѣ будетъ избытокъ любви, т. е. матеріалъ для семейной драмы. Избытокъ любви возможенъ и со стороны мужчины, потому что въ немъ ровнѣе держится и дольше сохраняется потребность любви. Но вытекающія изъ этихъ общеизвѣстныхъ и легко объяснимыхъ фактовъ столкновенія, несмотря на весь свой драматизмъ, сравнительно, очень просты. Благодаря избирательному характеру любви, благодаря тому, что она устремляется, несмотря на разныя препятствія, къ обладанію именно такимъ-то, а не инымъ лицомъ другаго пола—въ этой сферѣ явленій представляются комбинаціи, несравненно болѣе сложныя и труднѣе поддающіяся анализу. Въ интересахъ читателя, однако, выгоднѣе будетъ отложить на нѣсколько времени ихъ разсмотрѣніе. Каковы бы они ни были, но и тѣ послѣдствія избытка любви, которыя мы видѣли до сихъ поръ, достаточно ярки. Посмотримъ теперь на причины этого избытка.

Причину постояннаго удлинненія дисгармоническихъ періодовъ г. Мечниковъ видитъ въ самомъ культурномъ развитіи, въ цивилизаціи. Въ частности, онъ ссылается на слова Эскироля, что les progrès de la civilisation multiplient les fous, и на общее мнѣніе новѣйшихъ психіатровъ о связи сумасшествія съ культурой. Положеніе—достаточно неопредѣленное. Правда, г. Мечниковъ оговаривается, что онъ имѣетъ въ виду «только данныя формы развитія, не позволяя себѣ дѣлать болѣе обширныя обобщенія: изъ того, что европейскія цивилизаціи сопровождаются опредѣленными видоизмѣненіями семейной жизни, еще не слѣдуетъ, чтобы всякое вообще развитіе представляло тотъ же характеръ». Но и европейская цивилизація представляетъ понятіе, все-таки, настолько обширное, что пріуроченіе къ нему, какъ къ причинѣ, всѣхъ вышеупомянутыхъ печальныхъ явленій не говоритъ уму ничего опредѣленнаго. Необходимо ближайшее выясненіе тѣхъ элементовъ или тѣхъ сторонъ цивили-

заціи, которыя вліяютъ на человѣка столь пагубнымъ образомъ. Г. Мечниковъ неоднократно подходитъ къ этому выясненію и, все-таки, ничего не выясняетъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что у первобытныхъ народовъ и въ низшихъ классахъ цивилизованныхъ націй запаздываніе браковъ, если и случается, то является почти исключительно слѣдствіемъ «матеріальныхъ мотивовъ», именно—невозможности прокормить семью въ годы неурожая и, голода. «На болѣе же высокихъ степеняхъ культурнаго развитія въ томъ же направленіи дѣйствуютъ другія причины и дѣйствуютъ притомъ съ несравненно бо̀льшею силою». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что здѣсь «на первомъ планѣ должно быть поставлено умственное развитіе, неизбѣжно вносимое цивилизаціей», и поясняетъ дѣло такъ: «Тазовыя кости могутъ кончить свой ростъ въ 20 лѣтъ и наилучшимъ образомъ приспособиться къ рожанію дѣтей; тѣмъ не менѣе, это обстоятельство ни мало не будетъ опредѣляющимъ моментомъ при вступленіи въ бракъ большинства цивилизованныхъ дѣвушекъ, которыя руководствуются при этомъ иными мотивами, какъ напр. общественнымъ положеніемъ, репутаціей, богатствомъ и проч.» Но все это, очевидно—такіе же «матеріальные мотивы», и умственное развитіе тутъ, очевидно, рѣшительно не причемъ. Наконецъ, еще въ одномъ мѣстѣ онъ уже гораздо опредѣленнѣе говоритъ, что «къ числу причинъ, увеличивающихъ число душевныхъ болѣзней, нужно отнести общее усложненіе жизненныхъ условій культурныхъ народовъ». Но эта справедливая мысль не получаетъ ни дальнѣйшаго развитія, ни приложенія къ области половыхъ отношеній.

А между тѣмъ, г. Мечниковъ былъ чрезвычайно близокъ къ истинѣ, задѣвалъ ее локтемъ, какъ говорятъ французы, и—притомъ, едва ли не въ слабѣйшей части своего изслѣдованія, въ той именно, гдѣ онъ пытается установить пресловутый параллелизмъ явленій индивидуальной и общественной жизни и періодическій, циклическій характеръ цивилизаціи. Читатель знаетъ, что, съ нашей точки зрѣнія, вопросъ этотъ сводится къ борьбѣ за индивидуальность между человѣкомъ и обществомъ. Въ случаѣ побѣды послѣдняго, оно становится крѣпкою индивидуальною, недѣлимою единицею, подчиняя себѣ все сильнѣе и сильнѣе личность, которая низводится этимъ процессомъ на степень простаго подчиненнаго о̀ргана. Но, побѣждая такимъ образомъ личность и само обращаясь въ организмъ, общество подлежитъ уже всѣмъ условіямъ органической жизни. Какъ и всякій организмъ, оно должно имѣть свою молодость, зрѣлость, старость и, наконецъ, смерть. Такъ что, съ

этой стороны, г. Мечниковъ, какъ и всѣ аналогисты, правъ. Но всѣ они упускаютъ изъ виду, что возможенъ и другой случай — болѣе или менѣе полной побѣды личности, причемъ общество, не превращаясь въ организмъ, практически окажется безсмертнымъ, т. е. смерть его уйдетъ въ совершенно для насъ недоступную даль (Я разумѣю смерть естественную, изъ самой жизни вытекающую, а не насильственную, вслѣдствіе какихъ-нибудь ударовъ со стороны.). Какъ бы то ни было, но вотъ именно та сторона цивилизаціи, которую г. Мечниковъ имѣетъ право обвинять въ удлинненіи дисгармоническихъ періодовъ и во всѣхъ сопряженныхъ съ ними бѣдахъ и изъ которой вытекаетъ смерть государствъ, «народовъ», вообще—обществъ: пораженіе человѣческой индивидуальности. Само по себѣ, «общее усложненіе жизненныхъ условій культурныхъ народовъ» не могло бы вести, напримѣръ, къ приращенію количества сумасшествій. Бѣда въ томъ, что паралельно этому усложненію общественныхъ условій идетъ сравнительное оскудѣніе личной жизни. Кругъ потребностей личности все расширяется, цивилизація раскрываетъ передъ человѣкомъ все новыя обширныя и заманчивыя перспективы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетвореніе этихъ потребностей становится несоразмѣрно затруднительнымъ вслѣдствіе пораженія личности. Въ человѣкѣ будится страшная жажда, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнимается сила доползти до ручья и зачерпнуть глотокъ воды. Онъ превращается въ туго натянутую струну, къ которой стòитъ только чуть-чуть прикоснуться, чтобы она издала, смотря по своимъ особенностямъ, то грозно-мрачный, то заунывно-жалобный звукъ. Читатель отчасти уже знаетъ, чтò я хочу сказать этими словами. Посмотримъ нѣсколько ближе, кàкъ отзывается это несоотвѣтствіе личныхъ силъ съ общественными условіями въ области половыхъ отношеній.

Въ статьѣ г. Потанина «Отъ Новочеркаска до Казани» (въ казанскомъ сборникѣ «Первый шагъ») находимъ нѣсколько фактовъ, чрезвычайно ярко характеризующихъ относительное положеніе мужчинъ и женщинъ у нашихъ крестьянъ—положеніе вполнѣ первобытное и нѣкогда несомнѣнно очень распространенное. Въ Никольскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, по словамъ г. Потанина, есть вдовы, получающія надѣлъ, пашущія его сами и платящія за себя подати наравнѣ съ мужчинами; встрѣчаются даже дѣвицы-одиночки, получающія надѣлъ и платящія за себя подати. Кромѣ того, здѣсь попадаются женщины, которыя обстоятельствами вынуждены были вполнѣ перейти къ мужскому труду; такія женщины исполняютъ всѣ мужскія работы и за

женскія не берутся вовсе, одѣваются въ мужское платье, курятъ трубку и, вообще, усвоиваютъ мужскіе нравы. Женщины эти называются въ Никольскомъ Уѣздѣ *полумужичьями*. Есть онѣ и въ Нижегородской Губерніи. Такія превращенія образуются обыкновенно по желанію родителей. Если въ семьѣ родятся все дѣвочки, то одну изъ нихъ назначаютъ къ мужскимъ работамъ. Ее и одѣваютъ мальчикомъ, и играетъ она съ мальчиками. Самое имя ея «умужеподобляется»: такъ, напримѣръ, Елизавета превращается въ Елисейку. Встрѣчается и обратное явленіе: въ семьяхъ, гдѣ нѣтъ дѣвицъ, а все—парни, одинъ изъ нихъ пріучается къ женскимъ работамъ. Въ Никольскомъ Уѣздѣ можно встрѣтить на посидѣлкахъ парня, сидящаго съ прялкой. Такой парень прядетъ, ткетъ холстъ и обшиваетъ семью, какъ дѣвушка.

Эти любопытные факты не составляютъ, разумѣется, какой-нибудь спеціальной особенности нынѣшняго Никольскаго Уѣзда. Риль («Die Familie») сообщаетъ нѣчто подобное, хотя и не столь выразительное, о нѣмецкихъ крестьянахъ. А что глубокая древность была переполнена подобными явленіями—это мы уже видѣли. Вообще, было уже указано, что у первобытныхъ народовъ и въ низшихъ классахъ европейскихъ націй разница между представителями обоихъ половъ, сравнительно—ничтожная. Многіе вторичные половые признаки развиты здѣсь еще до такой степени слабо, что, за исключеніемъ собственно половыхъ отношеній, мужчинѣ и женщинѣ не трудно помѣняться, въ случаѣ надобности, ролями. Это—истина общепринятая. Весь кругъ дѣятельности мужчины доступенъ женщинѣ, и обратно. Сообразно этому, тотъ острый, всеувлекающій, такъ сказать, демоническій характеръ, которымъ отличается любовь цивилизованныхъ классовъ, въ крестьянскомъ быту, вообще говоря, не имѣетъ мѣста. Выборъ, исключительность любви, въ виду малаго отличія между мужчиной и женщиной и между самими женщинами, не можетъ играть очень видной роли. Я очень хорошо знаю, что правило это допускаетъ многочисленныя исключенія. Но дѣло въ томъ, что народная жизнь не представляетъ чего-нибудь вполнѣ сплошнаго: въ ней можно усмотрѣть множество наслоеній, относящихся къ весьма различнымъ эпохамъ. И здѣсь я имѣю въ виду только слой древнѣйшій, но, все-таки, настолько живучій, что онъ и донынѣ составляетъ едва ли не общій фонъ картины народной жизни. «Я женёный», говорятъ иногда крестьяне, вмѣсто «я женатъ». Въ этомъ характерномъ, энергическомъ словѣ «женёный» и въ спокойномъ тонѣ простого заявленія факта, которымъ оно произносится, вы можете различить

двѣ стороны. Безъ сомнѣнія, личность самымъ возмутительнымъ образомъ давится, когда человѣка «женятъ». Собственная ли семья, или, какъ иногда бываетъ, цѣлое общество связываетъ судьбу двухъ людей, не имѣющихъ другъ къ другу опредѣленно выраженной склонности, но человѣческая индивидуальность здѣсь, во всякомъ случаѣ, подавлена. И, повидимому, паденіе ея тѣмъ сильнѣе, чѣмъ спокойнѣе принимаютъ люди рѣшающій ихъ судьбу приговоръ семьи или общества. Однако, это не такъ, невсегда, по крайней мѣрѣ, такъ. Люди, склонные къ неблагодарному занятію уличеніемъ мужика въ грубости и въ отсутствіи человѣческаго достоинства, часто выставляютъ противъ него рядомъ такія два обвиненія: во-первыхъ, мужикъ—звѣрь: ему была бы баба, а какая—Марья или Дарья—это ему все равно; во-вторыхъ, мужикъ—звѣрь: онъ женитъ своего сына или выдаетъ свою дочь, не справляясь съ ихъ собственной волей. Но очевидно, что первое обвиненіе совершенно уничтожаетъ второе. Ка̀къ ни великъ бываетъ иногда деспотизмъ мужицкой семьи, но если парню дѣствительно все равно—что̀ Дарья, что̀ Марья, то деспотизмъ перестаетъ быть деспотизмомъ съ точки зрѣнія выбора супруговъ. Онъ остается въ полной силѣ въ томъ только отношеніи, что парня, по разнымъ стороннимъ соображеніямъ, сплошь и рядомъ женятъ, когда онъ одинаково далекъ и отъ Дарьи, и отъ Марьи, или если дѣвку выдаютъ замужъ, когда она этого вообще не хочетъ. Но эта сторона семейной жизни насъ здѣсь пока не занимаетъ. Мы имѣемъ въ виду только собственно половыя отношенія и избирательный характеръ любви. Въ этомъ отношеніи, деспотизмъ мужицкой семьи, ка̀къ бы онъ ни былъ грубъ по формѣ, ложится на личность несравненно меньшимъ гнётомъ, чѣмъ подобныя же явленія въ цивилизованныхъ классахъ. Активное или пассивное стѣсненіе свободы выбора въ дѣлѣ любви въ цивилизованныхъ классахъ, хотя бы облеченное въ сравнительно мягкія формы, есть настоящее звѣрство, чего отнюдь нельзя съ такимъ-же правомъ сказать о деспотизмѣ крестьянской семьи. Читателю станетъ это вполнѣ ясно, если онъ припомнитъ наше опредѣленіе любви. Любовь, какъ мы знаемъ, есть то выраженіе великаго закона органическаго развитія, въ силу котораго представители разныхъ половъ стремятся слиться въ одно цѣлое, какъ бы ища другъ въ другѣ свою дополнительную до единицы дробь. Изложеніе нѣкоторыхъ частныхъ проявленій этого закона, сдѣланное въ прошломъ очеркѣ, было отмѣчено въ одной газетѣ, какъ нѣчто совершенно непонятное. Полагаю, что господинъ отмѣтчикъ просто не прочиталъ статьи, а развернулъ ее на одной изъ по-

слѣднихъ страницъ, которая, оторванная отъ всего предъидущаго, конечно, могла показаться неясною. Тѣмъ не менѣе, желая быть, по возможности, для всѣхъ понятнымъ, я позволю себѣ прибѣгнуть, наглядности ради, къ довольно грубому способу изложенія. Мужчина есть, по естественному закону раздѣльнополаго существованія, не 1, а приблизительно—$^1/_2$, женщина, тоже приблизительно—$^1/_2$. Законъ развитія побуждаетъ эти двѣ половины тяготѣть другъ къ другу для образованія единицы. Въ этомъ и состоитъ любовь, никогда ненасытимая, потому что никогда недостигающая своей цѣли. Отсюда—всѣ разочарованія и, вообще, вся скорбная изнанка любовныхъ отношеній. Но чувство, само по себѣ чрезвычайно сильное, любовь, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ еще, такъ сказать, обостряться и достигать страшной, умъ помрачающей напряженности. Природа раздѣлила человѣка на двѣ приблизительно равныя половины—мужчину и женщину; но общество можетъ подвергнуть его и дальнѣйшему еще дробленію, что̀ мы и видимъ въ блестящей исторіи европейскихъ націй и государствъ. Превращая человѣка въ подчиненный о̀рганъ, на обязанности котораго лежитъ, главнымъ образомъ, одно какое-нибудь отправленіе, общество заглушаетъ въ немъ болѣе или менѣе значительную часть силъ и способностей. Приэтомъ, человѣкъ, будучи уже отъ природы $^1/_2$, обращается въ другую, мѐньшую дробь, напримѣръ, $^1/_3$. Эта одна треть человѣка нуждается уже не въ $^1/_2$ для образованія единицы, а въ $^2/_3$. Такъ какъ жажда любви есть требованіе компенсаціи, уравновѣшенія односторонности, то любовь человѣка, формула жизни котораго выражается дробью $^1/_3$, гораздо страстнѣе, напряженнѣе, безумнѣе, чѣмъ то установлено природой, а между тѣмъ, еще менѣе подлежитъ удовлетворенію. Въ первобытномъ мірѣ, отчасти еще и въ нашемъ крестьянскомъ быту, Марья—такая же $^1/_2$, какъ и Дарья, да и Иванъ, приблизительно—такая же $^1/_2$, какъ Марья и Дарья. Поэтому, чувство любви остается здѣсь, приблизительно, въ своихъ естественныхъ границахъ и, кромѣ того, не можетъ имѣть напряженно-избирательнаго характера. Цивилизованная же, напримѣръ, дѣвушка, формула жизни которой есть $^1/_3$, ищетъ мужчины, такъ сказать, равнаго $^2/_3$. Найти его чрезвычайно трудно, потому что кругомъ все дроби, мѐньшія $^1/_2$, а, вслѣдствіе этого, оказывается уже не относительный только избытокъ любви, а абсолютный. Каковы бы, однако, ни были результаты вытекающихъ отсюда поисковъ дополнительной дроби, но ясно, что стѣсненіе свободы выбора есть въ этомъ случаѣ дѣйствительное варварство.

Очень хорошо понимая неудовлетворительность избраннаго мною пріема изложенія, думаю, однако, что онъ лучше всякаго другаго можетъ выяснить занимающій насъ фактъ, а именно— что цивилизація (собственно, та ея сторона, которая выражается побѣдой общества надъ личностью въ борьбѣ за индивидуальность) усиливаетъ потребность любви и, вмѣстѣ съ тѣмъ, затрудняетъ ея удовлетвореніе. Эта страшная и все растущая дисгармонія, обнимающая оба дисгармоническіе періода г. Мечникова и далеко оставляющая ихъ за собой, слѣдующимъ образомъ отражается на судьбѣ семьи. Семья есть ячейка и прототипъ всѣхъ общественныхъ индивидуальностей. Всѣ они или непосредственно разростаются изъ семьи, какъ семейная община, за̀друга южныхъ славянъ, или представляютъ вторичныя образованія того же типа, или слагаются по типу специально братскихъ и, слѣдовательно, тоже семейныхъ отношеній. Но всѣ эти высшія общественныя индивидуальности выростаютъ изъ семьи первобытной, болѣе или менѣе сохранившейся и у нашихъ крестьянъ. Это разростаніе, эта творческая сила семьи возможна только тамъ и постольку, гдѣ и поскольку семья не уподобилась организму съ превращенными въ о̀рганы членами; гдѣ каждому изъ нихъ не отведена какая-нибудь одна функція, словомъ—гдѣ Елизавета и Елисейка могутъ во всякое время обмѣняться ролями. Это относится нетолько къ семьѣ, а и ко всякой общественной индивидуальности. Напримѣръ, въ сербской задругѣ, несмотря на всѣ ея недостатки, творческая сила не изсякла и не изсякла единственно потому, что господарь ея есть лицо выборное, т. е. такое, которымъ можетъ сдѣлаться любой членъ общины, а не разъ навсегда опредѣленный о̀рганъ: сегодняшнія руки могутъ завтра же сдѣлаться головой, и обратно. Этого рода явленія я и имѣлъ въ виду, говоря о практическомъ безсмертіи обществъ, не превращающихся въ организмъ. Точно также можетъ быть практически безсмертна и семья. Но, въ случаѣ органическаго развитія, ей, какъ и всякому организму, предстоитъ пройти ступени молодости, зрѣлости, старости и, наконецъ, умереть. Родительскія отношенія я все еще долженъ пока оставлять въ сторонѣ и прошу читателя представить себѣ семью, состоящую только изъ мужа и жены. Супружескія отношенія Елисейки и Елизаветы, если смотрѣть на семью, какъ на организмъ, представляютъ ея молодость. Съ органической точки зрѣнія, это—даже еще не семья, а только зародышъ ея, въ которомъ еще не выяснилась строгая спеціализація о̀ргановъ. Но именно поэтому такая семья можетъ дать начало другимъ общественнымъ индивидуальностямъ, на первый

разъ, напримѣръ, хозяйственной единицѣ. Любовь этихъ супруговъ, какъ уже замѣчено, не выходитъ изъ своихъ естественныхъ предѣловъ и потому, ка̀къ ни грубы ихъ взаимныя ласки, ка̀къ ни дики Елисейка и Елизавета вообще, но семейной драмы здѣсь не предвидится: любовь удовлетворена настолько, насколько она вообще можетъ быть удовлетворена; ревность неизвѣстна, да едва ли часты и поводы къ ней. Возьмите мѣщанскую, мелкую дворянскую, чиновничью семью. Это—уже не молодость семьи: это, по крайней мѣрѣ—ея зрѣлость. Роли о̀рга-новъ опредѣлены уже весьма рѣзко: мужъ завѣдуетъ, такъ сказать, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, жена—министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Любовь имѣетъ уже болѣе романическій, болѣе напряженный характеръ. Мужъ и жена долго искали другъ друга, томились въ ожиданіи своей дополнительной дроби. Но, такъ какъ требуемая дробь еще не Богъ знаетъ какъ велика, то, можетъ быть, они и нашли ее. Въ такомъ случаѣ, они счастливы, а нѣтъ—такъ драма готова. Но вотъ, положимъ, слѣдующій же отпрыскъ этой семьи—потому ли, что свалилось какъ бы съ неба наслѣдство послѣ забытаго дяди, или потому, что сынъ кончилъ курсъ въ университетѣ, или потому, что отецъ занялъ высокое положеніе въ служебной іерархіи—поднимется на ступень выше средняго общественнаго уровня. Весьма вѣроятно, что эта новая, уже вполнѣ цивилизованная семья представитъ собою періодъ старости и разложенія, а тамъ не за горами ужь и смерть. Представимъ себѣ довольно, повидимому, благопріятныя условія. Мужъ занимается какой-нибудь либеральной профессіей, жена—изящная и довольно образованная женщина. Сошлись они по сильной взаимной любви, причемъ преодолѣли много препятствій. Но полюбили они другъ друга такъ страстно именно потому, что очень непохожи другъ на друга. Они искали своей дополняющей противоположности, чтобы слиться съ нею въ одно навѣки нераздѣльное цѣлое. Она, женственная и мягкая, искала мужественности и твердости, а онъ—женственности. Нашли ли они то, чего искали? Если нашли, они счастливы. Но въ высокой степени вѣроятно, что этого не случилось. Въ высокой степени вѣроятно, что жена, хотя и уважающая либеральную профессію своего мужа, но совершенно ей все-таки чуждая, начинаетъ скоро тяготиться тѣми привычками, тѣмъ строемъ мысли и чувствъ, которые онъ, цѣликомъ отдавшись своей профессіи, переноситъ изъ нея и въ домашнюю жизнь: онъ—слишкомъ профессоръ, слишкомомъ адвокатъ, слишкомъ писатель, слишкомъ чиновникъ. Не того жаждала ея душа, ей неясно, но заманчиво грезилось что-то бо̀ль-

шее. Она искала человѣка и нашла такую маленькую дробь, которая кажется тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ сильнѣе влекло ея нѣкогда къ этому человѣку. Разочарованіе, новая любовь, новое разочарованіе, ревность... Читатель знаетъ конецъ этой исторіи, слишкомъ обыкновенной и слишкомъ нерѣдко обрывающейся даже кровавымъ финаломъ. Я хотѣлъ бы подчеркнуть только слѣдующее. Во-первыхъ, если жена въ этой исторіи такъ напряженно любитъ и такъ ужасно разочаровывается, то только потому, что и сама она есть маленькая до ничтожества дробь человѣка. Только поэтому ей и нужно что̀-то крупное, что̀-то превышающее естественную норму—$^1/_2$. Во-вторыхъ, въ разсказанной примѣрной исторіи совершился послѣдній актъ существованія семьи, какъ организма. Изъ семьи, въ которой мужъ и жена строго подѣлили между собой функціи, гдѣ, какъ говорится въ какой - то французской комедіи, la caisse a été donné à l'homme, pour être vidé par la femme, или инымъ какимъ-нибудь способомъ, но рѣзко подѣляются права̀ и обязанности супруговъ, гдѣ они, будучи чужды другъ другу, все-таки остаются связанными—изъ такой семьи выдохлась творческая сила. Никакой высшей общественной индивидуальности она породить не можетъ. Семья умерла, свершивъ весь кругъ органическаго развитія. Такъ умерла она въ высшихъ классахъ европейскихъ націй.

Я вовсе, конечно, не утверждаю, что счастливыхъ браковъ нѣтъ или что они невозможны. Они есть. И, въ такомъ случаѣ, они представляютъ удачный подборъ двухъ дополняющихъ одна другую дробей. Не утверждаю я также, чтобы несчастные браки, равно какъ и вся обоюдоострая прелесть любви, составляли исключительную принадлежность высшихъ классовъ. Эти явленія тамъ, безъ сомнѣнія, ярче, сильнѣе, потому что эти классы сильнѣе захватываются волной цивилизаціи, которая даетъ имъ вдобавокъ, въ особенности женщинѣ, столько досуга, что потребность любви не отвлекается дѣятельностью, не заглушается работой. Неустанная работа жены какого-нибудь фабричнаго, превращеннаго въ ходячій рабочій инструментъ и, слѣдовательно, тоже представляющаго весьма малую дробь человѣка, много пріостанавливаетъ развитіе семейныхъ драмъ въ этомъ быту. Неустанная работа русской крестьянки тоже, конечно, много помогала ей сносить ея три страшныя доли: «съ рабомъ повѣнчаться», «до гроба рабу покоряться» и «быть матерью сына раба». Тѣмъ не менѣе, бываютъ тревожные историческіе моменты, когда все общество, отъ верхняго края до нижняго, чувствуетъ на себѣ тяжесть несоразмѣрности жажды любви

съ условіями ея удовлетворенія. Надъ низшими классами она можетъ нависнуть, кромѣ вышеописаннаго пути, еще въ видѣ закона Мальтуса, т. е. въ видѣ простой невозможности, по чисто матеріальнымъ причинамъ, удовлетворять потребности любви. Здѣсь замѣчу только, что мальтузіанская дилемма — хлѣбъ или любовь—имѣетъ свой корень въ томъ же процессѣ развитія общества по органическому типу, т. е. въ побѣдѣ общества надъ личностью. Отсюда же вытекаютъ и многія другія несоразмѣрности все усиливающейся потребности съ все убывающей возможностью ея удовлетворенія. Въ предлагаемыхъ очеркахъ была уже рѣчь объ одной такой несоразмѣрности въ жаждѣ пріобрѣтенія, наживы. Въ прежнихъ статьяхъ я имѣлъ случай прослѣдить ту же несоразмѣрность къ жаждѣ знанія. Впослѣдствіи, мы увидимъ и еще нѣкоторые подобные случаи. Когда всѣ эти многоразличныя несоразмѣрности достигаютъ извѣстной, значительной степени напряженности, въ обществѣ появляются два чрезвычайно любопытные типа, которые я назову вольницей и подвижниками. Это—отщепенцы, протестанты. Протестуютъ они двумя совершенно различными, но, все-таки, родственными между собою и часто другъ въ друга переходящими способами. Вольница представляетъ протестъ воинствующій, активный, подвижники—протестъ мирный, пассивный. И тѣ, и другіе порываютъ всякія связи съ обществомъ. При этомъ, вольница идетъ на проломъ и старается смести всѣ препятствія, лежащія между потребностью и ея удовлетвореніемъ, а это иногда равняется попыткѣ смести весь установившійся общественный строй. Вольница звонитъ во вся и часто цѣлымъ рядомъ страшныхъ насилій и убійствъ пытается уничтожить все, что̀ мѣшаетъ ей жить такъ, ка̀къ она хочетъ. Въ бо̀льшей части случаевъ, она становится подъ знамя и борется во имя старины—той старины, которая еще не знала несоразмѣрности силы потребности съ условіями ея удовлетворенія. Иной путь избираютъ подвижники. Они прямо и просто стараются заглушить въ себѣ тѣ потребности, напряженность которыхъ такъ тяжело отзывается на личности за невозможностью удовлетворенія. Изъ общества, которое не дало имъ ничего, кромѣ му̀ки, подвижники уходятъ въ лѣса и пустыни и тамъ либо живутъ совсѣмъ одиноко, умерщвляя, какъ они говорятъ, плоть свою, либо основываютъ общежитія аскетическаго характера. Несмотря на совершенную противоположность стремленій вольницы и подвижниковъ, они во многихъ отношеніяхъ очень близки между собою. Во-первыхъ, съ извѣстной точки зрѣнія, почти безразлично—уменьшать ли число потребностей или, напротивъ, расширять ихъ подъ условіемъ удовлетворенія. Если

человѣкъ довелъ свои потребности до послѣдняго minimum' а онъ тоже удовлетворенъ. Во-вторыхъ, исторически, вольница и подвижники — родные братья. Ихъ протестъ, ихъ отрицаніе направлены противъ однихъ и тѣхъ же явленій, одинаково имъ ненавистныхъ, и появляются они, поэтому, всегда вмѣстѣ, рука объ руку на аренѣ исторіи. Наконецъ, въ-третьихъ, и вольница, и подвижники одинаково неспособны протестовать прямо отъ лица поруганной и раздавленной историческимъ процессомъ личности. Подвижникамъ всегда нужна религіозная санкція ихъ подвиговъ. Что̀ же касается вольницы, то и она ищетъ отчасти той же религіозной, отчасти весьма своеобразной политической санкціи: еврейская вольница групировалась около лже-мессій, во множествѣ появлявшихся до и послѣ Іисуса Христа, причемъ лже-мессіи иногда ограничивались чисто религіозною проповѣдью (которая составляла духовный хлѣбъ насущный подвижниковъ), а иногда бросались въ проповѣдь политическую, самозванно объявляя себя политическими царями іудейскими; русская вольница, въ крупнѣйшихъ эпизодахъ своей исторіи, выдвинула самозванство императорское. Но, опять-таки, это самозванство было настолько проникнуто религіозными элементами, что тотъ же императоръ Петръ III, которымъ прикрывался Пугачевъ, а у скопцовъ (подвижниковъ) Селивановъ, въ послѣднемъ случаѣ обращается даже въ Бога Саваоѳа. Весьма часто случалось, что одна и та же личность, побывавъ временно въ рядахъ подвижниковъ, переходитъ затѣмъ въ ряды вольницы, и наоборотъ. Какъ увидимъ, эта родственность вольницы и подвижниковъ, несмотря на противоположность ихъ отношеній къ жизни, представляетъ едва ли не любопытнѣйшія страницы исторіи народной жизни.

Половыя отношенія имѣютъ свою спеціальную вольницу и своихъ спеціальныхъ подвижниковъ. Читатель уже знаетъ, что древнѣйшая форма супружескихъ отношеній представляетъ то, что̀ называется гетеризмомъ, т. е. полнѣйшее отсутствіе какихъ бы то ни было брачныхъ нормъ, доходящее до чисто животныхъ отношеній, но, ужь конечно, не устанавливающее перегородокъ между потребностью и ея удовлетвореніемъ. Это-то древнѣйшее обычное право становится подъ защиту извѣстныхъ божествъ и, вмѣстѣ, обращается въ знамя вольницы. Сюда относятся, напримѣръ, въ русской народной жизни всѣ тѣ «игрища межю селъ», о которыхъ повѣствуетъ лѣтописецъ, всѣ тѣ празднества Купалы и Ярилы, съ необузданностью которыхъ такъ долго боролся христіанскій идеалъ. Въ извѣстное время, народъ (или извѣстная часть его) считалъ, считаетъ отчасти и до сихъ поръ себя вправѣ открыто разрывать всѣ установленныя

позднѣйшимъ историческимъ процессомъ іерархическія узы и удовлетворять требованія своей природы самымъ необузданнымъ образомъ, не стѣсняясь никакими нормами. Въ другихъ случаяхъ, слагается даже болѣе или менѣе постоянный персоналъ вольницы любви, преимущественно изъ женщинъ, который занимается тѣмъ что̀ историки называютъ религіозной проституціей. Такія жрицы несвязанной никакими узами любви во множествѣ жили при храмахъ нѣкоторыхъ азіатскихъ божествъ. Наконецъ, въ лицѣ греческихъ гетеръ эта вольница достигаетъ весьма высокаго уровня развитія и получаетъ на изящной почвѣ Аттики даже чрезвычайно изящный характеръ. Гетеры также находились подъ покровительствомъ божества. Сама Афродита почиталась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подъ именемъ Афродиты-Гетеры. Солонъ построилъ ей храмъ на деньги, собранныя въ видѣ налога на публичныхъ женщинъ. Въ Коринѳѣ послѣднія были настоящими жрицами Афродиты. Не иначе, какъ черезъ нихъ, обращались коринѳяне къ богинѣ съ мольбами, даже въ чрезвычайно важныхъ случаяхъ, какъ было, напримѣръ, во время персидскихъ войнъ. Въ Ѳессаліи женщины должны были построить Афродитѣ храмъ въ искупленіе своей тяжкой вины передъ богиней: они убили изъ ревности гетеру Лаису. Но и независимо отъ религіозной санкціи, гетеры занимали въ обществѣ очень своеобразное, но, во всякомъ случаѣ, высокое положеніе. Онѣ ни мало не походили на нынѣшнихъ проститутокъ даже высшаго ранга. Конечно, не всякой гетерѣ выпадала на долю блестящая судьба, Аспазіи, Лаисы, Фрины или Кратины, но вѣрно то, что она не выпадала ни одной законной женѣ. «Лучшая жена—та, объ которой нѣтъ ни дурной, ни хорошей молвы, говоритъ Ѳукидидъ; но эта скромность и замкнутость требовалась только отъ женъ и всего менѣе отъ гетеръ. Строго запертая въ небольшой кругъ домашней жизни, находясь въ постоянной зависимости сначала отъ родителей, потомъ отъ мужа, а въ случаѣ вдовства, отъ сыновей, не смѣя принимать мужчинъ и даже присутствовать за обѣдомъ при мужчинахъ — законная жена не могла удовлетворить потребности любви своего мужа, столь склоннаго къ общественной жизни, къ наслажденію искуствомъ и философскою мыслью. Гетера, «единственная свободная женщина въ Аѳинахъ», какъ говоритъ Лекки, была совсѣхъ въ иномъ положеніи. Въ постоянномъ общеніи съ геніальнѣйшими представителями Греціи, каковы Сократъ, Периклъ, Фидій, Апеллесъ, она пріобрѣтала широкій кругъ умственныхъ интересовъ. Аспазія, говорятъ, сочиняла нѣкоторыя изъ знаменитыхъ рѣчей Перикла; въ одномъ изъ разговоровъ Платона («Пиршество»), гетера Діотима является учи-

тельницей Сократа, гетера Леонтина была усердной прозелиткой ученія Эпикура и проч. Немудрено, что, при такихъ условіяхъ, энергичнѣйшія женщины предпочитали семьѣ ряды этой блестящей вольницы. Тамъ ихъ естественная потребность любви значительно утрачивала свой жгучій, острый характеръ, потому что дробь, выражающая формулу ихъ жизни, увеличивалась, насколько онѣ причащались общественнымъ, умственнымъ и эстетическимъ интересамъ. А между тѣмъ, удовлетвореніе этой, смягченной уже самой по себѣ, потребности облегчалось.

Нѣчто въ этомъ родѣ сообщается относительно нашихъ новыхъ среднеазіатскихъ владѣній въ разсказѣ г. Каразина «Акъ-Томакъ». Самъ по себѣ, разсказъ, представляя помѣсь этнографіи съ беллетристикой въ совершенно незаконной пропорціи, не имѣетъ никакой цѣны. Но тамъ приводится одна несомнѣнно подлинная сатирическая пѣсня (г. Каразинъ любезно и очень благоразумно сообщаетъ имя переводчика), въ которой женщина осмѣиваетъ жизнь гаремныхъ затворницъ, сравнивая ихъ съ курами, а владыку ихъ съ пѣтухомъ. Рядомъ выставляется въ привлекательныхъ краскахъ судьба вольной «красной курицы», т. е. лица, отъ имени котораго поется пѣсня—аѳинской гетеры въ ташкентскомъ вкусѣ.

Такъ-то устраиваетъ свое положеніе вольница любви, то въ грубыхъ и грязныхъ, то въ изящныхъ формахъ, такъ или иначе разрубая для себя лично узелъ несоразмѣрности жажды любви съ условіями ея удовлетворенія. Противоположнымъ образомъ разрубается онъ подвижниками. Рекомендованное Мальтусомъ нравственное самообузданіе отнюдь не можетъ обратиться въ общее правило, но, въ извѣстныя эпохи, къ нему устремляется чрезвычайно большое число людей. Вдругъ поднимается гоненіе на любовь, не на распущенность—нѣтъ: «топоръ дѣвственности» начинаетъ внезапно, по выраженію одного католическаго святого, безпощадно «рубить лѣсъ брака» въ самыхъ даже строгихъ его формахъ. Всякія половыя отношенія объявляются грѣховными, и, хотя, разумѣется, на дѣлѣ такое воздержаніе не для всѣхъ писано, однако, все-таки, практикуется въ поразительной степени. Самое поразительное въ этихъ явленіяхъ есть, впрочемъ, ихъ періодичность. Гоненіе на любовь захватываетъ, какъ бурный вихрь, цѣлыя массы мужчинъ и женщинъ и черезъ нѣсколько времени остываетъ или, по крайней мѣрѣ, ниспадаетъ до степени формальнаго только исповѣдыванія принципа безбрачія. Удовлетворительнаго объясненія этихъ фактовъ мнѣ не случалось нигдѣ встрѣтить, между тѣмъ какъ оно напрашивается само собой. Кажется, прежде всего должно бы было придти въ голову, что

такое массовое отреченіе отъ любви возможно только тамъ и тогда, гдѣ и когда любовь даетъ больше страданій, чѣмъ наслажденій. Дѣйствительно, когда, вслѣдствіе выше объясненной несоразмѣрности, любовь оказывается неудовлетворимой и несетъ съ собой только муки разочарованія и жгучее чувство неудовлетворенія, тогда для натуръ глубокихъ, не пассивныхъ и не годящихся въ буйные ряды вольницы, остается только одинъ исходъ—задавить въ себѣ порывъ любви. А затѣмъ санкція является уже сама собой, прикрывая помимо нея совершившійся фактъ.

Ближайшее разсмотрѣніе этихъ явленій я долженъ отложить до спеціальной главы о вольницѣ и подвижникахъ, потому что послѣдніе бѣгутъ въ лѣса и пустыни нетолько отъ любви, а и отъ многихъ другихъ потребностей. Но одинъ, наиболѣе поразительный изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ такого всеотреченія я считаю удобнымъ привести теперь же. Примѣръ этотъ поразителенъ почти до невѣроятности. Дѣло идетъ объ іогинахъ, индусскихъ факирахъ. Свѣдѣнія объ нихъ извѣстный физіологъ Прейеръ («Изслѣдованіе жизни») заимствуетъ изъ сочиненія Пауля «Treatise on the Yoga Philosophy» (Benares, 1851)—свѣдѣнія, подтверждаемыя многими достовѣрными свидѣтелями. Іогины позволяютъ себя заживо хоронить на нѣсколько недѣль и, по истеченіи этого времени, проведеннаго безъ воздуха, воды, пищи и свѣта, возвращаются къ жизни. Прейеръ полагаетъ, что это—летаргія, похожая на зимнюю спячку млекопитающихъ, но окончательнаго мнѣнія не высказываетъ, да намъ оно, пожалуй, не нужно. Для насъ интересны причины, побуждающія іогиновъ заживо хорониться, и условія, при которыхъ подобныя вещи могутъ происходить. Іогины длиннымъ рядомъ самоистязаній пріучаются къ полному отреченію отъ воздуха, свѣта, воды, пищи. Кромѣ общихъ аскетическихъ правилъ полнаго цѣломудрія и крайней умѣренности въ пищѣ, вотъ нѣкоторыя особенныя упражненія іогиновъ. Они беззвучно произносятъ мистическое слово «омъ» 12,000 разъ въ день. Частое повтореніе слова омъ, равно какъ и мистическихъ словъ согамъ, бамъ, ламъ, рамъ, іамъ, хамъ, наводитъ сонъ. Такіе слоги должны быть неслышно произнесены іогиномъ 600 и даже 6,000 разъ подрядъ. Затѣмъ, произносить 6,000 разъ слогъ дамъ и 9 подобныхъ. Затѣмъ «амъ». Послѣ того, 15 другихъ слоговъ 6,000 разъ. Затѣмъ произнести также неслышно «гамза» (мистическое слово, имѣющее много различныхъ значеній) 2,000 разъ. Далѣе, іогинъ обязанъ пребывать три часа въ такомъ положеніи: лѣвая пятка находится подъ заднею частью, правая надъ половыми частями; при другомъ положеніи, лѣвая нога лежитъ на

правой ляжкѣ, а правая—на лѣвой. При этомъ, правая рука должна держать большой палецъ правой ноги, лѣвая—большой палецъ лѣвой ноги (руки перекрещиваются въ это время за спиной). Стоять вертикально на головѣ. Впродолженіи трехъ мѣсяцевъ упражняться ежедневно по четыре раза по 48 минутъ слѣдующимъ образомъ: вдыхать черезъ лѣвую ноздрю, ввести воздухъ въ желудокъ глотаніемъ; придержать дыханіе и выдыхать затѣмъ черезъ лѣвую ноздрю. Затѣмъ—тоже самое съ перемѣною ноздри. Приэтомъ, задерживать дыханіе все дольше и проглатывать все больше воздуху. Каждый іогинъ дѣлаетъ 24 надрѣза въ подъязычной уздечкѣ, черезъ каждые 8 дней по одной. Послѣ каждаго надрѣза, онъ третъ языкъ два раза въ сутки, предпринимая съ нимъ движенія какъ бы при доеніи, употребляя при этомъ вяжущія, маслянистыя и соленыя вещества. Достаточно растянувъ языкъ, онъ заворачиваетъ его назадъ и пріучается закрывать гортанное отверстіе кончикомъ языка, которымъ отодвигаетъ назадъ язычекъ. При этомъ, легкія и желудокъ наполняются воздухомъ, а всѣ отверстія тѣла законопачиваются воскомъ и ватой. И т. д., и т. д. Прейеръ приводитъ 41 упражненіе въ этомъ родѣ. Этимъ способомъ іогины доходятъ, наконецъ, до такой нечувствительности къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ и ко всякаго рода лишеніямъ, что могутъ пролежать въ землѣ нѣсколько недѣль. Прейеръ полагаетъ, что они при этомъ движутся «религіозными причинами». Но это, очевидно—не объясненіе. Это значитъ только, что, совершая свои замысловатыя безобразія, іогины думаютъ, что дѣлаютъ нѣчто богоугодное. Но вопросъ въ томъ, какъ могло сложиться такое вѣрованіе. Оно, вѣдь, не съ неба свалилось. Очевидно, какимъ-нибудь долгимъ путемъ страшныхъ страданій пришли эти люди къ необходимости закупориться отъ всего міра, отречься отъ всѣхъ элементарнѣйшихъ радостей жизни и заглушить въ себѣ потребность свѣта, пищи, любви, даже дыханія. Только глубоко несчастному, окончательно забитому или разбитому жизнью человѣку, можетъ придти дикая фантазія держать по цѣлымъ часамъ пальцы ногъ въ рукахъ, твердить десятки тысячъ разъ омъ, дамъ, бамъ, ламъ и затыкать глотку собственнымъ языкомъ. Только тотъ, кому опостылѣло даже солнце красное, можетъ такъ систематически увѣчить себя. Съ точки зрѣзрѣнія борьбы за индивидуальность, вопросъ разрѣшается очень просто, если вспомнить, что іогины, какъ и понятіе нирваны, т. е. блаженства небытія (нынѣ возобновляемое въ Германіи), суть продукты Индіи, той самой Индіи, которая представляетъ безпримѣрную въ исторіи рѣзкость кастоваго общественнаго

строя. Каста есть нечто иное, какъ строго обособленный, спеціализированный, законченный органъ общественнаго организма. Это—случай полной побѣды общества надъ личностью. Кругъ дѣятельности члена касты обведенъ крайне узкою рамкой; въ немъ придавлено множество естественныхъ функцій; дробь, выражающая формулу его жизни, по истинѣ, ничтожна. Отсюда, опять-таки—полная несоразмѣрность между силой потребностей и условіями ихъ удовлетворенія. А затѣмъ являются, во-первыхъ, вольница (она была и въ Индіи), стремящаяся сбросить съ себя ярмо касты, и, во-вторыхъ, подвижники, стремящіеся задавить самыя потребности. И тѣ, и другіе борятся за индивидуальность, за независимость. Но одни направляютъ свою борьбу на внѣшній міръ, чтобы его примѣнить къ своимъ ненаходящимъ удовлетворенія потребностямъ; другіе ведутъ борьбу сами съ собой и мечтаютъ добыть себѣ независимость отрицательнымъ путемъ въ блаженствѣ небытія или, по крайней мѣрѣ, въ доведеніи своихъ потребностей до послѣдняго minimum'а.

Изъ примѣра іогиновъ читатель самъ можетъ видѣть, какъ трудно выдѣлить подвижничество любви изъ общей совокупности подвижничества. Потому мы пока на этомъ и остановимся. Я хотѣлъ бы только подтвердить для частной области половыхъ отношеній общее замѣчаніе о родственности вольницы и подвижниковъ. Всѣмъ извѣстны примѣры крайнихъ распутниковъ и распутницъ, внезапно переходившихъ въ ряды подвижниковъ любви. Далѣе, самыя оргіастическія празднества древнихъ (въ особенности, у средне-азіатскихъ народовъ), при которыхъ царила полнѣйшая распущенность, сопровождались иногда самооскопленіемъ, т. е. добровольнымъ отреченіемъ отъ половыхъ сношеній. Наконецъ, исторія русскихъ сектъ представляетъ примѣры, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе замѣчательные. Купецъ Чуркинъ, совращенный въ прошломъ столѣтіи въ хлыстовскую ересь, показывалъ, что совратитель (Трофимовъ), заведя съ нимъ, однажды, бесѣду о разныхъ предметахъ вѣры, доказывалъ, между прочимъ, что бракъ есть блудъ и неугоденъ Богу. Чуркинъ возражалъ, что бракъ необходимъ, иначе родъ человѣческій прекратится. Трофимовъ досталъ старую книгу и показалъ въ ней Чуркину слѣдующія строки: «Егдабъ Адамъ не прельщенъ былъ чрезъ діавола отъ Евы и не вкусилъ бы яблока, то-бъ и безъ совокупленія родъ человѣческій могъ произойти и умножиться рожденіемъ отъ земли, яко и Адамъ объявился». Этотъ аргументъ поразилъ Чуркина и, вообще, онъ сталъ сдаваться. Тогда Трофимовъ повелъ его къ «богородицѣ», кото-

рая такъ сообщила profession de foi секты: «По Божьему жить, нужно вина и пива не пить, на свадьбы и крестины не ходить, холостому не жениться, женатому разжениться». Когда же, впослѣдствіи, уже по вступленіи въ секту, Чуркинъ выразилъ сомнѣніе насчетъ возможности прожить безъ плотской любви, «богородица» его успокоила: «Господь Богъ, по неизрѣченной милости, снисходитъ къ слабостямъ бреннаго человѣка. Да и то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой по взаимной склонности имѣютъ плотскую любовь, а блудъ и скверна есть бракъ законный, яко противный Господу». (Реутскій. «Люди Божьи и скопцы»). Что между нашими сектантами были обманщики и всякаго рода недобросовѣстные люди—это, конечно, несомнѣнно. Но что масса, какъ и всякая движущаяся масса, была глубоко искренна и наивно вѣрующа—въ этомъ можно еще меньше сомнѣваться. Огромное большинство хлыстовъ, которому было не до софизмовъ, совершенно искренно не видѣло разницы между необузданною свободою половыхъ отношеній даже до свальнаго грѣха, и полнымъ воздержаніемъ. Они колебались между тѣмъ и другимъ въ своемъ инстинктивномъ стремленіи свергнуть демона любви съ его неестественнаго престола. Полная искренность этого стремленія фактически доказана отпрыскомъ хлыстовщины — скопчествомъ.

Читатель, разумѣется, не заподозритъ меня въ положительномъ сочувствіи къ вольницѣ и подвижникамъ любви. Наиболѣе привлекательный типъ этой вольницы—гетеры, во всякомъ случаѣ, торговали своей любовью и, наживая иногда колоссальныя богатства, раззоряли народъ. Что же касается іогиновъ или скопцовъ, то здравомыслящаго и желающаго жить человѣка ихъ примѣръ, конечно, не прельститъ. Несмотря на весь радикализмъ рѣшеній вопроса, осуществленныхъ гетерами, съ одной стороны, іогинами—съ другой, онъ ни мало не измѣнялъ общаго положенія дѣлъ. Жалкое прозябаніе законныхъ женъ аѳинянъ составляло необходимое условіе процвѣтанія гетеръ, а представить себѣ цѣлый народъ іогиновъ невозможно. Поэтому именно, разрѣшая затрудненіе лично для себя, и вольница, и подвижники любви были, все-таки, безсильны внести протестъ непосредственно отъ своей личности и прикрывались тою санкціей, которая многими ошибочно принимается за самую причину появленія вольницы и въ особенности подвижниковъ. Возможно иначе и, притомъ, не разрубить, а развязать узелъ. Для выясненія этого пути мы должны обратиться къ анализу отношеній между индивидуальностью и половою дѣятельностью. При этомъ, то, что было выше выра-

жено грубымъ образомъ, при помощи дробей, получитъ болѣе научное освѣщеніе. Сначала намъ придется опредѣлить отношеніе индивидуальности къ плодовитости, потому что въ такомъ именно направленіи до сихъ поръ собирался и группировался необходимый для насъ научный матеріалъ. Антагонизмъ индивидуальности и плодовитости составляетъ уже безспорную истину. Въ изложеніи ея я буду слѣдовать Спенсеру («Основанія біологіи»).

Одноклѣточныя растенія, размножающіяся безполымъ генезисомъ, обыкновенно и микроскопически малы, и чрезвычайно плодовиты. Такъ, нѣкоторыя водоросли размножаются такъ быстро, что «почти мгновенно» покрываютъ пруды непрозрачною зеленью. Двураздѣлка, по приблизительному разсчету Смита, можетъ произвести въ мѣсяцъ потомство, равное тысячѣ мильоновъ особей. «Если мы допустимъ, что̀ весьма вѣроятно, что молодой Gonium можетъ развиться дѣленіемъ въ двадцать четыре часа, то, при благопріятныхъ условіяхъ, одна колонія дастъ на слѣдующій день начало 16, на третій 256, на четвертый 4,096, по истеченіи же недѣли—268.435,456 подобныхъ ей организмамъ». Такую же и даже еще болѣе изумительную плодовитость встрѣчаемъ у низшихъ животныхъ. «Еслибы всѣ ея потомки выживали и продолжали сами дѣлиться, то какая-нибудь одна Paramecium была бы способна дать такимъ образомъ начало 268 милліонамъ особей въ теченіе одного мѣсяца. И это—еще не наибольшая извѣстная намъ плодовитость; есть еще одно маленькое животное, видимое только при сильномъ увеличеніи, о которомъ вычислено, что оно даетъ въ четыре дня начало 170 билліонамъ. И всегда эта громадная размножаемость сопровождается столь крйнею мелкотой, что, порою, въ одной каплѣ воды содержится столько особей иного вида, сколько людей на всей земной поверхности!» Поднимаясь къ существамъ болѣе крупнымъ, мы замѣчаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенное уменьшеніе плодовитости. И тоже самое видимъ въ половомъ генезисѣ: если вычесть постороннія обстоятельства, затемняющія ясность результата, каковы степень подвижности сравниваемыхъ существъ, степень сложности ихъ строенія, то, въ большинствѣ случаевъ, антагонизмъ между ростомъ и половымъ генезисомъ не подлежитъ сомнѣнію. Та же истина можетъ быть прослѣжена и въ исторіи каждаго отдѣльнаго животнаго и растенія. Пока индивидъ продолжаетъ рости, онъ или вовсе не производитъ потомства, или производитъ потомство малочисленное и слабое. Возрастаніе родительскаго индивида, такъ или иначе, задерживаетъ стремленіе организма производить новыя особи и

обратно, генетическая дѣятельность задерживаетъ дальнѣйшее возростаніе. Переходя къ антагонизму между генезизомъ и развитіемъ, т. е. степенью сложности строенія, мы встрѣчаемъ общее правило, уже упомянутое въ двухъ первыхъ нашихъ очеркахъ. Вотъ ка̀къ формулируетъ его Спенсеръ: «чѣмъ больше и полнѣе дифференцируется органическая масса, тѣмъ меньшая доля ея остается въ томъ, сравнительно недифференцированномъ состояніи, при которомъ возможно преобразованіе вещества въ новыя особи или въ зародыши особей. Протоплазма, однажды обратившись въ спеціализированную ткань, не можетъ снова обобщиться и потомъ преобразоваться во что̀-нибудь иное; а потому прогрессъ строенія въ организмѣ, уменьшая количество вещества, не обладающаго строеніемъ, этимъ самымъ уменьшаетъ запасъ вещества, пригоднаго для выработки потомства». Впрочемъ, въ конкретныхъ случаяхъ, это отвлеченное правило, осложняясь посторонними вліяніями, не такъ легко поддается провѣркѣ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и объ антагонизмѣ между тратою на индивидуальныя потребности, преимущественно на поддержаніе теплоты и передвиженіе съ одной стороны, и плодовитостью съ другой. Можно, однако, привести нѣсколько очень убѣдительныхъ примѣровъ. Сравнивая птицъ съ млекопитающими и выбирая при этомъ въ томъ и другомъ классѣ животныхъ приблизительно одинаковаго размѣра и питающихся одинаковою пищею (напримѣръ, хищныхъ птицъ и звѣрей приблизительно одинаковаго размѣра), мы увидимъ, что птицы, вообще, менѣе плодовиты, чѣмъ млекопитающія. Это объясняется тѣмъ, что птицы, расходуя много на поддержаніе себя на воздухѣ и быстрое передвиженіе, оставляютъ сравнительно мало вещества на образованіе новаго поколѣнія. Затѣмъ и въ томъ, и въ другомъ классѣ могутъ быть проведены подобныя же частныя параллели: сравнивая, напримѣръ, плодовитость относительно малодѣятельныхъ куриныхъ съ другими птицами, равными по объему и питающихся такою же пищею, но ведущихъ болѣе дѣятельный образъ жизни. Или, напримѣръ, сравните плодовитость кролика и зайца. Эти два вида очень близки, питаются одинаковою пищею, но болѣе дѣятельный заяцъ приноситъ 2 — 5 дѣтенышей въ пометѣ, а кроликъ 5—8. Рукокрылыя и грызуны очень сходны по внутреннему строенію, но, если мы будемъ сравнивать близкихъ по размѣрамъ—обыкновенную мышь и летучую мышь, то увидимъ, что первая приноситъ до 10 и даже до 12 дѣтенышей заразъ, а летучая мышь—только одного. Такимъ образомъ, видимъ, что жизненный расходъ индивида, выражающійся въ

тратахъ на поддержку массы тѣла, на тонкости строенія и на передвиженіе, обратно пропорціоналенъ плодовитости или генетической дѣятельности. Чѣмъ больше расходуетъ индивидъ на себя, тѣмъ меньше можетъ онъ расходовать на расу, на новыя поколѣнія. Это отношеніе должно, кромѣ расхода, обусловливаться еще доходомъ, который сводится, главнымъ образомъ, къ питанію. Избытокъ питательнаго вещества, остающійся за удовлетвореніемъ индивидуальнаго роста, развитія и ежедневнаго потребленія, служитъ мѣриломъ силы размноженія. Ясно, что, при обильномъ питаніи, этотъ избытокъ больше, а слѣдовательно — больше и сила размноженія.

Само собою разумѣется, что статьи прихода и расхода личной жизни могутъ комбинироваться крайне разнообразно. Изъ числа этихъ комбинацій Спенсеръ выдѣляетъ въ особую главу нѣкоторые, крайне любопытные случаи. Сюда относятся, во-первыхъ, паразиты. Неподвижность, бездѣятельный ббразъ жизни паразитовъ и обиліе пищи, всегда готовой, дѣлаютъ ихъ размножаемость по истинѣ изумительною. Такъ, у нѣкоторыхъ мягкокожихъ ракообразныхъ, живущихъ на водныхъ животныхъ, брганы плодоразвитія и ихъ содержимое достигаютъ иногда объема въ восемь и десять разъ бóльшаго, чѣмъ остальная часть тѣла. Во внутреностныхъ эти отношенія еще поразительнѣе. Такъ, въ зрѣлой самкѣ аскариды человѣческой заключается до 64,000,000 яичекъ. «Погруженный весь въ питательную жидкость, которую онъ поглощаетъ своей оболочкой, лентецъ не нуждается въ пищеварительномъ аппаратѣ. Поэтому, пространство, которое занялъ бы этотъ аппаратъ, и матеріалы, которые пошли бы на него, смѣло могутъ у него идти на брганы плодоразвитія, которые, дѣйствительно, почти и выполняютъ собою каждый сегментъ: будучи самъ по себѣ совершенно полонъ въ половомъ отношеніи, каждый сегментъ есть почти не что̀ иное, какъ огромная воспроизводительная система, въ которой другихъ строеній имѣется лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы сплотить его. Если мы вспомнимъ, что лентецъ постоянно выпочковываетъ такіе сегменты, тѣмъ временемъ, какъ вполнѣ развившіеся лопаются, и такъ дѣлаетъ всю жизнь, то увидимъ, что здѣсь, гдѣ нѣтъ расхода, гдѣ трата на индивидуальность ограничена до высочайшей степени, между тѣмъ, какъ питаніе велико, насколько лишь это возможно, степень плодовитости достигаетъ крайняго предѣла». Общественныя насѣкомыя представляютъ также очень убѣдительныя подтвержденія антагонизма индивидуальности и генезиса. Изъ яйца пчелы можетъ

выдти и маленькая безполая пчела-работница, и крупная плодовитая пчела-матка, смотря по запасу корма, предоставленнаго личинкѣ. Такимъ образомъ, обиліе пищи, бездѣятельный образъ жизни и значительная плодовитость совпадаютъ здѣсь съ одной стороны, а съ другой—точно также совпадаютъ недостатокъ пищи, усиленная дѣятельность и совершенное безплодіе. У муравьевъ, особенно у тропическихъ, видимъ то же самое. У матки-муравья воспроизводительная система достигаетъ иногда громадныхъ размѣровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она совершенно неспособна къ движенію, такъ что кладетъ яица гдѣ попало и уже рабочіе переносятъ ихъ туда, гдѣ имъ надлежитъ вывестись. Очевидна близость этого случая съ явленіями паразитизма: матка поглощаетъ обильный даровой кормъ, почти ничего не тратитъ на передвиженіе и потому чрезвычайно плодовита. Матка африканскихъ термитовъ кладетъ въ двадцать-четыре часа 80,000 яицъ.

И такъ, индивидуальность и половая, генетическая дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ находятся во взаимномъ антагонизмѣ. Чѣмъ рѣзче выражена индивидуальность, чѣмъ индивидъ крупнѣе, сложнѣе и дѣятельнѣе, тѣмъ онъ менѣе плодовитъ. Это можно бы было и дедуктивнымъ путемъ вывести изъ теоріи борьбы за индивидуальность, именно—изъ борьбы между индивидомъ и входящими въ его составъ, поглощенными имъ, «помраченными», какъ превосходно выражается въ одномъ мѣстѣ Спенсеръ, низшими ступенями индивидуальности. Не трудно бы было, въ самомъ дѣлѣ, показать, что антагонизмъ индивидуальности и генезиса есть только частное выраженіе общаго антагонизма двухъ сосѣднихъ ступеней индивидуальности. Я боюсь, однако, утомлять теперь этимъ вниманіе читателя. Такъ или иначе, но фактъ антагонизма индивидуальности и плодовитости несомнѣненъ. Очень хорошо разработанный у Спенсера, онъ не составляетъ его открытія и можетъ быть найденъ во многихъ сочиненіяхъ по физіологіи. Но Спенсеръ сдѣлалъ шагъ впередъ попыткой приложить этотъ фактъ къ человѣческому обществу. Человѣкъ, естественно, оказывается подчиненнымъ общимъ законамъ размноженія. Малый ростъ, обильное питаніе, отсутствіе дѣятельности физической и умственной, грубость организаціи—вотъ условія наисильнѣйшаго размноженія человѣка, какъ и другихъ животныхъ, комбинирующіяся въ разныхъ странахъ и сословіяхъ весьма различно и потому дающія результаты очень сложные. Обратныя условія задерживаютъ силу размноженія. Подтвердивъ это примѣрами, Спенсеръ обращается къ будущему.

Онъ разбираетъ шансы прогресса, который человѣчество можетъ сдѣлать въ отношеніи физической силы, проворства, механической ловкости, въ отношеніи умственномъ, нравственномъ. А этотъ разборъ приводитъ его къ заключенію, что плодовитости предстоитъ извѣстное, весьма значительное сокращеніе. Онъ полагаетъ, что «въ концѣ концовъ, тѣснота населенія и зло, которымъ она сопровождается, исчезнутъ; и настанетъ такой порядокъ дѣлъ, что отъ каждой особи не будетъ требоваться ничего, кромѣ нормальной и пріятной дѣятельности». Я очень бѣгло передаю эти воззрѣнія Спенсера и не могу на нихъ останавливаться, потому что они затрогиваютъ много постороннихъ предмету этой статьи вопросовъ, а отступленій было уже и безъ того много. Замѣчу только, что Спенсеръ нигдѣ не говоритъ о шансахъ прогресса политическаго въ широкомъ смыслѣ этого слова. Безъ сомнѣнія, тотъ «миръ и благоволеніе», которые онъ обѣщаетъ въ будущемъ, возможны только въ такомъ случаѣ, если всѣ члены общества достигнутъ такой степени индивидуальности, которая такъ рѣшительно сократитъ половую дѣятельность. Это такъ ясно, что, пожалуй, даже не требуетъ оговорки, но нѣкоторые другіе взгляды Спенсера, связанные съ его излюбленной идеей соціальнаго организма, мѣшаютъ составить опредѣленное понятіе о его убѣжденіяхъ на этотъ счетъ. Играя въ соціальномъ организмѣ роль подчиненнаго, «помраченнаго» органа, человѣкъ утрачиваетъ свою индивидуальность; а слѣдовательно, невозможно ждать и сокращенія его плодовитости. Въ этомъ именно состоитъ вѣрная сторона теоріи Мальтуса: рабочій, пока онъ—только рабочій, всегда будетъ настолько плодовитъ, что только мальтузіанскія фуріи «порокъ, несчастіе и воздержаніе» помѣшаютъ ему размножаться.

Насъ интересуетъ здѣсь, однако, не избытокъ размноженія, для устраненія или предотвращенія котораго рекомендуется много разныхъ средствъ, а избытокъ самой любви, объ которомъ обыкновенно забываютъ. Сколько мнѣ извѣстно, одинъ Прудонъ настаивалъ на этой сторонѣ дѣла, ожидая въ будущемъ сокращенія силы половаго влеченія и введенія его въ естественныя границы. Нетрудно видѣть, что все вышеизложенное остается для этого вопроса въ полной силѣ. Опека надъ любовью или невозможна, или ведетъ къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ. Избытокъ же ея устранится самъ собой, если усилія людей будутъ направлены къ торжеству человѣческой индивидуальности. Этотъ избытокъ оттого только и происходитъ, что, кромѣ пораженія индивидуальности естественнымъ закономъ раздѣльно-по-

лаго существованія (что̀ составляетъ уже предѣлъ, его же не прейдеши), историческій процессъ наноситъ ей новые удары, во-первыхъ, усиливая вторичные половые признаки, во-вторыхъ— обращая личность въ о̀рганъ.

Заканчивая этой точкой первый отдѣлъ «Борьбы за индивидуальность», я чувствую потребность обратиться къ читателю съ просьбой о снисхожденіи. Кромѣ многочисленныхъ недостатковъ изложенія, очень хорошо мною сознаваемыхъ, настоящій очеркъ озаглавленъ «Семья», а между тѣмъ, семья въ немъ далеко не выяснена, и ему надлежало бы носить какое нибудь гораздо менѣе опредѣленное заглавіе. Дѣло въ томъ, что, въ противность первоначальному плану, я долженъ былъ перенести многое въ одну изъ дальнѣйшихъ главъ. Таковы ужь условія журнальной работы. Теперь мы перейдемъ къ вольницѣ и подвижникамъ.

Н. М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГІЕНЫ ВЪ РОССІИ.

Представимъ себѣ, что, въ наше время, въ Англіи кому-нибудь пришло бы въ голову доказывать публикѣ или представителямъ власти, что забота о здоровьи населенія составляетъ насущную необходимость. Его бы, очевидно, осмѣяли или, по крайней мѣрѣ, дали бы ему понять, что онъ можетъ найти лучшее приложеніе для своего времени и талантовъ. Такое явленіе возможно въ странѣ, гдѣ уже многіе десятки лѣтъ серьёзно работаютъ надъ практическимъ рѣшеніемъ важныхъ гигіеническихъ вопросовъ, гдѣ въ законодательствѣ насчитывается цѣлый рядъ постановленій, имѣющихъ цѣлью улучшить бытъ разнообразнѣйшихъ классовъ населенія, и гдѣ, наконецъ, государственные люди вполнѣ сознаютъ, что забота о здоровьи народа составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей государства. Дѣйствительно, давленіе общественнаго мнѣнія на правительственные органы въ Англіи такъ сильно, что даже консервативные министры, какъ Дизраэли и Дерби, не могли устоять противъ него, и, если не всегда по искреннему убѣжденію, то, по крайней мѣрѣ, изъ желанія пріобрѣсти или сохранить популярность, должны были объявить себя приверженцами коренныхъ улучшеній въ области общественной гигіены. На одномъ митингѣ въ Манчестерѣ, гдѣ собралось около 50,000 человѣкъ, большею частью изъ рабочаго класса, Дизраэли повторялъ нѣсколько разъ, что гигіеническіе вопросы перевѣшиваютъ всѣ остальные по своей важности и что для государственнаго дѣятеля они должны стоять на первомъ планѣ, такъ какъ успѣшное рѣшеніе ихъ кладетъ прочный фундаментъ для процвѣтанія и могущества всякой страны. Нѣкоторое время спустя, лордъ Дерби, тоже на какомъ-то митингѣ, сослался на рѣчь премьера и замѣтилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ предводителя политической партіи, который позволилъ бы себѣ подобныя выраженія,

сочли бы эксцентричнымъ или парадоксальнымъ, между тѣмъ какъ теперь каждый признаетъ въ этихъ словахъ вѣрное пониманіе того, что всего необходимѣе и важнѣе для народа. Изъ приведенныхъ нами выраженій обоихъ министровъ можно сдѣлать весьма важныя заключенія насчетъ того, какъ должно относиться правительство цивилизованной страны къ вопросу о народномъ здоровьи; и государственный человѣкъ, который нетолько ради краснаго словца, но по искреннему убѣжденію признаетъ справедливость заявленія Дизраэли, можетъ быть истиннымъ благодѣтелемъ своей родины. Съ нашей стороны, было бы несправедливо прямо сравнивать положеніе санитарнаго вопроса у насъ въ Россіи съ состояніемъ общественной гигіены въ Англіи, потому что условія и историческая почва общественной жизни въ этихъ двухъ государствахъ слишкомъ различны. Съ бо̀льшимъ правомъ мы можемъ обратиться къ нашимъ западнымъ сосѣдямъ, нѣмцамъ, и спросить: ка̀къ относятся у нихъ общество и правительство къ вопросу о значеніи и организаціи общественной гигіены? Здѣсь мы встрѣчаемся съ страннымъ и для многихъ неожиданнымъ явленіемъ: громадный и благотворный переворотъ во взглядахъ на значеніе гигіены въ бытѣ народа и государственной жизни, который, по словамъ лорда Дерби, совершился въ Англіи за послѣднія 30 лѣтъ, отразился въ протекшее десятилѣтіе и на Германіи. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ обществѣ и правительственныхъ сферахъ этой страны не существовало ни малѣйшаго движенія въ пользу общественной гигіены; лишь постепенно, и, главнымъ образомъ, благодаря отчетамъ нѣкоторыхъ соотечественниковъ, побывавшихъ въ Англіи и описавшихъ ея санитарныя условія, нѣмцы пробудились отъ сна и пришли къ сознанію, что порядки въ ихъ отечествѣ далеко не такъ прекрасны, какъ имъ грезилось. Съ тѣхъ поръ глаза ихъ открылись и на многое другое: имъ кажется, что воздухъ въ ихъ городахъ нечистъ, улицы узки, почва пропитана гніющими веществами, жилища рабочаго класса ужасны и т. д. и т. д.—словомъ, нѣмцамъ точно разомъ сняли катаракту и превратили ихъ изъ слѣпыхъ въ зрячихъ. Нельзя не согласиться, что сосѣди дѣлаютъ хорошее употребленіе изъ возвращеннаго имъ зрѣнія и усердно работаютъ для того, чтобы загладить свои прежнія ошибки. Первые шаги ихъ были, конечно, не тверды и робки; но теперь они идутъ уже увѣренно по новому пути, и то, чего тщетно добивались на разные лады многочисленные друзья народа, именно—коренного улучшенія быта недостаточнаго класса населенія, найдетъ скоро осуществленіе въ Германіи, вслѣдствіе сознанія простой, но столь долго непризнаваемой истины, что процвѣтаніе и могущество народа зависитъ отъ благосостоянія его отдѣльныхъ членовъ.

Какая картина развернется передъ нами, если мы перенесемъ все сказанное на состояніе санитарнаго вопроса въ Россіи?

Публика наша принимаетъ, какъ извѣстно, съ большимъ интересомъ всякую новинку съ гуманнымъ оттѣнкомъ и легко увлекается всякими стремленіями на пользу общую. Кромѣ того, мы довольно хорошо знакомы съ тѣмъ, что̀ происходитъ въ другихъ странахъ, частью благодаря печати, частью потому, что, при ежегодныхъ странствованіяхъ по чужимъ краямъ, имѣемъ случай видѣть успѣхи цивилизаціи на Западѣ. На этомъ основаніи намъ небезъизвѣстно и то, что̀ дѣлалось за-границей въ области общественной гигіены нѣсколько лѣтъ тому назадъ и что̀ дѣлается теперь. Мы знаемъ, что въ Англіи города содержатся въ необыкновенной чистотѣ, что тамъ не жалѣютъ усилій, чтобы доставить жителямъ хорошую воду въ достаточномъ количествѣ и что смертность въ бо̀льшей части англійскихъ городовъ составляетъ, приблизительно, только половину смертности нашихъ. Мы знаемъ, что при многихъ фабрикахъ во Франціи и Германіи устроены для рабочихъ хорошія помѣщенія, гдѣ они находятъ нетолько необходимыя гигіеническія условія, но и нѣкоторый комфортъ. Знаемъ, что на Западѣ во многихъ фабрикахъ приняты мѣры для предохраненія рабочихъ отъ вредныхъ вліяній, которыя могли бы подорвать ихъ здоровье. Знаемъ, что въ настоящее время въ Германіи дѣлаютъ весьма много для улучшенія гигіены школъ и что въ нѣкоторыхъ государствахъ народныя школы пользуются въ этомъ отношеніи особеннымъ вниманіемъ какъ публики, такъ и мѣстныхъ властей: школьныя зданія стали украшеніемъ германскихъ селъ, и можно безъ преувеличенія сказать, что во многихъ мѣстахъ лучшій домъ въ селеніи принадлежитъ школѣ. Перенесемся же теперь въ русское фабричное село съ населеніемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ и попросимъ, чтобы намъ указали школьное зданіе или жилища рабочихъ. Намъ, можетъ быть, придется удивляться роскоши убранства жилищъ владѣльца фабрики, въ особенности въ лицѣ молодаго поколѣнія, но врядъ ли кто-либо найдетъ завидными помѣщенія, въ которыхъ фабричные рабочіе и школьники должны проводить свое время. На это кто-нибудь изъ читателей возразитъ, быть можетъ, что и русскіе города дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для улучшенія своихъ санитарныхъ условій; что во многихъ городахъ проведена вода; что въ нѣкоторыхъ приняты всѣ нужныя мѣры для введенія цѣлесообразной системы очищенія; что у насъ нѣтъ недостатка въ самыхъ разнообразныхъ благотворительныхъ обществахъ, которыя заботятся о доставленіи дешевой и хорошей пищи, а также чистыхъ квартиръ недостаточному классу населенія. Отрицать этихъ фактовъ, конечно, нельзя; но только, отдавая полную справедливость подобнымъ стремленіямъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, въ какихъ размѣрахъ они могутъ вліять на здоровье населенія. При такой постановкѣ вопроса, тотчасъ же становится очевиднымъ, что сравненіе между нами и западными сосѣдями по отношенію къ дѣятельности на поприщѣ

общественной гигіены выпадаетъ далеко не въ нашу пользу. Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ существуетъ уже болѣе 10 лѣтъ водопроводъ; но, несмотря на это, большое число домовъ, населенныхъ бѣднѣйшимъ классомъ, даже въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ проведена невская вода, не пользуются ею, а должны брать воду для хозяйства и питья изъ вонючихъ и грязныхъ городскихъ каналовъ. Для человѣка, привыкшаго къ лучшимъ условіямъ, такая вода служила бы настоящимъ рвотнымъ; но нашъ рабочій людъ пьетъ ее безъ всякой предварительной очистки. Отсюда нашъ водопроводъ существуетъ, такъ сказать, только для привилегированной части населенія. Несравненно печальнѣе состояніе очистки и дренажа нашихъ городовъ. Уже болѣе 10 лѣтъ толкуютъ объ этомъ вопросѣ въ Петербургѣ; для предварительныхъ опытовъ были выданы уже значительныя суммы, и можно составить цѣлую библіотеку изъ того, что̀ было говорено и писано по этому предмету. И тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ не сдѣлано еще ни единаго шага, который обѣщалъ бы привести къ желанной цѣли, и дай Богъ нашимъ внукамъ дожить до систематическаго очищенія и дренажа города. Что касается жилищъ нашего рабочаго класса, то они, какъ извѣстно всякому, находятся въ самомъ печальномъ и противномъ всѣмъ гигіеническимъ требованіямъ состояніи. Наблюденія, которыя я имѣлъ случай дѣлать нѣсколько лѣтъ тому назадъ (Арх. Суд. Мед. и Общ. Гигіены, 1871 г.), равно какъ и изслѣдованія д-ра Гюбнера о санитарномъ состояніи Петербурга (Сборн. изд. мед. деп. 1872 г.), не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь, въ этихъ притонахъ грязи, въ этихъ отвратительныхъ центрахъ скопленія рабочаго народа, слѣдуетъ искать причину высокой цифры смертности нашего города. А между тѣмъ, для устраненія этого зла не дѣлается рѣшительно ничего. Со времени упомянутыхъ наблюденій прошло цѣлыхъ 5 лѣтъ, и едва ли можно указать на какую-либо перемѣну. Правда, наша полиція, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, употребляетъ всевозможныя усилія для возстановленія извѣстнаго минимума чистоты въ жилищахъ рабочихъ; но невозможность достигнуть санитарно-полицейскими мѣрами кореннаго измѣненія отвратительнаго состоянія ночлежныхъ пріютовъ очевидна для всякаго, и даже рвеніе полицейской власти должно, наконецъ, ослабнуть, когда о̀рганы ея убѣдятся, что результаты не соотвѣтствуютъ ни ихъ трудамъ, ни ихъ желаніямъ. И въ самомъ дѣлѣ, кому хоть разъ пришлось заглянуть въ дома̀ князя Вяземскаго, Пирогова и другіе, подобные имъ, ночлежные пріюты, кто, однажды, видѣлъ нары, гдѣ помѣщаются наши многочисленные легковые извощики—у того, говорю я, должны опуститься руки, и онъ долженъ будетъ сознаться, что палліативныя мѣры не могутъ имѣть здѣсь ни малѣйшаго значенія; въ самомъ дѣлѣ, существованіе подобныхъ жилищъ, которыя какъ бы издѣваются надъ самыми скромными требованіями гигіены, слишкомъ тѣсно

переплетено съ условіями жизни всего громаднаго числа рабочихъ, притекающихъ ежегодно въ нашу столицу. Тамъ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ скучена сотня людей, одежда которыхъ покрыта грязною корой; гдѣ въ одной и той же комнатѣ стряпаютъ, стираютъ и занимаются разными ремеслами; гдѣ въ одномъ и томъ же тѣсномъ помѣщеніи, за изорваннымъ платкомъ, служащимъ занавѣсомъ, родится новый товарищъ нищеты, въ то время, какъ въ другомъ углу какой-нибудь несчастный мечется въ предсмертной борьбѣ—тамъ, очевидно, самыя строгія приказанія на счетъ содержанія квартиръ въ чистотѣ и выполненіи различныхъ гигіеническихъ правилъ должны разбиться о бытовыя условія, какъ волна о гранитный утесъ. Отсюда существуетъ только одно средство для устраненія этихъ возмутительныхъ условій и улучшенія жилищъ рабочихъ — именно уничтоженіе или совершенная перестройка существующихъ теперь притоновъ и устройство цѣлесообразныхъ помѣщеній въ широкихъ размѣрахъ. Къ сожалѣнію, за это средство у насъ до сихъ поръ еще не принимались.

Понятно, что въ провинціи санитарныя условія еще гораздо печальнѣе, чѣмъ въ столицѣ. Тамъ не можетъ быть и рѣчи о рѣшительныхъ мѣрахъ къ улучшенію гигіеническихъ условій сельскаго быта или о средствахъ для предотвращенія болѣзней. Въ оффиціальныхъ сферахъ извѣстно, что наши уѣздные и губернскіе комитеты общественнаго здравія существуютъ скорѣе на бумагѣ, чѣмъ въ дѣйствительности, и что они подаютъ лишь самые скромные признаки жизни—короче сказать, не оказываютъ ни влиянія, ни пользы въ санитарномъ дѣлѣ. Поэтому, мы нимало не отступимъ отъ истины, если скажемъ, что въ Россійской Имперіи не существуетъ въ дѣйствительности ни правительственныхъ органовъ, которымъ была бы дорога забота о народномъ здоровьи, ни опредѣленныхъ стремленій въ этомъ отношеніи со стороны общественныхъ управленій городскихъ и земскихъ, ни даже практическаго интереса со стороны публики къ жгучимъ вопросамъ общественной гигіены.

Небезъинтересно разъяснить причины столь печальныхъ санитарныхъ условій.

Можно подумать, что въ нашемъ законодательствѣ существуетъ въ этомъ отношеніи пробѣлъ и что оно не даетъ общественнымъ управленіямъ достаточной свободы для дѣятельнаго участія въ вопросѣ о народномъ здравіи. Такой взглядъ былъ бы, однако, ошибочнымъ, и обвиненіе законодательства ни въ какомъ случаѣ не можетъ объяснить бездѣйствіе нашихъ общественныхъ управленій въ санитарномъ отношеніи. Напротивъ, новое положеніе о земскихъ учрежденіяхъ ставитъ земствамъ въ прямую обязанность попеченіе о народномъ здравіи; кромѣ того, на основаніи городоваго положенія 1870 года, къ предметамъ вѣдомства городскаго общественнаго управленія принадлежитъ попеченіе объ охраненіи народнаго здравія. Отсюда

уже недалеко до мысли, что правительство могло бы идти еще дальше и законодательнымъ путемъ организовать общественную гигіену во всемъ государствѣ. Это до нѣкоторой степени и сдѣлано: комитеты общественнаго здравія получили, путемъ правительственныхъ постановленій, опредѣленный составъ, и предѣлы ихъ дѣятельности тоже установлены; кромѣ того, въ Петербургѣ учреждена исполнительная санитарная комиссія, состоящая бо̀льшею частью изъ высшихъ медицинскихъ чиновниковъ. Несмотря, однако, на такое прямое участіе правительства въ организаціи общественной гигіены, санитарный вопросъ не двинулся на самомъ дѣлѣ ни на шагъ впередъ, и, какъ мы увидимъ ниже, опытъ нашихъ западныхъ сосѣдей показалъ, что слишкомъ прямое вмѣшательство законодательства въ организацію общественной гигіены вовсе нежелательно. Нужно только, чтобы законодательство установило извѣстныя правила въ интересахъ народнаго здравія и чтобы никто не могъ преступать эти правила безнаказанно. Нужно далѣе удалить всякія препятствія для организаціи санитарной части въ городахъ и земствахъ и дать общественнымъ управленіямъ право назначать самостоятельно въ подвѣдомственныхъ имъ участкахъ такіе о̀рганы, на которыхъ бы лежала обязанность изученія средствъ для улучшенія санитарныхъ условій.

Если, поэтому, наше законодательство удовлетворяетъ до нѣкоторой степени этимъ требованіямъ и нетолько даетъ общественнымъ управленіямъ право заботиться о народномъ здравіи, но даже ставитъ имъ это въ прямую обязанность, то въ чемъ же искать причины, что на всей святой Руси не существуетъ ни корпорацій, ни отдѣльныхъ личностей, которыхъ оффиціальная дѣятельность была бы направлена къ тому, чтобы изучать санитарную сторону нашего общественнаго быта и обращать вниманіе администраціи на ненормальныя явленія этого быта, обусловливающія слишкомъ большую заболѣваемость и смертность, но устранимыя болѣе или менѣе простыми мѣрами, лежащими въ предѣлахъ возможности? Отчего до сихъ поръ въ дѣйствительности продолжаютъ отдавать преимущество медицинѣ передъ гигіеной и даютъ населенію сначала заболѣть вслѣдствіе дурныхъ санитарныхъ условій, а затѣмъ, при значительныхъ тратахъ частныхъ и казенныхъ средствъ, угощаютъ ихъ различными лекарствами? Почему до сихъ поръ продолжаютъ смотрѣть на практическихъ врачей, какъ на ангеловъ-избавителей, и цѣнятъ ихъ совѣты на вѣсъ золота, въ то время, какъ гигіенистъ считается лишнимъ существомъ, никому ненужнымъ и немогущимъ имѣть вліянія на обычный порядокъ вещей, несмотря на то, что его работа возбуждаетъ часъ отъ часу интересъ отдѣльныхъ личностей. Такое отношеніе къ дѣлу можно сравнить только съ обуявшей всѣ общественные кружки страстью къ биржевымъ спекуляціямъ: стремленіе ставить все на карту, рисковать—быстро разбогатѣть или прогорѣть разомъ; презрѣніе

къ честному труду и нерасположеніе къ солидному помѣщенію капиталовъ — всѣ эти несообразности преобладаютъ у насъ нетолько въ экономическомъ отношеніи: мы поступаемъ точно также и въ отношеніи нашего здоровья. Возможность умереть отъ холеры и тифа или отъ какой другой эпидемической болѣзни, правда, пугаетъ насъ; но страхъ этотъ ведетъ лишь къ тому, что, въ минуту опасности, мы хватаемся за первое встрѣчное средство, не сознавая необходимости долголѣтняго, усиленнаго и научнаго труда для удаленія отъ насъ холеры и другихъ незванныхъ гостей. Лишь только опасность прошла, мы снова веселы и безпечны и живемъ спустя рукава изо дня въ день, забывая, что вскорѣ намъ опять придется встрѣтиться съ тою же опасностью и что многіе изъ насъ поплатятся жизнью за то равнодушіе, съ которымъ общество относится къ вопросу о здоровьи населенія. Фатализмъ, съ которымъ мы смотримъ на все, что̀ не угрожаетъ нашей жизни непосредственною опасностью, недостатокъ серьёзнаго пониманія экономическаго значенія хорошихъ санитарныхъ условій со стороны публики составляютъ одну изъ причинъ, почему гигіена не пріобрѣла у насъ до сихъ поръ права гражданства и почему мы не рѣшаемся приняться за медленную, но вѣрную и плодотворную работу въ этой области. Вторая причина пренебреженія гигіеной и недостаточной организаціи ея у насъ состоитъ въ полномъ отсутствіи участія къ общественнымъ интересамъ, которое проявляется теперь нетолько въ средѣ нашей образованной публики, но и въ общественныхъ управленіяхъ, городскихъ и земскихъ. «Nous ne sommes plus même lâches—сказалъ бы про насъ Жоржъ Сандъ—nous sommes inertes». Пріученные съ давнихъ поръ къ тому, что каждый нашъ шагъ долженъ быть указанъ администраціей, мы не могли еще усвоить надлежащимъ образомъ значенія принципа самоуправленія, предоставленнаго намъ законодательствомъ; мы не знаемъ, ка̀къ приняться за дѣло, и все ждемъ какого-нибудь предписанія свыше. Нужно признаться, ка̀къ это ни прискорбно, что о̀рганы самоуправленія плохо оправдываютъ надежды, возлагаемыя на нихъ со всѣхъ сторонъ, и что они самымъ неудовлетворительнымъ образомъ выполняютъ свои обязанности по отношенію къ обществу. Наша періодическая печать неразъ уже обращала вниманіе на бездѣятельность нашихъ городскихъ обществъ по отношенію къ нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ; а недостаточное знаніе дѣла со стороны ихъ членовъ и совершенное отсутствіе интереса къ нему у большинства вошли почти въ поговорку. Для такого города, какъ Петербургъ, гдѣ разсѣяно столько богатствъ, положительно позорна исторія съ постояннымъ литейнымъ мостомъ и не менѣе позоренъ для столичной думы весь ходъ вопроса объ очисткѣ и дренажѣ города. Между тѣмъ какъ вездѣ на Западѣ города съ несравненно меньшими средствами, предпринимаютъ мѣры къ своему оздоровленію по собственной инициативѣ, наше столичное управленіе, послѣ де-

сятилѣтнихъ слишкомъ разсужденій на эту тэму, все еще сидитъ сложа руки и не можетъ сдѣлать ни единаго рѣшительнаго шага для осуществленія мѣръ, безъ которыхъ нельзя и думать о лучшемъ санитарномъ состояніи города. Мы признаёмъ, что отдѣльныя личности и члены нашего столичнаго управленія вполнѣ сознаютъ необходимость энергическихъ мѣръ въ этомъ направленіи, но большинство не имѣетъ никакого понятія о вопросахъ общественнаго благосостоянія или, по крайней мѣрѣ, никакого понятія о необходимости организаціи общественной гигіены. Нашъ приговоръ надъ городской администраціей до такой степени строгъ потому, что, какъ мы увидимъ ниже, въ столицѣ, сравнительно, очень легко организовать правильно санитарную часть, тогда какъ въ провинціи дѣло это встрѣчаетъ несравненно больше препятствій. Весьма естественно быть снисходительнѣе къ представителямъ земскаго самоуправленія, чѣмъ къ городской администраціи, потому что къ перечисленнымъ уже причинамъ, затрудняющимъ организацію общественной гигіены въ нашихъ городахъ, прибавляются въ деревняхъ еще другія обстоятельства, съ которыми гораздо труднѣе бороться. Рѣдкость населенія, бѣдность и необразованность громаднаго большинства, недостатокъ въ спеціально - образованныхъ и свѣдущихъ личностяхъ—всѣ эти условія находятся въ связи съ исторіей развитія народа, и измѣнить ихъ въ короткое время нѣтъ возможности; поэтому мы весьма далеки отъ того, чтобъ бросить камнемъ въ губернское земское собраніе Вятской Губерніи, которое, въ этомъ году, отмѣнило свое постановленіе отъ 11-го декабря 1873 года о приглашеніи для медицинско - санитарныхъ занятій по вятскому земству особаго врача-гигіениста и рѣшило «должность санитарнаго врача при вятскомъ земствѣ упразднить». Дѣло стоитъ, дѣйствительно, такъ, какъ сказано въ представленіи вятской губернской земской управы: «дѣятельность санитара въ средѣ населенія, лишеннаго возможности, частью по неразвитости, а главнымъ образомъ по бѣдности, принимать и исполнять совѣты его и его требованія относительно жилищъ, воздуха, пищи, воды, парализуется въ дѣлѣ достиженія какихъ-либо полезныхъ результатовъ для страны...» [1] Но если мы, главнымъ образомъ, на основаніи перечисленныхъ выше причинъ, не можемъ пока требовать и ожидать многаго отъ земствъ въ дѣлѣ организаціи общественной гигіены, то этого никакъ нельзя перенести на наши столицы — центры богатства и образованія. Здѣсь на большомъ пространствѣ сосредоточены большія массы людей; здѣсь изобиліе въ средствахъ сообщенія и нѣтъ недостатка въ умственныхъ силахъ для различныхъ спеціальностей, которыя могутъ служить на пользу санитарнаго дѣла; наконецъ, здѣсь гораздо легче найти денежныя средства, необходимыя для улучшенія санитарныхъ условій. На этомъ основаніи, пренебре-

[1] См. протоколы 2-го съѣзда врачей Вятской Губерніи «Здоровье» № 23.

женіе къ вопросамъ общественной гигіены, отсутствіе санитарной организаціи и общее равнодушіе къ большой цифрѣ заболѣваній и смертности могутъ быть прямо и смѣло поставлены въ укоръ столичной администраціи. Ошибочно думать, что частная благотворительная дѣятельность, которой съ большимъ увлеченіемъ отдается почти во всѣхъ большихъ городахъ образованная часть общества съ гуманными стремленіями, въ состояніи способствовать хоть сколько-нибудь удовлетворительному рѣшенію задачи. Общественная благотворительность, на основаніи руководящаго ею принципа и вслѣдствіе весьма понятныхъ внѣшнихъ причинъ, въ состояніи улучшить положеніе лишь очень ограниченнаго числа людей и представляетъ, во всякомъ случаѣ, явленіе случайное. Правда, можно ожидать съ большой вѣроятностью, что въ большихъ городахъ всегда найдутся отдѣльныя личности, которыя, по искреннему влеченію сердца или изъ честолюбиваго желанія блеснуть передъ обществомъ и т. д., будутъ склонны удѣлять часть своихъ излишковъ, въ той или другой формѣ, неимущимъ ближнимъ и будутъ находить въ этомъ отраду. Но съ неменьшимъ основаніемъ можно ожидать, что число такихъ личностей, которыя изъ чистыхъ, человѣческихъ — или менѣе красивыхъ эгоистическихъ мотивовъ—захотятъ отдавать свое время и деньги въ кассу общественной благотворительности, никогда не будетъ особенно велико. Безъ сомнѣнія, число благотворителей и размѣры денежныхъ средствъ, жертвуемыхъ ими, будутъ находиться въ извѣстной связи съ цивилизаціей страны и рости рука объ руку съ ея развитіемъ; но не слѣдуетъ забывать, что современная цивилизація заключаетъ въ себѣ также зародыши для развитія пролетаріата въ громадныхъ размѣрахъ; относительная цифра требующихъ помощи будетъ, слѣдовательно, тоже возрастать, и, кромѣ того, жизненныя потребности такого пролетаріата будутъ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у недостаточнаго населенія менѣе цивилизованной страны. И такъ, рука объ руку съ нашей цивилизаціей, наростаютъ, безспорно, гуманныя стремленія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, наростаетъ и масса бѣдности, и число нуждающихся. Наконецъ, при оцѣнкѣ вліянія частной благотворительности съ точки зрѣнія общественной гигіены, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что благотворители, при выборѣ людей, которымъ они хотятъ «благодѣтельствовать», не всегда руководятся раціональными принципами, но, по бо̀льшей части, слѣдуютъ личнымъ симпатіямъ и изливаютъ свои щедроты на наиболѣе достойныхъ, по ихъ мнѣнію, а не на тѣхъ, которые абсолютно всего болѣе нуждаются. Разница между частной благотворительностью и правильно организованнымъ санитарнымъ строемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, характеристика послѣдняго состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что въ первой выражаются случайныя симпатіи отдѣльныхъ личностей, между тѣмъ какъ вторымъ руководитъ сознаніе солидарности всего человѣчества, и онъ является разумнымъ выраженіемъ тѣхъ

обязанностей, которыя лежать на обществѣ по отношенію къ каждому отдѣльному человѣку. Разница въ результатахъ этихъ двухъ пріемовъ для улучшенія быта недостаточныхъ классовъ громадна и всего лучше можетъ быть представлена на примѣрѣ. Представимъ себѣ на одну минуту, что общественная гигіена въ Петербургѣ организована такимъ образомъ, что ея представителямъ даны въ руки власть и средства для принятія энергическихъ мѣръ къ оздоровленію города и что санитарныя власти поставили себѣ цѣлью устранить одно изъ важнѣйшихъ золъ нашей столицы и преобразовать кореннымъ образомъ жилища рабочаго класса. Что̀ бы стало, въ такомъ случаѣ, дѣлать городское управленіе? Во-первыхъ, оно бы обратило вниманіе на нѣкоторые изъ притоновъ, находящихся въ центрѣ города, гдѣ простой народъ, притекающій тысячами въ столицу, живетъ въ непроходимой грязи, при самыхъ неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, и принялось бы за радикальную реформу ихъ; или, еслибы это оказалось невозможнымъ по какимъ-либо причинамъ, оно бы, въ интересахъ общественной гигіены, объявило эти притоны непригодными для человѣческихъ жилищъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, городское управленіе позаботилось бы объ устройствѣ, при посредствѣ общественныхъ суммъ или компаніи на акціяхъ, особыхъ помѣщеній на окраинахъ города или даже за чертой послѣдняго, гдѣ бы рабочіе могли жить нетолько въ хорошихъ гигіеническихъ условіяхъ, но и съ извѣстнымъ комфортомъ. Жилища рабочихъ сообщались бы съ разными частями города посредствомъ конно-желѣзныхъ дорогъ, а устраненіе всякихъ стѣснительныхъ условій привлекало бы жильцовъ въ новый кварталъ. Съ другой стороны, при помощи строгихъ санитарныхъ предписаній относительно наемныхъ квартиръ въ городѣ, можно было бы сдѣлать ихъ содержаніе настолько затруднительнымъ, что число ихъ уменьшилось бы само собой. Еслибы санитарное управленіе ограничилось для начала только реформой нѣсколькихъ такихъ домовъ, какъ, напримѣръ, домъ Вяземскаго, между Фонтанкой и Сѣнной, или домъ Пирогова въ Малковомъ Переулкѣ и другіе, или занялось бы устройствомъ цѣлесообразныхъ помѣщеній для легковыхъ извощиковъ, то этимъ обезпечило бы уже, во всякомъ случаѣ, здоровыя жилища для многихъ тысячъ народа. Само собой разумѣется, что частная благотворительность никогда не можетъ достигнуть такихъ размѣровъ; въ особенности же безсильна она по отношенію къ квартирамъ недостаточныхъ классовъ. Въ этомъ убѣдились даже въ Англіи, съ которой ни одна страна не можетъ соперничать въ филантропическихъ стремленіяхъ. Тамъ уже давно отказались отъ мысли улучшить жилища рабочаго класса путемъ частной благотворительности; но такъ какъ правительство въ Англіи вмѣшивается лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ усилія общества оказываются недостаточными для достиженія какой-нибудь общественной цѣли, то въ этой странѣ, и, главнымъ образомъ, въ Лондонѣ, пришли къ мысли, сдѣлать

изъ устройства дешевыхъ квартиръ новый родъ помѣщенія капиталовъ и агитировать въ пользу образованія строительныхъ компаній съ этою цѣлью. Такимъ образомъ, предметъ этотъ былъ изъятъ изъ области частной благотворительности, и опытъ показалъ вскорѣ всю раціональность новаго пріема: именно, компаніи, которыя отдали ввѣренные имъ капиталы на общепринятые въ странѣ проценты, имѣли вскорѣ гораздо бо̀льшій успѣхъ, чѣмъ тѣ, которыя преслѣдовали филантропическія цѣли.

Въ Петербургѣ мы имѣемъ тоже не мало примѣровъ несостоятельности филантропическихъ стремленій въ дѣлѣ попеченія о народномъ здоровьи. Извѣстно, съ какимъ рвеніемъ и самоотверженіемъ занимались, въ теченіи многихъ лѣтъ, даже высокопоставленныя лица вопросомъ о хорошихъ и дешевыхъ квартирахъ для недостаточнаго класса; несмотря на это, дѣятельность обществъ, учрежденныхъ съ этою цѣлью, весьма ограничена; такъ, напримѣръ, изъ отчетовъ о дѣятельности высочайше учрежденнаго общества доставленія дешевыхъ квартиръ нуждающимся жителямъ Петербурга оказывается, что общество это, имѣющее чисто филантропическій характеръ, можетъ дать въ своихъ помѣщеніяхъ пріютъ лишь нѣсколькимъ сотнямъ человѣкъ—цифра ничтожная для петербургскаго рабочаго населенія, въ которомъ насчитывается нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ!.. Понятно, что для состоянія общественнаго здоровья въ нашей столицѣ совершенно безразлично, имѣетъ ли нѣсколько сотъ человѣкъ лучшія или худшія помѣщенія. Отношеніе нисколько бы не измѣнилось въ сущности, еслибы, съ теченіемъ времени, кругъ дѣйствій названнаго общества и другихъ подобныхъ расширился бы вдвое или втрое и еслибы, вмѣсто нѣсколькихъ сотенъ, въ дешевыхъ квартирахъ общества нашли бы пріютъ столько же тысячъ. Гнѣздилища всякой заразы, переполненные, грязные ночлежные пріюты продолжали бы, все-таки, существовать, и самый бѣдный и всего болѣе нуждающійся классъ населенія никогда бы не узналъ благодѣяній здороваго жилища. Цѣль можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, когда вопросъ о реформѣ рабочихъ жилищъ будетъ изъятъ изъ предѣловъ филантропіи и переведенъ въ область общественной гигіены—словомъ, сдѣлается общественнымъ дѣломъ и войдетъ въ программу занятій и обязанностей городскихъ управленій. Все сказанное о реформѣ жилищъ относится вполнѣ и къ стремленію снабжать дешевой и хорошей пищей нуждающихся жителей города, такъ какъ дѣятельность общества, руководящаяся однимъ принципомъ благотворительности, при устройствѣ народныхъ кухонъ и дешевыхъ столовыхъ, можетъ, во всякомъ случаѣ, имѣть лишь чрезвычайно тѣсную рамку. Хотя обѣ дешевыя столовыя, существующія въ Петербургѣ уже нѣсколько лѣтъ, отпускаютъ ежегодно около 500,000 обѣдовъ и порцій, во всякомъ случаѣ ихъ вліяніе на прокормленіе массы недостаточнаго населенія крайне ничтожно. Предположимъ, что недостаточная часть нашего рабочаго класса не пре-

вышаетъ 250,000 головъ — цифра, конечно, не слишкомъ высокая; въ такомъ случаѣ, при 500,000 обѣдахъ и порціяхъ, каждый человѣкъ могъ бы пользоваться только дважды въ годъ благодѣяніемъ обѣда или порціи изъ дешевой столовой, а 363 дня въ году питался бы на свой обычный ладъ. Понятно, что общественное здоровье не можетъ много выиграть при такихъ условіяхъ. Дѣло приняло бы совсѣмъ иной характеръ, еслибы санитарное управленіе, учрежденное городомъ, имѣло возможность открыть такія дешевыя столовыя и народныя кухни во всѣхъ частяхъ города, гдѣ въ нихъ существуетъ потребность; тогда, при надлежащемъ прокормленіи цѣлыхъ массъ населенія, здоровье послѣдняго могло бы, дѣйствительно, значительно подняться. Но все это мыслимо только при томъ условіи, если все общество, какъ равно и общественное управленіе города, будутъ проникнуты убѣжденіемъ, что такія громадныя затраты въ пользу народнаго здоровья дѣйствительно нужны. Къ сожалѣнію, вь нашей общественной жизни мы не видимъ никакихъ явленій, которыя давали бы право надѣяться, что общество наше проникнется этимъ убѣжденіемъ въ ближайшемъ будущемъ; намъ даже приходится сознаться, что, при построеніи подобныхъ плановъ, переносишься до нѣкоторой степени въ область идеальныхъ соціальныхъ условій, хотя мы вовсе не требуемъ, чтобы указанныя перемѣны совершились бы тотчасъ же въ широкихъ размѣрахъ. Мы только хотимъ сказать, что подобныя, до нѣкоторой степени, идеальныя условія возможны лишь при надлежащей организаціи попеченія о народномъ здравіи и вполнѣ недостижимы путемъ однихъ филантропическихъ стремленій и частной благотворительности. Не слѣдуетъ, поэтому, принимать за единственный критерій цѣлесообразности стремленій ихъ мгновенный успѣхъ, но слѣдуетъ класть въ основу своего труда, прежде всего, вѣрный принципъ и выбирать тотъ путь, который всего вѣрнѣе можетъ привести къ желаемой цѣли. Мы хотимъ еще прибавить, что всѣ подобныя учрежденія, какъ, напримѣръ, хорошія и здоровыя квартиры для рабочихъ, народныя кухни, ясли для грудныхъ дѣтей и т. д, ни въ какомъ случаѣ не должны быть благотворительными учрежденіями на практикѣ, даже когда они будутъ устраиваться общинами—напротивъ: они должны быть выгоднымъ помѣщеніемъ капиталовъ, приносящихъ установленные въ странѣ проценты. Только при такомъ условіи, можно будетъ собрать необходимыя суммы. Что же касается процентовъ на затраченный, такимъ образомъ, капиталъ, то получить ихъ весьма легко, безъ всякаго обремененія для тѣхъ, кто будетъ пользоваться названными учрежденіями. Напримѣръ, когда рабочія жилища будутъ устроены въ широкихъ размѣрахъ, то издержки отдѣльныхъ лицъ, которыя будутъ нанимать квартиры, ни въ какомъ случаѣ не превысятъ того, что̀ они платятъ теперь за грязный уголъ въ отвратительной вонючей комнатѣ. Припомнимъ, что именно эти притоны даютъ своимъ владѣльцамъ большіе ба-

рыши и что бѣднякъ эксплуатируется здѣсь вдвойнѣ, такъ какъ онъ своей трудовою копейкой нетолько обогащаетъ хозяина дома, но и кормитъ квартирную хозяйку..

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса: какимъ образомъ должно быть организовано попеченіе объ общественномъ здоровьи для того, чтобы санитарныя управленія не служили ширмой бездѣйствія и успокоительнымъ средствомъ для довѣрчивой массы, но выполняли на самомъ дѣлѣ свое высокое назначеніе? Въ этомъ отношеніи, мы находимся въ Россіи въ весьма выгодномъ положеніи: можемъ прямо пользоваться успѣшными опытами Запада и избѣгать сдѣланныхъ здѣсь ошибокъ. Понятно, однако, что намъ нельзя слѣпо подражать любому европейскому учрежденію и безъ всякой критики переносить продукты, выросшіе на другой почвѣ, на нашу собственную. Организація всякаго общественнаго дѣла можетъ быть цѣлесообразною лишь въ томъ случаѣ, если она примѣнима къ мѣстнымъ условіямъ и находитъ соотвѣтственную почву въ соціальной жизни данной страны. Къ сожалѣнію, въ Россіи не разъ уже впадали въ подобныя ошибки, подражая западнымъ сосѣдямъ безъ должнаго вниманія къ характеру собственной страны и своего народа; желательно, поэтому, чтобы мы, когда наступитъ очередь для организаціи санитарнаго дѣла у насъ, не стали слѣпо подражать учрежденіямъ, существующимъ въ томъ или другомъ изъ европейскихъ государствъ.

Можно сказать вообще, что организація общественной гигіены въ тѣхъ европейскихъ государствахъ, гдѣ она существуетъ, основана на двухъ совершенно различныхъ принципахъ. Представительницей одного изъ этихъ принциповъ является Англія: здѣсь общественная гигіена развилась изъ потребностей и стремленій самаго населенія; отсюда общины приняли большое участіе въ ея организаціи и до послѣдняго времени сами назначали людей для выполненія гигіеническихъ мѣръ, признанныхъ необходимыми. Правительство, бо̀льшею частью, ограничивалось тѣмъ, что облегчало общинамъ ихъ задачу изданіемъ общихъ и спеціальныхъ законовъ для опредѣленія санитарныхъ условій и устраненія извѣстныхъ вредныхъ вліяній. Такихъ постановленій, утвержденныхъ парламентомъ въ разное время для различныхъ городовъ и округовъ, весьма много въ Англіи. Сначала они относились преимущественно къ мощенію, освѣщенію, очищенію и украшенію городовъ; позднѣе же начали, главнымъ образомъ, касаться вопросовъ общественной гигіены. Появились законы, запрещающіе переполненіе квартиръ, законы о снабженіи городовъ водой, о санитарномъ надзорѣ за фабриками, законы противъ поддѣлки съѣстныхъ припасовъ и т. д. Многіе изъ этихъ законовъ имѣли, однако, чисто факультативный характеръ, т. е. исполненіе ихъ было отдано на благоусмотрѣніе мѣстныхъ властей. Вообще, не слѣдуетъ думать, чтобы, при улучшеніи своихъ санитарныхъ условій, англійскія

общины дѣйствовали по опредѣленному плану и имѣли съ самаго начала правильную организацію санитарной части. Какъ англійское общинное управленіе, такъ и управленіе общественной гигіеной находилось до самаго послѣдняго времени въ хаотическомъ состояніи, потому что одинъ и тотъ же предметъ подлежалъ одновременному надзору различныхъ вѣдомствъ. Такъ случалось, напр., что одна и та же улица или одинъ и тотъ же домъ были подчинены разнымъ управленіямъ относительно проведенія воды, канализаціи и другихъ отдѣловъ общественной гигіены. Дж. Симонъ, извѣстный англійскій санитарный врачъ, говоритъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ оффиціальныхъ отчетовъ, что въ каждомъ округѣ отхожія мѣста и свиные хлѣва подчинены двумъ разнымъ вѣдомствамъ и что одному вѣдомству порученъ надзоръ за тѣмъ, чтобы отхожія мѣста не могли быть причиной вреда для здоровья, тогда какъ другое должно заботиться о приведеніи ихъ въ порядокъ, если они сдѣлались причиной вреда для населенія. Подобное дробленіе имѣетъ, конечно, весьма дурныя послѣдствія: во-первыхъ, одно вѣдомство естественно ссылается на другое, а другое на третье, а третье снова на первое, такъ что, въ окончательномъ результатѣ, не дѣлается ровно ничего для устраненія вредныхъ вліяній, или же между различными вѣдомствами начинаются непріятныя препирательства на счетъ ихъ компетентности; во вторыхъ, вслѣдствіе этого хаотическаго состоянія, крайне затрудняется или просто на просто дѣлается невозможнымъ контроль надъ санитарными мѣрами и ихъ вліяніемъ на здоровье населенія. Столь неблагопріятный порядокъ вещей не могъ, конечно, не обратить на себя вниманія правительства, которое дѣлало многократныя попытки внести хоть нѣкоторый порядокъ въ этотъ хаосъ изданіемъ общихъ санитарныхъ законовъ и подчинить санитарную часть нѣкоторому контролю учрежденіемъ особыхъ органовъ для завѣдыванія общественной гигіеной. При этихъ попыткахъ, правительство должно было, очевидно, дѣйствовать съ большою осторожностью и тщательно избѣгать введенія бюрократическаго элемента въ общинное управленіе; иначе всѣ постановленія и законопроекты разбились бы о то ревнивое чувство, съ которымъ англичане защищаютъ свое самоуправленіе. Даже, несмотря на всевозможную осторожность, англійскому правительству неудалось избѣгнуть непріятныхъ уроковъ въ этомъ отношеніи, потому что центральный санитарный совѣтъ, учрежденный въ 1848 году, *General board of health*, погибъ, въ 1858 г., жертвой непопулярности, которую навлекъ на себя борьбой съ преданіями англійскихъ общинныхъ и частныхъ правъ. Въ стремленіи къ лучшей организаціи санитарнаго дѣла въ общинахъ и бо̀льшей централизаціи управленія общественной гигіены англійскому правительству много помогли благопріятные результаты, обнаружившіеся съ чрезвычайной быстротой въ тѣхъ большихъ городахъ, гдѣ санитарное управленіе получило болѣе цѣльную организацію.

И въ самомъ дѣлѣ, потребность правильной санитарной переорганизаціи возросла мало по малу до такой степени, что въ 1869 году правительство нашло нужнымъ снова учредить комиссію для изслѣдованія состоянія общественной гигіены въ Англіи и Уэльсѣ, для разсмотрѣнія значенія и приложимости существующихъ санитарныхъ законовъ и для составленія проектовъ санитарныхъ улучшеній. Комиссія эта получила широкія права: она могла выслушивать показанія свидѣтелей и спеціалистовъ всякаго рода и принимать къ свѣдѣнію всякіе документы, которые могли имѣть какое-нибудь значеніе для ввѣреннаго ей дѣла. Комиссія вполнѣ воспользовалась своими правами и собрала цѣнный матеріалъ, въ которомъ наблюденія и мнѣнія всѣхъ опытныхъ въ санитарномъ дѣлѣ врачей, химиковъ, инженеровъ, чиновниковъ и юристовъ страны собраны съ величайшею точностью и полнотой. Подробные отчеты этой комиссіи раскрываютъ весьма наглядную картину всѣхъ важныхъ результатовъ, которыхъ, въ послѣдніе 20 лѣтъ, достигли въ бо̀льшей части англійскихъ городовъ, благодаря энергической дѣятельности санитарныхъ управленій и содѣйствію общинъ—результатовъ, могущихъ служить образцомъ для континентальныхъ державъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отчеты эти съ безпощадной объективностью раскрываютъ и все зло, которое навлекли на себя или могутъ навлечь различныя мѣстности, вслѣдствіе несоблюденія раціональныхъ правилъ и недостатка разумной организаціи общественной гигіены. Сто̀итъ упомянуть вкратцѣ о главныхъ результатахъ, къ которымъ пришла эта комиссія по отношенію къ санитарному законодательству и организаціи санитарнаго управленія.—Первою потребностью комиссія признала простоту санитарнаго законодательства и одинаковость его для всей страны. Отсюда само собою вытекаетъ, что всѣ разнородныя или даже противорѣчивыя мѣстныя постановленія должны уступить мѣсто новому статуту, обнимающему всю страну, и что нельзя уже болѣе предоставлять произволу мѣстнаго управленія принимать или отвергать какой-нибудь общій санитарный законъ, одобренный законодательною властью и правительствомъ. Единственное обстоятельство, допускающее видоизмѣненія въ санитарномъ законодательствѣ для отдѣльныхъ мѣстностей и округовъ, есть различіе между городскими и сельскими общинами, такъ какъ онѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, имѣютъ особыя гигіеническія требованія. Лучшими представителями санитарнаго управленія комиссія признаетъ въ городахъ выборныхъ городскихъ депутатовъ; въ деревняхъ же—президентовъ мѣстныхъ совѣтовъ призрѣнія бѣдныхъ. Далѣе, комиссія считаетъ нужнымъ, чтобы въ числѣ чиновниковъ, назначаемыхъ мѣстнымъ санитарнымъ управленіемъ, находился, по крайней мѣрѣ, одинъ врачъ—«*Medical Officer of Health*»—которому долженъ быть порученъ санитарный надзоръ за городомъ или селеніемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, веденіе списковъ новорожденныхъ и умершихъ. Въ деревнѣ это мѣсто можетъ за-

нимать участковый врачъ для бѣдныхъ, который находится въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ населеніемъ и потому имѣетъ всего болѣе случаевъ узнать причины болѣзней; въ городахъ-же санитарными чиновниками могутъ быть врачи, которые должны посвящать свое время исключительно санитарному дѣлу. Центральное управленіе общественной гигіены для всей страны должно быть соединено съ центральнымъ управленіемъ призрѣнія бѣдныхъ и находиться въ вѣдѣніи особаго министра. Центральное управленіе это должно находиться въ постоянной и *непосредственной* связи съ мѣстнымъ санитарнымъ управленіемъ. Первое имѣетъ въ своемъ распоряженіи большое число санитарныхъ инспекторовъ, на обязанности которыхъ лежитъ контроль надъ дѣйствіями мѣстныхъ управленій.

Предложенія комиссіи нашли осуществленіе въ своихъ главныхъ чертахъ уже въ 1871 году въ особомъ законѣ, и, такимъ образомъ, въ Англіи образовалась центральная организація общественной гигіены. Къ сожалѣнію, правительство впало при этой реорганизаціи въ нѣкоторыя немаловажныя ошибки, вызвавшія сильную оппозицію, преимущественно между врачами, и возбудившія сильное неудовольствіе публики. Именно въ новомъ министерствѣ главное вниманіе было обращено на совѣтъ призрѣнія бѣдныхъ, и, хотя прежнее центральное санитарное управленіе, со всѣми своими чиновниками, вошло въ составъ министерства, оно, во всякомъ случаѣ, утратило свою самостоятельность и почувствовало себя до нѣкоторой степени оттѣсненнымъ на задній планъ, среди столькихъ другихъ, болѣе или менѣе чуждыхъ ему интересовъ, представителями которыхъ являлись немедики. То же повторилось и въ сельскихъ общинахъ относительно состава и дѣятельности мѣстныхъ санитарныхъ управленій, гдѣ гигіеническіе вопросы снова явились послѣдней спицей въ колесницѣ призрѣнія бѣдныхъ; наконецъ, назначенные министерствомъ провинціальные чиновники и инспекторы, которые должны были помогать общиннымъ управленіямъ въ санитарномъ дѣлѣ, по бо̀льшей части оказались не соотвѣтствующими своему назначенію, такъ какъ принадлежали, почти безъ исключенія, не къ врачебному сословію, а состояли изъ юристовъ или другихъ административныхъ чиновниковъ, совершенно незнакомыхъ съ вопросами общественной гигіены. Понятно, что столь нецѣлесообразные поступки новаго министерства подверглись строгой критикѣ свѣдущихъ людей; отдѣльныя личности и многочисленныя вліятельныя корпораціи стали требовать бо̀льшей самостоятельности главнаго санитарнаго управленія и полнаго отдѣленія послѣдняго отъ совѣта призрѣнія о бѣдныхъ. Всего болѣе по вкусу публики было бы учрежденіе особаго министерства народнаго здравія. Такое же отдѣленіе санитарнаго управленія отъ совѣта призрѣнія бѣдныхъ требуется и для общинъ; хотятъ, чтобы санитарными чиновниками были вообще назначаемы лишь такіе врачи, которые получили соотвѣтственное спе-

ціальное образованіе и намѣрены отказаться отъ всякой медицинской практики. Требованія эти, во всякомъ случаѣ, вполнѣ раціональны, и нѣтъ сомнѣнія, что, при томъ вліяніи, которое общественное мнѣніе въ Англіи имѣетъ на дѣйствія правительства, недостатки существующей организаціи будутъ вскорѣ исправлены и санитарныя управленія получатъ ту самостоятельность, безъ которой полезная дѣятельность ихъ немыслима.

Изъ этого краткаго очерка можно видѣть, что Англія пережила самые разнообразные фазисы относительно организаціи санитарнаго строя; оказывается, что она никогда не имѣла образцовыхъ учрежденій, какъ ошибочно думаютъ иногда на континентѣ, и что она проходила постепенно, при постоянной борьбѣ, отъ крайнихъ явленій самоуправленія и большой неурядицы къ централизаціи, заключающей въ себѣ и теперь еще серьёзные недостатки. И если, несмотря на это все, результаты предпринятыхъ санитарныхъ мѣръ въ Англіи такъ блестящи, что ни одна страна не можетъ выдержать въ этомъ отношеніи сравненія съ нею, то причину такого успѣха нужно искать въ другихъ условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, Англія обязана своимъ превосходнымъ гигіеническимъ состояніемъ не безукоризненной организаціи санитарнаго управленія, но духу общества, національному принципу совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ силъ народа для устраненія общественныхъ золъ и осуществленія мѣръ, которыя служатъ для общественной пользы. Въ Англіи частныя лица, общества, общины самостоятельно берутъ на себя тѣ задачи, которыя налагаютъ на нихъ обстоятельства; только тамъ, гдѣ частныя силы оказываются недостаточными, обращаются къ помощи правительства, которое никогда не заставляетъ себя ждать. И эта помощь, которая, при широкомъ развитіи культуры, оказывается все болѣе и болѣе нужной и полезной, дается не путемъ бюрократическихъ или полицейскихъ постановленій, но основана на законахъ, подготовляемыхъ особыми комиссіями, обсуждаемыхъ и разсматриваемыхъ со всѣхъ сторонъ общественнымъ мнѣніемъ и принимаемыхъ представителями народа лишь послѣ строгой критики.—Большое и благотворное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ вообще и на мѣры, принимаемыя въ санитарномъ отношеніи въ частности, имѣетъ въ Англіи гласность всѣхъ отчетовъ, посредствомъ которыхъ правительство получаетъ свѣдѣнія о состояніи страны; далѣе—гласность всѣхъ научныхъ, техническихъ или административныхъ изслѣдованій и занятій, предшествующихъ всякой реформѣ, какъ равно и гласность инструкцій, получаемыхъ чиновниками отъ ихъ центральныхъ управленій. Каждая парламентская сессія приноситъ съ собой цѣлую библіотеку отчетовъ, мемуаровъ, рефератовъ, протоколовъ разныхъ комиссій, откуда публика можетъ почерпать свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ вопросахъ, имѣющихъ общій интересъ, и откуда органы общественнаго мнѣнія, печать, различныя общества, митинги и т. д. берутъ, въ свою очередь, матеріалъ для

своихъ разсужденій. Наконецъ, при обсужденіи сравнительныхъ заслугъ различныхъ государствъ въ области общественной гигіены, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что богатство англійскаго народа существенно облегчаетъ выполненіе санитарныхъ мѣръ, хотя взглядъ на богатыя столицы континента довольно краснорѣчиво показываетъ, что это условіе, отдѣльно взятое, едва ли служитъ достаточной побудительной причиной [1].

Совершенную противоположность съ англійскими учрежденіями представляетъ организація общественной гигіены во Франціи. Франція, какъ извѣстно, до сихъ поръ и несмотря на теперешнюю республиканскую форму правленія, является страной, гдѣ централизація всѣхъ отраслей управленія развита всего полнѣе и гдѣ іерархическое расчлененіе ея всего утонченнѣе. Самостоятельной общинной администраціи во Франціи нѣтъ; всѣ отрасли управленія выходятъ исключительно изъ одного правительственнаго центра, представителемъ котораго является префектъ, полновластный въ своей сферѣ и распоряжающійся своими подпрефектами и мэрами, въ свою очередь зависимыми отъ правительства. Въ рукахъ префекта находится, рядомъ со всѣми другими полицейскими обязанностями, и распоряженіе санитарною полиціей и завѣдываніе общественной гигіеной. Существующіе съ 1848 года въ каждомъ департаментѣ и округѣ Франціи санитарные совѣты (*Conseils d'hygiène publique*) назначаются префектомъ; президентомъ въ нихъ самъ префектъ, и выражать свое мнѣніе они могутъ только по тѣмъ вопросамъ, которые предлагаетъ онъ; слѣдовательно, это—ȯрганы, лишенные иниціативы и жизни, а слѣдовательно, и безполезные для дѣла, которому, по теоріи, призваны служить. Легко замѣтить, что французскіе санитарные совѣты имѣютъ много сходства съ нашими прежними комитетами народнаго здравія; только въ нѣкоторыхъ, и то немногихъ, департаментахъ, они выдвинулись обнародываніемъ замѣчательныхъ отчетовъ и мнѣній, главнымъ образомъ—по вопросу о вредныхъ для здоровья производствахъ; въ громадномъ же большинствѣ случаевъ, дѣятельность ихъ превратилась въ простую канцелярскую работу, и весь медицинскій міръ Франціи единодушно убѣжденъ въ необходимости реформы санитарнаго строя. Всѣ единогласно желаютъ особаго министерства общественной гигіены, между тѣмъ какъ необходимость бȯльшей независимости мѣстныхъ ȯргановъ администраціи, въ особенности относительно префектовъ, еще недостаточно сознаётся образованнымъ обществомъ. Весьма характерно мнѣніе, высказанное упомянутой выше англійской коммиссіей по поводу современной организаціи общественной гигіены во Франціи: симметрія плана, сказано здѣсь, не оставляетъ ничего желать, но на практикѣ планъ этотъ оказывается недѣйст-

---

[1] *Finkelburg* «Die öffentliche Gesundheitspflege Englands», 1874.

вительнымъ потому, что зависитъ исключительно и безусловно отъ центральной власти и совершенно лишенъ того общаго духа, который одинъ въ силахъ пробудить мѣстную энергію и національную жизнь. Во Франціи существуетъ только одно учрежденіе, дѣятельность котораго имѣетъ нѣкоторое сходство съ дѣятельностью англійскихъ санитарныхъ чиновниковъ. Это—*Commission des logements insalubres* въ Парижѣ. Комиссія эта была учреждена въ 1850 г. для изысканія нужныхъ средствъ и мѣръ къ подчиненію нездоровыхъ наемныхъ квартиръ гигіеническимъ правиламъ. При учрежденіи комиссіи руководились мыслью, что каждая квартира и каждый домъ, отдаваемые въ наймы, должны находиться подъ общественнымъ санитарнымъ контролемъ. Средство это считали самымъ дѣйствительнымъ для предохраненія нанимателей отъ вредныхъ для здоровья вліяній, которыя могутъ проистекать изъ небрежности или корыстолюбія домовладѣльцевъ и квартирныхъ хозяевъ. Дѣятельность комиссіи была до нѣкоторой степени самостоятельна и независима отъ правительства: по указанію полиціи, нанимателей, или даже по собственной иниціативѣ, члены его подвергали осмотру нездоровое жилище и о результатахъ осмотра сообщали въ муниципальный совѣтъ, если хозяева не подчинялись добровольно замѣчаніямъ, сдѣланнымъ членами комиссіи, и не соглашались на улучшенія, которыя отъ нихъ требовали. Комиссія обращала вниманіе, главнымъ образомъ, на ночлежные пріюты, подвальныя жилища и помѣщенія рабочаго класса и въ своихъ отчетахъ относится вообще съ большой похвалой о готовности и сговорчивости большинства домовладѣльцевъ. Кругъ дѣятельности комиссіи былъ довольно значителенъ; это видно уже изъ того, что число ея членовъ, въ теченіе первыхъ 15 лѣтъ, почти утроилось и что въ названный промежутокъ времени около 22,000 старыхъ и новыхъ домовъ и квартиръ были изслѣдованы въ гигіеническомъ отношеніи и подверглись существеннымъ улучшеніямъ, при чемъ болѣе 80% всѣхъ поправокъ были сдѣланы по добровольному соглашенію, безъ всякаго вмѣшательства гражданскихъ властей. Весьма характеристичною чертой равнодушія, съ какимъ французское общество, привыкшее къ вѣчной правительственной опекѣ, и даже муниципальныя власти относятся къ гигіеническимъ вопросамъ вообще, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: такая комиссія для уничтоженія нездоровыхъ жилищъ составилась только въ Парижѣ хотя всѣмъ общинамъ, которыя нашли бы подобные комитеты полезными для себя, было дано законное право учреждать ихъ.—Вообще, читатель можетъ видѣть изъ сказаннаго, что во Франціи санитарное управленіе, за однимъ исключеніемъ, имѣло во всѣ времена только *совѣщательный* характеръ, безъ всякой исполнительной власти, даже безъ всякой иниціативы относительно предметовъ своихъ разсужденій. Административныя власти могли обращаться къ нимъ съ вопросами или нѣтъ, и отъ произвола префектовъ зависѣло

*

оставить ихъ спать непробуднымъ сномъ. Вотъ почему, за исключенiемъ крайне нецѣлесообразной, но стоющей громадныхъ суммъ канализацiи нѣкоторыхъ большихъ городовъ (въ Парижѣ, Лiонѣ) и нѣсколькихъ блистательныхъ госпитальныхъ зданiй, общественная гигiена во Францiи находится въ весьма печальномъ состоянiи; даже разработка научной гигiены не дѣлаетъ здѣсь успѣховъ, и между всѣми современными французскими сочиненiями по этой отрасли нѣтъ ни одного, которое могло бы выдержать научную критику.

Недостатки, указанные нами относительно Францiи, проявляются вездѣ, гдѣ общественная гигiена организована по тому же типу, т. е. гдѣ существуетъ iерархическое расчлененiе санитарнаго управленiя и гдѣ члены его имѣютъ характеръ чисто *совѣщательныхъ* органовъ, вполнѣ зависимы отъ правительства и лишены всякой исполнительной власти. Для примѣра, сошлемся на Австрiю, потому что существующая тамъ теперь организацiя санитарнаго строя весьма новаго происхожденiя и, вслѣдствiе своей безполезности и нецѣлесообразности, заслуживаетъ строгаго порицанiя. Очевидно, и въ Австрiи не пришли еще къ надлежащему пониманiю тѣсной связи санитарнаго быта съ элементарными условiями социальной жизни; поэтому здѣсь, какъ и во Францiи, нисколько не думаютъ привлечь населенiе къ участiю въ санитарномъ управленiи и убаюкиваютъ себя иллюзiями, что санитарное дѣло можетъ процвѣтать въ рукахъ государственныхъ чиновниковъ или органовъ, непосредственно подчиненныхъ гражданскимъ властямъ. До сихъ поръ не пришли еще къ сознанiю, что, при такихъ условiяхъ, законодательство можетъ быть безупречно, но, тѣмъ не менѣе, въ рукахъ администрацiи остаться пустою формальностью. Вслѣдствiе совершившейся, въ 1870 г., реформы санитарнаго управленiя, всѣ гражданскiя учрежденiя имѣютъ своихъ санитарныхъ чиновниковъ: при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ существуетъ особое отдѣленiе общественной гигiены, предсѣдатель котораго долженъ сообщать своему министру о состоянiи санитарнаго дѣла вообще и, по порученiю министра, наблюдать за дѣйствiями санитарнаго управленiя въ странѣ, объѣзжая различныя мѣстности. Соотвѣтственно этому, управленiе различныхъ округовъ имѣетъ свои мѣстные санитарные совѣты, которымъ начальникъ края передаетъ на разсмотрѣнiе различные вопросы, касающiеся общественной гигiены, и на предсѣдателей этихъ совѣтовъ возложены тѣ же обязанности по отношенiю къ данной мѣстности, какъ на предсѣдателя имперскаго санитарнаго совѣта по отношенiю къ санитарному состоянiю всей страны. То же повторяется, въ меньшемъ масштабѣ, на гражданскомъ и санитарномъ управленiи отдѣльныхъ округовъ. Организацiя санитарнаго управленiя въ общинахъ, которая, по буквѣ закона, имѣетъ весьма широкую программу, существуетъ пока только на бумагѣ. Закономъ не предусмотрѣна необходимость въ особыхъ санитар-

ныхъ чиновникахъ съ спеціально-гигіеническою подготовкой и способныхъ посвятитъ свои силы и время исключительно общественной гигіенѣ. Характеръ всего санитарнаго управленія чисто *совѣщательный*, и оно подчинено гражданскимъ властямъ съ непремѣннымъ условіемъ не имѣть никакихъ дѣловыхъ сношеній съ какими-бы то ни было другими вѣдомствами, кромѣ своего прямаго начальства. Вся дѣятельность санитарнаго вѣдомства ограничивается исполненіемъ указаній гражданскихъ властей, а это лишаетъ его возможности собирать самостоятельныя свѣдѣнія при помощи осмотровъ, прямыхъ корреспонденцій и т. д. Санитарныя управленія, какъ мы видимъ, въ сущности—только отчетныя бюрократическія комиссіи, а вовсе не исполнительные органы, имѣющіе непосредственную связь и право дѣятельнаго вмѣшательства согласно обстоятельствамъ данной минуты. На этомъ основаніи, и кругъ ихъ дѣятельности ограниченъ предѣлами кругозора, поставленнаго надъ ними гражданскаго чиновника. Понятно, что, при такихъ обстоятельствахъ, вліяніе всѣхъ этихъ санитарныхъ комиссій на состояніе общественнаго здоровья далеко не соотвѣтствуетъ большимъ ожиданіямъ австрійской публики отъ санитарной реформы.

Для насъ весьма интересно и крайне поучительно прослѣдить, какимъ образомъ относятся общество и правительство въ Германіи къ организаціи общественной гигіены. Въ Пруссіи, первой изъ германскихъ державъ, мы уже съ половины прошлаго столѣтія находимъ санитарныя учрежденія; съ теченіемъ времени, они, конечно, претерпѣли нѣкоторыя измѣненія и по составу, и по роду дѣятельности, но, въ общихъ чертахъ, ихъ организація все еще вполнѣ соотвѣтствуетъ строгому бюрократическому характеру всего административнаго механизма въ Пруссіи. Всѣ гражданскія вѣдомства цѣлой страны и отдѣльныхъ провинцій имѣютъ свои санитарныя коллегіи, дѣятельность которыхъ ограничивается одними отчетами и которыя составляютъ простые придатки полицейскаго управленія данной мѣстности; коллегіи эти могутъ обращаться съ дѣлами только къ полицейскому управленію, такъ что прямыхъ сношеній между санитарными коллегіями отдѣльныхъ мѣстностей или центральной санитарной коллегіей всей страны не существуетъ. Надзоръ за санитарнымъ состояніемъ данной мѣстности тоже входитъ въ кругъ дѣйствій полицейскихъ властей, которымъ, однако, по законоположенію отъ 8 августа 1838 года, въ городахъ населеніемъ свыше 5,000 человѣкъ должны помогать совѣщательнымъ образомъ особыя санитарныя комиссіи; другими словами—во всѣхъ случаяхъ, гдѣ полицейскимъ властямъ нужно содѣйствіе санитарной комиссіи, онѣ имѣютъ право спрашивать ея мнѣнія и, затѣмъ, высказывать окончательное рѣшеніе. Программа предметовъ, подлежащихъ обсужденію этихъ мѣстныхъ санитарныхъ органовъ, по обыкновенію, довольна широка; и вѣдомство, которое имѣло бы возможность осуществить ее на практикѣ,

было бы, конечно, весьма полезно для охраненія общественнаго здоровья. Къ сожалѣнію, когда начали примѣнять къ практикѣ эти проекты, красиво изложенные на бумагѣ, натолкнулись на большія затрудненія; большинству городовъ съ населеніемъ свыше 5,000 человѣкъ такъ и не пришлось увидать санитарныхъ комиссій; но даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ были учреждены, къ нимъ обращались только въ случаяхъ какихъ-нибудь эпидемій; онѣ были лишены всякой иниціативы и, за недостаткомъ исполнительныхъ санитарныхъ чиновниковъ въ ихъ средѣ, оказались настолько безсильными для ввѣреннаго имъ дѣла, что невозможно ставить имъ въ упрекъ ихъ совершенное бездѣйствіе и молчаніе. Образчикомъ печальной роли, которую необходимо должно играть санитарное управленіе, лишенное надлежащей власти, могла служить, въ 1866 г., санитарная комиссія Берлина. Когда въ этомъ году разразилась холерная эпидемія, паника между жителями была, понятнымъ образомъ, весьма велика, и частныя лица, наравнѣ съ властями, ревностно занялись вопросомъ, что̀ дѣлать для предупрежденія дальнѣйшаго развитія эпидеміи. Санитарный совѣтъ былъ созванъ первый разъ *въ самомъ началѣ эпидеміи*, и ему предложили вопросъ о необходимости пріобрѣтенія байковыхъ одѣялъ для больницъ; затѣмъ, совѣтъ былъ созванъ *во второй разъ въ концѣ эпидеміи* для того, чтобы рѣшить вопросъ, что̀ дѣлать теперь съ пріобрѣтенными байковыми одѣялами!... Причина такого комическаго положенія санитарной комиссіи заключается въ томъ, что она не имѣла права нетолько вмѣшиваться въ практическую жизнь, но даже и побуждать администрацію къ принятію тѣхъ или другихъ мѣръ.

Понятно, что, при сознаніи важности общественной гигіены, быстро развивающемся теперь въ Германіи, такое положеніе инстанціи, официально утвержденной для надзора за этой отраслью, должно было вызвать всеобщій протестъ. Первымъ выраженіемъ его была петиція, обращенная къ германскому рейхстагу; она была составлена членами гигіеническаго отдѣленія общества нѣмецкихъ естествоиспытателей и скрѣплена многочисленными подписями вліятельныхъ и свѣдущихъ людей, а также представителей городскихъ управленій и научныхъ корпорацій. Мы уже раньше (От. Зап. 1874 г. Ноябрь) говорили о направленіи и судьбѣ этой петиціи; и хотя, несмотря на симпатію, съ которой она была принята въ рейхсгатѣ, правительство не выразило готовности осуществить предложенную ею организацію общественной гигіены; тѣмъ не менѣе, петиція значительно подвинула впередъ санитарное дѣло, возбудивъ живой интересъ какъ народонаселенія, такъ и общественыхъ управленій и правительства, заставивъ послѣднее серьёзно заняться этимъ предметомъ. Теченіе общественнаго мнѣнія въ Германіи теперь положительно противъ централизаціи санитарнаго строя, и правительство, очевидно, раздѣляетъ уже убѣжденіе, что глав-

ная роль принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ мѣстнымъ санитарнымъ управленіямъ. Въ засѣданіи рейхстага въ 1870 г., при обсужденіи названной петиціи, депутатъ графъ Мюнстеръ сказалъ, что нужно остерегаться придать общественной гигіенѣ бюрократическій или полицейскій характеръ; въ противномъ случаѣ, можно стѣснить здоровыхъ, не предохранивъ ихъ нимало отъ болѣзней, а депутатъ д-ръ Бунзенъ призналъ публично, что важнѣйшая инстанція въ санитарномъ строѣ есть мѣстное санитарное управленіе, которое непосредственно сталкивается съ практическою жизнью. Слѣдовательно, въ Германіи хотятъ дать наибольшую власть тѣмъ управленіямъ, которыя выбираются прямо общиной и ни въ какомъ случаѣ не намѣрены навязывать общинамъ санитарныхъ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ. Можно съ увѣренностью сказать, что, когда начало это получитъ законную санкцію и практическое осуществленіе, то Германія, по отношенію къ санитарному состоянію своего населенія, въ скоромъ времени догонитъ Англію. Конечно, и между нѣмцами можно найти врачей и администраторовъ, въ особенности въ средѣ теперешнихъ санитарныхъ чиновниковъ, которые желаютъ усиленнаго вліянія правительства на санитарное управленіе общинъ и полагаютъ, что государство должно само назначать и контролировать санитарныхъ чиновниковъ, находящихся при общинахъ, при чемъ общинныя управленія могутъ имѣть лишь совѣщательное вліяніе на ихъ рѣшенія и дѣйствія. Защитники этого мнѣнія опираются на то, что теперь можно ожидать живаго интереса къ дѣлу общественнаго здоровья лишь отъ значительнаго меньшинства общинъ, между тѣмъ какъ большинство окажется совершенно равнодушнымъ, и что, поэтому, измѣненій къ лучшему ждать нельзя, если предоставить общинамъ организацію общественной гигіены и выборъ исполнительныхъ агентовъ. Кромѣ того, указывали на движеніе въ пользу централизаціи общественной гигіены, которое существуетъ въ настоящее время даже въ Англіи, столь гордой своимъ самоуправленіемъ. Мы видимъ, что здѣсь въ пользу вмѣшательства государства въ санитарное управленіе общинъ выводятся на сцену тѣ же самые аргументы, къ которымъ прибѣгаетъ просвѣщенный деспотизмъ въ Европѣ всякій разъ, когда воодушевляется намѣреніемъ «осчастливить» своихъ подданныхъ. Господа эти забыли, что времена Фридриха Великаго на-вѣки прошли для Германіи, что современная цивилизація не довольствуется уже принципомъ «все для народа» и что полезными оказываются теперь лишь тѣ учрежденія, которыя создаются *при участіи самаго народа.* Нѣтъ сомнѣнія, образовать централизованное санитарное управленіе со стороны правительства и назначить санитарныхъ чиновниковъ для общинъ гораздо легче, чѣмъ возбудить общинныя управленія къ участію въ организаціи санитарнаго дѣла. Весьма вѣроятно также, что отдѣльныя общины будутъ сначала, по неопытности, впадать въ ошибки, принимать

нецѣлесообразныя мѣры, дѣлать неудачное употребленіе изъ средствъ, которыя будутъ находиться въ ихъ распоряженіи, и т. д. Но за то, съ другой стороны, можно будетъ видѣть, что народонаселеніе само сознаётъ необходимость улучшенія санитарныхъ условій и обнаруживаетъ бо̀льшую готовность жертвовать на пользу общаго дѣла, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ правительство налагало на него опредѣленныя обязанности. Другое дѣло—если бы правительство не только назначало санитарныхъ чиновниковъ, но давало также и средства для осуществленія требуемыхъ улучшеній; но, такъ какъ это немыслимо и источникомъ средствъ всегда останутся члены самой общины, то понятно, что община употребитъ всѣ зависящія отъ нея усилія лишь въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть право распоряжаться принадлежащими ей суммами по своему усмотрѣнію. Нужно далѣе принять въ разсчетъ, что ошибаться на счетъ необходимыхъ санитарныхъ мѣръ могутъ не однѣ только общины, но что и правительство, въ лицѣ назначаемыхъ имъ чиновниковъ, можетъ оказаться не непогрѣшимымъ. Очевидно, однако, что возможныя ошибки будутъ переноситься гораздо легче, если общинѣ не придется винить въ нихъ никого, кромѣ самой себя, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ошибки эти будутъ сдѣланы на ея счетъ другими. Къ тому же, при централизаціи санитарнаго управленія въ рукахъ правительства, ошибки будутъ отражаться на всѣхъ общинахъ вообще; потери могутъ быть, слѣдовательно, гораздо меньше, если нецѣлесообразныя мѣры будутъ приняты лишь отдѣльными общинами, примѣру которыхъ не обязаны слѣдовать другія.

Нѣмецкое правительство относится пока выжидательнымъ образомъ къ различнымъ мнѣніямъ, существующимъ теперь въ Германіи по поводу организаціи общественной гигіены. Оно, очевидно, хочетъ дать дѣлу время выясниться и хочетъ изучить настоящія потребности народонаселенія прежде, чѣмъ обратится съ предложеніями къ законодательному корпусу. Побѣда будетъ, однако, безъ всякаго сомнѣнія, на той сторонѣ, которая возьметъ на себя защиту правъ общинъ на самостоятельное управленіе своей санитарною частью; въ самомъ дѣлѣ, отъ правительства не можетъ ускользнутъ, что, по крайней мѣрѣ, большія городскія общины слѣдятъ за развитіемъ санитарныхъ вопросовъ съ постоянно возрастающимъ интересомъ и обнаруживаютъ все бо̀льшую и бо̀льшую готовность жертвовать значительныя сумму на улучшеніе своихъ гигіеническихъ условій. Слѣдуетъ упомянуть здѣсь, что Гамбургъ обладаетъ уже съ 1870 года организаціей санитарнаго управленія, приближающейся въ главныхъ чертахъ къ соотвѣтствующимъ учрежденіямъ въ англійскихъ и американскихъ городахъ. Санитарное управленіе города ввѣрено особому комитету, состоящему изъ врачей, техниковъ и членовъ городской администраціи; одинъ изъ членовъ занимаетъ должность медицинскаго инспектора, обязанъ не заниматься

частной практикой и сдѣлать изъ общественной гигіены предметъ спеціальнаго изученія и постоянныхъ наблюденій. Врачебное законодательство Гамбурга, въ настоящее время, страдаетъ еще бо̀льшею неопредѣленностью, относительно предѣловъ обязанностей, лежащихъ на комитетѣ и инспекторахъ; но основная мысль его заслуживаетъ полнаго сочувствія, потому что здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ Германіи попытку назначить чиновника съ независимымъ содержаніемъ, для исключительныхъ и спеціальныхъ занятій и наблюденій по общественной гигіенѣ.

Теперь для насъ возникаетъ важный вопросъ: къ какимъ выводамъ приводятъ насъ въ Россіи опыты Запада касательно цѣлесообразности того или другаго принципа организаціи санитарнаго дѣла и какимъ образомъ можемъ мы примѣнить къ нашимъ мѣстнымъ условіямъ все, что̀ въ теченіи послѣднихъ десятковъ лѣтъ выработано западно-европейскими государствами? О прямомъ подражаніи тому, что̀ уже сдѣлано въ Англіи или приготовляется въ настоящее время въ Германіи, не можетъ быть и рѣчи при своеобразныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ Россіи. Для нашего правительства, конечно, не встрѣтилось бы большихъ затрудненій, если бы оно захотѣло ввести у себя нѣчто подобное организаціи санитарнаго дѣла въ Австріи. Съ небольшими затратами можно было бы учредить при существующихъ теперь гражданскихъ вѣдомствахъ въ столицахъ и городахъ санитарныя комиссіи съ чисто совѣщательнымъ характеромъ; затѣмъ назвать полицейскихъ врачей въ городахъ и земскихъ врачей въ деревняхъ санитарными врачами и возложить на нихъ соотвѣтствующія обязанности; можно было бы, наконецъ, назначить санитарнымъ врачамъ помощниковъ, такъ называемыхъ санитарныхъ надзирателей; но спрашивается: перемѣнило ли бы это все фактически хоть на единую йоту настоящій порядокъ вещей и не осталась ли бы вся эта санитарная организація только на бумагѣ? Опытъ Франціи, Германіи и Австріи показываетъ намъ, что иначе и быть не можетъ, и заставляетъ разъ навсегда признать подобную организацію санитарнаго дѣла нецѣлесообразною. Съ этою цѣлью мы и представили довольно подробную картину санитарнаго управленія на Западѣ. Не слѣдуетъ забывать, что въ средѣ сельскаго населенія пока немыслимо существованіе санитарныхъ управленій, которыя были бы независимы отъ администраціи и, слѣдовательно, имѣли бы характеръ не только совѣщательныхъ о̀р868 органовъ, но обладали бы также правомъ иниціативы для самостоятельныхъ изслѣдованій и постановленій, подлежащихъ утвержденію одного земства, а не высшей административной власти. Ка̀къ бы мы, слѣдовательно, лично ни желали, чтобы земства имѣли санитарные о̀рганы съ довольно широкими правами для прямаго и благотворнаго вліянія на санитарныя условія сельскаго быта, мы должны, во всякомъ случаѣ,

признать, что совершенное отсутствіе всякихъ оффиціальныхъ санитарныхъ управленій все-таки лучше, чѣмъ существованіе органовъ, дѣйствующихъ только на бумагѣ, занятыхъ только канцелярскою работой и приходящихъ въ соприкосновеніе съ практическою жизнью только въ исключительныхъ случаяхъ. «Согласитесь, господа, сказалъ депутатъ д-ръ Лёве въ упомянутомъ уже засѣданіи сѣверо-германскаго парламента, 6 апрѣля 1871 года:—что однимъ учрежденіемъ новаго вѣдомства, новаго канцелярскаго цеха изъ докторовъ, получившихъ и неполучившихъ степеней, фабрикантовъ или другихъ элементовъ, дѣло ни на волосъ не подвинется впередъ». Такія вѣдомства, которыя, по самой своей организаціи и своему отношенію къ правительственнымъ органамъ, обречены на бездѣйствіе, не только безполезны, но и прямо вредны, потому что ихъ существованіе задерживаетъ всякую лучшую организацію санитарнаго строя; они занимаютъ мѣсто, не будучи въ силахъ исполнить дѣло, которое вправѣ требовать отъ санитарнаго управленія какъ само правительство, такъ и общество.

Но есть еще другія причины, препятствующія въ настоящее время правильной организаціи общественной гигіены въ нашихъ земствахъ. Къ нимъ, главнымъ образомъ, принадлежитъ недостаточная подготовка земскихъ врачей въ гигіеническомъ отношеніи. Представимъ себѣ, что, по мановенію волшебнаго жезла, всѣ наши земскіе врачи разомъ превратились въ санитарныхъ чиновниковъ, въ англійскомъ смыслѣ слова, т. е. получили право самостоятельной дѣятельности — можемъ ли мы, при этомъ условіи, ожидать цѣлесообразныхъ санитарныхъ мѣръ или пригодныхъ въ научномъ отношеніи наблюденій въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ? Позволяемъ себѣ выразить сомнѣніе. Санитарныя мѣры могутъ тогда только имѣть значеніе, когда въ основѣ ихъ лежатъ правильныя теоретическія представленія. Когда же послѣднія отсутствуютъ, то всякія мѣропріятія, въ родѣ предписанія о дезинфекціи помойныхъ ямъ, запрещенія продавать незрѣлые плоды, учрежденія дорогихъ карантиновъ, вызванныя боязнью распространенія холеры и т. д. или мгновеннымъ желаніемъ прекратить разомъ господствующую эпидемію, не обѣщаютъ, конечно, даже временнаго успѣха, а нетолько прочныхъ результатовъ въ санитарномъ отношеніи для будущаго. Правда, не всегда можно откладывать практическія мѣры до той минуты, пока наука не рѣшитъ соотвѣтствующихъ вопросовъ съ теоретической стороны; но, во всякомъ случаѣ, нужно желать, чтобы лица, отъ которыхъ зависитъ практическое осуществленіе подобныхъ мѣръ, находились на уровнѣ научнаго развитія своего времени; иначе къ ошибкамъ, на которыя даетъ имъ, такъ сказать, право недостаточное развитіе науки, они прибавятъ массу ошибокъ, зависящихъ отъ ихъ собственнаго незнанія. Не въ обиду нашимъ земскимъ врачамъ, но изъ любви къ правдѣ нужно сознаться, что, за небольшими исключеніями,

они не обладаютъ теоретическими познаніями, необходимыми для хорошаго санитарнаго агента. Поколѣніе врачей, способныхъ бороться успѣшно съ неблагопріятными санитарными условіями въ средѣ народа, должно еще народиться. И такъ, частью вслѣдствіе политическихъ или экономическихъ причинъ, частью же вслѣдствіе недостатка гигіеническихъ познаній между врачами, нельзя думать въ настоящее время о созданіи чего-нибудь полнаго и совершеннаго. Оставаться при старомъ порядкѣ вещей, очевидно, тоже нельзя. Слѣдовательно, нужно отыскать такой путь, который, въ силу своей необходимости и вѣрности основнаго принципа, можетъ, въ концѣ-концовъ, привести къ желанной цѣли, хотя въ данный моментъ онъ и не дастъ очевидныхъ практическихъ результатовъ. Чисто-бюрократическая организація общественной гигіены въ провинціи не можетъ, какъ мы уже говорили, удовлетворить этимъ требованіямъ. Зато мы вполнѣ раздѣляемъ убѣжденіе, высказываемое съ разныхъ сторонъ, что вниманіе губернскихъ и уѣздныхъ земствъ должно быть обращено на санитарныя условія народнаго быта въ гораздо бо̀льшей степени, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Такъ какъ, по самой природѣ вещей, изъ всѣхъ земскихъ дѣятелей санитарные вопросы должны быть всего ближе знакомы врачамъ, то, по нашему мнѣнію, на обязанности общественныхъ земскихъ управленій лежитъ—побуждать врачей къ дѣятельности въ этомъ направленіи. Для этой цѣли было бы всего лучше и проще, еслибы земская управа собирала всѣхъ земскихъ врачей губерніи черезъ не слишкомъ большіе промежутки времени, напримѣръ, разъ въ годъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся санитарнаго быта губернскаго населенія. Такимъ образомъ, врачи имѣли бы случай сообщать другъ другу о санитарномъ состояніи участка, находящагося въ ихъ вѣдѣніи, и результаты ихъ занятій могли бы представить общественнымъ земскимъ управленіямъ, а равно и правительству, болѣе или менѣе точную картину состоянія общественнаго здоровья въ цѣлой странѣ. Многое, что̀ теперь остается совершенно неизвѣстнымъ публикѣ, но имѣетъ огромное значеніе для характеристики санитарнаго состоянія данной мѣстности и могло бы служить исходной точкой для полезныхъ мѣръ, слѣлалось бы тогда гласнымъ; кромѣ того, соревнованіе о̀рагновъ самоуправленія, административныхъ властей и общества было бы возбуждено для принятія мѣръ противъ существующихъ золъ. Польза такихъ съѣздовъ земскихъ врачей обнаружилась уже при первомъ съѣздѣ врачей Петербургской Губерніи въ началѣ этого года. Укажемъ для примѣра на слѣдующіе факты. Уже довольно давно нѣкоторые уѣздные врачи имѣли случай наблюдать, что дѣти, отдаваемыя петербургскимъ воспитательнымъ домомъ въ разныя мѣста губерніи на воспитаніе, нерѣдко становятся причиной распространенія сифилиса между мѣстнымъ населеніемъ, заражая своихъ кормилицъ; тѣмъ не менѣе, этотъ крайне важный фактъ до сихъ поръ

не былъ преданъ гласности, и только отчеты упомянутаго съѣзда освѣтили его надлежащимъ образомъ, доказавъ, что такое зараженіе принадлежитъ не къ случайнымъ явленіямъ, но наблюдается вездѣ, гдѣ берутъ дѣтей изъ воспитательнаго дома. Было бы непростительно, еслибы управленіе воспитательнаго дома не приняло всѣхъ зависящихъ отъ него мѣръ для предупрежденія этого зла въ будущемъ; даже правительству не слѣдуетъ оставаться безучастнымъ къ этому дѣлу, потому что дѣлать воспитательные дома разсадниками сифилиса въ средѣ сельскаго населенія далеко не въ интересахъ государства. Другой отрадный результатъ названнаго съѣзда есть разработка проекта собиранія медико-топографическихъ и другихъ свѣдѣній, могущихъ имѣть значеніе для санитарнаго состоянія обывателей. Крайне важно, чтобы подобныя статистическія работы производились по извѣстному плану, потому что только въ послѣднемъ случаѣ возможна надлежащая разработка ихъ и достиженіе вѣрныхъ общихъ выводовъ; и мы не можемъ не радоваться, видя, что это сознаніе проникаетъ въ среду врачей. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ отрасли статистики, гдѣ бы работали столько безъ всякаго опредѣленнаго плана, и потому работали бы до такой степени безплодно, какъ именно въ медицинской статистикѣ. Безъ всякаго сомнѣнія, черезъ нѣсколько лѣтъ, если подобные съѣзды земскихъ врачей будутъ продолжаться и сами врачи будутъ дѣлать необходимыя наблюденія съ живымъ интересомъ къ дѣлу, мы получимъ совершенно наглядную картину санитарнаго состоянія Петербургской Губерніи. Признаніе зла есть, во всякомъ случаѣ, первый шагъ къ его исправленію, и, слѣдовательно, факты, собранные врачами, могутъ служить фундаментомъ для будущихъ мѣръ въ области общественной гигіены; и мѣры эти не останутся только на бумагѣ, потому что земскіе врачи, на работахъ которыхъ они будутъ основаны, будутъ сами служить наилучшими органами для ихъ выполненія и охотно примутъ этотъ трудъ на себя, конечно, при содѣйствіи земства. На основаніи изложенныхъ причинъ, было бы весьма желательно и крайне полезно для санитарнаго дѣла, еслибы всѣ наши земства рѣшились приглашать своихъ врачей на періодическіе съѣзды для обсужденія вопросовъ, относящихся къ медицинской статистикѣ и санитарному состоянію населенія данной мѣстности.

Есть, однако, два условія, выполненіе которыхъ необходимо для того, чтобы такой съѣздъ земскихъ врачей имѣлъ желаемые результаты. Во-первыхъ, на съѣздѣ должно присутствовать хотя бы одно лицо съ спеціальнымъ гигіеническимъ образованіемъ и потому способное обсудить всѣ санитарные вопросы съ научной точки зрѣнія. Объясненіе необходимости этого условія будетъ, я полагаю, излишнимъ; и безъ того достаточно ясно, что, въ наше время, безъ участія спеціалистовъ, невозможна дѣльная работа въ какой бы то ни было отрасли науки или практики. Гигіенистъ, въ данномъ случаѣ, явится посредникомъ между нау-

кой и практикой: онъ будетъ обращать вниманіе земскихъ врачей на тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ всего важнѣе для общественнаго здоровья; будетъ вырабатывать программу для будущихъ наблюденій; будетъ, далѣе, представлять земству и врачамъ необходимость мѣръ, предписываемыхъ современной наукой; наконецъ, на его обязанности до нѣкоторой степени будетъ лежать разсмотрѣніе фактовъ, собранныхъ земскими врачами. Другими словами, на немъ будутъ лежать всѣ обязанности санитарнаго земскаго врача; и еслибы намъ пришлось дать совѣтъ вятской уѣздной земской управѣ, мы просили бы ее не измѣнять своему первому постановленію и назначить у себя санитарнаго врача, опредѣливъ его обязанности указаннымъ выше образомъ. Намъ кажется несомнѣннымъ, что программа эта легко выполнима и уже въ ближайшемъ будущемъ принесетъ большую пользу. Губернсксній санитарный врачъ имѣлъ бы служебныя отношенія только съ земской управой, но не съ земскими врачами, такъ что вліяніе его на послѣднихъ ограничивалось бы только обширными гигіеническими познаніями и личнымъ примѣромъ. Многіе, вѣроятно, совершенно иначе представляютъ себѣ дѣятельность губернскаго санитарнаго врача и приписываютъ ему, такъ сказать, роль санитарнаго инспектора, непосредственнаго начальника надъ земскими врачами, который будетъ объѣзжать часъ отъ часу губернію, отдавая приказанія своимъ подчиненнымъ. Между тѣмъ, такое оффиціальное положеніе губернскаго санитарнаго врача было бы вовсе нежелательно въ интересахъ дѣла. Изъ опыта извѣстно, что приказанія начальства исполняются далеко невсегда, и что стòитъ только инспектору уйти съ глазъ, какъ все идетъ своимъ прежнимъ порядкомъ, въ особенности, если, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, контроль труденъ или совершенно невозможенъ. Дѣло приметъ совсѣмъ иной оборотъ, если земскіе уѣздные врачи сами, путемъ взаимнаго соглашенія и обмѣна мнѣній, примутся за работу въ области общественной гигіены и если губернскій санитарный врачъ будетъ въ ихъ глазахъ не начальникомъ, а лишь спеціалистомъ, совѣты и вмѣшательство котораго могутъ только облегчить ихъ задачу. Только при помощи такого рода òргана, т. е. при учрежденіи мѣста земскаго санитарнаго врача въ указанномъ нами смыслѣ, и при періодическихъ съѣздахъ всѣхъ земскихъ врачей, представители самоуправленія въ провинціи могутъ быть, дѣйствительно, полезны санитарному дѣлу. Это было бы, съ одной стороны, первымъ цѣлесообразнымъ шагомъ для разработки гигіеническихъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ быту народа; съ другой стороны, это подвинуло бы развитіе гигіены, какъ науки, потому что при возрастающемъ спросѣ на спеціалистовъ, увеличилось бы число тѣхъ врачей, которые, по окончаніи своихъ медицинскихъ занятій, избрали бы общественную гигіену поприщемъ своихъ дальнѣйшихъ трудовъ. Кромѣ того, подобное рѣшеніе вопроса объ

организацiи санитарнаго строя въ провинцiи было бы желательно уже потому, что это избавило бы отъ всякихъ столкновенiй съ представителями административной власти.

Мы вовсе не думаемъ, чтобы такая организацiя общественной гигiены была конечнымъ идеаломъ или могла бы имѣть какiя бы то ни было притязанiя на полноту. Напротивъ, она можетъ представлять лишь короткую стадiю въ общемъ ходѣ развитiя общественной гигiены и должна только служить основой для болѣе совершенныхъ учрежденiй. Однако, она имѣетъ за собой то преимущество, что можетъ быть введена разомъ во всей Россiи, безъ особыхъ затратъ и, кромѣ того, носитъ въ себѣ зародышъ дальнѣйшаго развитiя, будучи способна возбудить въ средѣ врачей и даже публики недостающее сознанiе въ необходимости энергической работы въ области общественной гигiены. Сверхъ того, въ ней нѣтъ важнаго недостатка, на который мы указали при описанiи организацiи общественной гигiены во Францiи и Австрiи, именно—бюрократическаго характера санитарнаго управленiя, причемъ какъ врачи, стоящiе внѣ санитарной iерархiи, такъ и публика остаются безучастными къ дѣлу. Напротивъ, такая организацiя переноситъ вопросы общественной гигiены въ ту среду, гдѣ они, будучи разъ возбуждены, должны поддерживать живой интересъ къ дѣятельности въ этой области, именно — въ среду самаго общества. «*Viribus unitis*» есть лозунгъ для успѣха практической гигiены. Прикладная наука, какъ гигiена, которая задается цѣлью поставить все человѣческое общество въ лучшiя жизненныя условiя, должна, конечно, сообразоваться съ тѣмъ, чего хочетъ общество, и должна всячески стараться привлечь публику къ дѣятельности въ этомъ направленiи.

Желая представить читателю болѣе рельефнымъ образомъ способность къ дальнѣйшему развитiю, присущую этимъ простымъ основамъ организацiи, мы обратимъ его вниманiе на слѣдующiе пункты. При предполагаемыхъ ежегодныхъ съѣздахъ земскихъ врачей должны необходимо принимать участiе и представители земскаго общественнаго управленiя въ возможно бо̀льшемъ числѣ. Во-первыхъ, они могутъ быть полезны знанiемъ условiй, принадлежащихъ къ области администрацiи и, несмотря на всю ихъ важность для санитарнаго дѣла, неизвѣстныхъ врачамъ; далѣе, могутъ влiять на то, чтобы работы съѣзда были полнѣе и имѣли бо̀льшiй практическiй интересъ. Во-вторыхъ, они могутъ, разъ участiе ихъ въ вопросахъ общественной гигiены будетъ возбуждено, существенно облегчить выполненiе санитарныхъ мѣръ. Весьма возможно, что такимъ образомъ съѣзды земскихъ врачей прiобрѣтутъ для данной губернiи то же значенiе, какое уже имѣютъ въ Германiи различныя гигiеническiя общества. Это произойдетъ тѣмъ скорѣе, если въ собранiе будутъ приглашены техники, фабриканты и т. д. Нѣтъ сомнѣнiя, что такимъ образомъ разовьются постепенно въ большихъ провинцiальныхъ го-

родахъ мѣстные санитарные органы и что, мало по малу, интересъ къ санитарнымъ вопросамъ проникнетъ во всѣ слои провинціальнаго общества.

Читатель помнитъ, что въ началѣ нашей статьи мы настаивали на необходимости пользоваться опытами Запада для занимающаго насъ вопроса. Лучшее, по нашему мнѣнію, что мы можемъ перенять отъ нашихъ сосѣдей, есть убѣжденіе, что дѣйствительной можетъ быть только такая организація общественной гигіены, которая основана на участіи мѣстнаго населенія. На этомъ принципѣ и основаны мѣры, которыя мы въ предъидущихъ строкахъ предлагали общественнымъ земскимъ управленіямъ, и мы считаемъ принципъ этотъ настолько важнымъ для успѣха дѣла, что станемъ отстаивать его противъ всѣхъ другихъ проектовъ организаціи общественной гигіены у насъ въ провинціи.

Правда, что, и при такой формѣ организаціи санитарнаго строя, дѣло будетъ медленно двигаться впередъ, потому что масса населенія вообще нескоро увлекается систематическимъ трудомъ въ области тѣхъ или другихъ общественныхъ вопросовъ; но за то мы убѣждены, что движеніе впередъ не подлежитъ сомнѣнію и что всякій другой путь обѣщаетъ гораздо меньше для достиженія желаемой цѣли. Впрочемъ, здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, всего труднѣе начало, между тѣмъ, какъ продолженіе пойдетъ, такъ сказать, само собой. Во всякомъ случаѣ, мысль, лежащая въ основѣ нашего плана, такъ проста, осуществленіе ея такъ несложно и—условіе крайне важное—сопряжено съ такими незначительными затратами для земства, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ административныхъ и финансовыхъ затрудненіяхъ. И если намъ нельзя надѣяться, что интересъ къ санитарнымъ вопросамъ возгорится у насъ такъ скоро, какъ это случилось въ Германіи, мы, тѣмъ не менѣе, вправѣ ожидать, разъ примутся за дѣло въ указанномъ нами направленіи, что плоды этихъ трудовъ доведется видѣть не только нашимъ внукамъ, но и намъ самимъ, такъ какъ практическая польза ихъ обнаружится не позже какого-нибудь десятка лѣтъ.

Гораздо легче, чѣмъ въ земствахъ, организовать цѣлесообразно общественную гигіену въ большихъ городахъ, которые находятся на новомъ городовомъ положеніи. Здѣсь учрежденіе санитарнаго управленія съ широкой властью не встрѣтитъ никакихъ препятствій со стороны закона, и здѣсь, кромѣ того, всего легче найти средства для санитарныхъ улучшеній и людей для выполненія ихъ; наконецъ, здѣсь мѣры для улучшенія санитарнаго состоянія обѣщаютъ наиболѣе очевидный и быстрый успѣхъ. Если цифра смертности въ городѣ можетъ вообще служить довольно вѣрнымъ критеріемъ его санитарнаго состоянія и если постоянное уменьшеніе смертности въ городѣ можетъ служить прямымъ доказательствомъ улучшенія санитарныхъ условій и уве-

личенія благосостоянія въ массѣ, то англійскіе, а въ послѣднее время, и нѣкоторые американскіе города представляютъ краснорѣчивые аргументы въ пользу раціональнаго санитарнаго управленія. Относящіеся сюда факты, уменьшеніе смертности въ англійскихъ городахъ, шедшее рука объ руку съ санитарными предпріятіями *«sanitary works»*, канализаціей, проведеніемъ воды, улучшеніемъ жилищъ, пищи и т. д., слишкомъ извѣстны, чтобы перечислять ихъ здѣсь снова; кромѣ того, мы не хотимъ утомлять читателя вычисленіемъ убытка, приносимаго странѣ каждой жертвой предотвратимыхъ болѣзней, и капиталовъ, которые сберегаются для страны при улучшеніи санитарныхъ условій. Каждому образованному человѣку и безъ этихъ цифръ понятно, что для страны ничего не можетъ обходиться дороже теперяшняго бездѣйствія и безпечности. Мы позволимъ себѣ, однако, упомянуть объ одномъ фактѣ, который можетъ быть не всѣмъ извѣстенъ и краснорѣчивѣе другихъ говоритъ о благотворныхъ результатахъ санитарныхъ улучшеній. Въ городѣ Сан-Луисѣ, въ Миссури (300,000 жителей), существуютъ съ 1867 года превосходно организованное и пользующееся широкими правами санитарное управленіе, избираемое депутатами общинъ. Съ этого времени, цифра смертности начала постепенно понижаться и, тогда какъ въ 1867 году она равнялась 24% на 1,000, въ 1872 году она упала до 16,9 на 1,000. Въ пользу того, что столь благопріятная перемѣна представляетъ хоть до извѣстной степени результатъ санитарныхъ мѣръ, предпринятыхъ за означенный періодъ, говоритъ то обстоятельство, что уменьшеніе смертности зависѣло, главнымъ образомъ, отъ уменьшенія смертности дѣтей и ослабленія заразныхъ болѣзней. И въ самомъ дѣлѣ, вниманіе санитарнаго управленія было прежде всего обращено на улучшеніе пищи дѣтей (доставленіе имъ молока въ достаточномъ количествѣ) и на содержаніе въ чистотѣ почвы и воздуха. Возможно ли, чтобы наши города, имѣя передъ глазами столь поразительные примѣры, не поняли, какую громадную матеріальную пользу могла бы принести имъ правильная организація санитарнаго управленія, еслибы имъ удалось, при ея помощи, понизить у себя цифру смертности настолько, какъ въ англійскихъ и американскихъ городахъ.

Но, вмѣстѣ съ этимъ сознаніемъ, тотчасъ же возникаетъ вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной организаціи санитарнаго управленія въ городахъ. Спросятъ: какую роль должно играть здѣсь правительство, какую органы самоуправленія; какія права будетъ имѣть санитарное управленіе и въ чемъ будетъ заключаться кругъ его дѣятельности? Все, что мы говорили раньше объ участіи въ санитарной организаціи правительства, съ одной стороны, и общественныхъ управленій—съ другой, относится въ полной мѣрѣ къ большимъ городамъ. Опыты, сдѣланные въ Европѣ, показываютъ, насколько нецѣлесообразно со стороны правительства навязывать городамъ своихъ чиновниковъ для санитарнаго управ-

ленія. Далѣе, опыты эти показываютъ также, что всего нецѣлесообразнѣе назначать административнымъ путемъ санитарныя комиссіи съ исполнительною властью. Правительство могло бы, правда, удовольствоваться назначеніемъ санитарныхъ ȯргановъ съ чисто совѣщательнымъ характеромъ, но мы уже видѣли выше, что подобныя учрежденія никогда не могутъ имѣть большаго вліянія на общественное здоровье и, слѣдовательно, совершенно безполезны. И такъ, если, съ одной стороны, принять, что только санитарные ȯрганы съ широкими полномочіями въ состояніи достигнуть цѣли, съ другой же стороны, имѣть въ виду доказанную опытомъ недѣйствительность такихъ ȯргановъ, назначенныхъ административнымъ путемъ и подчиненныхъ ихъ административной власти, то остается только одинъ путь, именно—предоставить организацію санитарнаго дѣла самимъ городскимъ управленіямъ. Наше правительство, очевидно, раздѣляетъ этотъ взглядъ, потому что до сихъ поръ не сдѣлало ни одного шага для навязыванія городамъ своихъ санитарныхъ чиновниковъ. Мы допускаемъ, что, при видѣ равнодушія нашихъ городскихъ общественныхъ управленій къ санитарнымъ вопросамъ, можетъ невольно возникнуть желаніе, чтобы высшая власть заставила ихъ, наконецъ, принять рѣшительныя мѣры для организаціи общественной гигіены. Но, во всякомъ случаѣ, лучше, если такого вмѣшательства не произойдетъ, потому что санитарное учрежденіе можетъ принести желаемую пользу лишь въ томъ случаѣ, если оно возникло изъ потребностей самаго населенія и если послѣднее, сознавая необходимость энергическихъ мѣръ, будетъ охотно оказывать всякое содѣйствіе учрежденію, избранному имъ самимъ. Резюмируемъ сказанное нами въ слѣдующемъ положеніи: *только выборное общинное управленіе, пользующееся довѣріемъ согражданъ и отвѣтственное въ дѣлѣ ихъ матеріальныхъ интересовъ, можно считать естественнымъ представителемъ и охранителемъ общественнаго здоровья.* Но, такъ какъ представители городскаго общества—вообще магистратъ, городская дума — съ одной стороны, не обладаютъ достаточными свѣдѣніями, чтобы взять на себя иниціативу мѣръ, необходимыхъ для обезпеченія здоровья города, съ другой стороны, вслѣдствіе многочисленности своихъ членовъ, не могутъ имѣть характера исполнительной власти въ санитарныхъ вопросахъ, то городское управленіе должно назначить отъ себя особый комитетъ, обладающій необходимой спеціальной подготовкой, и этому комитету должно поручить надзоръ за общественнымъ здоровьемъ, давъ ему, въ то же время, право иниціативы при разработкѣ проектовъ санитарныхъ мѣръ. Принципомъ этимъ руководились въ англійскихъ и американскихъ городахъ при организаціи санитарнаго управленія и онъ, повидимому, пользуется теперь въ Германіи нетолько сочувствіемъ общества, но и сочувствіемъ правительства.

Чтȯ касается практическаго приложенія этого принципа, т. е. состава санитарныхъ учрежденій и предѣловъ ихъ власти, то

взгляды на этотъ счетъ еще весьма различны. Такъ какъ, однако, взгляды эти выказались на дѣлѣ при организаціи мѣстныхъ санитарныхъ органовъ въ англійскихъ и американскихъ городахъ, то мы, на основаніи практическихъ опытовъ, имѣемъ возможность взвѣсить ихъ выгоды и невыгоды. По мнѣнію однихъ, исполнительная власть въ дѣлахъ, касающихся общественной гигіены, не должна быть предоставлена цѣлой комиссіи; сторонники этого взгляда полагаютъ, что дѣло выиграетъ, если забота и отвѣтственность будутъ лежать на одномъ лицѣ, потому что цѣлая комиссія или коллегія никогда не можетъ дѣйствовать такъ быстро, цѣльно и энергически, какъ отдѣльный человѣкъ. Такъ какъ представительницей этого мнѣнія является преимущественно Англія, то мы и находимъ вездѣ въ англійскихъ городахъ надзоръ за общественнымъ здоровьемъ и выполненіемъ санитарныхъ мѣръ въ рукахъ одного человѣка, *medical officer of health*. Этому санитарному чиновнику, который непремѣнно долженъ быть врачомъ, назначаютъ содержаніе, вполнѣ обезпечивающее его, и требуютъ, чтобы онъ не занимался частной практикой, но посвящалъ все свое время заботѣ объ общественномъ здоровьѣ. Онъ выбирается городскимъ общественнымъ управленіемъ и долженъ давать отчетъ въ своей дѣятельности мѣстному санитарному совѣту (*local board of health*). Совѣтъ, имѣющій главный надзоръ за санитарнымъ состояніемъ города, состоитъ обыкновенно изъ большаго числа членовъ, депутатовъ города и членовъ магистрата. Онъ не вмѣшивается активно въ дѣятельность санитарнаго чиновника, но только знакомитъ публику съ важностью общественной гигіены, ея требованіями и необходимыми санитарными мѣрами; далѣе, на его обязанности лежитъ контроль надъ дѣятельностью санитарнаго чиновника. Такія учрежденія существуютъ уже довольно давно, въ иныхъ мѣстахъ уже цѣлые десятки лѣтъ, какъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Бристолѣ и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ городахъ [1]. Для того, чтобы санитарный чиновникъ могъ надлежащимъ образомъ исполнять свои многочисленныя обязанности, ему подчинены такъ-называемые санитарные надзиратели, отъ которыхъ вовсе не требуется медицинскаго образованія. При ихъ посредствѣ, онъ узнаетъ о всѣхъ погрѣшностяхъ противъ правилъ общественной гигіены въ различныхъ частяхъ города, и они же служатъ исполнителями его распоряженій.

Представители другого лагеря считаютъ, наоборотъ, цѣлесообразнымъ, чтобы исполнительная власть въ санитарномъ дѣлѣ была предоставлена коллегіи, состоящей изъ многихъ членовъ; по ихъ мнѣнію, дѣло значительно выиграетъ, если всѣ важнѣйшія и общія мѣры будутъ обсуждаться большимъ числомъ свѣ-

---

[1] Отчеты о дѣятельности этихъ санитарныхъ чиновниковъ читатель, интересующійся предметомъ, найдетъ въ различныхъ тетрадяхъ нѣмецкаго журнала: «*Vierteljahrschrift für offentl. Gesundheitspflege*».

дущихъ людей. Они опираются, между прочимъ и главнымъ образомъ, на то, что такая комиссія, состоящая изъ разныхъ спеціалистовъ, будетъ въ состояніи разсмотрѣть вопросы, касающіеся общественной гигіены съ бо̀льшей основательностью и видѣть различныя стороны ихъ гораздо лучше, чѣмъ одинъ человѣкъ. Кромѣ того, такая организація обезпечиваетъ, по ихъ мнѣнію, болѣе живую связь между городскимъ населеніемъ и санитарнымъ чиновникомъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, если весь надзоръ за санитарнымъ дѣломъ будетъ находиться въ рукахъ одного лица; наконецъ, населеніе будетъ исполнять съ бо̀льшею охотой предписанія комиссіи, состоящей, по крайней мѣрѣ отчасти, изъ мѣстныхъ депутатовъ, чѣмъ требованія одного, назначеннаго магистратомъ лица. Понятно, что, и при такой коллегіальной организаціи, долженъ находиться одинъ, а въ большихъ городахъ нѣсколько членовъ, которые приняли бы на себя постоянную ежедневную работу, отказавшись отъ всѣхъ другихъ занятій. Люди эти, однако, не должны быть самостоятельными дѣятелями, отвѣтственными за принятыя мѣры: они должны только выполнять рѣшенія, принятыя комиссіей, и все, что̀ они дѣлаютъ, должно дѣлаться отъ имени санитарной комиссіи. Послѣдній взглядъ на организацію мѣстныхъ совѣтовъ преобладаетъ въ настоящее время въ Германіи и Америкѣ и уже перешелъ въ практику въ нѣкоторыхъ американскихъ городахъ (Нью-Іоркъ Сан-Луисъ). Изъ германскихъ городовъ, какъ мы уже говорили, одинъ только Гамбургъ пользуется дѣйствительной и цѣлесообразной организаціей санитарнаго дѣла, основанной на вышеизложенномъ принципѣ. Чтобы представить читателю вѣрную картину дѣятельности такого санитарнаго правленія, коснемся въ нѣсколькихъ словахъ организаціи и дѣятельности его въ Нью-Іоркѣ. Санитарный совѣтъ въ Нью-Іоркѣ представляетъ одну изъ отраслей общаго городскаго управленія и пользуется правомъ принимать всѣ необходимыя, по его мнѣнію, мѣры въ интересахъ общественной гигіены. Труды санитарнаго совѣта распредѣлены между шестью подкомиссіями изъ трехъ членовъ, выбранныхъ изъ среды городскаго управленія. Первая подкомиссія должна смотрѣть за городомъ и заботиться объ устраненіи всѣхъ условій, вредныхъ для здоровья. Вторая подкомиссія должна смотрѣть за различными производствами съ санитарной точки зрѣнія, подвальными жилищами, содержаніемъ скота внутри города и, въ случаѣ надобности, давать или не давать своего согласія. Третья подкомиссія занимается стастистикой рожденій и заболѣваній, выдаетъ позволеніе хоронить умершихъ, но только послѣ того, какъ ей представлено медицинское или вообще удовлетворительное свидѣтельство о возрастѣ, мѣстожительствѣ, занятіяхъ и причинѣ смерти. Четвертая подкомиссія заботится объ очищеніи улицъ; пятая—занимается финансовыми вопросами; наконецъ, на шестой лежатъ всѣ дѣла̀ съ судебными инстанціями. Кромѣ названныхъ подкомиссій существуютъ еще

особые, назначаемые санитарнымъ совѣтомъ санитарные инспекторы, врачи, которые не должны заниматься частной практикой; далѣе—чиновники по отдѣлу статистики и техники. Для удобства санитарнаго надзора городъ раздѣленъ на 19 участковъ, изъ которыхъ каждый обходится ежедневно однимъ изъ врачебныхъ инспекторовъ или ихъ помощниковъ. Инспекторы эти должны два раза въ недѣлю представлять отчетъ о своей дѣятельности главному санитарному инспектору, а, въ концѣ года, представлять въ совѣтъ общій отчетъ, въ которомъ помѣщена медицинская топографія ихъ участка, родъ занятій населенія и вообще все, что̀ можетъ имѣть вліяніе на общее санитарное состояніе; въ отчетѣ должно быть также отмѣчено число осмотровъ и перечислены мѣры, принятыя для санитарнаго улучшенія. Изъ этихъ участковыхъ отчетовъ, вмѣстѣ съ отчетами статистическаго чиновника, инженера, химика, отчетовъ финансовой комиссіи и т. д., составляется общій отчетъ санитарнаго совѣта, представляемый въ нью-йоркскій магистратъ. Нужно еще прибавить, что въ конторѣ каждаго изъ врачебныхъ участковыхъ инспекторовъ находится книга для жалобъ, при помощи которой обыватели сами обращаютъ вниманіе инспектора на разнаго рода вредныя условія и могутъ такимъ образомъ способствовать ихъ быстрому устраненію. Мы бы зашли слишкомъ далеко, еслибы стали перечислять здѣсь всѣ права̀ и обязанности санитарнаго совѣта, его комиссій и чиновниковъ. Достаточно упомянуть, что права̀ и обязанности эти имѣютъ далекіе предѣлы и что кругъ дѣятельности совѣта обнимаетъ собой, помимо спеціально-гигіеническихъ изслѣдованій и мѣръ, почти всю дѣятельность нашей городской, рѣчной и торговой полиціи и нашего врачебнаго управленія.

Не трудно указать на недостатки, присущіе обоимъ, только-что описаннымъ формамъ организаціи санитарнаго дѣла въ городахъ, и, съ другой стороны, замѣтить преимущества, представляемыя каждою изъ нихъ. Вездѣ мы видимъ признаніе и приложеніе принципа, что исполнительная власть должна находиться въ рукахъ особыхъ чиновниковъ и, притомъ, врачей съ спеціальной подготовкой, которые, вмѣстѣ съ этимъ назначеніемъ, теряютъ право заниматься другими дѣлами, и въ особенности медицинской практикой. Принципъ этотъ имѣетъ громадную важность, и безъ строгаго выполненія его нѣчего и думать о дѣйствительномъ санитарномъ надзорѣ за городами. И дѣйствительно, интересы практическаго врача приходили бы въ постоянныя столкновенія съ обязанностями санитарнаго чиновника: представимъ себѣ, напримѣръ, что санитарный инспекторъ состоитъ домашнимъ докторомъ при семействѣ фабриканта, который заражаетъ нечистотами своей фабрики городскія канавы и резервуары. Можно ли ожидать, что этотъ санитарный чиновникъ будетъ дѣйствовать съ надлежащею энергіей для устраненія этого зла и заставитъ фабриканта отвезти сточныя трубы фабрики въ такое мѣ-

сто, гдѣ бы онѣ не могли вредить населенію, несмотря на то, что такая мѣра сопряжена съ большими издержками?.. На основаніи этой и подобныхъ причинъ, признали повсюду необходимость имѣть санитарныхъ чиновниковъ, совершенно независимыхъ въ матеріальномъ отношеніи. Но отъ читателя, конечно, не ускользнуло, что американскіе санитарные инспекторы—скорѣе полицейскіе чиновники, чѣмъ гигіенисты. Дѣятельность ихъ имѣетъ, большею частью, санитарно-полицейскій характеръ, и потому они могутъ быть весьма полезны для отрицательной стороны общественной гигіены, т. е. для предупрежденія вредныхъ вліяній; но главная и высшая задача санитарнаго дѣла, положительная дѣятельность, распространеніе въ публикѣ здравыхъ понятій и развитіе въ народѣ сознанія основъ гигіенической жизни, конечно, оттѣсняется при этомъ на задній планъ. Кромѣ того, санитарно-полицейскій надзоръ, какъ и всякое другое полицейское вмѣшательство въ жизнь и дѣятельность частныхъ лицъ, рискуетъ сдѣлаться весьма непопулярнымъ, а это, конечно, несовмѣстимо съ успѣшной дѣятельностью санитарныхъ учрежденій. Послѣдняя опасность, до извѣстной степени, устранена въ Нью-Йоркѣ тѣмъ, что санитарные инспекторы почти всѣ, безъ исключенія—врачи, которые выступаютъ на сцену скорѣе въ качествѣ учителей, чѣмъ полицейскихъ чиновниковъ, и считаютъ своею обязанностью защищать недостаточные классы противъ индиферентизма и алчности другихъ. Не имѣя другихъ занятій и не преслѣдуя честолюбивыхъ цѣлей, они сдѣлались, мало-помалу, совѣтниками и наставниками населенія въ правилахъ гигіены, сдѣлались друзьями бѣдныхъ и потому встрѣчаютъ вездѣ радушный пріемъ и пользуются благотворнымъ вліяніемъ. Такія отношенія санитарныхъ чиновниковъ къ публикѣ, конечно, крайне желательны, но они не должны въ слишкомъ значительной степени зависѣть отъ личности санитарнаго инспектора, а, по возможности, вытекать изъ самой организаціи санитарныхъ учрежденій; послѣднее же осуществимо лишь въ томъ случаѣ, когда между общественнымъ управленіемъ и санитарными органами установится такая тѣсная связь, какую мы находимъ въ англійскихъ и американскихъ городахъ.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ очевидно, что, при организаціи общественной гигіены въ нашихъ русскихъ городахъ, нечего и думать о простомъ подражаніи англійскимъ или американскимъ учрежденіямъ. Во-первыхъ, послѣднія далеко не представляютъ такого совершенства, чтобы перенесеніе ихъ на нашу почву было безусловно желательно; во-вторыхъ, при организаціи и опредѣленіи правъ и обязанностей нашихъ санитарныхъ учрежденій, нужно, конечно, избѣгать всѣми силами всякаго столкновенія съ существующимъ законодательствомъ или административными властями. Къ счастью, это вполнѣ возможно безъ малѣйшаго ущерба для успѣшной и широкой дѣятельности санитарныхъ учрежденій. Чтобы убѣдить читателя, перечислимъ вкратцѣ важ-

нѣйшія требованія, которымъ долженъ удовлетворять каждый мѣстный санитарный совѣтъ. Во-первыхъ, онъ долженъ быть организованъ, главнымъ образомъ, при содѣйствіи городскаго общества; во-вторыхъ, онъ долженъ имѣть право предпринимать самостоятельныя изслѣдованія въ интересахъ дѣла и, съ согласія городскихъ общественныхъ управленій, изыскивать средства и принимать мѣры для преуспѣянія общественнаго здоровья; въ-третьихъ, нужно, чтобы исполнительная власть находилась въ рукахъ особыхъ санитарныхъ агентовъ, спеціально подготовленныхъ для этой должности и обязанныхъ не заниматься медицинской практикой или другой службой; въ вѣдѣніи этихъ чиновниковъ должны находиться и всѣ текущія работы по санитарной части.

Мы видимъ, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ введено новое городовое положеніе, ни одно изъ этихъ требованій не противорѣчитъ существующимъ постановленіямъ; что̀ касается столкновеній санитарныхъ учрежденій съ административными властями, и въ особенности съ полиціей, то и ихъ легко устранить, если высшая полицейская власть—градоначальникъ или обер-полицеймейстеръ — будетъ предсѣдательствовать въ мѣстномъ санитарномъ совѣтѣ. И такъ, пользуясь опытами Запада и избѣгая недостатковъ тамошнихъ учрежденій, мы можемъ предложить приблизительно слѣдующую организацію санитарныхъ учрежденій въ нашихъ большихъ городахъ:

Учрежденіе постоянной санитарной комиссіи, непремѣнными членами которой должны быть: начальникъ полиціи, который долженъ предсѣдательствовать въ комиссіи, инспекторъ городскихъ больницъ, инспекторъ врачебной управы, старшій врачъ полиціи и, наконецъ, если городъ университетскій, то и профессоръ гигіены; кромѣ того, городское общественное управленіе должно выбрать извѣстное число депутатовъ, между которыми должны находиться какъ врачи, такъ и техники (химики и строительные техники), ветеринары, члены администраціи и, наконецъ, люди съ спеціальнымъ гигіеническимъ образованіемъ. При выборѣ своихъ представителей для санитарной комиссіи, городское общественное управленіе должно быть совершенно свободно. Если нужныя силы не найдутся въ требуемомъ количествѣ въ средѣ городскихъ депутатовъ, то санитарный совѣтъ имѣетъ право избирать членовъ изъ среды общества. Для нѣкоторыхъ вопросовъ санитарная комиссія можетъ также обращаться къ представителямъ другихъ сословій, приглашать учителей, въ особенности директоровъ воспитательныхъ заведеній, фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ и т. д. къ участію въ своихъ засѣданіяхъ. Въ этой комиссіи должны разбираться и разрабатываться всѣ важныя санитарно-полицейскія мѣры и проекты всѣхъ учрежденій, предпринимаемыхъ въ интересахъ народнаго здоровья; комиссія пользуется полной независимостью при выборѣ предметовъ своихъ занятій. Что̀ же касается мѣръ, требую-

щихъ большихъ денежныхъ пожертвованій, то проекты комиссіи подлежатъ утвержденію городскаго общественнаго управленія, и выполненіе ихъ происходитъ отъ имени городской думы, подъ руководствомъ санитарной комиссіи. Необходимость согласія представителей городскаго общества съ предложеніями санитарной комиссіи признана теперь вездѣ, гдѣ хотятъ, чтобы санитарныя учрежденія существовали нетолько на бумагѣ, но приходили бы въ соприкосновеніе съ практическою жизнью и приносили какую-нибудь пользу. Безъ этого согласія нельзя обойтись уже потому, что для всѣхъ предпріятій санитарнаго совѣта нужны денежныя средства, которыя долженъ давать городъ. Очевидно, стало быть, что ему, по всей справедливости, принадлежитъ и право дѣлать только тѣ издержки на пользу общественнаго здоровья, которыя онъ будетъ считать нужными въ данный моментъ. Слѣдуетъ, однако, сознаться, что, при такихъ условіяхъ, общественная гигіена въ нашихъ городахъ не будетъ пока въ цвѣтущемъ положеніи, потому что, наши городскія общественныя управленія могутъ быть въ этомъ случаѣ уподоблены выжатому лимону. Но, если разъ признать въ принципѣ, что забота объ общественномъ здоровьѣ должна выпадать на долю городскаго управленія, то слѣдуетъ помириться съ невыгодами, которыя могутъ возникнуть отсюда въ данный моментъ, вслѣдствіе крайней безпечности городовъ. Всѣ указанныя невыгоды не имѣютъ большого значенія и должны исчезнуть передъ сознаніемъ, что все, что̀ будетъ дѣлаться, будетъ, по крайней мѣрѣ, дѣлаться въ интересахъ общества, съ убѣжденіемъ въ пользѣ и необходимости принимаемыхъ мѣръ. Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду и моральнаго вліянія, которое санитарная комиссія, организованная по предложенному нами образцу, будетъ имѣть на городское общество, побуждая его къ дѣятельности въ области общественной гигіены. Извѣстно, что рѣшенія всякаго многочисленнаго собранія, но въ особенности собранія нашихъ городскихъ думъ, опредѣляются нетолько важностью или необходимостью самаго дѣла, но нерѣдко являются продуктомъ мгновеннаго настроенія присутствующихъ, подъ вліяніемъ какой-нибудь ловкой рѣчи и т. д. Если санитарная комиссія будетъ имѣть представителей въ городской думѣ, то, конечно, съумѣетъ заинтересовать послѣднюю въ пользу своихъ предложеній или воспользоваться случайнымъ благопріятнымъ настроеніемъ ареопага, чтобы провести какой-нибудь проектъ, и, если ея требованія не будутъ заходить за предѣлы возможнаго, то она рѣдко встрѣтитъ сопротивленіе въ думѣ. Нужно также имѣть въ виду, что подобная санитарная комиссія, основанная на принципѣ самоуправленія, представляетъ лучшее средство для того, чтобы, мало по малу, возбудить интересъ населенія и его оффиціальныхъ представителей къ вопросамъ общественной гигіены; поэтому, она можетъ положительно разсчитывать, что вліяніе ея будетъ усиливаться изъ года въ

годъ. Само собой разумѣется, что уставъ этого санитарнаго учрежденія долженъ обезпечивать ему право самостоятельнаго рѣшенія всѣхъ менѣе важныхъ вопросовъ, а не заставлять его обращаться съ каждой бездѣлицей за утвержденіемъ городскаго управленія. Что̀ касается засѣданій комиссіи, то число ихъ не должно быть предоставлено случайности, но опредѣлено уставомъ. Повидимому, достаточно, если комиссія будетъ собираться одинъ или два раза въ мѣсяцъ; но, очевидно, что президентъ комиссіи долженъ имѣть право приглашать членовъ въ чрезвычайныя собранія, въ случаѣ какой-нибудь надобности.

Всѣ изслѣдованія, осмотры и мѣры, которыя санитарная комиссія найдетъ нужными, выполняются особыми, подвѣдомственными ей санитарными чиновниками. Послѣдніе должны быть непремѣнно врачами, съ спеціальной гигіенической подготовкой, и обязаны отказаться отъ медицинской практики. Они выбираются думой и подчинены непосредственно санитарной комиссіи; число ихъ сообразуется съ величиной города. Городъ долженъ быть раздѣленъ на особые санитарные участки, причемъ весьма желательно, чтобы каждый санитарный врачъ жилъ во ввѣренномъ ему участкѣ. Въ этихъ санитарныхъ врачахъ лежитъ вся сила организаціи: они живутъ въ близкихъ сношеніяхъ съ населеніемъ своего участка, обязаны изучать санитарное состояніе его во всѣхъ подробностяхъ и знакомиться съ ихъ потребностями; вслѣдствіе этого, они получаютъ возможность обращать вниманіе санитарной комиссіи на тѣ вопросы, правильное и удачное рѣшеніе которыхъ дѣйствительно въ состояніи поднять физическое благосостояніе населенія. Дѣятельность ихъ, очевидно, не можетъ ограничиваться одной полицейской стороной санитарнаго дѣла, и мы составили бы себѣ весьма низкое понятіе о пользѣ, которую они въ состояніи принести народному здоровью, еслибы стали ожидать отъ нихъ простаго присмотра за надлежащей чистотой наемныхъ квартиръ и дворовъ или за доброкачественностью съѣстныхъ припасовъ и проч. Напротивъ, ихъ вниманіе должно быть обращено, главнымъ образомъ, на тѣ санитарныя мѣры, которыя способны прочно поднять уровень здоровья населенія, измѣняя радикальнымъ образомъ неблагопріятныя жизненныя условія. Санитарные врачи, знакомые съ нуждами недостаточнаго класса, будутъ подавать голосъ при учрежденіи народныхъ кухонь, яслей, помѣщеній для рабочихъ и играть существенную роль при осуществленіи этихъ проектовъ. При ихъ посредствѣ, сдѣлается возможнымъ ввести важныя реформы, безъ осуществленія которыхъ въ широкомъ масштабѣ немыслимо улучшеніе санитарнаго состоянія городовъ, не нарушая, безъ особенной нужды, правъ частныхъ лицъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто перечислять всѣ обязанности этихъ санитарныхъ врачей, и это невозможно уже потому, что *a priori* нельзя указать опредѣленныя границы для ихъ дѣятельности. Изъ сказаннаго видно, впрочемъ, что рабо-

ты у нихъ будетъ вволю. Къ тому же, въ нашихъ большихъ городахъ не существуетъ никакихъ систематическихъ научныхъ изслѣдованій, которыя облегчили бы знакомство съ бытомъ различныхъ классовъ населенія и причинами заболѣванія и смерти въ ихъ средѣ; далѣе, наши познанія о способѣ распространенія заразныхъ болѣзней въ городахъ крайне недостаточны, потому что разработка существующаго матеріала вполнѣ зависитъ отъ случайнаго интереса того или другаго врача къ этимъ вопросамъ; наконецъ, у насъ нѣтъ ни метеорологическихъ наблюденій, ни систематическихъ изслѣдованій почвенныхъ условій для гигіеническихъ цѣлей. Нельзя скрыть отъ себя самихъ, что относительно всего необходимаго для характеристики санитарнаго состоянія нашихъ городовъ передъ нами еще открытое поле. Какой богатый матеріалъ открылся бы дѣльнымъ санитарнымъ врачамъ и какой живой интересъ могли бы имѣть отчеты о сдѣланныхъ ими изслѣдованіяхъ и всей ихъ дѣятельности вообще—отчеты, которые они представляли бы санитарной комиссіи, а послѣдняя, въ свою очередь, представляла бы въ опредѣленные сроки городской думѣ! Понятно, что относительно всѣхъ важныхъ гигіеническихъ мѣръ санитарные врачи должны слѣдовать указаніямъ комиссіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уставъ долженъ обезпечить имъ право предпринимать самостоятельно изслѣдованія, которыя они признàютъ нужными въ интересахъ общественной гигіены, если при этомъ не будутъ нарушены правà частныхъ лицъ и не будетъ превзойденъ бюджетъ, предоставленный каждому санитарному врачу для подобныхъ работъ. Санитарнымъ врачамъ необходимо назначить помощниковъ, которые могутъ обойтись безъ спеціальной подготовки и должны быть только надѣлены здравымъ смысломъ; на нихъ лежалъ бы санитарный надзоръ и механическія работы, для которыхъ у врача недостаетъ времени; отчетъ о результатахъ своей дѣятельности они должны представлять ему.

Замѣтимъ еще мимоходомъ, что вся организація санитарнаго строя, планъ которой мы представили въ общихъ чертахъ, окажется неудовлетворительною, если не будетъ учреждено одновременно въ городахъ статистическихъ отдѣленій; въ программу занятій послѣднихъ должна, между прочимъ, войти и медицинская статистика, при веденіи которой они должны отчасти опираться на матеріалъ, собираемый санитарными врачами. При чтеніи превосходныхъ годовыхъ отчетовъ берлинскаго статистическаго комитета насъ просто беретъ зависть; а если мы примемъ въ соображеніе, съ какими незначительными издержками было бы сопряжено устройство этихъ благодѣтельныхъ учрежденій въ нашихъ городахъ, становится совершенно непонятнымъ, почему у насъ не сдѣлано еще ничего въ этомъ направленіи. Центральный статистическій комитетъ издалъ, правда, въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, весьма цѣнный во многихъ отношеніяхъ трудъ по отношенію къ Петербургу; но средства, которы-

ми онъ располагаетъ, къ сожалѣнію, совершенно недостаточны для того, чтобы изъ года въ годъ представлять статистику быта нашего городскаго населенія. Мы подражаемъ нашимъ западнымъ сосѣдямъ въ столькихъ незначущихъ, а иногда далеко незавидныхъ вещахъ, что слѣдовало бы ожидать подражанія ихъ примѣру и въ такихъ дѣлахъ, которыя имѣютъ первостепенную важность для народонаселенія.

Намъ вполнѣ извѣстны препятствія, которыя могутъ встрѣтиться при осуществленіи организаціи санитарнаго дѣла по предложенному нами плану. Самымъ существеннымъ изъ нихъ является вопросъ о необходимыхъ денежныхъ средствахъ; и всякій разъ, когда мы имѣли случай бесѣдовать съ вліятельными лицами изъ среды городскаго управленія объ организаціи санитарнаго строя, мы замѣчали пожиманіе плечами, за которымъ слѣдовалъ вопросъ: «откуда взять на это средства?» Намъ кажется, однако, что это препятствіе, въ сущности, только кажущееся и основано, главнымъ образомъ, на недоразумѣніи. Люди, никогда не занимавшіеся размышленіями о санитарной организаціи, конечно, не могутъ имѣть вѣрнаго понятія о размѣрахъ необходимыхъ денежныхъ затратъ, и ихъ воображенію представляются немедленно сотни тысячъ, а чего добраго, и милліонъ. Достаточно, однако, прочесть со вниманіемъ предложенный нами организаціонный планъ, чтобы убѣдиться, что дѣло далеко не такъ страшно. Мы не желаемъ утомлять читателя цифрами; простаго перечисленія лицъ, которымъ нужно будетъ назначить содержаніе, достаточно для того, чтобы разсѣять призракъ страшныхъ затратъ на санитарную организацію и привести воображеніе къ болѣе реальнымъ представленіямъ. Участіе въ работахъ санитарной комиссіи должно считаться почетною должностью. Это—жертва, которую никто изъ членовъ не откажется, конечно, принести на пользу общественныхъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что засѣданія комиссіи не должны происходить чаще одного или, много, двухъ разъ въ мѣсяцъ. Особыя работы, предпринятыя техниками изъ членовъ комиссіи, по ея порученію, очевидно потребуютъ соотвѣтствующаго вознагражденія; но постоянное содержаніе нужно только для санитарныхъ врачей, подчиненныхъ имъ санитарныхъ надзирателей и чиновниковъ городскаго статистическаго комитета, которые посвящаютъ все свое время и силы общественнымъ интересамъ. Размѣръ нужной для этого суммы зависитъ непосредственно отъ числа врачей и чиновниковъ [1]). Къ этимъ расходамъ нужно прибавить еще скромный бюджетъ, отданный въ распоряженіе санитарнымъ врачамъ и санитарной комиссіи, чтобы избавить

[1] Для Петербурга бы, напримѣръ, было достаточно имѣть трехъ санитарныхъ врачей, изъ которыхъ двое находились бы въ частяхъ города на лѣвомъ берегу Невы, а одинъ въ зарѣчныхъ частяхъ города. Каждому изъ нихъ можно было бы придать четырехъ санитарныхъ надзирателей.

ихъ отъ необходимости обращаться за каждой копейкой, нужной имъ для какого-нибудь изслѣдованія, печатанія работъ и отчетовъ, къ городскому общественноту управленію. Само собой разумѣется, что какъ врачи, такъ и комиссія должны ежегодно представаять думѣ отчетъ въ суммахъ, находившихся въ ихъ распоряженіи. Эти издержки, ничтожныя въ сравненіи съ хозяйственными суммами каждаго большаго города, никакъ не должны удерживать отъ введенія правильной организаціи санитарнаго строя, потому что затраченный капиталъ будетъ весьма скоро возвращенъ городу съ большими процентами. Что это—не пустая фраза, показываютъ опыты, сдѣланные въ другихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, если, вслѣдствіе улучшенія санитарныхъ условій, въ какомъ-нибудь городѣ понизится смертность, то это нетолько обозначаетъ, что осталось въ живыхъ нѣсколько человѣкъ, которые, въ противномъ случаѣ, умерли бы, но обозначаетъ также, что число заболѣваній, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и число дней лежанія въ больницахъ значительно уменьшилось. Это сбереженіе суммъ является первымъ результатомъ разумной организаціи санитарнаго строя. Оно съ процентами возвратитъ городу его затраты на послѣднюю.

Тоже повторяется и относительно суммъ, которыхъ требуютъ всѣ важныя санитарныя мѣры и которыя въ иныхъ случаяхъ могутъ быть весьма значительны. Правда, оздоровленіе городовъ требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя не даютъ дохода, выражающагося прямо звонкою монетой; тѣмъ не менѣе, своимъ благотворнымъ вліяніемъ на здоровье населенія онѣ, всетаки, представляютъ хорошее помѣщеніе капиталовъ: сюда относится, напримѣръ, канализація и дренажъ городовъ, устройство хорошихъ школьныхъ зданій и т. д. Но существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ санитарныхъ мѣръ, выполненіе которыхъ тоже требуетъ большихъ суммъ, причемъ, однако, ни городъ, ни частныя лица не должны приносить жертвъ, такъ какъ, при правильномъ распоряженіи ими, эти затраты тотчасъ же приносятъ хорошіе проценты. Къ такимъ предпріятіямъ принадлежитъ, напримѣръ, устройство хорошихъ и дешевыхъ квартиръ на окраинахъ города, устройство водопроводовъ, а также, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, открытіе дешевыхъ столовыхъ и т. д. Слѣдовательно, здѣсь задача городскихъ общественныхъ управленій и санитарныхъ органовъ сводится только къ тому, чтобы привлечь капиталы частныхъ лицъ къ этимъ предпріятіямъ, обезпечивъ имъ извѣстные, принятые въ странѣ проценты. Мы убѣждены, что, когда воздухъ нѣсколько очистится отъ пыли и зловонія, которыя оставляютъ повсемѣстно за собой основанныя на недобросовѣстной спекуляціи и лопающіеся банки, общества желѣзнодорожныхъ концессій и т. д., то для солиднаго помѣщенія капиталовъ на указанномъ нами поприщѣ откроется значительное предложеніе.

Итакъ, наша статья кончена. Она была вызвана искреннимъ

убѣжденіемъ, что современныя санитарныя условія нашего сельскаго и городскаго быта не могутъ долѣе существовать. При проектированіи организаціи санитарнаго строя Россіи нужно было, съ одной стороны, воспользоваться опытами западныхъ государствъ въ этомъ отношеніи, съ другой — привести предполагаемую организацію въ согласіе съ нашими мѣстными условіями, такъ какъ только въ этомъ случаѣ она можетъ обратить на себя вниманіе нашей администраціи и общества. Руководящей мыслью служилъ намъ принципъ, признаваемый и нашимъ законодательствомъ, что забота о народномъ здоровьѣ составляетъ обязанность органовъ самоуправленія. Весьма желательно поэтому, чтобы послѣдніе приняли нашу статью, какъ призывъ обратить свое вниманіе въ большей степени, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, на вопросы общественной гигіены и приняться за исполненіе обязанностей, налагаемыхъ на нихъ какъ гуманностью, такъ и законодательствомъ.

Д-ръ Эрисманъ.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Возобновленіе палатскихъ засѣданій. — Поѣздка маршала въ Орлеанъ. — Три циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ. — Смерть Рикара. — Назначеніе Марсэра. — Гражданскія похороны Альфонса Эскироса и Мишле.

10-го мая, открылась новая сессія палатъ, настроенныхъ въ самомъ благопріятномъ для правительства смыслѣ. Маршалъ Мак-Магонъ совершенно конституціонно отстранился отъ всякихъ правительственныхъ заявленій во время своего пребыванія въ Орлеанѣ, куда онъ ѣздилъ для присутствованія на открытіи мѣстной земледѣльческой выставки и празднества въ честь Іоанны д'Аркъ. Напрасно, при его приходѣ въ каѳедральный соборъ, сенаторъ архіепископъ Дюпанлу, встрѣтившій его на паперти, въ привѣтственной рѣчи своей, въ которой онъ назвалъ его «народнымъ спасителемъ», цѣлымъ рядомъ латинскихъ цитатъ изъ священнаго писанія старался пробудить въ немъ ревность къ произведенію какого-либо государственнаго переворота: глава государства выслушалъ его молча и не произнесъ ни одного слова въ отвѣтъ. Съ другой стороны, въ это же время Рикаръ, только-что возвратившійся изъ своей поѣздки въ Ніоръ,

не стѣсняясь отсутствіемъ Мак-Магона, разослалъ префектамъ, одинъ вслѣдъ за другимъ, три отличные циркуляра.

Въ первомъ изъ нихъ онъ, совершенно наоборотъ распоряженіямъ Бюффè, установилъ полную законную свободу распространенія и продажи газетъ и другихъ произведеній печати. Вторымъ—онъ предварилъ мэровъ и ихъ помощниковъ, назначенныхъ правительствомъ не изъ среды муниципальныхъ совѣтовъ, что, если они сами не подадутъ въ отставку, то будутъ уволены, такъ какъ правительство, намѣреваясь покровительствовать муниципальнымъ свободамъ, не станетъ впредь допускать, чтобы общины управлялись лицами, значеніе которыхъ не было освящено выборомъ ихъ согражданъ. Въ третьемъ и главнѣйшемъ, онъ объяснялъ префектамъ, какимъ образомъ они обязывались дѣйствовать, чтобы ихъ управленіе не стояло въ противорѣчіи съ новою политикою искренно и твердо республиканскою, принятою правительствомъ. Этотъ послѣдній циркуляръ, обязывавшій всѣхъ главнѣйшихъ представителей администраціи, къ какой бы партіи они прежде ни принадлежали, служить республикѣ, внушая къ ней уваженіе и любовь, возбудилъ противъ себя самое сильное недовольство въ средѣ бонапартистовъ и другихъ монархистовъ. Одна фраза его или, вѣрнѣе, два слова, помѣщенныя въ окончаніи этой фразы, были перетолкованы въ смыслѣ угрозы противъ тѣхъ, кто облачилъ властію Мак Магона, и какъ нарушеніе той статьи конституціи, которою обусловливается право ея пересмотра: «необходимо прекратить сомнѣніе, оскорбительное для правительства, покончить съ тѣми недовѣріями, которыя, въ прошедшее время, могли имѣть себѣ оправданіе, и искоренить изъ образа мыслей партій тѣ *надежды*, которыя нынѣ стали *мятежническими*».

Благодаря этой фразѣ, министръ, котораго еще наканунѣ самые умѣренные изъ демократовъ обвиняли за робость и медленность, съ какою онъ производилъ очищеніе администраціи отъ реакціонныхъ элементовъ, получилъ сразу огромную популярность, что̀ могло ему служить значительнымъ подспорьемъ въ побѣдѣ надъ интригами, безостановочно возникающими въ средѣ, окружающей маршала, и надъ самою его нерѣшительностію. Лѣвая сторона палата депутатовъ рѣшилась пожертвовать всѣмъ для поддержки министерства Рикара, въ видахъ скорѣйшаго осуществленія на практикѣ теоріи «республиканскаго воспитанія страны, при пособіи завоеванныхъ ею свободныхъ учрежденій», какъ это очень удачно было выражено въ послѣднемъ циркулярѣ Рикара.

Вдругъ, утромъ, 12-го мая, распространился по всему Парижу слухъ, что министръ ночью умеръ. Хотя онъ постоянно жаловался на свою болѣзнь, но, при видѣ его атлетическаго сложенія, почти никто не хотѣлъ вѣрить его страданіямъ, и, когда онъ, въ теченіи своего недолгаго управленія, нѣсколько разъ былъ вынужденъ оставлять за болѣзнію свои дѣла, то всѣ при-

нимали это за притворство и политической манёвръ. Поэтому, при вѣсти о его смерти, произошло всеобщее недоумѣніе. Публика тысячами стала бросаться въ министерство внутреннихъ дѣлъ, чтобы провѣрить разнесшійся слухъ. Воображеніе массъ стало разыгрываться. Въ предмѣстіяхъ стали говорить, что онъ отравленъ іезуитами. Въ салонахъ спрашивали: не имѣли ли вліянія на печальный исходъ болѣзни тѣ ожесточенные споры, которые велъ онъ за дѣло республики въ послѣдніе два дня своей жизни? Слухъ о томъ, что у него разорвалось сердце именно вслѣдствіе этихъ споровъ, сталъ такъ упоренъ, что «Офиціальный Журналъ», для успокоенія общественнаго волненія, счелъ необходимымъ напечатать объясненіе врачей, что покойный умеръ хотя и быстро, но совершенно естественно, отъ припадка грудной жабы. Вся печать, за исключеніемъ бонапартистской, ѳрганы которой не стѣснились закидать грязью еще неостывшій трупъ, отнеслась съ полнымъ сочувствіемъ къ качествамъ и характеру покойнаго государственнаго человѣка, признавая потерю его весьма значительной для Франціи, а республиканская печать взглянула на его смерть, какъ на долженствующую вызвать національный трауръ. Она потребовала, чтобы похороны Рикара были произведены на государственный счетъ и были организованы съ значительною торжественностію, т. е. министръ, умершій на своемъ посту и, можетъ быть, даже вслѣдствіе усиленныхъ трудовъ, связанныхъ съ его обязанностями, заслуживалъ, конечно, уваженія всѣхъ республиканцевъ, какъ безспорный демократъ, неизмѣнившій ни разу въ теченіи всей своей жизни своимъ мнѣніямъ, и, выйдя изъ народа, умеръ совершеннымъ бѣднякомъ, не оставивъ своей семьѣ никакого состоянія. Погребеніе было совершено въ Ніорѣ, 16-го мая, но наканунѣ, въ Парижѣ, тѣло его церемоніально перевезено было въ церковь Августиновъ, гдѣ происходила торжественная заупокойная месса. Народу на этой церемоніи пришлось быть только зрителемъ, такъ какъ за гробомъ и погребальною колесницею тянулась нескончаемая вереница войска и депутацій отъ суда, администраціи и палатъ; но въ этомъ случаѣ онъ не былъ безучастнымъ зрителемъ, какъ на похоронахъ какого-нибудь Морни или Бильйо. Можно сказать навѣрное, что почти вся масса густой толпы, смотрѣвшей на процессію, состояла изъ гражданъ, пришедшихъ нарочно отдать послѣдній прощальный долгъ вѣрному служителю республики, такъ какъ большинство мужчинъ и даже рабочихъ были въ чорныхъ сюртукахъ и почти всѣ дамы въ трауръ. Всѣхъ удивило, что маршала не было на этихъ похоронахъ, а представлялъ его одинъ изъ начальниковъ главнаго штаба. Многіе нашли, что это ужь черезъ-чуръ по королевски. Многіе опасались, что со смертію Рикара можетъ произойдти реакція въ правительствѣ, но общественное мнѣніе было успокоено появленіемъ, въ тотъ же день, въ офиціальномъ журналѣ заявленія, въ которомъ говорилось, что мар-

малъ Мак-Магонъ на сторонѣ того, чтобы новый министръ внутреннихъ дѣлъ былъ такого же оттѣнка мнѣній, какъ Рикаръ. Республиканскіе журналы тотчасъ же потребовали, чтобы самомъ министра былъ облеченъ помощникъ статс-секретаря и товарищъ Рикара по занятіямъ, составлявшій вмѣстѣ съ нимъ его циркуляры и работавшій съ нимъ по дѣлу измѣненій въ администраціи — де-Марсэръ. Такимъ образомъ, со смертью Рикара, кромѣ перемѣны въ министерствѣ лица, ничего не произошло, и, вмѣсто министерскаго кризиса, котораго можно было опасаться, все дѣло привело только къ тому, что маршалъ-президентъ вынужденъ былъ сдѣлать новое подтвержденіе своего обращенія на республиканскій путь. Правда, какъ разсказываютъ, маршалъ этому не мало сопротивлялся и согласился на назначеніе министромъ Марсэра, пользующагося репутаціею человѣка, слишкомъ серьёзно смотрящаго на новый порядокъ, только послѣ того, когда весь кабинетъ единодушно угрожалъ маршалу, въ случаѣ его несогласія, своею подачею въ отставку; но это-то и показываетъ, что на назначеніе Марсэра можно смотрѣть, какъ на побѣду республики надъ коалиціей интимныхъ совѣтниковъ маршала: де-Брольи, Бюффè, С. Поля и другихъ.

Въ ту же ночь, какъ умеръ Рикаръ, угасъ и другой сенаторъ—одинъ изъ столбовъ радикальной партіи, Альфонсъ Эскиросъ, родившійся въ Парижѣ въ 1814 г. Извѣстность Эскироса началась въ 1848 года, когда онъ напечаталъ свое «Евангеліе народа», произведеніе, которое можно поставить на одну степень съ «*словомъ вѣрующаго*» Ламенне и за которое онъ выдержалъ 8 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія. Впослѣдствіи, популярность его значительно возросла, когда появились его три этюда о судьбѣ женщинъ изъ народа во Франціи, подъ названіемъ «Дѣвы-мученицы», «Безумныя дѣвы» и «Дѣвы мудрыя».

За свою «Исторію Монтаньяровъ», написанную съ замѣчательнымъ революціоннымъ паѳосомъ, онъ избранъ былъ представителемъ Соны-и-Луары въ законодательное собраніе 1849 года; за нее же, послѣ 2-го декабря, попалъ въ ссылку. Сдѣлавшись въ изгнаніи профессоромъ вульвичской военной школы, онъ напечаталъ въ «Revue des deux Mondes» два большихъ изслѣдованія «Англія и англичане» и «Голландія и голландцы». Онъ не принялъ наполеоновской амнистіи, но, въ 1869 году, былъ выбранъ Марселью, какъ ея представитель въ законодательное собраніе. Послѣ 4-го сентября ему поручена была префектура департамента Устьевъ Роны, но Гамбетта его скоро смѣстилъ, найдя, что онъ слишкомъ самостоятельно дѣйствовалъ въ революціонно-патріотическомъ и противу-клерикальномъ смыслѣ. Популярность его отъ этого, однако, нисколько не пострадала, такъ какъ, въ февралѣ 1871 года, онъ былъ снова выбранъ въ представители департамента Устьевъ Роны въ національномъ собраніи и имя его было поставлено вторымъ въ общемъ радикальномъ спискѣ. Наконецъ, въ январѣ 1876 г. онъ былъ выбранъ

сенаторомъ. Послѣднее его произведеніе «Добрый человѣкъ недавняго времени» (Le bonhomme jadis) представляетъ собою весьма популярный этюдъ о прежнихъ порядкахъ во Франціи и не мало способствовалъ тому, что въ самыя глухія, деревенскія дебри, проникъ здравый взглядъ на политическое устройство Франціи и въ средѣ сельчанъ возникло нежеланіе монархической реставраціи.

Простое приличіе, какъ и регламентъ сената, требовали, чтобы отъ него было офиціальное представительство на погребеніи Эскироса. Но, такъ какъ было извѣстно, что похороны будутъ гражданскія, то бюро сената собралось неохотно и пригласительныя письма были поздно разосланы. Военная власть тоже забыла, что слѣдовало откомандировать на это погребеніе, хотя бы небольшой почетный отрядъ, такъ что, при перевезеніи тѣла на версальское кладбищѣ, провожали его не болѣе 50 друзей и товарищей покойнаго, пріѣхавшихъ изъ Парижа.

Шаллемель Лакуръ произнесъ на могилѣ рѣчь, и провожатые разошлись, раздраженые или, вѣрнѣе, пристыженные тѣмъ, что представители власти выразили опять свое неодобреніе свободѣ совѣсти. Но черезъ нѣсколько дней, марсельское населеніе, не обращая вниманія на неотмѣненное еще постановленіе префекта о гражданскихъ похоронахъ, отомстило съ полнымъ достоинствомъ за версальское невниманіе къ памяти сенатора. Была открыта подписка для составленія суммы на перевезеніе трупа съ версальскаго кладбища на марсельское. Генеральный совѣтъ, прежній выборный муниципальный совѣтъ, рабочія корпораціи, франмасоны и печать организовали огромный кортежъ, составленный болѣе, нежели изъ 30,000 человѣкъ съ тремя хорами музыки. Процессія эта, участники которой имѣли въ петлицѣ красные иммортели (эмблема свободной мысли) прошли торжественно по главнымъ улицамъ города, что̀ при диктатурѣ генерала Эспивана, разрѣшалось только для католическихъ процессій. Манифестація эта, какъ по спокойствію и достоинству, съ какимъ держала себя громадная толпа, такъ и по характеру рѣчей, которыя были произнесены отъ имени разныхъ делегацій и, въ томъ числѣ, отъ делегаціи освобождающихся женщинъ, такъ и по громкому единодушному клику: «да здравствуетъ республика!»—показала, что и на югѣ Франціи клерикальная реакція побѣждена и приведена къ безсилію.

Подобныя же манифестаціи произведены были и въ Парижѣ по поводу перевезенія на кладбище Лашэза останковъ Мишле, умершаго въ Гіерѣ, 9-го февраля 1874 г. Позднее перевезеніе его тѣла въ Парижъ обусловливалось продолжительностію тянувшагося по этому поводу процесса. Парижъ этой манифестаціей воздавалъ честь своему гражданину, родившемуся въ самой бѣдной средѣ, выросшему, можно сказать, на мостовой, написавшему въ немъ всѣ лучшія свои произведенія и просвѣщавшему, въ теченіи 11-ти лѣтъ (отъ 1841 до 1851 гг.), его моло-

дёжь своими блестящими курсами историческихъ и нравственныхъ наукъ. Такъ какъ Мишлѐ былъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ разработывателей и возстановителей старыхъ французскихъ хроникъ, то институтъ откомандировалъ на эту процессію отъ себя депутацію, и одинъ изъ его представителей Берсо̀ говорилъ на могилѣ его рѣчь. Въ качествѣ бывшаго профессора высшей нормальной школы, французской коллегіи и хранителя архивовъ, Мишлѐ имѣлъ право на прощальное слово и этихъ трехъ учрежденій, что̀ и было отъ ихъ имени достойно исполнено господами Кишера̀, Лабулэ и Гаве, которые прославляли въ своихъ рѣчахъ побѣды разума надъ обскурантизмомъ, которыя, по словамъ одной изъ этихъ рѣчей, если только будутъ твердо поддерживаться, позволятъ нашимъ дѣтямъ увидѣть Францію свободной и мирной, въ полномъ ея достоинствѣ и благотворно вліяющей на другіе народы. Такъ какъ ни Виктора Гюго, ни Луи Блана, ни Гамбетты на погребеніи не было, то честь почтенія въ Мишлѐ демократа и республиканца пала на долю Шаллемель Лакура. Гораздо короче и съ несравненно бо̀льшимъ впечатлѣніемъ на 50-ти тысячную массу народа, столпившуюся около могилы, на ту же тэму, отъ имени римской, неаполитанской, лаперузской и румунской молодёжи, сказалъ рѣчь студентъ-делегатъ. Еще лучшую рѣчь сказалъ парижскій студентъ права, который совѣтовалъ народу «не плакать о Мишлѐ, но брать съ него примѣръ, какъ съ сильнаго человѣка, умѣвшаго защищать все, что̀ слабо, начиная отъ птицы до женщины, и умѣвшаго поэтически воспроизвести все, что̀ есть прекраснаго въ природѣ, начиная отъ нея самой и до народа. Онъ произвелъ особенный энтузіазмъ въ народѣ именно потому, что самъ назвалъ себя сыномъ буржуазіи». Особенно понравилось массамъ, когда онъ характеризовалъ Мишлѐ «глубокимъ философомъ, въ груди котораго билось сердце какъ бы всего человѣчества и который, исполненный кроткой жалости ко всему страдающему, направлялъ свою мысль преимущественно на тѣхъ скромныхъ и обойденныхъ, добродѣтели которыхъ такъ незамѣтны, какъ незамѣтно и самое ихъ существованіе: крестьянина, создающаго землю, и работника, создающаго національное богатство». Трудно повѣрить, но въ толпѣ положительно слышались рыданія, когда молодой ораторъ съ юношескимъ вдохновеніемъ сталъ говорить о необходимости общественнаго примиренія для избѣжанія всякихъ государственныхъ переворотовъ и, во имя живущей въ каждомъ человѣкѣ любви—справедливости, права и свободы. Организуя эту манифестацію, комитетъ парижскихъ школъ назвалъ ее откровенно республиканской и свободно-мыслящею демонстраціею въ честь Мишлѐ. Сторонники католическихъ университетовъ не мало старались, чтобы придать ей сколько-нибудь безпокойный видъ. Реакціонныя и клерикальныя газеты какъ бы возбуждали юношество къ мятежу, выражая свои притворныя опасенія, что онъ неизбѣжно произойдетъ, и коварно

совѣтуя рабочимъ воспользоваться процессіей, чтобы криками: «да здравствуетъ амнистія!» заставить правительство ее дать. Но республиканскіе органы предупредили рабочихъ, и, хотя почти всѣ жители Предмѣстія святого Антонія участвовали въ процессіи, все дѣло ограничилось только криками: «да здравствуетъ республика»! На площади передъ Люксамбургомъ, студенты всѣхъ парижскихъ училищъ, за исключеніемъ политехнической и нормальной школъ, которымъ начальствомъ не позволено было принять участіе въ церемоніи, такъ организовали процессіи, чтобы въ ея ряды не могли попасть агенты-подстрекатели. Для этого они, уступивъ первое мѣсто делегатамъ иностранныхъ университетовъ, разбились на отдѣльныя группы, изъ которыхъ каждая представляла отдѣльную школу, гдѣ, понятно, всѣ были извѣстны одинъ другому. Передъ каждой группой несли огромные вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ изумительной красоты. Особенно хорошъ былъ вѣнокъ изъ фіалокъ съ именемъ Мишлѐ, составленнымъ изъ бѣлыхъ лилій. Трудно себѣ представить что̀-либо торжественнѣе этой церемоніи, въ которой не было ничего, кромѣ людей и цвѣтовъ. Порядокъ былъ образцовый. Для того, чтобы въ среду студентовъ не забрались посторонніе, они согласились всѣ быть въ чорныхъ сюртукахъ и круглыхъ шляпахъ. Торжественность этого шествія должна была очень непонравиться врагамъ прогресса. Съ достоинствомъ, заслуживающимъ всякой похвалы, французская, и особенно парижская молодёжь, какъ бы показывала своимъ врагамъ, что она вполнѣ созрѣла для благоразумнаго и неспокойнаго пользованія республиканскими свободами.

II.

Пренія по поводу амнистіи въ палатѣ депутатовъ.—Настоящія причины возстанія 1871 года, по изъясненію Клемансо, и послѣдствія подавленія коммуны, отразившіяся на промышленности, по изслѣдованіямъ Локруа. — Возраженія Лами и Мелина.—Новая Каледонія. Пэренъ и морской министръ.—Рѣчь Распайля.—Первое заявленіе министра Дюфора и возраженія на него Флокэ.—Систематическій отказъ принятія амнистіи во всѣхъ ея формахъ.—Второе уступчивое заявленіе Дюфора. — Пренія объ амнистіи въ сенатѣ. — Рѣчь Виктора Гюго и чѣмъ республиканцы оправдываютъ свой отпоръ въ поддержкѣ амнистіи.

Похороны Рикара заставили еще на одинъ день отложить обсужденіе важнаго вопроса объ амнистіи, и пренія объ ней, такимъ образомъ, могли начаться только со вторника 17-го мая. Въ этотъ день, стеченіе публики въ Версалѣ было громадное; въ палатѣ депутатовъ оба яруса ложъ, окружающихъ съ трехъ сторонъ главную залу, были сплошь наполнены дамами, которыя явились съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ являются на слу-

шаніе замѣчательныхъ уголовныхъ процессовъ. Дипломатическая трибуна тоже была переполнена. Дипломаты, очевидно, ожидали, что имъ придется увидѣть взрывъ демократическихъ страстей республиканцевъ, до сихъ поръ сдерживавшійся обстоятельствами. Впрочемъ, вся эта необычная, великосвѣтская публика была нѣсколько наказана за избытокъ своей любознательности. Ей пришлось, въ теченіи 4-хъ часовъ, выслушать три утомительныхъ рѣчи и не увидать никакой бури, которая была бы ими произведена. Умѣренность радикальныхъ ораторовъ могла, при этомъ, сравниться только съ сдержанностью республиканцевъ-слушателей, которые рѣшили заранѣе своимъ спокойствіемъ отнять у бонапартистовъ всякій предлогъ къ ожидавшимся съ ихъ стороны провокаціямъ.

Пренія были открыты бывшимъ 18-го марта монтмартрскимъ мэромъ, Клемансо, которому пришлось нѣкогда расплатиться дуэлью за злую инсинуацію, высказанную противъ него въ военномъ совѣтѣ за то, что онъ былъ безсиленъ остановить казнь генераловъ Леконта и Клемана Томà. Ему и недавно снова пришлось бы драться съ Полемъ Кассаньякомъ, еслибы послѣдній не отказался отъ его вызова, зная, кàкъ онъ мастерски владѣетъ шпагой. Враги республики очень сильно разсчитывали на увлеченіе и неосторожность этого молодого сотрудника «République Française», но онъ сразу ихъ озадачилъ своимъ заявленіемъ, что, при защитѣ общей амнистіи, онъ рѣшился спокойно высказать все, чтò считалъ нужнымъ, и «не обращать вниманія ни на какія выходки, которыя встрѣтили бы его рѣчь, съ цѣлію раздражить его». Два или три раза, когда, во время ея произнесенія, его пробовали перерывать, онъ нѣсколькими словами, обращенными къ бонапартистамъ, приводилъ ихъ къ молчанію, и потомъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало и какъ-будто его никто и не оскорблялъ, продолжалъ послѣдовательно развивать нить своихъ доказательствъ. Рѣчь его представляла собою характеръ скорѣе историческій, чѣмъ политическій, и была вся построена на стремленіи доказать, что, такъ какъ вина возникновенія коммуны падаетъ одинаково на всѣ партіи, то предать это дѣло забвенію должно представлять для всѣхъ одинаковый интересъ.

Такимъ образомъ, онъ поставилъ слѣдующій вопросъ: «былъ ли Парижъ, во время коммуны, жертвою и игрушкою шайки злоумышленниковъ, поставившихъ себѣ цѣлію грабежъ, убійство, пожары и разрушенія, или республиканское населеніе столицы было вовлечено въ бѣдствія самаго страшнаго изъ междоусобій цѣлымъ рядомъ общихъ и исключительныхъ обстоятельствъ, какъ: имперія, чужеземное нашествіе, рядъ пораженій и т. д., произведшихъ общую дезорганизацію!»

Парижъ, жителей котораго нужно было разстрѣливать для того, чтобы водворить во Франціи имперію, сталъ, какъ извѣстно, ея первою жертвою. Имперія не пощадила ничего, чтобы его

испортить, развратить и обратить изъ города труда и свѣта въ центръ роскоши, блеска и наслажденій. Во время господства Наполеона III, было пущено въ дѣло все, чтобы возбудить искуственный антагонизмъ между провинціями и столицей, которую захотѣли выставить, какъ центръ всяческихъ безпорядковъ. Чѣмъ иначе можно объяснить, наприм., хотя пресловутый законъ, которымъ на частныхъ собраніяхъ запрещалось разсуждать о дѣлахъ политическихъ и разрѣшалось, въ то же время, обсужденіе соціальныхъ вопросовъ, какъ не тѣмъ, чтобы, вызвавъ на свѣтъ божій появленіе самыхъ несбыточныхъ теорій, запугать ихъ ужасами наивныхъ людей? Кромѣ того, во время наполеоновской тиранніи, Парижу нанесено было весьма значительное оскорбленіе. Отъ него было отнято право обсужденія городскихъ дѣлъ избирательно-муниципальнымъ совѣтомъ въ то время, когда ни одинъ изъ маленькихъ городовъ Франціи не былъ лишонъ такого права.

Послѣ народнаго движенія 4-го сентября, между правительствомъ, вышедшимъ изъ революціи, и населеніемъ произошло пагубное недоразумѣніе по поводу способа веденія защиты противъ нашествія. Это недоразумѣніе, нераспутанное въ самомъ началѣ, все усиливалось до того, что произвело извѣстное движеніе 31-го октября, которое, какъ призналъ это самъ генералъ Трошю, достигло бы полнаго успѣха, еслибы было результатомъ демагогической конспираціи; въ сущности же, оно было ни чѣмъ инымъ, какъ патріотическимъ взрывомъ отчаянія, произведеннаго буржѐскою катастрофою, капитуляціей Меца и увѣренностью массъ, что поголовная вылазка парижанъ не входитъ въ соображеніе правительства, которое, напротивъ, хочетъ мира какою бы то ни было цѣною.

Ораторъ утверждалъ далѣе, что протестъ парижанъ до учрежденія коммуны, вслѣдствіе недовольства тѣмъ, что они были лишены при имперіи муниципальнаго управленія, возникъ не какъ результатъ демагогическихъ стремленій и не съ цѣлью низверженія правительства для замѣны его ульто-соціально-демократической диктатурой, а только для того, чтобы придать возможно бо̀льшую силу патріотической защитѣ, которую генералы регулярнаго войска нецеремонились называть «героическимъ безуміемъ».

Въ самомъ дѣлѣ, 250,000 человѣкъ національныхъ гвардейцевъ, требовали только одного—чтобы имъ дали возможность драться, а имъ этого-то и не позволяли. Шампиньи, Бюзанваль—были только вынужденными ничтожными вылазками и легкими уступками общественному мнѣнію; онѣ были и поздно назначены, и ведены безъ всякаго довѣрія; самъ генералъ Лефло, слова̀ котораго цитируетъ Клемансо, признаётъ, что въ средѣ національныхъ гвардейцевъ раздраженіе росло постепенно и сообразно съ тѣмъ, какъ все меньше и меньше придавали значенія ихъ содѣйствію, употребляя ихъ въ дѣло неохотно, непо-

стоянно и какъ бы только для вида. «Съ политической точки зрѣнія, показалъ бывшій военный министръ, а теперь посланникъ въ С.-Петербургѣ, при разслѣдованіи дѣла 18-го марта:— это было ошибкой, а съ точки зрѣнія военной — ошибкой еще болѣе значительной». Кромѣ того, Лефло̀, выгораживая Трошю насчетъ Дюкро̀, прибавилъ, что главною причиною возстанія 18 го марта, по его мнѣнію, было недовольство національной гвардіи за отказъ употребить ее въ дѣло; что гвардія эта, начавъ сражаться, конечно, плохо, кончила бы тѣмъ, что представила бы собою великолѣпный элементъ войны. Парижъ, съ другой стороны, высказалъ Леблонъ, авторъ доклада противъ амнистіи, считалъ въ извѣстную минуту себя преданнымъ, отчего въ немъ и возникло крайнее раздраженіе, которое никто не съумѣлъ успокоить.

Капитуляція была тѣмъ болѣе горькимъ разочарованіемъ для парижанъ, что, за нѣсколько дней до ея объявленія, губернаторъ Трошю, стараясь свалить съ себя личную отвѣтственность за нее, объявилъ особыми афишами, развѣшанными повсюду, что онъ не станетъ капитулировать, и парижане, повѣривъ словамъ своего военачальника, ожидали, что онъ рѣшится на какую-нибудь отчаянно-великодушную попытку. Въ минуту, когда, для объясненія жалкаго исхода столькихъ ужасовъ, самоотверженно вынесенныхъ Парижемъ отъ холода, голода и бомбардировки, правительство обнародовало страшныя новости объ уничтоженіи провинціальныхъ армій, весь Парижъ вѣрилъ только въ одно — всеобщую измѣну. Общее одушевленіе населенія былъ таково̀, что, какъ засвидѣтельствовалъ Жюль Фавръ, при парламентскомъ слѣдствіи, люди самые благоразумные и спокойные заявляли требованіе, чтобы правительство, взявъ подъ свою защиту ихъ женъ и дѣтей, отправило ихъ самихъ хоть бы на вѣрную смерть, «такъ какъ для насъ, говорили они, легче сжечь наши дома своими руками, чѣмъ отдавать ихъ непріятелю».

Отчаяніе и патріотическій взрывъ «преданнаго Парижа (Paris livré)» (говоря выраженіемъ, какимъ озаглавлена послѣдняя книга Флуранса), никто не позаботился, какъ говоритъ Клемансо̀, успокоить или придать имъ другое направленіе, удовлетворивъ парижанъ хоть бы политическимъ учрежденіемъ республики, такъ какъ республиканскій образъ правленія представлялся парижанамъ въ то время, да и представляется большинству ихъ до сихъ поръ, едино дѣйствительнымъ для возрожденія Франціи. Какъ разъ наперекоръ этому, появилось, въ то время, бордосское собраніе съ большинствомъ ультра-монархическаго закала, и первою заботою этого собранія было предложеніе о низведеніи Парижа навсегда со степени столицы, а когда за Фонтэнбло оказалось мало шансовъ, то Версаль былъ сдѣланъ немедленно мѣстопребываніемъ народнаго представительства и исполнительной власти. Между тѣмъ, правительство могло бы затушить воз-

станіе въ самомъ его зародышѣ, еслибы, какъ заявлялъ нѣкогда Ж. Фавръ, еслибы оно отважилось смѣло открыть собраніе въ бурбонскомъ дворцѣ и начать свою дѣятельность съ провозглашенія республики.

Парижъ, въ это время, раздраженный въ смыслѣ патріотическомъ и имѣвшій право быть подозрительнымъ въ смыслѣ политическомъ, въ экономическомъ отношеніи переживалъ для себя также весьма трудныя минуты. Исключительные законы объ отсрочкахъ платежей и наемной платы за помѣщенія не были обдуманы такъ основательно, какъ бы слѣдовало, чтобы помочь торговлѣ и промышленности выйти изъ тѣхъ затрудненій и оцѣпенѣнія, въ какія эти отрасли общественной дѣятельности были поставлены невольнымъ шести-мѣсячнымъ застоемъ и бездѣйствіемъ.

Вопросъ о прекращеніи ежедневной выдачи національнымъ гвардейцамъ полутора франковъ былъ для рабочихъ—при закрытіи мастерскихъ—вопросомъ жизни и смерти. Общее обезоруженіе, которымъ угрожали защитникамъ Парижа, отъ которыхъ отнята была возможность этой защиты, усложнялось ихъ безпокойнымъ вопросомъ, выражавшимся, по свидѣтельству генерала Аперта, управлявшаго военными судами, въ такихъ словахъ: «ка̀къ же мы будемъ жить безъ правительственной помощи при всякомъ отсутствіи работъ? Кто̀-жъ будетъ кормить нашихъ жонъ и дѣтей?»

Допущеніе побѣдителей-пруссаковъ къ появленію ихъ въ нѣкоторыхъ кварталахъ Парижа, благодаря чему Бельфоръ остался за Франціей, еще усилило всяческія затрудненія взрывомъ недовольства патріотовъ, хотя они, въ эти критическія минуты, и выказали изумительное присутствіе духа и здравомысліе. Кромѣ того, необходимость спасти отъ непріятеля пушки національной гвардіи, пріобрѣтенныя ею въ складчину на свои послѣдніе гроши, обусловила то, что пришлось сначала въ городъ, а потомъ и на Монмартрскія Высоты помѣстить громадный артиллерійскій паркъ. Было ли сообразно съ политическимъ смысломъ, при нахожденіи въ рукахъ раздражоннаго населенія такой массы смертоносныхъ орудій, дѣлать все, чтобы привести эту массу еще въ бо̀льшее отчаяніе? А между тѣмъ, новый губернаторъ Парижа, Винуа, издавалъ декретъ за декретомъ, которыми то запрещались народные журналы (шесть заразъ), то объявлялась смертная казнь за дѣло 31-го октября лицамъ, избѣжавшимъ суда (три случая), и, въ то время, когда миролюбивые республиканцы вели съ властью переговоры о передачѣ пушекъ въ руки правительства, военное управленіе порѣшило отнять ихъ у національной гвардіи открытою силою, для чего и назначено было время въ ночь съ 17-го на 18-е марта.

Клемансо̀, бывши очевидцемъ этой несчастной экспедиціи, столько же дурно веденной, какъ и не во̀ время задуманной, разсказываетъ, какимъ образомъ она не удалась и ка̀къ прави-

тельство, оставленное войсками, братавшимися съ народомъ, не нашло ничего благоразумнѣе, какъ удалиться, предоставивъ Парижъ на произволъ страстей вооруженнаго народа, распространенію которыхъ способствовали всѣ предшествовавшія обстоятельства. Изъ его разсказа, которому суждено стать историческимъ документомъ, онъ выводитъ, цитируя постоянно слова̀ самыхъ несомнѣнныхъ противниковъ коммуны, слѣдующее заключеніе: «что никогда и никакое возстаніе не было менѣе предумышленнымъ и подготовленнымъ, какъ возстаніе 18-го марта 1871 г.; что несчастное парижское населеніе заплатило жестокимъ искупленіемъ за чужія вины гораздо больше, чѣмъ за свои собственныя, и что оно было гораздо скорѣе жертвою, чѣмъ зачинщикомъ междоусобія, послѣдовавшаго за внѣшней войной и еще значительно усилившаго ея бѣдствія».

Не высказавъ ни одного слова для защиты или объясненія преступленій, въ которыхъ обвиняютъ раздавленное и преданное возстаніе, не позволивъ себѣ ни одного намека, который могъ бы быть истолкованъ въ смыслѣ апологіи коммуны, ораторъ закончилъ свою двухчасовую рѣчь, напомнивъ только самымъ бѣглымъ образомъ ужасы, какими сопровождалось избіеніе массами возставшихъ, противъ которыхъ возмущался самъ маршалъ Макъ-Магонъ и которые состояли въ казни 17-ти тысячъ человѣкъ по словамъ самого доклада генерала Аперта. Кромѣ того, онъ показалъ, ка̀къ много, при общей сумятицѣ, надѣлали грубыхъ юридическихъ ошибокъ военные суды, при своихъ преслѣдованіяхъ и продолжительности періода отомщенія, незакончившагося еще въ теченіи 5-ти лѣтъ.

Лишеннымъ памяти реакціонерамъ, толкующимъ о невозможности прощенія обезумѣвшему народу, казни заложниковъ и пожарахъ, онъ энергически напомнилъ варѳоломеевскую ночь, произведенную благочестивыми католиками, и казни заключенниковъ, совершенныхъ съ такою утонченною жестокостью роялистами въ 1793 г., въ Вандеѣ.

Когда, вслѣдствіе такого напоминанія, одинъ изъ депутатовъ, де-ла-Бассетьеръ, комическій потомокъ шуановъ, попытался что-то возразить, онъ отвѣчалъ ему слѣдующею фразою Мишле: «Вся Франція, возставшая единодушно, находилась, въ то время, у границъ, обращенная лицомъ къ непріятелю. Вандея подкралась къ ней и вонзила свой кинжалъ въ ея спину». Когда имперіалисты попытались поддержать роялистовъ, онъ напомнилъ имъ о канонадѣ безоружныхъ людей, гулявшихъ по Монмартрскому Бульвару 4 декабря 1851 года. Окончилъ онъ свою рѣчь заявленіемъ, что амнистія никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не представляла собою характера реабилитаціи или прославленія того, что̀ она предавала забвенію, что она, въ настоящую минуту, послужила бы лучшимъ доказательствомъ силы республики и дѣйствительнѣйшимъ способомъ для примиренія всѣхъ гражданъ и общественнаго умиротворенія. Молодому радикалу

отвѣчалъ молодой умѣренный, бывшій секретарь президента Греви и авторъ замѣчательной брошюры о распущеніи палаты въ 1872 году—Ламй. Адвокатскую свою способность словоговоренія онъ употребилъ на то, чтобы провести весьма остроумную параллель между амнистіей и помилованіемъ, и на то, чтобы показать, что послѣднее, при своемъ широкомъ приложеніи, принесетъ болѣе благодѣтельныхъ послѣдствій, чѣмъ амнистія ограниченная. Не находя словъ для опредѣленія преступности коммуны, онъ перечислилъ всѣ ея ужасы и преступленія, совершонныя въ виду непріятеля, и которыхъ, по его мнѣнію, большинство страны не въ состояніи никогда забыть. Онъ высказалъ, какую радость доставитъ врагамъ республики, если общественному мнѣнію удастся смѣшать этотъ образъ правленія съ стремленіями коммунаровъ. Для того, чтобы нетолько прочно установить самоуправленіе Франціи, но и заслужить симпатіи остальной Европы къ такому порядку вещей, самое названіе котораго многія государства не отдѣляли отъ понятія анархіи, онъ требуетъ, чтобы палата, отвергнувъ амнистію, показала этимъ, что у современной французской республики установились границы, недоступныя для анархіи, и чтобы она, въ виду будущихъ свободъ и великихъ реформъ, которыя она надѣется осуществить, поставила бы прежде всего своимъ девизомъ поддержаніе порядка и уваженіе къ закону.

Третій молодой ораторъ, Локруа, опровергнувъ слегка нѣкоторыя преувеличенія ужасовъ коммуны, высказанныя Ламй, поставилъ вопросъ объ амнистіи на экономическую почву и нарисовалъ картину печальнаго положенія парижскаго населенія рабочихъ, въ какое поставила ихъ проскрипція массы ихъ товарищей, въ теченіи пяти лѣтъ оторванныхъ отъ работъ. Основываясь на знаменитой запискѣ членовъ муниципальнаго совѣта, о которой я уже нѣкогда говорилъ, онъ доказываетъ, что усмиреніе коммуны настолько же способствовало обѣдненію національной промышленности и обогатило промышленности иностранную, насколько нѣкогда уничтоженіе нантскаго эдикта. Подробности, въ которыя онъ вдается, производятъ впечатлѣніе даже на министерской скамьѣ. Къ сожалѣнію, войдя въ нѣкоторое опроверженіе словъ Ламй о значеніи бордосско-версальскаго собранія, онъ возбудилъ ропотъ въ лѣвомъ центрѣ и раздраженіе въ Дюфорѣ, чѣмъ, очевидно, повредилъ спеціально поставленной имъ себѣ цѣли. Замѣтивъ это, онъ снова возвратился къ дѣйствительности нуждъ парижской промышленности, которая нуждается, чтобъ ей были возвращены руки сорока тысячъ лучшихъ ея рабочихъ и требуетъ амнистіи просто какъ политическаго акта, вызываемаго матеріальными интересами, и разумнаго дѣйствія, тѣмъ болѣе, что, по его словамъ, возстаніе коммуны «вовсе не было взрывомъ соціальной революціи, а только нервною вспышкою во время лихорадочнаго пароксизма».

Бывшій товарищъ Локруа и Клемансо по парижскому муни-

ципальному совѣту, который, на апрѣльскихъ выборахъ 1871 года, былъ назначенъ членомъ коммуны, хотя и подалъ тотчасъ въ отставку, не участвуя въ ея засѣданіяхъ, Мелинъ, старается опровергнуть основныя историческія положенія, которыя составляютъ естественный выводъ изъ рѣчей двухъ первыхъ защитниковъ полной амнистіи, т. е. что, еслибы правительство дѣйствовало иначе, то никакого возстанія не произошло бы, и что, если бы Версаль съ меньшею горячностію задумалъ дѣло усмиренія, то соглашеніе между правительствомъ и возставшими, при посредствѣ мирнаго вмѣшательства мэровъ и центральнаго комитета, и общее умиротвореніе было бы достигнуто въ полныхъ размѣрахъ! Но, поддерживая, во имя комиссіи, заключеніе доклада Леблона, онъ предлагаетъ правительству руководствоваться самой широкой снисходительностью и помиловать всѣхъ, чьи дѣйствія могутъ быть найдены сколько-нибудь извинительными, за исключеніемъ только коноводовъ возстанія, которые, по его мнѣнію, не могутъ быть прощены. Онъ надѣется, что настоящее, вполнѣ республиканское министерство, пользуясь своимъ конституціоннымъ правомъ помилованія, съумѣетъ дать полное удовлетвореніе всѣмъ наиболѣе требовательнымъ сторонникамъ жертвъ междоусобія и что не болѣе, какъ черезъ шесть мѣсяцевъ, въ тюрьмахъ и мѣстахъ ссылки не останется никого, кромѣ убійцъ, воровъ и людей, продолжающихъ заявлять, что они и нынѣ остаются врагами современнаго общества и его учрежденій.

Жоржъ Пэренъ, единственный изъ депутатовъ, знающій Новую Каледонію не по наслышкѣ, а изучавшій на мѣстѣ существующіе въ ней распорядки, поставилъ своей спеціальной задачей изложить административныя безобразія, характеризующія это ужасное мѣсто, и передать съ трибуны о тѣхъ жестокостяхъ, какимъ подвергаются нѣкоторые политическіе ссыльные наравнѣ съ обыкновенными уголовными преступниками. Онъ напомнилъ, что журналистъ Анри Бриссакъ, сосланный на вѣчную каторгу за то, что былъ секретаремъ комитета общественной безопасности, былъ скованъ одною цѣпью съ каторжникомъ-убійцей, а бывшій морской офицеръ Люлье, закованный по рукамъ и по ногамъ, засаженъ въ нарочно для него выкопанную яму. Онъ настоятельно опровергаетъ упрекъ, весьма распространенный относительно ссыльныхъ, что они отказываются работать, доказывая, что на островѣ Сосенъ (L'ile des Pins), который ссыльные называютъ *островомъ голода*, административными распоряженіями, всякая работа сдѣлана невозможной. Отрывками изъ писемъ изъ Нумеи онъ показываетъ, что, если на призывъ ссыльными, разрѣшенный правительствомъ, ихъ семей семьи эти не спѣшатъ къ нимъ пріѣзжать, то это происходитъ именно оттого, что тамъ нельзя найти никакихъ средствъ къ существованію. На обвиненіе ссыльныхъ въ томъ, что это, по бóльшей части—пьяницы, буяны и негодяи, онъ возражаетъ оффиціальными цифра-

ми, изъ которыхъ видно, что, въ продолженіи трехъ лѣтъ, изъ 3,755 ссыльныхъ только 170 были подвергнуты различнымъ наказаніямъ за неповиновеніе, буйство и т. д. Подробности, которыя онъ приводитъ о недостаточности узаконенныхъ порцій пищи и о жестокости наказаній за легкіе проступки, заставляютъ морскаго министра появиться на трибунѣ. Адмиралъ Фурришонъ старается, прежде всего, защитить ввѣренную ему администрацію, онъ обвиняетъ ее въ нарушеніи ею законовъ и уложеній. Но когда ораторъ снова подтверждаетъ, что всѣ факты, приводимые имъ, вполнѣ достовѣрны и могутъ быть подтверждены во всякое время очевидцемъ, только-что воротившимся изъ Новой Каледоніи и пользующимся всеобщимъ уваженіемъ, морскимъ врачомъ, то министръ не рѣшается далѣе прикрывать своей личной отвѣтственностью незаконныя и протовогуманныя дѣйствія своихъ предшественниковъ «нравственнаго порядка». При началѣ засѣданія 18 мая, онъ обѣщаетъ назначить слѣдствіе обо всѣхъ этого рода фактахъ. Пэренъ заявляетъ ему за это свою благодарность, и вся лѣвая сторона рукоплещетъ, надѣясь, что участь ссыльныхъ будетъ улучшена, административный произволъ ограниченъ и жестокіе тюремщики удалены.

18-го заканчиваются пренія объ общей амнистіи, а 19-го ея защиту беретъ на себя самъ первый зачинщикъ этого предложенія, 84-лѣтній Распайль. Онъ читаетъ ее и, притомъ, очень слабымъ голосомъ, что̀, впрочемъ, весьма благополучно, такъ какъ его перерываютъ только тѣ изъ членовъ правой стороны, которые сидятъ близко къ трибунѣ. Еслибы его рѣчь была всѣми выслушана, то почти ничего изъ того, что̀ онъ хотѣлъ сказать, не попало бы на страницы оффиціальнаго журнала. Изъ этого не слѣдуетъ, однако, предполагать, чтобы рѣчь его заключала въ себѣ какіе-нибудь особенные ужасы—напротивъ: онъ былъ очень сдержанъ и позволилъ себѣ только весьма легкую аллюзію, чтобы показать, до чего незаконны были ужасы репрессіи. Именно, онъ напомнилъ о казни депутата Мильера, званіе котораго должно было бы обезпечивать его неприкосновенность, послѣ простаго удостовѣренія въ его личности, по личному распоряженію капитана Гарсена. Онъ ограничился выраженіемъ, что «возстаніе буквально было затоплено рѣкою крови», но не упустилъ случая замѣтить, что ужасный декретъ о заложникахъ парижанъ былъ только отвѣтомъ на разстрѣляніе плѣнныхъ, произведенное по распоряженію версальскихъ генераловъ въ Шату и Маломъ-Бисетрѣ. Прерванный на этомъ мѣстѣ предсѣдателемъ собранія, пригласившимъ его не произносить съ трибуны оправданій преступнымъ дѣйствіямъ, онъ скромно отвѣтилъ, что опредѣляетъ только причины, а не позволяетъ себѣ судить о послѣдствіяхъ. «Я, прибавилъ онъ:—не раздѣлялъ чувствъ дѣятелей коммуны и точно также, при ея господствѣ, не выходилъ изъ своего кабинета, какъ и при осадѣ Парижа пруссаками. Я всегда стоялъ противъ междоусобій и никогда не измѣ-

нялъ стремленіямъ своего патріотизма». Но это не мѣшаетъ ему указать на то, сколько невинныхъ должно находиться между осужденными военнымъ судомъ, правительственный комисаръ котораго и публичный обвинитель могъ произнести нѣкогда такія слова: «Мы особенно настаиваемъ на наиболѣе строгомъ наказаніи стоящаго передъ вами человѣка, потому что онъ—завѣдомо человѣкъ честный и его примѣръ могъ увлечь вслѣдъ за нимъ не мало другихъ честныхъ людей въ коммуну. Вотъ отчего въ ея средѣ столько честныхъ людей!» «А сколько, воскликнулъ онъ: — погибло невинныхъ, при слѣпомъ разстрѣливаніи массами. Мы ждемъ амнистіи полной и неограниченной, какъ тихаго пристанища для замученныхъ побѣжденныхъ и какъ непроницаемаго покрова, въ которомъ нуждаются побѣдители для прикрытія памяти ихъ ужасающихъ жестокостей».

Послѣ этого онъ провелъ параллель, не особенно лестную для версальцевъ, между ними и прусаками. Это, къ сожалѣнію, было разслушано собраніемъ и подняло не малый гомонъ между правымъ и лѣвымъ центромъ, такъ что президентъ Греви вынужденъ былъ вмѣшаться и заявить, что «сравнивать воюющія стороны и мятежниковъ противъ закона и національнаго представительства значитъ глубоко оскорблять чувства палаты депутатовъ».

Старый революціонеръ выжидаетъ окончанія бури и спокойно начинаетъ разсказъ, какъ велъ себя народъ, ставшій побѣдителемъ послѣ двухъ революцій, 1830 и 1848 годовъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ и однимъ изъ главныхъ дѣятелей. «Мы вѣжливо сажали королей въ кареты», замѣчаетъ бывшій рабочій, каменьщикъ Надо. «Мы протягивали побѣжденнымъ руки, продолжалъ Распайль: — а можетъ быть, если бы они были на нашемъ мѣстѣ, то стали бы насъ проклинать и разстрѣливать». Послѣ этого, видимо торопясь окончить и замѣчая, что ему пламенные противники амнистіи не дадутъ вполнѣ высказать всѣ его мысли, онъ замѣчаетъ, что парламентское рѣшеніе о непринятіи амнистіи нисколько не поможетъ тѣмъ лицамъ, которыя хотѣли бы развязаться съ этимъ вопросомъ навсегда, и не успокоитъ непріятнаго имъ броженія умовъ. «На основаніи вашего же положенія, мы имѣемъ право каждые три мѣсяца вносить наше предложеніе. Мы этимъ и воспользуемся въ видахъ гуманности, относительно нашихъ страдающихъ согражданъ. А черезъ нѣсколько дней, мы приподнесемъ вамъ законопроектъ парламентскаго слѣдствія о начатіи законнаго преслѣдованія противъ агентовъ-подстрекателей, убійцъ невинныхъ людей и даже депутатовъ, которыхъ появилось не мало послѣ 24 мая, хотя они и пользуются полною безнаказанностію, да еще состояли въ рядахъ администраціи. Тогда мы попросимъ у васъ или преслѣдованія и кары закона и для этихъ лицъ, какъ бы для другихъ, или же амнистіи и забвенія для всѣхъ одинаково!»

Послѣ этихъ словъ наступило тревожное молчаніе. Замѣтивъ

это, Распайль снова началъ говорить, сказавъ, что счелъ не лишнимъ, проведя около 20-ти лѣтъ своей жизни въ заключеніи, передать кое-что̀ изъ своихъ воспоминаній о томъ, ка̀къ содержатся въ самой Франціи въ тюрьмахъ политическіе преступники, «и, такъ какъ обществу, которое гордится тѣмъ, что устроиваетъ союзы, имѣющіе цѣлью покровительствовать животнымъ, можетъ быть, хотя отчасти станетъ и стыдно, что иногда оно часто и съ людьми обращается не лучше, чѣмъ съ собаками». Несмотря на то, что этотъ филантропическій разсказъ отличается крайнимъ добродушіемъ, бонапартисты, и въ особенности Робертъ Митчель, безпрестанно его прерываютъ выходками, оскорбительными для старика. Это заставляетъ его сына, Бенжамена Распайля, вступиться за отца, что̀ онъ и дѣлаетъ съ весьма естественной въ этомъ случаѣ горячностью. Подымается шумъ невообразимый, такъ что президенту приходится, чтобы ка̀къ-нибудь все уладить, призвать къ порядку и уваженію трибуны и приличій какъ Митчеля, такъ и его противника.

Нѐчего и говорить, что̀ полная амнистія, особенно послѣ рѣчи Распайля, была отвергнута. Противъ нея подано 392 голоса, за нее подали голосъ только 50 радикаловъ и, въ томъ числѣ, 15 представителей Парижа, лично обязавшіеся передъ своими избирателями такою подачею голосовъ. Гамбетта, несмотря на то, что онъ — представитель предмѣстья и такого, гдѣ всего болѣе желательно возвращенія ссыльныхъ, а именно Бельвиля, счелъ себя въ качествѣ главы правительственно республиканской партіи, обязаннымъ отстраниться отъ голосованія и для сохраненія своего вліянія на сторонниковъ «умѣстности въ политикѣ»—не обратилъ вниманія на то, что его отстраненіе вызоветъ на него нападки непримиримыхъ.

Защита Марку такъ называемой политической амнистіи, имъ предложенной, на основаніи которой амнистія должна была быть распространена на всѣхъ тѣхъ коммунаровъ, которые обвинены за уголовныя преступленія, но произведенныя ими съ политической цѣлью—не имѣла никакого успѣха. Защищая свою, какъ онъ назвалъ, «ликвидацію эксцессовъ, произведенныхъ той и другой стороной», ораторъ достигъ только того, что раздражилъ буржуазныхъ республиканцевъ. Предложеніе его отвергнуто простымъ вставаніемъ и сидѣніемъ, а буря, произведенная имъ, послужила только предлогомъ къ тому, что Дюфоръ счелъ необходимымъ вмѣшаться отъ имени правительства и высказать, въ довольно грубой формѣ, правительственную мысль.

Дюфоръ, прежде всего, высказалъ, что правительство не желаетъ никакой реабилитаціи оправданій или даже просто извиненій коммуны. Онъ поддерживаетъ мысль, что подготовленная 31 октябремъ и 21 январемъ, она была дѣломъ самыхъ злокозненныхъ мятежниковъ, старавшихся заручиться сообщничествомъ большихъ общинъ Франціи, въ видахъ учрежденія федераціи,

что̀, если-бы они въ этомъ успѣли, низвело-бы Франціи на степень Польши, чего-бъ она даже и не пережила. По его мнѣнію, движеніе 18 марта было произведено полутора тысячами иностранныхъ демагоговъ, при помощи семи тысячъ осужденныхъ преступниковъ. По идеямъ, по мыслямъ и по дѣйствіямъ, это была самая радикальная революція, какая когда-либо происходила на свѣтѣ. Палата депутатовъ, по словамъ министра, не имѣетъ права октроировать амнистію, такъ какъ это было бы равносильно заявленію, что Франція забыла преступленія коммуны, что̀ было бы совершенной неправдой. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы милосердіе главы государства не было бы готово, если этого хочетъ общественное мнѣніе помиловать нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе принимать участіе въ возстаніи. Помилованія могутъ быть даны тѣмъ въ бо̀льшемъ числѣ, чѣмъ менѣе палата будетъ наста̀ивать на общей амнистіи. Это отрица̀ніе «верховнаго» права народнаго представительства вызвало значительный ропотъ неудовольствія въ средѣ лѣвыхъ, но Дюфоръ, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе на это довольство республиканскаго большинства, сталъ требовать совершеннаго предоставленія палатою правительству права разбора тѣхъ, кто заслуживаетъ прощенія и кто его не достоинъ. Если къ нему и къ главѣ государства не желаютъ имѣть довѣрія, то пусть недовольные ищутъ новыхъ министровъ. Указывая на тѣхъ изъ изгнанниковъ, которые не оставляютъ знамени коммуны и посѣваютъ за-границей ненависть и презрѣніе къ современному правительству Франціи, онъ восклицаетъ, при окончаніи своей рѣчи: «они насъ не удостоиваютъ амнистіи, и мы также не дадимъ имъ ея».

Осуждая болѣе, чѣмъ кто-либо другой, ужасное преступленіе, ознаменовавшее конецъ мая 1871 г., депутатъ Флокэ противупоставляетъ проклятію, только-что произнесенному противъ всѣхъ парижскихъ коммунаровъ, мнѣнія, которыя высказывали объ нихъ Тьеръ и самъ маршалъ Мак-Магонъ: «бо̀льшая часть изъ нихъ, объяснялъ нѣкогда Тьеръ:—примкнула къ этому движенію потому, что составила себѣ мысль, что республика находится въ опасности». По словамъ маршала, «участниковъ съумѣли увѣрить, что они защищаютъ святое дѣло независимости Парижа. При всѣхъ ихъ крайностяхъ, нѣкоторыя изъ нихъ могли дѣйствовать на основаніи хорошихъ чувствъ». Сенаторъ Корбонъ передъ слѣдственной комиссіей заявлялъ, что и онъ «раздѣлялъ раздраженіе парижанъ противъ правительства, которое 18 марта позорно бѣжало, вмѣсто того, чтобъ попробовать противодѣйствовать», и прибавилъ, что не слѣдуетъ же думать, будто всѣ вины были съ одной стороны, а съ другой — вся правда. «Напрасно стали бы стараться, говоритъ Флокэ:—обратить всѣхъ ораторовъ, старавшихся объяснить 18 марта, въ апологистовъ коммуны. Гг. Клемансо̀ и Ло̀круа, какъ и самъ ораторъ, протестовали противъ нея посреди возставшаго

Парижа и среди опасностей битвы. Ни они, ни парижскіе избиратели и кандидаты при послѣднемъ избирательномъ движеніи, ни 100 т. человѣкъ, подписавшихъ свои имена подъ петиціею объ амнистіи, не думали вовсе объ ея реабилитаціи, а желали только, при помощи амнистіи, достигнуть общаго согласія и милосердія». Поддержанный большинствомъ республиканцевъ въ мысли о томъ, что палатѣ не слѣдуетъ отрекаться отъ своего верховнаго права амнистіи, каковое отреченіе совѣтуетъ съ очевидною скорбью докладчикъ Леблонъ и котораго съ такимъ холоднымъ высокомѣріемъ требуетъ Дюфоръ въ своей рѣчи. Флокэ изъ отказа воспользоваться амнистіей, высказаннаго нѣкоторыми изъ изгнанниковъ, дѣлаетъ новое оружіе противъ хранителя государственной печати, цитируя письма другихъ изгнанниковъ, которые, отъ имени большинства ихъ товарищей по несчастью, заявляютъ свое несогласіе съ этими писателями и то, что они «готовы оставить всѣ свои мечты и забыть всякую ненависть, если имъ будетъ дана возможность возвратиться къ рабочей жизни, къ жизни въ семьѣ, къ честной жизни у домашняго очага въ родной странѣ».

Отвѣтъ Флокэ усиливаетъ въ средѣ лѣвыхъ неудовольствіе, произведенное Дюфоромъ; результатомъ этого является предложеніе, отъ имени Гатино и Гамбетты и поддержанное нѣсколькими республиканцами о прекращеніи всякихъ дальнѣйшихъ слѣдствій и объ опубликованіи списка осужденныхъ заочно. Предложеніе это было бы принято, если бы сами Гатино и Гамбетта не взяли его назадъ, такъ какъ разсудили, что эта самая мѣра можетъ пройдти впослѣдствіи въ видѣ спеціальнаго закона, будучи представлена съ согласія комиссіи и даже самого министерства. По поводу обсужденія предложенія Маркў о чисто политической амнистіи докладчикъ Леблонъ снова поддерживаетъ правительственный тезисъ, что, такъ какъ коммуна была возстаніемъ противъ всего общества, то на возставшихъ никоимъ образомъ нельзя смотрѣть, какъ на воюющую сторону, и что ничто не обязываетъ правительство къ возвращенію имъ ихъ гражданскихъ правъ, что̀ произошло бы, еслибы амнистія была принята. Но, въ то же время, онъ даетъ понять, что помилованіе будетъ сдѣлано въ весьма значительныхъ размѣрахъ и что на это правительство дало весьма серьёзныя обязательства. Для этого онъ цитируетъ слова̀, произнесенныя покойнымъ Рикаромъ. Прерванный при этомъ заявленіемъ, что эти слова̀ находятся въ прямомъ противорѣчіи съ рѣчью, произнесенною наканунѣ Дюфоромъ, онъ свидѣтельствуетъ, что Дюфоръ, въ это самое утро, въ разговорѣ съ однимъ изъ членовъ комиссіи, положительно подтвердилъ обѣщаніе бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ. Умѣренная лѣвая и лѣвый центръ совершенно довольствуются этими объясненіями, и предложеніе Маркў проваливается при трехъ стахъ шестидесяти голосахъ противъ и только ста за, считая въ числѣ послѣднихъ и Гамбетту, о кото-

ромъ въ оффиціальномъ журналѣ, по ошибкѣ, было напечатано, что онъ голосовалъ противъ.

Предложеніе Лисбона о политической амнистіи съ нѣкоторыми специфированными исключеніями отвергается безъ всякаго голосованія. Короткія пренія, которыя они вызываютъ, даютъ только случай пылкому Полю-де-Кассаньяку произнести, подобно Руэру, знаменитое выраженіе *никогда*.

Вслѣдъ за этимъ, разсматривается поправка Буосара объ исключеніи изъ амнистіи, еслибы она была принята, высшихъ коноводовъ возстанія, членовъ центральнаго комитета и военноначальниковъ, но ее оказывается не для чего даже брать и въ соображеніе. Предложеніе Андріё относительно департаментовъ, о распространеніи амнистіи и на тѣ преступленія, которыя совершены въ нихъ вслѣдствіе 4-го сентября, тоже не подвергается продолжительному обсужденію. Депутатъ Аленъ-Тарже развиваетъ довольно вяло свой проектъ объ изъятіи отъ военныхъ судовъ такихъ преступленій, которыя еще могутъ обнаружиться и которыя влекутъ за собою наказанія смертною казнью и о передачи ихъ обыкновеннымъ уголовнымъ судамъ. Дюфоръ объясняетъ, что это не имѣетъ прямого отношенія къ вопросу объ амнистіи, а относится скорѣе къ такимъ вопросамъ, которыми правительство займется въ другое время. При этомъ случаѣ, Дюфоръ торопится заявить, и уже совершенно другимъ тономъ, нежели въ прошлый разъ, что онъ совершенно согласенъ съ мнѣніями, высказанными докладчикомъ Леблономъ, о широкомъ приложеніи къ коммунарамъ милосердія. Онъ заявляетъ, что рѣшенія министерства остаются совершенно тѣми же при концѣ преній объ амнистіи, какими они были до начала этихъ преній, т. е.: отказываясь отъ всякихъ предложеній амнистіи, оно положительно проситъ у главы государства возможно широчайшаго приложенія къ практикѣ милосердія, разсчитывая, что такимъ образомъ можно достигнуть гораздо значительнѣйшихъ практическихъ результатовъ, нежели этого могла-бы достигнуть отдѣльная комиссія помилованія въ соединеніи съ правительствомъ. При этомъ, онъ восклицаетъ, среди рукоплесканій республиканцевъ, участія въ которыхъ не принимаетъ никто изъ правыхъ, и около 50-ти радикаловъ: «Вы предоставили намъ воспользоваться правомъ помилованія; теперь уже нашимъ дѣломъ будетъ вполнѣ исполнить нашъ долгъ, которымъ мы такъ дорожимъ, какъ вѣроятно никто изъ васъ».

Въ сенатѣ, 22-го мая, засѣданіе проходитъ безъ всякаго помину объ амнистіи. Молчитъ правительство, молчитъ и докладчикъ Парисъ. Ему, впрочемъ, не пришлось бы молчать, если бы Толенъ не взялъ передъ тѣмъ назадъ своего предложенія, предвидя что оно провалится, такъ какъ большинство сенаторовъ заранѣе рѣшило не принимать никакой амнистіи. Онъ даже не догадывался объ этомъ, а зналъ навѣрное, такъ какъ сенаторы лѣваго центра и умѣренной лѣвой, за нѣсколько дней тому назадъ,

на частномъ собраніи приняли такое рѣшеніе. Если Виктора Гюго, читавшаго скорѣе для очищенія совѣсти, нежели для достиженія практическаго результата, свой философскій протестъ къ будущему, сенаторы и выслушали, то это было только одною формальностью. По окончаніи его рѣчи, ему стало рукоплескать не болѣе 6 ти радикаловъ изъ пожизненныхъ сенаторовъ, которые одни только подняли свои руки въ знакъ согласія на амнистію. Горячимъ своимъ словомъ, страстнымъ своимъ протестомъ, заступничествомъ за интересы «стариковъ, лишенныхъ даже наръ, и младенцевъ, не имѣющихъ даже колыбелей», призывомъ всѣхъ и каждаго къ великодушію и забвенію онъ не успѣлъ затронуть чувствительности сенаторовъ; впечатлѣніе отъ бо̀льшей ча̀сти его рѣчи чувствовали только зрители, наполнявшіе галлереи. Большинство дамъ, даже самаго высшаго общества, плакало. На сенаторовъ не подѣйствовало также и его доказательство, что, если амнистія — дѣло справедливое, то тѣмъ самымъ и принятіе ея есть актъ политической мудрости, и что «милосердіе есть высочайшее одобреніе справедливости, идущей снизу, справедливостью, идущею сверху». Когда поэтъ высказывалъ мысль, что междоусобіе всегда бываетъ результатомъ всеобщей вины, почему и требуетъ взаимнаго прощенія, то сенаторы правой стороны иронически подсмѣивались. Бонапартистовъ неособенно много въ сенатѣ, но, такъ какъ они въ палатѣ депутатовъ составляютъ главное звено такъ называемой консервативной оппозиціи, то сенатскіе имперіалисты и пользуются особеннымъ вниманіемъ тѣхъ изъ своихъ сенатскихъ сотоварищей, которые предпочитаютъ самую имперію республикѣ. Поэтому, когда ораторъ сталъ проводить свою грозную параллель между преступленіями 18-го марта и 2-го декабря, развитую какъ съ точки зрѣнія политической, такъ и съ точки зрѣнія общаго уголовнаго пра̀ва, то, въ то время, когда бонапартисты, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Канроберъ, не были, какъ извѣстно, безъучастны къ дѣлу 2-го декабря, сидѣли, понуря головы и опасаясь каждую минуту быть названными, орлеанисты и легитимисты разсудили, что и имъ надлежитъ безшумно проглотить эту горькую пилюлю, и не обнаружили никакихъ внѣшнихъ знаковъ своего недовольства и неодобренія. Викторъ же Гюго не пожалѣлъ красокъ для описанія того, что̀ онъ называетъ «величайшимъ преступленіемъ во всей исторіи». «Мы видѣли, говорилъ онъ:—что оно осуществлялось при помощи грабежа вооруженной рукой, подкупами, совращеніемъ чиновниковъ, военными засадами, разрушеніемъ зданій и убійствами». Эти его слова̀ вызвали одобрительный шумъ со стороны республиканскихъ сенаторовъ; дальнѣйшими же своими словами онъ нѣсколько расшевелилъ даже и самыхъ ледяныхъ членовъ лѣваго центра, именно, когда сказалъ: «Да̀, я признаю, что убійство генераловъ Леконта и Клемана Тома̀ было преступленіе, да̀, поджогъ Тюильри настолько же, какъ и разрушеніе зданія національнаго

собранія—преступленіе, да̀, казнь заложниковъ—тоже преступленіе и настолько-же, какъ разстрѣливаніе невооруженныхъ людей, гулявшихъ по бульвару. Мы видимъ въ двухъ обстоятельствахъ одинаковыя преступленія. Что̀жь? значитъ, и справедливость посмотритъ на нихъ одинаково. Послушайте-же, г-да, отвѣтъ исторіи: Саторійская равнина, Нумея, 18984 осужденныхъ, ссылка простая и съ заключеніемъ въ крѣпости, каторжныя работы, населенія за 5000 миль отъ отечества—вотъ чѣмъ юстиція сочла нужнымъ покарать 18-ое марта. Что̀ же сдѣлала она за преступленіе 2-го Декабря? Она принесла сама присягу его виновнику!».

Это мѣсто рѣчи Гюго̀, ка̀къ бы цѣликомъ выхваченное изъ «Châtiments», останется историческимъ. Подобныхъ мѣстъ въ рѣчи поэта немного, какъ и мыслей, въ высшей степени справедливыхъ, въ ней разсѣянныхъ. Приведу для примѣра хоть одну: «когда рождается вопросъ объ амнистіи, то отъ него уже нельзя отдѣлаться: если вы ее примете, то дѣло оканчивается; но, отвергнувъ ее, вы только начинаете объ ней вопросъ».

Очевидно, что весь шумъ, поднятый непримиримыми въ газетахъ «Droits de l'Homme», «Corsaire», «Avantgarde», вслѣдъ за которыми шли радикальныя газеты «Rappel» и «Peuple», вся шестинедѣльная агитація въ пользу амнистіи не привела ни къ чему. Частныя собранія, организованныя въ Парижѣ, Ліонѣ и Марсели, были слишкомъ малочисленны, чтобы придать всеобщность агитаціонной пропагандѣ. Петиція, задуманная позитивистомъ докторомъ Робинѐ, въ теченіи цѣлаго мѣсяца, на протяженіи всей Франціи, не могла собрать болѣе 100,000 подписей. Въ средѣ народныхъ массъ, гдѣ съ наибо̀льшей горячностью хотѣли бы видѣть возвращеніе ссыльныхъ и изгнанниковъ, очень хорошо поняли, что подписываться подъ этой петиціей—дѣло совершенно безполезное, пока во главѣ государства стоитъ «честная шпага укротителя и побѣдителя Парижа и Коммуны». Поэтому, едвали можно понимая затрудненія, въ какія были поставлены республиканскіе представители обѣихъ палатъ, обвинять ихъ въ измѣнѣ или трусости, если только дѣйствительно прощеніе распространится на такое значительное число осужденныхъ, что удовлетворитъ нѣсколько народнымъ ожиданіямъ. Не надо забывать, что̀ молодая республика окружена еще всевосможными опасностями. Если даже маршалъ и не оправдаетъ довѣрія законодательной власти, то затрудненія по вопросу объ амнистіи и внесеніе новыхъ предложеній объ ней могутъ быть снова дѣломъ весьма затруднительнымъ, ибо могутъ вызвать столкновенія какъ между обѣими палатами, такъ между законодательной и исполнительной властью. Главная причина, по мнѣнію одного изъ депутатовъ, стоявшихъ за амнистію, неудачнаго исхода преній объ ней состоитъ въ томъ, что вопросъ этотъ былъ поднятъ нѣсколько рано. «Мы, говорилъ онъ:—не успѣли, до начала ея обсужденія, ни успокоить ужасы, гос-

подствующіе по отношенію къ ней въ образованномъ обществѣ, ни разсѣять предразсудки, посѣянные противъ нея въ средѣ сельскаго населенія, ни утвердить правительство, не исключая и маршала на томъ прогрессивномъ пути, чтобы оно самою силою вещей вынуждено было на нее согласиться. Если бы мы, въ данномъ случаѣ, начали дѣло попозже и не достигли немедленнаго провозглашенія амнистіи, то успокоили бы населеніе большихъ городовъ тѣмъ, что могли бы потребовать начатія слѣдствія и преслѣдованій противъ имперіи, какъ главной виновницы возникшаго, вслѣдствіе ея, междоусобія. Теперь же, мы, сдѣлавъ съ своей стороны все возможное, не могли достигнуть даже и этого!».

III.

Вопросъ въ сенатѣ Франльё о мятежническихъ надеждахъ.—Вопросъ въ палатѣ депутатовъ о томъ же Спврака и запросъ Кастеллана.—Заявленіе довѣрія при переходѣ къ очередному порядку, 20-го мая.—Сенатскій запросъ 24-го мая.—Заявленіе Дюфора.—Избраніе принца Наполеона въ депутаты.—Выборы 21-го мая.

Въ пятницу, 19 мая, когда пренія объ амнистіи, казалось, еще могли вызвать столкновеніе между консерватизмомъ правительства и демократическимъ большинствомъ, когда, другими словами, можно было еще ожидать министерскаго кризиса, въ сенатѣ взошелъ на трибуну маркизъ де-Франльё и предложилъ министру внутреннихъ дѣлъ вопросъ: какъ слѣдуетъ понимать слова послѣдняго циркуляра Рикара: «*мятежническія надежды*», относившіяся къ пересмотру конституціи. Де-Марсэръ не счелъ нужнымъ отклоняться отъ прямого отвѣта на такой вопросъ, принялъ на себя отвѣтственность за это выраженіе и, защищая его, высказалъ, что оно вполнѣ сообразно съ конституціей. «Всѣ депутаты національнаго собранія объяснилъ онъ:—были согласны, 25 февраля 1875 года, на учрежденіе *окончательнаго* образа правленія. Послѣ этого, страна, своими выборами 20-го февраля 1876 года, огромнымъ большинствомъ подтвердила конституцію въ смыслѣ окончательной». Такимъ образомъ, правительство было прочно установлено, слѣдовательно, странно было бы и ожидать, чтобы одинъ изъ его представителей съ трибуны сталъ говорить, что существованію этого правительства положенъ короткій срокъ и что конституція, служащая его гарантіей, обусловливающая безопасность страны, должна быть ниспровергнута.—Измѣнена, прерываетъ одинъ изъ сенаторовъ правой стороны.—Съ этимъ я согласенъ, продолжаетъ министръ:—право пересмотра конституціи, предусмотрѣнное въ ней, представляетъ собою практическій способъ для ея усовершенствованія; для того, чтобы, благодаря такой мѣрѣ, при существованіи конституціи, мож-

но было мирнымъ путемъ удовлетворять непобѣдимому росту общественнаго мнѣнія, въ прежнее время приводившему къ революціямъ». Такое объясненіе раздражаетъ не однихъ только чистыхъ легитимистовъ, но и фузіонистовъ. Де-Кердель и Депейръ громко протестуютъ. Лѣвые иронически приглашаютъ ихъ провозгласить монархію, если они не желаютъ признавать существующей республики. Де-Марсэръ громко и внятно снова резюмируетъ въ нѣсколькихъ словахъ свой конституціонно правительственный тезисъ и не дѣлаетъ протестующимъ никакой уступки, кромѣ той, что, выражая свое уваженіе къ ихъ культу въ прошедшемъ, онъ заявляетъ, что согласенъ не считать и теперь ихъ надеждъ мятежническими до тѣхъ поръ, пока они сохраняютъ ихъ въ своемъ сознаніи и не выражаютъ дѣйствіями.

Маркизъ Франльё хочетъ отвѣчать, но его останавливаетъ президентъ собранія, напоминая, что, по парламентскимъ правиламъ, послѣ правительственнаго отвѣта на вопросъ, обсужденіе всякаго дѣла въ этой формѣ заканчивается. Если же предложившій вопросъ желаетъ продолженія преній, то онъ можетъ придать своему вопросу другую форму—форму запроса или интерпеляціи. Протестанты начинаютъ совѣщаться между собою и съ де-Брольи, и сенаторъ Парисъ заявляетъ о своемъ желаніи внести запросъ. Онъ получаетъ на это согласіе, и время обсужденія запроса назначается на 24 е мая.

Этою попыткою устроители извѣстнаго заговора, имѣвшаго результатомъ 24 мая 1873 г. думали, очевидно, достигнуть какихъ-нибудь реакціонныхъ цѣлей, но отвѣтъ де-Марсэра разстроилъ ихъ планы тѣмъ болѣе, что согласіе лѣвыхъ на непринятіе амнистіи значительно сблизило правительство съ республиканскимъ большинствомъ. Протестанты поняли, что ихъ интерпеляція не поведетъ ровно ни къ чему, но представили ее только для того, чтобы прикрыть благовидно свое пораженіе Между тѣмъ, и въ палатѣ депутатовъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, графъ Дюрфоръ-де-Сивракъ напалъ на циркуляръ Рикара о немедленномъ смѣщеніи назначенныхъ мэровъ. Министръ отвѣчалъ на это обвиненіе, что, пока нашелся еще всего-на-все одинъ префектъ (Устьевъ-Роны), который слишкомъ ревностно примѣнилъ на дѣлѣ правительственную мысль, т. е. отставилъ всѣхъ мэровъ сразу, на что не имѣлъ права, такъ какъ онъ могъ только пріостановить ихъ отъ исполненія ихъ обязанностей, но что это распоряженіе префекта отмѣнено и что повсюду въ другихъ мѣстахъ смѣщеніе мэровъ производилось съ неотмѣненными еще на этотъ счетъ законоположеніями. Но, такъ какъ многіе изъ назначенныхъ мэровъ заявили свое нежеланіе оставлять добровольно свои мѣста и, мало того, стали прибѣгать къ печатнымъ протестамъ противъ измѣненій, происшедшихъ въ политикѣ управленія страны, прибѣгая къ личной защитѣ Мак-Магона и злоупотребляя его девизомъ «j'y suis et j'y reste», то, въ отношеніи такихъ лицъ,

*

министру внутреннихъ дѣлъ, отвѣтственному передъ палатами за администрацію, не осталось ничего дѣлать, какъ тоже воспользоваться своимъ правомъ пріостановленія ихъ отъ исполненія ихъ обязанностей [1]. При этомъ, министръ указываетъ на то различіе въ образѣ дѣйствій, какое принято въ настоящее время, когда мэровъ вѣжливо предваряютъ, что имъ слѣдуетъ подавать въ отставку, отъ того, которое слѣдовало за приложеніемъ къ практикѣ закона о мэрахъ 1874 г., когда ихъ неожиданно увольняли сразу цѣлыми массами. При этомъ, свидѣтельствуетъ министръ, правительство поступило какъ могло и должно было поступать сообразно съ интересами муниципальной свободы, желаемой и одобренной цѣлой страной.

Совершенно такъ же, какъ въ сенатѣ, правые потребовали обращенія вопроса въ запросъ, и маркизъ Кастелланъ внесъ требованіе, чтобы эта интерпелляція была обсуждена 27-го, т. е., когда результатъ сенатскаго обсужденія запроса Париса будетъ извѣстенъ. Но республиканское большинство требуетъ, чтобы запросъ былъ обсужденъ тотчасъ. Юный маркизъ поставленъ этимъ въ необходимость импровизировать, и это его ставитъ въ немалое затрудненіе. Министръ только подсмѣивается надъ лицами, рѣшившимися «дать правительству урокъ». «Мы требуемъ, однимъ словомъ, заканчиваетъ пренія ораторъ:—чтобы правительство намъ прямо объявило, простымъ да̀, или нѣтъ, дѣйствуетъ ли онъ вмѣстѣ съ радикалами?» На эту бурную рѣчь де-Марсэръ отвѣчаетъ съ тонкою ироніей:—«Я просто не понимаю вопроса. Кто же во Франціи сомнѣвается, въ настоящее время, въ томъ, что̀ мы такое?.. Вся страна это знаетъ, да и въ васъ также по этому поводу не можетъ оставаться никакихъ недоумѣній. Вы знаете, что мы служимъ осуществленіемъ живаго стремленія, вышедшаго изъ нѣдръ Франціи; вы знаете, чего мы хотимъ... и это-то, можетъ быть, васъ такъ и огорчаетъ? Мы хотимъ благоразумной республики. Зачѣмъ стали бы мы желать республики бурной?.. Если бы она приняла такой характеръ, то назавтра была бы низвергнута; мы же хотимъ, чтобы она была живучей и, говоря краснорѣчивымъ выраженіемъ одного оратора (Жюля-Симона), мы хотимъ сдѣлать ее привлекательной, покоющейся на широкихъ основаніяхъ и такой, чтобы она могла быть признана всѣми. Я даже не могу понять, почему вы отказываетесь присоединиться къ ней и что̀ вамъ въ этомъ мѣшаетъ? . Консервативные принципы, говорите вы, но какіе же именно изъ консервативныхъ принциповъ нарушила наша республика?.. Или вы не знаете, ка̀къ высказалось большинство страны?»—Въ настоящемъ случаѣ, истинныя стремленія страны

[1] Министръ и префекты имѣютъ право такого пріостановленія (suspension) на 6 мѣсяцевъ. Въ настоящемъ случаѣ, это равняется отставкѣ, такъ какъ, по всей вѣроятности, правительственный законопроектъ о мэрахъ будетъ принятъ раньше этого срока.

представляются въ палатахъ меньшинствомъ, прерываетъ нѣкій графъ д'Оланъ.—Вы не дали возможности произвести прямое воззваніе къ народу! прибавляетъ баронъ Тристанъ Ламбертъ.—Вы не овѣтили на самый существенный пунктъ запроса, продолжаетъ Кастелланъ.—«Его не стòитъ и обсуждать!» восклицаютъ лѣвые. — Барду, бывшій помощникъ статс-секретаря по министерству юстиціи, предлагаетъ переходъ къ очередному порядку, такимъ образомъ мотивированный: «Палата депутатовъ совершенно удовлетворена заявленіями министра внутреннихъ дѣлъ, въ которыхъ выражена политическая программа, либеральная и вполнѣ соотвѣтствующая стремленіямъ страны». И переходъ этотъ единогласно принятъ 323 республиканцами всѣхъ оттѣнковъ, начиная съ Распайля и Накэ и кончая Леономъ Ренò. Никто изъ правыхъ не осмѣливается голосовать противъ, и они просто отстраняются отъ голосованія

Послѣ этого, заявленіе недовѣрія правительству въ сенатѣ могло бы произвести только одни недоразумѣнія. Это очень хорошо поняла группа конституціонистовъ, и герцогъ д'Одифре-Пакье и Боше немедленно собрали у графа Геспеля сенаторовъ оттѣнка прежней групы праваго центра и стали ихъ убѣждать отказаться отъ смѣшной попытки заявленія недовѣрія правительству безо всякаго серьёзнаго на это повода, чтò, въ случаѣ даже ея успѣха, привело бы только къ постыдному для парламентскаго управленія столкновенію двухъ палатъ, воспользоваться которымъ могли бы одни бонапартисты. Де-Брольи, присутствующій на собраніи, видитъ, къ своему огорченію, что мнѣніе это раздѣляется его товарищами. Тѣмъ не менѣе, реакціонная пресса, подкрѣпленная новымъ òрганомъ отчаянія «Соціальное и религіозное сопротивленіе» (La Resistance sociale et religieuse), тайнымъ вдохновителямъ которой—Дюпанлу, продолжаетъ раздувать значеніе запроса Париса для преуспѣянія монархій, состоящихъ «въ резервѣ». На маршала, съ другой стороны, стараются подѣйствовать такимъ образомъ, чтобы вызвать въ немъ личную ненависть къ де-Марсэру, на назначеніе котораго министромъ онъ согласился неохотно, и пущены въ ходъ всякія махинаціи, чтобы добиться отъ Дюфора такого правительственнаго заявленія, которое могло бы быть истолковано, какъ прямое опроверженіе твердо-республиканскаго заявленія де-Марсэра.

Такимъ образомъ, при открытіи засѣданія 24-го мая, люди «мятежническихъ надеждъ» не теряютъ упованія произвести, по крайней мѣрѣ, въ средѣ министерства такой расколъ, плодами котораго они могли бы впослѣдствіи воспользоваться. Де-Брольи самодовольно усаживается на свое мѣсто, а среди зрителей появляется впервые фигура бывшаго министра, забракованнаго выборами всякихъ системъ, злополучнаго Бюффè. Ему, понятно, хочется быть очевидцемъ перваго пораженія настоя-

щаго и національнаго большинства палатъ, смѣнившаго бывшее большинство версальскаго собранія.

Но, увы! воинственный интерпеллаторъ Парисъ не выказываетъ отваги, которая равнялась бы высотѣ его миссіи. Вмѣсто того, чтобы требовать отставки кабинета съ тѣмъ, чтобы послѣ добиться низверженія республики, а пока хотя ограничиться отстраненіемъ изъ министерской среды ненавистнаго де-Марсэра, онъ, отказываясь отъ всякаго пламеннаго натиска, очевидно, рѣшается только на благовидную ретираду. Онъ проситъ только, чтобы правительство признало, какъ всѣ, что конституція, на основаніи 8-й своей статьи, подлежитъ въ 1880 году частной или общей ревизіи. При этомъ онъ говоритъ, что, такъ какъ такая ревизія не можетъ быть произведена иначе, какъ при совмѣстномъ участіи обѣихъ палатъ, то и объяснять значенія конституціи отдѣльно одна отъ другой ни которая изъ нихъ не можетъ, какъ не можетъ безъ нихъ дѣлать это ни министерство, ни который-нибудь изъ министровъ. Такимъ смутнымъ заявленіемъ ограничивается весь грозный запросъ.

Де-Марсэръ присутсвуетъ въ засѣданіи, но на трибунѣ появляется, вмѣсто него, Дюфоръ, какъ реакціонеры думаютъ, для того, чтобы подвести своего товарища, но, какъ оказывается, только для приданія бо̀льшей оффиціальности правительственному заявленію, такъ какъ Дюфоръ—предсѣдатель совѣта министровъ. Онъ заявляетъ, что никогда ни онъ, ни авторъ циркуляра, ни кто-либо иной изъ министровъ не имѣли ни малѣйшаго намѣренія «порицать надежды, которыя ка̀ждый имѣетъ право питать въ своемъ сердцѣ и къ которымъ нельзя не относиться съ уваженіемъ, пока онѣ оттуда не выходятъ и не преобразуются въ слова̀, пока имѣющія цѣлью смутить общественное спокойствіе». Словами «мятежническія надежды» правительство только хотѣло выразить, что отнынѣ оно не будетъ терпѣть, чтобы представители, въ той или другой степени, республиканскаго устройства покушались на его разрушеніе. Такія «мятежническія надежды», какія партіи могли возлагать на неисполнительность о̀ργановъ власти, справедливо были порицаемы циркуляромъ. Этимъ исчерпывается весь смыслъ этого выраженія, подвергнувшагося «несправедливой критикѣ» и осужденію.

«Но не придалъ ли новый министръ внутреннихъ дѣлъ несоотвѣтствующій смыслъ 8-й статьѣ конституціи, повторивъ три раза и настоятельно, что республика стала окончательнымъ образомъ правленія во Франціи? сказалъ Дюфоръ, разбирая второй пунктъ обвинительнаго запроса.—Нѣтъ, продолжалъ онъ:—министръ высказался съ «безукоризненною правильностью». Послѣ цѣлаго ряда попытокъ установить какой-либо временный и переходный порядокъ, ни одна изъ нихъ не удалась, не исключая и септената — формы, которая должна была необходимо и неизбѣжно прекратиться въ опредѣленный срокъ, къ концу семи-

лѣтія, еслибы, до его истеченія, не была ниспровергнута и замѣнена какою-либо другою формою». Понятно, что, послѣ такой неудачи установить чтò-либо переходное, «25-го февраля было рѣшено учредить правительство окончательное». Лица, которымъ была вручена власть, разумѣется, какъ обязанныя своимъ положеніемъ, выборамъ, представляютъ ее только на время, но «самыя учрежденія окончательны и обязательны для Франціи столько же и послѣ 1880 года, какъ до него».

Относительно ревизіи министръ юстиціи, въ качествѣ юрисконсульта, объясняетъ ее такъ: «Она возможна, но нисколько не необходима. Наши учрежденія могутъ продолжаться весьма долгое время безо всякихъ въ нихъ измѣненій... такъ какъ они— настолько же окончательныя учрежденія, какъ, напримѣръ, окончательны учрежденія американскія». Поэтому, министръ де-Марсэръ, проводя различіе между лицами, полагающими, что республика можетъ быть низвергнута, и увѣренными, что она должна только быть улучшаема, говоритъ, «какъ обязано было говорить правительство, дорожащее судьбою представляемой имъ республики».

Чтò касается до права ревизіи конституціи, дѣлающей ее растяжимою и удобоизмѣняемою, безъ произведенія революцій, то Дюфоръ доказываетъ, что направленіе, въ какомъ будетъ производиться этотъ пересмотръ, будетъ зависѣть исключительно отъ того, какія мнѣнія будутъ преобладать, въ качествѣ выраженія общественныхъ стремленій страны, на конгрессѣ 1880 года, составленномъ изъ обѣихъ палатъ, одна изъ которыхъ, сенатъ, подлежитъ до того времени возобновленію одной трети своего личнаго состава, а другая — полному возобновленію. До того же времени было бы безполезно предрѣшать такъ или иначе этотъ вопросъ, если ревизія будетъ даже произведена, да даже и не безопасно, такъ какъ сенатъ и палата депутатовъ могутъ дать на него противоположныя истолкованія. Изъ этого можетъ возникнуть конфликтъ, а между тѣмъ, всѣ, рѣшившіеся на спасительное учрежденіе двухъ палатъ, должны всѣми средствами «избѣгать подобнаго конфликта и никакъ уже не вызывать его предумышленно». Преподавъ такой урокъ де Брольи, Дюфоръ обратился къ группѣ, выражающей мнѣнія Франлье, съ такими словами, въ которыхъ нельзя не видѣть угрозы противъ бонапартизма: «Мы умѣемъ относиться съ уваженіемъ къ такой вѣрности, которая сохраняетъ сожалѣнія и не теряетъ надеждъ, но мы осуждаемъ такую, которая способна только къ конспираціямъ».

Франлье, понявъ любезность министра, спѣшитъ заявить свое удовольствіе. Интерпеллаторъ Парисъ заявляетъ, что остается только перейти къ очередному порядку, и запросъ такимъ образомъ погребается единодушнымъ голосованіемъ въ пользу перехода къ очередному порядку, къ крайней скорби де-Брольи въ залѣ, а Бюффе — въ средѣ зрителей. Скорбь ихъ еще усилива-

лась тѣмъ, что неудачная ихъ попытка, ими самими задуманная, позорно провалилась какъ разъ 24-го мая, годовщину парламентской революціи 1873 года.

25-го мая, въ «Оффиціальномъ Журналѣ» появился, наконецъ, такъ долго жданный третій списокъ измѣненій въ административномъ персоналѣ. Въ спискѣ этомъ очень многіе подпрефекты перемѣщены, а нѣкоторые оставлены только въ качествѣ совѣтниковъ префектуръ. Но новыхъ лицъ въ администрацію почти не назначено, и де-Марсэръ исключилъ даже изъ списка Рикара, трехъ или четырехъ республиканцевъ, которыхъ покойный министръ думалъ назначить. Два уволенные префекта времени Тьера снова получили префектуры. Такимъ образомъ, отставленіе тѣхъ префектовъ «нравственнаго порядка», смѣны которыхъ всѣ ждали, не состоялось. Очевидно, что совѣтникамъ, окружающимъ маршала, удалось гораздо дѣйствительнѣе отстоять личности и мѣста, чѣмъ спасти принципы... На палату депутатовъ такая недостаточность измѣненій въ администраціи произвела впечатлѣніе вообще неблагопріятное, но оптимисты находятъ, что, послѣ заявленій Рикара и де-Марсэра, подтвержденныхъ Дюфоромъ, должно надѣяться, что администрація пойметъ, что наступило такое время, что ей волею-неволею придется дѣйствовать за одно съ общими стремленіями для водворенія прочной республики, такъ какъ даже и маршалъ, захваченный потокомъ событій, поставленъ въ необходимость поступать совершенно обратно тому, чего желали доставившіе ему власть побѣдители 24-го мая 1873 года.

А между тѣмъ, республиканскій образъ правленія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Доказываютъ это, между прочимъ, и дополнительные депутатскіе выборы. Монархистамъ рѣшительно нигдѣ не везетъ, и, если бонапартисты еще кое-гдѣ и держатся, то едва ли республиканцы скоро не восторжествуютъ надъ ними и тамъ. Такъ, даже въ Корсикѣ, гдѣ, наконецъ, наперекоръ Руэру и сыну Наполеона III, былъ выбранъ принцъ Наполеонъ, онъ обязанъ своимъ избраніемъ тому, что выставилъ себя сторонникомъ республики. При его выборѣ, повсюду раздавались крики: «да здравствуетъ республика!» Въ письмѣ своемъ, въ которомъ онъ благодаритъ своихъ избирателей, онъ счелъ нужнымъ подтвердить, что присоединяется «искренно и безъ всякой задней мысли» къ республикѣ. Въ палатѣ, однако, его не приняли ни правые, ни лѣвые, и онъ сидитъ отдѣльно и отъ тѣхъ, и отъ другихъ, единолично составляя какъ бы отдѣльную фракцію.

Въ колоніяхъ на Островѣ Соединенія и въ Гваделупѣ были выбраны два депутата-республиканца. Парижъ, 30-го апрѣля, тоже своими выборами подтвердилъ свой демократизмъ. Въ Жирондскомъ и Шерскомъ Департаментахъ тоже, въ это число, выбраны республиканцы. На выборахъ 21-го мая, производившихся для замѣщенія 13 депутатовъ, полномочія которыхъ непри-

знаны палатою, только 3 бонапартиста были выбраны снова въ департаментахъ Шаранты, Сарты и Сѣверныхъ Береговъ. Въ Жерскомъ же Департаментѣ, этой гнилой провинціи, приславшей въ палату уже двухъ Кассаньяковъ, отца и сына, два кандидата, Пейрюссъ и Жанъ Давидъ, получили совершенно одинаковое число голосовъ, такъ что, только послѣ провѣрки полномочій палатою, узнается, кто изъ нихъ выбранъ правильно. Забракованные палатою роялистскіе и клерикальные депутаты почти нигдѣ не выбраны снова, за исключеніемъ двухъ мѣстъ. Въ департаментѣ Верхней Луары выбранъ снова Малартръ, но при такихъ условіяхъ, что выборъ его, вѣроятно, и во второй разъ не будетъ признанъ палатою, а Рошжакленъ едва-едва прошелъ, при большинствѣ только 12 голосовъ. Знаменитый продавецъ свиней, мечтавшій недавно быть возстановителемъ на тронъ Генриха V, Шенелонъ—провалился. Вообще, республиканцы пріобрѣли на этихъ выборахъ 7 новыхъ голосовъ (изъ 13-ти) — количество, весьма достаточное для доказательства, что страна одобрила дѣйствія палатскаго большинства, неутвердившаго 13 выборовъ. Если хотите, это, пожалуй—только полууспѣхъ, но ничего бо̀льшаго нельзя было и ожидать, принявъ во вниманіе, что перевыборы совершались въ самыхъ ненадежныхъ мѣстностяхъ Франціи, въ корень испорченныхъ практикою оффиціальныхъ кандидатуръ, и, притомъ, ранѣе, чѣмъ въ администраціи ихъ могли быть произведены какія-либо перемѣны.

Что бонапартисты имѣли на этихъ выборахъ относительный успѣхъ—этимъ тоже сокрушаться особенно нѐчего. Во-первыхъ, успѣхъ этотъ несравненно незначотельнѣе, чѣмъ можно было опасаться, а во-вторыхъ, это заставитъ республиканское правительство быть на сторожѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что грозное обвиненіе 2-го декабря Викторомъ Гюго въ сенатѣ и упоминаніе Дюфора о «вѣрности, которая конспирируетъ», были, при настоящемъ положеніи вещей, далеко не безполезны. Говоря вообще, шансы бонапартизма, въ настоящее время, неособенно велики, и, конечно, выборъ принца Наполеона, этого отщепенца отъ чайзльгёрстскаго правовѣрія, немного поможетъ ихъ поднятію.

Людовикъ.

Парижъ, 1-го іюня 1876 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1876 Г.

и

ОТЧОТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО КОНТРОЛЯ ЗА 1874 ГОДЪ.

(*Продолженіе*).

Въ предыдущей книжкѣ я окончилъ свою бесѣду съ читателемъ по поводу росписи государственныхъ доходовъ и въ настоящей статьѣ перехожу къ разсмотрѣнію росписи расходовъ. Если читатель слѣдилъ за моими статьями, то онъ, вѣроятно, помнитъ, что общая цифра расходовъ съ 1867 года возросла на 28 слишкомъ процентовъ и предположена по сметѣ на 1876-й годъ въ размѣрѣ 532,705,120 руб., за исключеніемъ расходовъ оборотныхъ. Цифра эта распредѣляется по вѣдомствамъ въ слѣдующей постепенности:

	Сумма.	Процентное отношеніе въ общей суммѣ расходовъ.
Военное министерство	180.267,019 р.	33,84
Государственный долгъ	108.417,987 »	20,35
Министерство финансовъ	66.266,446 »	12,44
Министерство внутреннихъ дѣлъ	53.468,391 »	10,03
Морское министерство	25.038,381 »	4,70
Министерство госуд. имуществъ	19.042,177 »	3,57
Министерство путей сообщенія	17.018,350 »	3,19
Министерство народнаго просвѣщ.	15.153,507 »	2,84
Министерство юстиціи	14.340,226 »	2,70
Вѣдом. святѣйшаго синода	9.784,962 »	1,84
Министерство двора	9.029,099 »	1,70
Управленіе Закавказскаго Края	7.025,903 »	1,32
Министерство иностранныхъ дѣлъ	2.927,243 »	0,55
Государственный контроль	2.155,021 »	0,40
Высшія государств. учрежденія	1.982,643 »	0,37
Государственное коннозаводство	787,765 »	0,15
		0,02 учеч. др
Итого	532.705,120 р.	100%

Одинъ только поверхностный взглядъ на эти цифры уже указываетъ, что распредѣленіе государственныхъ средствъ между отдѣльными вѣдомствами оставляетъ желать многаго. Въ самомъ дѣлѣ, на одну оборону государства опредѣляется $38^1/_2\%$ всѣхъ расходовъ; взиманіе доходовъ обходится болѣе 16%; а если исключить тѣ доходы, которые поступаютъ помимо министерствъ финансовъ и государственныхъ имуществъ, то это процентное отношеніе окажется еще менѣе выгоднымъ; наконецъ, государственный долгъ поглащаетъ болѣе 20 процентовъ. Указанныя нами три статьи поглощаютъ три четверти бюджета, и на всѣ остальные расходы остается только одна четвертая часть. Изъ этой послѣдней части двѣ пятыхъ затрачивается на содержаніе министерства внутреннихъ дѣлъ, къ которому также отнесены нѣкоторые расходы по взиманію доходовъ, и только 15% общей суммы идетъ собственно на удовлетвореніе всѣхъ другихъ необходимыхъ потребностей государственной жизни.— Очевидно, что такое распредѣленіе общаго бюджета ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ состояніи удовлетворить существующія потребности, и сверхсметные кредиты явятся непремѣнно. Предположеніе это оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что расходы по министерству финансовъ на текущій годъ, въ сравненіи съ нормальными его потребностями въ теченіи предыдущаго пятилѣтія, уменьшены значительно. Въ среднемъ выводѣ, эти расходы за истекшее пятилѣтіе, по отчету государственнаго контроля за 1874-й годъ, превышаютъ 90 мил. рублей, въ послѣдній же годъ доходили до 100 мил. рублей вмѣстѣ съ оборотными расходами; между тѣмъ, по сметѣ они предположены только въ 66 мил. руб. за исключеніемъ оборотныхъ, предположенныхъ въ размѣрѣ 18 мил. Очевидно, что министерство финансовъ ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи будетъ обойтись тѣми кредитами, которые предположены въ сметѣ. Сократить расходы разомъ на 16% положительно невозможно, какъ бы ни было велико желаніе достигнуть этой цѣли. Я позволяю себѣ высказать такое предположеніе на томъ простомъ основаніи, что операціонные расходы министерства вовсе не такъ велики, чтобъ оно могло сдѣлать въ нихъ значительную экономію, а уменьшать личный составъ служащихъ или ихъ содержаніе противъ утвержденныхъ штатовъ у насъ не въ обычаѣ, да и министерство не имѣетъ на это никакого права. На этомъ основаніи, мы думаемъ, что равновѣсіе доходовъ и расходовъ по государственной росписи на 1876 й годъ совершенно фиктивное, и въ подтвержденіе нашей мысли мы можемъ привести слѣдующія цифры. На 1874 годъ, по сметѣ министерства финансовъ, назначено было 71 мил. рублей на потребности министерства и 6 м. на счетъ возврата изъ другихъ источниковъ. Этой цифры оказалось далеко недостаточно, вслѣдствіе чего министерству открыто было сверхсметныхъ кредитовъ на $25^1/_2$ мил. руб. Изъ этой послѣдней цифры $10^1/_2$ мил. руб. на потребности собственно

министерства и 15 мил. на расходы съ возвратомъ изъ другихъ источниковъ, то есть не имѣющіе никакого вліянія на отношеніе доходовъ къ расходу. Поэтому на потребности министерства всего было ассигновано 81½ мил. и издержано 79½ мил. Между тѣмъ, на 1876 годъ назначено 66 мил.; поэтому, даже принимая въ соображеніе три милліона, перенесеные въ смету военнаго министерства, назначеніе 1876 года уменьшено на 10½ мил. рублей, которые и составятъ непремѣнный дефицитъ, не считая тѣхъ сверхсметныхъ расходовъ, которые могутъ потребоваться по другимъ вѣдомствамъ. Что эти сверхсметные расходы по другимъ вѣдомствамъ необходимо должны возникнуть—приведу слѣдующія соображенія. По высшимъ государственнымъ учрежденіямъ кредитъ назначенъ менѣе 2 мил. руб., между тѣмъ какъ расходъ этотъ за 8 лѣтъ, съ 1867 по 1874 годъ, въ среднемъ выводѣ, представляетъ цифру болѣе 2½ мил. рублей и постоянно превышалъ сметное назначеніе отъ 24 до 40% такъ, что нѣтъ никакого основанія предполагать, что онъ будетъ и въ текущемъ году менѣе 2½ мил. руб. По министерству двора сметный расходъ предположенъ въ 9 мил. Между тѣмъ, въ среднемъ выводѣ, за тѣ же 8 лѣтъ расходъ этотъ превышаетъ 11 мил. руб., а за два послѣдніе года средняя его цифра равняется 12½ мил. руб. — По министерству государственныхъ имуществъ сметное назначеніе предположено въ 19 мил. Между тѣмъ, за 1874 годъ расходъ превышалъ 20 мил., и нѣтъ основанія предполагать, чтобъ онъ могъ сократиться. Наконецъ, по министерству путей сообщенія пособіе обществамъ желѣзныхъ дорогъ на уплату гарантированнаго дохода предположено только въ цифрѣ 7.000.000 рублей, тогда какъ все заставляетъ думать, что эта цифра будетъ далеко недостаточна. Въ апрѣльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» я указалъ на причины уменьшенія этой цифры расходовъ въ 1874 году; въ 1875 году эта цифра, конечно, увеличилась, какъ потому, что зачетовъ уже не дѣлалось, такъ и потому, что общій валовой сборъ съ желѣзныхъ дорогъ, въ сравненіи съ 1874 годомъ, уменьшился; въ настоящемъ же 1876 году валовой сборъ съ желѣзныхъ дорогъ недостигаетъ не только цифры 1874 года, но даже менѣе, чѣмъ доходъ за то же время съ 1875 года; слѣдовательно, приплата гарантіи должна значительно возрости и, конечно, будетъ не менѣе 10 мил. рублей серебромъ. Такимъ образомъ, предусматриваемый нами сверхсметный расходъ въ текущемъ году долженъ быть въ 18½ мил. руб., не считая могущихъ возникнуть по другимъ вѣдомствамъ непредвидѣнныхъ потребностей. А если мои соображенія по доходамъ, изложенныя въ предыдущихъ статьяхъ, основательны и возвышенія ихъ, сравнительно съ сметнымъ предположеніемъ 1876 года, ожидать нельзя, то эта цифра сверхсметныхъ расходовъ должна составить дефицитъ.

Повидимому, въ моихъ предположеніяхъ о сверхсметныхъ расходахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго и, если расходы въ тече-

ніи послѣднихъ лѣтъ достигали этихъ цифръ, то мнѣ кажется, что не только нѣтъ никакихъ основаній предположить ихъ уменьшеніе, но необходимо допустить, что они превысятъ эти цифры, въ особенности, если принять въ соображеніе прогрессивное возвышеніе всѣхъ вообще расходовъ, на что я указывалъ въ февральской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Если разсматривать такимъ образомъ сметное изчисленіе расходовъ на 1876-й годъ въ связи съ отчетами государственнаго контроля, то невольно представляется вопросъ: на какомъ основаніи указанныя цифры расхода уменьшены даже противъ дѣйствительной потребности, на которую указываетъ опытъ нѣсколькихъ предыдущихъ лѣтъ? Съ особенною же яркостью этотъ вопросъ выступаетъ по расходамъ министерства финансовъ, вслѣдствіе столь значительнаго уменьшенія необходимой цифры расходовъ. Неужели такое уменьшеніе нужно для того только, чтобъ свести государственную роспись безъ дефицита? Изъ публикаціи за 9 лѣтъ отчетовъ государственнаго контроля положительно извѣстно, что безъ значительнаго количества сверхсметныхъ расходовъ не обходится ни одно дѣйствительное исполненіе государственной росписи. Въ среднемъ выводѣ за 9 лѣтъ, съ 1866 по 1874 годъ включительно, сверхсметные кредиты превышаютъ 33 мил. рублей въ годъ и, хотя за 1874 годъ они уменьшились до 23 мил., но въ виду значительнаго ограниченія расходовъ по нѣкоторымъ сметнымъ назначеніямъ на текущій годъ, ограниченій, неоправдываемыхъ примѣромъ прежнихъ лѣтъ, очень возможно предполагать, что размѣръ ихъ повысится до средней цифры истекшаго десятилѣтія, и общая цифра расхода будетъ никакъ не менѣе 565 мил. Къ этому мы должны быть готовы.

Чтобъ составить правильное понятіе о значеніи указаннаго распредѣленія, мы постараемся сравнить цифры нашихъ расходовъ съ бюджетами главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, такъ какъ всѣ наши понятія могутъ быть только результатомъ сравненія. Цифры общаго расхода при переводѣ на франки на 187⁵/₆ представляются въ слѣдующемъ видѣ: во Франціи ассигновано 2,945 мил., въ Англіи 1,873 мил., въ Россіи 1757 мил. (принимая рубль по курсу 330 сант.) и въ Австро-Венгріи 1,591 милліонъ. Такимъ образомъ, бюджеты этихъ четырехъ государствъ, если расходъ Австро-Венгріи принять за единицу, будутъ находиться въ слѣдующемъ отношеніи 1 : 1,10 : 1,17 : 1,85. Мы не беремъ для сравненія расходовъ Пруссіи на томъ основаніи, что часть ихъ отнесена на общегерманскій бюджетъ, а послѣдній носитъ совершенно особый характеръ, не допускающій сравненія съ другими бюджетами.

Отъ этихъ общихъ цифръ перейдемъ къ частностямъ. Государственный долгъ вездѣ, кромѣ Пруссіи, составляетъ значительную цифру расхода. Въ прежнее время, долгъ Англіи занималъ первое мѣсто; но послѣ франко-прусской войны долгъ Франціи превысилъ долгъ Англіи нетолько абсолютной циф-

рою, но и по отношенію къ общей цифрѣ расходовъ. По послѣднимъ извѣстнымъ бюджетамъ, изъ общей суммы расходовъ платежи эти составляютъ во Франціи 1,150 мил. или 39%; въ Англіи—675 мил. или 36%; въ Австро-Венгріи почти 360 мил. или 23,3; въ Россіи—357 мил. или 20,3; въ Пруссіи же менѣе 8%. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что долгъ Англіи завѣщанъ ей тѣмъ временемъ, когда она вела борьбу на жизнь и смерть съ Наполеономъ I, и, при существующихъ условіяхъ дешевизны капиталовъ въ странѣ, Англія не находитъ нужнымъ погашать этотъ долгъ, а всѣ излишки доходовъ надъ расходами употребляетъ на пониженіе налоговъ. Долги Франціи увеличились на сумму почти въ 10 милліардовъ франковъ за послѣднюю войну, и проценты по этимъ займамъ составляютъ до 520 мил., такъ что, за ихъ исключеніемъ, платежи по долгамъ Франціи составляли бы только 26% ихъ общей суммы расходовъ, несмотря на то, что режимъ Наполеона III обошелся Франціи недешево. Такимъ образомъ, хотя нашъ государственный долгъ поглощаетъ меньшую часть нашего бюджета, чѣмъ долгъ Франціи, Англіи и Австріи, но не идетъ ни въ какое сравненіе съ долгомъ Пруссіи. Долгъ Австріи превышаетъ долгъ Россіи на незначительную цифру, несмотря на то, что эта держава, въ теченіи послѣдняго времени, имѣла двѣ войны, которыя повлекли за собою значительныя издержки, между тѣмъ какъ Россія въ это время пользовалась совершеннымъ спокойствіемъ. При этомъ, необходимо замѣтить, что въ эту цифру долговъ Россіи не входитъ долгъ государственному банку за кредитные билеты и по ликвидаціи кредитныхъ установленій, который превышаетъ 660 мил. рублей. Если мнѣ возразятъ, что Австрія имѣетъ также свой долгъ за выпущенныя ассигнаціи, то на это я скажу, что такой долгъ въ Австріи доходитъ только до 134 мил. флориновъ, что составитъ 84.402,000 рублей, т. е. почти одну седьмую часть нашего безпроцентнаго долга за кредитные билеты. Еслибы вышеозначенный долгъ нашъ былъ консолидованъ, то онъ повлекъ бы за собою расходъ, по крайней мѣрѣ, въ $5^1/_2$%, т. е. болѣе 36 мил. рублей, и такимъ образомъ нашъ расходъ на проценты и погашеніе возвысился бы съ $^1/_5$ до $^1/_4$ всѣхъ расходовъ. Такое положеніе нашихъ государственныхъ долговъ, несмотря на 20-лѣтній періодъ мира, вовсе не можетъ быть признано благопріятнымъ.

Но главною статьей расхода въ нашемъ бюджетѣ представляется расходъ на военныя потребности. Къ этого рода издержкамъ слѣдуетъ отнести 180 мил. расходовъ по военному министерству и 25 мил. по морскому. Кромѣ того, сюда же слѣдуетъ отнести нѣкоторые расходы по министерству финансовъ: такъ, изъ числа 24 мил. рублей, назначенныхъ на пенсіи, двѣ трети, конечно, выдается отставнымъ военнымъ и морскимъ офицерамъ; около 2 мил. предполагается на расходы по призыву и пріему новобранцевъ въ войска; наконецъ, около $4^1/_2$ мил. выдается на

пенсіи и пособіе отставнымъ и безсрочно отпускнымъ нижнимъ чинамъ (см. отчетъ госуд. контр. стр. 306 и 307). Такимъ образомъ, всѣхъ расходовъ, относящихся къ оборонѣ государства, у насъ насчитывается до 227½ мил. рублей, что составитъ 42,7% изъ общей суммы расходовъ. Посмотримъ теперь какъ возрастали эти цифры въ послѣднее десятилѣтіе, несмотря на то, что Россія пользовалась совершеннымъ спокойствіемъ и ей ни съ какой стороны не угрожало нападеніе. Нижеозначенная таблица представляетъ сумму всѣхъ расходовъ на военныя потребности по тремъ министерствамъ: военному, морскому и финансовъ.

	Годы.	Общая сумма расхода.	Излишекъ въ сравненіи съ 1867 годомъ.	Процентное отношеніе къ общей суммѣ расхода.
цифры изъ отчета государственнаго контроля.	1867	158.161,269		37,2%
	1868	167.954,190	9.792,931	37,9%
	1869	181.596,994	23.435,725	38,2%
	1870	185.614,984	27.453,715	38,2%
	1871	199.296,240	41.134,971	39,8%
	1872	216.020,658	57.859,389	41,3%
	1873	218.582,446	60.421,177	40,5%
	7874	218.263,755	60.102,486	40,1%
по сметнымъ предположеніямъ	1875	221.629,777	63.448,508	40,4%
	1876	227.828,400	69.667,131	40,7%
		1.994.968,722	413.356,032	

Процентное отношеніе расходовъ на военныя потребности за 1876 годъ для сравнительной таблицы взято мною къ общей суммѣ расхода, безъ исключенія оборотныхъ расходовъ, такъ какъ цифра этихъ расходовъ въ отчетѣ государственнаго контроля отдѣльно не показана. Но если эту цифру, какъ не составляющую дѣйствительнаго расхода, исключить по росписи 1876 года, то это отношеніе будетъ, какъ и указано мною выше, 42,7%.

Вышеприведенныя цифры, и въ особенности ихъ итогъ, могутъ заставить невольно задуматься въ виду ихъ громадности. Наши военныя издержки, въ теченіи 10-ти лѣтъ, выросли на 44% въ сравненіи съ 1867 годомъ: мы издержали за это время на наши военныя нужды около двухъ милліардовъ рублей. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что возрастала нетолько цифра этихъ издержекъ, но и ихъ отношеніе къ общей цифрѣ расходовъ такъ, что наши такъ-называемые производительные расходы возросли далеко не въ той пропорціи, въ какой непроизводительные. Сумма всѣхъ остальныхъ расходовъ въ 1867 году составляла 276.742,721 рублей, а въ 1876 году она составляла 331.329,829 руб., такъ что, въ теченіи девяти лѣтъ, эти расходы не возвысились и на 20%, тогда какъ непроизводительные возросли, какъ мы видѣли выше, на 44%, т. е. почти на 5% въ годъ. Въ 1867 году, послѣдніе составляли 37,2% въ общей суммѣ расхода, а въ 1876 году 40,7%; слѣдовательно, настоящее наше финансовое положеніе представляется въ менѣе благопріятномъ видѣ, нежели въ

1867 году. Намъ могутъ возразить, что возрастаніе военныхъ бюджетовъ замѣчается и въ другихъ государствахъ и что Россія по необходимости должна слѣдовать ихъ примѣру. Въ виду такого возраженія, мы представляемъ сравнительную таблицу военныхъ издержекъ по сметамъ за 1875—76 годъ въ милліонахъ франковъ [1].

	Общая сумма расхода.	Военныя издержки.	Процентное отношеніе двухъ цифръ.
Франція. . .	2,945	667	22,6%
Англія . . .	1,873	647	34,5%
Россія . . .	1,757	750	42,7%
Австрія . . .	1,591	303	19
Пруссія . . .	1,142	288	25

Для Пруссіи я выдѣлилъ изъ общихъ военныхъ издержекъ Германіи, составляющихъ 497 мил. фр., 288 пропорціонально населенію, полагая въ Германіи 41 мил., а въ Пруссіи 24 мил. Изъ этой таблицы усматривается, что, если цифру военныхъ издержекъ Пруссіи принять за единицу, то Австрія издерживаетъ 1,05, Англія—2,25, Франція—2,31 и Россія 2,60. Такимъ образомъ, по цифрѣ военныхъ издержекъ Россія стоитъ на первомъ мѣстѣ изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, и ея военныя издержки превышаютъ издержки Пруссіи болѣе, чѣмъ въ 2½ раза, а издержки Австріи немногимъ менѣе 2½ разъ, несмотря на то, что общая сумма расходовъ въ Россіи менѣе, чѣмъ во Франціи и въ Англіи. Если же взять процентное отношеніе военныхъ издержекъ къ общей суммѣ расходовъ, то Россія окажется также на первомъ мѣстѣ; затѣмъ идетъ Англія, Франція, Пруссія и, наконецъ, Австрія. Отсюда оказывается, что самая умѣренная страна по своимъ военнымъ издержкамъ есть Австрія, несмотря на то, что ея оборонительная линія представляется едва ли не самою большею изъ всѣхъ и, къ тому же, разнородность ея составныхъ элементовъ, повидимому, требовала бы содержанія болѣе значительныхъ военныхъ силъ. Что̀ касается Пруссіи, то, несмотря на прославленный милитаризмъ этого государства, оказывается, что ея военныя издержки сравнительно съ тратами другихъ государствъ менѣе всѣхъ. Отсюда прямо слѣдуетъ, что не примѣръ Европы увлекаетъ наше отечество на пути вооруженій и что, въ этомъ отношеніи, мы идемъ впереди другихъ государствъ, по крайней мѣрѣ, судя по средствамъ, на это употребляемымъ. Если же мы не въ состояніи достигать тѣхъ результатовъ, какихъ достигаетъ, напримѣръ, Германія, то это зависитъ не отъ недостатка денежныхъ средствъ. Значительность расходовъ Англіи объясняется тѣмъ, что ея армія состоитъ изъ вольнонаемныхъ лицъ, получающихъ гораздо бо̀льшее жалованье въ сравненіи съ

[1] Всѣ цифры заграничныхъ бюджетовъ, взятые мною изъ Almanach de Gotha, 1876 года.

нижними чинами другихъ армій, служба въ которыхъ составляетъ повинность, а также значительнымъ количествомъ морскихъ силъ, содержаніе которыхъ обходится много дороже. Понятно, что и Франція, въ настоящее время, должна была увеличивать свои военныя издержки, во-первыхъ, для пополненія убыли въ вооруженіи, вслѣдствіе плѣненія въ послѣднюю войну трехъ ея армій и капитуляціи двухъ первокласныхъ крѣпостей и Парижа, и, во-вторыхъ, съ цѣлію устроить новую оборонительную линію вдоль новой германской границы. Ничего подобнаго нѣтъ для объясненія громадности нашихъ военныхъ издержекъ, и наши траты обыкновенно объясняются пространствомъ Россіи длиною русской пограничной линіи и, вслѣдствіе этого, необходимостію содержать значительное количество военныхъ силъ. Но едва ли этотъ аргументъ въ состояніи выдержать критику. Прежде всего, необходимо замѣтить, что численный составъ нашей арміи едва ли значительно измѣнился въ сравненіи съ 1867 годомъ, а между тѣмъ, издержки военнаго министерства того времени доходили только до 127 мил. руб.; да еслибы и дѣйствительно численность арміи увеличилась, то это могло бы повліять только на одну треть военныхъ расходовъ, а именно: на расходы по обмундированію, снаряженію и продовольствію арміи. Изъ отчета государственнаго контроля за 1867 годъ оказывается, что всѣ расходы на обмундированіе, снаряженіе, продовольствіе и фуражъ для арміи простирались до 57 мил. рублей; по сметѣ же на 1876 годъ назначено на эти расходы всего 65 мил.—стало быть, расходы эти возросли всего на 8 мил. руб., т. е. на 14% не болѣе, что̀ и объясняется простымъ возвышеніемъ цѣнъ на предметы довольствія. Если вычесть эти издержки изъ числа расходовъ по военному вѣдомству за 1867 и 1876 годы, оказывается, что всѣ остальные расходы возросли съ 70 на 125 мил., или на 78½%. Цифры эти говорятъ сами за себя безъ всякихъ разъясненій и указываютъ прямо на неудовлетворительный способъ опредѣленія и исполненія нашихъ военныхъ потребностей. Германія, издерживая сумму не многимъ болѣе половины той суммы, которую издерживаетъ Россія, находитъ возможнымъ выставить въ поле, въ теченіи мѣсяца, армію числомъ около милліона; между тѣмъ, у насъ въ обществѣ постоянно говорятъ, что война для насъ, въ настоящую минуту, несвоевременна, такъ какъ мы еще не готовы, несмотря на то, что въ 20 лѣтъ мирнаго времени можно было приготовиться, да и денегъ для достиженія этой цѣли употреблено не мало. Точно также несостоятеленъ аргументъ, указывающій на длину нашей оборонительной линіи. Эта линія представляетъ только нашу западную границу отъ Одессы до Мемеля, и, конечно, по линіи желѣзныхъ дорогъ не составитъ и 1,500 верстъ. Всѣ другія наши пограничныя линіи или вовсе не требуютъ защиты сухопутной арміи, или требуютъ военныхъ силъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Если сравнить эту линію съ границами Австріи или Германіи, то по-

слѣднія окажутся гораздо длиннѣе, такъ какъ Австрія можетъ подвергнуться нападенію со всѣхъ сторонъ, а Германія—съ запада, юга и востока.

Отсюда прямо видно, что, какъ ни много заботятся въ Западной Европѣ объ усиленіи вооруженій, но ни въ одномъ изъ государствъ не тратится на этотъ предметъ болѣе, чѣмъ оно въ силахъ по состоянію своихъ финансовъ. При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что центръ тяжести западно-европейскихъ бюджетовъ опирается на имущества и доходы отъ нихъ; у насъ же точкою опоры служитъ трудъ, а потому и расходы эти у насъ представляются болѣе обременительными. Еслибъ въ Западной Европѣ смотрѣли на необходимость и неотложность военныхъ издержекъ такъ же, какъ смотрятъ у насъ въ Россіи, то Франція должна бы прибавить къ своимъ военнымъ издержкамъ 390 мил. франковъ; Австрія—376 мил., Пруссія—199 мил. и Англія—152 мил.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что нашъ военный бюджетъ далеко намъ не по средствамъ, въ особенности въ виду обременительнаго распредѣленія у насъ податныхъ тягостей. Всѣ европейскія державы находятъ возможнымъ увеличивать свои оборонительныя средства, нетолько не затрачивая такого громаднаго процента изъ своего бюджета, но и далеко не достигая въ своихъ издержкахъ той цифры, которую тратитъ наше военное вѣдомство. Я бы не имѣлъ никакихъ возраженій противъ усиленія нашихъ вооруженій, еслибъ наша военная администрація находила возможнымъ производить улучшеніе нашихъ оборонительныхъ средствъ на счетъ экономіи въ издержкахъ безполезныхъ или менѣе полезныхъ, не возвышая общей цифры расходовъ въ такой значительной степени. Но дѣло въ томъ, что наши безполезные или малополезные расходы нетолько не уменьшаются, но увеличиваются, и, вслѣдствіе этого, всѣ необходимыя улучшенія требуютъ все новыхъ и новыхъ средствъ. Что въ нашемъ военномъ бюджетѣ такіе непроизводительные расходы есть, въ этомъ можно убѣдиться при самомъ поверхностномъ взглядѣ на общія цифры государственной росписи. Достаточно указать, что стоимость содержанія центральной и мѣстной администраціи военнаго вѣдомства возвысилась противъ прошлаго года болѣе, чѣмъ на 700 т. рублей и потребовала кредита болѣе, чѣмъ въ 9 мил. рублей. Но при этомъ необходимо принять въ соображеніе, что въ цифрѣ расходовъ на содержаніе администраціи не введены издержки на командировки, эстафеты и депеши, которыя производятся изъ особо назначенной суммы; также изъ особо назначенной суммы производятся награды и пособія. На эти двѣ статьи по сметѣ назначено до 10 мил., и, конечно, добрая доля этихъ суммъ тратится на администрацію военнаго вѣдомства. Точно также, наемъ, отопленіе и освѣщеніе и содержаніе зданій, занимаемыхъ административными учрежденіями и лицами военнаго министерства, производятся на счетъ особо ассигнованныхъ суммъ

въ размѣрѣ 8 мил. руб. Мы не можемъ выдѣлить изъ общихъ расходовъ на эти предметы траты административныхъ мѣстъ и лицъ, но полагаемъ, что одна треть ихъ, отнесенная къ издержкамъ администраціи, не будетъ преувеличенною; вслѣдствіе этого, общая сумма административныхъ издержекъ должна увеличиться, по крайней мѣрѣ, на шесть милліоновъ, и, слѣдовательно, административные расходы будутъ превышать 15 мил. рублей или 50 мил. франковъ.

Переходя къ частностямъ военно-сухопутныхъ административныхъ расходовъ, невольно представляется вопросъ: для чего, напримѣръ, требуется центральное и нѣсколько окружныхъ интендантскихъ управленій? Развѣ каждая отдѣльная часть войска не могла бы содержать себя и заготовлять себѣ какъ провіантское, такъ и вещевое довольствіе на мѣстахъ своей стоянки, безъ всякаго посредничества чиновъ интенданства, а подъ контролемъ начальствующихъ отдѣльными частями лицъ? Около 600 т. жителей столицы, напримѣръ, довольствуется какъ провіантомъ, такъ и всѣми необходимыми для нихъ предметами, и никакое вѣдомство не заботится объ этомъ довольствіи, а между тѣмъ, жители столицы не чувствуютъ никогда никакого недостатка нетолько въ продовольствіи, но и въ предметахъ самой изысканной роскоши. На какомъ же основаніи представляется необходимымъ для какихъ-нибудь 100 т. войска, расположеннаго въ Петербургскомъ Округѣ, имѣть цѣлое вѣдомство и особыхъ подрядчиковъ, обязанныхъ поставлять нетолько провіантъ, но и разные предметы вещеваго довольствія? Извѣстный нынѣ банковый дѣятель, а прежде бывшій откупщикъ, слѣдовательно, человѣкъ практическій, Василій Александровичъ Кокоревъ, въ своей рѣчи, въ качествѣ гражданскаго истца по дѣлу Овсянникова, какъ нельзя лучше доказалъ весь вредъ оптовыхъ контрактовъ для заготовленія провіанта. Не говоря уже о томъ, что, вступая въ такіе договоры съ частными лицами на нѣсколько лѣтъ впередъ, казна необходимо должна преждевременно затрачивать огромныя суммы какъ на задатки, такъ и на срочныя уплаты на мѣстахъ заготовленія, и такимъ образомъ принимать на себя нетолько проценты на этотъ капиталъ, но и страхъ по сплаву провіанта, такое монопольное право на заготовленіе провіанта или другихъ потребностей войскъ, расположенныхъ въ цѣломъ военномъ округѣ, въ рукахъ одного лица устраняетъ всякую конкурренцію мелкихъ капиталистовъ и позволяетъ ему установлять цѣны нетолько въ мѣстахъ заготовленія, но и въ мѣстахъ доставки, такъ какъ такія громадныя операціи не могутъ не имѣть вліянія на рынокъ. А сколько притѣсненій терпятъ другіе торговцы въ виду преимуществъ, предоставленныхъ судамъ, идущимъ съ казеннымъ хлѣбомъ? Вообще говоря, сосредоточеніе всякихъ заготовокъ для значительнаго количества войскъ въ рукахъ нѣсколькихъ только лицъ необходимо ведетъ къ возвышенію цѣнъ для казны и къ пониженію ихъ на рынкахъ заготовленія, такъ что крупные казенные по-

дряды представляютъ собою двоякое зло. Вся выгода подрядчиковъ состоитъ въ той разницѣ, которая бываетъ между цѣнами на мѣстахъ производства и мѣстахъ поставки, и разумѣется, что всѣ ихъ старанія состоятъ въ томъ, чтобы вызвать эту разницу въ значительныхъ размѣрахъ. Достигнуть этой цѣли, заручившись значительнымъ казеннымъ подрядомъ, весьма легко. При громадныхъ заготовленіяхъ, казенному подрядчику стòитъ лишь распустить слухъ, что онъ не будетъ покупать на томъ или другомъ рынкѣ—и цѣны непремѣнно упадутъ. Но, кромѣ этихъ невыгодныхъ для страны послѣдствій, вызываемыхъ крупными подрядами, есть еще и другія, болѣе вредныя. Они состоятъ въ томъ, что, занимаясь поставками на громадныя суммы, лица эти имѣютъ возможность деморализовать пріемщиковъ, входя съ ними въ различныя соглашенія. Не буду говорить о всѣмъ извѣстныхъ сдѣлкахъ насчетъ пониженія качества товара или о выдачахъ денегъ, вмѣсто товаровъ, но не могу обойти молчаніемъ подрядовъ, по которымъ требуется поставка многихъ различныхъ предметовъ. Въ такихъ контрактахъ количество каждаго вида поставокъ опредѣляется приблизительно на основаніи предварительныхъ соображеній; самая же поставка производится по особымъ нарядамъ, которые даются согласно съ дѣйствительною потребностью. Само собою разумѣется, что такой порядокъ исполненія контрактовъ даетъ возможность къ весьма вреднымъ и невыгоднымъ стачкамъ. Тѣ предметы поставки, которые въ дѣйствительности нужны въ незначительномъ количествѣ, опредѣляются по кондиціямъ на торгахъ въ бòльшемъ числѣ; тѣ же, которыхъ нужно много, въ кондиціяхъ исчисляются въ незначительныхъ количествахъ. Повѣрить это исчисленіе въ кондиціяхъ для начальствующихъ лицъ, при ихъ многосложныхъ занятіяхъ, нетолько трудно, но бываетъ иногда положительно невозможно. Между тѣмъ, всякое постороннее лицо, участвующее въ торгахъ, не въ состояніи сдѣлать значительной уступки на такихъ предметахъ, которыхъ требуется по контрактамъ много; но человѣкъ, которому секретъ составленія предварительныхъ предположеній извѣстенъ и который, притомъ, угоденъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ выдача нарядовъ, повыситъ цѣны на предметы, исчисленные въ кондиціяхъ въ маломъ числѣ, и уменьшитъ цѣны на тѣ предметы, число которыхъ въ кондиціяхъ увеличено. Въ общемъ выводѣ, цѣны, предложенныя этимъ лицомъ, всегда будутъ выгоднѣе цѣнъ, объявленныхъ добросовѣстно другими лицами, и, разумѣется, утвержденіе подряда всегда останется за нимъ. Но въ результатѣ явятся совершенно другія послѣдствія, если потребности измѣнятся, и тѣхъ вещей, которыхъ по контракту было опредѣлено мало, въ дѣйствительности потребуется много, и, наоборотъ — тѣхъ, которыхъ предполагалось къ поставкѣ много, потребуется гораздо менѣе. Если сравнить контракты съ дѣйствительнымъ ихъ ис-

полненіемъ, то часто встрѣчаются значительныя разницы, и пишущему эти строки не одинъ разъ встрѣчались подобные случаи.

Все это я говорю для того, чтобы указать вредъ оптовыхъ подрядовъ, въ особенности, если они заключаются на слишкомъ значительныя суммы. Всѣ подобныя мѣры для снабженія войскъ провіантомъ или вещевымъ довольствіемъ, быть можетъ, и были необходимы въ прежнее время. Но, съ тѣхъ поръ, какъ наши порты отпускаютъ значительное количество хлѣба за-границу, съ тѣхъ поръ, какъ наша торговля, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, изрѣзавшимъ Россію во всѣхъ направленіяхъ, развилась настолько, что вещевое довольствіе войскъ можетъ быть пріобрѣтаемо повсемѣстно, намъ кажется, что нѣтъ никакой надобности сохранять отдѣльное вѣдомство только для того, чтобы оно заботилось о снабженіи арміи провіантомъ и вещевымъ довольствіемъ. Каждая отдѣльная часть сама можетъ удовлетворить въ этомъ отношеніи своимъ потребностямъ, лишь бы она была снабжена на это средствами. Въ прежнее время, такой порядокъ опасались допускать потому, что хозяйство частей состояло въ распоряженіи ихъ командировъ, и они могли дурно продовольствовать и одѣвать людей. Но теперь, когда хозяйство частей вовсе не состоитъ въ исключительномъ распоряженіи ихъ начальниковъ, а лишь подъ ихъ контролемъ, тогда этого опасенія существовать не можетъ. Если нижніе чины будутъ знать то, что̀ имъ слѣдуетъ, и если хозяйство будетъ ведено артелью, подъ контролемъ офицеровъ и командира, то содержаніе будетъ и дешево, и хорошо. Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, въ особенности въ виду тѣхъ практическихъ опытовъ полковыхъ хозяйствъ, которые уже введены. Баснословные доходы полковыхъ командировъ, которые составляли притчу во языцѣхъ въ прежнее время, теперь немыслимы. Опытъ съ приварочными деньгами стоило бы только распространить на провіантское и вещевое довольствія, и тогда все интендантское вѣдомство сдѣлалось бы вовсе ненужнымъ. Намъ скажутъ, что нельзя отдѣльнымъ командамъ, во время войны, завѣдывать заготовленіемъ провіанта и вещеваго довольствія, а организовать, въ моментъ мобилизаціи арміи, интендантскую часть также невозможно. На это мы замѣтимъ, что въ каждомъ полку, въ каждой дивизіи и корпусѣ должны находиться офицеры, которымъ будетъ ввѣренъ надзоръ за хозяйствомъ и фактическій контроль. Вотъ вамъ и готовый контингентъ интендантства цѣлой арміи; контингентъ, который можетъ явиться на сборныхъ пунктахъ, конечно, гораздо ранѣе, чѣмъ войско. Если нужны примѣры изъ нашего прошлаго, то мы можемъ указать на ополченіе 1855 года. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, безъ всякой заботы со стороны интендантства, была сформирована, снабжена продовольствіемъ, обмундированіемъ и обозомъ армія въ 350,000 человѣкъ и, притомъ, 20 лѣтъ тому назадъ, когда желѣзныхъ дорогъ не су-

ществовало. Теперь же, при готовомъ составѣ чиновъ, завѣдующихъ хозяйствомъ отдѣльныхъ частей, нѣтъ ничего легче, какъ приготовить запасы въ сборныхъ пунктахъ. Еслибы мысль эта могла осуществиться и войскамъ на довольствіе пищею, амуниціей и фуражемъ отпускались бы деньги, то отсюда могла бы произойти экономія до 4,260,000 руб. въ годъ только отъ сокращенія расходовъ по содержанію личнаго состава и расходовъ на перевозки этихъ предметовъ. Но, кромѣ того, сократились бы издержки по командировкамъ какъ для наблюденія за заготовкою предметовъ довольствія, такъ и выдачи суммъ на мѣстахъ заготовленія. Такая экономія, въ теченіи, напримѣръ, 20-тилѣтняго мирнаго періода, со времени крымской войны, составила бы немалую сумму и, еслибы, при мобилизаціи арміи, потребовались и лишніе на этотъ предметъ расходы, то все же это было бы выгоднѣе, чѣмъ производить ежегодно расходъ болѣе, чѣмъ въ 4 мил. рублей. Мы не говоримъ уже о томъ пониженіи цѣнъ на предметы довольствія, которое явилось бы слѣдствіемъ устраненія крупныхъ подрядчиковъ и поставщиковъ и пріобрѣтенія всѣхъ нужныхъ предметовъ изъ первыхъ рукъ и простыхъ торговцевъ, не сдѣлавшихъ себѣ спеціальности изъ казенныхъ подрядовъ и поставокъ. Намъ скажутъ, что, при заготовкѣ въ разныхъ мѣстахъ, для военнаго вѣдомства трудно было бы контролировать заготовительныя цѣны, но намъ кажется, что со стороны военнаго вѣдомства нуженъ контроль лишь количества и качества предметовъ заготовленія, что̀ можетъ быть всегда производимо непосредственнымъ начальствомъ; что̀ же касается цѣнъ, то, государственный контроль, имѣя свои о̀рганы на мѣстахъ, нашелъ бы всегда возможность удостовѣриться въ правильности дѣйствій мѣстныхъ распорядителей хозяйственной частью, въ особенности, еслибы права̀ государственнаго контроля въ этомъ отношеніи были усилены. Впрочемъ, еслибы продовольствіе отпускалось въ видѣ кормовыхъ денегъ въ артели, на подобіе того, какъ это дѣлается съ приварочными деньгами, то повѣрка расходовъ по числу людей не представила бы никакой трудности; она производится и теперь.

То же или почти то же можно сказать и по инженерному вѣдомству. Мнѣ совершенно понятно, что военное вѣдомство должно имѣть извѣстный инженерный составъ въ крѣпостяхъ, извѣстныя инженерныя команды въ составѣ войскъ для постройки полевыхъ укрѣпленій или завѣдыванія понтонными мостами, походными телеграфами и т. д.; я понимаю также необходимость главнаго инспектора по инженерной части, съ извѣстнымъ при немъ штатомъ офицеровъ, для наблюденія за исправностью крѣпостныхъ работъ и инженерныхъ частей въ войскахъ; но я рѣшительно не понимаю, для чего нужны, напримѣръ, главное и окружныя инженерныя управленія, дистанціи, лица, не состоящія въ вѣдѣніи инженерныхъ округовъ и, наконецъ, смо-

трители казармъ. Если мнѣ скажутъ, что нужно же кому-нибудь завѣдывать казенными зданіями военнаго вѣдомства, то я позволю себѣ замѣтить, что зданіями могутъ завѣдывать тѣ начальства, команды коихъ занимаютъ эти зданія. Если же для капитальныхъ ремонтныхъ работъ въ этихъ зданіяхъ нужны техники, то таковые есть на мѣстахъ, въ составѣ губернскаго управленія. Еслибы число таковыхъ оказалось недостаточно, то лучше увеличить штатъ губернскихъ архитекторовъ, чѣмъ сохранять особыя инженерныя учрежденія военнаго вѣдомства, съ единственною цѣлью содержанія въ порядкѣ зданій военнаго вѣдомства. Мнѣ кажется, что чины мѣстныхъ инженерныхъ управленій представляютъ собой совершенно *излишнюю необходимость*, какъ говаривалъ одинъ изъ моихъ пріятелей, и безъ нихъ можно было бы легко обойтись, что̀ повело бы за собой экономію нетолько въ расходахъ на содержаніе личнаго состава, но и въ расходахъ по ремонту зданій, такъ какъ, въ настоящее время, производятся многіе расходы только потому, что надо же что̀-нибудь дѣлать тѣмъ людямъ, которые состоятъ на службѣ. Мы видимъ, напримѣръ, здѣсь, въ Петербургѣ, громадное количество частныхъ зданій, которыми завѣдуютъ простые смертные и исполняютъ въ нихъ мелкій ремонтъ безъ всякихъ техниковъ, и только въ случаяхъ капитальныхъ перестроекъ приглашаютъ архитекторовъ. Но, ка̀къ только зданіе переходитъ въ казенное вѣдомство, то даже для перекраски крыши или стѣнъ нужно, необходимо, чтобы составлена была смета патентованнымъ архитекторомъ или инженеромъ и работа производилась подъ его наблюденіемъ. Не мудрено, что расходы такимъ образомъ увеличиваются съ каждымъ годомъ.

Что̀ меня еще болѣе поражаетъ въ сметѣ инженернаго вѣдомства, такъ это—то, что отопленіе и освѣщеніе зданій военнаго вѣдомства отнесено къ этой сметѣ. Почему это такъ—рѣшительно непонятно. Положимъ, устройство печей и ихъ размѣщеніе относится къ строительному искуству, но что̀ же общаго между устройствомъ печей и заготовкою дровъ. Это обыкновенное удовлетвореніе потребностей военнаго вѣдомства, повидимому, не требуетъ никакихъ техническихъ знаній и скорѣе можетъ быть отнесено къ хозяйственному, чѣмъ къ инженерному вѣдомству. Въ доказательство того, что это—дѣло чисто хозяйственное, о которомъ гг. инженеры, вѣроятно, по спеціальности своихъ знаній, не могутъ сдѣлать правильнаго заключенія, я могу указать на тѣ нормы для отпуска матеріаловъ отопленія, которыя до сихъ поръ остаются въ нашемъ законодательствѣ, повидимому, безъ всякаго соображенія съ дѣйствительной потребностью. Въ сводѣ военныхъ законовъ, а также въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ, количество дровъ для отопленія жилыхъ помѣщеній опредѣляется по количеству печей, полагая по одной сажени 12-ти-вершковыхъ или по $^1/_3$ трехполѣнныхъ дровъ на печку на весь зимній періодъ времени, т. е. для сѣ-

верной Россіи на 7 мѣсяцевъ. Такая норма существуетъ съ незапамятныхъ временъ и, вѣроятно, была введена въ то время, когда печи устраивались самымъ допотопнымъ образомъ. Въ настоящее же время, уже давно извѣстно, что количество топлива должно сообразоваться не съ количествомъ печей, а съ количествомъ нагрѣваемаго пространства и, сверхъ того, и самое устройство печей улучшилось настолько, что онѣ утилизируютъ гораздо болѣе употребляемое топливо. Въ настоящее время каждому извѣстно, что и печи далеко не одинаковы, что для большихъ комнатъ устроиваются большія печи въ меньшемъ числѣ, требующія, разумѣется, и бо̀льшаго количества дровъ, а въ малыхъ комнатахъ нужно бо̀льшее количество печей мѐньшихъ размѣровъ, требующихъ и мѐньшаго количества дровъ. Затѣмъ, всѣмъ хозяевамъ также извѣстно, что не всѣ зимніе мѣсяцы требуютъ одинаковаго количества топлива и что самыя большія печи, устраиваемыя въ жилыхъ квартирахъ въ Петербургѣ, не въ состояніи сжечь въ зиму семи сажень на печку даже здѣшнихъ 9-ти вершковыхъ мѣшаныхъ дровъ, не говоря уже о 12-ти-вершковыхъ и березовыхъ дровахъ. Въ бо̀льшей же части случаевъ, для отопленія жилыхъ помѣщеній вполнѣ было бы достаточно и половины положеннаго по закону количества отопленія, въ особенности, если отапливаемое зданіе устроено въ нѣсколько этажей. Все это вполнѣ извѣстно каждому хозяину, но остается вполнѣ неизвѣстно нашему инженерному вѣдомству, которое продолжаетъ отпускать топливо по прежнимъ правиламъ и не находитъ нужнымъ представить объ ихъ измѣненіи.

Ка̀къ ни громадно количество топлива, отпускаемаго казною для отопленія жилыхъ помѣщеній, но оно покажется ничтожнымъ, если сравнить его съ нормою, опредѣленною закономъ на приготовленіе пищи. Законъ опредѣляетъ на каждыхъ десять человѣкъ $2^2/_3$ сажени трехполѣнныхъ дровъ въ годъ. Такое назначеніе на десять человѣкъ дѣйствительно очень умѣренное и едва ли даже будетъ достаточно, если приготовленіе пищи будетъ производиться только на десять человѣкъ. Но, такъ какъ приготовленія пищи въ войскахъ для 10-ти человѣкъ никогда не бываетъ или бываетъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, въ огромномъ же большинствѣ случаевъ такое приготовленіе дѣлается для цѣлыхъ ротъ, баталіоновъ и полковъ, то значеніе этой нормы измѣняется, потому что съ увеличеніемъ числа людей потребность топлива для приготовленія пищи возрастаетъ въ ничтожныхъ размѣрахъ. Между тѣмъ, топливо отпускается по разсчету на каждыхъ 10 человѣкъ, хотя бы команды состояли изъ сотенъ и даже тысячъ нижнихъ чиновъ. Чтобы указать на размѣръ дѣйствительной потребности въ этомъ случаѣ, я приведу примѣръ устройства солдатскихъ кухонъ въ казармахъ, которыя мнѣ пришлось видѣть въ одной изъ нашихъ юговосточныхъ губерній. Въ нихъ приготовленіе пищи происходило на 1,200 человѣкъ. Въ нижнемъ этажѣ зданія устроены четыре-

кухни на четыре роты, изъ которыхъ въ каждой вдѣланы два котла съ отдѣльными топками для варки кушанья и большая хлѣбопекарная печь. Этихъ кухонъ было вполнѣ достаточно на 1,200 человѣкъ команды. Полагая наибольшее количество, которое можетъ сгорѣть въ одной топкѣ, а именно: двѣ сажени въ мѣсяцъ, на всѣ 12 топокъ приходится 24 сажени 12-ти вершковыхъ дровъ, между тѣмъ какъ, по закону, на 1,200 человѣкъ ежемѣсячно отпускалось 80 саженъ такихъ дровъ, т. е. болѣе, чѣмъ втрое противъ дѣйствительной потребности. При этомъ надо принять къ соображеніе, что я предположилъ по двѣ сажени въ мѣсяцъ для каждой топки, тогда какъ подъ котлами для варки кушанья такого количества сгорѣть никогда не можетъ, въ особенности при правильномъ устройствѣ топокъ.

Такимъ образомъ, на основаніи изложенныхъ соображеній, я могу смѣло сказать, что дѣйствительная потребность не превышаетъ и половины тѣхъ тратъ, которыя дѣлаются военнымъ вѣдомствомъ на отопленіе воинскихъ помѣщеній и приготовленіе пищи, а такъ какъ эти расходы, по сметѣ инженернаго вѣдомства, на основаніи отчета государственнаго контроля за 1874 годъ простирались до 3.800,000 руб., то возможная экономія отъ измѣненія нормъ отпуска топлива можетъ близко подходить къ двумъ милліонамъ.

Что въ подобныхъ предположеніяхъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, мы сошлемся на другое наше вѣдомство, а именно на IV отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, въ которомъ существуютъ совершенно иныя нормы на этотъ предметъ, едва ли не на половину меньшія въ сравненіи съ военнымъ вѣдомствомъ. Мы не имѣемъ этихъ нормъ въ настоящую минуту подъ руками, но можемъ вполнѣ завѣрить читателя, что это такъ. Если же эти нормы вполнѣ удовлетворительны для женскихъ учебныхъ заведеній, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что онѣ могутъ оказаться недостаточными для отопленія воинскихъ помѣщеній.

Что касается лагерныхъ потребностей, то расходы на отводы пастбищныхъ мѣстъ, по неопредѣленности законодательства въ этомъ отношеніи, всегда возбуждали недоразумѣнія какъ въ прежнихъ земскихъ учрежденіяхъ, такъ и въ послѣдствіи въ контрольныхъ палатахъ. Въ большинствѣ случаевъ, удовлетвореніе этой потребности производилось отпускомъ командамъ изъ государственнаго земскаго сбора извѣстной суммы денегъ почти въ безконтрольное распоряженіе, и только такимъ способомъ удовлетворенія этой потребности избѣгались пререканія между губернскимъ начальствомъ и военными командами.

Вообще, размѣръ всѣхъ кредитовъ на военныя потребности, прежде назначавшихся на счетъ пособій изъ государственнаго земскаго сбора, требуетъ весьма тщательнаго пересмотра, такъ какъ порядокъ назначенія ихъ сметами губернскихъ комитетовъ, нисколько не заинтересованныхъ въ ограниченіи этихъ

расходовъ, былъ крайне неудовлетворителенъ, и пишущій эти строки рѣшается обратить на это обстоятельство вниманіе тѣхъ лицъ, которымъ о томъ вѣдать надлежитъ, на томъ основаніи, что онъ, по прежней своей дѣятельности, былъ близко знакомъ съ хозяйствомъ бывшихъ особыхъ о земскихъ повинностяхъ присутствій.

Чтобы слова мои не показались голословными, я позволяю себѣ привести слѣдующее соображеніе. Размѣръ кредитовъ на расходы, производившіеся изъ государственнаго земскаго сбора, опредѣлялся, въ прежнее время, на основаніи сметныхъ предположеній, составлявшихся въ губернскихъ комитетахъ о земскихъ повинностяхъ; раскладка же общей суммы по имперіи производилась въ соединенномъ присутствіи министерствъ финансовъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. При такихъ условіяхъ, ни прежніе представители дворянства и купечества въ комитетахъ земскихъ повинностей, ни замѣнившіе ихъ потомъ члены комитетовъ не были заинтересованы въ ограниченіи размѣровъ заявленныхъ потребностей, такъ какъ всякая экономія для губерніи выражалась только въ соразмѣрной долѣ ея участія въ общей суммѣ сбора, тогда какъ расширеніе сметнаго предположенія на потребности губерніи удерживало въ предѣлахъ губерніи всю предположенную сумму. Такимъ образомъ, чѣмъ выше была сумма издержекъ изъ государственнаго земскаго сбора, тѣмъ выгоднѣе было для мѣстныхъ жителей, такъ какъ изъ общей суммы государственнаго сбора въ губерніи расходовалась бо̀льшая часть. Центральное же управленіе, не имѣя возможности вполнѣ точно опредѣлить дѣйствительный размѣръ потребностей, по необходимости, должно было соглашаться съ предположеніями мѣстныхъ комитетовъ. Такимъ образомъ, могли возникать потребности не только въ бо̀льшихъ размѣрахъ, но даже не вполнѣ оправдываемыя закономъ и, на основаніи сметныхъ исчисленій по государственному земскому сбору, заносились въ государственную роспись. Пишущій эти строки, будучи членомъ комитета, не разъ выслушивалъ на свои замѣчанія о возможности сокращенія нѣкоторыхъ потребностей отвѣты такого рода, что расходъ падаетъ на счетъ государственнаго земскаго сбора и что о его сокращеніи не сто̀итъ заботиться. Въ прежнее время, когда государственный земскій сборъ опредѣлялся въ размѣрѣ дѣйствительныхъ потребностей, нѣкоторое расширеніе этой сметы не представляло большаго затрудненія для министерства финансовъ, но въ настоящее время, когда государственный земскій сборъ присоединенъ къ общимъ доходамъ государства и не можетъ быть увеличиваемъ, какъ прежде, съ каждымъ трехлѣтіемъ, основаніе назначеній и необходимость точной провѣрки размѣровъ существующихъ потребностей пріобрѣтаютъ особое значеніе и не должны оставаться безъ особеннаго вниманія какъ со стороны министерства финансовъ, такъ и со стороны государственнаго контроля.

Все, что было мною сказано по поводу интендантскаго управленія еще съ бо̀льшею справедливостью можетъ быть отнесено и къ главному военно-медицинскому управленію, а равно и къ окружнымъ военно-медицинскимъ управленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему эта централизація военно-медицинскаго управленія? Неужели возможно себѣ представить, что главное и окружныя медицинскія управленія могутъ имѣть какой-нибудь надзоръ за полковыми и батарейными врачами и руководить ихъ дѣятельностью? Дѣятельность этихъ учрежденій есть чисто административная и ограничивается опредѣленіемъ, увольненіемъ и командировкою врачей, что̀ можетъ быть исполняемо общей военной администраціей, т. е. полковыми и дивизіонными штабами, такъ какъ для этого никакихъ медицинскихъ свѣдѣній не требуется. Даже дивизіонные врачи, и тѣ, какъ мнѣ кажется, составляютъ совершенно лишнюю мёбель, не приносящую никакой пользы дѣлу. Лица эти, занимая административныя должности въ продолженіи многихъ лѣтъ, нетолько совершенно теряютъ изъ виду постоянное развитіе науки, но забываютъ даже и практическіе пріемы леченія, а потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть руководителями молодыхъ врачей, у которыхъ всѣ научныя положенія еще на памяти. Вообще, медицина есть такой отдѣлъ научныхъ знаній, который идетъ впередъ съ каждымъ днемъ, и потому люди, оставившіе теоретическія занятія, не могутъ руководить молодыми силами. Кромѣ того, практическое леченіе есть до извѣстной степени искусство, при которомъ иногда и значительныя теоретическія свѣдѣнія не даютъ умѣнья правильно поставить діагнозъ болѣзни. Но пойдемъ далѣе; зачѣмъ, спрашивается, существуетъ, военно-медицинскій ученый комитетъ, когда рядомъ съ нимъ существуетъ совѣтъ медицинской академіи, въ которомъ каждый вопросъ, подлежащій теоретическому обсужденію, можетъ быть разрѣшенъ гораздо правильнѣе лицами вполнѣ компетентными? Зачѣмъ въ военномъ вѣдомствѣ имѣть аптечные магазины числомъ 9 и инструментальный заводъ, въ которыхъ только на содержаніе одного личнаго состава и ихъ канцелярскихъ потребностей издерживается почти 104 тысячи рублей? Всѣ потребности въ медикаментахъ военные госпитали могутъ заготовлять сами покупкою у с.-петербургскихъ и московскихъ дрогистовъ или въ значительныхъ аптекахъ по ихъ заготовительнымъ цѣнамъ. Что̀ же касается до рѣдкихъ медикаментовъ, которыя необходимо выписывать изъ за-границы, то таковыми могутъ они снабжаться изъ клинической аптеки медико-хирургической академіи, тѣмъ болѣе, что такихъ средствъ немного и они требуются въ очень незначительныхъ размѣрахъ. Что̀ же касается инструментальнаго завода, то, въ виду стоимости его содержанія, которое простирается до 48,700 руб., можно смѣло утверждать, что на эти деньги можно ежегодно снабжать врачей военнаго вѣдомства бо̀льшимъ количествомъ хирургическихъ инструментовъ, нежели это дѣлается, и притомъ тако-

го качества, какого едва ли въ состояніи достигнуть инструменты домашняго изготовленія.

Надо согласиться съ тѣмъ, что военное вѣдомство не можетъ оставить военно-медицинскую часть въ войскахъ безъ инспекціи людей въ этомъ отношеніи компетентныхъ. Но эта цѣль, какъ мнѣ кажется, можетъ быть достигнута гораздо дѣйствительнѣе и разумнѣе командировкой, въ каникулярное время, профессоровъ военно-медицинской академіи. Польза отъ такихъ командировокъ, смѣю надѣяться, была бы несомнѣнна, такъ какъ люди эти, при своихъ объѣздахъ, могли бы удостовѣряться ежегодно, насколько медицинская часть въ войскахъ соотвѣтствуетъ научнымъ требованіямъ и находится ли личный составъ врачей на уровнѣ его призванія. Подобная инспекція была бы въ высшей степени полезна и для полковыхъ врачей, которые могли бы, въ бесѣдахъ съ представителями науки, воспользоваться ихъ указаніями. Инспекція же въ экстренныхъ случаяхъ, въ теченіи года, могла бы производиться медицинскими чинами, состоящими для особыхъ порученій при министерствѣ и другихъ воинскихъ управленіяхъ.

Само собою разумѣется, что картина подобнаго устройства медицинской части въ арміи представляется мною только въ общихъ чертахъ и я вполнѣ убѣжденъ, что, это только châteaux en Espagne; но я рѣшился высказать эти мысли на томъ основаніи, что вполнѣ убѣжденъ въ совершенной безполезности, скажу болѣе, въ чрезвычайномъ вредѣ централизаціи медицинскаго управленія. Стремленіе подчинить дѣятельность врача надзору и стѣснить его самостоятельный образъ дѣйствій на практикѣ можетъ нетолько отозваться вредомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но и вызвать полную апатію въ немъ къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, такъ какъ подобное вмѣшательство устраняетъ совершенно или отчасти ту нравственную отвѣтственность, которая должна одушевлять каждаго врача при его практикѣ. Но это вмѣшательство еще болѣе гибельно на томъ основаніи, что высшіе медицинскіе чины, которымъ поручаются административныя обязанности дивизіонныхъ врачей или окружныхъ инспекторовъ, въ большинствѣ случаевъ, придерживаются прежнихъ теоретическихъ взглядовъ и незнакомы съ новѣйшими теоріями; а, исполняя въ продолженіи долгаго времени свои административныя обязанности, люди эти нетолько забываютъ науку, но отвыкаютъ даже отъ практики, а между тѣмъ, сохраняютъ претензію на авторитетность своихъ мнѣній. При такой обстановкѣ, у молодыхъ врачей, одушевленныхъ хорошими стремленіями, невольно опускаются руки и исчезаетъ всякая энергія.

Обращаясь къ экономической сторонѣ вопроса, скажу, что подобная реформа могла бы принести тоже значительную пользу, такъ какъ экономія отъ упраздненія центральныхъ и окружныхъ медицинскихъ управленій составитъ болѣе полумилліона рублей сере-

бромъ, а сумма на заготовленіе медикаментовъ въ 448 тысячъ рублей была бы употреблена съ бо̀льшею пользою госпиталями военнаго вѣдомства при самостоятельномъ заготовленіи каждымъ изъ нихъ потребныхъ средствъ.

Разсматривая расходы военнаго вѣдомства, я остановилъ вниманіе читателя только на нѣкоторыхъ изъ нихъ, къ которымъ могутъ быть примѣняемы общія административныя соображенія, и не касался всѣхъ другихъ расходовъ изъ опасенія высказать какія-либо ошибочные выводы за отсутствіемъ данныхъ для сужденія. Для правильнаго заключенія по заготовкамъ, напримѣръ, различныхъ потребностей, необходимо было бы имѣть въ виду нетолько заготовительныя цѣны, но и условія поставки, чего частное лицо подъ руками имѣть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, встрѣчая, какъ могъ замѣтить читатель, нехозяйственность распоряженій по нѣкоторымъ расходамъ въ различныхъ отрасляхъ военнаго управленія, по аналогіи необходимо придти къ заключенію, что недостатокъ бережливости можетъ встрѣчаться и въ другихъ расходахъ военнаго вѣдомства. Не говоря уже о разныхъ долгосрочныхъ договорахъ, мы напомнимъ читателю о томъ, ка̀къ часто при военныхъ управленіяхъ числятся лица безъ опредѣленныхъ занятій. Не безъизвѣстно также и то, что при гражданскихъ управленіяхъ состоятъ иногда лица военнаго вѣдомства, получающія содержаніе отъ военнаго министерства помимо тѣхъ окладовъ, которые имъ выдаются по гражданскому вѣдомству.

Не могу также не обратить вниманія читателя на двѣ статьи расходной сметы канцеляріи военнаго министра. Первая статья, это—вычеты изъ содержанія чиновъ военнаго вѣдомства, на которую, въ 1874 году, было израсходовано 1.734,848 руб. и предположено къ расходу на 1875 годъ 1.774,952 руб., а на 1876 годъ 1.843,831 руб. Признаюсь, я положительно не понимаю такой статьи. Согласно буквальному смыслу заголовка статьи, сумма эта должна бы представлять собою доходъ, а не расходъ, такъ какъ вычетъ заставляетъ предполагать, что часть подлежащей выдачѣ суммы остается въ казнѣ. Но она показывается дѣйствительнымъ расходомъ, слѣдовательно, не можетъ имѣть такого значенія. Для разъясненія этого недоразумѣнія можно было предположить, что суммы, подлежащія къ выдачѣ, исчисляются и заносятся въ сметы уже за подлежащими вычетами, а всѣ слѣдующіе вычеты въ общей суммѣ заносятся въ смету особой статьей и затѣмъ перечисляются согласно назначенію. Но такое объясненіе оказывается несостоятельнымъ, какъ потому что вычеты въ инвалидный капиталъ и въ эмеритальную кассу производятся только изъ дѣйствительно выданныхъ суммъ и не могутъ быть исчислены заранѣе, такъ какъ изъ числа предположенныхъ къ выдачѣ могутъ быть остатки, удержаніе съ которыхъ извѣстнаго процента не разрѣшено закономъ. Кромѣ того, въ приложеніяхъ къ сметамъ исчисленіе окладовъ бо̀льшею

частію встрѣчается въ круглыхъ числахъ, слѣдовательно, безъ удержанія подлежащихъ къ вычету процентовъ въ инвалидный капиталъ и эмеритальную кассу.

Вслѣдствіе означенныхъ соображеній, остается предположить, что установленные оклады выдаются безъ вычетовъ, а соотвѣтствующая сумма относится, помимо окладовъ, на общія средства государственнаго казначейства, и для подобныхъ расходовъ испрашивается вышеозначенный кредитъ. Подобное предположеніе имѣетъ основаніе, потому что въ нѣкоторыхъ опубликованныхъ штатахъ встрѣчается примѣчаніе, что суммы, исчисленныя штатами, назначаются къ выдачѣ безъ всякихъ вычетовъ. Если это такъ, то мнѣ бы казалось, что подобныя исключенія ни въ какомъ случаѣ не даютъ повода къ отнесенію равныхъ суммъ на счетъ государственнаго казначейства, а скорѣе могутъ служить основаніемъ къ тому заключенію, что лица, получающія по такимъ штатамъ содержаніе не имѣютъ права на пенсіи изъ эмеритальныхъ суммъ. Другого заключенія сдѣлать, повидимому, нельзя, и принятый порядокъ, если онъ ведется какъ я предположилъ выше, представляется отступленіемъ отъ существующаго общаго закона и несправедливостью въ отношеніи тѣхъ лицъ, съ которыхъ эти вычеты производятся. Если же вычетовъ изъ окладовъ служащихъ лицъ не производится во всемъ военномъ вѣдомствѣ, тогда, стало-быть, капиталы эмеритальной кассы образуются не изъ средствъ служащихъ лицъ, а изъ средствъ государственнаго казначейства, что̀ уничтожаетъ вполнѣ самый характеръ спеціальности этихъ капиталовъ.

Другая статья расходной сметы канцеляріи военнаго министра, которая обращаетъ на себя особое вниманіе, это—запасный фондъ. Статья эта появляется въ сметѣ военнаго министерства, со времени установленія, въ 1873 году, нормальныхъ для этого вѣдомства бюджетовъ. Но прежде, нежели мы будемъ говорить объ этой статьѣ и о томъ значеніи, которое она придаетъ бюджету, скажемъ нѣсколько словъ о нормальномъ бюджетѣ вообще. При этомъ, я позволяю себѣ указать читателю на то, что̀ было писано мною по поводу установленія нормальныхъ бюджетовъ три года тому назадъ, въ брошюрѣ моей: «Вопросы государственнаго хозяйства»:

«Въ теченіи настоящаго (1873) года, по отношенію къ сметамъ министерствъ военнаго и морского, установленъ новый порядокъ, вслѣдствіи котораго онѣ опредѣлены въ нормальныхъ цифрахъ на цѣлое пятилѣтіе впередъ, а именно: смета министерства военнаго опредѣлена въ 170 мил., а морского въ 25 мил. рублей. Вмѣстѣ съ этимъ, всѣ остатки отъ назначенія въ одномъ году могутъ быть расходуемы въ другомъ, а вся экономія обращается въ особый спеціальный фондъ военнаго вѣдомства. Многіе думаютъ, что такая мѣра можетъ оказаться не безвыгодною для государственнаго казначейства, такъ какъ сметы этихъ вѣдомствъ, въ послѣдніе годы, значительно возрастали;

теперь же, этимъ распоряженіемъ полагается предѣлъ возрастанію бюджетовъ военнаго и морского вѣдомствъ. Такое мнѣніе намъ показалось слишкомъ наивнымъ. Мы предложимъ одинъ вопросъ: есть ли какая-нибудь возможность положить предѣлъ возрастанію бюджета опредѣленіемъ нормальной его цифры? Мы отвѣчаемъ отрицательно, такъ какъ думаемъ, что цифра бюджета зависитъ отъ другихъ условій, а именно—отъ тѣхъ цѣлей, достиженіе которыхъ возлагается на военнаго министра всѣми постановленіями закона, опредѣляющими устройство, управленіе и снаряженіе военныхъ силъ. Положимъ, что настоящая цифра бюджета вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему военному законодательству и даетъ возможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ минуты, но, такъ какъ провозгласить безусловное status quo въ устройствѣ, управленіи и снаряженіи нашей арміи впередъ на пять лѣтъ, въ виду постоянныхъ въ военномъ дѣлѣ улучшеній, положительно невозможно, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что нѣтъ возможности установить и предѣлъ возрастанію бюджета. Съ другой стороны, содержаніе военныхъ силъ требуетъ массы предметовъ продовольствія, обмундированія и вооруженія, а цѣны этихъ предметовъ измѣняются, въ особенности въ нашемъ отечествѣ, гдѣ отсутствіе прочной разсчетной единицы и постоянные выпуски кредитныхъ билетовъ (этого послѣдняго обстоятельства, хотя теперь не существуетъ, но все же количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи теперь болѣе, нежели было тогда, когда были писаны эти строки) возвышаютъ цѣны всѣхъ предметовъ потребленія, и въ особенности предметовъ продовольствія»... «Въ виду этихъ соображеній, еслибъ даже положеніе военнаго дѣла и не измѣнилось въ теченіи пяти лѣтъ, то и тогда нельзя бы сказать, что положенъ предѣлъ возрастанію расходовъ военнаго вѣдомства. На этомъ основаніи, приходится заключить, что новый порядокъ полагаетъ предѣлъ уменьшенію, а не увеличеніе военныхъ расходовъ. Это—minimum, а не maximum расхода, такъ какъ, въ случаѣ надобности, *онъ долженъ быть увеличенъ, но не можетъ быть уменьшенъ ни въ какомъ случаѣ»*.

«Обращаясь къ другимъ сторонамъ новаго положенія, мы видимъ, что оно отмѣняетъ порядокъ, установленный сметными правилами 22 мая 1862 года. Для уясненія значенія новаго закона обратимся къ причинамъ, вызвавшимъ установленіе этихъ правилъ. Извѣстно, что прежде каждое вѣдомство имѣло свои особыя средства, что суммы, разъ назначенныя въ распоряженіе какого-либо вѣдомства, становились его собственностію и могли составлять капиталы, которые нельзя было употреблять на другія государственныя нужды, несмотря на ихъ настоятельность. Такой порядокъ производилъ совершенный хаосъ въ нашемъ финансовомъ управленіи, такъ какъ въ одномъ вѣдомствѣ составлялись громадные капиталы, въ другихъ же недоставало средствъ на покрытіе самыхъ настоятельныхъ расходовъ. Для

прекращенія этого порядка вещей изданы правила 1862 года. Въ объяснительной запискѣ, излагающей основанія и мотивы, побудившіе къ изданію новаго закона, говорится: «Бюджетъ государственный достигаетъ своей цѣли только тогда, когда онъ представляетъ полную и вѣрную смету за извѣстный періодъ времени всѣхъ ожидаемыхъ доходовъ и всѣхъ предстоящихъ расходовъ, когда предположенія о нихъ излагаются систематически, доступны повѣркѣ и, бывъ утверждены настоящею властію, *получаютъ силу временнаго закона, воспрещающаго назначенныя на одинъ предметъ деньги употреблять на другой* и *въ общемъ правѣ сбора и расходованія суммъ идти далѣе періода времени, на которое сметное предположеніе составляютъ*. Согласно этой запискѣ, *простота и неопровержимость этихъ правилъ* были причиной, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ приняты слѣдующія основанія бюджетной системы: единство государственнаго бюджета, систематическая классификація его статей, спеціальность кредитовъ и срочное заключеніе сметъ». Вотъ порядокъ, установленный по предложенію замѣчательнаго государственнаго человѣка и примѣнявшійся на практикѣ въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ—порядокъ, который внесъ свѣтъ въ темную область нашихъ финансовъ прежняго времени, установилъ нашъ кредитъ на прочныхъ основаніяхъ и, по выраженію Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 5 апрѣля 1871 года, *сохранилъ государству многіе милліоны*. Но вотъ проходитъ 10 лѣтъ, и эти общія начала, составляющія необходимое условіе цѣлесообразности бюджета, признаются неудобными: единство бюджета отмѣняется, и установляется вновь спеціальный фондъ, къ которому будутъ причисляться всѣ остатки отъ кредитовъ военнаго вѣдомства».

Вотъ чтò писалъ я три года тому назадъ, и предсказанія мои вполнѣ подтвердились на практикѣ. Нормальной цифры военнаго бюджета, опредѣленной на цѣлыя пять лѣтъ, оказалось недостаточно даже на первый годъ, такъ какъ, по сметѣ на 1874 годъ, кредитъ военнаго министерства опредѣленъ въ 174 мил., и съ дополнительными ассигнованіями въ теченіи года онъ достигъ цифры 177 мил. Дѣйствительный же расходъ превысилъ нормальную цифру бюджета почти на 2½ мил. рублей. Чтò же касается послѣдующихъ годовъ, то на 1875 годъ смета военнаго министерства достигла 178 мил., и на 1876 годъ 180 мил. рублей.

Но, говоря три года назадъ объ отступленіи отъ общихъ началъ, установленныхъ сметными правилами, я не могъ имѣть въ виду всѣхъ послѣдствій новаго порядка. Дѣло въ томъ, что, начиная съ 1874 года, въ смету военнаго министерства вносится особый кредитъ подъ названіемъ запаснаго фонда, изъ котораго покрываются всѣ недостатки по различнымъ статьямъ сметы и къ нему же причисляются остатки отъ другихъ сметныхъ подраздѣленій. По этой статьѣ, на 1874 годъ назначено 7,718,733 руб., и, несмотря на то, что къ концу года по этой статьѣ

образовался остатокъ въ 4,849,269 руб., все-таки, испрошенъ былъ сверхсметный кредитъ въ 719,746 руб., на 1875 годъ этотъ кредитъ опредѣленъ въ 8.045,962 руб., а на 1876 годъ въ размѣрѣ 7.655,220 рублей. Чтобъ оцѣнить все значеніе этого кредита, необходимо принять въ соображеніе, что въ теченіи 1874 къ этому кредиту перечислено остатковъ отъ другихъ сметныхъ подраздѣленій 4.620,487 руб. и изъ этого кредита употреблено на увеличеніе расходовъ по другимъ сметнымъ назначеніямъ 7.235,608 рублей. Такимъ образомъ, если означенный запасный фондъ даетъ возможность производить такія значительныя передвиженія кредитовъ, то стало быть, всѣ сметныя, подраздѣленія не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, т. е. всѣ распоряженія государственнаго совѣта о специализаціи кредитовъ, или, другими словами, о назначеніи на извѣстный предметъ такой, а не другой суммы, остаются совершенно фиктивными. При посредствѣ опредѣленнаго въ запасный фондъ кредита, военное министерство всегда можетъ измѣнять эти распоряженія по своему усмотрѣнію, такъ что подобный порядокъ есть полное возвращеніе къ прежнимъ правиламъ, тѣмъ болѣе, что право военнаго министерства на расходованіе назначенныхъ въ его распоряженіе суммъ не ограничивается никакимъ періодомъ времени.

Переходя къ разсмотрѣнію сметъ министерства финансовъ, я позволю себѣ напомнить читателю, то искуственное положеніе сметнаго исчисленія, о которомъ я говорилъ въ началѣ статьи и достигнуть котораго министерство финансовъ, конечно, не будетъ въ состояніи, несмотря на все желаніе. Я не хочу этимъ сказать, что управленіе министерствомъ обходится недорого и что сокращеніе расходовъ положительно невозможно. Напротивъ, я думаю, что, при раціональномъ устройствѣ отдѣльныхъ отраслей управленія, можно сдѣлать, значительную экономію; но для достиженія этой цѣли административныя мѣропріятія недостаточны, а необходимы законодательныя мѣры, т. е. коренная реформа въ учрежденіи министерства, а также измѣненіе нашей торговой политики, чего, какъ кажется, вовсе не имѣется въ виду.

Прежде всего, слѣдуетъ замѣтить, что нигдѣ въ нашей администраціи не обрисовывается такъ ярко стремленіе отдѣльныхъ отраслей управленія обособиться въ особое вѣдомство, какъ въ министерствѣ финансовъ. Оно какъ будто распадается на четыре отдѣльныя управленія, неимѣющія ничего между собою общаго и состоящія въ вѣдѣніи трехъ директоровъ департаментовъ и управляющаго государственнымъ банкомъ. Каждое изъ этихъ отдѣльныхъ управленій имѣетъ на мѣстахъ свои отдѣльные ȍрганы, а именно: департаментъ государственнаго казначейства имѣетъ своими ȍрганами казенныя палаты и казначейства; департаментъ неокладныхъ сборовъ—губернскія и окружныя акцизныя управленія; таможенный департаментъ—таможенные округа

и таможни и, наконецъ, государственный банкъ—свои конторы и отдѣленія. Кромѣ этихъ отдѣльныхъ управленій, при министерствѣ состоятъ: департаментъ окладныхъ сборовъ, департаментъ мануфактуръ и торговли, кредитная канцелярія министра и, наконецъ, общая канцелярія министра. Эти послѣднія четыре учрежденія не имѣютъ особыхъ ŏргановъ въ губерніяхъ, но зато, не безъ основанія, можно сомнѣваться въ необходимости подобныхъ отдѣльныхъ учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ могутъ состоять обязанности департамента окладныхъ сборовъ? Всѣ свѣдѣнія для составленія окладныхъ листовъ сосредоточены въ казенныхъ палатахъ, и департаментъ этихъ свѣдѣній не имѣетъ и провѣрять правильность назначенія окладовъ не въ состояніи. Онъ только ведетъ счеты о поступленіи этихъ сборовъ и объ остающихся недоимкахъ согласно періодическимъ вѣдомостямъ, представляемыхъ казенными палатами. Но вѣдь та же бухгалтерія ведется и въ департаментѣ государственнаго казначейства и въ государственномъ контролѣ для учета кассъ. Для какой же цѣли повторять эту работу еще въ особомъ департаментѣ министерства финансовъ? Если же уничтожить это повтореніе, то затѣмъ на департаментѣ не останется никакихъ административныхъ обязанностей, развѣ только по сложенію недоимокъ въ окладныхъ сборахъ, размѣръ которыхъ превышаетъ власть казенныхъ палатъ; но для такого дѣла не стŏитъ сохранять цѣлагŏ департамента, и подобные несложные вопросы могли бы производиться въ бухгалтеріи департамента государственнаго казначейства. Въ прежнее время, когда министерство финансовъ завѣдывало нетолько сметами и раскладками всѣхъ земскихъ повинностей губернскихъ и государственныхъ, но и производствомъ расходовъ изъ этихъ сборовъ, тогда, быть можетъ, и дѣйствительно необходимъ былъ особый департаментъ окладныхъ сборовъ. Но теперь, съ открытіемъ земскихъ учрежденій, къ которымъ перешли обязанности по завѣдыванію губернскими сборами, и съ присоединеніемъ государственнаго земскаго сбора къ общимъ доходамъ, существованіе отдѣльнаго департамента окладныхъ сборовъ дѣлается излишнимъ. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ, что во многихъ губерніяхъ нѣтъ еще земскихъ учрежденій, но это нисколько не убѣдитъ въ необходимости департамента, такъ какъ для производства дѣлъ, возникающихъ въ этихъ губерніяхъ, достаточно бы было усилить временно канцелярію министра, такъ какъ, со введеніемъ земства въ этихъ губерніяхъ всѣ подобнаго рода дѣла должны прекратиться. Тоже можно сказать и о департаментѣ торговли и мануфактуръ. Я понимаю учрежденіе министерства торговли, къ вѣдѣнію котораго была бы отнесена вся торговая политика, какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, а слѣдовательно, банки, пути сообщенія и надзоръ за дѣятельностію всѣхъ промышленныхъ акціонерныхъ обществъ; но, признаюсь откровенно, не понимаю значенія и цѣли департамента торговли и мануфактуръ въ составѣ

министерства финансовъ. Такое усложненіе и безъ того сложныхъ обязанностей министра финансовъ порождаетъ положеніе дѣлъ, при которомъ забота о развитіи нашей промышленности раздѣлена между тремя вѣдомствами, и каждое изъ нихъ лишается полной свободы дѣйствій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не несетъ на себѣ никакой нравственной отвѣтственности за промышленный застой, въ которомъ находится наше очечество. Въ департаментѣ торговли и мануфактуръ сосредоточены слѣдующія дѣла̀: о привилегіяхъ, объ утвержденіи уставовъ обществъ по нѣкоторымъ отраслямъ промышленности, счетъ доходовъ съ торговли и промысловъ и управленіе технологическимъ институтомъ въ Петербургѣ и нѣкоторыми другими техническими училищами. Всѣ другія обязанности департамента не имѣютъ большаго значенія, вполнѣ могутъ быть отнесены къ дѣламъ, извѣстнымъ подъ именемъ общихъ, и переданы въ канцелярію министерства.

Что̀ же касается поименованныхъ мною, то, во-первыхъ, дѣла̀ по привилегіямъ, и притомъ только нѣкоторыя (такъ какъ по министерству государственныхъ имуществъ выдаются также привилегіи), составляютъ скорѣе предметъ вѣдомства техническаго учрежденія, чѣмъ департамента.

Во-вторыхъ, дѣла̀ объ утвержденіи уставовъ промышленныхъ обществъ разсматриваются у насъ въ разныхъ министерствахъ и въ разныхъ департаментахъ, а при существующемъ устарѣломъ по этому предмету законодательствѣ, давно уже не соотвѣтствующемъ требованію времени, не получаютъ того единства въ ихъ направленіи, которое, повидимому, было бы необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, разсматривая различные уставы обществъ съ ограниченною отвѣтственностію, мы часто встрѣчаемъ въ нихъ такія исключительныя права̀, которыя не заключаются въ другихъ, а въ редакціи большинства уставовъ замѣчается отсутствіе точности въ опредѣленіи юридическихъ правъ какъ самихъ обществъ и его агентовъ, такъ и лицъ посторонникъ, вступающихъ съ ними въ гражданскія сдѣлки. Вообще, наши уставы промышленныхъ обществъ указываютъ на недостатокъ юридическихъ свѣдѣній у ихъ составителей, что̀ даетъ поводъ къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ и къ присвоенію правленіями такихъ правъ, которыхъ они имѣть не могутъ. Если мы не встрѣчаемъ до сихъ поръ множества процессовъ, то это объясняется лишь апатичностью акціонеровъ и совершенной неопредѣленностью уставовъ, вслѣдствіе которой потерпѣвшая сторона не рѣшается на предъявленіе иска. Чтобы мои слова̀ не были сочтены бездоказательными, приведу слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, укажу на отказъ со стороны нѣкоторыхъ банковыхъ правленій предъявленія акціонерамъ свѣдѣній и документовъ для повѣрки банковаго портфёля. Спрашиваю каждаго мыслящаго человѣка: возможны ли подобныя неправильныя дѣйствія со стороны правленій при извѣстной опредѣленности уставовъ? Ка̀къ

возможно отказать собственнику дѣла въ правѣ удостовѣриться, въ чемъ состоитъ его собственность и правильно ли исчисленъ ея размѣръ въ отчетахъ? А между тѣмъ, это—не одна возможность, но и дѣйствительность, и правленія банковъ отстаиваютъ необходимость такого пресловутаго и безусловнаго довѣрія къ распорядителямъ дѣла, основываясь на какой-то тайнѣ комерческихъ оборотовъ, въ силу которой кредитъ частнаго лица не подлежитъ огласкѣ. Между тѣмъ, подобнаго рода тайна не утверждена никакимъ закономъ, да еслибъ и была утверждена, то, во-первыхъ, не можетъ относиться къ собственнику дѣла, дающаго кредитъ; а, во-вторыхъ, подлежало бы отмѣнѣ, какъ постановленіе, противное здравому смыслу и способное породить массу вреда лицамъ, ни въ чемъ неповиннымъ. Вредъ этотъ, какъ кажется, достаточно доказанъ катастрофой московскаго ссуднаго банка. Только тайна банковаго портфёля и могла вызвать тѣ послѣдствія, къ которымъ пришелъ этотъ банкъ; при большей же гласности, операціи, производимыя имъ, были бы немыслимы. Во-вторыхъ, я укажу на право меньшинства обжаловать въ судѣ постановленіе большинства или какъ незаконное, или какъ явно нарушающее интересы меньшинства. Если послѣдній поводъ еще можетъ быть оспориваемъ, то первый, повидимому, не подлежитъ никакому сомнѣнію, а между тѣмъ, многіе утверждаютъ, что постановленіе общаго собранія есть окончательное и безъапелляціонное, что акціонеры, оставшіеся въ меньшинствѣ, не имѣютъ права жалобы, хотя бы постановленіемъ этимъ прикрывались явныя злоупотребленія. Наши уставы и законодательство не разрѣшаютъ этого вопроса категорически, и потому у насъ не рѣдки случаи, что потерпѣвшая сторона не рѣшается искать судебной защиты. Между тѣмъ, намъ кажется, что признаніе такого безусловнаго права за общимъ собраніемъ равнозначительно отказу въ правосудіи и разрѣшенію безнаказанно нарушать интересы меньшинства. При существованіи анонимныхъ обществъ и возможности составлять искуственное большинство, подобное правило можетъ дать поводъ къ неисчислимымъ злоупотребленіямъ. На основаніи высказанныхъ соображеній, необходимо придти къ заключенію, что всѣ дѣла объ утвержденіи уставовъ промышленныхъ обществъ, для приданія имъ бо̀льшаго единства, должны быть сосредоточены въ одномъ вѣдомствѣ, а такъ какъ этими уставами опредѣляются юридическія отношенія отдѣльныхъ лицъ, то разсмотрѣніе ихъ должно происходить въ министерствѣ юстиціи при посредствѣ опытныхъ юристовъ. Что̀ же касается интересовъ другихъ вѣдомствъ, которые могутъ быть затрогиваемы частными уставами, то эти интересы могутъ быть выставлены и ограждены подлежащими министрами при утвержденіи устава въ комитетѣ министровъ. Слѣдовательно, дѣла̀ этого рода слѣдовало бы совершенно изъять изъ вѣдѣнія департамента торговли и мануфактуръ.

Въ-третьихъ, счетоводство по налогу съ торговли и про-

мысловъ также не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ департаментъ наблюдать за правильностію поступленія этихъ доходовъ не въ состояніи, и такое наблюденіе поручается собственно торговымъ депутаціямъ и чиновникамъ особыхъ порученій, состоящимъ при казенныхъ палатахъ; что̀ же касается счетоводства, то оно ведется для учета кассъ также при департаментѣ государственнаго казначейства и въ государственномъ контролѣ, и въ силу этого представляется двойнымъ и совершенно безполезнымъ дѣломъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, завѣдываніе технологическимъ институтомъ есть скорѣе дѣло министерства народнаго просвѣщенія, чѣмъ министерства финансовъ.

Съ принятіемъ подобныхъ мѣръ, для департамента мануфактуръ и торговли исчезаетъ совершенно всякій raison d'être и достигается возможность экономіи около 400 т. руб., независимо отъ тѣхъ улучшеній, которыя могутъ быть сдѣланы въ производствѣ дѣлъ, въ немъ сосредоточенныхъ.

Что̀ касается кредитной канцеляріи, то, съ передачей всѣхъ дѣлъ по утвержденію банковыхъ уставовъ въ вѣдѣніе министерства юстиціи, мы также не видимъ никакого основанія сохранять отдѣльное учрежденіе, такъ какъ счетъ всѣмъ государственнымъ долгамъ долженъ, по необходимости, вестись въ департаментѣ государственнаго казначейства, точно такъ же, какъ и разсчеты съ обществами желѣзныхъ дорогъ. Для этой цѣли сто̀итъ только усилить нѣсколько бухгалтерію департамента. Что̀ же касается наблюденія за правильностію дѣйствій частныхъ кредитныхъ обществъ, то, повидимому, лучше бы было составить болѣе опредѣленныя для ихъ дѣятельности правила, а самое преслѣдованіе, въ случаяхъ нарушенія этихъ правилъ, предоставить прокурорскому надзору.

Выше замѣчено мною, что ни въ одномъ министерствѣ не замѣчается такого сильнаго стремленія со стороны отдѣльныхъ отраслей управленія обособляться въ особыя вѣдомства, какъ въ министерствѣ финансовъ. Нигдѣ, въ цѣлой Европѣ, не существуетъ такого порядка въ администраціи, чтобъ одно министерство имѣло два и три независимыхъ о̀ргана въ средѣ провинціальнаго управленія, а между тѣмъ, у насъ въ министерствѣ финансовъ существуетъ именно такой порядокъ: въ каждой губерніи существуетъ казенная палата и губернское и акцизное управленія, въ пограничныхъ же губерніяхъ, кромѣ того, и таможенные округи. Сколько силъ и средствъ тратится совершенно напрасно на поддержаніе такого сложнаго механизма управленія въ ущербъ его единству! Но это, какъ мнѣ кажется, происходитъ отъ неправильности организаціи нашихъ центральныхъ управленій. У насъ на департаменты министерствъ смотрятъ, какъ на отдѣльныя учрежденія, тогда какъ, въ сущности, они должны бы представлять всѣ вмѣстѣ общую канцелярію министра и ничего болѣе. При такомъ порядкѣ, каждая

отдѣльная часть вѣдаетъ только дѣла̀, спеціально ей ввѣренныя, и не вмѣшивается въ вопросы общаго административнаго характера, а вслѣдствіе этого, подчиненные о̀рганы мѣстнаго управленія становятся въ зависимость отъ министра, а не отъ завѣдующаго этой частію въ центральномъ управленіи, потому что вопросы объ опредѣленіи и увольненіи, о повышеніи и наградахъ, при такомъ порядкѣ вещей, переходятъ въ завѣдываніе департамента общихъ дѣлъ или канцеляріи министра точно такъ же, какъ и завѣдываніе денежными средствами всего министерства. Понятно, что такой порядокъ долженъ до извѣстной степени стѣснять дѣятельность директоровъ отдѣльныхъ департаментовъ и что такое стѣсненіе они должны находить для себя неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что ошибочное или неправильное распоряженіе по извѣстной части можетъ встрѣтить возраженіе нетолько въ самомъ министерствѣ, но и со стороны мѣстныхъ о̀рагановъ управленія, которые, не состоя въ исключительномъ вѣдѣніи завѣдывающаго отдѣльной частію, не затруднятся остановиться исполненіемъ какого-либо ошибочнаго или неправильнаго распоряженія и представить объ этомъ на усмотрѣніе министра. Вотъ въ этомъ-то неудобствѣ и кроется, какъ мнѣ кажется, причина обособленія различныхъ отраслей управленія въ отдѣльныя вѣдомства, представляющія собою какъ бы министерство въ министерствѣ, и нигдѣ такое обособленіе не проявляется такъ рѣзко, какъ въ министерствѣ финансовъ, въ которомъ нетолько каждый департаментъ имѣетъ отдѣльную смету расходовъ, не только имѣетъ отдѣльные о̀рганы въ провинціальномъ управленіи исключительно ему подчиненные, но и завѣдуетъ всѣмъ личнымъ составомъ служащихъ своего вѣдомства.

Мнѣ могутъ возразить, что уже были попытки о соединеніи вѣдомства казенной палаты и акцизнаго управленія, но что такое соединеніе оказалось неудобнымъ на практикѣ и потому оставлено. Но я думаю, что всѣ неудобства возникали именно отъ того, что желали соединить въ одномъ лицѣ должности управляющихъ казенной палатой и акцизными сборами, не соединяя самихъ управленій. Такое соединеніе, дѣйствительно, не принося существенной экономіи, порождаетъ очень много практическихъ неудобствъ, такъ какъ лицо, завѣдующее обоими управленіями, половину своего дѣла считаетъ для себя какимъ-то постороннимъ и только временнымъ занятіемъ. Кромѣ того, этотъ порядокъ, на основаніи указанныхъ причинъ, стѣсняетъ и директоровъ департаментовъ. Но устройте одно финансовое управленіе въ губерніи съ подчиненіемъ ему казначействъ и окружныхъ акцизныхъ управленій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передайте всѣ дѣла̀ по завѣдыванію личнымъ составомъ въ вѣдѣніе канцеляріи министра, и всякія практическія неудобства должны исчезнуть, возможная же при этомъ экономія была бы громадна. Начиная съ того, что должность управляющаго акцизными сборами въ губерніи, нынѣ представляющая собою не болѣе, какъ синекуру съ

значительнымъ содержаніемъ, получила бы дѣйствительное значеніе, а всѣ расходы на содержаніе казенныхъ палатъ, нынѣ представляющіе цифру болѣе, чѣмъ въ два милліона рублей, могли бы замѣниться расходами на прибавку одного или двухъ столовъ къ нынѣшнему губернскому акцизному управленію. Точно также могли бы быть упразднены и чиновники особыхъ порученій при казенной палатѣ для повѣрки торговли, такъ какъ чины акцизнаго надзора, по окончаніи винокуренія, въ лѣтнее время года, могли бы производить и внезапную ревизію казначействъ и повѣрку торговли. Выше я замѣтилъ, что должность управляющаго акцизными сборами нынѣ представляетъ синекуру и въ подтвержденіе моихъ словъ могу указать на то обстоятельство, что въ большинствѣ губернскихъ акцизныхъ управленій рѣдко выходитъ болѣе 300 исходящихъ бумагъ въ годъ; стало быть, ни самъ управляющій, ни его канцелярія нисколько не затруднены дѣломъ, такъ какъ приходится написать менѣе одной бумаги въ день. На этомъ основаніи и при томъ значительномъ содержаніи, которое получаютъ чины акцизнаго надзора, нѣтъ надобности усиливать ихъ оклады даже при усиленіи ихъ занятій; необходимо одно—увеличить канцелярію губернскаго акцизнаго управленія, другихъ же расходовъ для этой реформы не потребуется.

Правда, что такая реформа уменьшитъ значеніе директоровъ департамента, но, такъ какъ она, съ одной стороны, усилитъ непосредственное вліяніе министерства на управленіе дѣломъ, а съ другой — увеличитъ самостоятельность мѣстнаго управленія, освободивъ его отъ вліянія второстепенныхъ органовъ министерства, то подобныя послѣдствія только желательны, и я не вижу въ нихъ никакихъ неудобствъ—напротивъ: мнѣ кажется, что такія послѣдствія придадутъ извѣстную степень единства управленію, и въ нашихъ административныхъ распоряженіяхъ не будутъ встрѣчаться тѣ противорѣчія, которыя нынѣ производятъ очень часто большія недоразумѣнія. Главный недостатокъ, по моему мнѣнію, чисто бюрократическаго управленія государствомъ состоитъ именно въ стремленіи отдѣльныхъ отраслей управленія къ обособленію, къ извѣстной независимости отъ другихъ органовъ управленія, въ стремленіи устранить всякій поводъ нетолько къ вмѣшательству въ дѣла управленія со стороны рядомъ съ нимъ стоящаго учрежденія, но даже къ достиженію общей цѣли совокупными усиліями, и все это—во избѣжаніе возможности контроля дѣйствій одного управленія со стороны другого. Между тѣмъ, правильная организація администраціи состоитъ именно въ томъ, чтобъ административные органы могли провѣрять распоряженія другъ друга и тѣмъ предупреждать неправильныя дѣйствія и направлять ихъ на путь, указанный закономъ. Если мы вспомнимъ тотъ ропотъ, который раздавался со стороны нашихъ административныхъ органовъ при введеніи единства кассы, земскихъ, судебныхъ и контрольныхъ учрежденій, то мы вполнѣ поймемъ

то стремленіе къ независимому образу дѣйствій, на которое указано выше и которое ведетъ къ безконечному расширенію администраціи и къ безплодной перепискѣ, часто неимѣющей никакого содержанія. Когда я вдумываюсь въ наши административные порядки, то мнѣ всегда приходятъ въ голову слова одного изъ нашихъ администраторовъ, даже не вполнѣ догадливаго, но привыкшаго отчасти къ существующимъ условіямъ административной дѣятельности. Какъ-то разъ, въ бесѣдѣ за стаканомъ чая, онъ говоритъ мнѣ: «Развѣ можно придавать значеніе каждому дѣлу, производящемуся въ нашихъ присутственныхъ мѣстахъ? Ну, вотъ возьмите обложку для дѣлъ, напишите на ней заголовокъ какого бы то ни было химерическаго дѣла, и повѣрьте, что недѣли не пройдетъ, какъ отыщется бумага, которая какъ разъ будетъ слѣдовать въ эту обложку согласно сдѣланному заголовку, а къ концу года дѣло это выростетъ въ цѣлый томъ: всѣ будутъ удивляться, что подобныя дѣла могутъ возникать, а между тѣмъ, переписка будетъ продолжаться». Конечно, мой знакомый администраторъ сдѣлалъ нѣсколько широкое обобщеніе: въ его словахъ есть преувеличеніе; но нельзя отрицать, что въ основаніи ихъ лежитъ извѣстная доля справедливости, и, если нельзя сказать, что обложка со всякимъ заголовкомъ вызываетъ цѣлое дѣло, то можно смѣло утверждать, что всякое вновь созданное бюрократическое учрежденіе создастъ для себя массу дѣла, въ особенности тамъ, гдѣ существующій порядокъ вещей не опредѣляетъ никакихъ границъ административной дѣятельности. Подобное дѣло, конечно, не принесетъ нетолько большой, но, быть можетъ, и никакой пользы, тѣмъ не менѣе, оно будетъ казаться серьёзнымъ и важнымъ людямъ его производящимъ: такова уже слабость человѣческой природы и пристрастіе людей къ тому дѣлу, которымъ они занимаются. Я убѣжденъ, что въ департаментѣ окладныхъ сборовъ, а также въ департаментѣ торговли и мануфактуръ есть много очень серьёзныхъ дѣлъ, но упраздните ихъ, и русская жизнь не замѣтитъ пробѣла, произведеннаго этимъ упраздненіемъ, а остальные органы министерства финансовъ не почувствуютъ вовсе обремененія на томъ простомъ основаніи, что большинство нашихъ дѣлъ вызывается не жизнью, а учрежденіями. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ справедливости подобнаго заключенія, стоитъ только вглядѣться въ административные порядки на Западѣ и у насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что жизнь западныхъ народовъ гораздо сложнѣе нашей, и, повидимому, сложность отношеній между гражданами должна бы вызывать болѣе сложную администрацію; на повѣрку же оказывается, что нашъ административный механизмъ представляетъ собою гораздо болѣе сложности, нежели на Западѣ, несмотря на то, что наша гражданская жизнь едва только начинаетъ оставлять формы патріархальныхъ отношеній. Отчего это такъ, а не иначе?—вотъ вопросъ, которымъ стоило бы заняться нашей публицистикѣ. Я не считаю возможнымъ разрѣшеніе подобнаго вопроса въ настоящей

статьѣ, а потому ограничиваюсь только констатированіемъ факта, предоставляя другимъ изъискивать его причины.

Все, что говорено было мною о казенныхъ палатахъ и акцизныхъ управленіяхъ, вполнѣ можетъ быть отнесено и къ таможеннымъ округамъ, такъ какъ надзоръ за пограничными таможнями можетъ быть, безъ малѣйшаго затрудненія, порученъ финансовому управленію пограничныхъ губерній. Конечно, на это могутъ возразить, что соединеніе въ одномъ управленіи такихъ разнородныхъ дѣлъ будетъ слишкомъ обременительно и трудно найти людей спеціально знакомыхъ съ правилами всѣхъ трехъ отраслей управленія. На это можно отвѣчать, что выборъ служащихъ и надзоръ за правильностію ихъ дѣйствій требуютъ только извѣстной способности со стороны управляющихъ и нисколько не обременительны даже и при болѣе сложномъ управленіи, вслѣдствіе чего нельзя считать подобное обстоятельство серьёзнымъ препятствіемъ къ объединенію финансоваго управленія въ губерніи: усиливъ число ревизоровъ, можно вполнѣ устранить затрудненіе въ этомъ отношеніи. Что же касается спеціальнаго знакомства съ правилами отдѣльныхъ отраслей управленія, то мнѣ кажется, что объединеніе этихъ управленій въ вѣдѣніи одного министра, обязаннаго создавать самыя правила для управленія, служитъ достаточнымъ доказательствомъ несостоятельности возраженія на томъ основаніи, что управлять дѣломъ, на основаніи данныхъ руководствъ, гораздо легче, чѣмъ создавать самыя руководства, для чего нужны особыя спеціальныя свѣдѣнія. Кромѣ того, въ этомъ отношеніи можно указать на дѣятельность контрольныхъ учрежденій, которыя обязаны принимать въ соображеніе правила не трехъ только, а всѣхъ вообще отраслей управленія, и, несмотря на это, никто не можетъ утверждать, чтобъ эти учрежденія не дѣлали полезныхъ указаній.

Объединеніе сметы министерства финансовъ и сосредоточеніе завѣдыванія суммами, назначенными на расходы этого вѣдомства, въ департаментѣ государственнаго казначейства или въ канцеляріи министра, было бы также однимъ изъ средствъ къ сокращенію расходовъ. Прежде всего, такое объединеніе повело бы къ сокращенію расходовъ на содержаніе личнаго состава бухгалтерскихъ частей въ каждомъ отдѣльномъ департаментѣ. При единствѣ завѣдыванія этими частями, конечно, достаточно бы было и половины нынѣ употребляемыхъ на этотъ предметъ средствъ. Затѣмъ, соединеніе нѣкоторыхъ однородныхъ статей расходовъ въ одну общую цифру, необходимо обратило бы на нее вниманіе нетолько самого министерства, но и другихъ учрежденій, разсматривающихъ сметныя предположенія. Для примѣра укажу на цифру кредитовъ, ассигнованныхъ по разнымъ департаментамъ на награды и пособія служащимъ по министерству финансовъ. Эта сумма превышаетъ милліонъ рублей, не считая тѣхъ суммъ, которыя отчисляются въ видѣ процентныхъ денегъ съ суммъ

акцизныхъ сборовъ и сбора съ торговли и промысловъ, а также тѣхъ, которые составляютъ остатки отъ суммъ, назначенныхъ на содержаніе личнаго состава и канцелярскіе расходы. Конечно, такая сумма, занесенная въ смету одной общей цифрой, не прошла бы незамѣченной; теперь же, будучи разнесена по различнымъ сметамъ, параграфамъ и статьямъ, она мало обращаетъ на себя вниманія. Затѣмъ, на канцелярскіе припасы, содержаніе курьеровъ и ихъ лошадей тратится центральными органами министерства около 110 т. руб., тогда какъ министерство внутреннихъ дѣлъ на тѣ же предметы употребляетъ 67 т., т. е. на 43 т. менѣе.

Выше я замѣтилъ, что сокращеніе расходовъ по сметамъ министерства финансовъ можетъ зависѣть нетолько отъ коренныхъ измѣненій въ управленіи, но также отъ измѣненія нашей торговой политики. Расходы управленія по департаменту таможенныхъ сборовъ возрастаютъ значительно: въ 1867 году, съ которымъ я обыкновенно сравнивалъ цифры текущаго бюджета, эти расходы составляли 5.936,799 руб., а въ 1874 году они уже достигли цифры 7.046,769 руб., т. е. увеличились на 1.109.970 руб. или на 25,4% въ теченіи семи лѣтъ. Если для двухъ послѣдующихъ годовъ принять тотъ же процентъ возвышенія, то, въ настоящемъ году, эти расходы должны близко подойти къ 7½ мил. руб.—цифрѣ, представляющей 12,5% съ предположенной цифры таможеннаго дохода. Если же принять въ соображеніе публикуемыя въ настоящемъ году свѣдѣнія о поступленіи таможенныхъ сборовъ, по которымъ оказывается, что они значительно ниже прошлогоднихъ и что, вслѣдствіе этого, доходъ этотъ можетъ не оправдать сдѣланныхъ сметныхъ предположеній, то процентное отношеніе издержекъ взиманія къ доходу еще болѣе увеличится. Хотя и такое отношеніе расхода къ доходу нельзя несчитать высокимъ, но оно не устраняетъ контрабанды, которая довольно развита у насъ на западной границѣ и деморализуетъ въ достаточной степени пограничное населеніе: если же наша торговая политика не измѣнится, то увеличеніе этихъ расходовъ будетъ неизбѣжно. До сихъ поръ такое увеличеніе не могло считаться обременительнымъ для государственнаго казначейства, вслѣдствіе постояннаго возростанія таможеннаго дохода, но теперь, когда, повидимому, такое возростаніе, въ теченіи прошлаго года, дошло до своего предѣла и въ настоящемъ году оказывается уменьшеніе таможенныхъ сборовъ, обстоятельство это можетъ имѣть серьёзное значеніе, въ особенности въ виду такого же пониженія главной статьи нашего бюджета, т. е. виннаго дохода. Единственнымъ средствомъ къ устраненію такого неудобства я считаю совершенное измѣненіе нашей торговой политики, т. е. постепенное, но постоянное пониженіе ввозныхъ пошлинъ. Такая мѣра, съ одной стороны, будетъ увеличивать государственный доходъ; съ другой же, сокращая выгоды контра-

банды, дастъ возможность къ сокращенію расходовъ по таможенному вѣдомству: въ противномъ случаѣ, эти расходы должны возростать на томъ простомъ основаніи, что изобрѣтательность контрабандистовъ не останавливается передъ затрудненіями, а измышляетъ новые способы и пріемы, для борьбы съ которыми нужны новыя средства. Но самый важный результатъ этой мѣры будетъ состоять въ томъ, что она облегчитъ движеніе капиталовъ съ заграничнаго на нашъ рынокъ, движеніе, которое можетъ произойти только посредствомъ усиленнаго ввоза заграничныхъ произведеній: другихъ средствъ для достиженія этой цѣли нѣтъ и быть не можетъ.

Когда серьёзно вдумываешься въ этотъ послѣдній вопросъ, то ходячія мнѣнія у насъ въ обществѣ невольно поражаютъ своею странностью. Всѣ согласны въ томъ, что необходимы энергическія мѣры для облегченія сбыта нашихъ произведеній на заграничные рынки, но рѣдко кто понимаетъ, что этотъ сбытъ возможенъ только въ мѣрѣ привоза заграничныхъ произведеній и что, затрудняя этотъ привозъ, мы тѣмъ самымъ ограничиваемъ и вывозъ, такъ какъ международная торговля есть всегда обмѣнъ одного товара на другой. Если же въ торговомъ балансѣ страны является дефицитъ, т. е. превышеніе ввоза надъ вывозомъ, то это можетъ быть слѣдствіемъ или того обстоятельства, что металлическая валюта не имѣетъ на внутреннемъ рынкѣ настоящей цѣны, или того, что заграничные капиталы ищутъ помѣщеніе въ странѣ, а дефицитъ покрывается процентными бумагами, или, наконецъ, подобное положеніе можетъ вызваться обѣими причинами вмѣстѣ. Добрые люди никакъ не могутъ понять этого экономическаго закона. Спросите ихъ: нужно ли улучшить, напримѣръ, маріинскую систему настолько, чтобы волжскія баржи приходили въ Петербургъ и разгружались прямо въ заграничные корабли? и они отвѣтятъ вамъ, что это необходимо, что такая мѣра удешевитъ доставку хлѣба въ Петербургъ и возвыситъ его стоимость на мѣстахъ заготовки, а такое возвышеніе цѣнъ разовьетъ нашу производительность на всемъ Поволжьи. Имъ и въ голову не приходитъ, что такая мѣра можетъ быть названа полумѣрой, которая можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ только пониженіе цѣнъ на наши хлѣбные товары здѣсь, въ Петербургѣ, а никакъ не повышеніе ихъ на всемъ Поволжьи. Имъ, повторяю, и въ голову не приходитъ, что, напримѣръ, англичане могутъ купить въ Петербургѣ нашихъ хлѣбныхъ товаровъ лишь настолько, насколько они сами продадутъ своихъ товаровъ и никакъ не болѣе или, лучше сказать, настолько, насколько Россія должна заплатить Англіи. Всякій же избытокъ покупки со стороны англичанъ можетъ быть вызванъ только такимъ пониженіемъ цѣнъ на наши произведенія, которое дало бы имъ возможность сбыта своихъ произведеній. Такимъ образомъ, удешевленіе провоза по маріинской системѣ нашихъ товаровъ, безъ соотвѣтственнаго пониже-

нія ввозныхъ пошлинъ на заграничные товары, не можетъ возвысить цѣны нашихъ произведеній на мѣстахъ ихъ заготовленія, а непремѣнно понизитъ цѣну ихъ здѣсь, въ Петербургѣ, и разница эта пойдетъ на уплату ввозныхъ пошлинъ съ заграничныхъ товаровъ. Слѣдовательно, если мы остановимся только на полумѣрѣ улучшенія путей сообщенія, то будемъ дѣйствовать въ подрывъ покровительственной системѣ, безъ всякой выгоды для нашей земледѣльческой промышленности. Если же, въ виду подобныхъ результатовъ, мы будемъ устанавливать новыя пошлины для огражденія нашихъ фабрикъ или возвышать старыя, то, несмотря на улучшенные пути и на болѣе дешевый провозъ, мы, все-таки, не достигнемъ бо̀льшаго количества сбыта нашихъ произведеній, по недостатку ихъ производства, вслѣдствіе дешевизны цѣнъ на мѣстахъ заготовленія. Вотъ единственный результатъ такой системы торговой политики, при которой заботятся объ увеличеніи вывоза и ограниченіи ввоза— системы, состоящей изъ двухъ стремленій, взаимно себя парализующихъ.

Пора бы, наконецъ, оцѣнить вполнѣ значеніе денегъ въ государствѣ и убѣдиться въ томъ, что деньги не составляютъ богатства, а только орудіе для обмѣна цѣнностей, и что излишнее ихъ количество, къ накопленію котораго направлены всѣ усилія покровительственной системы, нетолько не обогащаютъ странъ, но раззоряютъ ихъ. Если наши соотечественники не могли до сихъ поръ убѣдиться въ этой истинѣ путемъ изученія теоріи денежнаго обращенія, то могли бы, кажется, обратить вниманіе на историческіе факты, которые всѣ вмѣстѣ подтверждаютъ эту истину самымъ нагляднымъ образомъ. Если же ни опытъ Испаніи въ XVI-мъ столѣтіи, ни опытъ Калифорніи и Австраліи въ XIX-мъ ихъ не убѣждаютъ, то неужели и примѣръ Германіи, совершающійся на нашихъ глазахъ, недостаточно краснорѣчивъ, чтобы убѣдить ихъ въ несомнѣнности научныхъ положеній? Германія получила пять милліардовъ франковъ контрибуціи, и это повело лишь къ тому, что подняло цѣны на всѣ предметы потребленія и вызвало денежный и промышленный кризисъ. Германія не достигла этимъ путемъ даже и того, чтобы затруднить денежное обращеніе во Франціи, и, по мѣрѣ того, какъ Франція одной рукой уплачивала контрибуцію, другой она получала это золото въ видѣ уплаты за свои произведенія, цѣна которыхъ на германскихъ рынкахъ возвысилась значительно и вызвала громадный ихъ вывозъ изъ Франціи. Неужели фактъ этотъ говоритъ недостаточно краснорѣчиво въ доказательство того, что богатство заключается не въ деньгахъ, а въ обиліи всѣхъ предметовъ потребленія, чему свободный обмѣнъ можетъ только содѣйствовать, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ повредить?

А. Головачовъ.

РЕАЛЬНЫЙ РОМАНЪ ВО ФРАНЦІИ.

(Три публичныхъ чтенія П. Д. Боборыкина) [1].

Чтеніе первое.

Родоначальники реальнаго романа во Франціи: — *Генрихъ Бэль* (Стендаль) и *Бальзакъ*. — Особенности и совокупность творчества Бальзака — *Гюставъ Флоберъ*. — Анализъ его романовъ «Г-жа Бовари» и «Сентиментальное Воспитаніе».

Мм. Гг.

Мнѣ предстоитъ представить вамъ картину движенія реальнаго романа въ такой странѣ, гдѣ развитіе личности и соціальныя условія поставлены гораздо рѣзче, чѣмъ у насъ, находятся въ несравненно бо̀льшей связи и взаимодѣйствіи. Но нетолько у насъ, даже и во Франціи, гдѣ художественная беллетристика достигла такого высокаго уровня въ послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ, критика долго не могла выбиться или изъ тенётъ формальнаго отношенія къ искуству, или изъ цѣлой массы одностороннихъ взглядовъ, направленій, вкусовъ, предразсудковъ. Только въ новѣйшее время, преимущественно по иниціативѣ двухъ критиковъ, Сент-Бёва и Тэна, начали и во французской критической литературѣ пріобрѣтать права̀ гражданства: болѣе правильный *методъ*, болѣе широкая постановка литературныхъ вопросовъ, болѣе философское отношеніе къ произведеніямъ писателей, заявившихъ ярко свою творческую индивидуальность.

Теперь, въ серьёзной французской критикѣ, если взять ея нынѣшняго представителя Тэна, нельзя уже иначе разбирать литературные продукты извѣстнаго писателя, какъ приводя ихъ въ непосредственную и тѣснѣйшую связь съ его личнымъ развитіемъ, съ особенностями житейской дороги, съ окружающей

---

[1] Чтенія эти происходили, въ мартѣ текущаго года, въ с.-петербургскомъ собраніи художниковъ, въ пользу «Общества для пособія лицамъ женскаго пола, обучающимся на врачебныхъ курсахъ при медикохирургической академіи и въ педагогическихъ курсахъ».

его средой, соціальными и политическими явленіями общественной жизни за тотъ періодъ, когда онъ дѣйствовалъ въ литературѣ. Такой методъ заключаетъ въ себѣ научно-философскій принципъ и предполагаетъ предварительное изученіе всего того, что̀ необходимо для сколько-нибудь полной оцѣнки произведеній автора. Въ этомъ методѣ играютъ, стало быть, роль не одна только частная психологія писателя, но и психологическія изслѣдованія окружающей среды и цѣлаго общества подъ вліяніемъ на него болѣе или менѣе крупныхъ соціальныхъ явленій. Для того, чтобы такой здоровый и плодотворный методъ могъ быть примѣняемъ, необходимо накопленіе матеріала во всѣхъ смыслахъ, а это возможно лишь въ такой литературѣ, гдѣ множество людей занимается собираніемъ всякихъ подробностей какъ изъ жизни выдающихся личностей, такъ и изъ разныхъ общественныхъ сферъ—и тогда критику, которому принадлежитъ инициатива обобщенія, уже легче сдѣлать изъ своей работы что̀-нибудь законченное, меткое, цѣльное и объективное. Намъ еще долго ждать подобныхъ работъ. У насъ слишкомъ мало накоплено біографическаго матеріала, слишкомъ незначителенъ кружокъ людей, занимающихся подготовительнымъ трудомъ, дающимъ критику возможность дѣлать вѣрные и знаменательные выводы. У насъ до сихъ поръ довольствуются скорыми приговорами, и публика нетолько это допускаетъ, но даже въ извѣстной степени любитъ. Она еще не привыкла слѣдить медленно и спокойно за процессомъ выработки критическихъ мнѣній, взглядовъ и вердиктовъ. Ей еще нужно ежедневное руководительство, ежедневный контроль надъ ея собственными вкусами. Слишкомъ научная объективность легко покажется ей безцвѣтнымъ резонёрствомъ, отсутствіемъ тѣхъ симпатій и убѣжденій въ самомъ критикѣ, которыми она, въ данную минуту, всего болѣе дорожитъ.

Попробуемъ же охарактеризовать главное движеніе французскаго реальнаго романа за послѣднія сорокъ лѣтъ не съ точки зрѣнія нашихъ личныхъ симпатій или предубѣжденій, а съ помощью того метода, тѣхъ пріемовъ, которые вырабатываются лучшими французскими критиками, причемъ мы, конечно, предоставимъ себѣ право къ результатамъ французскаго критическаго анализа прибавить все то, что̀ произведенія крупныхъ французскихъ романистовъ говорятъ нетолько ихъ соотечественникамъ, но и намъ, явившимся позднѣе на аренѣ европейской литературы. Насъ должно интересовать, главнымъ образомъ, то: изъ какихъ элементовъ сложился современный реальный романъ во Франціи, какія умственныя и соціальныя условія способствовали его развитію и кто выражалъ его самыя существенныя задачи и особенности?

Французское общество эпохи реставраціи было колыбелью, гдѣ зародились главные элементы реальнаго романа. Тогдашнее общество прошло черезъ рядъ самыхъ крупныхъ испытаній. Лю-

ди зрѣлыхъ лѣтъ, къ какой бы они партіи ни принадлежали, воспитались болѣе или менѣе подъ вліяніемъ идей, принесенныхъ съ собою 89-мъ годомъ, или же въ духѣ ярагo противодѣйствія имъ. Новые принципы точной науки, болѣе строгой логики, смѣлаго анализа, рядомъ съ множествомъ идеальныхъ стремленій, были усвоены лучшими изъ нихъ. Затѣмъ, бурная эпоха республики, консульства и первой имперіи бросала людей во всевозможные концы Европы, а дома заставляла проходить черезъ рѣзкую школу борьбы, компромиса, страстныхъ надеждъ и часто всеобщаго паденія нравственныхъ силъ. Реставрація принесла Франціи внѣшнее успокоеніе и облекла ее клерикальнымъ покровомъ; но эта придворно-оффиціальная оболочка нисколько не мѣшала внутреннимъ жизненнымъ силамъ бродить и приготовлять новые взрывы, новое движеніе идей, соціальныхъ задачъ и нравственныхъ идеаловъ. Къ половинѣ двадцатыхъ годовъ, литература начала все сильнѣе и сильнѣе сбрасывать съ себя узы устарѣлаго классицизма, ища иныхъ путей художественнаго творчества. Но это движеніе, носящее во всей Европѣ имя *романтизма*, имѣло во Франціи значительно другой оттѣнокъ. Романтизмъ значилъ тамъ не одно преклоненіе передъ средневѣковыми формами жизни, а, главнымъ образомъ, и сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, освобожденіе изъ-подъ гнёта мертвыхъ классическихъ формъ во имя всего, что̀ характерно, живо, полно содержанія, смѣлости и яркихъ красокъ. Поэтому-то и нѣтъ ничего страннаго, что къ французскимъ романтикамъ конца двадцатыхъ годовъ долженъ быть причисленъ и родоначальникъ реальнаго романа во Франціи—Генрихъ Бэль, извѣстный больше подъ псевдонимомъ *Стендаля*. Онъ, по времени—одинъ изъ первыхъ бойцевъ за романтизмъ, одинъ изъ ярыхъ противниковъ старыхъ литературныхъ традицій и формъ, потерявшихъ всякое жизненное значеніе. Но сто̀итъ только присмотрѣться къ этой личности, узнать ея судьбу, ознакомиться съ ея дѣятельностью, чтобъ прійти къ убѣжденію, что это былъ именно родоначальникъ реализма въ самомъ полномъ, въ высшемъ смыслѣ слова. Стендаль какъ разъ представляетъ собой типъ человѣка, стоящаго на рубежѣ двухъ столѣтій. Онъ родился еще до революціи, и юность его прошла подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей восемнадцатаго вѣка. Философскіе писатели школы энциклопедистовъ, а затѣмъ мыслители временъ республики и первой имперіи, извѣстные подъ именемъ *идеологовъ*, дали ему умственную выправку, и онъ остался весь свой вѣкъ вѣренъ этому основному направленію. Никогда въ немъ не умиралъ аналитикъ, желающій все логически провѣрить, послѣ того какъ онъ собралъ матеріалы путемъ точнаго и объективнаго наблюденія. Съ юношескихъ лѣтъ Стендаль долженъ былъ пройти разнообразную и бурную карьеру: былъ солдатомъ, перепробовалъ много профессій, дѣлалъ походъ въ Россію въ 12-мъ году и провелъ половину своей

жизни въ Италіи, которую полюбилъ, какъ свою вторую родину, и даже завѣщалъ сдѣлать такую надпись надъ своей могилой: «здѣсь лежитъ Генрихъ Бэль, миланецъ». Такая разнообразная жизненная дорога, въ связи съ образованіемъ въ духѣ философіи восемнадцатаго вѣка и съ необыкновенной умственной воспріимчивостью ко всѣмъ яркимъ явленіямъ жизни, сдѣлали изъ Стендаля какъ бы центральную натуру, вобравшую въ себя лучшія особенности французскаго писателя. Онъ всю свою жизнь не переставалъ собирать матеріалы, избравъ предметомъ своимъ психологію современнаго человѣка подъ вліяніемъ на него окружающей среды, и, въ то же время, онъ живо интересовался всѣми проявленіями художественнаго генія въ пластическихъ искуствахъ и въ *музыкѣ*, отдавая этой области половину своей писательской дѣятельности.

Какъ реальный писатель-французъ, онъ выступилъ съ совершенно оригинальными пріемами и богатымъ содержаніемъ въ романѣ своемъ «Красное и черное», гдѣ изображается какъ разъ французское общество эпохи реставраціи. Лучшіе французскіе критики находятъ, что Стендаль представляетъ собой соединеніе мыслителя и ученаго натуралиста съ литераторомъ, почему и замыселъ главнаго его произведенія, постановка лицъ, развитіе интриги—все это ведено путемъ почти строго-научнаго изслѣдованія. Поэтому-то французскіе же критики и находятъ, что Стендаль не былъ никогда настоящимъ художникомъ въ смыслѣ непосредственной воспріимчивости, въ смыслѣ такъ-называемаго вдохновенія. Онъ писалъ не затѣмъ, чтобъ увлечь читателя, набросать краски, произвести эффектъ, доставить на каждомъ шагу чисто-эстетическое наслажденіе, а затѣмъ, чтобъ какъ можно глубже войти въ извѣстную среду, гдѣ дѣйствуютъ столкновенія между различными душевными организмами. Вотъ по этой-то человѣческой психологіи, по ея серьёзности, правдивости, тонкости, Стендаль и стоитъ такъ высоко; эта-то психологическая спеціальность на подкладкѣ хорошаго знанія жизни своихъ современниковъ и даетъ ему право на званіе родоначальника реальнаго романа во Франціи. Понятно, что, если писатель кладетъ весь свой умъ, всю свою душу въ изслѣдованіе внутреннихъ мотивовъ людей, выводимыхъ имъ, то онъ будетъ меньше обращать вниманія на свою внѣшнюю манеру. И, дѣйствительно, Стендаль писалъ суховато, пространно, почти безъ метафоръ, безъ цвѣтовъ краснорѣчія. Вы находите, что это—скорѣе языкъ натуралиста, чѣмъ беллетристическаго писателя. Онъ заботится только объ одномъ—объ ясности и вѣрности выраженія; но его суховатая манера ведетъ къ несомнѣнному достоинству, которое впослѣдствіи развито было новѣйшими романистами реальной школы—къ художественной *точности*, а она, въ свою очередь, помогаетъ рельефности, выпуклости образовъ, когда писатель обладаетъ болѣе яркимъ литературнымъ талантомъ, чѣмъ талантъ Стендаля.

Изъ всего собранія произведеній Стендаля, обнимающихъ собою различные роды писательства, начиная съ этюдовъ публициста и кончая путешествіями и монографіями по исторіи искуствъ, я долженъ остановиться на упомянутомъ мною романѣ «Красное и черное». Года два тому назадъ, въ журналѣ «Отечественныя Записки» было въ первый разъ сдѣлано большое извлеченіе изъ этого романа. Едва ли не въ первый же разъ русская публика и познакомилась немного съ именемъ и дѣятельностью Стендаля. Онъ былъ *заново* отрекомендованъ ей, въ чемъ, однако, нѣтъ ничего особенно удивительнаго, такъ какъ и на своей родинѣ, во Франціи, онъ только послѣ полнаго изданія его сочиненій, уже въ пятидесятыхъ годахъ, возведенъ былъ критикой на степень первокласснаго романиста, а до тѣхъ поръ имя его было извѣстно однимъ тонкимъ знатокамъ литературы. Романъ «Красное и черное» потому слѣдуетъ взять, какъ центръ дѣятельности Стендаля, что онъ, и по своему содержанію, и по своей манерѣ, представляетъ собою, безъ сомнѣнія, прототипъ новаго реальнаго творчества въ повѣствовательномъ родѣ. Содержаніе его очень несложно и можетъ, на первый разъ, показаться сочиненнымъ, отзывается какъ будто выдуманностью, присущей самымъ посредственнымъ французскимъ романистамъ. Позвольте напомнить вамъ его вкратцѣ.

Очень молодой крестьянинъ, Жюльенъ Сорель, воспитанный въ грубой семьѣ, гдѣ онъ натерпѣлся много горя и оскорбленій, попадаетъ на выучку къ сельскому священнику и тамъ, чувствуя въ себѣ умственную силу, характеръ, волю, наклонный всего больше къ наслажденіямъ гордости, составляетъ себѣ планъ: выйти въ люди духовной карьерой, которая тогда, въ эпоху реставраціи, была самая выгодная. Юношей, съ кое-какой школьной выучкой, дѣлается онъ домашнимъ учителемъ у мэра провинціальнаго города, доводитъ его жену до связи съ собою; потомъ, когда мужъ начинаетъ подозрѣвать ихъ, поступаетъ въ духовную семинарію; оттуда его рекомендуютъ въ секретари къ старому скучающему аристократу, маркизу Ла-Моль, живущему въ Парижѣ. Онъ становится свѣтскимъ человѣкомъ и увлекаетъ дочь маркиза до того, что отецъ, узнавши про ихъ связь и беременность дочери, принужденъ согласиться на ихъ бракъ и доставить будущему зятю мѣсто въ кавалерійскомъ полку, стоящемъ въ Страсбургѣ. Жена мэра пишетъ письмо, выставляющее Жюльена въ очень печальномъ свѣтѣ. Онъ мститъ ей попыткой убійства и попадаетъ на эшафотъ. Какъ видите: интрига несложная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы отзывающаяся мелодрамой. Но если вы прочтете весь романъ, то убѣдитесь, что вся эта романическая исторія есть не что иное, какъ роковая обстановка, вызванная душевными страстями и побужденіями главнаго героя Жюльена. Нельзя, конечно, сказать, что онъ не могъ бы кончить иначе, но вы непремѣнно признаете, что такія именно житейскія столкновенія должны были привести

Жюльена къ его печальному концу. Психологическій анализъ *впервые* явился у Стендаля, какъ вопросъ первенствующаго интереса въ романѣ. Онъ его распространяетъ рѣшительно на всякій мотивъ, на каждое обстоятельство жизни своего героя. И, въ то же время, другія лица выступаютъ передъ вами не какъ статисты, наполняющіе сцену, а какъ дѣйствительныя личности, вполнѣ принадлежащія своей средѣ и эпохѣ. Въ этомъ смыслѣ, Стендаль, опять-таки—родоначальникъ новаго романа во Франціи. У него психологія одного главнаго лица, вмѣстѣ съ характеристикой второстепенныхъ лицъ, находится въ прямой связи и зависимости отъ настроенія временъ, отъ физіономіи всего общества. Сотни подробностей, разсыпанныхъ по роману, даютъ вамъ чувствовать, что̀ такое была эта эпоха реставраціи и въ провинціи, и въ Парижѣ, какимъ людямъ давала она ходъ, какую комедію продѣлывали тогда вліятельные классы, какое глухое броженіе жило во всѣхъ, кто задыхался отъ фальши и мракобѣсія той оболочки, въ какую попало французское общество. Въ лицѣ Жюльена Стендаль поставилъ во французскомъ романѣ главную его фигуру, которая до сихъ поръ дѣйствуетъ и въ жизни, и въ литературѣ, подъ различными видоизмѣненіями. Это — человѣкъ изъ народа съ энергіей, съ воображеніемъ, съ нервностью, съ упорными страстями, желающій во что̀ бы то ни стало проложить себѣ дорогу, добиться мѣста на общественной трапезѣ, показать, что личныя качества должны непремѣнно взять верхъ въ такой странѣ, гдѣ всякія сословныя преграды, всякія мертвящія традиціи подлежатъ, рано или поздно, разрушенію. Въ романѣ Стендаля является также характерное для Франціи центростремительное движеніе въ Парижъ всѣхъ тѣхъ, кто чувствуетъ потребность въ широкой дѣятельности, въ удовлетвореніи своимъ страстямъ, идеямъ, своей жаждѣ власти, наслажденій и дѣла... До сихъ поръ движеніе это продолжается и дѣлается съ каждымъ днемъ сильнѣе. Словомъ, *какъ* мотивы общественной психологіи, *такъ* и мотивы психологіи частной поставлены и уже разработаны были Стендалемъ въ широкихъ размѣрахъ.

Послѣ него и даже одновременно съ нимъ (потому что онъ умеръ только въ началѣ сороковыхъ годовъ), французскій реальный романъ вступилъ во второй періодъ своего развитія. Другой громадный талантъ, и на этотъ разъ ужь талантъ преимущественно созидающій и литературный, дополнилъ задачу художественнаго творчества и обнялъ своимъ воображеніемъ, своимъ знаніемъ, своею наблюдательностью всю почти совокупность современной ему французской жизни за цѣлую эпоху, начиная съ послѣднихъ годовъ реставраціи и вплоть до февральской революціи. Этотъ романистъ-гигантъ былъ Бальзакъ. Какъ ни извѣстно имя Бальзака, но я думаю, что до сихъ поръ въ нашей читающей публикѣ нѣтъ совершенно ясныхъ представленій о размѣрахъ и значеніи его творчества. Новѣйшія генера-

ціи врядъ ли читали его. Когда-то переводили его и въ журналахъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ, но далеко не всѣ его лучшія произведенія существуютъ на русскомъ языкѣ. И въ нашей литературной критикѣ этотъ романистъ прошелъ не то что незамѣченнымъ, а безъ серьёзной и всесторонней оцѣнки. Бѣлинскій, напримѣръ, вѣроятно, вслѣдствіе плохаго знанія французскаго языка и литературы, а еще болѣе подъ вліяніемъ различныхъ художественныхъ и нравственныхъ теорій, относился къ Бальзаку чрезвычайно неровно въ разныя эпохи своего критическаго развитія: то увлекался нѣкоторыми его фигурами, гораздо болѣе выдуманными, чѣмъ реальными—напримѣръ, фигурой Феррагюса—то ставилъ его такъ низко, какъ только можно было тогда поставить французскаго романиста. Критика конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, за исключеніемъ Дружинина, писавшаго о западныхъ литературахъ и о Бальзакѣ, была слишкомъ занята своими интересами. Вышло такъ, что къ текущему десятилѣтію у насъ не составилось никакого опредѣленнаго взгляда на дарованіе такой громадной силы. Есть много предразсудковъ въ ходячихъ критическихъ понятіяхъ русскаго образованнаго общества. Къ числу ихъ принадлежитъ слишкомъ пренебрежительное отношеніе ко всей области французскаго романа. Никто у насъ не желаетъ привести въ связь пріемы, манеру и содержаніе новой русской беллетристики съ тѣмъ, что̀ сдѣлано по этой части французскими романистами, преимущественно Бальзакомъ. Чтобъ почувствовать его значеніе, какъ воспроизводителя реальной жизни, надо совсѣмъ уйти въ міръ, созданный имъ, изучить его и потомъ ужь разложить его творчество на составныя части. Тогда только можно съ ясностью увидать, ка̀къ этотъ поразительный талантъ расширилъ рамки литературнаго изображенія, ка̀къ онъ намѣтилъ почти всѣ тѣ пути, по которымъ романисты нетолько его страны, но и въ чужихъ литературахъ двигались и двигаются до сихъ поръ.

Личная судьба этого человѣка сложилась такъ, что онъ долженъ былъ превратиться въ какую-то пишущую машину. По крайней мѣрѣ, *двадцатилѣтній* періодъ провелъ онъ въ самой усиленной лихорадочной работѣ. Цѣль этой работы была чисто внѣшняя: матеріальная нужда, освобожденіе отъ большаго долга, сдѣланнаго имъ въ началѣ своей житейской карьеры. Другая натура, конечно, не выдержала бы борьбы въ такихъ условіяхъ. Обыкновенный писатель истощился бы прежде времени; но Бальзакъ въ этой постоянной погонѣ за литературной наживой находилъ все бо̀льшій и бо̀льшій импульсъ къ самому разнообразному и энергическому творчеству. Его пріемы были также пріемами натуралиста, иногда даже болѣе, чѣмъ въ работѣ Стендаля. Все, что̀ только входило въ замыселъ произведенія: мѣстность, улица, домъ, комнатная обстановка, лицо, платье, привычки—все это обслѣдовалось и описывалось до мельчай-

шихъ подробностей. Для него не существовало никакого безобразія, пошлости, даже грязи, не представляющихъ извѣстнаго описательнаго или психическаго интереса. Онъ, какъ истый естествоиспытатель, не допускалъ въ процессѣ своего творчества никакихъ нравственныхъ различій между добромъ и зломъ, никакихъ щекотливостей вкуса, не позволяющихъ копаться въ томъ, что̀ некрасиво или возбуждаетъ отвращеніе. Но при этомъ, сильная, нѣсколько вульгарная, размашистая натура Бальзака брала свое. Что̀ бы онъ ни дѣлалъ, какъ романистъ—описывалъ ли, разсказывалъ ли, разсуждалъ ли—онъ каждому виду творческой работы придавалъ колоритъ своей собственной индивидуальности. Оттуда происходили, во-первыхъ, всѣ неровности, угловатости, всѣ претензіи его пестраго и далеко неизящнаго языка. Языкъ этотъ вырабатывался имъ съ большимъ рвеніемъ, даже съ большими усиліями. Извѣстны подробности того, ка̀къ онъ обыкновенно писалъ. Первоначально онъ набрасывалъ родъ краткаго конспекта, родъ остова въ повѣствовательной формѣ, и этотъ романъ въ зародышѣ отправлялъ прямо въ типографію. Потомъ каждую корректуру испещрялъ онъ множествомъ добавленій, вставокъ, измѣненій и поправокъ, доходя до десятой корректуры, а иногда и больше; такъ что окончательная редакція представляла собой почти совершенно другое произведеніе, чѣмъ первоначальный остовъ, набросанный сразу на бумагу. Въ этомъ смыслѣ Бальзакъ можетъ служить самымъ блестящимъ и поучительнымъ примѣромъ работника интеллигенціи, который желалъ всегда дать самый совершенный продуктъ своего таланта и умѣнья, находясь постоянно подъ гнетомъ денежной нужды, имѣя, стало быть, оправданіе гораздо болѣе спѣшной и небрежной работѣ. Извѣстно также, что онъ до галлюцинацій проникался своими сюжетами, личностями и судьбой созданныхъ имъ фигуръ и типовъ. Онъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, жилъ съ ними. Онъ способенъ былъ даже, покончивъ романъ, интересоваться дальше въ своемъ воображеніи тѣмъ, что̀ станется съ такимъ-то или инымъ лицомъ изъ этого романа. И это не была безпорядочная фантазія, совершенно оторванная отъ дѣйствительности. Напротивъ, воображеніе его работало всегда въ предѣлахъ той именно сферы, въ какую онъ вставлялъ своихъ героевъ. Свойство это, развитое уединеніемъ и почти всегда ночной работой, коренилось въ предварительномъ писательскомъ развитіи Бальзака. Онъ очень рано пріучилъ себя жить въ постоянной наблюдательности: ходя по улицѣ, прислушиваясь и присматриваясь къ разговорамъ и людямъ, онъ вбиралъ въ себя, какъ жадный аппаратъ, всѣ мельчайшія впечатлѣнія дѣйствительности и привыкалъ къ этой невидимой работѣ съ каждымъ днемъ все больше и больше. Остальное додѣлывалъ онъ необычайной памятью и необыкновенной дѣльностью въ группировкѣ житейскихъ фактовъ. Ни одинъ романистъ нашего вѣка не выказывалъ въ своихъ произведеніяхъ столько дѣйствитель-

наго, практическаго знанія жизни своихъ современниковъ. Это — вовсе не фраза, что по нѣкоторымъ романамъ Бальзака или, лучше сказать, по всѣмъ почти романамъ, если не вполнѣ, то частью, можно изучить различныя стороны дѣловой жизни во Франціи. Бальэакъ никогда не былъ спеціалистомъ по какой-нибудь части, но въ его романахъ вы найдете поражающеее знаніе подробностей, относящихся къ міру промышленности, крупной и мелкой торговли, судейскихъ порядковъ, чиновничества и т. д. Этого рода реализмъ дѣлаетъ изъ него, по времени, перваго дѣловаго бытописателя девятнадцатаго вѣка. Но главная его сила заключается въ полнотѣ и глубинѣ творчества отдѣльныхъ лицъ и типовъ въ ихъ связи съ окружающей средой. При этомъ, не надо забывать, что къ нѣкоторымъ лицамъ, напримѣръ, женскимъ, къ такимъ натурамъ, которыя должны проявлять собой болѣе свѣтлыя стороны человѣческой души, Бальзакъ имѣлъ меньше творческой способности. Его царство, это — натуры хищниковъ разнаго рода, дѣльцовъ, авантюристовъ, людей житейской рутины, порочныхъ организмовъ, темныхъ душъ, воспитанныхъ въ затхломъ воздухѣ будничной дѣятельности, сильныхъ характеровъ, прошедшихъ школу суровой борьбы со всевозможными стачками и уступками идеаламъ добра и нравственности; цѣлая галлерея оригиналовъ и маніаковъ, преисполненныхъ особенностями, вытекающими прямо изъ подробностей бытовой жизни такого общества, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ безпощадная борьба за существованіе въ различныхъ ея видахъ. Такой богатой коллекціи вы не найдете рѣшительно ни у одного романиста нашего вѣка, вплоть до послѣднихъ дней; и даже въ тѣхъ фигурахъ, которыя Бальзакъ нѣсколько сочинялъ, увлекаясь своимъ воображеніемъ, вы, все-таки, находите множество реальныхъ чертъ, хотя черты эти уже не слиты органически, а приставлены, какъ куски, одна къ другой. То же надо сказать и объ языкѣ дѣйствующихъ лицъ Бальзака. *Сочиненность* (то-есть лишнее резонёрство, пестрыя фразы, понахватанныя изъ всевозможныхъ сферъ знанія и мысли) характеризуетъ у него, главнымъ образомъ, такія личности, въ которыхъ вложено гораздо меньше настоящаго реальнаго творчества. Но, вообще, нужно сказать, что языкъ, влагаемый Бальзакомъ въ уста своихъ лицъ, есть его ахиллесова пята. Какъ только лицо не носитъ у него яркаго отпечатка бытовой жизни, какъ только оно не принадлежитъ, по своему общественному положенію, къ какой-нибудь строго опредѣленной категоріи людей, онъ придаетъ ему слишкомъ много своей собственной рьяности и пестроты въ языкѣ. Въ этомъ смыслѣ, Бальзакъ гораздо болѣе поучителенъ по отрицательнымъ, чѣмъ по положительнымъ качествамъ. Такъ точно и его описанія страдаютъ большими и часто ненужными длиннотами, а резонёрская характеристика лицъ и положеній выходитъ зачастую черезъ-чуръ фразиста, черезъ-чуръ наполнена авторскими усиліями слога и мало помогаетъ

живой обрисовкѣ лицъ, которыя гораздо яснѣе выставляются въ самомъ дѣйствіи, въ дальнѣйшемъ ходѣ повѣствованія. Словомъ, творчество Бальзака, во всей своей совокупности, представляетъ собой громадный и живой міръ, но гармонія въ отдѣльныхъ частяхъ этого творчества часто недостаточна. Другими словами: еслибы можно было передѣлать зàново созданный Бальзакомъ міръ, то слѣдовало бы выбрать изъ этой поражающей массы самые совершенные экземпляры, такъ чтобы и описанія, и языкъ дѣйствующихъ лицъ, и интересъ разсказа, и глубина психическаго замысла составляли одно гармоническое цѣлое. Но и въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ произведенія Бальзака, они—неисчерпаемый источникъ самыхъ плодотворныхъ изученій для каждаго, кто желаетъ развить свои писательскія способности въ здоровомъ направленіи.

Если мы сравнимъ Стендаля съ Бальзакомъ, то увидимъ, что Бальзакъ представляетъ собой роскошное развитіе тѣхъ пріемовъ реализма, какіе впервые ввелъ Стендаль. Но Бальзакъ былъ гораздо больше художникъ, чѣмъ Стендаль, со всѣми своими недостатками и недодѣланностями. Стендаль неспособенъ былъ увлекаться продуктами своего воображенія. Онъ только обобщалъ наблюденные имъ матеріалы, между тѣмъ какъ Бальзакъ создавалъ въ самомъ прямомъ смыслѣ слова и влагалъ въ свою работу столько горячности, рьянаго напряженія, блеска, ума, что самый его слогъ производилъ на современниковъ гораздо бòльшее впечатлѣніе, несравненно сильнѣе раздражалъ и завлекалъ ихъ, чѣмъ писательская манера Стендаля, которую и прежде, и теперь считали и считаютъ и суховатой, и скучноватой. Стендаль выбиралъ только такіе характеры, которые позволяли ему изображать съ подробностью и ясностью интересные психологическіе моменты. Онъ былъ до такой степени продуктъ восемнадцатаго вѣка, что не могъ останавливаться на безобразныхъ неправильностяхъ, мелочныхъ гадостяхъ жизни, хотя и оставался постоянно натуралистомъ и объективнымъ наблюдателемъ. Между нимъ и его читателями разстояніе было несравненно бòльшее, чѣмъ между Бальзакомъ и читателями той эпохи, когда Бальзакъ вполнѣ выразилъ свою литературную физіономію. Въ Стендалѣ чувствовался космополитъ, европеецъ, вовсе не принимающій такъ близко къ сердцу всѣхъ дрязгъ житейской дѣйствительности, въ которыя Бальзакъ, какъ романистъ, опускался почти съ наслажденіемъ. Стендаль преслѣдовалъ высшіе психологическіе интересы и все остальное вводилъ только какъ реальную обстановку. Для Бальзака же каждая вещь, всякая подробность, кàкъ бы ничтожна она ни была, представляли самостоятельный интересъ. Онъ не изъ-за одного желанія плодить печатныя страницы предавался такимъ громаднымъ описательнымъ экскурсіямъ. Для него какой-нибудь стулъ, какая-нибудь неправильность лица или походки были источникомъ мельчайшихъ оттѣнковъ описательнаго языка; онъ входилъ въ мелочи,

какъ во что-то чрезвычайно существенное, характерное, необходимое.

Но есть двѣ черты, весьма сходныя между Стендалемъ и Бальзакомъ. Во-первыхъ, наклонность къ изобрѣтенію силы, въ какой бы формѣ она не проявлялась. У Стендаля, если мы возьмемъ его романъ «Красное и черное», сила эта заключается въ душевной выдержкѣ, въ страсти, хотя и не очищенной нравственнымъ чувствомъ, но, все-таки, въ страсти высшаго порядка—*гордости* на подкладкѣ демократическаго протеста, что такъ ярко и разительно-реально выражено имъ личностью героя романа, Жюльена. Но Стендаль нигдѣ не показалъ, что онъ способенъ съ увлеченіемъ воспроизводить такія человѣческія натуры, которыя представляютъ собою аппараты грубой, чисто животной силы, съ побужденіями низшаго качества; онъ нигдѣ не преклоняется передъ успѣхомъ, вызваннымъ матеріальной удачей, неимѣющимъ въ себѣ никакого залога высшей дѣятельности, хотя бы и дурно направленной. Напротивъ, Бальзакъ постоянно чувствовалъ наклонность къ изображенію такихъ типовъ и лицъ, въ которыхъ сказывается безусловная энергія, большею частью направленная на довольно пошлыя цѣли, не руководимая великодушной идеей, а приводящая только къ грубому торжеству успѣха или къ паденію, не вызывающему въ читателѣ никакого симпатичнаго отголоска. Такая наклонность заставляла его даже безсознательно облекать фигуры съ очень порочной, часто отвратительной сущностью въ королитъ, дѣйствующій на воображеніе, дѣлать ихъ очень умными, блестящими, влагать въ ихъ уста всевозможныя тирады изъ собственнаго запаса размышленій, выводовъ и житейскихъ афоризмовъ.

Вторая сходная черта между Бальзакомъ и Стендалемъ заключается въ отсутствіи опредѣленнаго соціально-нравственнаго направленія—такъ, какъ оно понимается въ нашей критикѣ. Стендаль, такъ же, какъ и Бальзакъ, вовсе не заботится о томъ, чтобы выставить себя поборникомъ тѣхъ или иныхъ передовыхъ, двигательныхъ идей. Читая ихъ произведенія, вы видите авторовъ въ манерѣ, языкѣ, въ общихъ разсужденіяхъ и описаніяхъ, въ психической работѣ, но вы почти вовсе не видите ихъ, какъ людей, раздѣляющихъ лучшія симпатіи и стремленія своихъ современниковъ. Стендаль—натуралистъ, скептикъ, много испытавшій на своемъ вѣку и сдѣлавшійся равнодушнымъ къ тому, что теперь называется «злобой дня». Онъ, конечно, не сочувствовалъ общественнымъ порядкамъ, принесеннымъ съ собою реставраціей, но ничѣмъ почти ве заявилъ и своего идеала. Такая объективность вообще хороша въ дѣлѣ литературнаго творчества; но она не должна переходить извѣстный предѣлъ, граничащій съ равнодушіемъ—тотъ предѣлъ, за которымъ начинается уже работа воображенія, лишенная нравственной провѣрки, нравственнаго контроля. Но Стендаль былъ слишкомъ

изященъ по своей натурѣ, почему онъ, оставаясь скептикомъ, все-таки даетъ почувствовать читателямъ, что его нравственные идеалы были выше той дѣйствительности, которую онъ изображалъ. Про Бальзака же и этого нельзя сказать. При всей громадности его ума и разносторонности житейскихъ знаній, онъ не успѣлъ во-время составить себѣ яснаго, широкаго, вполнѣ прогрессивнаго міровоззрѣнія. Всю свою жизнь онъ отдавался непосредственнымъ порывамъ богатой, но безпорядочной натуры, безпорядочной не въ смыслѣ привычекъ или страстей, но въ смыслѣ шаткости главнаго руководящаго мѣрила, т. е. взглядовъ, идей, симпатій и стремленій. Постоянная работа для пріобрѣтенія денегъ сдѣлала его если не жаднымъ, то черезъ-чуръ наклоннымъ мѣрить все въ жизни успѣхомъ матеріальнымъ. Жизнь, поглощенная лихорадочнымъ трудомъ, взаперти, въ постоянныхъ долговыхъ тискахъ, въ исключительномъ нравственномъ воздухѣ отняла у него здоровыя политическія и соціальныя симпатіи, сдѣлала его равнодушнымъ къ текущимъ интересамъ своей родины, не позволила ему укрѣпиться на какомъ-нибудь философскомъ или соціально-нравственномъ грунтѣ. Поэтому-то и нѣтъ ничего удивительнаго, что воспитательное значеніе творческихъ продуктовъ Бальзака для массы читателей весьма слабое, а то такъ и совсѣмъ отрицательное. Молодому уму, слишкомъ юной воспріимчивости трудно переварить всю эту громаду живья, собраннаго и освѣщеннаго такъ, что, въ концѣ концовъ, и порокъ въ его различныхъ видахъ, и грубая себялюбивая сила, и даже грязное преступленіе ведутъ къ матеріальному успѣху, обставляютъ жизнь людей довольствомъ, внѣшнимъ почетомъ, роскошью, вліяніемъ, позволяютъ имъ кончить въ блестящей обстановкѣ свою житейскую дорогу. Но произведенія романиста—не дѣтскія книги и не книги для чтенія юношества. На нихъ нужно часто смотрѣть, какъ естествоиспытатель смотритъ на индивидуумы растительнаго и животнаго царства. Было бы, конечно, лучше, еслибы самъ романистъ поднялся до высшей точки зрѣнія на окружающую его дѣйствительность; но если его произведенія заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные вклады настоящаго реальнаго творчества, если они кажутъ цѣлую картину огромнаго общества за извѣстную эпоху, если въ нихъ геній человѣчества доработывается до мастерскихъ пріемовъ литературнаго искуства, то мы, взявъ изъ всего этого самое лучшее, на основаніи выработанныхъ нами взглядовъ и симпатій, употребимъ результаты въ нашу пользу, т. е. для служенія идеямъ, двигающимъ человѣчество къ научной правдѣ и общественной справедливости. Точно такъ же могутъ поступать и всѣ преемники Бальзака въ дѣлѣ романа, и мы увидимъ, что одинъ изъ нихъ старается теперь пополнить этотъ философско-соціальный пробѣлъ, которымъ Бальзакъ ослабилъ нравственно-воспитательное значеніе своей громадной, почти героической дѣятельности.

Для тѣхъ, кто ищетъ въ художественныхъ произведеніяхъ, прежде всего характеристику цѣлой общественной эпохи, романы Бальзака полны глубокаго значенія. Публицистическая критика, такая, какую Добролюбовъ ввелъ у насъ, могла и можетъ до сихъ поръ обработать «Человѣческую комедію» Бальзака самымъ выгоднымъ для себя образомъ. Вся оборотная сторона буржуазной культуры тридцатыхъ годовъ, весь трагизмъ безпощадной борьбы за существованіе, вся общественная анархія подъ личиной прогресса мечется со страницъ бальзаковыхъ романовъ. Публицистъ, не прибѣгая ни къ малѣйшей натяжкѣ, можетъ черпать, сколько ему угодно, характеровъ, подробностей, сценъ для подкрѣпленія своихъ выводовъ, для бичеванія общественнаго строя, для поднятія уровня нравовъ въ своей странѣ. Такъ оно всегда и бываетъ съ могучими дарованіями: даже ихъ собственная отсталость или гражданское равнодушіе не въ состояніи лишить ихъ творчество серьёзнаго смысла, потому что творчество это было слишкомъ проникнуто жизнью, слишкомъ держалось за реальную дѣйствительность.

Послѣ Бальзака романъ представлялъ собой, какъ я уже сказалъ, громадное зданіе, въ которомъ, на первыхъ порахъ, было очень трудно разобраться. Внутри этого зданія были нагромождены массы всякаго рода матеріаловъ, требовавшихъ критической разчистки. Она явилась не сразу. Хотя подъ конецъ жизни Бальзакъ пользовался уже очень большой репутаціей, но и на своей родинѣ его творчество не было еще достаточно изслѣдовано, не указано было никѣмъ, какія огромныя пріобрѣтенія оставилъ онъ, какъ романистъ, для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній. Замѣчательно, что лучшій критикъ его времени, Сент-Бёвъ, такъ и умеръ, не воздавъ Бальзаку должной оцѣнки. Въ критической карьерѣ Сент-Бёва это была какая-то аномалія. Сент-Бёвъ никогда не хотѣлъ возвести Бальзака на степень первокласснаго французскаго романиста и остался при томъ мнѣніи, что его романы представляютъ собой нѣчто похожее на книжки стараго писателя Пиго-Лебрёна, только приспособлены къ вкусамъ новѣйшихъ читателей дурнаго тона. Самую даровитую характеристику произведеній, натуры и таланта Бальзака находимъ мы у Тэна. Въ его знаменитомъ этюдѣ, появившемся гораздо позднѣе смерти Бальзака, все творчество геніальнаго романиста анализировано въ рядѣ очерковъ, гдѣ сгрупированы составныя части того міра, который представляетъ собой «Человѣческая комедія»—такъ назвалъ Бальзакъ всю совокупность своихъ повѣствовательныхъ произведеній. Для Тэна Бальзакъ—настоящій объектъ научно-философскаго изученія. Онъ нисколько не старается въ своей критикѣ провести какую-нибудь тенденціозную идею, слишкомъ преувеличить дарованіе романиста и значеніе его произведеній. У него-то мы и находимъ тотъ психическо-литературный методъ, о которомъ я говорилъ вначалѣ моей бесѣды. Сент-Бёвъ тоже слѣдо-

валъ этому методу, но только не въ отношенiи Бальзака, котораго онъ сразу не понялъ, подъ впечатлѣнiемъ различныхъ отрицательныхъ свойствъ романиста. Вотъ этими-то отрицательными свойствами и долженъ я буду въ настоящую минуту еще разъ заняться, чтобы показать окончательно, что̀ слѣдовало преемникамъ Бальзака дополнить, а то такъ и за̀-ново передѣлать въ области реальнаго романа.

Въ Бальзакѣ жило два человѣка. Одинъ былъ настоящiй естествоиспытатель-психологъ и творецъ. Разъ изучивъ лицо, характеръ, типъ, онъ воплощалъ его со всѣми бытовыми и даже физическими особенностями и воспроизводилъ съ поражающей массой подробностей и характерныхъ штриховъ. Но рядомъ съ этимъ воспроизводителемъ истины, съ этимъ творцомъ по преимуществу, жилъ въ Бальзакѣ другой писатель, желавшiй постоянно комментировать свои произведенiя, разсуждать, вдаваться во всевозможныя соображенiя общественнаго, нравственнаго, эстетическаго характера. Эти разсужденiя, эти вторженiя авторской личности въ разсказъ производятъ, почти во всѣхъ романахъ Бальзака, нехудожественную и ненужную пестроту, длинноты, часто совершенно не идущiя къ дѣлу, нарушаютъ гармонiю цѣлаго, мѣшаютъ общему вѣрному колориту произведенiя. Въ Бальзакѣ этотъ второй писатель давалъ постоянно ходъ и поблажку своему рьяному темпераменту и воображенiю. Этотъ писатель не довольствовался строгой, трезвой, обнаженной правдой жизни, а увлекался фантазiей, увлекался дурнымъ направленiемъ своего вкуса, *сочинялъ*, т. е. выдумывалъ интриги, положенiя, событiя, даже цѣлыя лица. Поэтому, въ огромномъ складѣ бальзаковскихъ романовъ вы найдете только весьма немного вещей или даже эпизодовъ, гдѣ бы простота *вполнѣ* господствовала, гдѣ бы разсказъ имѣлъ видъ ежедневной жизни, перенесенной въ книгу безъ *всякихъ* прикрасъ, преувеличенiй, или натяжекъ. Даже лучшiя, глубочайшiя произведенiя Бальзака, каковы, напримѣръ: «Бѣдные родственники», «Отецъ Горiо», «Евгенiя Гранде» и др., не избавлены отъ этой искуственной примѣси. Въ большинствѣ же произведенiй вымыселъ положительно вредитъ основѣ реальнаго наблюденiя, которую вы находите въ *каждомъ* изъ романовъ Бальзака. Сочиненная доля такъ сплетается съ трезвой правдой, что нельзя было бы никакой искусной рукой очистить большинство произведенiй Бальзака отъ нехудожественной и лживой примѣси. Поэтому-то влiянiе его на читателей и было вовсе не таково, въ смыслѣ здороваго, реальнаго творчества, какъ можно бы ожидать отъ такого колоссальнаго таланта. Его читатели, и въ особенности читательницы, привыкли къ приподнятому, возбужденному строю разсказа, къ запутаннымъ интригамъ, къ преувеличенiямъ въ колоритѣ и положенiи лицъ. Бальзакъ позволялъ себѣ, даже не разъ, вводить въ сюжеты романовъ исключительныя страсти, противоестественные пороки, различныя случайности душевной патологiи.

И выходитъ, что реальный романъ и послѣ него не стоялъ еще вполнѣ на своихъ ногахъ; но завоевалъ себѣ силой таланта *одного* романиста громадную область, расширилъ необычайно свои рамки. Можно было бы впередъ, апріорически, сказать, что первый истинный талантъ, какой долженъ былъ появиться съ реальнымъ произведеніемъ, чтобъ занять мѣсто дальнѣйшаго двигателя этой области искуства, принесетъ съ собой очистку бальзаковскаго творчества отъ всего лишняго, выдуманнаго, грубо произвольнаго, преувеличеннаго. Такимъ романистомъ и явился, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, т. е. нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Бальзака, Гюставъ Флоберъ.

Скажемъ сначала, кто былъ Гюставъ Флоберъ, новый дѣятель, принесшій съ собой такое произведеніе, которое сразу очистило всю область предъидущаго творчества отъ всякой нереальной примѣси. Гюставъ Флоберъ родился и воспитывался въ Руанѣ, стало быть, по натурѣ принадлежитъ къ породѣ сѣверныхъ французовъ, наклонныхъ къ спокойному наблюденію, къ усидчивому труду, къ трезвой правдѣ. По окончаніи курса въ мѣстномъ коллежѣ, онъ изучалъ медицину, но доктора изъ него не вышло, и онъ предался серьёзно литературнымъ занятіямъ. Въ публику выступилъ онъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, слишкомъ тридцати лѣтъ, такъ какъ онъ родился въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Романъ, напечатанный имъ, былъ «Г-жа Бовари» съ подзаглавіемъ «провинціальные нравы». Книга, и по заглавію, и по рамкѣ, явилась съ чрезвычайно скромной оболочкой, не претендующей ни на какую литературную революцію. А между тѣмъ, переворотъ тотчасъ же произошелъ! Внѣшнюю извѣстность книгѣ доставилъ, при выходѣ ея въ свѣтъ, процессъ, затѣянный тогдашней прокуратурой, обвинявшей Флобера въ безнравственности, въ нападкахъ на семейную жизнь и на религію. Обвинительную рѣчь произнесъ, тогда еще простой прокуроръ, Пинаръ, бывшій потомъ министромъ Наполеона III. Флоберъ былъ оправданъ послѣ блистательной защитительной рѣчи извѣстнаго Сенара, которому онъ и посвятилъ свою книгу. Императорскій прокуроръ, въ числѣ другихъ подвиговъ, ознаменовалъ себя и такимъ яркимъ непониманіемъ величайшаго произведенія французскаго реальнаго творчества. Преслѣдованіе, обрушившееся на Флобера, въ сущности, понятно: вторая имперія надѣла на себя тогда маску блюстительницы порядка и нравовъ, и ея клевретамъ могло очень показаться, что содержаніе «Г-жи Бовари» представляетъ собой небывалую смѣлость, которая граничитъ съ попираніемъ всякихъ моральныхъ началъ. Но, какъ ни упало тогда общественное мнѣніе, романъ Флобера былъ сразу встрѣченъ и критикой, и публикой, какъ произведеніе крупнѣйшаго таланта, какъ такой типъ литературнаго творчества, послѣ котораго уже невозможно возвращеніе къ манерѣ Бальзака. И, въ самомъ дѣлѣ, Флоберъ выступилъ съ повѣствованіемъ, гдѣ нѣтъ ни малѣйшей поблажки фантазіи, ни преувеличенія, ни авторскаго резонёрства, ни про-

извольной постановки и групировки лицъ, положеній и подробностей. Позвольте мнѣ припомнить, въ нѣсколькихъ словахъ, содержаніе этого романа. Вы еще разъ согласитесь, что интрига его—нѣчто иное, какъ цѣпь простыхъ событій будничной жизни, выхваченныхъ изъ житья-бытья мелкой провинціальной среды. Шарль Бовари, простоватый малый съ спокойной, добродушной натурой, практикуетъ лекаремъ въ нормандскомъ мѣстечкѣ, около Руана. Мать сначала женитъ его на вдовѣ старше его годами, капризной и очень некрасивой женщинѣ. Онъ пожилъ съ ней немного и остался вдовцомъ. Одному изъ сосѣднихъ богатыхъ фермеровъ случилось повредить себѣ ногу. Бовари, по этому поводу, близко съ нимъ познакомился и, черезъ нѣсколько времени, женился на его дочери Эммѣ, получившей воспитаніе въ монастырѣ, сдѣлавшейся, стало быть, французской *барышней*. Эмма сначала вообразила себѣ, что она выходитъ замужъ за Бовари по любви, но тотчасъ же увидала, что никакой любви къ нему у нея нѣтъ, и стала скучать на всевозможные лады. Скука повела ее къ сентиментальнымъ отношеніямъ съ молодымъ клеркомъ Леономъ, а, по отъѣздѣ его, она впервые испытала натискъ страстной, любовной потребности и отдалась сосѣднему помѣщику Родольфу, который, какъ истый эгоистъ и развратникъ, велъ съ ней интригу, эксплуатировалъ ея нервность, темпераментъ и эксцентричность. Когда она, въ порывѣ раздраженія на мужа и его мать, предложила Родольфу бросить всѣхъ, въ томъ числѣ и дочь свою, и бѣжать съ нимъ, то онъ благоразумно ретировался. Съ Эммой произошелъ послѣ этого болѣзненный кризисъ, а, когда она поправилась, то началась снова ея хандра, проявлявшаяся то въ набожности, то въ благотворительности, то въ крайней мягкости ко всему, то въ цѣломъ рядѣ капризовъ. Мужъ продолжалъ чувствовать къ ней прежнее обожаніе; но, съ самыхъ первыхъ шаговъ ея на пути супружеской невѣрности, она не переставала смотрѣть на него, какъ на низшее существо, еле выносила его и безъ всякаго раскаянія смотрѣла на свое прелюбодѣяніе. Новый случай, т. е. поѣздка въ Руанъ, свела ее опять съ Леономъ, съ которымъ она когда-то платонически перешептывалась; и тогда, безъ всякой борьбы, подчиняясь опять побужденіямъ своей тревожно-чувствительной натуры, Эмма отдается ему и начинаетъ уже систематически обманывать мужа поѣздками въ Руанъ подъ предлогомъ занятій музыкой. Тѣмъ временемъ, она запуталась въ долгахъ, дѣланныхъ ею тайно отъ мужа. Ея первый любовникъ отказалъ ей въ денежной помощи, и она отравилась мышьякомъ, сдѣлавши это такъ же порывисто, какъ и все предъидущее. Мужъ, убитый этой смертью, узналъ потомъ о всѣхъ ея невѣрностяхъ, но, при встрѣчѣ съ первымъ ея любовникомъ, Родольфомъ, сказалъ ему простодушно, что онъ на него не въ претензіи и роспилъ съ нимъ бутылку пива. Вскорѣ послѣ того, онъ скоропостижно умеръ, пройдя чрезъ всѣ ступени тоски и паденія нравственныхъ силъ.

Вотъ и все содержаніе романа. Въ такомъ краткомъ очеркѣ оно, все-таки, можетъ иному показаться составленнымъ литературно; но на протяженіи довольно большаго тома, въ 400 слишкомъ убористыхъ страницъ, исторія *Шарля и Эммы Бовари* носитъ на себѣ печать самой обыденной дѣйствительности. Множество подробностей, какъ будто бы совсѣмъ не относящихся къ разсказу, вставлены въ него авторомъ; но когда вы дойдете до конца, то должны будете согласиться, что безъ этой обстановки никогда реальное творчество не достигло бы такой цѣльности и глубины впечатлѣнія. Это, дѣйствительно—сама жизнь, нетолько безъ прикрасъ, но со всѣми ея кажущимися ненужностями, изъ которыхъ, однако, вытекаетъ, какъ средняя пропорціональная, роковая необходимость для главныхъ дѣйствующихъ лицъ чувствовать и поступать такъ, какъ разсказалъ авторъ.

Главный мотивъ этого романа явился въ видѣ все той же супружеской *невѣрности*, которая и до Флобера служила уже сюжетомъ безчисленныхъ беллетристическихъ произведеній. Во французской жизни нѣтъ ничего болѣе ненормальнаго, болѣе подверженнаго всякаго рода нравственнымъ случайностямъ, болѣе скованнаго неразумными обычаями, какъ бракъ въ различныхъ слояхъ общества. Вся остальная Европа, со включеніемъ сюда и нашего общества, пошла гораздо дальше Франціи, если не въ юридической разработкѣ этого учрежденія, то въ нравственной постановкѣ идеи брака. Каждая французская женщина, одаренная какой-нибудь воспріимчивостью, а тѣмъ болѣе воображеніемъ, вкусомъ, нервной стремительностью, рискуетъ, выйдя замужъ, испытать такой кризисъ, который долженъ повести ее къ прелюбодѣянію, если она не запаслась своевременно твердыми правилами, стойкими убѣжденіями. Но гдѣ ихъ взять—эти твердыя правила и эти стойкія убѣжденія? Ее выдаютъ замужъ молодою дѣвушкой. Если она, какъ, въ данномъ случаѣ, г-жа Бовари, получила воспитаніе барышни, то это воспитаніе почти всегда дано ей въ монастырѣ или въ пансіонѣ, имѣющемъ тоже исключительный, полуклерикальный характеръ. Она выходитъ оттуда съ гораздо меньшимъ запасомъ свѣдѣній и знанія жизни, чѣмъ выходили дѣвушки изъ нашихъ институтовъ лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ. Но бѣда была бы еще небольшая, еслибъ, по выходѣ изъ монастырскаго пансіона, она получила въ семействѣ какую-нибудь самостоятельность, еслибъ ей предоставили свободу чтенія, знакомствъ, выбора занятій. Эта послѣдняя идея, т. е. какой-нибудь самобытный трудъ, дающій дѣвушкѣ заработокъ, вовсе не существуетъ ни въ буржуазномъ, ни въ чиновничьемъ мірѣ во Франціи. Онъ есть только достояніе рабочаго класса, гдѣ и маленькія дѣвочки должны помогать отцу и матери своимъ скуднымъ заработкомъ. Дѣвушку, по выходѣ изъ пансіона, желаютъ какъ можно скорѣе выдать замужъ, почему система приданаго держится во Франціи до сихъ поръ точно какое-нибудь государственное учрежденіе. Ни одинъ отецъ и по-

думать не можетъ выдать дочь безъ приданаго. Все время, пока дѣвушка живетъ дома, даже если это будетъ довольно порядочный періодъ, года четыре и больше, она не играетъ никакой роли въ обществѣ, и сближеніе ея съ молодыми людьми въ городахъ крайне затруднительно, а если она въ деревенской обстановкѣ, дочь богатаго фермера, въ родѣ все той же Эммы Бовари, то, хотя ей и предоставляется больше свободы, особенно когда она живетъ съ вдовымъ отцомъ, но голова ея, все-таки, еще не начинала работать въ какомъ-нибудь серьёзномъ направленіи. Она почти всегда находится подъ впечатлѣніемъ той искуственной сентиментальности, какую развиваетъ монастырская жизнь съ примѣсью чувственной религіозности и сладкаго мистицизма, и задумываться надъ выборомъ мужа ни одна француженка въ этотъ періодъ неспособна. Еще хорошо, когда отецъ или мать обратятъ вниманіе на ея личный выборъ, но этотъ выборъ почти всегда случайный, подсказанный уродливымъ складомъ воспитанія и нравовъ. Тоже самое произошло и съ г-жей Бовари, когда она воображала себѣ, выходя замужъ за Шарля, что любитъ его. И тотчасъ же по выходѣ за него, она уже съ совершенно разсудочною ясностью спрашивала себя: зачѣмъ сдѣлалась она его женой? Въ этомъ вопросѣ лежитъ вся трагедія французской интимной жизни. Но не случайный выборъ романиста упалъ на такую натуру, такую психическую индивидуальность, какія мы видимъ въ г-жѣ Бовари. До сихъ поръ это—самая типическая француженка, какая, по моему мнѣнію, существуетъ въ реальномъ французскомъ романѣ. На нее, прежде всего, не слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія условной морали; надо брать ее какъ организмъ, выработанный цѣлой расой и цѣлой культурой. И безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что и раса, и культура вложили въ нее въ высшей степени характерныя черты, почему она имѣетъ право на значеніе *типа*, по преимуществу. Первое доказательство того, что мы напали на органическій типъ, а не на выдумку авторскаго воображенія, это—безсознательность, въ какую облечены всѣ душевные переходы въ жизни даннаго лица. Когда Эмма выходила замужъ за Шарля, она, конечно, поступала совершенно искренно; она не могла отдать себѣ ни малѣйшаго отчета въ томъ, что въ ней говорила смѣсь настоящихъ жизненныхъ свойствъ съ тѣмъ живучимъ, своеобразнымъ, назойливымъ женскимъ эгоизмомъ, какой проникаетъ всю ея задушевную психологію. Иной читатель можетъ, пожалуй, сказать, что Флоберъ употребилъ свой огромный талантъ на идеализацію дрянной бабёнки, мечущейся въ какомъ-то полуистерическомъ, полукатарральномъ припадкѣ всю свою жизнь; но такой идеализаціи вовсе нѣтъ ни въ намѣреніяхъ, ни въ пріемахъ, ни въ обстановкѣ романа. Есть только основная мысль, вытекающая, опять-таки, сама собой, безъ всякаго подчеркиванія автора. Эта мысль, какъ я ее разумѣю, заключается въ слѣдующемъ: натура французской женщины, рож-

денной и воспитанной въ среднемъ классѣ, вообще богата. Все въ ней есть: и умъ, и воображеніе, и вкусъ, и чувство своего достоинства, и значительная даровитость, и энергія, а главное, въ ней всегда живетъ стремленіе къ чему-нибудь, стоящему внѣ и выше ея обыденныхъ ощущеній. Такое стремленіе могло бы быть источникомъ высокихъ подвиговъ и яркихъ добродѣтелей, еслибъ оно поддерживалось здоровымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, еслибъ школа, семья и общество сложились во Франціи совсѣмъ не такъ, какъ создала ихъ тамошняя дѣйствительность. Въ г-жѣ Бовари сидитъ, конечно, назойливый и неугомонный эгоизмъ, если это чувство, это побужденіе, такъ сказать, отпрепарировать въ чистомъ видѣ; но никогда, на протяженіи всего романа, эгоизмъ этотъ не является сознательнымъ, вполнѣ продуманнымъ, направляющимъ всѣ поступки и дѣйствія человѣческой личности къ одной опредѣленной цѣли. Напротивъ, Эмма—чистѣйшая жертва въ рукахъ какого-то ненасытнаго чудовища, пожирающаго ее подъ разными видами, почти не дающаго ей ни малѣйшей передышки для успокоенія среди ея буржуазной обстановки. Вотъ эта-то буржуазная, мелкая, дѣйствительно пошлая обстановка и питала въ ней чувство, раздражавшее ее все больше и больше; она-то и составляла рѣзкій контрастъ съ ея тонкой, воспріимчивой натурой, въ которой залегли всѣ культурныя особенности французской женщины, требующія высшаго развитія и удовлетворенія.

Авторъ, быть можетъ, и не хотѣлъ совсѣмъ задаться подобной идеей, но она сама собой вытекла изъ совокупности творческаго образа, поставленнаго имъ центромъ своего повѣствованія. Флобера характеризуетъ намъ одинъ изъ его послѣдователей (о немъ мы еще будемъ подробно говорить), какъ человѣка, который сильнѣе всего ненавидитъ людскую глупость, почему въ своихъ произведеніяхъ и клеймитъ ее всячески. Флоберъ (говоритъ намъ тотъ же его послѣдователь) не скрываетъ чувства гадливости, почти отвращенія, какое житейская пошлость воспитала и развила въ немъ, какъ въ наблюдателѣ и натуралистѣ. Быть можетъ, позднѣе Флоберъ и пришелъ къ такого рода горькому взгляду на жизнь и людей; но въ «Г-жѣ Бовари» мы не въ правѣ искать въ немъ одного ловца человѣческихъ глупостей и пошлостей: мы имѣемъ передъ собой глубокомыслящаго художника, который не могъ не сочувствовать силамъ женской натуры, заключеннымъ въ г-жѣ Бовари, какъ въ прототипѣ, и не нашедшимъ себѣ никакого здороваго исхода вслѣдствіе отрицательныхъ сторонъ всей французской культуры. Какъ только вы станете на такую точку зрѣнія, а къ ней трудно не придти, романъ получитъ для васъ настоящій свой смыслъ. Это уже будетъ не пространная исторія супружеской невѣрности, но психологія соціальнаго типа, гдѣ каждый штрихъ будетъ держаться за реальныя подробности быта, такъ что ничего изъ этой филигранной работы нельзя выкинуть иначе, какъ въ ущербъ правдѣ, сливаю-

щейся съ цѣлой массой опредѣленныхъ, мѣстныхъ, бытовыхъ фактовъ и чертъ. Еслибъ Флоберъ ограничился анализомъ одной только душевной жизни г-жи Бовари, онъ бы не произвелъ такого переворота въ самой фактурѣ романа, въ постройкѣ его. Психическимъ анализомъ занимались и до него: одинъ Бальзакъ далъ намъ цѣлую галлерею душевныхъ организмовъ, которые онъ умѣлъ анализировать съ необычайнымъ мастерствомъ. Новизна пріемовъ Флобера заключалась въ томъ, что онъ вставилъ исторію развитія отдѣльной женской души въ рамку обыденной жизни цѣлаго провинціальнаго мірка, дѣлая это такъ, что не героиня накладываетъ на свою обстановку извѣстный колоритъ, выдѣляется изъ нея, подавляетъ ее, но сама она играетъ роль продукта среды, сама испытываетъ на себѣ ея гнётъ, и читатель не можетъ отдѣлить ея любовную эпопею отъ мелкихъ фактовъ обыденной жизни, текущей ровно, безстрастно, на протяженіи всего разсказа, обнимающаго собой нѣсколько лѣтъ.

Для насъ, русскихъ, всего лучше взять любой нашъ романъ, гдѣ психологическій анализъ игралъ бы главную роль. Большинство романовъ и повѣстей Тургенева или Достоевскаго представляютъ, главнымъ образомъ, интересъ психологическій. Но возьмите вы любую тургеневскую повѣсть: при всемъ видимомъ реализмѣ манеры, завязки и хода дѣйствія, нельзя не сознаться, что авторъ ставитъ главное лицо или нѣсколько главныхъ лицъ, болѣе или менѣе, особнякомъ, выдѣляетъ ихъ изъ окружающей жизни, дѣлаетъ ихъ носителями или новыхъ идей, или оригинальныхъ чувствъ, завязываетъ между ними отношенія, контрастирующія, такъ или иначе, съ окружающей дѣйствительностью. На этомъ контрастѣ держалось, какъ извѣстно, обаяніе большинства произведеній Тургенева; начиная съ «Записокъ лишняго человѣка» и кончая хотя «Дымомъ», какъ послѣднимъ его крупнымъ романомъ. Вездѣ вы находите русскую жизнь; нѣтъ выдумокъ или умышленныхъ прикрасъ, но непремѣнно центръ, на которомъ сосредоточивается интересъ читателя, выдѣляется по своему колориту, по своему содержанію, по тому ка̀къ онъ поставленъ въ данной средѣ. Нельзя почти привести ни одного произведенія съ романическимъ оттѣнкомъ ни у Тургенева, ни у Достоевскаго, ни у другихъ русскихъ романистовъ, къ которому бы не примѣнялось, больше или меньше, то, что̀ я сейчасъ сказалъ. Исключеніе составляютъ, быть можетъ, произведенія графа Л. Толстого, между прочимъ и его «Война и миръ»; но въ этомъ романѣ, хотя и есть сліяніе между жизнью героевъ и общимъ теченіемъ ежедневной дѣйствительности, но эта дѣйствительность—особенная, съ приподнятымъ строемъ, взятая въ минуты историческія, въ минуты, когда массы дѣйствуютъ вмѣсто отдѣльныхъ личностей. А въ болѣе интимныхъ произведеніяхъ гр. Л. Толстого мы, опять-таки, видимъ тоже самое обособленіе психической жизни главныхъ дѣйствующихъ лицъ, несмотря на необычайную простоту и правду колорита и пріемовъ.

Вспомните любую повѣсть Толстого, начиная съ его «Дѣтства» и кончая «Казаками»: вездѣ обстановка, подробности быта, теченіе окружающей жизни сходятся, какъ въ фокусѣ, въ нравственномъ *я* главнаго героя, который при этомъ не играетъ, повидимому ни особенно видной, ни особенно дѣятельной роли. Мнѣ кажется, что дальше этого русскій психическій романъ и не пошелъ.

Въ «Г-жѣ Бовари» совсѣмъ не то. Хотя она—и главное лицо, но ея психологія изображается такими же точно объективными пріемами, какъ и все остальное въ романѣ. Нѣтъ никакой разницы въ пріемахъ творчества, съ помощью которыхъ авторъ рисуетъ намъ деревенскую свадьбу, земледѣльческій конкурсъ, театральное представленіе или всѣ жгучія ощущенія, постигшія героиню въ различныя минуты ея душевныхъ кризисовъ вплоть до самоубійства, представляющаго собой образецъ высокаго мастерства въ предѣлахъ самаго строгаго и безпощаднаго реализма. Куда бы ни привелъ авторъ свою героиню, онъ не позадумается нисколько ввести въ ея личный романъ всѣ тѣ житейскія подробности, какія, въ данную минуту, должны были вторгнуться и даже заслонить собой романическій интересъ. Припомню два такихъ поразительныхъ мѣста: любовный разговоръ Эммы и Родольфа во время засѣданія земледѣльческаго съѣзда и раздачи наградъ и прогулка той же Эммы съ Леономъ по Руану, когда имъ показываютъ древній соборъ. При всей нашей склонности къ реальному творчеству, я не знаю ни въ одномъ русскомъ романѣ ни одной страницы, гдѣ бы авторъ съ такой смѣлостью распространилъ реализмъ на романическую часть своего повѣствованія. На первый разъ, это кажется претензіей, излишней отчетливостью или даже желаніемъ щегольнуть своею бывалостью, своимъ житейскимъ знаніемъ, своею эрудиціей. Я убѣжденъ, что большинство читательницъ негодовали даже на Флобера за такія ненужныя подробности. Имъ гораздо было бы пріятнѣе пробѣжать эти любовные разговоры безъ прибавокъ и постороннихъ вторженій житейской, пошловатой дѣйствительности. Но стоитъ только нѣсколько отойти отъ картины, наброшенной авторомъ, сообразить ея размѣры, вникнуть въ ея поражающую правду, и тогда будетъ ясно, что иначе нельзя было истинному художнику поступить, не слѣдовало выдѣлять разговора двухъ дѣйствующихъ лицъ изъ обстановки, которая и придаетъ самому этому разговору его настоящій психическій и художественный смыслъ.

Такимъ же новымъ откровеніемъ явился романъ Флобера и по языку. Мы уже говорили, что Бальзакъ до конца своей писательской карьеры оставался рабомъ темперамента и недостаточно развитаго вкуса. Онъ умѣлъ заставлять свои реальные типы говорить языкомъ ихъ среды только тогда, когда эти типы были дѣйствительно наблюдены и глубоко вѣрны своей природѣ. Въ тѣхъ же лицахъ, а ихъ очень не мало въ «Человѣче-

ской Комедіи», которыя онъ создалъ двойственнымъ процессомъ, мѣшая въ нихъ правду съ игрой своей фантазіи, языкъ не только не вполнѣ реальный, а, напротивъ, исполненъ произвола, набитъ всевозможными неологизмами, блестками остроумія, метафорами, контрастами; словомъ, языкъ *дѣланный.* Точно также въ описаніяхъ и въ большихъ разсужденіяхъ, которыми Бальзакъ имѣлъ привычку прерывать разсказъ и гдѣ онъ высказывался часто, какъ авторъ, мы находимъ постоянное усиліе, постоянное желаніе выразиться поярче, поцвѣтистѣе, достичь рѣзкаго и часто грубаго эффекта. Бальзакъ считалъ себя человѣкомъ малоспособнымъ къ литературной работѣ, т. е. былъ убѣжденъ, что онъ пишетъ плохо въ смыслѣ языка и стиля; поэтому, какъ я уже говорилъ вамъ, подвергалъ свои романы продолжительной передѣлкѣ, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ надъ однимъ какимъ-нибудь словомъ и привыкъ такимъ сочинительскимъ процессомъ самоисправленія писать гораздо вычурнѣе, чѣмъ бы слѣдовало ему, какъ творцу живыхъ людей. Гдѣ бы вы ни раскрыли любой романъ Бальзака на такой страницѣ, которая идетъ отъ лица самого автора—будетъ ли то описаніе или разсужденіе—вездѣ сочинительство, въ томъ смыслѣ, какъ я его разумѣю здѣсь, бросится вамъ въ глаза. И матеріальная обстановка, и отношенія людей между собой, и ихъ ощущенія прошли предварительно черезъ сочинительскій организмъ Бальзака, а, стало быть, и потеряли половину своей непосредственности, правды, объективной простоты. У Флобера ничего этого нѣтъ. Съ первыхъ словъ «Г-жи Бовари» вы чувствуете какое-то успокоеніе; вамъ, какъ читателю, легко, удобно; отъ васъ не требуетъ авторъ никакого напряженія, а между тѣмъ, всякая фраза, всякій оборотъ рѣчи несетъ съ собой образъ, составляетъ штрихъ, отмѣченъ печатью силы, яркости, необыкновенной опредѣленности: точно вы читаете какое нибудь даровито-написанное изложеніе научныхъ фактовъ, которое должно помочь вамъ, не видя опытовъ въ аудиторіи, представить ихъ себѣ самымъ яркимъ образомъ. И такъ продолжается на четырехъ стахъ страницахъ. Врядъ ли можно насчитать полдюжины метафоръ, и то самыхъ скромныхъ, самыхъ естественныхъ. Языкъ Флобера точно кованый, безъ малѣйшей примѣси резонёрства или той описательной болтливости, которая встрѣчается у менѣе даровитыхъ реалистовъ. Это—языкъ глубоко мастерской и, въ то же время, поражающій своей дѣльностью. Видно, что авторъ ничего не описываетъ такого, что̀ ему не было бы извѣстно доподлинно, въ мельчайшихъ подробностяхъ. Въ этомъ смыслѣ онъ—прямой продолжатель Бальзака; только онъ вставляетъ свое знаніе быта, людей и обстановки въ гораздо болѣе строгія формы, чѣмъ Бальзакъ, не давая ни малѣйшей поблажки своему авторскому темпераменту, своему авторскому капризу. Точно будто вы на лекціи краснорѣчиваго профессора физіологіи или анатоміи, который не можетъ, по добросовѣстности, пропустить ни одного факта и, въ то же вре-

мя, хочетъ излагать все безъ малѣйшихъ литературныхъ прикрасъ. Такая манера вышла бы сухой, не могла бы совсѣмъ дѣйствовать на воспріимчивость читателя, еслибъ Флоберъ не понялъ той истины, что литературное творчество заключается въ подыскиваньи самыхъ рѣзкихъ и точныхъ признаковъ и въ выраженіи ихъ самымъ точнымъ и характернымъ словомъ. Поэтому-то, отдѣльно взятыя фразы Флобера могутъ показаться не картинными; но, въ совокупности, его языкъ, какъ въ описаніяхъ, такъ, въ особенности, въ душевномъ анализѣ, достигаетъ дѣйствительнаго творческаго совершенства, и уже не по одной простотѣ и строгости, а по сочности, богатству, силѣ, оригинальному пошибу.

Я уже сказалъ, что въ «Г-жѣ Бовари» авторъ сливаетъ личности своихъ героевъ съ ихъ обстановкой и будничной жизнью такъ, какъ это ни до него не дѣлалось во французской беллетристикѣ, ни теперь еще не дѣлается вполнѣ въ нашей реальной литературѣ. И несмотря на это сліяніе лицъ съ обстановкой, характеръ выясняется почти съ подавляющимъ обиліемъ подробностей, съ такими деталями душевной жизни, о которыхъ до Флобера не было почти помина, даже въ творчествѣ Бальзака. Флоберъ не хлопочетъ о томъ, чтобъ нѣсколькими, заранѣе придуманными сценами рѣзко выдѣлить то или иное лицо. Онъ не старается придать языку или жаргону своей героини черезчуръ яркую своеобразность. Онъ беретъ, главнымъ образомъ, обиліемъ психологическихъ признаковъ, почему его произведеніе, да и вообще его творчество, хотя оно и богато анализомъ человѣческаго темперамента, достигаетъ, прежде всего, высоты *психологическаго* изслѣдованія. Сильно ошибаются тѣ, которые смотрятъ на личность г-жи Бовари, какъ на темпераментъ въ его физіологическихъ проявленіяхъ, только слегка окрашенныхъ въ колоритъ душевной жизни. Если Флоберъ—натуралистъ, то онъ—гораздо больше натуралистъ-психологъ, чѣмъ натуралистъ-физіологъ. Изслѣдованія его такъ точны, до такой степени подробны и обстоятельны, что онъ долженъ, поневолѣ, отъ своего лица характеризовать цѣлыя полосы душевной жизни своей героини: иначе онъ потратилъ бы десятки сценъ на выраженіе того, что можно сконцентрировать въ одной чертѣ, въ одной замѣткѣ. Но, обыкновенно, писатели, и въ особенности французскіе романисты, грѣшатъ такими именно авторскими страницами душевнаго анализа. Они или многое прибавляютъ отъ себя, или же приглашаютъ читателя вѣрить имъ на слово. Выходитъ это отъ того, что они держатся, такъ сказать, дедуктивнаго метода: даютъ готовыя обобщенія и не связываютъ ихъ съ отдѣльными фактами, изъ которыхъ извѣстное душевное настроеніе, извѣстная страсть вытекаютъ необходимымъ, роковымъ образомъ. Совершенно въ обратномъ и заключается сила Флобера. Онъ, въ одно и то же время, и обобщаетъ, и показываетъ вамъ почему онъ дошелъ до своихъ обобщеній въ характеристикѣ душевной

жизни героини. А второстепенныя личности, связанныя съ бытовой обстановкой, являются у него именно такъ, какъ бы онѣ попались въ жизни. Онъ вводитъ ихъ въ разсказъ безъ всякихъ приготовленій, комментарій, заставляетъ ихъ говорить и дѣйствовать съ поражающей правдой и реальностью, но вовсе не заботится о томъ, чтобъ каждое изъ этихъ второстепенныхъ лицъ было непремѣнно оригинально въ смыслѣ эфекта, новизны или рельефности. Нѣкоторыя изъ нихъ выходятъ, все-таки, необычайно рельефны, напримѣръ, личность аптекаря, потому именно, что авторъ не задумается, въ данную минуту, заставить ихъ говорить и вести себя такъ, какъ оно происходило въ дѣйствительности, наблюденной имъ.

Врядъ ли какой новѣйшій романистъ составилъ себѣ сразу, однимъ произведеніемъ, такое положеніе, какъ Флоберъ «Г-жею Бовари». Этотъ успѣхъ, по объясненію одного изъ его друзей-рецензентовъ, тотчасъ заставилъ всѣхъ, т. е., и критику, и публику, взглянуть на Флобера, какъ на мастера первой величины, отъ котораго всѣ вправѣ требовать крупнѣйшихъ произведеній въ томъ именно направленіи, какое онъ намѣтилъ. Но (справедливо замѣчаетъ тотъ же критикъ) въ Флоберѣ жило и живетъ два человѣка: реалистъ-наблюдатель съ пріемами научнаго изслѣдователя и поэтъ, отдающійся всѣмъ сердцемъ яркимъ образамъ своего воображенія, любящій уходить въ такія сферы, гдѣ бы онъ могъ удовлетворить своей потребности въ красотѣ. Вотъ почему Флоберъ, послѣ такого произведенія, какъ «Г-жа Бовари», проработалъ нѣсколько лѣтъ надъ романомъ изъ древней кароагенской жизни и совершенно оторвался отъ наблюденій надъ текущей дѣйствительностью. Романъ этотъ, «Саламбо», охладилъ къ нему публику, хотя и признанъ былъ вещью замѣчательной по даровитости выполненія, по блистательнымъ картинамъ, по новизнѣ отношенія къ одной изъ эпохъ исчезнувшей цивилизаціи. Но слѣдуетъ ли винить и публику, и критику въ томъ, что она отнеслась къ этому продукту флоберова таланта совсѣмъ не такъ, какъ къ «г-жѣ Бовари?» Каждый писатель, конечно, воленъ выбирать какіе ему угодно сюжеты: но, когда человѣкъ обладаетъ такимъ дарованіемъ реалиста, какъ Флоберъ, когда онъ такъ мастерски умѣетъ воспроизводить современную жизнь, такъ глубоко понимаетъ *ея* противорѣчія, *ея* печальныя стороны, всю *ея* безпощадную правду, современники этого писателя также въ правѣ желать, чтобъ онъ съ каждымъ годомъ расширялъ поле своихъ наблюденій, черпалъ все больше и больше изъ той «Человѣческой Комедіи», которую Бальзакъ, при всемъ своемъ громадномъ творчествѣ, не могъ исчерпать. Флоберъ и не покинулъ вполнѣ текущей дѣйствительности, но его наблюдательность требовала много времени, чтобъ сложиться въ какое нибудь законченное произведеніе изъ современной жизни. Только по прошествіи десяти слишкомъ лѣтъ, выступилъ онъ, въ концѣ второй

имперіи, со вторымъ своимъ реальнымъ романомъ, которымъ мы и займемся въ параллель съ «Г-жой Бовари». Этимъ романомъ заканчивается пока дѣятельность Флобера, какъ писателя - реалиста, изображающаго французское общество [1]. Послѣднее его произведеніе, опять-таки, въ томъ направленіи, въ какомъ написано «Саламбо», не войдетъ вовсе въ нашъ анализъ. «Искушеніе св. Антонія»—вещь, выходящая совершенно изъ рамокъ того романа, которымъ мы занимаемся въ настоящую минуту. Второй реальный романъ Флобера, носящій не совсѣмъ удачное заглавіе: «Сентиментальное воспитаніе», при своемъ появленіи во Франціи, встрѣченъ былъ большимъ недоумѣніемъ критиковъ, и въ массѣ публики успѣха не имѣлъ. Прежде, чѣмъ я охарактеризую его, необходимо остановиться на этомъ фактѣ недоумѣнія критиковъ и слабаго успѣха въ публикѣ. Французское общество, въ концѣ второй имперіи, начинало опять оживать, пресса подняла голову, все, что̀ было почестнѣе, подаровитѣе, стало призывать націю къ нравственному и политическому возрожденію. Лучшіе люди этой эпохи жаловались всего сильнѣе на измельчаніе характеровъ, интересовъ, общественныхъ идеаловъ и ждали отъ литературы живительнаго толчка, чего-нибудь здороваго, мощнаго—такого, что̀ могло бы встряхнуть молодую генерацію и повести ее по пути гражданскаго и нравственнаго прогресса. И въ эту-то минуту является романъ, обнимающій собой періодъ въ десять лѣтъ, отъ начала сороковыхъ до начала пятидесятыхъ годовъ, гдѣ ни публика, ни критика не нашли ничего такого, чего въ ту минуту всѣ ждали. Нельзя сказать, что реализмъ Флобера повредилъ его произведенію въ глазахъ критики. Нѣкоторые изъ его тогдашнихъ судей были душевно преданы реальному искуству, какъ, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ развитыхъ и дѣльныхъ парижскихъ критиковъ—Франсискъ Сарсэ, котораго я и возьму, какъ одного изъ тогдашнихъ болѣе серьёзныхъ оцѣнщиковъ «Сентиментальнаго воспитанія». Такой реалистъ, какъ Сарсэ, нисколько не возмущался пріемами безпощаднаго анализа, какіе Флоберъ пустилъ и на этотъ разъ въ ходъ. Ему вовсе не нужно было ни идеализаціи, ни фразъ, ни слащавости; но онъ не могъ помириться съ тѣмъ фактомъ, что писатель громаднаго дарованія, глубокой и тонкой наблюдательности, набралъ множество матеріаловъ для большой картины и отдѣлалъ ея разрозненныя части съ художественной тонкостью и строгой точностью натуралиста, но оставилъ всю свою работу какъ бы въ мертвенномъ видѣ, не поискалъ въ дѣйствительности ничего такого, что̀ бы придало произведенію какой-нибудь высшій и, притомъ, сколько-нибудь ободряющій, освѣжающій смыслъ. Оцѣнка критиковъ въ родѣ Сарсэ была,

[1] Если не считать его комедіи «Депутатъ», написаной позднѣе и успѣха неимѣвшей.

Пр. автора.

быть можетъ, односторонняя, но ихъ протестъ совершенно законенъ: всякій, кто въ это время жилъ во Франціи, очень хорошо это помнитъ и понимаетъ. Общество и представительница его стремленій, критика, имѣютъ также свои права̀, которыя писатель не можетъ игнорировать. Отрѣшитесь отъ всякаго предвзятаго взгляда и прочтите «Сентиментальное воспитаніе» отъ доски до доски. Даже не будучи французомъ конца второй имперіи, страдавшимъ отъ паденія нравственнаго и гражданскаго уровня своей націи, вы скажете: «ка̀къ жаль, что столько таланта, столько наблюдательности, ума и пониманія потрачено на картину, которая не отвѣчаетъ здоровой потребности, хотя въ какомъ-нибудь идеалѣ». Въ самомъ дѣлѣ, конечное впечатлѣніе этого романа безотрадно до чрезвычайности. Въ немъ около ничтожной личности сгруппированы безчисленныя картинки парижской жизни изъ различныхъ кружко̀въ; его герой, если только въ этомъ романѣ есть герои, проходитъ по разнымъ періодамъ цѣлаго десятилѣтія, задѣвая стороной даже такіе крупные моменты, какъ революція 48 г. Что̀ вы ни возьмете въ этомъ романѣ—характеры ли, дѣятельность ли людей—все это мечется въ глаза своей тщеславной тревожностью, пустотой, мелкими инстинктами и чувственными, порочными аппетитами. Ни одна почти человѣческая фигура не одушевлена чѣмъ-нибудь здоровымъ, крѣпкимъ, цѣльнымъ, опредѣленнымъ. Въ то же время, вы не можете не сознаться, что никакой каррикатуры, никакой фальши, никакого преувеличенія нѣтъ въ отдѣльныхъ частяхъ произведенія—напротивъ: на каждомъ шагу васъ поражаетъ безпощадная правда и глубоко-объективное воспроизведеніе мельчайшихъ подробностей быта, лица, наружности, привычекъ, вкусовъ, странностей языка и понятій. Въ отдѣльныхъ частяхъ, «Сентиментальное воспитаніе» нетолько не ниже г-жи Бовари, но даже выше по виртуозности мастерства, по высокой художественности обработки. Но каждое произведеніе должно, въ цѣломъ, быть правдиво въ силу своего синтеза, т. е., другими словами: если оно написано на большую программу, захватываетъ собой цѣлую эпоху и множество группъ и кружко̀въ, гдѣ живутъ текущими интересами извѣстнаго общества, то средняя пропорціональная такого произведенія должна быть лишена односторонняго освѣщенія въ какую бы то ни было сторону. Въ сатирѣ односторонность эта нетолько допустима, но и желательна. Еслибъ «Мертвыя души» Гоголя задуманы были авторомъ, исключительно въ тонѣ и съ содержаніемъ первой части, то и тогда онѣ были бы великимъ произведеніемъ; но романъ, гдѣ авторъ относится къ жизни съ такой научно-творческой объективностью, какую мы видимъ у Флобера, не можетъ, не грѣша противъ настоящей правды, представить намъ только одинъ рядъ наблюденій; онъ производитъ въ насъ слишкомъ отрицательное ощущеніе. И вотъ въ этомъ-то и заключается главный недостатокъ «Сентиментальнаго воспитанія». Авторъ правъ, по-

казывая на жизни своего героя: какъ большинство людей, извѣстныхъ и у насъ подъ именемъ людей *сороковыхъ годовъ*, воспиталось подъ вліяніемъ фразы, погони за приманками чувствительности, тщеславія или разнузданнаго воображенія, какъ жизнь этихъ людей приводила ихъ фатально къ тяжелому пресыщенію или къ мертвому индеферентизму. Нѣтъ ничего мудренаго, что личности въ родѣ тѣхъ, какими занимается Флоберъ, какъ центральными своими фигурами, проживя двадцать лѣтъ взрослыми людьми, находятъ, что еще самое лучшее, во всей ихъ жизни, было время первыхъ вспышекъ юношеской чувственности, когда они порывались вкусить запретнаго плода... Такая голая правда невыдумана, но она односторонне построена въ романѣ, она грѣшитъ черезчуръ большимъ абсолютизмомъ общаго вывода. Какъ бы высоко ни ставили вы творчество Флобера въ этомъ произведеніи, вы, все-таки, должны будете сознаться, что оно не можетъ претендовать на значеніе полной картины французскаго общества за извѣстную эпоху, а внѣ этой программы оно утрачиваетъ половину своего смысла. При всѣхъ отрицательныхъ свойствахъ генераціи, которую хотѣлъ воспроизвести Флоберъ, она, все-таки, не теряла, въ лучшихъ своихъ представителяхъ, связи съ дорогими ей общественными и нравственными идеалами и старалась сохранить, хотя сколько-нибудь, идею общественнаго прогресса. Еслибъ оно было иначе, то одна вторая имперія заглушила бы во французскомъ обществѣ всѣ его двигательные инстинкты, а этого нѣтъ въ дѣйствительности, и мы видимъ, что въ современной Франціи все, что есть выдающагося въ политическомъ, научномъ, литературномъ, соціальномъ мірѣ, воспитало себя какъ разъ въ тѣ годы, которые Флоберъ живописуетъ такими безпощадными красками. За исключеніемъ нѣсколькихъ, болѣе молодыхъ дѣятелей, всѣ лучшіе представители французской націи или принадлежатъ вполнѣ эпохѣ сороковыхъ годовъ, или же воспитывались подъ ея наитіемъ. Это—несомнѣнный фактъ. Каждый французскій критикъ, даже непринадлежащій къ лагерю людей радикально мыслящихъ, въ родѣ все того же Франсиска Сарсэ, имѣлъ право, обращаясь къ Флоберу, сказать: «на какомъ же логическомъ или научно-художественномъ основаніи выбрали вы центральною фигурою вашей эпопеи такую ничтожную личность, какъ вашъ Фредерикъ Моро, этотъ прототипъ мелкой натуры съ ненормально развитой сентиментальной чувственностью? Мы очень хорошо знаемъ, что въ этой генераціи людей было и существуетъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ, которыя вобрали въ себя характерныя черты своего времени и, при всѣхъ недостаткахъ, все-таки, не перестали служить чему-нибудь, стоящему выше полуживотныхъ инстинктовъ, т. е. *идеѣ* во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ. Возьмите вы одну изъ такихъ фигуръ, вы нисколько бы не удалились отъ правды и могли бы отнестись къ вашему герою съ той же безпощадной наблюдательностью и глубиной анализа; но

тогда ваше произведеніе имѣло бы гораздо болѣе общій и правдивый смыслъ».

Я считалъ своимъ долгомъ поставить сужденіе о послѣднемъ реальномъ произведеніи Флобера въ такія именно рамки, неограничиваясь одной художественной стороной дѣла. Прочитывая «Сентиментальное воспитаніе» съ полнымъ безпристрастіемъ, нельзя не сознаться, что въ авторѣ вы не чувствуете совсѣмъ почти гражданина своей земли, почему романъ его и лишенъ того одушевленія, какое заставляетъ читателя съ возростающимъ интересомъ глотать страницу за страницей. Флоберъ, по собственному своему желанію или, лучше сказать, по наклонностямъ своей натуры, заключилъ себя въ оболочку писателя-эрудита, ушелъ отъ волненій дѣйствительности и кончилъ, разумѣется, значительной долей гражданскаго индеферентизма и мизантропіи! Какъ замѣчаетъ одинъ изъ его критиковъ-пріятелей, уже упомянутый мной: Флоберъ, когда писалъ «Сентиментальное воспитаніе», ненавидѣлъ глупыхъ и пошлыхъ людей и подъ видомъ объективности безпощадно клеймилъ ихъ, преслѣдовалъ ихъ въ безконечныхъ подробностяхъ жизни, а поэтому слишкомъ много занимался ими, позволялъ имъ заслонять себѣ самому все, что̀ есть въ окружающей его дѣйствительности болѣе симпатичнаго, свѣтлаго, двигательнаго. Если это—порокъ его собственной душевной организаціи, то порокъ чрезвычайно крупный. Онъ ведетъ непремѣнно къ односторонности общаго замысла и, въ концѣ-концовъ, можетъ подорвать самую одаренную, художественную натуру. Бороться съ этимъ порокомъ можно, только выработывая въ себѣ постоянно гармоническое міровоззрѣніе, не уходя ни въ какую манію, ни въ какое страстное преслѣдованіе своего личнаго идеала, на что̀, опять-таки, способенъ Флоберъ, судя по его фантастическимъ произведеніямъ. Тѣ, кто его защищаютъ во что̀ бы то ни стало, говорятъ, что французская критика и публика не вправѣ требовать отъ него непремѣнно реальныхъ романовъ, гдѣ бы чувствовалось біеніе пульса вчерашняго дня. Я уже сказалъ, что права этого ни у критики, ни у публики отнять нельзя; но можно впередъ сказать, что Флоберъ, при той жизни, какую онъ теперь ведетъ, при направленіи своихъ трудовъ и думъ, врядъ ли способенъ на дальнѣйшее развитіе своего реализма. Его выставляютъ, какъ образецъ писательской добросовѣстности: онъ сидитъ цѣлый десятокъ лѣтъ надъ одной книгой, онъ способенъ рыться въ библіотекахъ для того, чтобъ художественно написать какихъ-нибудь три страницы; каждая подробность въ любомъ его романѣ обслѣдована имъ предварительно какъ истымъ ученымъ. Если это такъ, въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться, потому что эти подробности приводятся людьми хорошо его знающими, то самая эта способность къ кабинетной разработкѣ малѣйшихъ подробностей своего матеріала непремѣнно должна замыкать человѣка въ заколдованный кругъ книжныхъ занятій. Мы и знаемъ, что Фло-

беръ живетъ уже давно въ совершенномъ уединеніи. Онъ пишетъ со страстью, читаетъ множество матеріаловъ; но самъ не наблюдаетъ и входитъ все больше и больше въ работу воображенія, какъ онъ это и показалъ послѣднимъ своимъ произведеніемъ «Искушеніе св. Антонія». Припомните одно: — «Г-жа Бовари» потому такъ и блещетъ глубиной содержанія и свѣжестью своего реализма, что она есть результатъ живаго общенія съ дѣйствительностью въ молодые годы Флобера. Въ «Сентиментальномъ воспитаніи» онъ доходитъ только до начала пятидесятыхъ годовъ. И вотъ, уже двадцать лѣтъ, съ половины пятидесятыхъ годовъ до половины семидесятыхъ, какъ Флоберъ не пользуется текущей французской жизнью для своихъ романовъ. При такомъ богатствѣ авторскихъ дарованій, это былъ бы фактъ непонятный и невозможный, еслибъ мы не знали, что эти двадцать лѣтъ убиты у него на написаніе двухъ фантастическихъ произведеній и одного большаго романа, но, опять-таки, изъ эпохи молодости Флобера. Если сообразить, какую массу кабинетнаго труда имѣемъ мы за этотъ періодъ, если признать, что Флоберъ пишетъ все, какъ какой-нибудь академикъ, провѣряющій ничтожный фактъ въ цѣлой сотнѣ брошюръ, книгъ и журналовъ— и выходитъ, что половина жизни потрачена имъ на работу, которая не имѣетъ прямой связи съ развитіемъ реальнаго творчества, обнимающаго собой текущую дѣйствительность. При такомъ направленіи труда Флобера, при такомъ развитіи авторскаго диллетантства, должна, разумѣется, ослабнуть связь человѣка съ обществомъ, съ націей, долженъ явиться гражданскій индеферентизмъ, а личные идеалы должны раздуваться въ нѣчто такое, что̀ вызываетъ въ человѣкѣ слишкомъ горькое, слишкомъ презрительное отношеніе ко всему мелкому, пошловатому и неразумному. Но, ка̀къ бы ни кончилъ Флоберъ, онъ остается для насъ, все-таки, *первой силой* новаго романа во Франціи. Послѣ него, уже каждый даровитый и философски-развитой писатель, усвоивъ себѣ его образцовые пріемы, можетъ тѣмъ съ бо̀льшей легкостью вложить въ любое свое произведеніе все то, что̀ лучшая доля современнаго общества требуетъ и въ художественномъ, и въ гражданско-нравственномъ отношеніи. Даже безъ «Сентиментальнаго воспитанія», какъ авторъ одной «Г-жи Бовари», Флоберъ *утвердилъ* реальное творчество на тѣхъ основаніяхъ, какія уже заложены были изумительной дѣятельностью Бальзака.

ВОЕВАТЬ ИЛИ НЕ ВОЕВАТЬ?

Славянское возстаніе.—Нашъ долгъ передъ славянами. — Отношеніе Европы и наше къ наслѣдству *больного* человѣка.—Уклончивость нашей дипломатіи.—Наше безсиліе и сила. — Какъ намъ нужно держать себя, чтобы поставить Европу въ правильное отношеніе къ восточному вопросу?

«Воевать, или не воевать?»—вотъ вопросъ, который теперь занимаетъ умы и сердца всего русскаго общества. По мѣрѣ того, какъ пламя славянскаго возстанія все болѣе и болѣе распространяется и усиливается въ Турціи, по мѣрѣ того, какъ Турція съ каждымъ днемъ оказывается все болѣе и болѣе несостоятельною въ борьбѣ съ славянами, славянскій вопросъ изъ внѣшняго для насъ дѣлается внутреннимъ, изъ вопроса дипломатическаго и политическаго превращается въ вопросъ всего русскаго общества, всего русскаго народа. Для русскаго общества и народа не все равно: кому достанется наслѣдство *больного* человѣка, еслибы онъ не пережилъ нынѣшняго кризиса? А также не все равно, какъ устроются славяне — сдѣлаются ли они совершенно свободными, или подпадутъ подъ новое ярмо, по наружности, быть можетъ, и украшенное мишурой современной цивилизаціи, но, въ дѣйствительности, еще болѣе тяжкое и изнурительное, чѣмъ было ярмо турецкое? Наконецъ, если *больной* человѣкъ и переживетъ теперешній кризисъ, то ни русскій народъ, ни русское общество не могутъ относиться безучастно къ тому: какъ отнесется Европа и новый либеральный султанъ къ славянамъ, какіе результаты получатся изъ нынѣшняго славянскаго возстанія?

На русскомъ народѣ лежитъ историческій долгъ отстоять свободу турецкихъ славянъ, во что бы это ни стало. Начиная со времени Петра Великаго, у насъ не было ни одной войны съ Турціей, гдѣ бы славяне не были явными или тайными нашими помощниками противъ турокъ, и, въ то время, когда мы возвращались съ турецкихъ войнъ, украшенные лаврами, обремененные трофеями, съ богатой контрибуціей за военныя издержки и богатымъ земельнымъ прирѣзкомъ изъ турецкихъ владѣній къ нашей территоріи, славяне за свою помощь намъ подвергались немедленной турецкой расправѣ; кромѣ того, и вообще, своею измѣною для насъ какъ бы санкціонировали въ глазахъ турокъ право на свое преимущественное угнетеніе передъ всѣ-

ми другими народностями, входившими въ составъ Турецкой Имперіи. Съ нашей стороны, было бы гораздо благороднѣе и великодушнѣе, начиная съ самыхъ первыхъ войнъ нашихъ съ Турціей, со времени Петра, отказаться отъ всякой связи отъ всякаго братства съ славянами, а не манить ихъ надеждой свободы къ себѣ въ союзники съ тѣмъ, чтобы подвергать ихъ потомъ еще бо̀льшему угнетенію. Но мы этого не дѣлали; мы никогда не отказывались отъ нихъ, всегда поддерживали и питали въ нихъ надежду на нашу помощь, хотя и до сихъ поръ ни въ чемъ и ничѣмъ существенно имъ не помогли. Я не говорю, чтобы все это дѣлалось преднамѣренно, чтобы тутъ былъ обманъ. Нѣтъ, обмана не было; но мы дѣйствовали только, какъ дѣйствуютъ вообще разсчетливые эгоисты: пользовались помощью славянъ при каждомъ удобномъ случаѣ, когда она намъ была нужна, въ надеждѣ, что авось когда-нибудь и ка̀къ-нибудь обстоятельства сложатся такъ, что мы будемъ въ состояніи имъ оказать и нашу помощь безъ всякихъ съ нашей стороны усилій. Но время шло, обстоятельства никогда такъ счастливо не слагались, и мы только увеличивали нашъ долгъ передъ славянами. Теперь платить этотъ долгъ стало, можетъ быть, труднѣе, чѣмъ когда-нибудь, но тѣмъ не менѣе, онъ существуетъ; мы не можемъ не признавать его и не можемъ отказаться отъ него, еслибы и хотѣли. Ка̀къ ни слабо развито пока наше общественное сознаніе, но уже и въ настоящее время лучшая часть нашего общества живо сознаётъ святость этого долга и необходимость его уплаты. Не даромъ же заговорили всѣ и вся за помощь славянамъ во время теперешняго славянскаго возстанія! Правда, все дѣло и ограничивается пока только почти разговорами; дѣйствительной помощи возставшимъ братьямъ оказывается очень мало. Тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать, мы вообще оказываемся людьми неумѣлыми и апатичными. Когда, при началѣ герцеговинскаго возстанія, рѣчь зашла о помощи герцеговинцамъ, мы хватились прямо за общественные и земскіе сундуки, а никакъ не за собственные карманы. И это—никакъ не по скупости и не по безнадежности собрать приличную сумму путемъ частныхъ пожертвованій, а просто потому, что въ общественныхъ и земскихъ сундукахъ деньги на лицо: никакихъ хлопотъ собирать ихъ не нужно; взялъ, запустилъ руку въ сундукъ, вынулъ сколько нужно и отослалъ по принадлежности. А путемъ частныхъ пожертвованій собрать можно, быть можетъ, и въ нѣсколько разъ больше, но поди—хлопочи, ходи, кланяйся, переписывайся и т. д. Славянскіе комитеты, московскій и петербургскій, повидимому, взялись за дѣло болѣе практично: они рѣшились обратиться къ частнымъ пожертвованіямъ. Но увы! сто̀итъ только обратить вниманіе на пріемъ, который они употребили для приведенія въ исполненіе этого рѣшенія, чтобы убѣдиться въ полной непрактичности этой видимой практичности. Они нарядили нѣсколькихъ изъ своихъ именитыхъ членовъ, также разныхъ благотворительныхъ дамъ

ходить съ тарелочками по церквамъ, магазинамъ, лавкамъ, домамъ—собирать подаянія на герцеговинцевъ; съ этою же цѣлью поставили въ церквахъ и при церквахъ кружки для вкладовъ доброхотныхъ дателей; однимъ словомъ, дѣло герцеговинцевъ поставили въ глазахъ публики такимъ образомъ, что оно нисколько не отличалось отъ другихъ заурядныхъ дѣлъ ежедневной благотворительности. Напрасно любвеобильный и самоотверженный профессоръ О. Миллеръ, съ обычною ему въ всякомъ добромъ дѣлѣ горячностію, доказывалъ въ петербургскомъ славянскомъ комитетѣ, что такимъ путемъ много пожертвованій собрать нельзя, что надобно въ глазахъ публики выдѣлить дѣло герцеговинскаго народа изъ другихъ ежедневныхъ благотворительныхъ дѣлъ, что для этого сами члены комитета должны обязаться, во все время герцеговинскаго возстанія, вносить ежегодно какой-нибудь опредѣленный процентъ со всѣхъ получаемыхъ ими доходовъ; тогда и публика взглянетъ на помощь герцеговинцамъ, какъ на дѣло экстренное, и сама рѣшится или вносить такой же процентъ, или будетъ дѣлать одновременныя большія пожертвованія, а не бросать только гроши. Профессоръ Миллеръ былъ вполнѣ правъ. Согласись члены славянскаго комитета показать примѣръ такой искренной преданности славянскому дѣлу, какъ предлагалъ онъ—нѣтъ сомнѣнія, что примѣръ ихъ произвелъ бы сильную сенсацію, и на такую дѣйствительную помощь герцеговинцамъ, конечно, нашлось бы очень много охотниковъ въ русскомъ обществѣ. Каждое дѣло, въ которомъ являются увлеченіе и жертвы со стороны лицъ, имъ заправляющихъ, всегда находитъ сочувствіе и откликъ въ лучшей части общества, и истинное увлеченіе и готовность жертвовать для хорошаго дѣла вызываютъ такое же увлеченіе и такую же готовность и въ цѣломъ обществѣ. Но въ членахъ комитета не оказалось увлеченія и готовности на жертвы: предложеніе профессора Миллера было признано непрактичнымъ и провалилось. И опять я не думаю, чтобы главною причиною такого отношенія членовъ комитета къ славянскому дѣлу была скупость. Правда, между членами комитета есть не мало людей богатыхъ, которымъ, при трехъ процентахъ обложенія ихъ доходовъ, пришлось бы отдавать по 3,000 р., по 1500 р. въ годъ въ пользу герцеговинцевъ. Но тому, кто получаетъ 100,000 или 50,000 р. годоваго дохода, гораздо легче заплатить 3000 или 1500 р. въ годъ, чѣмъ получающему 1000 р. въ годъ заплатить 30 р. въ годъ. А я думаю, что изъ людей интеллигентныхъ, не обремененныхъ семействомъ, едва ли можно отыскать человѣка, который, получая даже только одну тысячу р. въ годъ, слѣдовательно—менѣе 90 р. въ мѣсяцъ, отказалъ бы временно удѣлять по 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ на герцеговинцевъ! Что̀ же значитъ человѣку богатому, получающему около 9000 р. въ мѣсяцъ, удѣлять изъ этой суммы какихъ-нибудь 250 рублей. Скорѣе можно думать, что общая наша неумѣлость дѣйствовать, апатія къ дѣлу были и здѣсь причиною

того, что славянскій комитетъ призналъ непрактичнымъ именно то предложеніе, которое было болѣе всего практичнымъ. Благодаря такому отношенію къ дѣлу славянскаго комитета, вышло то, чего и ожидать надлежало. Шуму о сборахъ въ пользу герцеговинцевъ было черезъ-чуръ много, а сборовъ получено очень мало; вслѣдствіе этого, матеріальная помощь была оказана герцеговинцамъ самая ничтожная, а между тѣмъ, шумъ объ этой помощи помогъ нашимъ врагамъ возбудить въ Европѣ подозрѣніе относительно завоевательныхъ замысловъ Россіи на герцеговинцевъ и другихъ славянъ и умѣрилъ въ ней симпатіи къ положенію страждущаго подъ турецкимъ игомъ славянства. Теперь славяне поставлены въ такое положеніе, что должны открещиваться отъ всякой дружбы съ Россіей, публично заявлять, что «Россія — horribile est dictu! — только вредитъ имъ», что «завоевательныя цѣли ея опасны для нихъ самихъ» и т. д. Вотъ что̀ именно пишутъ въ «Narodny Listi» вожди западныхъ славянъ въ отвѣтъ на предложеніе амнистіи, съ которымъ обратилось къ нимъ новое турецкое правительство, требуя отъ нихъ покорности: «Когда мы, 11 мѣсяцевъ тому назадъ, взялись за оружіе, чтобы завоевать себѣ тѣ благодѣянія европейской цивилизаціи и мира, которыми въ текущее столѣтіе пользуются всѣ народы земнаго шара, тогда вся Европа, и преимущественно Англія, привѣтствовала наши военные успѣхи. Но оффиціозная печать стала возбуждать съ тѣхъ поръ противъ насъ подозрѣнія, будто бы мы вмѣстѣ съ Россіей стараемся о гибели османской имперіи. Подобное положеніе туркофильской печати невѣрно. Мы рѣшительно опровергаемъ его, какъ клевету, и торжественно протестуемъ противъ всякихъ подобныхъ неосновательныхъ предположеній. Названная пресса обвиняетъ насъ, что мы получаемъ отъ Россіи оружіе и боевые припасы, деньги и провіантъ. Это тоже несправедливо. Мы не должны и не хотимъ скрывать, что славянскій с.-петербургскій комитетъ прислалъ намъ 500,000 рублей; но эти деньги были раздѣлены русскими агентами между нашими вдовами, сиротами и старцами. Англія пожертвовала для этой цѣли втрое болѣе денегъ. А Австрія? Австрія истратила уже милліоны на вспомоществованіе нашимъ женамъ и братьямъ, нашимъ больнымъ и раненымъ. Наши бѣглецы были встрѣчены на австрійской территоріи самымъ дружественнымъ образомъ какъ нѣмцами, такъ и другими не славянскими подданными имперіи; если бы мы отрицали эти благодѣянія, то весь міръ запятналъ бы насъ названіемъ неблагодарныхъ. Итакъ, хорошо! Мы благодаримъ его величество императора Австріи, а также и его подданныхъ, за оказанныя намъ благодѣянія, и мы поступили бы на ихъ мѣстѣ точно также, какъ это повелѣваетъ гуманность и долгъ христіанина. Сами же мы сражались все время, терпя нужду и лишенія, безъ прямой или косвенной поддержки съ чьей-либо стороны. Россія только по-

вредила намъ своими дипломатическими переговорами (?). Мы щадили до сихъ поръ каждаго турка, не стоящаго намъ поперегъ дороги, и будемъ дѣлать это и далѣе, такъ какъ выказывать свое мужество на беззащитныхъ—вовсе не героизмъ. Въ нашихъ рядахъ сражаются, какъ львы, сыны Герм нiи, Франціи и Италіи. Русскихъ же именно у насъ всего меньше. Мы сражаемся поэтому не за русскія завоевательныя цѣли, которыя могутъ сдѣлаться опасными намъ самимъ (?), а единственно за наши права̀, за свободу и за то, что̀ дорого и свято каждому человѣку. Тому, что высшіе русскіе офицеры вступаютъ въ сербскую службу, мы воспрепятствовать не можемъ, такъ какъ это—искатели приключеній, которые только жаждутъ военной славы (?), тогда какъ насъ призвали къ оружію угнетенія турокъ, и мы положимъ его тогда только, когда завоюемъ все то, чѣмъ обладаютъ другіе европейскіе народы, а это—наша домашняя честь и наша свобода, которую османы попирали ногами». (Слѣдуютъ 24 подписи).

Изъ этого письма славянскихъ вождей читатель можетъ видѣть, ка̀къ неумѣло дѣйствуютъ, въ настоящее время, даже лучшіе друзья славянъ въ нашемъ обществѣ, когда дѣло доходитъ до дѣйствительной помощи. Что̀ касается симпатій бо̀льшей части остальнаго общества къ славянамъ, то эти симпатіи пока чисто отвлеченныя, платоническія и въ дѣйствительности ни въ чемъ реальномъ не обнаруживаются. Мало того: среди обожателей славянъ изрѣдка можно встрѣчать и такіе экземпляры, которые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о славянахъ дѣйствительныхъ, которые влюблены въ славянъ, ими самими сентиментально идеализированныхъ, à la Маниловъ, и которые, поэтому, при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительными славянами, вполнѣ разочаровываются въ нихъ и часто, при всемъ желаніи, не могутъ скрыть своего отвращенія, повѣствуя о ихъ житьѣ-бытьѣ и привычкахъ. Отъ вниманія читателя, вѣроятно, не скрылось, что нѣкоторые изъ россіянъ, отправившись во время нынѣшняго возстанія на мѣсто дѣйствія, въ качествѣ туристовъ, корреспондентовъ и т. д., съ горячими симпатіями къ славянамъ, возвратились оттуда съ рѣшительною наклонностію къ туркофильству. И ка̀къ же, въ самомъ дѣлѣ, могло быть иначе? Почтенные россіяне ѣхали къ братьямъ-славянамъ въ полной увѣренности, что они встрѣтятъ своихъ братьевъ если не во фракахъ и пиджакахъ, то, во всякомъ случаѣ, прилично одѣтыми, обутыми, въ опрятныхъ домикахъ, въ чистомъ бѣльѣ, съ гуманными воззрѣніями и привычками, и вдругъ, вмѣсто этого, нашли чуть не дикарей: грязныхъ, сборванныхъ, обходящихся даже безъ бѣлья, проживающихъ въ конурахъ, мало похожихъ на человѣческія жилища, не только не умѣющихъ, подобно имъ, сладко говорить о гуманности, но совершенно хладнокровно обрѣзывающихъ носы у своихъ враговъ, зачастую даже у живыхъ! Могли ли россійскіе денди этихъ варваровъ признать

своими братьями и предпочесть ихъ чистоплотнымъ и комфортабельнымъ туркамъ? Наружная грязь помѣшала жалкимъ вскормленникамъ жалкой цивилизаціи распознать внутреннюю красоту своихъ братьевъ. Они не примѣтили, что въ лицѣ ихъ грязныхъ братьевъ передъ ними стояли дивные герои, дѣянія которыхъ съ гордостію записала бы на своихъ страницахъ исторія какого угодно народа—герои, которые, будучи ничтожны по своей численности, по своимъ силамъ, средствамъ, четыреста слишкомъ лѣтъ отстаиваютъ мужественно свою вѣру, свой языкъ, свою національность, свою, такъ сказать, внутреннюю неприкосновенность, которые, ради сохраненія этихъ сокровищъ въ ихъ цѣлости, четыреста слишкомъ лѣтъ нетолько терпятъ непрестанныя, безчисленныя всевозможныя озлобленія, притѣсненія, гоненія, бѣдствія, нищету, но лишаются даже такого величайшаго и необходимѣйшаго для нихъ блага, какъ образованіе.

Къ чести нашего общества мы должны, впрочемъ, сказать, что такихъ хлыщей, у которыхъ славянскія симпатіи могутъ колебаться въ виду турецкой чистоплотности и комфортабельности, у насъ найдется немного. Ка̀къ мы ни неумѣлы въ дѣлѣ помощи славянамъ, ка̀къ ни туги на подъемъ для этой помощи, но тѣмъ не менѣе, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ, такъ и въ народѣ—и въ послѣднемъ, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ въ первомъ—есть искренное, прочное чувство братства со славянами и сознаніе нашего долга передъ ними, хотя пока бо̀льшею частью и очень смутное. Война за освобожденіе славянъ отъ турецкаго ига будетъ въ полномъ смыслѣ народною войною въ Россіи. И, что бы ни дѣлала Европа, какія бы мѣры она ни употребляла, чтобы устранить эту войну, но если она не отнесется къ освобожденію славянъ съ тою же искренностію, съ какою относится къ этому вопросу русскій народъ, если она не постарается снять съ нихъ чужеземный гнетъ, вполнѣ обезпечить для славянъ ихъ вѣру, языкъ, національность—война эта будетъ неизбѣжна.

Когда рѣчь идетъ объ искренности въ политикѣ, то, само собою разумѣется, что искренность эту надобно понимать очень условно. Въ политикѣ ничего не дѣлается зада̀ромъ, ради одной идеи или какихъ-нибудь гуманныхъ цѣлей; въ основаніи каждой политической комбинаціи, на видъ самой гуманной и безкорыстной, всегда непремѣнно лежитъ какой-нибудь эгоистическій разсчотъ, который, само собою разумѣется, тщательно отъ всѣхъ скрывается. Политику современаго европейскаго государства должно считать уже искренною, когда она для личныхъ эгоистическихъ цѣлей не заводитъ тайныхъ смутъ и интригъ въ дипломатіи, какъ дѣлалъ Наполеонъ, и когда она, въ случаѣ наступающаго запутаннаго положенія дѣлъ Европы, заботится, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы оградить свои интересы въ настоящемъ и будущемъ и не ловитъ рыбы въ мутной водѣ. Ка̀къ ни скроменъ такой уровень нравственности, но и до него

далеко еще не доросли современныя государства. Повидимому, все обстоитъ благополучно въ Европѣ: народы все въ Европѣ живутъ образованные и гуманные, и сношенія и общенія между ними существуютъ самыя тѣсныя, неразрывныя, и дружба между государствами процвѣтаетъ самая сердечная—а между тѣмъ, едва ли можно указать государство, которое, если представится удобный случай, не обобрало бы своего сосѣда самымъ безжалостнымъ и коварнымъ образомъ. Давно ли Германія, при общихъ крикахъ негодованія цѣлой Европы, преспокойно общипала Францію какъ только могла: отняла у нея цѣлыхъ двѣ лучшихъ провинціи, да еще пять милліардовъ франковъ контрибуціи прихватила. Точно также надобно понимать Европу и въ виду предстоящаго наслѣдства *больного* человѣка. Я полагаю, что нельзя указать ни одно такое европейское государство, которое бы не захватило съ полнымъ удовольствіемъ всего этого наслѣдства или части его, еслибы только могло захватить. Поэтому, довольно забавно читать тѣ попреки, которые европейскія государства дѣлаютъ другъ другу въ завоевательныхъ замыслахъ, будучи при этомъ внутренно вполнѣ убѣждены, что они другъ другу не уступятъ ни на одну іоту въ хищничествѣ. Съ одной стороны, Европа изъ разныхъ угловъ кричитъ намъ: «да̀, дай вамъ только волю; вы сейчасъ засядете въ Константинополѣ». Мы очень хорошо знаемъ, что̀, дай намъ только волю, мы никакъ не опустимъ случая засѣсть въ Константинополѣ. Тѣмъ не менѣе, мы отвѣчаемъ Европѣ: «нѣтъ, это вы только жадничаете, а мы не изъ таковскихъ; мы чужой пяди земли не возьмемъ, а если мы и заступаемся за славянъ, то только по братству, ради чистой идеи, а никакъ не изъ интересовъ». Такому отвѣту нашему никто не можетъ дать ни малѣйшей вѣры, уже потому одному, что онъ отрицаетъ основной принципъ современной политики: въ современной политикѣ ничего не дѣлается даромъ; потому всякій вправѣ заключить, что не стали бы и мы заступаться за славянъ, если бы не видѣли въ этомъ никакихъ выгодъ для себя. И выгода въ виду у насъ дѣйствительно есть, и выгода очень важная, именно та, что, съ образованіемъ сильнаго славянскаго государства на мѣстѣ нынѣшней Турціи, несомнѣнно въ нѣсколько разъ увеличится и наша сила въ Европѣ. Правда, въ наслѣдствѣ *больного* человѣка мы болѣе никакихъ видовъ не имѣемъ и, дѣйствительно, не ищемъ здѣсь для себя ни пяди земли, но это опять совсѣмъ не по принципу, а потому, что того, чего мы хотѣли бы, мы не можемъ взять, а другаго не имѣемъ вовсе разсчота и искать. Что же касается до принципа, то мы, какъ и всѣ другіе европейскіе народы, никакъ не брезгаемъ брать то, что̀ попадаетъ намъ подъ руку. Если мы и Пишпекъ беремъ, и Ташкентъ беремъ, и Самаркандъ беремъ, то возможно ли представить, чтобы мы не захватили такой лакомый кусокъ, какъ Константинополь, если бы мы имѣли къ тому какую-нибудь возможность? Да, собственно говоря, при

существующихъ отношеніяхъ въ европейской политикѣ, намъ надобно было бы признать себя непроходимыми глупцами, если бы мы, видя, что то или другое сильное государство имѣетъ возможность утвердиться въ Константинополѣ при благопріятно сложившихся для этого обстоятельствахъ, упустили этотъ случай. Вѣдь это значило бы нѣкоторымъ образомъ добровольно поставить себя въ подчиненіе тому, кто имъ завладѣлъ бы, вмѣсто насъ. Не утвердились бы въ Константинополѣ мы—утвердилась бы тамъ Англія, Австрія и т. д. А владѣть моремъ съобща съ Англіей и съ Австріей для насъ—совсѣмъ не одно и то же, что̀ владѣть имъ съобща съ Абдуль-Азисомъ, моряки котораго не умѣли даже Мальты отыскать. Однимъ словомъ, на попрёки, дѣлаемые намъ Европою въ завоевательныхъ замыслахъ на Константинополь, мы могли бы съ полною искренностію и правдивостію отвѣтить ей слѣдующее: «да̀, признаемся, по уничтоженіи Турецкой Имперіи, мы непрочь бы были утвердиться въ Константинополѣ, если бы могли; но мы знаемъ, что мы не можемъ этого сдѣлать, потому что европейская коалиція не позволитъ намъ этого—потому и не думаемъ объ этомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, намъ извѣстно, что и вы точно такъ же, какъ и мы, не прочь бы были утвердиться въ Константинополѣ, если бы только могли. Но вы также знаете, что не можете этого достигнуть, какъ и мы, и по той же самой причинѣ, и вслѣдствіе этого также серьёзно объ этомъ не думаете. А потому перестанемъ другъ другу дѣлать подобные пустые попреки насчотъ Константинополя».

Мѣстоположеніе Константинополя можно назвать, пожалуй, единственнымъ въ Европѣ не только по его торговому, но и по его военному значенію. Сильное морское государство, здѣсь утвердившееся, будетъ господствовать почти надъ всѣмъ Старымъ Свѣтомъ, благодаря своему центральному положенію среди него и удобству сообщенія, доставляемому морями. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, когда наступитъ дѣлёжъ наслѣдства *больного* человѣка, коалиція европейскихъ государствъ не позволитъ занять этого мѣста ни одной изъ нынѣшнихъ сильныхъ державъ. Въ этомъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, а въ особенности можно быть увѣреннымъ въ томъ, что ни въ какомъ случаѣ не получитъ этого мѣста Англія, еслибы она за него поступилась даже своими индѣйскими владѣніями. Всѣ опасенія на счетъ Англіи въ этомъ отношеніи не имѣютъ никакого основанія. Никогда она не можетъ даже мечтать объ этомъ, а еслибъ она и имѣла неблагоразуміе питать такія мечты, то никакихъ ея силъ не достанетъ на то, чтобы осуществить ихъ. Но если обладаніе Константинополемъ для всѣхъ европейскихъ государствъ есть неосуществимая мечта—и я сомнѣваюсь, чтобы какое-нибудь государство увлекалось такою мечтою—то для нѣкоторыхъ государствъ, помимо Константинополя, есть много выгодъ дѣйствительныхъ, уже существующихъ и есть много видовъ, удобоосу-

ществимыхъ въ будущемъ, чтобы поддерживать Турцію въ настоящемъ ея положеніи. Эти-то виды и выгоды и мѣшаютъ разрѣшенію восточнаго вопроса. Не будь этихъ выгодъ и видовъ, восточный вопросъ можно было бы разрѣшить легко и быстро. Стоило бы только, съ упраздненіемъ турецкаго владычества, когда таковое послѣдуетъ, образовать новый царствующій христіанскій домъ, какъ это было въ Греціи, подъ управленіемъ котораго и стала бы существовать Турція въ томъ же самомъ составѣ, въ которомъ она существуетъ и теперь. Такое рѣшеніе восточнаго вопроса было бы самымъ лучшимъ, потому что оно *вовнѣ* устранило бы всѣ распри, которыя могутъ возникнуть между европейскими государствами при дѣлежѣ наслѣдства, и удовлетворило бы всѣхъ *внутри*. Равенство всѣхъ передъ закономъ, судомъ, въ занятіи общественныхъ должностей, безъ всякаго предпочтенія для той или другой религіи, для той или другой національности, проводимое съ строгою послѣдовательностію и справедливостію во-всѣхъ узаконеніяхъ, распоряженіяхъ, въ практикѣ жизни, въ самомъ скоромъ времени уничтожило бы враждебныя отношенія разнородныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ Турціи и, вмѣсто племеннаго и религіознаго антагонизма, пробудило бы въ нихъ энергичное соревнованіе въ усвоеніи образованія, такъ какъ только преимуществомъ образованія, безъ отношенія къ религіи и національности, пріобрѣталось бы каждымъ право на занятіе тѣхъ или другихъ общественныхъ и государственныхъ должностей и вообще на почетное положеніе въ обществѣ. Съ такимъ порядкомъ вещей скоро помирились бы и турки; нисшее и среднее населеніе, вѣроятно, даже предпочло его нынѣшнему безправію; что̀ касается высшаго привилегированнаго класса, интересы котораго были тѣсно связаны съ турецкимъ владычествомъ, то онъ, быть можетъ, сдѣлалъ бы двѣ или три ничтожныя попытки для поворота стараго порядка, но потомъ, съ новымъ поколѣніемъ, и здѣсь всякія волненія бы кончились, жизнь потекла бы спокойно по новому государственному руслу, и, черезъ какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ, никто не узналъ бы нынѣшней Турціи.

Низложеніе Абдуль-Азиса и насильственное его умерщвленіе представляло Европѣ самый удобный случай немедленно разрѣшить восточный вопросъ тѣмъ лучшимъ способомъ, о которомъ мы говоримъ. Ей стоило только не признать новаго султана и учредить новый владѣтельный христіанскій домъ въ Турціи. Впрочемъ, еслибы Европа хотѣла разрѣшить вопросъ этимъ простымъ способомъ, то ей новаго особаго случая для этого ждать долго вовсе не пришлось бы. Ей стòитъ только разрѣшить Сербіи и Черногоріи поддержать своихъ братьевъ—и, мѣсяца черезъ два-три, славяне общими силами навѣрное уберутъ султана Мурада, и престолъ турецкій будетъ свободенъ. Но въ томъ-то и дѣло, что европейскимъ государствамъ не можетъ нравиться такой способъ рѣшенія восточнаго вопроса, и они едва ли на него когда-нибудь согласятся добровольно. При

утвержденіи владѣтельнаго христіанскаго дома въ Турціи, Англіи нельзя будетъ такъ самовластно хозяйничать тамъ, какъ она хозяйничаетъ теперь. Ей естественно желать, чтобы больной человѣкъ оставался въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находится теперь — вѣчно больнымъ, вѣчно разслабленнымъ, вѣчно нуждающимся въ сторонней помощи и поддержкѣ и, по этому самому, по необходимости, находящимся въ полномъ распоряженіи того, кто даетъ ему эту помощь и поддержку. Конечно, Англія одна не могла бы на своихъ плечахъ долго поддерживать больного человѣка, еслибы Германія и Австрія не имѣли своихъ видовъ на него и косвенно не помогали ей въ этомъ. Какіе могутъ быть виды у Германіи и Австріи — это понять нетрудно. Прежде всего, насколько для Россіи желательно возвышеніе славянскихъ народностей, входящихъ въ составъ Турціи, и образованіе изъ нихъ если не отдѣльнаго государства, то, по крайней мѣрѣ, доставленіе имъ полныхъ политическихъ правъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизбѣжнаго по самой численности ихъ, преобладающаго вліянія въ Турецкой Имперіи, настолько именно ни для Германіи, ни для Австріи непріязненно нетолько образованіе самостоятельнаго славянскаго государства, но даже вообще усиленіе славянъ и ихъ значенія и вліянія въ Турецкой Имперіи. Пока славяне находятся въ угнетенномъ и забитомъ состояніи подъ владычествомъ мусульманскимъ, Австрія всегда можетъ надѣяться, что, при первомъ дѣлежѣ наслѣдства больного человѣка, всѣ турецкіе славяне достанутся на ея долю и изъ теперешняго своего состоянія перейдутъ къ ней съ охотою. Разъ же они станутъ самостоятельны или сдѣлаются преобладающимъ элементомъ въ Турецкой Имперіи, Австріи можетъ грозить опасность, что къ нимъ потянутся и славяне, находящіеся теперь подъ ея владычествомъ. Что̀ касается Германіи, то она нетолько не стала бы препятствовать присоединенію турецкихъ славянъ къ Австріи, а была бы душевно рада этому, ибо здѣсь для нея была бы двойная выгода: первое, съ переходомъ турецкихъ славянъ къ Австріи, Германія была бы вполнѣ увѣрена, что самостоятельнаго славянскаго государства никогда не будетъ. Онѣмечила ли бы доставшихся ей славянъ Австрія, или омадьярила ихъ, но все равно—ни ходу, ни росту она имъ никогда бы не дала. На это какъ австрійскіе нѣмцы, такъ и мадьяры—одинаково мастера. Далѣе, съ пополненіемъ Австрійской Имперіи славянами изъ турецкаго фонда, Германія, съ своей стороны, съ покойною совѣстію могла бы взять у Австріи малую толику остающихся въ ней нѣмцевъ, чтобы окончательно округлить нѣмецкую имперію. Мы высказываемъ первую пришедшую намъ на мысль комбинацію и никакъ не думаемъ выдавать ее за единственную—напротивъ: считаемъ ее только одной изъ тысячи возможныхъ. Всѣ народцы и племена, населяющіе пространство между Адріатическимъ и Чернымъ морями, до сихъ поръ находятся въ не.

*

устроенномъ, непрочномъ, можно сказать, хаотическомъ состояніи. Разрозненные между собою, сравнительно ничтожные по своей численности, безъ образованія, безъ средствъ, они могутъ быть безъ особаго труда уложены въ какую угодно политическую комбинацію. Кто можетъ угадать ту комбинацію, которую придумаетъ для нихъ причудливая фантазія Бисмарка или какого-нибудь другого политика-нѣмца, который приметъ на себя трудъ исправленія карты Европы? Но если благопріятный случай не поможетъ славянамъ и они не добудутъ себѣ свободы и самостоятельности или необъединятся въ самой Турецкой Имперіи подъ властію владѣтельнаго христіанскаго дома, то очень возможно, что современемъ высказанная нами комбинація осуществится, то есть, что Германія отберетъ нѣмцевъ у Австріи, уединитъ ее окончательно отъ себя и сдѣлаетъ ее, для спокойствія всего нѣмецкаго царства, тюремщикомъ надъ маленькими народностями и племенами, обитающими какъ въ ея собственныхъ владѣніяхъ, такъ и во владѣніяхъ нынѣшней Европейской Турціи.

Все это мы говоримъ къ тому, что и у Австріи, и у Германіи есть разсчетъ препятствовать, а не помогать свободѣ, объединенію и усиленію славянъ. Слѣдовательно, никакихъ особенно благопріятныхъ для славянъ результатовъ изъ нынѣшняго герцеговинскаго возстанія, если только оно останется въ своихъ настоящихъ предѣлахъ, ожидать нельзя. Они, впрочемъ, не предполагались и въ составленномъ тремя сѣверными державами меморандумѣ. Самое бо̀льшее, что̀ въ немъ предполагалось это—требовать отъ Турціи гарантіи равноправности для славянъ со всѣми другими подданными его величества султанта турецкаго. По всей вѣроятности, либеральный Мурадъ, руководимый не менѣе либеральнымъ другомъ своимъ, Генри Элліотомъ, нетолько согласится дать предположенныя гарантіи, но даже удивить своимъ великодушіемъ—поставитъ и босняковъ, и герцеговинцевъ, и болгаръ въ вассальное къ себѣ отношеніе. Тогда нетолько дипломатія, но даже и повстанцы не будутъ имѣть права ничего болѣе требовать отъ Мурада, потому что они дали слово положить оружіе, какъ скоро имъ будутъ даны гарантіи.

Можетъ ли, однакожъ, Россія быть довольна такимъ исходомъ герцеговинскаго возстанія? Я полагаю, что нѣтъ. Герцеговинское возстаніе было въ полномъ смыслѣ возстаніе народное, вынужденное непереносимымъ гнётомъ, возстаніе отчаянія, возстаніе на жизнь и смерть. Повстанцы бросали все: дома, женъ, дѣтей на произволъ судьбы, скитались по странѣ, какъ дикіе звѣри, терпя холодъ, голодъ; жили и дышали одною мыслію—достать себѣ полную свободу. Такихъ возстаній нельзя дѣлать часто. Раззореній и опустошеній, производимыхъ ими въ странѣ, не уничтожишь и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, а, главное, народъ истощаетъ въ нихъ всѣ свои нравственныя силы: если возстаніе не удастся, онъ дѣлается убитымъ, сломленнымъ, лишеннымъ всякой энергіи на цѣлые десятки лѣтъ. Герцеговинцы ведутъ начатую ими далеко

неравную борьбу съ турками съ замѣчательнымъ умѣньемъ, энергіею и мужествомъ. Они дерутся, какъ львы, бьютъ турокъ повсюду. Не вмѣшивайся въ ихъ дѣло Европа, они выставили бы Турціи требованія, гораздо болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя излагаются въ берлинскомъ меморандумѣ, и добились ихъ исполненія, поднявъ пламя возстанія во всей Турціи своими успѣхами. Но подъ давленіемъ Европы они поставлены были въ необходимость ограничить свои требованія крайнимъ минимумомъ. Если этотъ минимумъ и будетъ удовлетворенъ, то, все-таки, онъ далеко не будетъ стоить тѣхъ жертвъ, которыя принесены были въ возстаніи. Подъ тѣмъ же давленіемъ Европы, Черногорія и Сербія, въ полномъ вооруженіи, вполнѣ приготовившись къ бою, стоятъ и смотрятъ на истощающихъ послѣднія свои усилія въ борьбѣ герцеговинцевъ, не смѣя обнажить меча на защиту братьевъ, хотя, по всему ходу герцеговинскаго возстанія, очевидно, что соединенныя силы Черногоріи, Сербіи и повстанцевъ въ самомъ скоромъ времени раздавили бы Турцію. Европа, у которой, какъ мы объяснили, есть много заднихъ мыслей относительно славянъ, можетъ съ радостію смотрѣть на грозную славянскую силу, по ея требованію остающуюся въ бездѣйствіи и тѣмъ добровольно обрекающую себя на самоубійство. Но Россія не можетъ не чувствовать горечи при видѣ этого зрѣлища.

Чтожъ намъ слѣдуетъ дѣлать?

Цѣли, которыя преслѣдуемъ мы, отстоятъ, какъ небо отъ земли, отъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуетъ Европа. Каждое изъ европейскихъ государствъ имѣетъ свои чисто эгоистичные виды на наслѣдство больного человѣка, которыхъ оно никому не можетъ открыть до времени, которые, напротивъ, оно должно тщательно скрывать отъ всѣхъ подъ разными общими, болѣе или менѣе благовидными, соображеніями; однимъ словомъ, Европа относительно восточнаго вопроса должна играть въ темную. Мы не имѣемъ въ этомъ ни малѣйшей надобности. Наши виды и намѣренія въ восточномъ вопросѣ такъ безкорыстны и честны, что мы можемъ выставить передъ цѣлымъ свѣтомъ полную программу того, чего мы желаемъ; и мы обязаны именно не скрывать ея, а сдѣлать всѣмъ извѣстною. Въ этомъ состоитъ наша сила. Въ виду этой программы, когда начались конференціи въ Берлинѣ по поводу герцеговинскаго возстанія, мы должны были заявить и съ твердостію поддерживать ту мысль, что Европа не имѣетъ права, не должна вмѣшиваться во внутреннія замѣшательства Турціи; возстаніе вполнѣ локализовано и Европѣ нѣтъ ровно никакого дѣла до того: справится ли султанъ съ возставшими населеніями, или падетъ отъ ихъ руки. Когда населенія Италіи возстали противъ Австріи, когда были упразднены герцоги тосканскій и моденскій даже вопреки трактату, Европа не считала себя вправѣ вмѣшиваться въ эти движенія и препятствовать стремленіямъ итальянскихъ населеній къ соединенію съ Сардиніей. Напротивъ, она имъ помогала въ этихъ стре-

мленіяхъ. Точно также, напрасно неаполитанскій король Францискъ II, изгоняемый изъ своего королевства возставшимъ народомъ при помощи Гарибальди и сардинскихъ войскъ, отправлялъ въ 1860 г. меморандумы и протесты ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, въ которыхъ жаловался, что Сардинія разрушаетъ народное право и просилъ себѣ у всѣхъ помощи, представляя свое дѣло общимъ дѣломъ всѣхъ монарховъ — ни одно гусударство не вступилось за него. Англія прямо приняла сторону Сардиніи; Франція отозвалась неимѣніемъ права на вмѣшательство и согласилась дать только личную охрану королю, пославъ для этого къ осажденному въ Гаэтѣ королю свою эскадру, но, такъ какъ эскадра эта мѣшала обложить блокадою Гаэту съ моря, вслѣдствіе чего осада ея на сушѣ не могла ни къ чему привести, то Англія настоятельно потребовала удаленія французской эскадры отъ Гаэты, и эскадра была удалена согласно этому настоянію. Такимъ образомъ, Европа или повсюду держится принципа невмѣшательства, когда идетъ борьба населеній съ правительствомъ, или даже помогаетъ населеніямъ устроить у себя то правительство, котораго они желаютъ. Почему же Европа принимаетъ другой образъ дѣйствія по отношенію къ Турціи и здѣсь нетолько не помогаетъ населеніямъ, а напротивъ, препятствуетъ ихъ дѣйствіямъ и все свое вліяніе употребляетъ на поддержку султана, угрожая даже употребить вооруженную силу для подавленія возстанія? Такая очевидная непослѣдовательность Европы ясно показываетъ, что относительно восточнаго вопроса она несовсѣмъ чиста въ своихъ намѣреніяхъ и таитъ какіе-нибудь враждебные замыслы противъ славянскихъ населеній. Поэтому, Россія имѣетъ полное право требовать, чтобы тотъ же самый принципъ невмѣшательства, который прилагается ко всѣмъ возстававшимъ населеніямъ, былъ соблюдаемъ и по отношенію къ возставшимъ славянскимъ племенамъ, и твердо, и неуклонно настаивать на исполненіи этого требованія. Мало того: на томъ же самомъ основаніи, на которомъ Наполеонъ помогалъ освобожденію итальянскихъ поселеній отъ владычества Австріи и Англія освобожденію неаполитанскаго народа отъ Франциска II-го, безъ всякаго вмѣшательства со стороны Европы, Россія имѣетъ право требовать невмѣшательства Европы даже въ томъ случаѣ, если она сама захочетъ оказать вооруженную помощь славянскимъ населеніямъ.

«Положимъ, скажутъ мнѣ:—что все это—такъ, что требованія Россіи будутъ вполнѣ справедливы; но вѣдь Европа можетъ не признать и не принять и справедливыхъ требованій. Тогда что̀? Будетъ ли сильна настолько Россія, чтобы силою оружія сломить образовавшуюся противъ нея европейскую коалицію и заставить ее принять свои требованія? А если нѣтъ—то къ чему же безплодные протесты и требованія?»

На вопросъ: настолько ли сильна Россія, чтобы сломить образовавшуюся противъ нея европейскую коалицію? можно отвѣ-

тить: «и нѣтъ, и да». Когда рѣчь идетъ о войнѣ правильной, регулярной, то намъ нечего скрывать отъ себя, что время нашего военнаго обаянія давно прошло въ Европѣ. Квасные патріоты могутъ кричать и теперь, какъ они кричали и передъ крымской войной, что мы забросаемъ Европу шапками; но каждый умный человѣкъ долженъ понимать, что современная Европа намъ далеко не подъ силу, и сама Европа понимаетъ это болѣе, чѣмъ кто-нибудь, такъ какъ на этотъ счетъ и обмануть намъ ее нельзя. Если въ крымскую кампанію два отдаленныя отъ насъ государства, Англія и Франція, привезши за тысячи верстъ на корабляхъ армію, боевые снаряды, продовольствіе, въ концѣ концевъ, все-таки одержали надъ нами верхъ, то понятно, что намъ трудно надѣяться на побѣду и одолѣніе, когда придется вести войну съ соединенными силами нетолько отдаленныхъ, но и сосѣднихъ съ нами государствъ? Не забудемъ приэтомъ, что въ теченіи двадцати лѣтъ, протекшихъ со времени крымской войны, военное искуство ушло очень далеко въ изобрѣтеніи и усовершенствованіи разныхъ смертоносныхъ орудій и, несмотря на страшную дороговизну этихъ орудій, европейскія арміи вполнѣ вооружены ими; у насъ же такія орудія существуютъ пока въ незначительномъ количествѣ, скорѣе въ качествѣ образцовъ, чѣмъ дѣйствительнаго вооруженія.

Рядомъ съ этимъ есть и еще обстоятельство, которое должно отнимать у насъ всякую надежду на успѣшную войну съ европейской коалиціей: это—наша финансовая и экономическая перспектива въ случаѣ войны. Среди европейскихъ государствъ, кромѣ Турціи, да, пожалуй, Испаніи, едва ли еще можно указать государство, которое бы, по своему финансовому и экономическому положенію, находилось въ такой рабской зависимости отъ всякихъ колебаній и замѣшательствъ въ Европѣ, какъ наше отечество. Кто бы ни объявилъ кому въ Европѣ войну—Австрія ли Германіи, Германія ли Франціи и т. д., это прежде всего самымъ неблагопріятнымъ образомъ отражается на насъ: русскій рубль немедленно падаетъ, превращаясь въ 70, 60, даже 50 копеекъ! Въ 1870 году, на другой же день по объявленіи Франціей войны Пруссіи, въ банкирскихъ конторахъ Германіи за 100 русскихъ рублей не давали болѣе 60 талеровъ; между тѣмъ какъ, въ то же самое время, деньги воюющихъ сторонъ—ни французскія, ни прусскія ассигнаціи—не упали ни на одинъ сантимъ и пфенигъ въ цѣнѣ. Такая же судьба, несомнѣнно, постигнетъ и теперь нашъ рубль, если война начнется въ Европѣ, даже безъ нашего участія. Со времени возстанія въ Герцеговинѣ и Босніи рубль нашъ не поднимался никогда выше 75 к., выказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянную наклонность упасть самымъ постыднымъ образомъ при первомъ извѣстіи о войнѣ. Всѣ мы очень хорошо знаемъ, что, пока дѣла, такъ или иначе, не уладятся въ Босніи и Герцеговинѣ, рубль нашъ никоимъ образомъ не поднимется выше 75 к., но до какой цифры онъ можетъ пасть, когда нач-

нется война—этого никто опредѣлить не можетъ. Мы думаемъ, что, въ настоящее время, при нашихъ громадныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ долгахъ, мы должны будемъ считать даже счастіемъ, если maximum паденія рубля не перейдетъ цифры 1870 года, т. е., если за 100 рублей будутъ давать 60 талеровъ, какъ давали во время прусско-французской войны. Если же въ войну ввяжется и Россія, то нашъ рубль могутъ постигнуть самыя невѣроятныя превращенія, и къ этому мы должны быть вполнѣ готовы: очень немудрено, что въ одинъ прекрасный день мы можемъ увидѣть его въ братскомъ равенствѣ съ нѣмецкою маркою и даже съ французскимъ франкомъ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ, вести правильную войну съ коалиціей народовъ богатыхъ, отлично вооруженныхъ—вещь невозможная, немыслимая. Вся тяжесть войны падетъ, главнымъ образомъ, на народъ и раззоритъ его страшнымъ образомъ. Но это раззореніе не ограничится только временемъ войны. Мы потратимъ въ войну десятки милліардовъ; уплата этого долга и процентовъ по нему падетъ опять всею своею тяжестію на народъ. А между тѣмъ, всѣ наши усилія и жертвы, все-таки, ни къ чему не приведутъ. Вмѣстѣ съ этимъ, отнимется отъ насъ не только престижъ, который мы имѣемъ теперь въ глазахъ славянъ, но и дѣйствительная возможность помочь имъ. Мы будемъ обезсилены на очень долгое время и морально, и матеріально и, слѣдовательно, войною прямо повредимъ той цѣли, для которой ее начали.

Но противъ всякаго яда есть свое противоядіе. Одна старинная пословица говоритъ: «клинъ клиномъ выбивай»; другая—надобно полагать, новѣйшая—гласитъ, что иногда бываетъ «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Въ войнѣ правильной, европейской, цивилизованной, которая ведется разсчетливо, допускаетъ раззоренія только *гуманныя*, дозволяемыя политической экономіей, наукой финансовой и т. п., коалиція европейскихъ силъ насъ непремѣнно побьетъ; но если мы рѣшимся, не щадя животовъ, на войну отчаянную, на войну на жизнь и смерть, какую ведутъ теперь герцеговинцы, то насъ не одолѣетъ никакая коалиція. Мы раззоримъ нашу страну изъ конца въ конецъ, мы сдѣлаемся нищими на цѣлое столѣтіе, но мы, погибая сами, задушимъ въ своихъ объятіяхъ какую угодно коалицію. Какъ это ни странно, но наша главная сила до сихъ поръ, помимо нашей многочисленности, заключается въ нашей разбросанности по громаднымъ пространствамъ, въ слабомъ развитіи культуры въ странѣ и въ крайней бѣдности народонаселенія. Если угодно, сила эта не различается отъ силы всякаго кочеваго племени, которому жалѣть нечего, которое способно хладнокровно, если нужно, равно спалить какъ чужое, такъ и свое, которое способно во всякое время сдѣлать внезапный набѣгъ на непріятеля, чтобы причинить ему пакость, потомъ немедленно бѣжать, и потомъ внезапно снова явиться за тѣмъ же и т. д.; но громадное превосходство

нашей силы передъ силою кочевниковъ заключается въ томъ, что она принадлежитъ восьмидесятимилліонному народу, могущему выставить милліонную, европейски-организованную, выносливую для всѣхъ лишеній и безотвѣтно-послушную армію. Государство, обладающее такимъ громаднымъ народонаселеніемъ и такою громадною арміею, нельзя заставить съ самыми превосходными, отлично вооруженными силами скоро положить оружіе. Вы можете постоянно по частямъ разбивать армію и все это ничего не будетъ значить при огромной территоріи страны. Еще императоръ Александръ I-й говорилъ, что, если счастье не будетъ благопріятствовать ему въ войнѣ съ Наполеономъ, онъ будетъ переходить изъ мѣста въ мѣсто по Россіи, отроститъ бороду, перевалитъ въ Сибирь, но не положитъ оружія передъ врагомъ. Европейскому солдату, который родился и выросъ сравнительно въ болѣе мягкомъ климатѣ, съ дѣтства привыкъ къ нѣкоторымъ удобствамъ цивилизованной жизни, который, во время даже своей кратковременной службы въ строю, почти не отрывается отъ семейнаго крова, не вынести и сотой доли тѣхъ безчисленныхъ, самыхъ разнообразныхъ лишеній и страданій, которымъ онъ неизбѣжно будетъ подвергаться на каждомъ шагу во время странствія по безконечнымъ пространствамъ Россіи отъ климата, отъ отсутствія нетолько какихъ бы то ни было удобствъ, но зачастую отъ отсутствія всякихъ средствъ для удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей; наконецъ, отъ безнадежности на исходъ войны. Даже нѣмецкіе солдаты, сравнительно съ другими европейскими солдатами, болѣе переносливые, къ концу прусско-французской войны стали роптать на тяжести войны и на ея продолжительность! Это—во Франціи-то! И въ войнѣ, которая не тянулась и года! Что̀ они, голубчики, сказали бы, еслибы ихъ заставить повоевать въ Россіи, да не нѣсколько мѣсяцевъ, а годика два или три, да и не по цивилизованному — не съ арміей только, а по-герцеговински, поголовно со всѣмъ народомъ! Во всякой европейской странѣ, гдѣ ведутся войны только цивилизованныя, сто̀итъ только разбить войско, защищавшее городъ, и городъ немедленно, съ повинною головою выйдетъ навстрѣчу побѣдителю. Это потому, что каждый гражданинъ здѣсь привыкъ къ извѣстному довольству, извѣстному комфорту; ему жаль разстаться съ тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ своимъ долгимъ и, можетъ быть, тяжкимъ трудомъ, и отдать это на раззореніе непріятелю. Онъ скорѣе согласится выплатить наложенную на него контрибуцію, самую тяжелую, чѣмъ бѣжать и бросить все. У насъ вообще народъ такъ бѣденъ, что ему терять нѐчего. Въ случаѣ нашествія непріятеля, онъ нетолько броситъ все, но самъ зажжетъ все и бѣжитъ. Передъ носомъ непріятеля всюду, куда онъ ни придетъ, будутъ пылать деревни и города, онъ нигдѣ не будетъ находить жителей и на каждомъ шагу будетъ затрудненъ въ самыхъ средствахъ пропитанія. Я не говорю уже о тѣхъ тайныхъ нападеніяхъ и засадахъ, которыя

онъ долженъ будетъ встрѣчать и выдерживать на каждомъ шагу, во всѣхъ направленіяхъ: и съ тылу, и спереди, и съ боковъ. На каждомъ шагу онъ будетъ чувствовать, что онъ—побѣдитель на томъ только пространствѣ, которое занято его войсками—и ни на одну версту далѣе. Вотъ въ чемъ заключается сила Россіи!

Европа очень хорошо понимаетъ эту силу Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, знаетъ, что, если затронуть Россію очень чувствительно и больно, то она ничего не пожалѣетъ и бросится въ эту убійственную войну, въ которой доведетъ себя до послѣдняго истощенія силъ, но въ которой уничтожитъ зато и своихъ враговъ. Вотъ почему голосъ Россіи всегда будетъ очень силёнъ въ вопросахъ европейской политики и Европа сдѣлаетъ очень многое, чтобы не вступить съ нами въ столкновеніе и не вызвать на ожесточенную войну. Въ такой войнѣ абсолютно мы потеряемъ болѣе, чѣмъ Европа, но относительно она для насъ выгоднѣе, потому что, ка̀къ она ни ужасна, мы выдержимъ, ее до конца, а Европа будетъ не въ состояніи выдержать и одного года подобной войны. По всѣмъ симъ соображеніямъ намъ нѣтъ никакой надобности гнуться передъ европейской дипломатіей или быть у ней на поводу: напротивъ, мы можемъ гордо и самоувѣренно держать нашу голову и предлагать Европѣ самые смѣлые ультиматумы, если мы чувствуемъ, что правда на нашей сторонѣ. А таковъ именно вопросъ восточный. Мы не преслѣдуемъ здѣсь никакихъ узкихъ эгоистическихъ цѣлей; мы желаемъ только полнаго освобожденія славянскихъ и вообще христіанскихъ населеній Турціи. Европа, напротивъ, напрягаетъ всѣ свои силы на то, чтобы во что̀ бы то ни стало удержать турецкое владычество и, такимъ образомъ, какъ можно долѣе затянуть и потомъ, конечно, совсѣмъ затереть вопросъ объ освобожденіи. Очевидно, что христіанскія, прогрессивныя правительства никогда не могли бы становиться такъ позорно на сторону угнетателей, еслибы они не имѣли тайныхъ любостяжательныхъ замысловъ на наслѣдство больного человѣка. Въ виду такого своекорыстнаго отношенія европейскихъ государствъ къ восточному вопросу, дѣйствуя съ ними заодно, мы даемъ поводъ цѣлому міру думать, что и мы — одного съ ними поля ягода, что и мы нарочито поддерживаемъ и затягиваемъ рѣшеніе вопроса, чтобы имѣть возможность выловить при дѣлежѣ наслѣдства больного человѣка что̀-нибудь и для себя. Европа улещаетъ насъ, какъ Далила Самсона, обстригаетъ у насъ главную нашу силу—силу правды и вслѣдствіе этого, дѣлаетъ насъ ничтожными по отношенію къ восточному вопросу. Мы должны дѣйствовать совсѣмъ не такъ. Въ виду очевиднаго коварства Европы въ восточномъ вопросѣ, мы должны прямо и открыто заявить объ этомъ всему міру и выставить нашу прямую и честную программу этого вопроса, которая приблизительно должна состоять въ слѣдующихъ главныхъ пунктахъ:

1) Никакихъ мы пріобрѣтеній въ наслѣдствѣ больного человѣка не желаемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не позволимъ, чтобы и

какая-нибудь другая изъ европейскихъ державъ пріобрѣла здѣсь что̀-нибудь.

2) Мы требуемъ полнаго освобожденія славянскихъ и вообще христіанскихъ населеній отъ турецкаго владычества, будемъ добиваться этого и добьемся во что̀ бы то ни стало—въ формѣ ли учрежденія христіанскаго владѣтельнаго дома въ Турціи, или въ формѣ образованія изъ христіанскихъ населеній самостоятельныхъ государствъ. Перехода изъ-подъ власти Турціи христіанскихъ населеній подъ власть или протекторатъ Австріи, равно какъ и какого-нибудь другаго государства, мы не допустимъ.

3) Поддерживать турецкое владычество, какъ совершенно несовмѣстимое съ принципами равенства и справедливости для всѣхъ подданныхъ, какого бы они происхожденія и религіи ни были, а слѣдовательно, невмѣстимое и съ благосостояніемъ христіанъ, для христіанскихъ и истинно-прогрессивныхъ правительствъ мы считаемъ позорнымъ; точно также считаемъ позорнымъ и несовмѣстнымъ съ общепризнаваемымъ европейскими государствами принципомъ невмѣшательства тѣмъ или другимъ способомъ помогать султану въ случаѣ справедливаго возстанія противъ него христіанскихъ населеній, всегда вынуждаемаго, какъ доказано опытомъ вѣковъ, невыносимымъ гоненіемъ послѣднихъ.

Прямое заявленіе такой программы передъ цѣлымъ міромъ принесло бы намъ великія выгоды. Оно

во-первыхъ, поставило бы насъ въ прямыя и правильныя отношенія ко всему славянскому міру. Наши враги не могли бы тогда интриговать между ними, мутить ихъ, говорить имъ, что мы или дѣйствуемъ по отношенію къ нимъ изъ корыстныхъ видовъ, или продаемъ ихъ Европѣ, или ничего не хотимъ дѣлать для нихъ и никогда не будемъ дѣлать, а только напрасно томимъ ихъ и манимъ нашими обѣщаніями. Оффиціальное заявленіе такой программы передъ цѣлымъ міромъ для нихъ имѣло бы значеніе документальнаго съ нашей стороны обязательства въ томъ, что мы позаботимся объ ихъ судьбѣ и исполнимъ то, что̀ обѣщаемъ;

во-вторыхъ, сдѣлало бы для сознанія нашего общества и народа вполнѣ яснымъ нашъ долгъ передъ славянами, долгъ, понимаемый доселѣ многими очень смутно, а народомъ бо̀льшею частію скорѣе инстинктивно чувствуемый, чѣмъ понимаемый. Между тѣмъ, разъясненіе этого долга обществу и народу очень важно. Ибо очень возможно, что обстоятельства сложатся такъ неблагопріятно ко времени платежа, что для уплаты его потребуется крайнее напряженіе силъ со стороны всего общества и народа.

въ-третьихъ, поставило бы Европу относительно восточнаго вопроса въ нѣкоторыя границы приличія. Въ случаѣ какихъ-нибудь новыхъ фазисовъ и осложненій въ восточномъ вопросѣ, Европа не стала бы продѣлывать тѣхъ смѣшныхъ и жалкихъ комедій, которыя продѣлываетъ теперь Англія; не стала бы бить тревоги о нашихъ завоевательныхъ замыслахъ, придвигать флотъ къ Константинополю, угрожать, что завоюетъ его и проч., и проч.

Наконецъ, *въ-четвертыхъ*, привлекло бы на нашу сторону

симпатіи всѣхъ лучшихъ людей во всѣхъ странахъ Европы и проложило бы намъ путь къ тѣсному союзу съ народами, подобно намъ, искренно желающими свободы нашимъ славянскимъ братьямъ. Вмѣсто кулака Джона-Булля, привыкшаго наживаться самыми грязными способами и на торговлѣ человѣческимъ мясомъ, и на спаиваніи цѣлыхъ странъ опіумомъ, и на хищническомъ и лихоимномъ обираніи слабыхъ правительствъ за свою мнимую помощь, вообще, нечистаго на руку; вмѣсто другихъ подобныхъ радѣтелей славянства, нашими друзьями были бы свободолюбивый янки и сердечный, самоотверженный французъ. Въ случаѣ войны за свободу славянъ, мы не были бы тогда изолированы, какъ теперь, а имѣли бы надежныхъ союзниковъ.

«Позвольте, можетъ сказать мнѣ читатель:—все это можетъ быть и очень хорошо, что̀ вы говорите, но все это не имѣетъ никакого даже видимаго отношенія къ вашей тэмѣ. Вы хотѣли намъ объяснить: воевать ли, или не воевать, а вмѣсто того разсказываете намъ о томъ, ка̀къ должна вести себя наша дипломатія въ восточномъ вопросѣ».

Напротивъ, читатель, то, что̀ я говорю, имѣетъ самое прямое и тѣсное отношеніе къ моей тэмѣ. Попробуемъ сдѣлать вотъ что:

Объявимъ немедленно цѣлому міру ту нашу программу, которую я обозначилъ выше.

Потомъ скажемъ сербамъ и черногорцамъ: если вамъ угодно идти войною на Турцію, мы вамъ не мѣшаемъ; это—ваше дѣло.

Наконецъ, дадимъ волю идти биться вмѣстѣ съ сербами, черногорцами, герцеговинцами противъ турокъ всякому изъ русскихъ, кто имѣетъ къ тому охоту, и дозволимъ свободный вывозъ оружія въ славянскія земли.

Вмѣстѣ съ этимъ, дружески переговоримъ съ свободолюбивымъ янки и добрымъ галломъ насчетъ разныхъ неожиданныхъ перипетій и случайностей, которыя могутъ возникнуть въ восточномъ вопросѣ.

Когда мы все это сдѣлаемъ, то, повѣрьте, Англія немедленно подожметъ хвостъ и съ своей армадой немедленно же изчезнетъ изъ подъ Константинополя, остальная Европа сдѣлается тотчасъ же благоразумною и заговоритъ о принципѣ невмѣшательства, а братья славяне, въ какихъ-нибудь два, много три мѣсяца, уберутъ султана Мурада и турецкій тронъ, этотъ когда-то христіаннѣйшій изъ всѣхъ троновъ, какъ бывшій колыбелью идеи всемірнаго владычества христіанства, очистятъ для христіанскаго государя.

Такимъ образомъ, не истративъ ни одного рубля, одною нравственною силою—силою правды мы совершимъ одно изъ величайшихъ дѣлъ въ исторіи.

«А если одна сила правды не поможетъ? Тогда что̀?»—О! тогда думать нѣчего. Тогда зажжемъ пламя войны во всей Европѣ, сольемся со всѣмъ славянскимъ міромъ, будемъ драться по герцеговински и, подобно Александру I-му, дадимъ обѣтъ не положить оружія, пока не добудемъ свободы для всего славянскаго міра, для славянъ нетолько турецкихъ, но и австрійскихъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1876 г.

(По общей нумераціи тома CCXXVI).

Май № 5.

Іюнь № 6.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Май № 5.

Іюнь № 6.

Villemessant. Mémoires d'un journaliste. **5-ème série**: Scènes intimes. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Ulbach. Aventures de trois grandes dames de la cour de Vienne. 3 vols. I. La princesse Morani. II. Magda. III. La comtesse de Thyrnau. Prix 4 r. 20 c.

Cherbuliez. Le fiancé de m-lle Saint-Maur. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c

Alphonse Karr. L'art d'être malheureux. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Pierre Véron. Les coulisses artistiques. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

La ferrière. Mèmoires. **Deuxième partie.** 1 vol. in 12°; prix 1 r. 20 c. Les deux vol. 2 r. 40 cop.

Zaconne. Les nuits du boulevard. 2 vol. in-12°; prix 2 r. 40 c.

Montepin. La mari et l'amant (Suite et fin du «Ventriloque». 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c. Les 3 vols: 3 r. 60 c.

Germeau (Georges). Les bonnes fortunes. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Saint-Maxent. Les pays inconnus. 1 vol. in-12°; prix 1 r. [illegible]

de Bréhat (Alfred). L'hotel du dragon. 1 vol. in-12°; prix [illegible]

Philarète Chasles. Le moyen âge. 1 vol. in-12°; prix [illegible]

Georges Duval. Frédéric Lemaitre et son temps. 18[illegible]—18[illegible]. 1 vol. in-12°, avec portrait. Prix 1 r. 40 c.

Georges Duval. Virginie Déjazet. 1798—1875. 1 vol. in-12°, avec portrait. Prix 1 r. 40 c.

de Bellay (Joachim). Oeuvres choisies publiées par Becq de Fouquières. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 cop.

Reclus (Elisée). Nouvelle géographie universelle. La terre et les hommes 6-ème série contenant la fin du Tome 1-er. Prix 2 r. 60 c.

Michaud. Histoire des croisades illustrée par Gustave Dore. 15-ème fascicule. Prix 2 r. 40 c.

Gordon. François Rabelais à la faculté de medecine de Montpellier. Autograpnes, documents, etc. Ouvrage d'amateur. 1 vol. in-4° imprimé sur papier de Hollande. Prix 8 r.

Louis Loir. Anecdotes de la vie littéraire. 1 vol. in-12°; prix 80 cop.

Gaboriau. Le peiit vieux de Batignolles. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 40 c.

Paris à travers les âges. Magnifique publication in-folio sur papier téinté, avec chromolithographies un grand nombre de gravures dans le texte. **Deuxième livraison** contenant l'histoire du Grand Chatelet et de ses environs par Alfred Bonnardot. Prix 12 r. (pour les souscripteur: 10 r.)

Féval. Gavotte. 1 vol. in-12; prix 1 r. 20 c.

Réal (Anthony). Le roman d'une religieuse. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 20 c.

Exposition universelle de Philadelphie illustrée. Abonnement jusqu'à la fin de Decembre 1876. Prix pour la ville: 12 r. 50 c., province: 15 r.

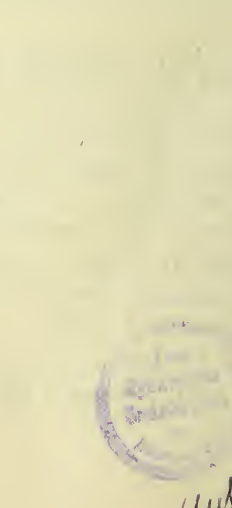
Eaux-fortes et gravures des maitres anciens. 5-ème volume: 4-ème série 10 eaux-fortes in-folio. Prix 16 r.

NB. Le port pour l'intérieur sera calculé en sus des prix indiqués selon le tarif de la poste.

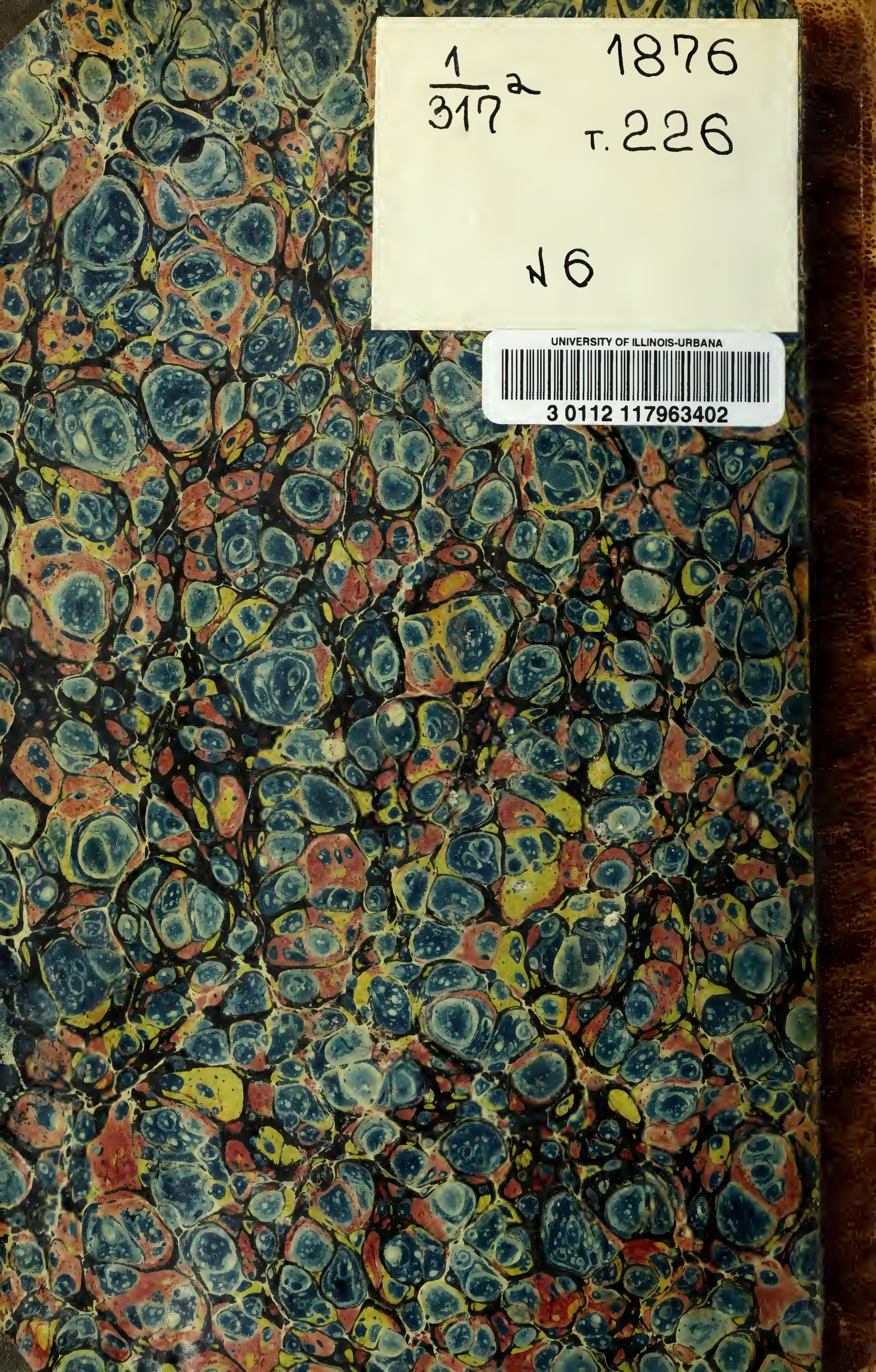
Главная контора «Русской Старины» въ С.-Петербургѣ, Надеждинская, домъ № 42-й.

Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, на Страстномъ бульварѣ, домъ Алексѣева.

«Русская Старина» 1870 г. (два изд.), 1871 г., 1872 г. (два изд.), 1873 г., 1874 г. и 1875 г. разошлись сполна; но отпечатано и еще можно получить третье изд. перваго года «Русской Старины» 1870 года — двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ, съ портретами, снимками и рисунками. Цѣна **8 руб.** съ пересылкой, а въ хорошемъ переплетѣ **11 руб.** съ пересылкой. (Осталось немного экземпляровъ).

СТРАН.

1/317 2
1876
т. 226
№ 6
UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963402